СП 9203

ie кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого
при участіи редакціи газеты „Право“.

Крестьянскій строй.

Т. I.

Сборникъ статей

А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „Бесѣда“.
1905.

1950

dbc Сп 9208

Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого
при участіи редакціи газеты „Право“.

Крестьянскій строй.

Т. I.

Сборникъ статей

А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго.

19 НОЯ 1932
ПРОВЕРКА 20073
33-157
1982 № 6657
2793
Лен. Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького
Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „Бесѣда“.
1905.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи. **А. С. Лаппо-Данилевскаго** . . . . 1—156

Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой половинѣ XIX вѣка. **В. И. Семевскаго.** . . . . . 157—295

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года **А. А. Корнилова.** 296—370

Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ коммисіяхъ послѣ 1861 года. **Ив. М. Страховскаго** . . . 371—455

Настоящій сборникъ задуманъ былъ еще въ январѣ 1904 г., когда крестьянскій вопросъ настойчиво привлекалъ къ себѣ и общественное и правительственное вниманіе. Общество, въ лицѣ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, съ поразительнымъ единодушіемъ высказалось за необходимость довершенія освободительной реформы 19 февраля 1861 г. путемъ уравненія крестьянъ во всѣхъ правоотношеніяхъ съ прочимъ населеніемъ Имперіи. Правительство же, возвѣстивъ о пересмотрѣ узаконеній о крестьянахъ на почвѣ основныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г. въ смыслѣ дальнѣйшаго ихъ развитія, положило въ основу своихъ работъ „обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами". Возникалъ, такимъ образомъ, тяжелый конфликтъ между обществомъ и бюрократіей, причемъ, наряду съ крайне тяжелыми условіями, въ которыя тогда была поставлена независимая печать, къ услугамъ бюрократіи являлось „Новое Время" и т. п. не стѣснявшіеся публично заявлять, что работы редакціонной комиссіи подъ предсѣдательствомъ т. с. Стишинскаго, не устранившей даже позора тѣлеснаго наказанія, даютъ Россіи ту реформу, которую она ожидала болѣе 40 лѣтъ.

При такихъ условіяхъ представлялось настоятельно необходимымъ уяснить въ общественномъ сознаніи историческія судьбы нашего крестьянства, смыслъ и значеніе освободительной реформы и тѣ пути, которые она намѣтила для дальнѣйшаго развитія неисчерпаннаго уничтоженіемъ крѣпостного права крестьянскаго вопроса. Необходимо было выяснить, насколько отъ этихъ путей уклонился весь ходъ законодательства о крестьянахъ въ послѣдовавшее сорокалѣтіе и въ какомъ отношеніи

къ реформѣ 19 февраля 1861 г. стоятъ труды такъ-называемой редакціонной комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составляющіе лебединую пѣснь бюрократическаго творчества. Въ этихъ цѣляхъ и задуманъ былъ настоящій сборникъ.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Со смертью В. К. Плеве крестьянскій вопросъ вступилъ въ новую фазу, начинающуюся съ „Записки по крестьянскому дѣлу статсъ-секретаря С. Ю. Витте", внесенной имъ въ особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Примыкая всецѣло ко взглядамъ, высказаннымъ мѣстными комитетами и систематизированнымъ въ двухъ сводахъ: „Крестьянскій правопорядокъ" и „Крестьянское землепользованіе", записка категорически признаетъ необходимость устранить правовую обособленность въ матеріальномъ гражданскомъ и уголовномъ правѣ и въ порядкѣ низшаго управленія и суда. Вслѣдъ за тѣмъ появился Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г., возвѣстившій необходимость объединенія крестьянскихъ законоположеній съ общимъ законодательствомъ Имперіи,—и крестьянскій вопросъ изъ „редакціонной комиссіи" переданъ въ особое совѣщаніе, для котораго онъ во все время управленія В. К. Плеве составлялъ запретный плодъ.

Достигнутая побѣда далеко, однако, не можетъ быть признана полной. Это лучше всего доказывается той же запиской С. Ю. Витте, значительную часть которой ему пришлось посвятить доказательству совершенно безнадежнаго положенія, будто пожеланія мѣстныхъ комитетовъ нисколько не покушаются на сословный строй крестьянъ. Еще болѣе рельефнымъ доказательствомъ нежеланія бюрократіи уйти добровольно съ насиженныхъ позицій служитъ обнародованное 31 декабря 1904 г. циркулярное письмо б. министра внутреннихъ дѣлъ, которое стремилось увѣрить, что положеніе крестьянскаго вопроса ни въ чемъ не измѣнилось, и работа идетъ въ томъ же направленіи, такъ какъ и Высочайшій указъ 12 декабря повелѣваетъ сохранить сословность крестьянскаго строя.

Было бы поэтому вреднымъ оптимизмомъ разсматривать первыя уступки, какъ нѣчто вполнѣ реальное, и успокоиться на достигнутыхъ результатахъ. Напротивъ, именно теперь необходимо работать, не покладая рукъ и памятуя, что исторія ничего и никогда даромъ не давала.

Съ этой точки зрѣнія и выходъ настоящаго сборника представляется безусловно своевременнымъ и тѣмъ болѣе необходимымъ, что близится моментъ созидательной работы и для облегченія ея желательна возможно полная разработка крестьянскаго вопроса, который, конечно, будетъ стоять на первой очереди.

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выяснить, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣстна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вмѣсто общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдѣльнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ [1]). При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

[1]) Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о библіографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семевскаго*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также нижеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзя считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ былъ лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наибольшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ; далѣе ему было ясно, что главнѣйшіе процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соотвѣтствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по стольку, по сколько бытовыя условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принятъ во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ теченіемъ времени получили наименованіе государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія вън чалѣ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задунайскіе славяне не держали плѣнныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

наго срока, предоставляли имъ возможность или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться въ странѣ побѣдителей, но въ качествѣ людей вольныхъ; „руссы“, по свидѣтельству одного изъ арабскихъ писателей IX—X вв., также хорошо обращались со своими рабами.

Въ русскомъ обществѣ варяжскаго періода рабство уже успѣло однако, значительно развиться: Русская Правда вообще признаетъ раба объектомъ, а не субъектомъ правъ. Впрочемъ, въ томъ же сборникѣ можно указать нѣсколько отступленій отъ вышеуказаннаго принципа. Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ новыхъ культурныхъ началахъ, съ которыми русскіе люди стали знакомиться во время появленія первоначальной редакціи Русской Правды: институтъ рабства, можетъ быть, не успѣлъ достигнуть полнаго своего развитія на русской почвѣ послѣ того, какъ здѣсь стало распространяться христіанское ученіе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія и благодаря воздѣйствію церкви, рабство въ древней Руси стало смягчаться: представители ея возставали противъ порабощенія свободныхъ людей и могли оказать вліяніе на появленіе въ позднѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды нѣсколькихъ статей, частью ограничивавшихъ источники рабства, частью устанавливавшихъ нѣкоторые способы прекращенія рабской зависимости [2]). Итакъ, слишкомъ малая опредѣленность общественныхъ отношеній и только-что указанныя новыя болѣе культурныя условія русской жизни благопріятствовали вмѣстѣ съ тѣмъ зарожденію или развитію въ русскомъ обществѣ цѣлаго ряда переходныхъ состояній, вопреки суровой формулѣ Прохирона, сглаживавшихъ границы между полными холопами и свободнымъ населеніемъ. Благодаря существованію такихъ переходныхъ ступеней, человѣкъ, терявшій свободу, могъ превратиться въ полусвободнаго, а не полнаго холопа; но тѣмъ самымъ, съ теченіемъ времени, стало возможнымъ и превращеніе свободнаго крестьянина въ крѣпостного человѣка, процессъ, столь пагубно отразившійся на крестьянской волѣ XVI—XVII вв.

---

[1]) *G. Krek*, Einleitung in die Geschichte der slavischen Literatur, 2-te Aufl. ss. 361, 364; само собою разумѣется, что, на основаніи свидѣтельства Маврикія, нельзя еще говорить о какихъ либо прирожденныхъ свойствахъ славянскаго племени; аналогичное положеніе рабовъ замѣчается и у другихъ мало развитыхъ народовъ, см., напримѣръ, *J. Ingram*, History of slavery, Ld., 1895, pp. 257, 269, 271.

[2]) *А. Хвольсонъ*, Изв. о Хазарахъ и пр. Спб. 1869 г., гл. VI, § 5 (Ибнъ-Даста). Таковы, напримѣръ, Кириллъ Туровскій, пр. Серапіонъ и др. Ср. *А. Щаповъ*, Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей, Каз., 1859.

Неопредѣленность древнерусскаго общественнаго строя обнаруживалась и въ отношеніяхъ разнообразныхъ свободныхъ состояній другъ къ другу. Дѣйствительно, изъ изученія терминологіи, уже въ древности служившей для обозначенія сельскаго населенія, можно вынести впечатлѣніе, что низшій слой свободнаго русскаго общества, получившій названіе крестьянъ, долго не представлялъ рѣзко обособленной сословной группы и что обособленіе его въ значительной мѣрѣ вызвано было позднѣйшей фискальной политикой русскаго правительства.

Въ каждомъ родовомъ или семейномъ союзѣ младшіе члены его естественно противополагаются старшимъ; младшіе должны пользоваться меньшимъ значеніемъ, чѣмъ старшіе; въ одной русинской пѣснѣ, напримѣръ, мы читаемъ, какъ „старые люди усимъ судили“, а „парубочки въ войску служили“. Можно полагать, однако, что родовой бытъ сталъ разлагаться у русскихъ славянъ, пожалуй, на самой зарѣ ихъ исторіи, частью въ силу внутренняго процесса развитія, частью благодаря колонизаціи и передвиженіямъ населенія, ускорившимъ его ходъ: уже въ древнее время вмѣстѣ съ возрастомъ, да и помимо него, общественное положеніе лица стало, повидимому, опредѣляться фактическими его преимуществами передъ другими; „меньшимъ“ стали называть не только человѣка младшаго по возрасту, но, во многихъ случаяхъ, и менѣе значительнаго, главнымъ образомъ, по имуществу. Такая терминологія, по всей вѣроятности въ томъ же смыслѣ, стала вообще примѣняться и къ обозначенію низшаго класса свободнаго сельскаго населенія. Этотъ выводъ легко сдѣлать путемъ сопоставленія терминовъ: „мужъ“ и „мужикъ“. Въ противоположность „холопамъ“ и въ широкомъ смыслѣ еще Русская Правда называетъ все свободное населеніе „мужами“; естественно было низшій слой „мужей“ называть „меньшими“ мужами или „мужиками“. Названіе, и теперь еще часто употребляемое нами, когда мы говоримъ о крестьянахъ, какъ видно, содержитъ остатки глубокой старины: въ немъ отразилась безсословность русскаго общества древнѣйшаго времени [1]).

Аналогичный выводъ можно сдѣлать и относительно термина: „крестьяне“. Въ старинныхъ памятникахъ они еще называются „христіанами“ [2]). Русскимъ колонистамъ, а, при народномъ характерѣ русской колонизаціи, таковыми были большею частью

---

[1]) Слово „мужики“ уже встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ, напр. въ П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161; въ Никон. лѣт. подъ 7064 г. оно употреблено, кажется, для обозначенія населенія, подвластнаго кормленщикамъ (П. С. Р. Л., XIII, 267).

[2]) А. Э., т. I, № 11 (1391 г.).

люди изъ низшаго слоя общества, часто приходилось сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ и естественно было противуполагать себя, въ качествѣ „христіанъ“-прихожанъ, язычникамъ и иновѣрцамъ. Первоначальное значеніе слова „крестьянинъ“, какъ видно, также лишено сословнаго значенія и только съ теченіемъ времени пріобрѣло спеціальный смыслъ для обозначенія особаго класса, тяглыя обязанности котораго были строго опредѣлены московскимъ законодательствомъ [1]).

Даже слово „смердъ“ употребляется еще въ Русской Правдѣ то въ самомъ широкомъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ чуть ли не о всемъ населеніи въ противуположность князю, то въ узкомъ для обозначенія сельскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ; но слово „смердъ“, кажется-чаще вышеприведенныхъ терминовъ, получало послѣдній смыслъ: въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII-го вѣка оно уже означаетъ мирнаго обывателя, человѣка живущаго въ „селѣ“ и занимающагося воздѣлываніемъ земли [2]); надо думать, однако, что земледѣліе было только общимъ признакомъ положенія смерда, а не его спеціальнымъ или исключительнымъ занятіемъ.

Въ бытовомъ отношеніи положеніе смердовъ, вѣроятно, нѣсколько опредѣлялось прежде всего путемъ противоположенія ихъ, вмѣстѣ съ остальными мирными жителями, дружинѣ княжеской; оно встрѣчается въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Къ такому естественному противопоставленію „людей“—„дружинѣ“ по занятіямъ стало присоединяться и особаго рода правовое различіе между „людинымъ“, т. е. простолюдиномъ и „княжимъ мужемъ“, отразившееся въ законодательствѣ того времени: судя по пространной редакціи Русской Правды, при извѣстныхъ условіяхъ за „убійство въ разбоѣ“ людина платили виру вдвое меньше, чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „мужу“, служившему князю [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что фактическое различіе между „людиномъ“, предававшимся сельскимъ занятіямъ, и людиномъ горожаниномъ стало также нѣсколько рѣзче обозначаться по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, поскольку оно связано было съ раз-

---

[1]) Слово „крестьянинъ“ употреблено въ грамотѣ пг. Антонія монастырю, основанному имъ до 1147 года, въ слѣдующихъ фразахъ: „И паша по чужой землѣ ни в двое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, братіи и сиротамъ и здѣ крестьянамъ досаждая... Се поручаю Богу и Святой Богородицѣ и крестьянамъ и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство...“ (*Амвросій*, Ист. рос. іерархіи, III, 124; грамата извѣстна только въ копіи); болѣе опредѣленное словоупотребленіе въ грамотахъ XIV в. см. въ А. Э., т. I, № 11 А. от. до Ю. Б., т. II, № 134; ср. ниже.

[2]) Слова „ἰδιώτης, γεωργός“ передаются въ старинныхъ переводахъ словомъ „смердъ“; Лѣт. по Лавр. сп. 6611 (изд. 2, стр. 267). Рус. Ист. Библ. VI, 47.

[3]) Рус. Пр., Тр., 3.

витіемъ городской жизни, а главнымъ образомъ внѣшней торговли. У Тиверцевъ и Улучей были многіе „грады“; они существовали и у новгородскихъ славянъ и у полянъ до призванія Варяговъ; Олегъ на пути своемъ изъ Новгорода въ Кіевъ встрѣтилъ по крайней мѣрѣ два города: Смолепскъ и Любечъ; у Древлянъ также упоминаются города, причемъ въ одномъ изъ нихъ, Коростенѣ, вѣроятно, были жилые дворы; слѣдовательно, въ то время „градомъ“ уже называли не одно укрѣпленное, но и заселенное мѣсто. Въ теченіе X—XIII вв. возникло много новыхъ городовъ. Хотя рѣзкой и постоянной разницы между сельскимъ и городскимъ населеніемъ по занятіямъ, конечно, не существовало, однако, надо думать, сельскіе жители все же нѣсколько отличались отъ городскихъ, что могло особенно ярко обнаруживаться при сравненіи смерда-земледѣльца съ гостемъ, торговавшимъ заморскими товарами; впрочемъ, даже фактическое отличіе подобнаго рода пельзя признать общераспространеннымъ: жители древлянскихъ „градовъ“, напримѣръ, также „дѣлали земли и нивы своя“, а въ смоленскомъ княжествѣ были торговыя поселенія, не причисленныя къ „городамъ“. Естественно, что при такихъ условіяхъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ юридическія грани были также слабо установлены: въ одномъ изъ списковъ Русской Правды упоминаются „горожане“, но они не обособлены отъ остальной массы „людей“. Тѣмъ не менѣе между сельскими и городскими жителями можно замѣтить нѣкоторое фактическое различіе въ ихъ политическомъ значеніи; судя по тому, что мы знаемъ о составѣ вѣча въ вѣчевыхъ общинахъ, на немъ едва ли часто присутствовали смерды [1]); въ дѣйствительности на вѣча, вѣроятно, сходились преимущественно горожане. Дѣло о „смердахъ“, возникшее въ Псковѣ въ 1485—1486 гг., повидимому, было также рѣшено помимо участія ихъ въ рѣшеніи. Даже пригороды должны были принимать то, что „старѣйшіи сдумаютъ“. Итакъ, въ бытовомъ отношеніи смерды-земледѣльцы въ XII—XIII вв., вѣроятно, уже стали нѣсколько обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго и мирнаго населенія, а законъ начиналъ уже проводить черту между всѣми „людьми“ и дружинниками.

Тѣмъ не менѣе Русская Правда признаетъ за смердомъ права, присущія свободному человѣку: можно думать, что за убійство смерда взималась вира; смерда никто не могъ наказывать „безъ княжа слова“; у смерда было и свое собственное имущество (статокъ). Подъ 1103 годомъ въ нашей лѣтописи записаны слѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161.

дующія слова, сказанныя Владиміромъ Мономахомъ союзникамъ: „А сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а, въ село его ѣхавъ, жену его, и дѣти его, и все имѣнье“; подъ „селомъ“ смерда слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть вообще занятый имъ земельный участокъ съ дворомъ и принадлежностями его хозяйства, „имѣнія“, его усадьбу, хуторъ или что нибудь подобное. Вопросъ о томъ, на какомъ правѣ, однако, смердъ владѣлъ такимъ участкомъ, рѣшить трудно. Возможно, что смердъ занималъ иногда пустопорожнюю землю, считая её „ничьей“, т. е. никому не принадлежащей, осваивалъ ее и обзаводился на ней своимъ хозяйствомъ; отъ нѣсколько позднѣйшаго времени (XIV-го вѣка?) сохранилась купчая, заключенная между Михаиломъ Вахрамѣевичемъ и Игнатіемъ Вахрамѣевичемъ съ Филькой, да Родькой, да Онашкой Григорьевичами, которые продали два „жеребья“ съ угодьями покупателямъ „одерень“; въ граматѣ значится, что Вахрамѣевичи купили эти земли „у великихъ смердовъ у Григорьевичей... въ вѣкъ“, причемъ сдѣлка была утверждена, повидимому, какимъ-то должностнымъ лицомъ [1]); но князьямъ легко и выгодно было не различать такихъ крестьянъ своеземцевъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, когда между тѣми и другими не было фактическихъ различій, и когда и тѣ и другіе были ихъ подданными. Вѣроятно, однако, что нѣкоторые смерды, дѣйствительно, селились и на княжескихъ земляхъ, изъ которыхъ собственно дворцовыя села въ то время едва ли выдѣлялись. Наконецъ, точныхъ свидѣтельствъ о томъ, что смерды сидѣли и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не сохранилось. Какъ бы то ни было, Русская Правда признаетъ за смердомъ личныя и имущественныя права, присущія свободному человѣку [2]). Соотвѣтственно имъ онъ отправлялъ и нѣкоторыя обязанности:

---

[1]) А. Ю., № 71. XXI. *А. Шахматовъ*, Двинскія граматы. Спб., 1903 г. № 33; авторъ полагаетъ, что подъ „великими смердами„ слѣдуетъ разумѣть смердовъ, жившихъ въ мѣстности „Великой“.

[2]) Въ краткомъ спискѣ Русской Правды упоминается „сельскій староста „княжій“ (ак. 22); о правахъ смердовъ см. главнымъ образомъ Рус. Пр. Ак. 23, 31; Тр. 40, 41, 71, 85. Слово „статокъ„ (о смердьи статкѣ—въ нѣкоторыхъ спискахъ XV—XVI вв. Русской Правды см. *Н. Калачовъ*, стр. 165) употреблялось для обозначенія движимаго имущества; но, по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ XVI вѣка и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, ему придается и болѣе широкое значеніе, напримѣръ: „отступились есмя земли..., отца своего статка, а своего владѣнія“... (Отступная 7067 года въ А. Ю., № 23). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды, въ статьѣ „о посѣченіи борти“, прибавлено: „а въ смерди 2 гривны“ (Рус. Пр., Рост. 30; Тат.—Пог. 29; см. *Н. Калачовъ*, стр. 195).

лѣтописи повѣствуютъ о томъ, что смерды принимали участіе въ военныхъ походахъ и что они платили дань князьямъ; кромѣ того въ договорахъ Новгородцевъ съ князьями есть статья, въ силу которой „кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой погостъ“ или „потугъ“ [1]).

Подобныя или соотвѣтствующія организаціи, вѣроятно, существовали и въ другихъ мѣстахъ, хотя нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы въ нихъ принимали участіе именно смерды. Въ составъ „сотенъ“, напримѣръ, можетъ быть, входили и крестьяне, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые тянули къ городу: въ 1289 году берестьяне за крамолу противъ князя были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста“, причемъ „горожане“ упомянуты особо и платили деньгами; сотни въ Галичской Руси отличались, повидимому, такимъ же смѣшаннымъ составомъ: здѣсь онѣ состояли изъ крестьянъ и мѣщанъ и отвѣчали, въ силу круговой поруки, за каждаго своего сочлена. Возможно, что древне-русскія сотни съ сотскими и десятскими во главѣ, подобно берестьянамъ, служили для огульнаго оклада ихъ разными повинностями и сборами и стали даже первообразами сотенъ, удержавшихся въ нѣсколько позднѣйшее время въ Галичской Руси. Столь же скудны и древнія извѣстія о „верви“, о ея происхожденіи, составѣ, организаціи и пр. Въ источникахъ нѣтъ указаній, состояла-ли вервь изъ нѣсколькихъ деревень, подобно позднѣйшей копѣ, или складывалась какъ-нибудь иначе. Про вервь мы знаемъ только то, что въ ея предѣлахъ можно было розыскивать трупъ убитаго и „по ней искать татя“ и что съ нея въ извѣстныхъ случаяхъ взыскивались уголовные штрафы (дикая вира, продажа); члены „верви“, надо думать, состояли по такимъ дѣламъ въ круговой порукѣ: тотъ, кто не соглашался вмѣстѣ съ остальными членами „верви“ платить „виру“, лишался помощи ихъ и самъ долженъ былъ платить ее [2]). Случайныя упоминанія о „сельскомъ старостѣ“ показываютъ, что въ сельской общинѣ того времени могли быть и свои, вѣроятно, выборныя мірскія власти; во главѣ галицко-русскихъ общинъ XV столѣтія также стоялъ „тіунъ“, выбираемый ея сочленами [3]).

---

[1]) Новгород. лѣт. по синод. сп. 6677 и 6737 гг. (изд. 2, стр. 149 и 230; ср. стр. 129). Лѣт. по Ипат. сп.. 6753 г. (изд. 2, 529). Соб. гос. гр. и дог., I, №№ 3, 13, 20. А Э., т. I, № 87.

[2]) Рус. Пр., Тр., 3, 4, 6, 63.

[3]) Лѣт. по Ипат. сп., изд. 2, стр. 613; ср. А. Э., т. I, № 13 *И. Линниченко*, Черты изъ исторіи сословій въ Югозападной (Галицкой) Руси XIV — XV вв., М., 1894 г., стр. 107—118, 166; о копѣ см. *Н. Иванишевъ*, Соб. соч., 247, 262 и др.

Положеніе смердовъ уже въ древнее время было, однако, довольно шаткимъ. Глухіе намеки на то, что сельское населеніе начинало подпадать нѣкоторому давленію сильныхъ людей, можно усмотрѣть въ заботахъ Русской Правды объ участи „ролейныхъ закуповъ“. Извѣстія о нихъ довольно скудны. Въ одномъ текстѣ Русской Правды закупъ называется „наймитомъ“, а именно въ той статьѣ, гдѣ онъ признается свободнымъ „во всѣхъ кунахъ“, если господинъ продастъ его въ полное рабство; но въ западно-русскихъ актахъ XVI-го вѣка словомъ „закупъ“ обыкновенно обозначается человѣкъ, отдавшій себя (или отданный тѣмъ, кому онъ подвластенъ) въ личный закладъ кредитору для обезпеченія займа и впредь до его отработки, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до возвращенія долга наличными деньгами. Если считать возможнымъ приравнивать „закупа“ Русской Правды къ „закупу“ позднѣйшихъ западно-русскихъ актовъ, то легко заключить, что въ основѣ древняго закупничества также лежалъ договоръ займа, осложненный, впрочемъ, и другими отношеніями; но такого заключенія еще нельзя сдѣлать съ полною достовѣрностью. Какъ бы то ни было, можно думать, что ролейный закупъ жилъ и работалъ на чужой землѣ съ хозяйскимъ инвентаремъ, хотя могъ имѣть и собственное движимое имущество; вѣроятно и то, что онъ въ теченіе извѣстнаго срока отрабатывалъ взятыя имъ деньги на землѣ своего господина. Русская Правда различаетъ, однако, закупа отъ рядового холопа; закупъ „въ малой тяжѣ по нужи“ призывается на судъ въ качествѣ свидѣтеля; за побои закупа „безъ вины“ съ господина взимается пеня; закупу было также предоставлено право собственности на движимое имущество и право иска даже противъ „своего господина [1])“. И тѣмъ не менѣе положеніе закупа во многихъ отношеніяхъ зависѣло отъ его гос-

---

[1]) Рус. Пр. Тр., 53, 54, 55. „Продастъ-ли господинъ [закупа] обыль, то (и) наймету свобода въ всѣхъ кунахъ“... (*Н. Калачовъ*, стр. 144); въ 14-ти спискахъ (между ними есть и XV вѣка) вм. „наймету“ стоитъ „закупу“. „Закупъ Еорнь преже оубо продавъ свои законъ, наимитъ бысть“ (Григорій Богословъ, XVI слов. съ толк. Никиты Праклійскаго въ рус. пер. по сп. XIV в. Моск. Синод. библ.; *А. Горскій и К. Невоструевъ*, Оп., II, 2, 86). Въ позднѣйшихъ грамотахъ наймиты иногда упоминаются въ качествѣ работниковъ, взявшихъ плату впередъ: въ жалованной грамотѣ в. кн. Ивана Даниловича объ освобожденіи Печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей, 1328—40 гг. мы читаемъ: „наймиты, стражетъ (работаетъ) на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ“ (А. Э., т. I, № 3); ср. еще любопытную порядную въ сельскіе наймиты Лазаря Иванова съ товарищами на починокъ Спасской Печенской пристани 1600 года; наемная плата выдается имъ впередъ „на заводъ“; обязанности ихъ на время шестилѣтней льготы дворъ поставить и починокъ распахать, а также отбывать „здѣлье, на кою работу позовутъ“, по 2 дня въ году, а по миновеніи шести

подина. Въ древности слово „работать“ иногда употреблялось въ смыслѣ „находиться въ рабствѣ“; а закупъ въ извѣстной мѣрѣ работалъ на господина. Само законодательство предоставляло господину право „бить закупа про дѣло“, распоряжаться закупомъ по своему усмотрѣнію за кражу хозяйскаго имущества (за „выводъ“ чего либо) и превращало его за „бѣгство отъ господы“ въ ея обельнаго холопа. Такія постановленія Русской Правды едвали можно, однако, признать суровыми нововведеніями, если припомнить, что составители ея предусмотрѣли цѣлый рядъ случаевъ порабощенія закуповъ господами; послѣдніе, очевидно, часто смѣшивали понятіе холопа съ понятіемъ „закупа“ и пользовались такимъ смѣшеніемъ для того, чтобы „работить“ (т. е. порабощать) закупа, отдавать его въ закладъ за деньги тому, у кого они были взяты его господиномъ, и даже продавать закупа „обель“, т. е. въ полное холопство. Русская Правда устанавливаетъ наказанія за совершеніе подобнаго рода дѣяній, но можно сомнѣваться, чтобы ея статьи способны были устранить слагавшуюся практику житейскихъ отношеній [1]).

Между тѣмъ, смердъ могъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, попасть въ ролейные закупы, а изъ нихъ и въ обельные холопы; по свидѣтельству одного изъ нашихъ проповѣдниковъ XIII вѣка, сильные люди „имѣнья не насыщашеся“ и даже „сво-

---

лѣтъ—по 8 дней въ году; см. Русск. Ист. библ., т. XIV, стб. 428—431. Въ городѣ Яранскѣ, сообщалъ депутатъ И. Антоновъ, „находится весьма мало добровольно нанимающихся людей, которые были бы согласны получать заслуженныя ими деньги послѣ, а не впередъ“ (Сб. Рус. Ист. Общ., VIII, 79). О тяжеломъ положеніи „наемныхъ дѣловыхъ людей“ въ вотчинахъ Морозова, см. *И. Забѣлинъ*, Большой боярин и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 47—49. О закупахъ въ западно-русскихъ актахъ см. Литовскую Метрику, Спб. 1903 г., I, 241—242, 310 и 1487; ср. выраженіе „ни въ закупи не поставити“, употребленное о землѣ въ духовной Ив. Алферьева 1518 г., почти рядомъ съ выраженіемъ: „ни въ наймы не дати“ (А. Ю., № 417); ср. А. Э., т. I, № 87. *М. Ясинскій*, Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права въ Сборникѣ Статей, по св. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К., 1904 г., стр. 430—465.

[1]) Рус. Пр., Тр., 52, 55, 57, 105. Русская Правда не опредѣляетъ, къ какимъ именно закупамъ относятся упоминаемыя ею злоупотребленія господъ, къ дворовымъ или ролейнымъ; въ такихъ случаяхъ легко было смѣшивать дворовыхъ закуповъ съ ролейными. Въ судныхъ дѣлахъ литовской метрики начала XVI-го вѣка встрѣчаются иногда упоминанія о закупахъ; про нѣкоего Родюса Нѣмца, „много лѣтъ служившаго въ малыхъ нѣнязехъ“ у боярина Юрья Богдановича, сказано, что онъ, Родюсъ Нѣмецъ, „есть человѣкъ похожій, нежли былъ въ закупахъ“ (Литовская Метрика, I, Спб. 1903 г., стб. 242—243); любопытное дѣло о томъ, какъ одна мѣщанка бельская „закупку замучила“, причемъ послѣдняя „съ тое муки вмерла“ см. въ Лит. мет., I, 828—830.

бодные сироты порабощаютъ и продаютъ [1])". Во всякомъ случаѣ, Русская Правда вообще слишкомъ мало позаботилась объ опредѣленіи состоянія смерда по закону и уже закрѣпила его приниженное положеніе въ обществѣ; въ ней постановлено взимать съ того, кто „умучитъ смерда", „продажу" вчетверо меньшую чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „лучшему мужу" и отбирать выморочное имущество смерда въ пользу князя [2]). Фактическое положеніе смердовъ также, вѣроятно, ухудшалось. Уже въ XI вѣкѣ слово „смердъ" употреблялось иногда въ уничижительномъ смыслѣ; характерные примѣры такого словоупотребленія встрѣчаются и въ памятникахъ позднѣйшаго времени; князьямъ уже въ древности приходилось защищать „худыхъ смердовъ" отъ обидъ „сильныхъ" людей. Само правительство начинало, однако, усваивать себѣ такіе же пріемы. Въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ IV (1470 или 1471 года) послѣдній обязуется смердамъ наравнѣ съ холопами не вѣрить, если они начнутъ „вадити [доносить?] на осподу". Вообще о малой степени обезпеченности смердовъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, можно судить, напримѣръ, по одному разсказу Псковской лѣтописи. Здѣсь подъ 1485—1486 годами встрѣчается одно изъ послѣднихъ извѣстій о нихъ. Содержаніе его даетъ поводъ предполагать, что псковичи хотѣли обязать „смердовъ" какими-то „урочными работами". Попытка „обидныхъ людей" была, очевидно, невыгодна для смердовъ: они воспротивились ея осуществленію, но исходъ усобицы окончился въ пользу смердовъ, только благодаря вмѣшательству московскаго правительства [3]). На основаніи приведеннаго извѣстія нельзя, конечно, заключать о существованіи такого же организованнаго давленія землевладѣльче-

---

[1]) *Пр. Серапіонъ*, Поученіе о мятежи житіа сего въ Прав. Соб. 1858 г., іюль, стр. 481.

[2]) Рус. Пр., ак. 31, Тр., 71 и 85. Смыслъ статьи „а въ смерди и въ хопѣ 5 гривенъ" (ак. 23) остается темнымъ; ср. *В. Сергѣевичъ*, Юр. др., 1^2, 185.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 6604 (изд. 2 с., стр. 222 и 242); Никон. лѣт., 6685. П. С. Р. Л., IV, 266; V, 43—46. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени такое уничижительное значеніе слова „смердъ" выступаетъ еще яснѣе. „Ино чи не боишся ты, смерде, насъ, писалъ в. кн. Витовтъ въ грамотѣ о Пилинкѣ, судникѣ Вязовецкомъ, да чи не бывалъ ты у насъ подъ посохомъ?" (А. Ю. и З. Р. т. II, № 65, 1383 г.). Архіепископъ Геннадій, возражая противъ разрѣшенія, даннаго митрополитомъ Зосимой дьяку двоеженцу „у церкви пѣти", писалъ: „а вѣдь тотъ смердъ еще былъ и не ставленъ дьякъ". (А. И., т. I, № 101, 1490—1494 гг.). См. еще А. Э., т. I, № 87; ср. А. З. Р., т. I. № 39; Лит. Мет., I, 315, 704.—Слѣдуетъ замѣтить, что и холоповъ и крестьянъ иногда называли „сиротами"; извѣстія о такомъ словоупотребленіи примѣнительно къ крестьянамъ, и за исключеніемъ развѣ уже приведенной грамоты иг. Антонія (см. выше стр. 5) восходятъ къ XIV-му вѣку; см., напримѣръ, А. Э., т. I, № 5.

скаго класса на сельское населеніе въ древнѣйшій періодъ (до XIV в.); но исторія съ псковскими смердами показываетъ, къ чему могла съ теченіемъ времени привести неопредѣленность общественнаго строя кіевской Руси.

Правда, бывали случаи, когда смерды, благодаря той же неопредѣленности, поднимались и до высшихъ ступеней общественной лѣстницы: въ числѣ бояръ князя Даніила Галицкаго лѣтописецъ упоминаетъ, напримѣръ, Лазаря Домажиречя и Иворя Молибожичя, „двухъ беззаконниковъ отъ племени смердья“ [1]); но этотъ случай, относящійся ко времени татарскаго погрома, имѣлъ, кажется, довольно исключительный характеръ: именно въ Галицкой Руси боярство съ середины XIII столѣтія усилилось приливомъ служилыхъ князей, лишившихся своихъ удѣловъ и, вѣроятно, даже ранѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ земляхъ, стало пріобрѣтать сословное значеніе.

Такимъ образомъ, уже въ древній періодъ нашей исторіи зарождается тотъ порядокъ общественныхъ отношеній, который получилъ дальнѣйшее развитіе и опредѣлился въ московскомъ государствѣ. Изъ безсословнаго русскаго населенія уже выдѣлились холопы и сталъ выдѣляться низшій слой свободныхъ людей, вѣроятно, сидѣвшихъ частью на своихъ, частью и на чужихъ земляхъ и фактически нѣсколько отличавшихся отъ другихъ слоевъ родомъ своихъ занятій. Между рабствомъ и сельскимъ состояніемъ уже обнаружилось нѣкоторое сближеніе: въ рабствѣ появились градаціи, сглаживавшія различія между нѣкоторыми видами холоповъ и свободными сельскими жителями; а среди послѣднихъ обозначились такіе разряды, какъ ролейные закупы, при извѣстныхъ условіяхъ превращавшіеся въ холоповъ. Сами смерды продолжали еще оставаться свободными и соединялись въ особаго рода организованные союзы, но теряли политическое значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ были слишкомъ мало обезпечены закономъ, закрѣпившимъ ихъ приниженное положеніе въ обществѣ и имъ уже грозила зависимость отъ землевладѣльцевъ, къ которой начинало привыкать правительство даже въ вольныхъ городскихъ общинахъ. Дальнѣйшее развитіе такого порядка отношеній обнаружилось въ теченіе XV—XVII вв., когда крестьяне стали все болѣе терять прежнюю волю. Въ русскомъ обществѣ того времени этотъ процессъ усилился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса и благодаря политикѣ московскаго самодержавнаго правительства, стоявшаго на стражѣ внѣшнихъ интересовъ государства.

II. Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XIV—XVII вв.

Съ того времени, когда „крестьяне“ стали выдѣляться изъ остальнаго русскаго общества [1]) и приблизительно до 1718—1724 гг., основные классы крестьянъ еще не вполнѣ сложились и между низшимъ и высшимъ слоемъ населенія не было поставлено рѣзкой сословной грани: всѣ служили государству. Напротивъ, съ введеніемъ подушной подати появился прежде всего опредѣленный признакъ, по которому „подлыхъ“ людей стали отличать отъ „благородныхъ“, въ то время уже называвшихся однимъ общимъ именемъ „шляхетства“. Послѣ той же ревизіи 1718 — 1727 гг. окончательно образовались и основные „роды крестьянства“. Указанные процессы, разумѣется, еще болѣе опредѣлили соотношеніе главныхъ классовъ крестьянскаго населенія другъ къ другу, а также обособили крестьянъ и отъ „средняго рода людей“, состояніе которыхъ долгое время оставалось мало опредѣленнымъ, и отъ благородныхъ, постепенно превращавшихся въ привилегированное дворянское сословіе. Такимъ образомъ, въ исторіи крестьянъ можно признать время съ XIV-го по XVII-й вѣкъ за отдѣльный періодъ, въ теченіе котораго преимущественно выяснилось тяглое значеніе сельскаго населенія для государства и была подготовлена частная зависимость одного изъ его разрядовъ отъ землевладѣльцевъ, а другого, въ извѣстной мѣрѣ, отъ казны.

Въ XIV-мъ столѣтіи значительная часть южно-русскихъ земель вошла въ составъ территоріи литовскаго, а затѣмъ и польско-литовскаго государства. Хотя такая перемѣна и не измѣнила тотчасъ же быта русскихъ крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ и въ теченіе нѣкотораго времени продолжавшихъ жить по „русскому“ праву, однако, сосуществованіе послѣдняго съ многими чужими правами, главнымъ образомъ польскимъ и нѣмецкимъ, должно было существенно отразиться и на положеніи русскихъ крестьянъ; вопреки ихъ явному желанію, они иногда переводились съ русскаго права на чужое, особенно нѣмецкое [2]). Земли, присоединенныя литовскими князьями и польскими королями, были окончательно пріобрѣтены русской державой,

---

[1]) Терминъ „христіане“ „крістіане“ „крестьяне“ для обозначенія сельскихъ классовъ населенія уже употребляется въ граматахъ 1391 года; см., напримѣръ, А. Э., т. I, № 11; А. от. до Ю. Б. т. II, № 134.

[2]) *И. Линниченко*, Op. cit., стр. 156, 159, 176, 191, 208.

вмѣстѣ съ другими территоріальными владѣніями только черезъ нѣсколько столѣтій, уже въ періодъ полнаго развитія крѣпостного права.

Съ того же XIV-го столѣтія на сѣверо-востокѣ стало возвышаться московское княженіе; подъ главенствомъ московскихъ князей объединилось московское государство, въ которомъ крестьяне и заняли опредѣленное мѣсто, главнымъ образомъ постольку, поскольку отбывали въ его пользу извѣстныя обязанности, тянули свое тягло. Исторію крестьянъ въ Московскомъ государствѣ (т. е. преимущественно крестьянъ великорусскихъ) можно было бы по нѣкоторымъ признакамъ разбить на два второстепенныхъ періода, приблизительно до середины XVI вѣка и послѣ нея до реформы начала XVIII-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ до середины XVI вѣка крестьянское состояніе въ составныхъ своихъ частяхъ еще не вполнѣ опредѣлилось и не получило самоуправленія, организованнаго правительствомъ въ виду его же собственныхъ цѣлей. Лишь со второй половины XVI вѣка изъ состава черносошныхъ крестьянъ выдѣляются дворцовые, что приближаетъ черносошныхъ крестьянъ къ положенію государственныхъ; лишь со второй половины XVI-го вѣка появляются и указы, опредѣлившіе состояніе кабальнаго холопства, которое сыграло существенную роль въ процессѣ частнаго прикрѣпленія или закрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ; далѣе лишь въ 1555—1556 году произошла извѣстная реформа, перенесшая на крестьянскую общину многія изъ функцій правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія; наконецъ, лишь съ 1590-хъ годовъ начинается рядъ общихъ указовъ касательно государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду главной задачи настоящаго очерка и для того, чтобы чрезмѣрно не дробить изложенія, можетъ быть, удобнѣе будетъ разсмотрѣть исторію крестьянъ въ Московскомъ государствѣ въ иной схемѣ: больше движенія замѣтно въ образованіи важнѣйшихъ классовъ крестьянъ, чѣмъ въ исторіи ихъ общественной организаціи; а исторію ихъ образованія естественно изучать порознь, примѣнительно къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ и на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Въ древне русскомъ обществѣ положеніе крестьянъ еще мало выяснилось, но и тогда уже было, по всей вѣроятности, довольно приниженнымъ; въ послѣдующее время оно продолжаетъ ухудшаться. Довольно наглядным показателемъ такого процесса можно признать размѣры денежнаго штрафа, взимаемаго за „безчестіе“ крестьянина въ Судебникѣ 1550 года. По Русской Правдѣ „за обиду“ княжескаго слуги взимали съ обидчика по 12 гривенъ, а за обиду смерда—3 гривны; въ Судебникѣ 1550 года размѣры безчестія „боярскаго человѣка добраго“ опредѣлены въ пять

рублей [1]). Слѣдовательно, въ Русской Правдѣ величина „продажи", взимаемой за муку смерда, вчетверо меньше величины „продажи" за муку огнищанина, тивуна или мечника. Аналогичная точка зрѣнія на приниженное положеніе сельскаго населенія также весьма замѣтна въ только-что приведенныхъ постановленіяхъ царскаго Судебника, хотя они и касаются иного рода преступленій: здѣсь вознагражденіе за „безчестіе" крестьянина въ пять разъ меньше того, что обидчикъ долженъ былъ платить „за безчестье боярскаго человѣка добраго", не говоря о людяхъ изъ высшихъ слоевъ общества, честь которыхъ, разумѣется, оцѣнена гораздо дороже. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что Судебникъ 1550-го года устанавливаетъ одинаковые размѣры платы за безчестье крестьянина и за безчестье „человѣка молодшаго боярскаго", т. е. человѣка, по всей вѣроятности, обыкновенно несвободнаго; впрочемъ, такова же и оцѣнка чести „чернаго городского человѣка молодчаго". Какъ бы то ни было, содержаніе вышеуказанныхъ статей Судебника 1550-го года о безчестьи крестьянина уже нѣсколько намекаетъ на то направленіе, въ которомъ развивалась исторія сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв.

Такое обобщеніе пельзя, однако, въ одинаковой мѣрѣ прилагать ко всѣмъ разрядамъ этого населенія. Преимущественно на сѣверѣ въ „поморскихъ" уѣздахъ сложился классъ крестьянъ, сидѣвшихъ на „черныхъ" земляхъ; такъ какъ послѣдними, подъ условіемъ отбыванія тягла, могъ владѣть и посадскій и даже бѣломѣстецъ, то черносошные крестьяне въ изучаемый періодъ не могли еще образовать замкнутыхъ сословныхъ союзовъ; въ составъ ихъ входили тяглецы изъ разныхъ слоевъ общества. Въ центральной области, а также на московской украйнѣ, крестьяне, напротивъ, должны были осѣсть преимущественно на частновладѣльческихъ земляхъ и поэтому рѣзче обособились отъ остальныхъ общественныхъ группъ. Различіе между черносошными и владѣльческими крестьянами, уже довольно замѣтное къ концу XVI вѣка, обнаружилось не только въ соціальномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ „черныхъ" земляхъ никто не заслонялъ крестьянъ отъ воздѣйствія правительственной власти, хотя

---

[1]) Судеб. II, 26; ср. Судеб. III, 48, 50. Въ судной грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ Замосковной Вохонской волости 1561 года между прочимъ повторяется и вышеприведенное постановленіе Судебника II, 26; но „волостные добрые люди" приравнены здѣсь къ посадскимъ, за безчестіе которыхъ взимается 5 руб.; а за безчестіе крестьянина пашеннаго и непашеннаго положено взимать 1 рубль (А. Э., т. I, № 257); такого различія нѣтъ въ Судебникѣ 1550 года, ст. 26-ой.

само правительство иногда и начинало выступать по отношенію къ нимъ въ роли вотчинника; въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ между крестьянами и правительствомъ стали землевладѣльцы и крестьяне мало по малу попали въ зависимость отъ привилегированнаго сословія. Съ теченіемъ времени крестьяне черныхъ волостей оказались государственными крестьянами, а владѣльческіе „крестьяне“ превратились въ „крѣпостныхъ“. Познакомимся съ важнѣйшими процессами, приведшими къ такимъ результатамъ.

I. Крестьяне, сидѣвшіе на „черныхъ“ земляхъ.

До позднѣйшаго времени права черносошныхъ крестьянъ оставались почти безъ всякихъ законодательныхъ опредѣленій, хотя иногда и подразумѣвались законодателемъ. Въ силу судебника 1550 года, они имѣли право искать о безчестіи или объ увѣчьи и прибѣгать къ судебной защитѣ, а также переходить „изъ волости въ волость“; аналогичныя статьи о правахъ черныхъ людей (за исключеніемъ, конечно, постановленій о переходѣ) можно найти и въ Уложеніи. Законъ признавалъ за ними и нѣкоторыя имущественныя права [1]).

Вообще положеніе черносошныхъ крестьянъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того взгляда, который сложился у правительства на черныя земли. Возможно, что первоначально черносошные крестьяне смотрѣли на нихъ иначе, чѣмъ московское правительство. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне иногда продолжали еще сидѣть на своихъ земляхъ; въ новгородскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, въ числѣ „своеземцевъ“, среди которыхъ упоминаются лица весьма разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, были и крестьяне. Съ теченіемъ времени такіе мелкіе землевладѣльцы изъ крестьянъ, вѣроятно, частью слились съ массою поселянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, частью вовсе лишились своихъ земель и даже стали владѣльческими. Завоеваніе новгородскихъ владѣній великимъ княземъ Иваномъ III и подчиненіе ихъ новымъ московскимъ порядкамъ должны были, конечно, отразиться на судьбѣ „своеземцевъ“, въ томъ числѣ и крестьянъ-землевладѣльцевъ. „Были деревни своеземцевъ, а нынѣ за государемъ“ — лаконически замѣчаетъ одинъ изъ

---

[1]) Судеб. I, 36, 57. Судеб. II, 26, 72, 84 и 88; ср. и проектъ Судеб. III, 129; статья 52-я проекта 1589 г., въ которой постановлено взимать за безчестье „добраго крестьянина“, или крестьянина, котораго назовутъ добрымъ человѣкомъ въ волости,—три рубля, а за безчестье жены его—вдвое,—новая, но она, повидимому, не была введена въ дѣйствіе. Ср. еще ib., ст. 73, 150, и пред. прим. Уложеніе, X, 94, 159, 162; XVIII, 38; см. еще ниже стр. 30.

писцовъ, описывавшихъ эти земли въ 1581 году [1]). Своеземческая старина едва-ли могла, однако, исчезнуть сразу, безъ всякихъ слѣдовъ. Сами крестьяне иногда называли земли, на которыхъ они сидѣли, своими („наши“ и т. д.); но иногда они говорили только о „земляхъ великаго князя, а своего владѣнія“. И тѣмъ не менѣе крестьяне черныхъ волостей передавали свои участки по наслѣдству, вкладывали ихъ въ монастыри и въ церкви или закладывали и продавали свои земли или свои „доли“, „жеребья, что̀ достанутся по дѣлу“ и т. п. разнымъ лицамъ, даже бѣломѣстцамъ, а выборные и приказные судьи утверждали подобнаго рода сдѣлки [2]).

Происхожденіе того строя поземельныхъ отношеній, который нѣсколько извѣстенъ намъ въ черныхъ волостяхъ главнымъ образомъ по документамъ XVI—XVII вв., до сихъ поръ остается темнымъ. Въ числѣ крестьянъ землевладѣльцевъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего о цѣлыхъ крестьянскихъ семьяхъ, иногда достигавшихъ довольно крупныхъ размѣровъ и часто селившихся отдѣльными деревнями. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда между членами семьи происходилъ раздѣлъ, часть ихъ имущества могла оставаться въ общемъ владѣніи. Изъ одной „дѣльной“ 1530—1531 годовъ мы узнаемъ, напримѣръ, что семья, въ которой перечислено 16 человѣкъ поименно, подѣлила свои дворы, дворища и $^3/_4$ црѣна, по „третямъ“, причемъ въ каждой трети оказалось по четыре человѣка изъ вышеназванныхъ; раздѣливши кромѣ того почти все движимое имущество, они, однако, оставили безъ раздѣла „деревню“ да двѣ „полутони“, да часть движимаго имущества (въ томъ числѣ „ладью съ якоремъ“), да „кабалы вобчія“. Свойственники иногда заключали даже особаго рода договоръ о томъ, чтобы „жить вмѣстѣ и пити и ясти вмѣстѣ“ [3]). Такое же условіе встрѣчается

---

[1]) Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1565—1566 гг. земли своеземцевъ еще значатся, но въ ничтожномъ количествѣ. (*Н. Рожковъ*, Сельское хозяйство Московской Руси М. 1899 г. Стр. 385).

[2]) Крестьяне частно-владѣльческихъ имѣній, вѣроятно образовавшихся изъ черныхъ земель, едва-ли сразу перестали вступать между собою въ подобнаго рода сдѣлки: приказные люди устюжскаго архіепископа имѣли въ виду фактическую возможность ихъ совершенія, когда еще въ 1680-хъ годахъ разъясняли, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить повольность имѣетъ вотчинникъ“, а не крестьяне.

[3]) А. Ю., № 23. Рус. Истор. Библ., XIV, 219, 344. См. еще третій (печатаемый) томъ тѣхъ же актовъ, № 208. Ср. *А. Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, М., 1884 г., стр. 222; авторъ замѣчаетъ, что обычай такихъ „складныхъ семей“ и въ старину, вѣроятно, не былъ распространенъ.

Ден. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

и въ одной „складной грамотѣ“, писанной до 1612 года; она возникла по слѣдующему поводу: въ Шетогорской волости жили крестьяне Артемій да Емельянъ Кузнецовы; по смерти Артемія, Емельянъ, должно быть, подѣлился съ его дѣтьми, съ Трофимомъ да съ Ѳедорою Артемьевыми; Трофимъ Артемьевъ заложилъ свою часть другому крестьянину той же волости Никитѣ Некрасову, а Ѳедора Артемьева вошла съ нимъ, вѣроятно, касательно своей части наслѣдства, въ особаго рода сдѣлку; о ней мы узнаемъ изъ закладной Никиты Некрасова, данной на ту же землю Моисею Кононову: „а заложилъ есми ту свою землю, писалъ закладчикъ, по закладной грамотѣ Трофима Артемьева да по другому путю, по складной грамотѣ, что язъ складывался съ Ѳедорою съ Артемьевою дочерью вмѣсто [вмѣстѣ?] жити“. Въ другой волости, Троицкой, жили „складники“; ихъ было четверо: Ѳедоръ Ивановъ съ племянникомъ своимъ Третьякомъ Исаковымъ, да Прокопій и Семенъ Тимофѣевы, надо думать, также состоявшіе въ родствѣ между собою. Въ извѣстныхъ намъ актахъ троицкихъ складниковъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, владѣли ли они какими-нибудь землями „безъ дѣлу“, хотя указанія на владѣніе подобнаго рода встрѣчаются въ другихъ документахъ. Во всякомъ случаѣ изъ явокъ троицкихъ складниковъ видно, что каждый изъ нихъ считалъ себя вправѣ „по своей долѣ“ получить соотвѣтствующія полосы въ горней (пашенной) и луговой землѣ ихъ деревни и что при „дѣлѣ“ надо было соблюдать такое соотвѣтствіе. Послѣднее, вѣроятно, часто нарушалось и по разнымъ причинамъ; можно думать, что для его возстановленія складники прибѣгали къ передѣлу и повторяли его въ случаѣ надобности. Какіе то „дѣлы“ происходили и у троицкихъ складниковъ Кононовской деревни. „Въ прошломъ во 138-мъ (1630) году уложили и излюбили мы, писали они, въ Кононовской деревнѣ горнюю землю и луговую, орамую и пожни верьвити и жеребьевати по долемъ; и въ прошломъ 138 лѣтѣ тое деревни на горѣ, что по верхнюю сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребьевали и по новому дѣлу въ томъ полѣ осенесь и рожь у насъ сіяна къ сему году; а что въ нижнемъ замостномъ полѣ въ прошломъ 138 лѣтѣ рожь была сіяна, и въ томъ полѣ складники... [кромѣ одного, на котораго и подана была жалоба сотскому тѣмъ изъ складниковъ, которому по „новому дѣлу“ досталась его неоранная полоса] осенесь по старому дѣлу подъ зебель [яровое] всѣ орали. И то поле... сія весны всѣ складники раздѣлили и разжеребьевали же по прежнему излюбу“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствіе между „долей“ и размѣрами полосъ нарушалось, оно, надо полагать, возстановлялось „ровнею“: у кого земли было „по его долѣ мало, не сполна“, тотъ считалъ себя вправѣ требовать, чтобы ему при-

бавили изъ земель тѣхъ его складниковъ, у которыхъ оказались лишки. Дѣло подобнаго рода возникло между складниками той же Кононовской деревни; потерпѣвшій подалъ явку сотскому, а сотскій, взявши съ собою „людей добрыхъ“, явился въ деревню досматривать и мѣрить землю. Итакъ, складниковъ никакъ нельзя считать только складниками въ тяглѣ, хотя бы „складствомъ“ и называли „положеніе“ нѣсколькихъ плательщиковъ „въ одну податную единицу для исчисленія государева тягла“; складники, разумѣется, могли, а пожалуй, и принуждены были складываться вмѣстѣ для его уплаты [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи вышеприведенныхъ и аналогичныхъ фактовъ, нельзя еще придти къ заключенію, что въ складническихъ союзахъ не могло обнаруживаться никакихъ проявленій общинной жизни.

Исторія складническихъ союзовъ, часто ограниченныхъ, надо полагать, предѣлами одной деревни, еще очень мало выяснена: пока трудно сказать съ достовѣрностью, въ какой мѣрѣ эти союзы были распространены на русскомъ сѣверѣ и насколько они успѣли развиться. Нѣкоторыя обстоятельства могли повліять на ихъ разложеніе; таковы, напримѣръ, ростъ населенія въ данной мѣстности при ограниченности земли удобной или даже необходимой для цѣлой группы поселковъ, а не только для одного изъ нихъ; наличность среди складниковъ хозяевъ, стоявшихъ ниже обычнаго уровня или выдѣлявшихся изъ него по своей иниціативѣ, интенсивной культурѣ своихъ полосъ и т. п. Во всякомъ случаѣ значительное большинство документовъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы узнаемъ о складникахъ, оказываются „явками“; естественно, что въ нихъ собрано много извѣстій о ссорахъ и столкновеніяхъ, возникавшихъ между складниками. Такія отношенія, можетъ быть, объясняются и болѣе спеціальными причинами. Складничество было преимущественно поземельнымъ союзомъ: члены его имѣли, однако, возможность распоряжаться своими участками или даже своими долями, смотря по тому, состояла ли земля „въ дѣлу“ или нѣтъ. Правда, судя по нѣкоторымъ актамъ, за складниками обыкновенно признавалось право преимущественной покупки отчуждаемаго, почему отчужденіе и производилось „съ объявленіемъ складникамъ“; но „за скудностью“ своею они едва ли всегда

---

[1]) Акты троицкихъ складниковъ см. въ статьѣ *П. Иванова*: Сябры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., № 12; см. еще *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 227, 299. *В. Клочковъ*, Къ вопросу о складникахъ, ib., 1901 г., № 11, стр. 29—52. *П. Ивановъ*, Позем. союзы и пр. въ Тр. Археогр. Ком. Имп. Моск. Археол. Общ. т. II, вып. 2, М., 1902 г., стр. 193—278. Ср. *П. Виноградовъ*, О родовомъ строѣ уэльскихъ кельтовъ въ Сборникѣ М. Влад.-Буд., стр. 145.

пользовались своимъ преимуществомъ и въ такихъ случаяхъ земля переходила въ чужія руки. Слѣдовательно, въ составъ складническаго союза, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, могли входить и, по всей вѣроятности, входили лица разныхъ общественныхъ положеній: въ одно и то же складничество вступали, напримѣръ, монастырскій старецъ, или подъячій, или посадскій человѣкъ и крестьяне; такой составъ союза, члены котораго иногда владѣли „орамой землей въ раздѣлѣ и за межами“, а разными угодьями „съ складниками вмѣстѣ не въ раздѣлѣ“, очевидно, мало благопріятствовалъ его прочности. Далѣе сами складники, нарушавшіе обычаи складнической организаціи, не подчинялись общему рѣшенію, а подавали явки властямъ [1]). Наконецъ, и московское правительство едва ли интересовалось столь мелкими организаціями: ему было удобнѣе имѣть дѣло съ болѣе крупными дѣленіями, а послѣдней цѣли больше всего удовлетворяли тяглыя волости или станы. При такихъ условіяхъ и особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ съ ними приходилось всего болѣе считаться (напр. въ Кеврольскомъ уѣздѣ) въ XVII вѣкѣ, повидимому, уже преобладаетъ подворно-участковое владѣніе „горнею“ землей; тѣмъ не менѣе, луговыя земли, паскотина и прочія угодья, кажется, нерѣдко состояли въ общемъ владѣніи или отдѣльныхъ складничествъ, или цѣлыхъ группъ деревень, приходовъ или волостокъ. Въ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ послѣднія и оказывались тѣми поземельными союзами, изъ которыхъ съ теченіемъ времени возникли деревенскія общины позднѣйшаго типа. „Труфаногорская волостка, состоявшая въ 1623 году изъ 6 деревень съ 15 дворами, напримѣръ, къ настоящему времени превратилась въ одну деревенскую общину“ [2]). Нѣсколько волостокъ образовывали волость, на которую и падало государево тягло; и такія волости, конечно, могли сообща владѣть нѣкоторыми угодьями, но значеніе ихъ было преимущественно тяглое: подъ вліяніемъ тягла главнымъ образомъ и сложилась ихъ организація. Поскольку тягло ложилось на пашенную землю, оно, разумѣется, оказывало вліяніе на порядокъ поземельныхъ отношеній и въ болѣе мелкихъ союзахъ: группы складническихъ союзовъ, напримѣръ, рѣшали „веревкою ровниться по потугу“; доля въ принадлежностяхъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ. XIV, 85, 570—572. А. от. до Ю. Б., т. II, № 147. XXX. и др. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 293—307, 308, 359. *В. Ключевъ*, Op. cit., ib., стр. 41, 43—48. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др. II, 2, 254; ср. выше стр. 19. Складники могли жить и въ разныхъ деревняхъ.

[2]) Судеб. III, 174 *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., II, 2, стр. 223, 224, 230, 246—247, 275—276.

пашни (въ разныхъ угодьяхъ) опредѣлялась „по тяглой землѣ“ тѣмъ не менѣе можно сказать, что вліяніе тягла ярче всего выразилось въ волостной организаціи [1]).

Черносошные крестьяне не могли, однако, упрочить за собою полнаго права собственности на землю. Можно думать, что нѣкоторыя мѣстныя особенности сѣверной природы и быта, а также общественной жизни ослабляли развитіе своеземческой и общинной земельной собственности. Крестьянамъ трудно было довольствоваться своими участками; многіе изъ нихъ могли пользоваться землею на сторонѣ или были принуждены почти бросать земледѣльческія занятія и добывать себѣ средства къ жизни отхожими промыслами. При такихъ условіяхъ семейные союзы теряли устойчивость и прибѣгали къ семейнымъ раздѣламъ, что, конечно, способствовало и зарожденію индивидуальной собственности; но вмѣстѣ съ раздѣлами мельчали и участки владѣльцевъ. Уже въ двинскихъ грамотахъ XV вѣка замѣтно сильное дробленіе поземельныхъ участковъ; то же явленіе можно указать, напримѣръ, и въ трехъ волостяхъ Кеврольскаго уѣзда (Кевроля, Чаколѣ и Марынской Горѣ); здѣсь, судя по писцовымъ книгамъ 1623 года, относительно наибольшее число дворовъ (изъ 649 ихъ 133) владѣетъ участками дворовой пашни величиной въ 2—$2^1/_2$ четвертей (т. е. полудесятинъ), каждый; тоже видно и изъ писцовыхъ книгъ 1686 г.: хотя % такихъ владѣльцевъ понизился (съ 20,5% на 18,8%), но все же ихъ больше остальныхъ (изъ 627 ихъ 119). Измельчаніе и разбросанность дробныхъ участковъ, вѣроятно, облегчали отчужденіе ихъ; даже въ тѣхъ поморскихъ уѣздахъ, гдѣ, помимо крестьянъ, почти вовсе не числилось землевладѣльцевъ, въ XVII вѣкѣ замѣтна мобилизація крестьянскихъ земель; она, повидимому, усиливалась благодаря существованію обращенія ихъ между тяглецами одной и той же волости [2]). Частая смѣна владѣльцевъ одного и того же участка, вмѣстѣ съ вышеуказанными обстоятельствами едва-ли могла содѣйствовать развитію земельной собственности у большинства черносошныхъ.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что „волостками“ и „волостями“ писцы, описывавшіе новгородскія земли, обыкновенно называли территоріальныя владѣнія частныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ; описаніе велось изрѣдка по волостямъ, а чаще всего по погостамъ; послѣдніе были, вѣроятно, древняго происхожденія и имѣли бытовое значеніе; они служили, можетъ быть, податными округами и въ такомъ смыслѣ уже извѣстны были въ предшествующемъ періодѣ. Ср. выше стр. 7.

[2]) А. Ю., №№ 23, 175, II и др. II. С. З., т. I, № 112. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., I, 3, Спб., 431—433, 435; расчетъ произведенъ авторомъ помимо „наѣзжихъ“ земель.

Малая степень устойчивости и слабость складническихъ союзовъ, вѣроятно, также не благопріятствовали и образованію коллективной собственности. При такихъ условіяхъ московскому правительству легче становилось примѣнять свой взглядъ на черносошныхъ вообще, какъ на владѣльцевъ черной земли, лишенныхъ права свободно распоряжаться своими участками.

Впрочемъ, московскіе князья едва ли сознательно стремились къ полному стѣсненію правъ черныхъ людей на землю; московское правительство ограничивало ихъ, главнымъ образомъ, настолько, насколько пользованіе ими вредило казнѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, московскіе князья смотрѣли, кажется, на черныя земли преимущественно какъ на источникъ казенныхъ доходовъ; отчасти съ такой точки зрѣнія они, можетъ быть, различали свои родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія отъ „волостей“; съ той же точки зрѣнія они позднѣе могли различать земли, приписанныя къ дворцу, отъ черныхъ волостей, доходы съ которыхъ поступали, главнымъ образомъ, въ московскія „четверти“ [2]).

Черныя земли получали, однако, извѣстную цѣнность лишь тогда, когда на нихъ сидѣли люди, способные тянуть съ нихъ тягло. Отсюда заботы московскихъ князей о соблюденіи черныхъ людей, а не однѣхъ только черныхъ земель. Хотя до Уложенія не было издано общаго закона о прикрѣпленіи черныхъ людей, но московскіе князья давно уже прибѣгали къ частнымъ мѣрамъ, стѣснявшимъ свободу ихъ передвиженія на земли владѣльцевъ, получавшихъ льготы: великій князь Иванъ Калита въ своей жалованной грамотѣ новгородскому Юрьеву монастырю, напримѣръ, запретилъ его архимандриту принимать „тяглыхъ людей волоцкихъ“ и „людей изъ его великокняжеской отчины, Москвы“; та-

---

[1]) До сихъ поръ изслѣдователи нашей старины не пришли къ соглашенію относительно того значенія, какое слѣдуетъ придавать этимъ землямъ: одни полагаютъ, что черныя волости были государственными имуществами (*И. Бѣляевъ*, О позем. владѣніи въ Моск. госуд. во Врем., XI, стр. 3, 4, отчасти *В. Ключевскій*, Бояр. дума, 3 изд., стр. 111 и др.); другіе отрицаютъ различіе между „частнымъ княжескимъ владѣніемъ и государственнымъ“, причемъ указываютъ на сліяніе черныхъ волостей, за исключеніемъ уѣздовъ поморскихъ городовъ, съ дворцовыми имѣніями (*Б. Чичеринъ*, Оп., стр. 38—41, 130—133, 136, 256) и даже приходятъ къ заключенію, что въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя (*В. Сергѣевичъ*, Древ., III, 23); наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, собственникомъ черныхъ земель была волость, а не великій князь (*М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 144).

[2]) Впрочемъ различіе между доходами московскаго государя—вотчинника и государственными повинностями едва ли строго проводилось; см. *М. Дьяконовъ*, Критическая статья на соч. г. Сергѣевича о Древностяхъ русскаго права въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7, стр. 176—179.

кія же запрещенія повторялись московскими князьями въ то время, когда уже наступило политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси и нечего было договариваться съ удѣльными князьями о томъ, чтобы они къ себѣ не принимали черныхъ людей, тянувшихъ къ сотскому. Въ XV вѣкѣ въ граматѣ тверскихъ князей Отрочу монастырю (писанной до 1461 года) встрѣчается и санкція подобнаго рода запрещеній: если архимандритъ приметъ волостныхъ людей изъ княжеской отчины, то они будутъ взяты назадъ; а если кого приметъ „прикащикъ архимандричь, ино его казнити“; къ аналогичнымъ мѣрамъ иногда прибѣгали и московскіе князья въ извѣстныхъ намъ граматахъ позднѣйшаго времени (1530 г. и др.). Бывали даже случаи, когда московскіе государи предоставляли самимъ „волостнымъ людямъ“ (важскимъ въ 1552; ср. торопецкую гр. 1590—1591 гг.) изъ-за монастырей старыхъ (или старинныхъ) своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить безсрочно и безпошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ“.. Слѣдуетъ замѣтить, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о тяглецахъ вообще, а о „старинныхъ“ тяглецахъ [1]). Впрочемъ, общаго запрещенія касательно перехода черныхъ людей на частно-владѣльческія земли долгое время не появлялось, можетъ быть потому, что этого настоятельно не требовали интересы казны; при ухудшавшемся положеніи большинства владѣльческихъ крестьянъ и постепенномъ ограниченіи привилегій, данныхъ землевладѣльцамъ (особенно духовенству), переходы черныхъ людей становились, вѣроятно, или менѣе выгодными для нихъ или менѣе убыточными для казны государевой. Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года тотемскимъ и сольвычегодскимъ писцамъ уже велѣно было выводить волостныхъ людей за государя на старые ихъ жеребьи. Вслѣдъ за тѣмъ въ Уложеніи постановлено крестьянъ государевыхъ, выбѣжавшихъ изъ черныхъ волостей и жившихъ за всякими вотчинниками и помѣщиками, „свозить“ вмѣстѣ съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ по писцовымъ книгамъ въ черныя волости на старые ихъ жеребьи. Эти мѣры оказали вліяніе, между прочимъ, и на развитіе крестьянской общины, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ ея значеніи: въ предѣлахъ общины приростъ населенія,

---

[1]) А. Э., т. I, №№ 4, 17, 20, 34, 45, 60, 102, 234; Соб. Гос. Гр. и Дог., ч. I, №№ 35 (договоръ вел. кн. Василія Дмитріевича съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1389 года), 60. Доп. къ А. И., т. I, № 26 и др.; Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 24 и др. ср. *М. Дьяконовъ*, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, Спб., 1893 г., стр. 14—22. *Его-же*, Заповѣдныя лѣта и пр. въ Сбор. статей въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К., 1904 г., стр. 110—111. Ср. еще А. Э., т. II, № 20.

а значитъ и земельное утѣсненіе, мало-по-малу стали болѣе чувствительны и административно-финансовая роль ея пріобрѣла болѣе существенное и опредѣленное значеніе. Впрочемъ, и послѣ 1649 г. черносошный крестьянинъ могъ покидать землю, на которой онъ сидѣлъ, но только не впустѣ, а посадивши на нее новаго „садока" — плательщика податей, и, слѣдовательно, могъ переходить, по крайней мѣрѣ, „изъ волости въ волость" [1]).

Параллельно съ вышеуказанными мѣрами московскіе князья заботились и о томъ, чтобы черныя земли не попадали въ руки людей привилегированныхъ, свободныхъ отъ податей, иначе какъ при сохраненіи за ними ихъ тяглаго характера. Уже въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ включено, напримѣръ, условіе о томъ, что если самъ князь Владиміръ Андреевичъ, или его родственникъ, или бояринъ купятъ въ великомъ княженіи землю черныхъ людей, то послѣдніе могутъ выкупить ее обратно; если же они не будутъ въ состояніи выкупить эти земли, то новые владѣльцы обязаны тянуть съ нихъ тягло вмѣстѣ съ другими, а не захотятъ они тянуть съ нихъ тягла, то земли, пріобрѣтенныя ими, будутъ отданы чернымъ людямъ даромъ [2]). Хотя въ приведенномъ условіи договора 1388 года еще нѣтъ прямого запрещенія чернымъ людямъ распоряжаться своими участками, однако, обращеніе этихъ земель между ними и тѣми лицами изъ посторонняго княженія, которыя пожелали бы купить у нихъ земли, стѣсняется. По мѣрѣ того, какъ московское правительство утверждалось во взглядѣ на крестьянъ, занимавшихъ черныя земли, какъ на тяглецовъ по преимуществу, положеніе послѣднихъ должно было измѣниться: уже въ статьѣ судебника 1497 года, устанавливающей срокъ для иска чернаго человѣка о завладѣніи его землею на черномъ же человѣкѣ или помѣщикѣ и обратно, черная земля упоминается на ряду съ помѣстной [3]). И, дѣйствительно, черные люди становились владѣльцами черной земли въ сущности лишь постольку, поскольку оказывались исправными тяглецами, подобно тому, какъ помѣщики владѣли государевой землей подъ условіемъ службы. Этотъ взглядъ московскаго правительства довольно ясно выразился въ одномъ дѣлѣ, возникшемъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Здѣсь оказались такіе крестьяне „вотчичи", которые раньше владѣли участками; но потомъ „отъ бѣдности" стали бродить по міру; во время отсутствія ихъ, эти участки были

---

[1]) Уложеніе, XI, 1, ср. ниже, стр. 27—28; А. Ю., № 127. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 12—16 и 146—151. *Н. Дебольскій*, Op. cit., стр. 136—140. Ср. ниже стр. 31.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 33. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 12.

[3]) Судеб. I, 63; тоже въ Судеб. II, 84; ср. Судеб. III, 150.

розданы воеводами, земскими судьями и старостами „инымъ крестьянамъ“; вернувшись на прежнія мѣста, старинные вотчичи просили дозорщиковъ отдать имъ прежнія ихъ деревни и жеребьи „по старымъ писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ или указать взыскать деньги съ тѣхъ, которые теперь владѣютъ ихъ землями; но правительство отказало челобитчикамъ на томъ основаніи, что тогда какъ они „бѣгали по инымъ городамъ, не хотя платить податей“, новые владѣльцы „пустыя деревни строили и подати платили“, а „тѣмъ бродящимъ и бѣглымъ крестьянамъ велѣно селиться въ иныхъ деревняхъ или на иныхъ жеребьяхъ“ [1]).

Съ такой же точки зрѣнія правительство стало подвергать контролю и мобилизацію черныхъ земель: обращеніе ихъ между черносошными крестьянами сравнительно мало затрогивало казенный интересъ [2]); гораздо важнѣе было въ этомъ отношеніи отчужденіе черныхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ; на него правительство и обратило преимущественное вниманіе. Съ XIV-го вѣка московскіе князья старались привлечь бѣломѣстцевъ къ отбыванію тягла, поскольку они владѣли черными землями (см. выше) и продолжали прибѣгать къ подобнаго рода мѣрамъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ; таковы, напримѣръ, указы 1614 и 1623 годовъ. Въ теченіе XVII-го вѣка въ правительственной политикѣ касательно черныхъ земель замѣтно, однако, характерное колебаніе. Вмѣсто того, чтобы придерживаться прежней безсловной точки зрѣнія, въ силу которой всякій, кто владѣлъ черной землей, долженъ былъ тянуть тягло, къ какому бы общественному слою онъ ни принадлежалъ, правительство начинаетъ запрещать чернымъ людямъ отчуждать свою землю бѣломѣстцамъ: частная попытка подобнаго рода, относительно тяглыхъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, извѣстна намъ уже изъ одного указа 1621 года; то же направленіе ясно обнаружилось въ статьѣ Уложенія 1649 г., вообще запрещающей чернымъ людямъ закладывать или продавать свои дворы бѣлымъ людямъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Иногда появлялись и отдѣльные указы, запрещавшіе крестьянамъ нѣкоторыхъ волостей закладывать или продавать свои участки: таковъ указъ 1649 года относительно крестьянъ заонеж-

---

[1]) Рус. Ист. Библ., XII, 214—217.

[2]) Ср. Судеб. I, 62 и Судеб. II, 87 и Судеб. III, 172 и 173: за нарушеніе межъ, если таковое произойдетъ у „христіанъ промежу себя, въ одной волости или селѣ“, законъ вовсе не подвергаетъ виновнаго уголовному наказанію (кнутомъ), которое грозитъ ему, если онъ нарушитъ межи „земли великаго князя“ и частныхъ собственниковъ, и устанавливаетъ денежный штрафъ почти въ 17 разъ меньше того, который полагается за нарушеніе межъ и земли великаго князя или частной собственности.

скихъ погостовъ; аналогичное запрещеніе отчуждать свои участки было сдѣлано и относительно крестьянъ другихъ уѣздовъ, гдѣ находились государевы „тяглыя волости и всякія угодья“. Тѣмъ не менѣе и послѣ Уложенія правительство снова возвращалось къ привлеченію бѣломѣстцевъ въ составъ тяглыхъ черныхъ волостей: окончательное обособленіе ихъ совершилось лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ [1]). Эти мѣры оказали вліяніе и на дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ административно-финансовыхъ функцій волости.

Правительственная точка зрѣнія на черносошныхъ крестьянъ, какъ на владѣльцевъ земли, зависѣвшихъ отъ воли „царя и великаго князя“, проводилась, однако, гораздо рѣзче въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь московскій распоряжался черными волостями по своему усмотрѣнію. Ни личныя, ни имущественныя права черныхъ людей не были въ полной мѣрѣ обезпечены закономъ; простого распоряженія великаго князя было достаточно для того, чтобы превратить черную волость въ частновладѣльческую вотчину. Такой участи подверглись, конечно, въ особенности черныя волости центральной области: великіе князья московскіе частью обратили ихъ въ дворцовыя имѣнія, частью роздали ихъ духовнымъ, и свѣтскимъ лицамъ, частью помѣнялись ими съ частными владѣльцами [2]). Лишь въ Кевролѣ, да на Мезени черныя волости остались почти въ исключительномъ владѣніи черносошныхъ крестьянъ. Хотя въ XVI вѣкѣ черныя земли еще числились и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ центральной области (напримѣръ, въ Тверскомъ и Владимірскомъ), но къ XVII-му вѣку онѣ уже быстро убываютъ. Такимъ образомъ, во многихъ изъ бывшихъ черныхъ волостей прежніе крестьяне-собственники стали съемщиками чужой земли. Пока они пользовались правомъ перехода, имъ открывалась возможность оставить того владѣльца, къ которому ихъ земля перешла въ частную собственность и искать лучшихъ условій существованія на сторонѣ, но съ прикрѣ-

---

[1]) А. И., т. III, № 92, стр. 95; эти указы, кажется, относились, къ одной только Москвѣ; ср. ib. стр. 105 и указъ 1627 г. въ II. С. З., т. II, № 1157. Уложеніе, XIX, 39; эта статья относится къ главѣ о посадскихъ людяхъ; но подъ понятіе черныхъ людей въ то время еще могли подойти и черносошные крестьяне, и посадскіе. П. С. З., т. I, №№ 10 и 112. Въ своей работѣ о „мостовыхъ и рѣшеточныхъ деньгахъ“, разсуждая объ этой политикѣ только примѣнительно къ XVII вѣку, я назвалъ возвращеніе къ прежнему принципу, уже высказанному въ договорѣ 1388 года, новой точкой зрѣнія лишь сравнительно съ приведенной здѣсь статьей Уложенія. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др., I, стр. 424 и его-же статья „Поземельные союзы“ и проч. въ Др., II, 2, стр. 221.

[2]) *Б Чичеринъ*, Оп. 88—91. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 147. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 75.

пленіемъ крестьянъ и выходъ изъ имѣнія частнаго владѣльца сталъ разсматриваться, какъ злоупотребленіе, запрещенное закономъ.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что правительство, ограничивая права черносошныхъ крестьянъ на свободу и на землю, не имѣло повода уничтожать тѣ зародыши общинной организаціи, которые были указаны выше, но и не покровительствовало ихъ развитію: мелкіе союзы, да и приходы, были слишкомъ мало пригодны для его цѣлей; послѣднимъ гораздо болѣе соотвѣтствовала та московская волостная организація, которая возникла, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тягла и получила административно-полицейскій, преимущественно финансовый характеръ.

Древнѣйшая исторія крестьянской общины слишкомъ мало извѣстна для того, чтобы можно было съ достовѣрностью приписывать ея происхожденіе вліянію одного тягла: по молчанію случайно дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ трудно заключать и объ отсутствіи самихъ явленій; да и въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы различать то значеніе, какое имѣло тягло, падавшее на какую нибудь бытовую земскую единицу, отъ сознательнаго вмѣшательства московскаго правительства во внутреннюю жизнь общины [1]); наконецъ, даже крестьянскую общину въ административно-полицейскомъ смыслѣ слѣдовало бы, можетъ быть, отличать отъ тѣхъ формъ ея, которыя сложились подъ преобладающимъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій того-же московскаго правительства.

Во всякомъ случаѣ, съ послѣдней, тяглой, точки зрѣнія понятно, почему прикрѣпленіе крестьянъ даже усилило развитіе ея: прикрѣпленіе давало волости такую власть надъ своими членами, которой она раньше не имѣла. Съ той же точки зрѣнія легко объяснить и безсословный, смѣшанный составъ волости и ея дѣятельность, поскольку послѣдняя признавалась и поощрялась правительствомъ, и ея зависимость отъ приказныхъ властей. Въ волостномъ союзѣ могъ участвовать всякій, кто готовъ былъ, тянуть тягло съ пріобрѣтеннаго имъ участка волостной земли, а въ той мѣрѣ, въ какой дѣла волости затрогивали казенный

---

[1]) Всѣ большія волости Чарондской округи, напримѣръ, дѣлились на приходы; каждый отдѣльный приходъ имѣлъ отдѣльнаго старосту; общаго волостнаго старосты не было въ такихъ волостяхъ (*Н. Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ Чарондской земской избы 1662—1663 гг., Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., апрѣль, стр. 272); о сравнительно второстепенномъ значеніи административнаго давленія на развитіе преимущественно современной крестьянской общины, и о вліяніи его главнымъ образомъ на ускореніе такого развитія см. въ статьѣ *А. Кауфмана*: Документы и живая исторія русской общины въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 9, стр. 67—109

интересъ, она была надѣлена извѣстными полномочіями отъ правительства, что, разумѣется, нисколько не устраняло его вмѣшательства во внутреннюю жизнь общины. Волостная община не только занималась раскладкой и взиманіемъ государственныхъ повинностей и сборовъ, назначаемыхъ огуломъ, и ручалась за своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи падавшихъ на нее обязанностей, но могла завѣдывать и многими другими дѣлами, преимущественно связанными съ тягломъ: она „сажала крестьянъ себѣ въ тягло на пустые участки“, т. е. раздавала участки волостной земли новоселамъ, наблюдала за тѣмъ, чтобы земля изъ тягла не выходила, отдавала свою землю въ наймы, мѣнялась ею, получала иногда разрѣшеніе выкупить ее у новаго ея владѣльца и покупала землю; община защищала судомъ приписанную къ ней землю; та-же община, кажется, имѣла въ общемъ пользованіи нѣкоторыя угодья; сохранились извѣстія, что она нанимала пустыя деревни или занимала деньги и т. п. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскія функціи волости особенно разрослись, когда къ нѣкоторымъ волостямъ временно были пріурочены и губныя учрежденія [2]). Возможно, что въ такихъ случаяхъ волость не всегда дѣйствовала въ качествѣ одного только казеннаго органа управленія. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что волость вѣроятно, была надѣлена и судебною властью; она, могла, иногда даже наказывать своихъ членовъ. На Мезени, напримѣръ, кто по вызову десятскаго не ходилъ городить мірской лугъ, съ того взыскивалась „поденьщина по одной гривнѣ въ день безпенно“, а за вторичное ослушаніе бралась застава по $2^1/_2$ рубля въ казну государеву, да по $2^1/_2$ рубля въ пользу міра [3]).

Впрочемъ нельзя, конечно, преувеличивать значеніе вышеуказанныхъ волостныхъ функцій. Слабость волости извѣстна изъ многихъ свидѣтельствъ. Волощане могли распоряжаться, напримѣръ, данными имъ участками помимо волостной общины, если только соблюдали условія, ограждавшія казенный интересъ. Въ извѣстныхъ намъ отступныхъ на черныя земли, форма которыхъ, повидимому, выработалась только въ XVI в., продавецъ заявляетъ, что онъ за опредѣленное вознагражденіе „отступается“ отъ „земли великаго князя, а своего владѣнія“, не „измогши съ той земли

---

[1]) *Н. Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., Спб., 1903 г., стр. 299—306, 393 и др. *М. Владимірскій-Будановъ*, Op., cit., стр. 546—558.

[2]) А. Э., т. I, №№ 187, 224, 281 и др. Доп. къ А. И., т. I, № 31; ср. *С. Шумаковъ*, Губныя и земскія грамоты, М., 1895 г., стр. 41, 118—119, 155—156.

[3]) *П. Ивановъ*, Op. cit. въ Др., т. II, в. 2. стр. 271.

службы великаго князя служити и хлѣба его сыного въ житницы сыпати и давать всякихъ разрубовъ земскихъ“ и т. п., при чемъ переносить эти податныя обязанности на покупателя, обозначая иногда даже срокъ, съ котораго послѣдній долженъ будетъ отбывать ихъ. Однако, и такія отступныя въ извѣстныхъ намъ случаяхъ совершались обыкновенно частнымъ порядкомъ, безъ участія правительственной власти. Сдѣлки, въ силу которыхъ плохой тяглецъ (за извѣстное вознагражденіе) отказывался отъ своего участка въ пользу новаго владѣльца, принимавшаго на себя отбываніе повинностей и уплату податей прежняго плательщика, оказывались выгодными для волости; будучи уже, очевидно, согласованы съ фискальными интересами московскаго правительства, онѣ въ значительной мѣрѣ вызывались его политикой. Наконецъ, само оно иногда разрѣшало служилымъ людямъ покупать волостныя земли, даже помимо вѣдома волости [1]).

Несмотря на слабость волости, извѣстны, однако, случаи, когда нѣсколько волостей соединялись въ цѣлую округу; дѣла ея, въ числѣ которыхъ могли быть и не одни „разводы“ и сборы податей, обсуждались и рѣшались волостными старостами и выборными отъ волостей на земскихъ съѣздахъ; такъ было на Чарондѣ; свѣдѣнія о дѣятельности чарондскаго земскаго съѣзда сохранились въ документахъ 1662—1663 годовъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что до средины XVII в. черносошные крестьяне далеко еще не вполнѣ обособились отъ остальныхъ слоевъ русскаго общества. Въ положеніи черныхъ волостныхъ и черныхъ посадскихъ людей было много общаго: посадскіе люди владѣли черной землей и, такимъ образомъ, входили иногда помимо желанія крестьянской общины въ составъ ея тяглецовъ, а волостные люди занимались промыслами и даже торговлей на посадѣ, чѣмъ порождали неудовольствіе посадскихъ людей. Вообще изъ многихъ документовъ того же времени видно, что между ними происходила глухая борьба, перешедшая и въ XVIII вѣкъ. Волостная организація, вѣроятно, нѣсколько пригодилась черносошнымъ крестьянамъ въ этой борьбѣ ихъ съ посадскими людьми, владѣвшими черною землею и уклонявшимися отъ крестьянскаго тягла: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ составъ „чарондской крестьянской общины“ (новгородской губ.),

---

[1]) А. Ю., №№ 9 и 23; въ этомъ дѣлѣ напечатано нѣсколько отступныхъ; № 136. *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV вв. и пр. М., 1883 г., стр. 72—73; въ двухъ отступныхъ XV в., условія, приводимаго въ нашемъ текстѣ, еще нѣтъ; въ отступныхъ позднѣйшаго времени—оно обыкновенно встрѣчается.

[2]) *Н. Оглоблинъ*, Op. cit. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., апрѣль.

судя по документамъ 1662—1663 гг., входили, повидимому, вмѣстѣ съ сельскими жителями одни только „пашенные крестьяне посада“, а не посадскіе люди; кое гдѣ появились особыя волостныя избы и всеуѣздные старосты, помимо посадскихъ. И тѣмъ не менѣе, насколько намъ извѣстно, до 1649 года правительство не издало ни одного общаго закона, въ силу котораго права волостныхъ людей были бы отграничены отъ правъ посадскихъ... Только въ Уложеніи обозначилось стремленіе правительства провести нѣкоторую грань между волостными и посадскими людьми путемъ прикрѣпленія ихъ къ тяглу; но оно едва ли существеннымъ образомъ отозвалось на судьбѣ черносошныхъ крестьянъ. Подобно дворцовымъ крестьянамъ, они могли сдать свои тягла и жить въ городахъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь платить подати вмѣстѣ съ посадскими людьми; въ качествѣ „государевыхъ тяглыхъ людей“, черносошные крестьяне могли владѣть лавками въ городахъ и брать на откупъ „таможни, кабаки и иные всякіе откупы“ [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ и послѣ появленія Уложенія населеніе поморскихъ уѣздовъ и городовъ смѣшивалось и противупоставлялось остальнымъ слоямъ его, преимущественно постольку, поскольку послѣдніе не отправляли возложенныхъ на нихъ обязанностей. Извѣстный указъ 1681 года о стрѣлецкой подати и бурмистерскія установленія 1699 года свидѣтельствуютъ о такой связи между „уѣздными“ и посадскими людьми; ихъ вѣдали сперва воеводы, а потомъ бургомистры; только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ [2]).

То же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и объ отношеніяхъ черныхъ людей къ „бѣломѣстцамъ“: духовенству и служилымъ людямъ. Въ виду поземельнаго характера волостной общины и бѣломѣстцы должны были входить въ составъ ея, если они владѣли черною землей и не были освобождены отъ тягла; такъ какъ послѣднее въ сущности ложилось на владѣльческихъ крестьянъ, то и они еще принуждены были по требованію волости „тянуть въ волостные разрубы и разметы“. Только съ теченіемъ времени, когда число бѣломѣстцевъ, путемъ ли привилегій или частныхъ злоупотребленій освободившихся отъ исполненія подобнаго рода обязанностей, значительно возросло,

---

[1]) Уложеніе, XVIII, 23; XIX, 15—17; въ статьѣ 15-й крестьянамъ запрещается владѣть лавками и т. п. заведеніями; но здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, только о владѣльческихъ крестьянахъ; ср. Доп. къ А. И., т. IV, № 101. П. С. З., т. I, № 307; т. II, № 1123; т. VII, № 4194. *А. Лаппо-Данилевскій*, Орг., 173—176. *Н. Дебольскій*, Op. cit., стр. 201—203.

[2]) А. Э., т. IV, № 250, (ср. впрочемъ ib., стр. 348). А. И. т. V, №№ 77 и 291 П. С. З., т. III, № 1715; т. VI, № 3708, гл. II и XIV и мн. др.

различіе въ положеніи черныхъ людей и бѣломѣстцевъ стало яснѣе прежняго: лишь со времени изданія Уложенія оно окончательно установилось и еще рѣзче выступило съ введеніемъ подушной подати, которую должны были платить одни только тяглецы, а не „благородные“.

2. Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ.

Въ иномъ положеніи оказались крестьяне, сидѣвшіе на частновладѣльческихъ земляхъ: они съ теченіемъ времени попали въ личную и имущественную зависимость отъ своихъ господъ-землевладѣльцевъ и благодаря ей стали рѣзко обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго русскаго населенія.

Образованіе класса крестьянъ, лишенныхъ „своей“ земли, объясняется весьма разнообразными причинами. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

На первыхъ порахъ вольные люди, вѣроятно, садились на чужую землю, по своей охотѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ ея надѣленъ былъ извѣстными привилегіями. Крестьянину выгодно было сидѣть за сильнымъ землевладѣльцемъ, вотчина котораго часто освобождалась отъ разныхъ сборовъ и повинностей и который защищалъ его отъ произвола и насилій со стороны сосѣдей и мѣстныхъ властей: не даромъ князь предоставлялъ монастырю, а иногда и владѣльцу изъ мірянъ, разныя льготы, обыкновенно лишь подъ условіемъ, чтобы льготчикъ не принималъ „тутошныхъ волостныхъ“ или „тяглыхъ“ людей; иногда правительство прямо требовало, чтобы льготчикъ „съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ не называлъ“. Даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда охотно записывались въ крестьяне для того, чтобы имъ, „скитаяся межъ разныхъ вотчинъ, не погибнуть напрасно“ [1]). Изъ случаевъ подобнаго рода видно, однако, что не одна только охота, но и нужда часто заставляла вольныхъ людей садиться на чужую землю. Такимъ же образомъ поступали и крестьяне-своеземцы: они бросали свои зе-

---

[1]) *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 272, 277, 278, 307—313. *М. Дьяконовъ*, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, Спб., 1893 г., стр. 21, пр. и Op. cit., стр. 180—187. *И. Ивановъ*, Op. cit. въ Др. т. I, вып. 3, стр. 413—440. *А. Лаппо-Данилевскій*, Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1900 г., стр. 13—15 и др. Любопытно, что частные владѣльцы прибѣгали къ такимъ же мѣрамъ: Василій Своеземцевъ, жертвуя земли Важскому Богословскому монастырю, обязалъ игумена не принимать къ себѣ „его, Васильевыхъ, половниковъ, ни отхожихъ людей“ (*А. Ефименко*, Op. cit., стр. 195).

мельные участки или переуступали ихъ новымъ владѣльцамъ. Случаи послѣдняго рода были сложнѣе остальныхъ, а потому и нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи.

Судя по нѣсколько позднѣйшимъ даннымъ XVI—XVIII вв., касающимся, главнымъ образомъ, поморскихъ уѣздовъ, крестьяне уступали свои земельные участки въ чужія руки, вѣроятно, частью подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ оказывалось крестьянское хозяйство, частью благодаря религіозному настроенію вкладчиковъ. Скудныя средства и беззащитность мелкихъ владѣльцевъ, хозяйства которыхъ были обложены тяжелыми государственными податями и повинностями, принуждали ихъ иногда отказываться отъ той земли, въ которой они всего болѣе нуждались. Не имѣя чѣмъ „прокормиться“ и „не измогши государевой дани давати“, бѣднѣйшіе крестьяне прибѣгали къ „земляной продажѣ или закладу“ и переуступали свои участки ближайшимъ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ; изъ сдѣлокъ подобнаго рода видно, что послѣдніе иногда оказывались ихъ кредиторами. Такую же роль „собирателей“ земельныхъ участковъ играли, вѣроятно, и другія лица, напримѣръ, посадскіе, владѣвшіе землею въ уѣздѣ, и монастыри. „Разъ успѣвъ захватить, хотя бы $^1/_{16}$ долю деревни, землевладѣлецъ, чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей“ и превращая „скудныхъ“, но все же „волостныхъ бывшихъ крестьянъ“ въ лицъ, „живущихъ за нимъ и работающихъ на него вмѣсто рабовъ“. Указанный путь обезземеленія былъ не единственнымъ: къ тому же результату приводила и добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ, вызванныхъ не только хозяйственными расчетами, но и религіозными побужденіями. Бывали, конечно, и такіе случаи, когда при переуступкѣ земли крестьянами лицамъ иного общественнаго положенія оба мотива могли взаимно встрѣчаться, что видно, напримѣръ, изъ одного дѣла 1657—1658 гг. Благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, крестьяне легко превращались въ земледѣльцевъ, лишенныхъ поземельной собственности; она переходила въ чужія руки, вѣроятно, не безъ злоупотребленій со стороны „сильныхъ“ людей [1]). Впрочемъ, крестьяне, переуступившіе свои земельные участки новымъ владѣльцамъ, продолжали иногда сохранять связь съ землею, но не въ качествѣ своеземцевъ, а только въ качествѣ крестьянъ порядчиковъ или

---

[1]) Ср. статью Судебника 1550 года, опредѣлявшую шестплѣтній срокъ для исковъ черныхъ людей о землѣ, захваченной боярами и монастырями; этотъ срокъ вдвое больше обыкновеннаго (Судебникъ II, 84).

половниковъ: къ этому они особенно стремились въ имѣніяхъ тѣхъ вліятельныхъ владѣльцевъ, за которыми сидѣть было выгодно. Можно думать, что въ предѣлахъ владѣній одного и того же лица, крестьянинъ, на первыхъ порахъ, даже продолжалъ иногда распоряжаться своимъ участкомъ, напримѣръ, могъ „продавать его, „тоя-жъ вотчины“ крестьянину. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы старались поставить въ зависимость отъ себя совершеніе подобнаго рода сдѣлокъ и стали требовать „явки“ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянинъ, осѣдавшій на прежнемъ своемъ участкѣ въ качествѣ порядчика или половника, принималъ на себя и исполненіе соотвѣтствующихъ обязанностей. Приведемъ два примѣра. Въ одной изъ древнѣйшихъ „порядныхъ“, извѣстныхъ въ печати (1544 г.), уже встрѣчается такое именно условіе: Елизарій Турбинъ уступилъ Тимофею и Барсану Селивестровымъ свой участокъ и порядился на него же (вмѣстѣ съ другимъ участкомъ), причемъ обязался „сѣяти на Семиверстовыхъ шесть пузовъ жита урокомъ“; въ 1593 году крестьянинъ Денисій Ефремовъ „положилъ“ свою землю въ церковь Введенія (Ростовской вол. Холмогорской епархіи), подъ условіемъ, чтобы церковный староста отдавалъ ее „пахати ему изъ жеребья“. Въ другихъ случаяхъ связь между прежнимъ собственникомъ и его поземельнымъ участкомъ утрачивалась; онъ „бродилъ по міру“ и часто становился арендаторомъ чужой земли или простымъ сельскимъ рабочимъ, легко терявшимъ и прежнюю волю [1]).

Само правительство иногда способствовало пополненію того же класса владѣльческихъ крестьянъ: многія изъ черныхъ волостей были не только превращены въ дворцовыя села, но розданы и въ частныя вотчины или помѣстья; черносошные крестьяне, сидѣвшіе на этихъ земляхъ, оказывались частно-владѣльческими: правда, до полнаго прикрѣпленія они имѣли право выхода въ сроки, установленные обычаемъ или закономъ, но постепенно возраставшая зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ все болѣе стѣсняла возможность для нихъ пользоваться своимъ правомъ. А по отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ они, конечно, должны были подвергнуться той участи, которая постигла и остальныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Судебники столь же мало содержатъ постановленій о вла-

---

[1]) А. Ю., № 23, стр. 55—56. Случай, приводимый въ текстѣ, не единственный изъ извѣстныхъ намъ: въ 1576 году, напримѣръ, поморецъ Каргопольскаго уѣзда Иванъ Строевъ продалъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю свою „деревню“ на р. Лямцѣ, причемъ порядился на ней „пахати орамыя земли и пожни“, а также платить съ нея оброкъ и дани и всякія подати государскія (Сборникъ граматъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ Библ. Спб. Дух. Акад., А., 11, 48, л. 87); ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 37. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 274—275.

дѣльческихъ крестьянахъ, какъ и о крестьянахъ черносошныхъ; въ нашихъ памятникахъ законодательства 1497 и 1550 гг. владѣльческіе крестьяне обыкновенно приравниваются въ своихъ правахъ къ черносошнымъ [1]), хотя, разумѣется, отличаются отъ нихъ, поскольку сидятъ на чужой землѣ. Это обстоятельство имѣло самое рѣшительное значеніе для послѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ.

Впрочемъ, владѣльческій крестьянинъ въ то время все еще признавался человѣкомъ свободнымъ, имѣвшимъ право перехода въ извѣстные сроки; онъ сидѣлъ на чужой арендуемой имъ землѣ; онъ устраивался на ней въ силу обычая самостоятельнымъ дворомъ и пользовался особымъ участкомъ пашни, а также соотвѣтствующими угодьями [2]); онъ заключалъ договоръ съ землевладѣльцемъ въ формѣ порядной. Всѣ условія поряда едва ли, однако, перечислялись въ порядной: въ нее обыкновенно включалось условіе объ арендѣ земли; въ той же записи преимущественно опредѣлялись тѣ обязанности, которыя крестьянинъ „по своему приговору“ принималъ на себя относительно господина, когда онъ рядился на участокъ его земли, и упоминалось о тяглѣ, которое онъ долженъ былъ тянуть вмѣстѣ съ другими крестьянами въ пользу государства [3]).

Величина участковъ, снимаемыхъ крестьянами, была чрезвычайно разнообразна. Нѣсколько болѣе однообразныя извѣстія можно собрать лишь относительно размѣровъ крестьянской запашки. Въ концѣ XV-го вѣка Новгородцы опредѣляли обжу слѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 16, пр. 1.

[2]) Судебникъ 1550 г., устанавливая взиманіе пожилого „съ воротъ“, кажется, имѣлъ въ виду именно дворъ крестьянина, а не его домъ (ст. 88). Крестьяне—по преимуществу люди „пашенные“; ср. П. С. Р. Л., IV, 209. Хотя въ документахъ того времени, въ писцовыхъ книгахъ и даже въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 26) упоминаются „крестьяне непашенные“, но, по крайней мѣрѣ въ то время, они составляли сравнительно малый процентъ сельскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходное съ ними положеніе занимали и бобыли; но на выясненіи его было бы слишкомъ долго останавливаться здѣсь; см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 206—242 и его же рецензію на книгу г. Сергѣевича (Древности рус. пр., т. III) въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7, стр. 187—196.

[3]) Пск. Суд. гр., ст. 85 уже упоминаетъ „запись“ о покрутѣ; одна изъ древнѣйшихъ порядныхъ, напечатанныхъ въ А. Ю., относится къ 1544 году (А. Ю., № 23, стр. 55—56); Рус. Ист. Библ., т. XIV стр. 37. Перечисленіе порядныхъ, напечатанныхъ до 1895 года, а также цѣлый рядъ новыхъ см. въ Актахъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, собр. М. Дьяконовымъ, Юрьевъ, вып. I; нѣсколько новыхъ порядныхъ см. въ соч. *Н. Дебольскаго*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., Спб. 1903 г., стр. 433—440. Здѣсь нѣтъ возможности упоминать о всѣхъ условіяхъ, включаемыхъ въ порядныя записи; о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, подмогѣ, ссудѣ и пр. см. ниже стр. 35—36 и 51—52.

дующимъ образомъ: „обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ“; позднѣе писцы часто писали на обжу, въ качествѣ земельной мѣры, по 5 дес. въ полѣ; но въ дѣйствительности размѣры запашки новгородскихъ крестьянъ колебались въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: до XVI-го вѣка въ пятинахъ приходилось на крестьянское хозяйство, напримѣръ, по $1^1/_2$—4 дес. въ полѣ. Въ центральной области дворцовая выть (за вычетомъ десятины на „посопный“ хлѣбъ) соотвѣтствовала обжѣ; но реальные размѣры крестьянской запашки въ нѣкоторыхъ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, судя по писцовымъ книгамъ 1570-хъ и позднѣйшихъ годовъ, уже довольно малы; въ тверскихъ владѣніяхъ в. кн. Симеона Бекбулатовича въ 1580—1581 гг., напримѣръ, числилось 2060 дворовъ, а крестьянской пашни вмѣстѣ съ льготной 6972,4 дес. во всѣхъ трехъ поляхъ, что составитъ лишь около 1,1 дес. запашки или 3,3 дес. во всѣхъ трехъ поляхъ на крестьянскій дворъ. Въ имѣніяхъ Морозова (XVII в.) осьмакъ земли (отъ $^3/_4$ до $1^3/_4$ дес. смотря по качеству почвы) также служилъ обычною нормою пахотного тягла на каждое крестьянское хозяйство. На южной украйнѣ, благодаря обилію земли, пригодной для обработки, величина запашки, приходившейся на дворъ, была еще большею частью довольно высока: въ оболенскихъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, за 92 дворами было описано до 533,5 четвертей пашни, т. е. до 5,8 четвертей (или 2,9 дес.) пашни на дворъ. Развитіе барщины въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ позднѣйшаго времени, конечно, не способствовало увеличенію крестьянской запашки, а ея размѣрами, (за исключеніемъ развѣ сѣвера), въ большинствѣ случаевъ, опредѣлялось и благосостояніе крестьянскаго двора: значитъ, можно предполагать, что оно понизилось уже до смутнаго времени: послѣднее только способствовало дальнѣйшему его понижению [1]).

Обязанности, исполненіе которыхъ крестьянинъ принималъ на себя въ силу поряда, были различной сложности, смотря по тому, поступалъ-ли онъ въ готовый дворъ и садился-ли на разработанный участокъ пашни, или долженъ былъ обзаводиться новымъ хозяйствомъ. Судя по извѣстнымъ намъ порядным, случаи послѣдняго рода часто повторялись. Для того, однако, чтобы обзавестись хозяйствомъ и пользоваться землею, нужно было имѣть кое-какія средства; крестьянинъ далеко не всегда располагалъ ими: въ такихъ случаяхъ, кромѣ льготы отъ уплаты податей,

[1]) *И. Соколовскій*, Ист. сельск. общ. 24—32. *А. Никитскій*, Ист. эк. быта Вел. Новгорода, стр. 53—57. *И. Лаппо*, Тверской уѣздъ въ XVII в., стр. 204 и 205. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 146—153, 185, 195—201 и мн. др. Исторія удѣловъ, т. II, стр. 12 и примѣч. ст. 4—5. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 24—25.

напримѣръ, на одинъ, два года и болѣе, онъ обыкновенно бралъ отъ господина еще „подмогу“. Хотя „подмога“ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, пожалуй, имѣла разныя значенія, но въ XVI и началѣ XVII вѣка великорусскій крестьянинъ получалъ ее въ качествѣ пособія деньгами, хлѣбомъ и разными другими принадлежностями хозяйства на всякій „крестьянскій заводъ“. За подмогу онъ, кажется, долженъ былъ привести снятый имъ участокъ въ состояніе, пригодное для веденія на немъ хозяйства; по крайней мѣрѣ, въ силу порядныхъ того времени, крестьянинъ „за льготу и за подмогу“ обязывался починить старыя постройки или поставить новыя, „деревню распахать, поля огородить“ и т. п.; въ противномъ случаѣ онъ иногда прямо включалъ въ условія порядной обязательство вернуть подмогу землевладѣльцу; сохранились указанія на возвращеніе подмоги крестьяниномъ и въ томъ случаѣ, когда онъ „выходилъ“ изъ имѣнія.

Впрочемъ, на какую бы землю „пашенный крестьянинъ“ ни садился, онъ рано или поздно долженъ былъ приняться за исполненіе обязанностей, обусловливавшее пользованіе снятымъ имъ участкомъ господской земли. Нормы ихъ могли въ извѣстной мѣрѣ зависѣть отъ особенностей данной мѣстности и устанавливаться обычаемъ: порядчикъ долженъ былъ пахать свой участокъ, не запереложить его, чистить луга и т. п., а также вообще работать и платить господину, „какъ прочіе крестьяне“ или „какъ въ людяхъ ведется“; но въ порядныхъ эти нормы лишь подразумѣваются, а не указываются. Такимъ образомъ, при постоянныхъ колебаніяхъ величины земельныхъ участковъ, снимаемыхъ крестьянами, и въ виду отсутствія какихъ-либо точно установленныхъ нормъ, опредѣленіе обязанностей съемщика въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ частнаго соглашенія его съ землевладѣльцемъ. Отсюда въ дѣйствительности проистекали два послѣдствія: большое разнообразіе и большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей и платежей. Разнообразіе ихъ замѣтно въ пестрой смѣси различныхъ обязанностей, падавшихъ на одного и того же порядчика: неравномѣрность—въ постоянныхъ колебаніяхъ тяжести крестьянскаго издѣлья и высоты оброка, составлявшаго „доходъ“ землевладѣльца, не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи и, приблизительно, въ одинъ и тотъ-же періодъ времени.

Разнообразіе издѣльныхъ повинностей крестьянъ обнаруживается уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ граматахъ, опредѣлявшихъ нормы ихъ для цѣлыхъ имѣній. Главнѣйшія изъ этихъ повинностей можно, кажется, разбить на слѣдующія группы 1) дѣло на господскомъ дворѣ (дворъ подѣлывать, хоромы ста-

вить, сады оплетать и пр.); 2) полевая страда, главнымъ образомъ, на пашнѣ и сѣнокосѣ землевладѣльца; 3) остальныя работы, предназначенныя для доставленія или пополненія барскаго „запаса“ и другія болѣе мелкія „издѣлья“; 4) наконецъ, „повозъ“, т. е. обязанность доставлять на крестьянскихъ же подводахъ всякіе сборы и продукты хозяйства на барскій дворъ, а иногда даже въ столицу. Въ такой группировкѣ представляются намъ, напр., издѣльныя повинности крестьянъ Константиновскаго монастыря: онѣ перечислены въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной этому монастырю въ 1391 году. „Сироты монастырскіе били въ то время челомъ митрополиту Кипріану на игумена Ефрема, говоря, что онъ „наряжаетъ имъ дѣло не по пошлинѣ“ (т. е. не по тому, какъ пошло изъ старины). Митрополитъ обратился за справкою къ самому игумену Ефрему, а послѣдній сослался на прежняго игумена Константиновскаго монастыря, по имени Царка, въ то время проживавшаго въ Москвѣ. На вопросъ о томъ, „какова пошлина въ Святомъ Константинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати?“, Царко отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ. „При моемъ игуменствѣ такъ было въ Святомъ Константинѣ: большіе люди изъ монастырскихъ селъ церковь наряжали, монастырь и дворъ тынили, хоромы ставили, игумновъ жребій весь ролы (пашни) орали взгономъ, и сѣяли, и жали и возили, сѣно косили десятинами и въ дворъ ввозили, ѣзъ били и вешній, и зимній, сады оплетали, на неводъ и на бобры въ осенинѣ ходили, пруды прудили, и истоки забивали... а пѣшеходцы изъ селъ къ празднику рожь мололи и хлѣбы пекли, солодъ мололи, пиво варили и на сѣмя рожь молотили; а если игуменъ ленъ давалъ, они его пряли, сѣжи и дѣли неводныя наряжали“... Кромѣ только что перечисленныхъ издѣльныхъ повинностей, монастырскіе крестьяне „на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену, что у кого въ рукахъ“, а также „давали на праздникъ яловицу; а въ которое село пріѣзжалъ игуменъ въ братчину и сыпци давали по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ“. На основаніи приведеннаго показанія Царка о монастырской пошлинѣ и согласныхъ съ нимъ показаній другихъ лицъ („въ Володимери“), митрополитъ „такъ рекъ игумену Ефрему и христіанамъ монастырскимъ: ходите же вси по моей грамотѣ; игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ“. Такимъ образомъ, въ силу этой граматы, крестьяне Константиновскаго монастыря должны были по прежней его пошлинѣ и послѣ 1391 года отбывать въ его пользу цѣлый рядъ издѣльныхъ повинностей и кромѣ того платили ему „мелкій доходъ“, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей оставшійся безъ даль-

нѣйшаго опредѣленія. Аналогичныя группы повинностей встрѣчаются и въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ XVI-го вѣка, хотя, разумѣется, содержаніе каждой изъ такихъ группъ (особенно послѣдней) измѣнялось въ зависимости отъ мѣста и времени. Крестьяне Соловецкаго монастыря въ Бѣжецкой его вотчинѣ, судя по уставной грамотѣ 1561 г., „дворъ монастырскій и гумно подѣлывали“; далѣе, они сѣяли и пахали пашню на монастырь, по четверти ржи, да по двѣ четверти овса (или другого хлѣба) съ выти, также „повозъ“ возили и кромѣ того, привозили на монастырскій дворъ дрова, по нѣсколько возовъ съ выти; сверхъ всѣхъ этихъ урочныхъ работъ, которыя крестьянамъ приходилось начинать подъ страхомъ денежнаго штрафа, „на солнечномъ восходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ“, они должны были монастырское дѣло дѣлать, „въ честь“, когда приказчикъ ихъ позоветъ, „и кто придетъ и приказчику тѣхъ людей кормить монастырскимъ хлѣбомъ“ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что крестьянская барщина, по крайней мѣрѣ до XVI вѣка, едва-ли была сильно развита: въ древнее время ее исполняла скорѣе сельская челядь (холопы), чѣмъ крестьяне; въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV—XVI вв. извѣстія о крестьянской барщинѣ встрѣчаются довольно рѣдко, да и размѣры ея еще очень малы; у одного изъ крупныхъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ своей запашки было, повидимому, только 7—10 дес. Судя потому, какъ московскіе помѣщики хозяйничали въ своихъ новгородскихъ владѣніяхъ, да и на основаніи другихъ показаній, можно думать, что до середины XVI в. и въ другихъ мѣстностяхъ барщина была еще мало развита: въ имѣніяхъ лучшихъ хозяевъ того времени она начинаетъ играть замѣтную роль только къ концу XVI столѣтія; даже въ то время не только бѣдные, но и самые богатые землевладѣльцы продолжали въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ сдавать почти всю свою землю крестьянамъ; у Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черемхѣ и Закотороскомъ станѣ было 979 четвертей пашенной земли (въ одномъ полѣ): изъ нихъ всего 20 четвертей отведено было подъ собственное монастырское хозяйство; остальные числились за крестьянами [2]). Изъ примѣровъ подобнаго рода

---

[1]) А. Э., т. I, № 11; ср. уставную грамоту Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго верха, села Пузырева, крестьянамъ 1561 г. (А. Э., т. I, № 257; выдержки изъ нея приводятся и въ дальнѣйшемъ изложеніи) и уставную грамоту патріарха Іова Новинскому монастырю 1590 г. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и др., т. II, Смѣсь, стр. 17—21).

[2]) Пис. кн., изд. подъ ред. Н. Калачова, I, 2, стр. 1—8; въ писцовой книгѣ Звенигородскаго уѣзда 1592—1593 гг. мнѣ встрѣтился слѣдующій случай: царь

нельзя заключать объ однообразіи крестьянскихъ повинностей: даже если полагать, что размѣры барщины въ XVI вѣкѣ были довольно постоянны (1—1½ десятины съ выти), все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что издѣльныя повинности до позднѣйшаго времени часто комбинировались съ уплатою „дохода“ землевладѣльцу и что ближайшіе крестьяне, приписанные къ его „селу“, уже отбывали барщину въ то время, когда болѣе отдаленные крестьянскіе дворы, подвластные ему, облагались другими повинностями и платежами.

Тоже разнообразіе и въ особенности неравномѣрность замѣтны въ тѣхъ крестьянскихъ платежахъ, изъ которыхъ слагался „доходъ“ землевладѣльца.

Для уплаты главнаго дохода (его слѣдуетъ отличать отъ мелкаго) крестьянамъ приходилось или отдавать часть урожая землевладѣльцу или платить ему оброкъ, размѣры котораго опредѣлялись какъ нибудь иначе; даже въ позднѣйшее время землевладѣлецъ иногда предоставлялъ своимъ крестьянамъ „сѣять на себя исполу или изъ оброка“.

Въ Московскомъ государствѣ половничество, по крайней мѣрѣ до XVII-го вѣка, было довольно распространенною формою хозяйства. Псковская судная грамота въ одной изъ своихъ статей упоминаетъ о такихъ изорникахъ, которые давали землевладѣльцу четвертую часть своихъ полевыхъ произведеній; но доля продукта въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время бывала, конечно, различна: иногда крестьяне обязывались давать землевладѣльцу только „пятый снопъ во всякомъ хлѣбѣ, да пятую копну изъ сѣнокосу“, напримѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда принимали на себя еще исполненіе другихъ работъ; иногда та же часть доходила до одной четверти, до одной трети или даже до половины. Бывали случаи, когда одинъ и тотъ же крестьянинъ поряжался въ половники на разныхъ условіяхъ у одного и того же владѣльца; такъ напримѣръ, въ имѣніи Пѣшежскаго Черногорскаго монастыря Шелутковъ порядился въ половники на участокъ не распаханной земли; послѣ восьмилѣтней льготы, онъ долженъ былъ, въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣлять въ пользу монастыря четверть, а черезъ восемнадцать лѣтъ одну треть сбора.

Впрочемъ часто попадаются случаи, когда при относительно малой долѣ урожая, выплачиваемаго господину, полов-

---

Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ Троицѣ-Сергіеву монастырю с. Кляново изъ дворцовыхъ селъ; въ немъ, надо полагать, была и дворцовая пашня; но въ писцовой книгѣ 1592—1593 гг. записано: „пашни паханые, монастырскіе сер. земли 40 чети, и та пашня роздана крестьянамъ“ (Писц. кн., I, 1, стр. 688). *В. Сергѣевичъ*, Op. cit., III, 95.

ники сверхъ того платили ему и натуральный или денежный оброкъ. Условія о взносѣ половины сбора, притомъ за вычетомъ „хозяйскихъ сѣмянъ“, встрѣчаются и въ старѣйшихъ извѣстіяхъ (конца XV вѣка), и въ позднѣйшихъ порядныхъ XVII-го вѣка, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ опредѣляется въ размѣрѣ $^3/_5$ „приполошнаго хлѣба“; но даже и такія обязанности комбинируются съ другими [1]).

Одно изъ существенныхъ отличій оброчной системы отъ половничества состояло, конечно, въ томъ, что оброкъ былъ точно опредѣленной „податью“, величина которой прямо не зависѣла отъ степени урожая даннаго года. Такой оброкъ могъ быть или натуральнымъ или денежнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно наблюдать, какъ хозяйство постепенно проходило вышеуказанныя формы. Судя по переписной книгѣ Вотской пятины, 1500 года, напримѣръ, землевладѣльцы обыкновенно получали доходъ съ крестьянъ долею продукта; къ концу того же вѣка слѣдовъ половничества здѣсь не замѣтно: взамѣнъ „трети изъ хлѣба“ крестьяне тоій же мѣстности, сверхъ издѣлья, уже въ 1568 году, повидимому, чаще прежняго взносили хлѣбъ „посполѣ“, т. е. въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, напримѣръ, съ каждоій обжи по 1 коробьѣ ржи, 1 четверткѣ жита, 1 четверткѣ пшеницы и $^1/_2$ коробьи овса, не считая небольшого денежнаго сбора, или платили прямо денежный оброкъ, обычный размѣръ котораго по книгѣ 1 рубль съ обжи.

Въ XVI вѣкѣ землевладѣльческій оброкъ слагался обыкновенно изъ натуральнаго и денежнаго. Впрочемъ, извѣстны случаи, когда крестьяне облагались однимъ изъ этихъ видовъ оброка безъ другого: бѣжецкіе крестьяне села Пузырева, напримѣръ, платили оброкъ монастырю только хлѣбомъ; но съ теченіемъ времени чаще замѣтно исключительное примѣненіе денежнаго оброка (см. ниже).

Высота оброка зависѣла, повидимому, отъ многихъ условій, въ томъ числѣ отъ качества почвы и отъ льготы; льгота могла имѣть разныя степени: какъ въ вышеприведенномъ случаѣ съ

---

[1]) Пск. Суд. гр., ст. 42, 63. А. Ю., № 176; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 341—342 и Акты, I, №№ 15, 72 и др.; тамъ же списокъ порядныхъ въ половничество; въ рѣдкихъ случаяхъ „шестой снопъ“ (А. Ю., №№ 177 и 184). *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 31—37. Такъ какъ половничество было въ сущности особою формою хозяйственной эксплоатаціи земли, то на сѣверѣ встрѣчались крестьяне, владѣвшіе земельными участками, но сверхъ того снимавшіе исполу чужую землю; см. *П. Ивановъ*, Op. cit., Др. I, в. 3, стр. 437; въ большинствѣ случаевъ, однако, хозяйственное положеніе половниковъ было, вѣроятно, хуже крестьянскаго.

половникомъ Шелутковымъ, такъ и при уплатѣ землевладѣльческаго оброка, послѣдній повышался постепенно: „а монастырскаго оброку, писали, напримѣръ, порядчики въ одной порядной 1585 года, дати въ два годы—на годъ по рублю, а въ третій годъ дати намъ оброку—два рубля“ [1]). Размѣры оброка, вѣроятно, записѣли кромѣ того и отъ той комбинаціи, въ которой землевладѣлецъ соединялъ свой доходъ съ издѣльемъ. Бѣжецкіе крестьяне села Пузырева Соловецкаго монастыря, напримѣръ, при довольно значительномъ количествѣ возложенныхъ на нихъ повинностей, давали ему только по 4 четверти ржи да по 4 четверти овса съ выти, что составляло, примѣрно, по цѣнамъ того времени едва ли больше 1 рубл. 60 коп. (1561 г.); между тѣмъ костромскіе крестьяне села Ѳедоровскаго Троицы-Сергіева монастыря, не пахавшіе на него пашни, платили ему по 2 рубля съ выти (1592—1593 гг.) [2]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что мелкій доходъ могъ также имѣть нѣкоторое значеніе для установленія размѣровъ оброка. Одно и то же условіе (напр. качество почвы), по всей вѣроятности, могло разно вліять на колебанія разныхъ видовъ оброка, а одинаково равномѣрное возрастаніе или убываніе обоихъ вмѣстѣ, надо полагать, чаще замѣнялось повышеніемъ одного изъ нихъ на счетъ другого; слѣдовательно, есть основаніе предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оба вида оброка комбинировались, совокупная цѣнность ихъ подвергалась, меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ ея слагаемыя, порознь взятыя. Тѣмъ не менѣе и сумму денежнаго оброка вмѣстѣ съ натуральнымъ, въ переводѣ послѣдняго на деньги, едва ли можно признать постоянной величиной; въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы не въ состояніи усмотрѣть разницы въ прочихъ условіяхъ и все же наблюдаемъ большую разницу въ размѣрахъ платы за землю. Такіе случаи встрѣчаются въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, напримѣръ, въ описаніи Вышневолоцкаго уѣзда: здѣсь одна деревня въ 1 дворъ съ 1 обжи, на которой было посѣяно 3 коробьи хлѣба, платила (въ переводѣ на тогдашнія деньги) помѣщику— 8 денегъ, а другая деревня съ такимъ же хозяйствомъ другому помѣщику — $27^1/_2$ денегъ; или обратно, въ одномъ и томъ же имѣніи двѣ деревни, изъ которыхъ одна въ 1 дворъ и

---

[1]) Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются такія указанія о новоселахъ: „сѣлъ ново, пашни нѣтъ“, „старого дохода не было, сѣли ново“ (Писц. кн. новгород., II, 95 и др.). А. Ю., № 183. Рус. Ист. Библ., XII, 129; XIV, 37, 61, 96, 97, 100. Ср. выше стр. 39 и ниже стр. 43.

[2]) Здѣсь и въ послѣдующихъ указаніяхъ на цѣны, онѣ не переводятся на современныя; попытки выяснить цѣнность старичнаго рубля въ разное время см. въ слѣд. соч.: *В. Ключевскій*, Русскій рубль XVI—XVIII вв., М., 1884 г. *Н. Рожковъ*, Op. cit., гл. III и Исторія Удѣловъ, Спб., 1902 г., т. II, ч. 1, прим. 13.

сѣяла 4 коробы, была положена въ 1 обжу, а другая въ 3 двора и сѣяла 8 коробей, была положена въ 2 обжи, платили владѣльцу „стараго дохода“ только деньгами по $2^1/_2$ гривны [1]). Нѣчто подобное, вѣроятно, происходило и въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне платили исключительно денежный оброкъ, величина его даже въ одной и той же мѣстности и въ одно и то же время часто колебалась: въ имѣніяхъ Троицы-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ Нерехотской волости, крестьяне сельца Солтонова да сельца Козлищева пашни не пахали, а платили съ выти по 1 рублю; крестьяне же приселка Жарова съ деревнями, также не пахавшіе пашни, платили, однако, съ выти по 2 рубля [2]).

Итакъ, въ крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ XVI-го вѣка замѣтны и разнообразіе и неравномѣрность. Можно думать, что такое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что виды и размѣры ихъ зависѣли не только отъ мѣстныхъ условій, но и отъ усмотрѣнія землевладѣльца: иногда самъ порядчикъ обязывался всякую страду господина „со крестьяны страдати“, какъ онъ ему „прикажетъ“, или платить денежный оброкъ, „чѣмъ онъ (его) изоброчитъ“. Такимъ образомъ, вотчинники и помѣщики „свои подати клали на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого взяти“ [3]).

Впрочемъ, съ теченіемъ времени, изъ смѣси разнообразныхъ обязанностей, которыя крестьяне исполняли въ пользу землевладѣльца, стали выдѣляться преимущественно двѣ, а именно: барщина и денежный оброкъ.

Развитіе барщины зависѣло отъ различныхъ условій, напримѣръ: отъ качества почвы и отъ того, проживалъ ли землевладѣлецъ въ данномъ имѣніи. Въ памятникахъ встрѣчаются указанія на размѣры барской запашки, по которымъ можно судить и о развитіи барщины. Въ концѣ XVI-го вѣка уже встрѣчаются случаи поглощенія всѣхъ остальныхъ обязанностей крестьянъ въ

---

[1]) Ппс. кн. новг., I, 11—12, 90; III, 115 (сверхъ того сѣна по 10 и 20 кк.) ср. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 234—258; ср. *В. Сергѣевичъ*, Op. cit., III, 110—111.

[2]) А. Э., т. I, № 307. Ппс. кн., подъ ред. Н. Калачева, I, 2, стр. 896.

[3]) А. Ю. № 196, I. (1630 года). Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. I № 5 (1627 года), и др. Въ монастырскихъ грамотахъ, указанныхъ выше, напримѣръ въ извѣстной грамотѣ 1561 г., иногда говорится, что онѣ выданы по челобитью крестьянъ, но объ условіи между ними и землевладѣльцемъ рѣчи нѣтъ; составители грамотъ часто называютъ ихъ не уставными, а только „жалованными“ или „жалованными несудимыми“ (А. Э., т. I, № 201); впрочемъ грамота 1560 г. Троицы-Сергіева монастыря называется „уставною“ (А. Э. т. I, № 255); ср. выраженію „есмя уложили“ и пр. въ А. Э., т. I, № 268. *Г. Котошихинъ*, XI, 3.

пользу землевладѣльца—одною барщиной: въ 1590 году кишкинскіе крестьяне Троицы-Сергіева монастыря должны были, взамѣнъ отправленія разнообразныхъ повинностей и „за всякіе монастырскіе доходы“ „пашню пахать на монастырь, по пяти десятинъ съ выти“. При научной оцѣнкѣ извѣстій о собственной запашкѣ землевладѣльцевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, конечно, что она часто производилась при помощи ихъ „людей“ (т. е. холоповъ), а не только крестьянъ; но возрастаніе барской запашки, наблюдаемое къ концу XVI вѣка, едва-ли можно объяснить однимъ только увеличеніемъ числа дворовыхъ людей или наймомъ рабочихъ. Хотя ростъ холопскаго населенія XVII-го вѣка въ такихъ уѣздахъ, напримѣръ, какъ Калужскій и Тульскій, а въ особенности въ Веневскомъ и Орловскомъ, весьма замѣтенъ, однако, писцовыя книги свидѣтельствуютъ о томъ, что и крестьяне работали на барской пашнѣ. Наемные дѣловые люди (вѣроятно въ рѣдкихъ случаяхъ, у богатыхъ вотчинниковъ) также исполняли иногда работы подобнаго рода, напримѣръ, въ вотчинахъ боярина Морозова; однако въ имѣніяхъ того же боярина крестьяне не только привлекались къ отбыванію барщины среднимъ числомъ по боярской десятинѣ въ полѣ съ 6—8 дворовъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ сѣнокоса, но (въ низовыхъ его вотчинахъ) должны были постоянно увеличивать, въ качествѣ тягловаго издѣлья, прежнія пашни и сѣнокосы новыми росчистями, съ десяти вытей по десятинѣ [1]). Итакъ, можно думать, что увеличеніе барской запашки отчасти указываетъ и на развитіе крестьянской барщины. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно къ концу XVI вѣка, барская запашка уже получаетъ довольно видное мѣсто. Въ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ трехъ станахъ Юрьево-Польскаго уѣзда, судя по писцовой книгѣ 1592—1594 гг., числилось до 1799 четвертей доброй и середней земли; изъ нихъ до 531 было отведено подъ монастырскую пашню, что составляетъ до 29,5% пашенной земли описанныхъ имѣній. Такое же явленіе можно наблюдать и въ вотчинахъ свѣтскихъ лицъ въ прикамской области: въ великопермскихъ владѣніяхъ С. и М. Строгановыхъ (т. е. въ Чусовой, Сылмѣ и Яйвѣ) барская запашка достигала довольно крупныхъ размѣровъ и, во всякомъ случаѣ, имѣла не менѣе существенное значеніе въ ихъ хозяй-

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Большой боярпнъ и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 27, 47; № 2, стр. 465, 468; боярская десятина была величиною въ 80 саж. длинпику и 80 саж. поперечнику. При наемномъ трудѣ расходы вотчинника въ нѣкоторыхъ случаяхъ были довольно значительны; см. *П. Ивановъ*, Документы Крестнаго Онежскаго монастыря въ Др., I, 3, стр. 518. Ср. Уложеніе, XVI, 38.

ствѣ [1]). Судя по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ, довольно сильное развитіе барской запашки замѣтно даже въ центральныхъ уѣздахъ, напримѣръ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ, а также въ южныхъ уѣздахъ,—напримѣръ, въ Воротынскомъ и въ Карачевскомъ. [2]). Извѣстія того времени о числѣ дней, въ теченіе которыхъ крестьянинъ долженъ былъ „боярское здѣлье дѣлати“ на господина, встрѣчаются, однако, довольно рѣдко: въ нѣсколькихъ порядныхъ XVII-го вѣка оно опредѣляется въ размѣрѣ двухъ дней въ недѣлю, причемъ каждый порядчикъ обязывался работать съ „лошадью“. Въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка эта повинность колебалась въ предѣлахъ 2—4 десятинъ на выть крестьянской земли [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что установленіе размѣровъ издѣльныхъ повинностей уже въ то время допускало со стороны землевладѣльца больше произвола, чѣмъ оброкъ, особенно съ того времени, когда крестьяне потеряли право перехода и, слѣдовательно, утратили одно изъ самыхъ существенныхъ средствъ противъ такого произвола. Въ вотчинахъ боярина Морозова провинившіеся крѣпостные (въ томъ числѣ и крестьяне) сѣкли лѣсъ подъ пашню и сѣнокосъ, подъ особымъ надзоромъ прикащика: „посланъ къ тебѣ, писалъ ему однажды бояринъ, будникъ Ѳедька (приготовлявшій поташъ) и тебѣ его принять и посадить въ кандалы и отдать въ работу къ дѣловымъ и беречь крѣпко, чтобы не ушелъ, а желѣза ножныя, которыя на немъ, прислать къ Москвѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя изъ издѣльныхъ повинностей принимали болѣе изощренныя формы: въ вотчинахъ Морозова крестьяне обязаны были, напримѣръ, заниматься приготовленіемъ поташа, который бояринъ сбывалъ съ большими выгодами на европейскіе рынки: для этого онъ не стѣснялся „сильно“ (т. е. насильно) отдавать „добрыхъ и умныхъ крестьянъ“ въ будное ученіе; а между тѣмъ будное дѣло можно было сдѣлать тяжелою повинностью: когда бояринъ указалъ бурцовскимъ крестьянамъ своей курмышской вотчины жечь золу и дрова ставить на лысковскіе майданы противъ лысковскихъ кре-

---

[1]) А. Э., т. I, № 348. II. Писц. кн., изд. Н. Калачевымъ, I, 1, стр. 851—856. *Н. Устряловъ*, Строгановы, Спб., 1842 г., 37—41; точность цыфровыхъ показаній, приведенныхъ въ грамотѣ 1692 г. изъ книгъ И. Яхонтова, вызываетъ сомнѣнія.

[2]) Писцовыя книги 1620-хъ годовъ далеко не всѣ содержатъ свѣдѣнія порознь о количествѣ барской и крестьянской пашни.

[3]) *И. Бѣляевъ*, Op. cit., 158—159. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 238. Въ одной бобыльской порядной 1648 года бобыль также обязуется, чтобы ему „всякое здѣлье дѣлать на своего государя“, по „пѣшему“, т. е., вѣроятно, безъ лошади.

стьянъ—на выть дровъ давать по 12 сажень, а золы жечь на выть по 120 четвертей, то крестьяне „гораздо ужаснулись“ [1]).

Впрочемъ, развитіе барщины и изощренныхъ формъ издѣлья въ однѣхъ мѣстностяхъ не исключало, конечно, развитія въ другихъ денежнаго оброка, уплатою котораго замѣнялись прочія повинности порядчика; на ряду съ крестьянами барщинными все чаще появляются и крестьяне оброчные, особенно въ имѣніяхъ, гдѣ земля была похуже, или гдѣ владѣльцы сами не проживали. Уже въ XVI вѣкѣ можно указать довольно много примѣровъ уплаты оброка деньгами; въ нѣкоторыхъ вотчинахъ крестьяне платили денежный оброкъ землевладѣльцу и за издѣлье, включая въ него иногда полевую страду. Крестьяне предпочитали барщинѣ оброчную систему: однажды крестьяне Крестнаго монастыря (въ 1673 году) пришли въ монастырь и говорили „недобре вѣжливо“ монастырскимъ властямъ, чтобы имъ монастырской страды не страдать и за всякіе взносы и сдѣлья платить по 2 рубля, вмѣсто прежнихъ 10 [2]). Въ данномъ случаѣ, однако, ясно обнаружилась и оборотная сторона дѣла: крестьяне высказали свое предпочтеніе денежному оброку, но не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требовалъ его землевладѣлецъ: послѣднему, при оброчной системѣ, труднѣе было вмѣшиваться во внутреннюю жизнь крестьянской общины, за то легко было повышать размѣръ самого оклада. Въ самомъ дѣлѣ ростъ такого оклада можно наблюдать въ XVI вѣкѣ. Московскіе помѣщики, хозяйничавшіе на новгородскихъ земляхъ, уже охотно содѣйствовали этому росту: они иногда значительно увеличивали прежній денежный окладъ, которымъ были обложены крестьяне. И позднѣе, сравнивая показанія писцовыхъ книгъ 1540-хъ и 1580-хъ годовъ, легко замѣтить перемѣну въ размѣрахъ оброка: помѣщики Бѣжецкой пятины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляя прежній денежный оброкъ, въ видѣ прибавки взимали со своихъ крестьянъ еще новый: натуральный; въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Вотской пятинѣ, за то-же время повысились размѣры денежнаго оброка [3]). Въ настоящее время трудно сказать, находился ли въ связи такой ростъ съ повышеніемъ реальной цѣнности оклада или исключительно стоялъ въ зависимости отъ обезцѣненія рубля. Если принять во вниманіе, что въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580-хъ годахъ

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit. ib., стр. 468, 483.

[2]) Писц. кн., изд. подъ ред. Н. Калачева, I, 1, стр. 68, 284, 744, 777 и др. *И. Ивановъ*, Op. cit., ib., стр. 530.

[3]) *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 237, 254 и др.; ср. выше и ниже замѣчанія на стр. 38 (о дѣланіи дѣла сверхъ урочнаго дѣла) и на стр. 48 (о „дарахъ“).

сборы съ крестьянъ возрасли въ видѣ добавочнаго натуральнаго (а не денежнаго) оброка, что одна и та же денежная сумма могла имѣть въ доходѣ крестьянина и въ доходѣ землевладѣльца разныя значенія и что послѣднему трудно было воздержаться отъ стремленія повысить реальную цѣнность оброка, то едва-ли удастся свести увеличеніе послѣдняго къ перемѣнамъ въ одной только номинальной его стоимости; притомъ можно даже сомнѣваться, чтобы въ колебаніяхъ величины оброка и цѣнности рубля того времени, особенно въ 1540—1580 гг., существовало полное соотвѣтствіе. Какъ бы то ни было, въ XVII-мъ вѣкѣ встрѣчаются случаи, когда денежный оброкъ сбирался въ размѣрѣ около 1 рубля съ двора; въ нижегородскихъ имѣніяхъ Морозова „средняя или постоянная цифра тяглового денежнаго сбора“ составляла 15 рублей съ выти (въ 12—16 дворовъ?); но бывали оклады и по 6 и по 24 рубля съ выти. Съ потерей права свободнаго перехода, крестьяне потеряли и возможность существеннымъ образомъ реагировать противъ такихъ произвольныхъ повышеній оклада денежнаго оброка со стороны землевладѣльцевъ. Хотя, разумѣется, они и должны были сообразоваться съ общими условіями данной мѣстности и даннаго времени, но все же эти повышенія бывали иногда довольно значительны: крестьяне богатаго приволжскаго села Лыскова, пока они были въ дворцовомъ вѣдомствѣ, платили по 7 р. 50 к., съ выти; по пожалованіи Лыскова Морозову, положеніе ихъ измѣнилось: Морозовъ (въ 1646 г.) увеличилъ число вытей въ Лысковѣ съ 126 на 132, но назначилъ взимать по 20 р. съ выти въ самомъ селѣ и по 15 р. съ выти въ приселкахъ и деревняхъ; такимъ образомъ, новый владѣлецъ счелъ возможнымъ приблизительно вдвое повысить размѣры денежнаго оброка, взимаемаго съ крестьянъ [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянинъ обязанъ былъ платить землевладѣльцу не только главный, но и „мелкій“ доходъ или „столовые обиходы“ (запасы); уплата „мелкаго“ дохода еще болѣе осложняла сборы, падавшіе на крестьянъ, а съ переводомъ его на деньги, превратилась въ уплату добавочнаго денежнаго оброка, иногда сливавшагося съ главнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, судя, напримѣръ, по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, крестьяне были обязаны поставлять землевладѣльцу сельско-хозяйственные продукты, образовывавшіе его „мелкій доходъ“, чаще всего: сыръ

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 10, 25, 28—30. Лысковцы, правда, были освобождены за такой оброкъ отъ всѣхъ издѣльныхъ повинностей и уплаты столовыхъ запасовъ; но это условіе было тотчасъ же нарушено: впрочемъ, бояринъ сбавилъ оброкъ съ своихъ покровскихъ крестьянъ, попавшихъ въ аналогичное положеніе и просившихъ его объ облегченіи.

и масло, барановъ и овчины; куръ и яйца, а также ленъ; крестьяне Соловецкаго монастыря, на основаніи уставной грамоты 1561 г., должны были давать съ выти на „Оспожинъ день“ по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ и за сыръ двѣ деньги; да въ осень на Покровъ св. Богородицы по 50 яицъ, да по хлѣбу, да по калачу. Нижегородскіе крестьяне Морозова были обязаны платить ему съ выти (въ 12—16 дворовъ): 2 пуда свинаго мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи. Въ иныхъ вотчинахъ того же владѣльца крестьяне сверхъ того давали еще съ выти же: 1 утку, 8 куръ или 8 гривенокъ коровья масла, 100 или 50 яицъ, осьмину, полуосьмину или четверикъ орѣховъ или вмѣсто орѣховъ четверть хмѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ дыма или съ каждаго двора взималось по одной курицѣ, гривенкѣ масла и 3 яйца; также по гривнѣ шерсти, если шерсть не была положена съ выти. Трудно перечислить всѣ разнообразные „столовые запасы“, которые крестьянамъ приходилось поставлять на барскій дворъ: они мѣнялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Вотчинникъ не пропускалъ безъ вниманія и побора никакой мелочи ни въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ, ни въ крестьянскихъ промыслахъ; бывали случаи, когда въ виду внезапной прихоти боярина, его вотчины единовременно облагались какимъ нибудь особымъ сборомъ: зимою 1659 года, напримѣръ, Морозову понадобились охотничьи скворцы и онъ велѣлъ прикащикамъ со всѣхъ своихъ вотчинъ „собрать скворцовъ и къ нему прислать“. Такимъ образомъ, главный доходъ вотчинника различно комбинировался съ его же мелкимъ доходомъ; это еще болѣе осложняло сборы, взимаемые съ крестьянъ, что, разумѣется, усиливало вышеуказанныя послѣдствія подобнаго рода явленій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мелкій доходъ переводился на деньги, его легко было слить съ денежнымъ оброкомъ; въ переписной книгѣ деревской пятины 1495 г. можно уже встрѣтить, напримѣръ, случаи въ родѣ слѣдующаго: за помѣщикомъ Ляхомъ Дюковымъ съ дѣтьми была, между прочимъ, записана деревня-однодворка, въ которой жилъ Селиванкъ Ѳедковъ; деревня положена была въ обжу; онъ платилъ съ нея стараго дохода 10 денегъ, сыръ и горсть льну; „а новаго дохода за все 16 денегъ“; въ той же книгѣ есть упоминаніе о томъ, что уже „старый доходъ“ уплачивался „за все“ [1]). Въ случаѣ такого перевода мелкихъ сборовъ на деньги, часто повторявшихся

---

[1]) Писц. кн. нов., II, 519 и др. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 25—26, 33, 35 и сл., 39, 47.

во второй половинѣ XVI вѣка, денежный оброкъ возросталъ на счетъ „мелкаго дохода“, а о послѣдствіяхъ его распространенія было уже сказано выше.

Кромѣ обычнаго дохода, а иногда и „даровъ“, вымогаемыхъ вотчинниками у крестьянъ, послѣдніе должны были выплачивать имъ разныя свадебныя, торговыя или судебныя пошлины, а также явки, пени и т. п. сборы; крестьяне села Пузырева, напр., были обязаны, между прочимъ, за промѣнъ или продажу между собою земельныхъ участковъ (что могло состояться только съ разрѣшенія приказчика) давать явки „полполтины съ обѣихъ половинъ“; они платили заповѣдь за вырубку лѣса безъ доклада приказчику въ полевыхъ рощицахъ; въ томъ же имѣніи взималось пожилое или похоромное съ крестьянина, уходящаго изъ него, и порядное съ покупщика, который, съ разрѣшенія приказчика, пріобрѣталъ тамъ земельный участокъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, что, сверхъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльца, его крестьяне отправляли еще нѣкоторыя повинности и облагались особаго рода сборами въ пользу „посельскаго“ (посельника), приказчика или старосты, доводчика и т. п. Такъ напримѣръ, крестьяне, судя по грамотѣ селу Пузыреву, „волостью“ мололи въ пользу приказчика, слуги и доводчика „рожь на хлѣбы и солодъ на квасы“; въ другихъ грамотахъ упоминаются платежи хлѣбомъ и деньгами въ пользу приказчика (напр., по алтыну съ выти); приказчикъ, кромѣ того, получалъ цѣлый рядъ доходовъ съ явокъ, или въ видѣ свадебныхъ, торговыхъ, судебныхъ пошлинъ и т. п., уступаемыхъ ему землевладѣльцемъ. Доводчикъ пользовался доходомъ съ тѣхъ же вытей, а именно: „праздничными кормами“ и другими сборами (напр., по гривнѣ съ выти) и пошлинами за отправленіе своей должности (напр., за „хоженое“ или „ѣздъ“ и т. п.) [1]). Эти обязанности, одно перечисленіе которыхъ заняло бы много мѣста, разумѣется, еще болѣе усиливали послѣдствія, проистекавшія изъ разнообразія, неравномѣрности и постепеннаго возрастанія бремени крестьянскихъ повинностей и платежей, особенно если принять во вниманіе, что „съ однихъ и тѣхъ же лицъ доходы шли въ различныя руки“ и что сами владѣльцы,

---

[1]) См. выше стр. 30 пр. 1; А. Э. т. I, № 348, I и др.; другой примѣръ: въ 14 порядныхъ 1573—1590 гг. на деревни церкви Спаса Преображенія Куропольскаго посада Двинскаго уѣзда порядчики обыкновенно обязывались платить старостѣ церковному или приказчику „боранъ, а не любъ боранъ, но за борана по два алтына“, рѣже по 10 денегъ или по гривнѣ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, 91—115). Кромѣ того, приказчикъ получалъ отъ землевладѣльца землю для пашни и сѣнокоса; по крайней мѣрѣ такъ было въ вотчинахъ Морозова; см. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 22—23.

по словамъ современника, предоставляли своимъ приказнымъ людямъ брать „всякіе поборы со своихъ крестьянъ, чѣмъ бы имъ (приказнымъ людямъ) поживиться“ [1]).

Вмѣстѣ со всѣми перечисленными повинностями крестьянъ слѣдуетъ имѣть въ виду и всю тяжесть разнообразныхъ тяглъ, падавшихъ на тѣхъ же „сиротъ“; крестьяне въ вотчинахъ и помѣстьяхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, правда, платили меньше монастырскихъ, но при значительныхъ размѣрахъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльцевъ, и они, вѣроятно, также чувствовали бремя государственныхъ налоговъ.

Организація сельской общины, сидѣвшей на частно-владѣльческихъ земляхъ, должна была въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ черная волость, зависѣть отъ возраставшаго давленія подобнаго рода повинностей и сборовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они падали огуломъ на цѣлое имѣніе (пахать или платить всей волостью) или равномѣрно на выти: въ выборѣ одного сельскаго старосты и цѣловальника прямо сказано, что они избираются къ господскому всякому хлѣбу, ржаному и яровому, къ посѣву и къ ужинѣ и къ умолоту и къ мірскимъ всякимъ денежнымъ сборамъ. Судя по нѣсколько позднѣйшимъ даннымъ, сельскій міръ, подобно волостной общинѣ, вѣроятно, заботился о мірскомъ хозяйствѣ и могъ вступать въ договоры, возникавшіе главнымъ образомъ на почвѣ тѣхъ же интересовъ: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда сельскіе старосты „рядили“ людей на городовое дѣло или занимали деньги „на мірскія нужды“ [2]). Въ большинствѣ случаевъ, однако, такія функціи, если не зарождались, то, по крайней мѣрѣ, складывались подъ вліяніемъ землевладѣльца. Такъ, напримѣръ, землевладѣльцу выгодно было возможно лучше устроить и обезпечить раскладку и взиманіе разныхъ повинностей и сборовъ, а благодаря такому воздѣйствію, хотя, можетъ быть, и не исключительно ему одному, владѣльческіе крестьяне иногда начинали переходить къ усовершенствованію способовъ ихъ раскладки и взиманія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ концѣ XV-го или въ самомъ началѣ XVI-го вѣка архимандритъ Константино-Еленскаго монастыря билъ челомъ митрополиту Симону о томъ, что монастырскіе крестьяне, Сураломцы и Добросельцы, пашутъ пашни на себя много, а монастырскія-де пашни—мало; тогда митрополитъ велѣлъ архимандриту (вмѣстѣ съ посланнымъ къ нему лицомъ) перемѣрить землю во всѣхъ трехъ поляхъ

[1]) *Г. Котошихинъ*, XIII, 16; ср. *Н. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 14—16, 42.

[2]) Доп. къ А. И., т. VI, № 10, II (1670 г.). *И. Бѣляевъ*, Op. .cit., стр. 212 (1707 г.). См. о владѣніи у крестьянъ разными угодьями „вопче“—*П. Соколовскій*, Op. cit., стр. 73—75.

да дать крестьянамъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь указать имъ пахать шестую десятину; „а будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣе того и онъ бы по тому же пахалъ и монастырскую пашню—шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню“; такимъ образомъ, митрополичьимъ распоряженіемъ предполагалось установить однообразную пропорцію между величиной пашеннаго участка, который крестьянинъ пахалъ на себя, и размѣрами запашки, которую онъ долженъ былъ производить на землевладѣльца. Или, въ 1564 году промежъ крестьянъ Сумской волости возникло „смущеніе великое о волостныхъ розрубѣхъ и о всякихъ тяглѣхъ“; тогда соловецкій игуменъ Филиппъ, въ имѣніи котораго сидѣли крестьяне, „посовѣтовавъ съ братьею, написалъ имъ указъ о всякихъ розрубѣхъ и о тяглѣхъ“; въ своемъ „указѣ“ онъ предписалъ крестьянамъ для раскладки выбирать „всею волостью“ особыхъ окладчиковъ; въ случаѣ кто-либо изъ выборныхъ не захочетъ идти въ окладчики, то брать на него монастырскаго доводчика и отдавать ослушника на поруки съ обязательствомъ въ извѣстный срокъ стать къ отвѣту передъ монастырскими властями...; въ случаѣ же если кто нибудь изъ „земскихъ людей и казаковъ ослушается и откажется платить, то старостѣ съ крестьянами просить у тіуна доводчика и велѣть доправливать на ослушникѣ безсрочно то, чѣмъ его обложатъ“. Вышеприведенные примѣры наглядно показываютъ, какимъ образомъ внутреніе распорядки общинъ иногда складывались подъ вліяніемъ землевладѣльца; изъ послѣдняго извѣстія и нѣкоторыхъ другихъ видно, что онъ иногда провѣрялъ, дѣйствительно ли мірскія рѣшенія, предложенныя на его утвержденіе, составлены „по полюбовному межъ собою договору и условкѣ“ крестьянъ, а иногда просто вмѣшивался въ ихъ дѣла и подвергалъ ослушниковъ суду. Впрочемъ, прикрѣпленіе крестьянъ и тягло оказывали и помимо землевладѣльца вліяніе на эволюцію крестьянской общины, аналогичное съ тѣмъ, которое уже было указано выше. Съ теченіемъ времени въ ней стало развиваться и уравнительное распредѣленіе земельныхъ участковъ. Землевладѣлецъ способствовалъ также организаціи сельскаго суда: желая, вѣроятно, подчинить дѣйствія своего приказчика контролю, онъ иногда постановлялъ, чтобы „съ приказчикомъ быть въ судѣ священнику, да крестьянамъ пятма или шестьмя добрымъ и середнимъ“ или „старостѣ и лучшимъ людемъ“ [1]).

---

[1]) А. Э., т. I, №№ 201 и 258; т. III, № 217. Ср. Стоглавъ, гл. 68 и ниже стр. 51, 73.

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянскій міръ, повидимому, стремился нѣсколько оградить своихъ членовъ отъ произвола землевладѣльца. Въ уставной грамотѣ Новинскаго монастыря, напримѣръ, встрѣчается условіе, въ силу котораго „выть“ крестьянина, вышедшаго за волость по сроку съ отказомъ, отдавалась пахать „крестьянамъ того села.... а игумену въ ту выть не вступатися“ [1]). Отъ конца XVII-го вѣка сохранилась челобитная старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ Зосимпнской пустыни, въ которой они просили монастырскихъ властей убавить число требуемыхъ съ нихъ работниковъ; просьба монастырскихъ сиротъ была услышана: власти сочли возможнымъ облегчить ихъ повинности. Бывали случаи однако, когда крестьяне предпочитали иной порядокъ и даже сами обращались къ своему владѣльцу съ ходатайствомъ, чтобы онъ вступился въ дѣло, съ которымъ міръ былъ не въ силахъ справиться. Само собою разумѣется, что такое вмѣшательство землевладѣльца, особенно по мѣрѣ возрастанія его власти, въ свою очередь обезсиливало крестьянскій міръ. Иногда самъ землевладѣлецъ, напримѣръ, распредѣлялъ тягло, падавшее на его вотчину, между волостями; власть его начинала оказывать давленіе не только на крестьянскія права, но и на крестьянскія учрежденія, а вліяніе на нихъ приказныхъ властей соотвѣтственно ослаблялось [2]).

Разныя случайности примитивнаго и слишкомъ мало обезпеченнаго хозяйства, благосостояніе котораго чуть ли не понизилось къ концу XVI вѣка, и необходимость давать иной разъ денежный оброкъ землевладѣльцу, а съ половины XVI вѣка выплачивать вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними налогами, но и нѣсколько „новыхъ“ также денежныхъ податей, ставили крестьянъ въ затруднительное положеніе; послѣднее еще ухудшалось ростомъ крестьянскихъ повинностей и увеличеніемъ бремени государственныхъ налоговъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ прибѣгалъ къ займу, обыкновенно у своего же землевладѣльца. Послѣдній ссужалъ его хлѣбомъ или деньгами; заемъ подобнаго рода производился, когда крестьянинъ поряжался на свой участокъ, или въ другое время и могъ, конечно, повторяться; заемъ заключался или безкабально, т. е. безъ совершенія особаго рода актовъ, или подъ кабалы, „хлѣбныя и денежныя“. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы такіе займы были всегда процентными; напротивъ, краткосрочныя ссуды, можетъ

[1]) Врем. М. О. И. и Д., т. II, смѣсь, стр. 19. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 212—214.

[2]) А. Ю., № 281. А. Э., т. I, № 268 и др. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 225—227. *И. Ивановъ*, Документы крестнаго монастыря въ Др., т. I, в. 3, Спб., 356. Исторія удѣловъ, II, 15—17 и др.

быть, только по просрочкѣ долга становились процентными займами; деньги, занятыя подъ проценты, кажется, назывались „издѣльнымъ“ и „ростовымъ серебромъ“. „Издѣльное и ростовое серебро“ уже упоминается въ граматахъ XV-го вѣка. Объ „издѣльномъ серебрѣ“ сохранилось слишкомъ мало опредѣленныхъ указаній: возможно, что серебро, проценты съ котораго уплачивались работою должника, называлось издѣльнымъ. „Ростовое серебро“ отличалось отъ издѣльнаго тѣмъ, что крестьянинъ выплачивалъ проценты съ него деньгами и, значитъ, юридически не связанъ былъ съ своимъ кредиторомъ „работою“ на него; впрочемъ, фактически это различіе, вѣроятно, часто уступало мѣсто смѣшенію „ростоваго серебра“ съ „издѣльнымъ“ [1]). Въ силу извѣстной статьи Судебника 1497 г. крестьянинъ, при переходѣ „изъ села въ село“, долженъ былъ только уплатить землевладѣльцу „пожилое“ за пользованіе дворомъ, а по Судебнику 1550 г. сверхъ того и деньги за „повозъ“. Должнику, запявшему деньги по ростовой кабалѣ, было даже запрещено служить у кредитора; но, если полагать, что подобное запрещеніе должно было примѣняться и къ задолжавшему крестьянину, Судебнику 1550 г. едва ли удалось достигнуть цѣли. Въ дѣйствительности крестьянину-должнику трудно было оставить владѣльческую землю; въ противномъ случаѣ онъ терпѣлъ большіе убытки и, вѣроятно, притѣсненія со стороны кредитора, который могъ грозить ему искомъ съ его весьма тяжелыми послѣдствіями: правежемъ, „отдачею головой въ заживъ“ и пр.; а такая зависимость, конечно, открывала доступъ къ новымъ злоупотребленіямъ господина; да и самъ Судебникъ 1550 года допускалъ возможность „крестьянину съ пашни продавать себя кому въ полную въ холопи“ и только заботился о томъ, чтобы при этой продажѣ казенный интересъ былъ соблюденъ и „подать царева“ не убавилась [2]).

---

[1]) А. Ю., №№ 178, 183, 189, 191. Акты, предст. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ №№ 93, 98 и 102; ср. Уложеніе, XX, 39. *М. Дьяконовъ*, Очерки, прилоложеніе, № 14. Мнѣнія ученыхъ относительно значенія подмоги и ссуды различны см. напр. *М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 152 и *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., I, 216 и сл.; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 16—30.

[2]) А. Э., т. I, № 48: въ извѣстной грамотѣ, написанной около 1450 г.; князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлозерскій пожаловалъ Ѳерапонтовъ монастырь, разрѣшилъ владѣльцу Волоцкой волости принимать монастырскихъ серебренниковъ не иначе, какъ по уплатѣ имъ денегъ, взятыхъ изъ монастырской казны. Судеб. II, 82 и 88. Слѣдуетъ замѣтить, что, хотя есть документы, повидимому, свидѣтельствующіе о примѣненіи статьи 82-й къ крестьянамъ (А. Э., т. I, № 257), но составители проекта судебника 1589 года слили статьи 81 и 82 Судеб. II, въ одну статью 146, такъ что по проекту 1589 года выходитъ, какъ-будто статья 82 относится только къ дѣтямъ боярскимъ; трудно сказать, однако, представляетъ ли статья 146-я проекта 1589 года лишь новую редакцію соот-

Задолженность владѣльческаго крестьянина могла возникнуть не только прямо изъ займа, но и косвенно—изъ нарушенія нѣкоторыхъ условій поряда: если крестьянинъ не исполнялъ принятыхъ на себя обязанностей, онъ долженъ былъ уплатить неустойку землевладѣльцу. Такъ какъ подрядчикъ иногда прямо заявлялъ, что если онъ даже „въ маломъ чемъ не устоитъ“, то обязуется уплатою неустойки, а размѣры послѣдней иной разъ бывали очень велики (напр. до 50 рублей въ 1626 г.), то можно думать, что крестьянинъ едва ли всегда былъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ землевладѣльца и, слѣдовательно, становился должникомъ его [1]); а задолженность крестьянина и въ такихъ случаяхъ, разумѣется, приводила къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя уже были указаны выше.

Для того, однако, чтобы оцѣнить всѣ послѣдствія, проистекавшія изъ крестьянской задолженности, слѣдуетъ замѣтить еще, что благодаря ей часть крестьянскаго движимаго имущества оказывалась подмогой или ссудой землевладѣльца: онъ надѣлялъ своего крестьянина „всякимъ крестьянскимъ заводомъ“, даже „домовой посудой“, не говоря о сѣменахъ, лошадяхъ, коровахъ, „иной мелкой скотинѣ“ и т. п. Естественно, что при такихъ условіяхъ и отсутствіи ясныхъ и общихъ опредѣленій въ законѣ, крестьянину-должнику трудно было оградить свое имущество отъ злоупотребленій со стороны кредитора-землевладѣльца: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда участки земли отбирались землевладѣльцемъ, по смерти крестьянина, „со всѣми его статки и животы“, несмотря на то, что послѣ него оставалась вдова и только на челобитье ея слѣдовала резолюція господина: „велѣть отдать [ей] половину земли и животовъ“ [2]).

Наконецъ, задолженность крестьянъ, надо думать, развивалась не только въ зависимости отъ вышеуказанныхъ общихъ и довольно тяжелыхъ условій крестьянскаго хозяйства, но и благодаря прямому воздѣйствію самихъ землевладѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ такое воздѣйствіе обнаруживалось, напримѣръ, при взиманіи пошлинъ за крестьянскій выходъ. Извѣстно, что правильное отбываніе сельскихъ работъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе года,

---

вѣтствующихъ статей Судебника 1550 г. или новый законъ, ограничивающій прежній? Въ послѣднемъ случаѣ статья 146 явно указывала бы на безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ къ разграниченію служилой кабалы отъ ростовой. Ср. также Уложеніе, X, 206 и Новоуказ. статьи, ст. 16 и 22 (П. З. С. т. I., № 441).

[1]) А. Ю., № 194; ср. Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, т. I, №№ 62, 65 и др.

[2]) А. Ю., № 203, II; ср. Пск. суд. гр., ст. 86. *И. Ивановъ*, Документы Крестнаго Онежскаго монастыря въ Др., т. I, в. 3, стр. 525.

было обезпечено землевладѣльцамъ статьями Судебниковъ 1497 и 1550 гг.: въ силу одной изъ нихъ, крестьянинъ имѣлъ право „отказываться изъ села въ село“ только за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ; но при отказѣ онъ долженъ былъ уплатить землевладѣльцу нѣкоторыя „пошлины“: по Судебнику 1497 г.—одно пожилое, т. е. деньги за пользованіе дворомъ, по Судебнику 1550 года пожилое, да еще плату за повозъ, „а опричь того, прибавлено въ томъ же Судебникѣ 1550 г., на немъ пошлинъ нѣтъ“; указомъ же 1601 года велѣно было всюду взимать пожилое по высшей его, полевой нормѣ [1]). Сопоставленіе приведенныхъ статей уже показываетъ, что крестьянину даже по закону труднѣе было выйти въ 1550 году, чѣмъ въ 1497 году и еще труднѣе въ 1601 г., чѣмъ въ 1550 году; наконецъ, въ указѣ 1607 года (если только признавать его достовѣрность) размѣры пожилого еще увеличились: они достигли 3 рублей „на всякій годъ“. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что землевладѣльцы не довольствовались правами, предоставленными имъ закономъ: они старались еще болѣе затруднить крестьянскій выходъ взиманіемъ съ крестьянъ лишнихъ „пошлинъ“; пусторжевскіе крестьяне жаловались, напримѣръ, правительству на разныхъ владѣльцевъ, что они „изъ-за себя ихъ не выпущали, а поймавъ, мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилое съ нихъ имали не по Судебнику, рублей по пяти и по десяти“ [2]).

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ сельское населеніе чувствовало нужду въ денежныхъ средствахъ, землевладѣльцы испытывали потребность въ сельскихъ рабочихъ. Встрѣчу этихъ стремленій, во многихъ случаяхъ приводившую къ задолженности крестьянъ со всѣми ея послѣдствіями, можно, кажется, чаще прежняго наблюдать именно въ XVI вѣкѣ, особенно со времени польско-шведскихъ войнъ, когда благосостояніе крестьянъ (если судить о немъ по размѣрамъ запашки), вѣроятно, понизилось, а величина денежнаго оброка повысилась и имъ, кромѣ того, приходилось выплачивать больше денежныхъ сборовъ, чѣмъ прежде: тогда уже взимались деньги за ямское дѣло и встрѣчаются слу-

[1]) Судеб. I, 58 и Судеб. II, 88. За четырехлѣтнее пользованіе дворомъ крестьянинъ долженъ былъ платить при выходѣ довольно крупную по тому времени и по тогдашней цѣнности рубля сумму: по „полтинѣ да по 2 алтына“ въ лѣсистой мѣстности и по 1 рублю да по 2 алтына „въ полехъ, гдѣ 10 лѣтъ до хоромнаго лѣсу“, а за каждый годъ, соотвѣтственно, по расчету $^1/_4$ за одинъ годъ и т. д.; ср. Судеб. III, 177 и 178. А. Э., т. II, № 20. Можно предполагать, что приведенныя статьи были въ дѣйствительности выгоднѣе для землевладѣльцевъ, чѣмъ для ихъ крестьянъ; см. еще *В. Ключевскій*, Пр. кр. права въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 10—11.

[2]) Доп. къ А. И., т. I, № 56 (1555 г.). См. ниже стр. ст. 29 ср. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 196.

чаи перевода посошной службы на деньги; со второй половины XVI вѣка извѣстны упоминанія о пищальныхъ и емчужныхъ деньгахъ, а также налоги на городовое и засѣчное дѣло. Положеніе крестьянъ представится намъ еще менѣе обезпеченнымъ, если припомнить, что бремя налоговъ постепенно возрастало. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьяне нуждались въ хлѣбѣ и въ деньгахъ и должали у своихъ господъ, пользовавшихся всѣми тяжелыми послѣдствіями ихъ задолженности. Впрочемъ съ покореніемъ Казани и Астрахани, сельское населеніе легко могло отливать на югъ въ плодородную московскую украйну, отнынѣ гораздо менѣе опасную, а также въ бассейны Камы и Волги, наконецъ, нѣсколько позднѣе и еще далѣе, въ Сибирь. Если сопоставить извѣстія о запустѣніи мѣстности, послужившей, главнымъ образомъ, театромъ польско-шведскихъ войнъ, и центра съ одновременными свѣдѣніями о приростѣ населенія на южной украйнѣ, а также сильное пониженіе размѣровъ дворовой запашки крестьянъ вышеуказанныхъ областей и замѣтное возрастаніе запашекъ на югѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Тульскій, то можно, кажется, придти къ заключенію, что это движеніе населенія частью еще болѣе разоряло крестьянъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ, частью вызывало стремленіе землевладѣльцевъ удержать переселенцевъ. Землевладѣльцы, вѣроятно, прибѣгали къ разнаго рода средствамъ для достиженія своей цѣли и старались, конечно, выдачею ссудъ, а иногда и путемъ насилія фактически затруднять переселенія. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что основаніе многихъ мелкихъ монастырей въ XVI вѣкѣ и ростъ мелкаго служилаго землевладѣнія, особенно замѣтный со второй его половины, способствовали, главнымъ образомъ, распространенію такихъ отношеній. Раздача населенныхъ черныхъ и дворцовыхъ земель служилымъ людямъ ухудшала положеніе крестьянъ и, можетъ быть, иной разъ вызывала ихъ переселенія на украину, гдѣ всякому можно было свободно устроиться на никѣмъ еще не поднятой „нови“; но и здѣсь, съ теченіемъ времени, между крестьянами и землевладѣльцами возникли тѣ отношенія, которыя уже сложились въ изстари заселенныхъ мѣстностяхъ.

Само собою разумѣется, что голодъ, моръ и разореніе, наступившіе въ Смутное время, усилили дѣйствіе многихъ изъ вышеуказанныхъ процессовъ: численность бобылей, т. е. людей обыкновенно менѣе обезпеченныхъ, чѣмъ крестьяне, замѣтно возрасла послѣ Смутнаго времени. Изъ 103 крестьянскихъ и бобыльскихъ договоровъ, помѣщенныхъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ позднѣйшаго времени, 86 заключены съ ссудой [1]).

---

[1]) *В. Ключевскій*, Op. cit., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 34, ср. Р. И. Б., XII, 963—964.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за превращеніемъ крестьянина своеземца въ „пашеннаго крестьянина“, въ положеніи послѣдняго уже подготовлялась новая перемѣна: во многихъ случаяхъ онъ становился должникомъ своего господина, и, отчасти, велъ свое хозяйство на чужія средства. Долговая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца фактически стѣсняла его свободу передвиженія и открывала большій просторъ барскому произволу надъ его личностью, и надъ его имуществомъ; а въ случаѣ просрочки долга, крестьянинъ легко попадалъ въ еще худшее положеніе, приближавшее его къ зависимости „крѣпостного“ человѣка, т. е. холопа, отъ своего господина. Наконецъ, злоупотребляя распространенностью подобнаго рода отношеній, послѣдній могъ попытаться поставить въ ту же зависимость и крестьянъ, юридически свободныхъ отъ нея.

Въ связи съ только-что указанными явленіями крестьянской жизни, стояли еще два процесса, вѣроятно, оказавшіе вліяніе на дальнѣйшую судьбу крестьянъ, а именно: „застарѣніе“ ихъ въ имѣніяхъ, гдѣ они жили, и сближеніе между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ. Обоимъ процессамъ, кажется, слѣдуетъ придавать значеніе въ развитіи частнаго прикрѣпленія или закрѣпощенія крестьянъ; они подготовили превращеніе крестьянъ въ „крѣпостныхъ людей“.

До сихъ поръ понятіе „старины“ и ея роль въ бытовой исторіи крестьянства все еще очень мало выяснены [1]). Можно

---

[1]) Мнѣнія ученыхъ касательно значенія „старины“ весьма различны: уже проф. Ѳ. И. Леонтовичъ замѣтилъ, что въ юго-западной Руси со второй половины XV в. старожильцы, „въ качествѣ стародавнихъ серебренниковъ стали получать значеніе людей непохожихъ..., потерявшихъ право выхода въ силу своихъ зависимыхъ отношеній къ землевладѣльцамъ“ (*Н. Леонтовичъ*, Крестьяне юго-западной Россіи, К., 1863 г., стр. 18—24); проф. В. О. Ключевскій указалъ на значеніе холопской старины и на аналогичную съ нею старину крестьянскую (*В. Ключевскій*, Пропск. крѣпостного права въ Рус. Мысли 1885 г., № 8, стр. 21, 26—28 и № 10, стр. 38—44); проф. М. А. Дьяконовъ попытался выяснить нѣкоторые признаки старины, и какимъ образомъ крестьяне-старожильцы потеряли право выхода (*М. Дьяконовъ*, Очерки, стр. 16—30 и 21—51; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., стр. 58—76 и *М. Дьяконовъ*, Заповѣдныя лѣта и старина въ Сборникѣ статей, посв. М. Ф. Владимірскому-Буданову, К., 1904 г., стр. 110—125; проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, уже въ 1886 году обратившій вниманіе на то, что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, пришелъ къ заключенію, что „прикрѣпленіе возникаетъ лишь въ силу давности или старожильства крестьянъ на земляхъ извѣстнаго владѣльца“ и что „старожильство какъ источникъ прикрѣпленія, существуетъ не на владѣльческихъ только земляхъ, но и на черныхъ волостныхъ“ (*М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 154 и 155). Въ противоположность всѣмъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ проф. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что смыслъ слова „старожильцы“ „совершенно ясенъ: всякій, находящійся уже на мѣстѣ по отношенію къ новику будетъ старожилецъ“ и что въ потерѣ крестьянами-старожильцами права перехода „старожильство не причемъ“ (*В. Сергѣевичъ*, Др. рус. пр. III, 460 и 461).

думать, что подъ старинoй прежде всего разумѣли нѣкоторую давность поселенія или жительства: старожильцами обыкновенно называли людей, жившихъ въ данной мѣстности, въ противоположность людямъ пришлымъ, новоселамъ. Съ такой точки зрѣнія хотя старина и могла, конечно, возникать помимо задолженности крестьянъ, однако, возникала, вѣроятно, чаще по отношенію къ тѣмъ именно крестьянамъ-должникамъ, которые фактически лишены были возможности выйти изъ даннаго имѣнія; но и вышедшіе старинные крестьяне возвращались иногда на „старыя“ ихъ пепища или жеребья. Во всякомъ случаѣ, кромѣ давно поселившихся и живущихъ на мѣстѣ крестьянъ, старинными крестьянами называли лицъ, родившихся въ крестьянствѣ. Отдѣльные примѣры, когда дѣти крестьянъ признаются старинными крестьянами, можно привести изъ актовъ, составленныхъ задолго до 1646 года; въ одной изъ вотчинъ Троицкаго монастыря жилъ и пахалъ свой жребій крестьянинъ Лукьянъ Чудиновъ; сынъ его Иванъ Чудиновъ бѣжалъ изъ имѣнія: монастырю удалось вернуть бѣглеца, въ 1623 году; мѣстные крестьяне выдали монастырю поручную запись по этомъ „старинномъ троицкомъ крестьянинѣ“ въ томъ, что онъ, Иванъ Чудиновъ, будетъ по-прежнему „жить въ старинномъ отцовскомъ дворѣ“ и оброкъ платить монастырю. Крестьянъ, уже жившихъ въ томъ имѣніи, которое было пріобрѣтено новымъ его владѣльцемъ, тоже могли называть старинными. Въ 1577 году, напримѣръ, между Спасскимъ монастыремъ и прикащикомъ одного изъ дворцовыхъ селъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ: дворцовый прикащикъ собирался выводить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину, а архимандритъ билъ челомъ государю, ссылаясь на то, что „крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ — старожильцы и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами“. Можно предполагать, что съ такой именно точки зрѣнія, опираясь, вѣроятно, и на писцовую или тяглую старину, землевладѣльцы совершали сдѣлки надъ имѣніями „со крестьяны“. Въ 1566 году, напримѣръ, Нелединскій заложилъ свое бѣжецкое сельцо Годунову подъ условіемъ: „владѣть ему, Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны“. Подобнаго рода взглядъ, можетъ быть, возникшій или развивавшійся подъ вліяніемъ старины, высказывается, конечно, и въ документахъ позднѣйшаго времени: одинъ землевладѣлецъ, завѣщая женѣ свои вотчины, писалъ, напримѣръ, въ своей духовной 1630 г.: „и тѣ мои вотчины послѣ живота моего женѣ моей съ людьми съ моими съ полными и докладными и со крестьянами и съ лошадьми и со всякою мелкою животиною“ [1]).

---

[1]) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 4; в. II, № 27; въ монхъ

Для доказательства того, что данные крестьяне застарѣли, землевладѣльцу, конечно, удобнѣе всего было ссылаться на писцовыя книги; но при записи въ такія книги возникала „писцовая старина“, въ связи съ которой находилась и старина тяглая. Значеніе старины вообще и въ особенности послѣдней ея разновидности, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ одного изъ существенныхъ условій прикрѣпленія, кажется, признано было и правительственной политикой, касательно государственнаго прикрѣпленія крестьянъ (см. ниже).

Итакъ, съ точки зрѣнія „старины“ можно было связывать представленіе о данномъ имѣніи съ представленіемъ о его старожильцахъ, или просто даже о крестьянахъ, жившихъ въ немъ; но отсюда до признанія личной зависимости ихъ отъ господина было, конечно, еще далеко, тѣмъ болѣе, что законъ различалъ холопа отъ крестьянина. Въ жизни такое различіе, однако, стало сглаживаться, благодаря нѣсколькимъ явленіямъ въ исторіи холопства, имѣвшимъ значеніе и для послѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ: на ряду съ полнымъ холопствомъ въ XVI вѣкѣ опредѣляется переходное состояніе кабальныхъ холоповъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи размножается классъ задворныхъ людей, по своимъ занятіямъ довольно близко стоявшихъ къ крестьянамъ.

Кабальный человѣкъ обязывался до срока займа служить „за ростъ“, „по вся дни“, во дворѣ господина. До появленія указовъ 1586-го и 1597 гг. онъ, по уплатѣ долга „въ срокъ“, имѣлъ право на свободу отъ „службы“ во дворѣ кредитора; но, при вышеуказанныхъ условіяхъ займа, кабальному человѣку было въ высшей степени затруднительно выйти изъ кабальной зависимости; поэтому онъ обыкновенно дѣлалъ въ служилой кабалѣ слѣдующую оговорку: „а полягутъ деньги по срокѣ, и мнѣ за ростъ у государя своего служити по вся дни“. Въ то время, однако, существовалъ обычай господъ, передъ смертью или по духовнымъ завѣщаніямъ, отпускать на волю нѣкоторыхъ изъ своихъ холоповъ, а въ томъ числѣ и кабальныхъ. Указы 1586 и 1597 гг. узаконили такой обычай: кабальный холопъ по своей кабалѣ долженъ былъ съ того времени служить своему господину по смерть его, но затѣмъ могъ сдѣлаться свободнымъ; наслѣдники кредитора не имѣли права даже „по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей деньги имати“. Въ указѣ 1597 года кабальные слуги, какъ видно, прямо называются холопами. Владѣльцы ихъ, вѣроятно, и до указа 1597 года старались про-

---

„разысканіяхъ“ (стр. 74) вкрались опечатки въ годѣ и нумерѣ этого акта; ср. еще А. Ю., № 20. Ср. Уложеніе, XI, 28.

водить такую точку зрѣнія и даже расширить ее: въ XVI вѣкѣ они во многихъ частныхъ случаяхъ обнаруживали стремленіе превратить кабальную зависимость, ограниченную смертью господина, въ наслѣдственную и перенести ее на потомство кабальнаго холопа; вообще они распоряжались, надо полагать, и безъ согласія кабальныхъ холоповъ, не только своими правами на нихъ, но и ихъ „головами“; такія же явленія происходили и въ XVII вѣкѣ [1]). Законъ, запрещавшій крестьянамъ поступать въ кабальные холопы, касался только крестьянъ тяглыхъ: среди тѣхъ „вольныхъ“ людей, которые писали на себя служилыя кабалы, по всей вѣроятности, бывали, однако, (по крайней мѣрѣ до общаго закона о прикрѣпленіи), крестьянскіе братья, дѣти и т. п., не записанные въ тягло, а въ дѣйствительности могли быть и крестьяне тяглые: на это намекаютъ статьи Уложенія 1649 г., запрещавшія землевладѣльцамъ брать (служилыя) кабалы на своихъ крестьянъ и дѣтей ихъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ давать кому бы то ни было кабалы на бѣглыхъ крестьянъ и на дѣтей крестьянскихъ. Такимъ образомъ, часть сельскаго населенія превращалась въ кабальныхъ холоповъ и попадала въ ту непосредственную и постоянную личную зависимость отъ господина, которой не знали крестьяне, жившіе своими дворами и особыми хозяйствами. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что кабальные холопы не всегда служили во дворѣ своихъ господъ: „люди страдные кабальные“ упоминаются уже въ актахъ середины XVI-го вѣка и въ позднѣйшее время [2]).

Подобное же фактическое смѣшеніе между холопами и крестьянами обнаружилось еще сильнѣе съ размноженіемъ людей, жившихъ за дворами своихъ господъ, вѣроятно, особыми хозяйствами, но едва-ли образовывавшихъ юридически обособленную группу населенія. Самый терминъ: „задворные люди“, кажется, складывается въ XVI вѣкѣ; во всякомъ случаѣ число задворныхъ людей, вѣроятно, подъ вліяніемъ развитія барщины, возросло къ 1670-мъ годамъ; насколько можно судить по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, это возрастаніе особенно замѣтно въ такихъ черноземныхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, Тульскій и Орлов-

---

[1]) Записныя книги крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв. въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, кн. II, пол. 1 и въ Р. И. Б. т. XVI; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 148 и сл. проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* полагаетъ, что кабальное холопство „возникаетъ по особому договору (кабалѣ) независимо отъ договора займа или личнаго найма“; см. Обзоръ, стр. 389 и 390—397. Уложенье называетъ деньги, взятыя кабальнымъ холопомъ у господина „жалованьемъ“ (Уложеніе, XX, 78).

[2]) Уложеніе XI, 32; XIX, 14; XX, 6 и 113; Сборникъ актовъ, собр. Н. Лихачевымъ, № 10; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 267.

скій, гдѣ въ позднѣйшее время преобладала барщина. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы по своему усмотрѣнію сажали своихъ дворовыхъ людей въ задворные, образъ жизни которыхъ близко подходилъ къ крестьянскому; но въ число задворныхъ людей попадали и крестьянскія (или бобыльскія) дѣти, вѣроятно, рѣже сами крестьяне; въ Брянскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ деревнѣ Литвиновой, въ переписной книгѣ 1678 года, за смоленскимъ рейтаромъ, Д. Сорневымъ, значился дворъ задворнаго человѣка, который былъ „крѣпокъ ему по отказнымъ книгамъ и написанъ въ отказныхъ книгахъ во крестьянствѣ“. Положеніе задворнаго человѣка было лучше положенія дворового, но, конечно, хуже крестьянскаго: крестьянинъ, сидѣвшій на участкѣ пашни, наличность котораго обезпечивала и его налогоспособность, въ меньшей мѣрѣ зависѣлъ отъ произвола господина. Въ имѣніяхъ духовенства довольно аналогичное положеніе занимали „дѣтеныши“ въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ ихъ пополнялся изъ сельскаго крѣпостнаго населенія [1]).

Фактическое положеніе нѣкоторыхъ видовъ холопства настолько мало отличалось отъ крестьянскаго, что землевладѣльцы уже въ XVII вѣкѣ часто брали людей изъ крестьянъ во дворъ и считали возможнымъ принимать къ себѣ людей или въ дворовые, или въ крестьяне послѣдовательно или альтернативно. Сдѣлки подобнаго рода заключались уже, можетъ быть, до Уложенія. Въ 1642 году, напр., къ ярославскому землевладѣльцу Волкову поступилъ въ крестьяне нѣкто Ивановъ; до того времени онъ былъ „человѣкомъ“ Волкова (т. е. его холопомъ), затѣмъ взялъ у него ссуду и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми обязался жить у него въ крестьянахъ, отправлять издѣлье и платить барскій доходъ, а также государевы подати; но, въ случаѣ выхода Иванова, Волковъ по записи получилъ право „взять на немъ ссуду и крестьянство“. Аналогичныя сдѣлки, разумѣется, еще легче было заключать въ позднѣйшее время, когда исчезала разница между задворными людьми и крестьянами въ податномъ отношеніи.

Итакъ, въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка процессъ постепеннаго сближенія между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ ужъ обнаружился довольно ясно; онъ происходилъ подъ вліяніемъ бытовыхъ условій и помимо закона, но подготовлялъ смѣшеніе дворовыхъ людей съ владѣльческими крестьянами, послѣ нѣкоторыхъ колебаній признанное и закономъ.

Такому смѣшенію благопріятствовали, конечно, и безправное положеніе крестьянъ, и злоупотребленія со стороны ихъ вла-

---

[1]) *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 261—267; и 297—316.

дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, важнѣйшія права крестьянъ долгое время скорѣе подразумѣвались закономъ, чѣмъ опредѣлялись въ немъ [1]). Благодаря шаткости общественнаго положенія поселянъ и другимъ условіямъ власть землевладѣльца надъ его крестьянами стала развиваться: она слагалась изстари и исподволь, вѣроятно, за долго до образовнія крѣпостнаго права. Вотчинное право управленія и суда (обыкновенно за исключеніемъ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ), извѣстно намъ по жалованнымъ грамотамъ отдѣльнымъ вотчинникамъ. Московскіе князья уже выдавали ихъ въ XIV вѣкѣ. Надо думать, что когда это право принадлежало „сильнымъ“ людямъ, оно могло даже оказаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднымъ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ; сохранились, однако, извѣстія и иного рода: вотчинники иногда „не пущали людей своихъ и крестьянъ тягатись“ передъ судьей великокняжескимъ [2]). Такъ какъ законъ не подчинялъ опредѣленнымъ нормамъ вотчиннаго управленія и суда, то и барскій произволъ легко могъ обнаружиться въ нихъ: нѣкоторые памятники XVI-го вѣка свидѣтельствуютъ уже объ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ“. Итакъ, власть господина надъ его крестьянами могла переходить въ произволъ, который въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставался безнаказаннымъ. Если не нравственно-религіозное чувство, то, по крайней мѣрѣ собственный интересъ землевладѣльца могъ, конечно, сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, но установленіе ихъ зависѣло отъ множества случайностей. Впрочемъ, сами крестьяне иногда пытались оградить себя отъ злоупотребленій помѣщиковъ и включали соотвѣтствующія условія въ свои порядныя, или даже брали съ нихъ особыя записи; но число такихъ документовъ, насколько намъ извѣстно, ничтожно и они, разумѣется, не были въ состояніи охранить крестьянскія права, какъ не способна была оградить ихъ и крестьянская община.

---

[1]) *Н. Дебольскій*, Op. cit., стр. 204—205.

[2]) А. Э., т. I, № 46. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 10. *Н. Ланге*, Древнерусскіе смѣсные суды, М., 1882 г., стр. 64—111. Вотчинной юрисдикціи не подлежали, конечно, преступленія противъ вѣры и государственныя, а также иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и пр. Въ уставной книгѣ разбойнаго приказа постановлено, однако, слѣдующее: если дворяне, приказные люди и дѣти боярскія приведутъ своихъ людей, крестьянъ или дворниковъ и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы имянно, а языки на нихъ въ томъ не говорятъ, то распрашивать и пытать ихъ безъ обыска и безъ оговора и чинить указъ, кто до чего доведется (А. И., т. III, № 167, ст. 16). Ср. Уложеніе XXI, 79. *Г. Котошихинъ*, XI, 3 и 5. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., въ В. Е., 1871 г., № 1 стр. 21—22. Ср. выше, стр. 51, пр. 1.

Законъ того времени, однако, различалъ холоповъ отъ крестьянъ и только послѣднихъ признавалъ тяглыми; но правительственныя мѣры, постепенно уничтожившія свободу перехода для крестьянъ и, такимъ образомъ, установившія вѣчность крестьянской крѣпости, а также отсутствіе законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ важнѣйшія изъ остальныхъ крестьянскихъ правъ, способствовали развитію той власти, которая предоставлена была надъ ними землевладѣльцамъ; она отчасти даже получила покровительство закона и поддержку со стороны правительства; а стремленіе сохранить интересы фиска побудили его привлечь къ обложенію и нѣкоторые разряды холоповъ, благодаря чему разница, существовавшая между ними и крестьянами въ податномъ отношеніи, стала также сглаживаться.

Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ правительственныхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода относятся къ серединѣ XV-го вѣка и имѣютъ частный характеръ [1]). Въ то время бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ пожаловалъ игумена Ферапонтова монастыря и всю братью: „не велѣлъ имъ“ отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускати, а велѣлъ имъ отпускать серебренниковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни“; почти въ то же время (1455—1462) великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицы-Сергіева монастыря: „котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“.

---

[1]) Мнѣнія ученыхъ о прикрѣпленіи различны: одни (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ и г. Сергѣевичъ) полагаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало въ силу общаго указа, не дошедшаго до насъ, причемъ относятъ его къ 1591—1592 гг. (см. напримѣръ, *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 223; *И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 304; Лекціи по истор. рус. зак., М., 1879 г., стр. 553) или къ первымъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича (*И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 98; *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., I, 254); другіе думаютъ, что такого указа въ то время вѣроятно не появлялось, что прикрѣпленіе было вызвано цѣлымъ рядомъ общественныхъ условій, основывалось на писцовой старинѣ и т. п.; см. *М. Погодинъ*, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? въ Рус. Бес., 1858 г., № 12; *I. Engelmann*, Die Leibeigenschaft in Russland, Dorp., 1884, а въ особенности *В. О. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., №№ 8 и 10 и *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1898 г. Работа г. Дьяконова, основанная отчасти на свѣжемъ архивномъ матеріалѣ, по мнѣнію г. Милюкова, „опровергаетъ взглядъ г. Сергѣевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго“ (*П. Милюковъ*, Крестьяне въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, XXXII, 679); полемика г. Сергѣевича (Юр. Др. I, 267—271 и III, 448—468) уже вызвала замѣчанія со стороны М. А. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7.

Итакъ, древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ случаевъ ограниченія или даже запрещенія крестьянскаго выхода правительствомъ прямо относятся къ задолжавшимъ крестьянамъ (серебренникамъ) и къ крестьянамъ-старожильцамъ: крестьянская задолженность и старина оказали вліяніе на правительственныя распоряженія. Время, предшествующее Юрьеву дню осеннему и слѣдующее за нимъ, и въ другихъ граматахъ назначалось въ качествѣ срока для отказа крестьянъ, но общее постановленіе о такомъ срокѣ (за недѣлю до Юрьева дни осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ) появилось только въ Судебникѣ 1497 г. и повторено (съ нѣкоторыми дополненіями) въ Судебникѣ 1550 г. [1]). Съ того времени возникло нѣкоторое различіе между законнымъ выходомъ съ „отказомъ“, т.-е. въ срокъ и съ уплатою установленныхъ „пошлинъ“ отъ выхода незаконнаго: „бѣглые“ крестьяне упоминаются, напримѣръ, въ документахъ 1580-хъ годовъ; но до позднѣйшаго времени само законодательство оставило этотъ терминъ безъ точнаго опредѣленія и даже не налагало на крестьянъ особаго наказанія за нарушеніе вышеуказанныхъ условій выхода.

Впрочемъ, къ концу XVI-го вѣка статья Судебника объ „отказѣ“ уже потеряла прежнее значеніе: крестьяне большею частью лишены были возможности пользоваться ею; выходъ сталъ замѣняться „вывозомъ“. При описи вотчины кн. Симеона Бекбулатовича, напримѣръ, оказалось, что за нѣсколько лѣтъ изъ 2217 крестьянъ разошлось 306 крестьянъ (13,7%), причемъ наибольшая часть ушедшихъ (188 чел. т.-е. 62%) была вывезена другими владѣльцами, иной разъ и безъ соблюденія условій, предписанныхъ закономъ. Подъ вліяніемъ возраставшей нужды въ рабочихъ, такой вывозъ, вѣроятно, часто производился состоятельными землевладѣльцами, переманивавшими къ себѣ крестьянъ и, разумѣется, долженъ былъ вызывать жалобы и иски со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Правительство, обремененное множествомъ такихъ исковъ, иногда сильно запаздывавшихъ, попыталось ограничить число ихъ: указомъ отъ 24 ноября 1597 года оно предписало давать судъ по искамъ о тѣхъ крестьянахъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ до 7106-го года, т. е. до 1 сентября 1597 года, а по суду и сыску привозить ихъ назадъ, гдѣ кто жилъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за шесть и больше до 1 сентября 1597 г., а владѣлецъ не билъ на него челомъ лѣтъ за шесть и больше до того же срока, то онъ терялъ право иска. Указъ 24 ноября 1597 г., кажется, прямо не формулировалъ, однако, правила о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ на будущее

---

[1]) А. Э., т. I, № 48, 1. А. И., т. I, № 59. Ср. Пск. Суд. гр., см. 63, 76 и др. Судебникъ I, 57 и Судеб. II, 88. Акты и пр., соб. А. Юшковымъ, № 225.

время; но въ указѣ 1606 года, правительство уже ссылалось на „старый приговоръ“ о томъ, чтобы „суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе 5 лѣтъ не давати“ и составители наказа 1646 года толковали его въ такомъ именно смыслѣ [1]). Землевладѣльцы, въ особенности мелкіе, не могли однако, удовлетвориться и этимъ толкованіемъ; вѣдь крупному землевладѣльцу легко было въ теченіе пяти лѣтъ укрыть бѣглаго крестьянина въ какой-нибудь отдаленной вотчинѣ и, такимъ образомъ, прекратить возможность притязаній со стороны прежняго его владѣльца; въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ били челомъ государю о томъ, что ихъ люди и крестьяне „выходятъ изъ-за нихъ, за сильныхъ людей“, а они де (челобитчики) по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ и въ... урочные годы (т.-е. въ сроки, установленные для давности исковъ) про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ“. Въ данномъ случаѣ служилые люди мѣтко указали и на тотъ аргументъ, который всего болѣе могъ подѣйствовать на московское правительство: со второй половины XVI-го вѣка оно принялось за организацію служилаго сословія и поверстало его землями; но для того, чтобы обезпечить его военную годность, нужно было удержать на его земляхъ и его крестьянъ, платившихъ доходы землевладѣльцамъ и подати казнѣ. Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, правительство стало на сторону мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ указѣ 1601 г. царь Борисъ даже явно обнаружилъ желаніе помочь низшимъ разрядамъ своихъ слугъ и разрѣшилъ дворянамъ, служившимъ „по выбору“, жильцамъ, „которые у государя“ и его сына, городовымъ дѣтямъ боярскимъ и другимъ мелкимъ чинамъ „возить межъ себя“ одного, двухъ крестьянъ въ традиціонный срокъ, запретивъ вывозъ ихъ крупнымъ землевладѣльцамъ; исключеніе было сдѣлано только въ пользу Московскаго уѣзда, въ который и изъ котораго отказывать крестьянъ было запрещено; то же предписаніе (впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями) было повторено и въ 1602-мъ году. Хотя указы 1601 и 1602 гг. были вызваны особаго рода условіями и дѣйствіе каждаго изъ нихъ было ограничено годовымъ срокомъ, однако, въ нихъ ясно отразилась та точка зрѣнія, съ которой правительство стало относиться къ прикрѣпленію крестьянъ; оно стремилось обезпечить имъ военную годность мелкихъ служилыхъ людей, по условіямъ быта и службы часто лишенныхъ возможности своевременно заботиться о возвращеніи тѣхъ крестьянъ, которые были записаны за ними; оно дѣлало прикрѣпленіе средствомъ государ-

---

[1]) А. И., т. I, № 221, III А. Э., т. II, № 40; т. IV, № 14. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 3—7.

ственной обороны [1]). Впрочемъ, правительство было заинтересовано въ прикрѣпленіи и съ другой точки зрѣнія: прикрѣпленіе къ тяглу могло обезпечить и бо́льшую исправность въ уплатѣ податей. Если для военно-служебныхъ цѣлей правительству, въ сущности, было довольно безразлично, кто сидѣлъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, холопы или крестьяне, и съ кѣмъ служилый человѣкъ являлся на войну, со своими ли „людьми“ или съ крестьянами, то, во всякомъ случаѣ, такое же смѣшеніе въ финансовомъ отношеніи становилось убыточнымъ для казны: превращеніе крестьянина въ холопа, котораго господинъ могъ и не садить на пашню, вредно отзывалось на ея интересахъ; значитъ, правительству нужно было реагировать противъ частнаго закрѣпощенія. Кромѣ того ему выгодно было прикрѣпить каждаго крестьянина—плательщика къ своему тяглу; но такая точка зрѣнія допускала и отступленія: въ порядныя иногда включалось условіе, въ силу котораго порядчикъ выговаривалъ себѣ свободу выхода, если садилъ за себя новаго „платежнаго жильца“ на свой участокъ [2]).

Итакъ, московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, не сословныя тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ былъ служить государству. Въ своемъ имѣніи владѣлецъ вѣдалъ и судилъ подвластное ему сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ даже становился отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ: случаи, когда землевладѣльцы принимали на себя уплату податей за своихъ крестьянъ, извѣстны, напримѣръ, изъ граматъ XV и XVI вв.; то же подтверждается и граматами XVII-го вѣка, и нѣкоторыми статьями Уложенія [3]).

---

[1]) А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24. Въ указѣ 7110 г. вступленіе вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія у изслѣдователей; выраженіе — „велѣли крестьянамъ давать выходъ“, можетъ быть, только противополагается статьѣ, запрещающій выводъ крестьянъ „за“ крупныхъ землевладѣльцевъ и изъ за нихъ въ 7110 г., притомъ срокъ выхода изъ мелкихъ имѣній слегка измѣненъ, сравнительно съ извѣстной статьей Судебника: вмѣсто за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ стоитъ: „возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли“. Ср. Архивъ Н. Калачова 1859 г., III, кр., 13 и сл.

[2]) А. Ю., № 290, II и IV. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 156—157, 160. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., Прил. № 12; ср. стр. 12—15. Въ 1591—1594 гг., судя по бѣжецкимъ писцовымъ книгамъ, земля обрабатываемая холопами землевладѣльца, при извѣстныхъ условіяхъ уже обѣлялась; см. *Н. Рожковъ*, Op. cit., стр. 266—269.

[3]) Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1556-го года велѣно боярамъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы ихъ люди и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они сол-

Таковы главнѣйшіе мотивы и цѣли того прикрѣпленія, къ которому стремилось московское правительство XVII-го вѣка; гораздо менѣе ясно представляются намъ его основанія. До сихъ поръ можно только предполагать, что записка крестьянъ въ писцовыя книги, особенно въ писцовыя книги 1592—93 гг., могла оказать вліяніе и на прикрѣпленіе старинныхъ тяглецовъ: въ указѣ 1607 г. предписано тѣмъ крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до времени появленія указа „въ книгахъ 7101 (1592—93) г. положены, быть за тѣми, за кѣмъ они писаны“, но изъ этого правила прямо исключены тѣ бѣглые, о которыхъ по 1 сентября челобитья не было; въ 1614 г. царь велѣлъ воеводамъ возвращать Іосифо-Волоколамскому монастырю тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые по обыску накрѣпко всякими людьми окажутся „старинными тоїй Іосифовы вотчины крестьянами“. Судя по нѣсколько позднѣйшимъ свидѣтельствамъ памятниковъ, крестьяне часто возвращаются на прежнія мѣста жительства „по старинѣ и по писцовымъ книгамъ“, а не „старинными“ называются тѣ крестьяне, которые пришли въ данное имѣніе „послѣ писцовъ“. Если признать за писцовыми книгами вышеуказанное значеніе, то и ссылка на нихъ въ документѣ 1607 года можетъ послужить новымъ признакомъ, характеризующимъ государственное прикрѣпленіе: правительство начинаетъ выражать мысль, что крестьянинъ долженъ жить „за“ землевладѣльцемъ преимущественно на основаніи писцовыхъ книгъ, т. е. „оффиціальнаго документа общегосударственнаго характера“.

Наконецъ, тотъ же оттѣнокъ замѣчается и въ установленіи наказанія за пріемъ бѣглаго; мысль о подобнаго рода санкціи, едва-ли усвоенная нашимъ законодательствомъ XVI-го вѣка, уже ясно выражена въ извѣстномъ документѣ 1607 года: здѣсь побѣгъ крестьянина разсматривается не только какъ гражданское правонарушеніе, преслѣдуемое судомъ по иску потерпѣвшаго, но и какъ нарушеніе общественнаго порядка: бѣглый крестьянинъ „отнынѣ“ подлежитъ розыску и возврату и помимо иска со стороны землевладѣльца; исполненіе такихъ функцій поручается органамъ областной администраціи; виновный же, которымъ оказывается не бѣглый крестьянинъ, а принявшій его новый владѣлецъ—долженъ,

---

гутъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а ихъ людямъ и крестьянамъ быть казненнымъ, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ (А. И. т. I, № 154, V, ст. 10 и 11). Возможно, что редакція вышеприведенной статьи неудачна и что бояре и проч. отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не сдѣлаютъ соотвѣтствующихъ приказаній своимъ людямъ и крестьянамъ; ср. А. Э. т. I, № 17 и др. Уложеніе, XI, 6, 10, и 21. *Б. Чичеринъ*, Ор., стр. 222. Случаи взиманія податей съ владѣльческихъ крестьянъ самимъ правительствомъ также извѣстны, см., напр., А. Э., т. III, № 115.

сверхъ вознагражденія потерпѣвшему, уплатить еще значительный денежный штрафъ въ пользу казны [1]).

Итакъ, документъ 1607 года содержитъ ясныя указанія на тѣ начала, которыя были положены въ основу государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Почти всѣ эти начала выражены и въ Уложеніи 1649 года: главная новость его (да и то, можетъ быть, не столько въ дѣйствительности, сколько въ исторіи законодательства) состояла въ распространеніи прикрѣпленія на всѣхъ поселянъ, „съ племянемъ вмѣстѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ опредѣленіи срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вообще постепенно возраставшаго, правительство, частью подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ мотивовъ, частью, вѣроятно, и по настоятельнымъ просьбамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ“ рѣшилось отмѣнить „урочныя лѣта“. Для этой цѣли должна была служить и перепись всѣхъ крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ, даже тѣхъ, которые выбѣжали изъ-за него въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ; „и по тѣмъ переписнымъ книгамъ (1646—1648 гг.), читаемъ мы въ указѣ о переписи 19 октября 1645 года, крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Такимъ образомъ, правительство уже въ 1645 г. выразило намѣреніе обнародовать извѣстную „государеву заповѣдь о томъ, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати“; она окончательно была утверждена въ соборномъ Уложеніи 1649 г.; одна изъ его статей заявляетъ, что „о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было“. Вѣчная крѣпость крестьянская отнынѣ должна была распространяться не только на тяглыхъ крестьянъ и на бобылей, но и на „ихъ братью, дѣтей, и племянниковъ и внучатъ, съ женами и дѣтьми“, записанныхъ главнымъ образомъ, въ писцовыя и переписныя книги [2]). Государственный характеръ прикрѣпленія въ

[1]) Судебникъ 1550 г. и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136; въ томъ же указѣ постановлено: „а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1-е число не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавать“. А. Э., т. III, № 41. *В. Ключевскій.* Op. cit., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 14—15. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 31, 34—38. Въ пользу предположенія проф. В. О. Ключевскаго о достовѣрности указа 1607 года можно привести еще и то, что постановленія его о денежномъ штрафѣ и проч. встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ грамотъ, писанныхъ послѣ 1607 г. и до 1649 г.; см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 57 и сл. Ср. ниже стр. 80—81.

[2]) Извѣстны случаи, когда и до Уложенія дѣти крестьянъ и бобылей возвращались на старинныя ихъ отцовскія печища; см. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 40—45. *С. Соловьевъ* II. Р., IV, 791. Половники на сѣверѣ и послѣ обнародованія Уложенія продолжали заключать порядныя на срокъ и переходить съ мѣста на мѣсто; крестьяне—„порядчики“ въ тѣхъ же уѣздахъ обыкновенно заключали свои порядныя также на сроки, но болѣе продолжительные, чѣмъ половники; см. *А. Ефименко*, Op. cit., стр. 271, 278; *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 151—155, 163.

*

Уложеніи обнаружился еще яснѣе, чѣмъ въ указѣ 1607 года. Уложеніе признало значеніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ для прикрѣпленія. Помимо порядныхъ, которыя продолжали заключаться и послѣ 1649 года, оно сверхъ того установило и новый способъ поступленія въ крестьяне „для вольныхъ людей“; по предварительномъ распросѣ, дѣйствительно ли они вольные, такіе люди записывались въ помѣстномъ приказѣ, а затѣмъ „отдавались“ въ крестьянство новымъ своимъ владѣльцамъ и становились вѣчно крѣпкими имъ. Наконецъ, Уложеніе опредѣлило и цѣлый рядъ наказаній, падающихъ на того, кто приметъ бѣглаго крестьянина и кто будетъ укрывать его отъ законнаго его владѣльца. Государственный характеръ прикрѣпленія выражается и въ томъ, что, уничтожая право выхода, Уложеніе продолжало различать крѣпость холопью отъ крестьянской; оно запретило крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы кому-бы то ни было и упоминаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьянина [1]): оно сохранило за нимъ возможность самому искать или отвѣчать въ дѣлахъ граж-

---

[1]) А. Э., IV, № 14 Уложеніе XI, особенно 1—3, 5, 9, 11, 20, 21, 24; XX, 5 и 113. Казанцы должны были записываться не въ Помѣстномъ приказѣ, а въ Казани; Новгородцы (съ пригородами)—въ Новгородѣ, Псковичи (съ пригородами)—въ Псковѣ. Ср. еще выше, стр. 46 и Уложеніе, XX, 27. Г. Дьяконовъ замѣтилъ, что и послѣ изданія Уложенія московское правительство „вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ“, но урочные годы, извѣстные намъ изъ отдѣльныхъ указовъ, были уже гораздо менѣе выгодны для землевладѣльцевъ. (Op. cit., стр. 63—66). Уложеніе приняло во вниманіе писцовыя книги 7134 г. (1625—1626 гг.) и 7154—7155 гг. (въ сущности 1646—1648 гг.); бѣглые крестьяне и бобыли, записанные за владѣльцемъ въ писцовыхъ книгахъ 7134 г. „отдавались“ имъ по суду и по сыску по этимъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ; та же участь постигла крестьянскихъ и бобыльскихъ женъ и дѣтей; послѣднихъ велѣно отдавать на томъ основаніи, что отцы ихъ записаны въ книги 7134 года; такое же значеніе могли имѣть отдѣльныя или отказныя книги, составленныя послѣ писцовыхъ книгъ 7134 года, По переписнымъ книгамъ 7154 и 7155 гг. отдавались тѣ крестьяне и бобыли, отцы которыхъ такъ же, какъ и сами они, еще не были внесены въ списки 7134 г., но уже были упомянуты въ спискахъ 7154—7155 гг.; по книгамъ этихъ же годовъ (7154 и 7155 гг.) отдавались и ихъ „братья, дѣти, племянники и внучата съ женами и съ дѣтьми“... Слѣдовательно, если только не приписывать нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ отличій несовершенствамъ редакціи соотвѣтствующихъ статей Уложенія (XI, 2, 3, 5, 9—11), при прикрѣпленіи переписныя книги дополняли предшествующія (начиная съ писцовыхъ книгъ 7134 г.) свѣдѣніями: 1) касательно крестьянъ и бобылей, записанныхъ только въ 7154 или 7155 гг.; 2) касательно ихъ „братьи, племянниковъ и внучатъ съ женами и дѣтьми“.—По Уложенію (XI, 15) бѣглая вдова, вышедшая вторично замужъ въ бѣгахъ за крестьянина или за кабальнаго человѣка, возвращается съ мужемъ прежнему ея владѣльцу на основаніи не только вышеназванныхъ книгъ, но и „выписей и иныхъ какихъ крѣпостей“. Въ граматѣ новгородскому воеводѣ кн. И. Рѣпнину 1664 года велѣно отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ

данскихъ и установило плату за его безчестье и увѣчье; оно также признало за нимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право вступать въ имущественныя обязательства даже съ собственнымъ своимъ господиномъ и казною [1]). Нѣкоторыя изъ ограниченій крестьянскихъ правъ, находящіяся въ Уложеніи, были, повидимому, также сдѣланы преимущественно съ казенной точки зрѣнія: сюда можно отнести, напримѣръ, помимо уничтоженія урочныхъ лѣтъ, запрещеніе крестьянамъ, жившимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами, а также лавками и совершать сдѣлки на эти имущества; согласно съ началами государственнаго прикрѣпленія, крестьяне были лишены и права вступать въ нѣкоторыя обязательства, а именно давать на себя жилыя и судныя записи и служилыя кабалы [2]).

Одновременно съ вышеприведенными постановленіями, въ Уложеніи, однако, можно усмотрѣть и иное теченіе, благопріятствовавшее послѣдующему развитію крѣпостного права, а не государственнаго прикрѣпленія крестьянъ. Уже нѣсколько замѣтное въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, оно рѣзче обозначилось въ Уложеніи; здѣсь, напримѣръ, нѣтъ статьи, гдѣ опредѣлялась бы юридическая сущность того отношенія, въ которомъ крестьяне должны были находиться къ владѣльцамъ; благодаря такому пробѣлу, они могли развивать свою власть. Личность крестьянина слишкомъ мало обезпечена въ Уложеніи: оно не устанавливаетъ наказанія господину за неумышленное убійство своего крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть; и, напротивъ, оно прямо признаетъ обычай, въ силу котораго владѣльцы могли въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ искать и отвѣчать за своихъ „пашенныхъ“ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійства, разбоя, а также татьбы и, значитъ, въ случаяхъ подобнаго рода, допускаетъ отстраненіе крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе оставляетъ почти безъ всякой нормировки и имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, а также повинностей (за исключеніемъ развѣ постановленія не работать въ воскресные и празднич-

---

владѣльцамъ „по крѣпостямъ, по переписнымъ книгамъ 161 году“ (П. С. З. т. I, № 364). Уложеніе между прочимъ ссылается и на то, что „изъ помѣстей помѣщикамъ крестьянъ (записанныхъ за ними въ „писцовыя книги“) на волю отпускать не указано“ (Ул., XV, 3). О различіи между холопами и крестьянами по Уложенію см. *К. Побѣдоносцевъ*, Историческія изслѣдованія и статьи, Спб., 1876 г., стр. 47—57. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3743, п. 1.

[1]) Уложеніе, X, 124; ср. 159, 162; XI, 23 и 32; XVII, 23; XIX, 16 и 17. Новоторг. уст., ст. 91 (П. С. З., т. I, № 408); см. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 106, 109—116.

[2]) Уложеніе, XI, 23 и 32; XIX, 15. Ср. А. Э., т. IV, № 39.

ные дни) и платежей въ пользу землевладѣльца; тотъ же сводъ содержитъ статьи, игнорирующія существованіе у крестьянъ своей собственности, и повелѣваетъ, напримѣръ, отдавать по оцѣнкѣ дворы и животы должниковъ, которымъ „откупиться нечѣмъ“, въ истцовъ искъ, или править истцовъ искъ „въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ ихъ и на крестьянѣхъ“. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что Уложеніе постановляетъ „опричь великихъ дѣлъ (здоровья государя и измѣны) ни въ какихъ дѣлѣхъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“, а между тѣмъ, въ числѣ такихъ извѣтовъ могли быть и доносы ихъ на злоупотребленія господъ [1]).

Дѣйствительная жизнь, разумѣется, опережала законъ: землевладѣльцу тѣмъ легче было расширять и усиливать надъ крестьянами власть, сущность которой оставалась безъ опредѣленія въ законѣ, чѣмъ труднѣе становилось его подданному ускользнуть изъ подъ ея давленія. Послѣ отмѣны урочныхъ лѣтъ крестьянинъ-старожилецъ былъ лишенъ права выхода, а крестьянинъ новопорядчикъ въ своей порядной обязывался жить за землевладѣльцемъ „вѣчно“ и „безвыходно“; притомъ онъ часто, взамѣнъ порядной, писалъ „ссудную“, по которой онъ также признавалъ себя вѣчно крѣпкимъ своему господину и въ которой рѣчи нѣтъ объ арендѣ земли [2]); вѣчно ему крѣпкій и по оффиціальнымъ документамъ, онъ былъ лишенъ права разорвать свою крѣпость; онъ могъ только временно отлучаться изъ имѣнія, да и то, вѣроятно, заявивъ объ этомъ владѣльцу [3]). Въ противномъ случаѣ онъ становился „бѣглымъ“; а за пріемъ бѣглаго чужого крестьянина вотчинники и помѣщики подвергались строгимъ наказаніямъ, установленнымъ

---

[1]) А. И., т. III, 92 (стр. 101 и 111—112). Уложеніе, II, 13; X, 94, 141, 126 и 226; XI, 32; XIII, 7; XIX, 17. П. С. З., т. I, № 412, гл. II, ст. 7. Уложеніе предоставляетъ „рабѣ“ право жаловаться на владѣльца лишь въ томъ случаѣ, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою“ (XX, 80); надо полагать, что та же статья могла примѣняться и къ крестьянамъ; ср. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 3, 47, 49, 57, 74 *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 470.

[2]) Въ одной порядной 1619 года порядчикъ пишетъ: „а съ Софѣйскіе вотчины... [мнѣ] никуды за волость не сойти и не сбѣжать, а сойду я изъ Софѣйскіе вотчины или збегу безъ государева указу и безъ митрополичья вѣдома, и гдѣ меня свѣдаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяти и вывесть въ Софейскую вотчину“... Аналогичныя условія есть и въ другихъ порядныхъ 1620 годовъ (*Н. Дебольскій*, Op. cit., Прил., стр. 433—440). Въ одной жилецкой записи 1627 г. крестьяне Михѣевы писали, что они „крѣпки“ своему господину, Чиркину, „въ его помѣсьѣ на тое деревнѣ, гдѣ онъ ихъ посадитъ“; такія же выраженія встрѣчаются и во многихъ порядныхъ того времени еще до 1646 г. (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 22, 25, 26, 28, 31). Уложеніе XI, 32.

[3]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 95—100; ср. 101. Судебникъ и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г. стр. 134—136 (указъ 1607 г. марта 9-го).

въ указахъ 1661 и 1664 годовъ [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльцы пользовались выгодами своего положенія для того, чтобы расширить и усилить свою власть надъ крестьянами. Въ то время они произвольно устраивали браки между своими „подданными“, заставляли ихъ насильно ходить въ церковь и т. п. Въ концѣ XVI-го вѣка они уже уступали другъ другу крестьянъ: извѣстна мировая 1597—1598 гг. между старцемъ Гуріемъ изъ Голутвина монастыря въ Коломнѣ и подъячимъ Григорьевымъ, въ силу которой старецъ Гурій „по сыску“ поступился Григорьеву нѣсколькими крестьянами съ ихъ женами и дѣтьми, со всѣми животами и статками, но безъ земли. Отъ начала XVII-го вѣка сохранился цѣлый рядъ актовъ, касающихся разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ на крестьянъ [2]). Съ теченіемъ времени сдѣлки на крестьянъ безъ земли также стали все больше входить въ обычай. Съ 13-го октября 1675 г. крестьянъ начали записывать по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ въ помѣстномъ приказѣ, „безъ подписныхъ челобитенъ“. Извѣстны также факты, свидѣтельствующіе, что записка въ крестьяне, уже вскорѣ по изданіи Уложенія, могла производиться и въ холопьемъ приказѣ; такой порядокъ былъ узаконенъ въ указахъ 1681 и 1682 гг.: лицамъ, совершающимъ сдѣлки подобнаго рода, велѣно было бить челомъ о запискѣ ихъ въ приказѣ холопья суда [3]). Если можно было тогда уже распоряжаться личностью крестьянина, отрывать его отъ земли, переводить его съ одного участка на другой или изъ одного имѣнія въ другое, то легко было поступать съ нимъ и какъ съ сельскимъ рабочимъ, лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ, а не какъ съ вольнымъ арендаторомъ, и подвергать трудъ его нѣкоторой эксплоатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, вышеприведенные примѣры касательно роста крестьянскихъ повинно-

---

[1]) П. С. З., т. I, №№ 307 и 364; въ силу указа 1658 года крестьяне, бѣжавшіе и „разорившіе своихъ господъ“, сами подвергались „нещадному наказанію кнутомъ“ (ib., т. I, № 220). Ср., впрочемъ, еще *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 215—216.

[2]) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 33. *Н. Дебольскій*, Op. cit. стр. 180—182.

[3]) На основаніи Уложенія, человѣкъ, купившій вотчину, могъ, вмѣсто крестьянъ, написанныхъ въ купчей, но взятыхъ у него и отданныхъ изъ той вотчины истцамъ, по писцовымъ книгамъ, суду и сыску „взять на продавцѣ такихъ же крестьянъ изъ иныхъ его вотчинъ“ (XI, 7). Кромѣ того, въ случаѣ неумышленнаго убійства крестьянина одного владѣльца крестьяниномъ другого владѣльца, Уложеніе разрѣшало выдавать убійцу, или другого крестьянина со всею семьею тому владѣльцу, кому принадлежалъ убитый; выборъ былъ предоставленъ потерпѣвшему владѣльцу (XXI, 73); П. С. З., т. II, № 946 О появленіи и размноженіи разнаго рода сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, а иногда и въ разбивку въ общественной жизни и въ судебной практикѣ XVII вѣка см. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 57—65.

стей, да и другія извѣстія, повидимому, свидѣтельствуютъ въ пользу такого заключенія. Въ наказѣ Корсакова прикащику, управлявшему вотчиной Суздальскаго Покровскаго монастыря, напримѣръ, ему было предписано запрещать монастырскимъ крестьянамъ нанимать земли въ другихъ имѣніяхъ, „чтобъ монастырскія села не пустѣли и пашня не запереложѣла". Одинъ изъ писателей XVII вѣка сообщаетъ, что бывали вотчинники и помѣщики, которые прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: желая продать своихъ крестьянъ, они „напередъ брали съ нихъ поборы великіе, не противъ силы" съ тѣмъ, чтобы „себя наполнивать для покупки иныхъ вотчинъ". Впрочемъ, правительству было невыгодно допускать крестьянское разореніе: извѣстны случаи, когда оно предписывало даже кнутомъ наказывать служилыхъ людей, запустошившихъ свои имѣнія и лишившихъ себя возможности исправно отбывать службу. Судя по разсказу одного современника, владѣльцу, разорившему своихъ крестьянъ, грозила уплата крестьянамъ тѣхъ излишнихъ поборовъ, которые онъ взималъ съ нихъ черезъ силу и грабежемъ, а также конфискація его помѣстій и жалованныхъ вотчинъ; что же касается купленныхъ его вотчинъ, то онѣ отдавались его родственникамъ; но, даже если признавать достовѣрность приведеннаго извѣстія, въ немъ нѣтъ рѣчи о родовыхъ имѣніяхъ вотчинника; притомъ дѣло начиналось (судя по тому же извѣстію), если крестьяне били челомъ на своего вотчинника или помѣщика, а это, вѣроятно, не всегда удавалось имъ сдѣлать; да и конфискаціи подобнаго рода едва-ли часто повторялись [1]).

Во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы успѣли, вѣроятно, усилить зависимость крестьянъ отъ своего произвола и благодаря тому, что они вѣдали и судили своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, „кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ". Въ то время въ помѣщичьихъ дворахъ уже встрѣчаются тюрьмы, кандалы и колодки; битье кнутомъ иногда упоминается въ числѣ тяжкихъ наказаній; битье батогами часто употребляется, напримѣръ, за „огурство", т. е. за уклоненіе отъ обязанностей, налагаемыхъ вотчинникомъ на своихъ крестьянъ; его судебный розыскъ нерѣдко доводитъ людей и до пытки [2]). Приведемъ два примѣра: Въ селѣ Мурашкинѣ, принадлежавшемъ

---

[1]) А. Э., т. III, № 217. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 59. *Г. Котошихинъ* XI, 3. Ср. выше стр. 61 и *С. Соловьевъ*, И. Р., ком. изд., II, 1349—1350.

[2]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19, 49. Даже по дѣламъ, подлежавшимъ губному вѣдомству, Морозовъ велѣлъ обвиняемыхъ подвергать „распросу", а того человѣка, который въ распросѣ начиналъ путаться и оказывался воромъ, сажать въ колоду или желѣза и потомъ уже отсылать съ поличнымъ въ губу.

извѣстному боярину Морозову, въ 1650 году возникло дѣло объ оскорбленіи особы боярина бобылемъ Мironкой: напившись пьянъ въ кабакѣ, Мironко сказалъ скаредныя и бранныя слова про боярина-государя. Прикащикъ вкинулъ виновнаго въ тюрьму и поспѣшилъ извѣстить Морозова о случившемся; злосчастный сирота, отрезвившись въ тюрьмѣ, въ свою очередь послалъ боярину челобитную, въ которой онъ винился передъ своимъ „государемъ“ и просилъ его смиловаться. Морозовъ, однако, не смиловался: онъ велѣлъ прикащику распросить накрѣпко Мironку „въ заводѣ“ и пытать его, „не отъ заводу ль онъ какова такія рѣчи говорилъ“, а затѣмъ „бить Мironка кнутомъ безъ пощады“ и держать въ тюрьмѣ; а „какъ кожа подживетъ, распоряжался боринъ, и вынявъ, велѣть въ другорядь бить [его] кнутомъ же безъ пощады“ и снова кинуть въ тюрьму, „чтобъ ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно“. И, хотя Мironка и съ пытки винился въ томъ же, что говорилъ онъ тѣ „невѣжливыя слова своею глупостью, хмѣлемъ пьянски“ и что никого съ нимъ въ думѣ не было, однако, распоряженіе боярина было приведено въ исполненіе. Другой примѣръ: въ своей духовной 1627 года одинъ изъ землевладѣльцевъ, кажется, нижегородской губ., винился въ томъ, что „сиротъ своихъ, которые ему служили, въ своей кручинѣ оскорбилъ боемъ по винѣ и не по винѣ ихъ, а вдовъ и женъ ихъ дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ грѣхомъ своимъ и смерти предалъ“...[1]). Впрочемъ (насколько можно заключить по отдѣльнымъ примѣрамъ), по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ поручался прикащику, послѣдній долженъ былъ судить съ старостой, съ цѣловальниками и съ выборными крестьянами. Въ арзамасской вотчинѣ боярина Морозова міръ однажды даже прямо „вступился“ въ жестокій „розыскъ“, производимый прикащикомъ надъ какою-то „женишкой“; по поклепу одного изъ крестьянъ прикащикъ пыталъ и билъ ее кнутомъ, „взвѣся... и робенка изъ нея вымучилъ, да сверхъ тое пытки огнемъ хотѣлъ жечь“; тогда-то міръ и вмѣшался въ дѣло; при мірѣ стали спрашивать истца, который и повинился въ своемъ поклепѣ; любопытно, что боринъ принялъ во вниманіе новый розыскъ, учиненный міромъ, и даже наказалъ истца [2]). Сомнительно, однако, чтобы такіе случаи вмѣшательства имѣли большое значеніе для огражденія крестьянъ отъ барскаго произвола: хотя факты, подобные вышеуказаннымъ, въ XVII-мъ вѣкѣ все еще, повидимому, довольно рѣдки, однако, они лишній

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 2, стр. 506 и 508. А. о. до Ю. Б., т. I, № 86, 1.

[2]) *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 17; № 2, стр. 506—507.

разъ и наглядно показываютъ, что многіе элементы крѣпостного быта сложились задолго до признанія закономъ крѣпостного права: крестьянинъ долженъ былъ подчиняться расширившейся власти землевладѣльца и къ концу вѣка начиналъ уже протестовать противъ его произвола [1]).

Тѣмъ не менѣе тягло продолжало оставаться однимъ изъ существенныхъ различій между холопомъ и крестьяниномъ; по старинному правилу: „на холопѣхъ дани не взяти“ къ тяглу привлекалось только свободное населеніе. Правительство долго придерживалось такого взгляда; но и это различіе стало утрачивать значеніе въ жизни и въ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ бытовомъ отношеніи дѣловые люди, жившіе особыми дворами, задворные люди и монастырскіе „дѣтеныши“ настолько близко стояли къ пашеннымъ крестьянамъ, что правительство, имѣя въ виду фискальные и военные интересы, рѣшилось, повидимому, обложить ихъ дворы повинностями, которыя падали и на дворы тяглыхъ людей. Послѣ переписи 1677—1678 гг., при производствѣ которой писцамъ велѣно было имѣть въ виду дворы дѣловыхъ и задворныхъ людей, и послѣ приговора 2 сентября 1679 года, задворные люди въ сущности были зачислены въ разрядъ тяглыхъ людей и, дѣйствительно, стали платить, напримѣръ, стрѣлецкій хлѣбъ, ямскія и полоняничныя деньги; нѣсколько позднѣе такими же сборами были обложены и дѣловые люди, жившіе особыми дворами. Можно думать, что нѣчто подобное произошло и съ монастырскими дѣтенышами [2]). Выгоды землевладѣльцевъ, которые пользовались даровымъ трудомъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, а также дѣтенышей принесены были въ жертву казнѣ; тягло перестало рѣзко отграничивать ихъ отъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, само правительство способствовало дальнѣйшему сліянію холопства съ крестьянствомъ и подготовляло превращеніе крѣпостного быта въ крѣпостное право.

Со времени Уложенія различіе въ общественномъ положеніи крестьянъ черносошныхъ и владѣльческихъ уже обозначилось рѣзче прежняго. Хотя оба главнѣйшіе разряды сельскаго населенія подверглись прикрѣпленію, однако, оно имѣло разное значеніе для каждаго изъ нихъ. Черносошныхъ велѣно было возвращать въ черныя волости на старые ихъ жеребьи; но передвиженіе въ широкихъ предѣлахъ черныхъ волостей для нихъ все еще было возможно и они оставались свободными отъ землевладѣльческаго гнета; владѣльческіе крестьяне, напротивъ, были „записаны за вотчин-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 220. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 31. *П. Ивановъ*, Др., т. I, в. 3, стр. 529—530.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, II и IV и № 66. *М. Дьяконовъ*, Op. cit., стр. 272—282, 316—321.

никами и помѣщиками“ или „отдавались“ имъ; и чѣмъ уже были предѣлы вотчины или помѣстья, тѣмъ возроставшая зависимость ихъ отъ владѣльцевъ чувствовалась сильнѣе. Благодаря такимъ условіямъ, между черносошными, надо полагать, было меньше разрозненности, чѣмъ между крестьянами, принадлежавшими разнымъ владѣльцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черносошные продолжали подчиняться только органамъ правительства, тогда какъ крестьяне, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ, превратились въ подданныхъ своихъ государей-владѣльцевъ, которые стали между ними и государственною властью. Впрочемъ и тѣ и другіе отправляли податныя обязанности въ пользу государства, у тѣхъ и у другихъ еще оставались и общія имъ права, между прочимъ, право подавать челобитныя правительству. Крестьяне обращались съ „мірскими челобитными“ къ воеводамъ или получали возможность сноситься съ Москвою обыкновенно черезъ посредство міра; онъ отправлялъ выборныхъ мірскихъ челобитчиковъ или посыльщиковъ „для мірскихъ бѣдностей“ на общія мірскія средства; иногда такіе посыльщики даже нанимались міромъ; извѣстно, впрочемъ, что Уложеніе запретило челобитчикамъ, не бившимъ челомъ въ приказахъ, подавать свои челобитныя государю; но это правило едва-ли строго соблюдалось на практикѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ и позднѣйшіе указы [1]). По мѣрѣ того, однако, какъ разросталась власть помѣщика, и подача челобитенъ помимо него въ присутственныя мѣста становилась для его крестьянъ все болѣе затруднительной, а съ теченіемъ времени она была запрещена и закономъ. Различіемъ въ бытовыхъ условіяхъ и общественномъ положеніи крестьянъ черносошныхъ и владѣльческихъ объясняется и разное отношеніе, въ какое они были поставлены къ городскому населенію. Московское правительство въ теченіе всего XVII вѣка не порывало связи между черносошными крестьянами и городами въ поморскихъ уѣздахъ; только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ [2]). Напротивъ, между владѣльческими крестьянами и посад-

---

[1]) Уложеніе, X, 20; ср. П. С. З., т. III, № 1707 и т. IV, № 1748; т. V, № 2787 и многіе другіе; указанія на нихъ отчасти собраны въ извѣстномъ указѣ отъ 12 іюля 1762 г. въ П. С. З., т. XVI, № 11606. *Н. Оглоблинъ*, Op. cit., Жур. М. Н. Пр., 1898 г., апр., стр. 276, 282, 289, 307, 311—312, 315 и др.

[2]) Въ указѣ 3 ноября 1699 года написано: „Въ поморскихъ городѣхъ уѣздныхъ государевыхъ крестьянъ, опричь тѣхъ, которые вѣдомы во дворцѣ, нигдѣ воеводамъ не вѣдать, а вѣдать во всѣхъ тѣхъ городахъ бурмистрамъ“ (П. С. З., т., III, № 1715; Ср. выше стр. 30); но извѣстно, что по учрежденіи губерній городовыя или земскія избы были подчинены губернаторамъ (1708—1719). Хотя въ указѣ 11 іюня 1718 года есть уже резолюція о томъ, чтобы „учинить „градскіе магистраты“, на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента, но воеводская инструкція 1719 года все еще признаетъ города „подчиненными

скими тяглыми людьми оно провело довольно рѣзкую грань: въ силу извѣстныхъ статей Уложенія „боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне“, купившіе тяглые дворы и лавки, и анбары, и погребы каменные и соляныя варницы и торговавшіе всякими товарами въ городахъ, должны были продать тѣ тяглые дворы и торговыя заведенія „тяглымъ торговымъ и посадскимъ людямъ“ и впредь были лишены права вступать съ ними въ сдѣлки подобнаго рода; въ противномъ случаѣ виновнымъ грозило наказаніе: великая опала и торговая казнь; аналогичная мѣра была принята и относительно тяглыхъ дворовъ, лавокъ и проч., взятыхъ крестьянами тѣхъ же разрядовъ въ закладъ до сроку у торговыхъ и посадскихъ людей, если они „просрочатъ“ уплату своихъ долговъ: владѣльческимъ крестьянамъ было запрещено „послѣ срока“ жить въ этихъ тяглыхъ дворахъ или торговать въ этихъ лавкахъ, анбарахъ и погребахъ и варить соль въ этихъ варницахъ подъ опасеніемъ конфискаціи заложеннаго имъ имущества. Слѣдуетъ замѣтить, кромѣ того, что въ статьяхъ, которыя обособляли сельское населеніе, сидѣвшее на частновладѣльческихъ земляхъ, отъ „государевыхъ“ тяглецовъ, законъ уже ставилъ на одну доску „людей боярскихъ и иныхъ чиновъ“ (т. е. холоповъ) и владѣльческихъ крестьянъ и противополагалъ ихъ посадскимъ людямъ: проводя такое различіе, онъ какъ бы признавалъ, что владѣльческіе крестьяне въ данномъ отношеніи ближе стоятъ къ „боярскимъ и иныхъ чиновъ людямъ“, чѣмъ къ государевымъ тяглымъ людямъ [1]).

Наконецъ, различіе между черносошными и владѣльческими крестьянами въ политическомъ отношеніи было особенно замѣтно

воеводѣ“ (П. С. З., V, № 3294). По учрежденіи главнаго магистрата (регламентъ его—16 января 1721 г.), „регулярное гражданство“ обособляется отъ уѣздныхъ людей и отдается въ вѣдѣніе магистратовъ (П. С. З., т. V, № 3208; т. VI, № 3708; т. VII, № 4624); впрочемъ, въ дѣйствительности воеводы продолжали вмѣшиваться и въ дѣла магистратовъ. Вслѣдъ за упраздненіемъ городовыхъ магистратовъ (П. С. З., т. VII, № 5142, 18 янв. 1727 г.) сельское населеніе поморскихъ уѣздовъ опять вмѣстѣ съ городами состояло въ вѣдѣніи правительственныхъ органовъ: въ наказѣ 1728 года „посадскихъ велѣно подчинить губернаторамъ и воеводамъ“ (П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 10, 20, 26 и др.). Тѣмъ не менѣе начала, положенныя въ основу магистратскихъ учрежденій, не вполнѣ утратились въ ратушахъ; а въ 1743 году магистраты были возстановлены и компетенція ихъ была расширена (П. С. З., т. XI, № 8734). О дальнѣйшемъ процессѣ обособленія государственныхъ крестьянъ отъ городского населенія см. ниже.

[1]) Уложеніе, XIX, 15 и 16; ср. XIX, 1 и 9; въ силу статьи 17-й крестьянамъ владѣльческимъ было разрѣшено пріѣзжать въ города и продавать всякіе товары на гостиномъ дворѣ „съ возовъ и струговъ“.

не столько въ области самоуправленія [1]), сколько въ соборномъ представительствѣ. Въ 1612—1613 гг. „уѣздные люди“ вмѣстѣ съ другими были призваны для рѣшенія вопроса о томъ, „кому быть на Московскомъ государствѣ“; уже въ то время, однако, владѣльческимъ крестьянамъ, повидимому, нельзя было засѣдать вмѣстѣ съ своими господами; подъ „уѣздными людьми“, подписавшимися на избирательной граматѣ надо, кажется, разумѣть однихъ „сѣверныхъ крестьянъ“ или даже мелкихъ служилыхъ людей „приборной“ службы. А въ 1682 году, когда на совѣщаніе правительства съ тяглыми людьми тоже были призваны, люди уѣздные, оно уже порознь совѣтовалось съ тяглыми и служилыми людьми; такой порядокъ указывалъ на наступленіе того сословнаго строя, который окончательно выработался въ слѣдующемъ столѣтіи [2]).

III. Крестьяне въ Россійской имперіи XVIII-го вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ положеніе крестьянъ ухудшилось и въ бытовомъ, и въ юридическомъ отношеніяхъ: частный характеръ прикрѣпленія сталъ развиваться въ ущербъ тому государственному значенію, которое приписывало ему московское правительство. Въ то время владѣльческіе крестьяне стали почти собственностью сословія, которое владѣло ими не для службы и за службу, а въ силу сословной привилегіи; даже отношенія казны къ крестьянамъ, получившимъ названіе государственныхъ, отчасти строились по тому же образцу, а съ сословной точки зрѣнія и они причислялись къ „послѣднему чину“. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне окончательно выдѣлились въ особое сословіе. Уже Татищевъ замѣтилъ, что помимо „временной разности между чинами“ существуетъ еще другая „пребывающая и наслѣдственная разность“ между опредѣленными группами населенія: „шляхетствомъ, гражданствомъ и подлостью“; нѣсколько позднѣе Щербатовъ высказалъ тотъ же принципъ, требуя, „дабы всѣ сословія въ Россійской имперіи были между собою раздѣлены и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ правъ содѣйствовало общему благо-

---

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ нужды подробно останавливаться на исторіи губныхъ и земскихъ учрежденій тѣмъ болѣе, что имъ посвящена была недавно статья г. Покровскаго; см. *М. Покровскій*, Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси въ Сб. о мелкой земской единицѣ, т. I, изд. 2, стр. 186—239.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 203. П. С. З., т. II, № 899. А. И., т. V, № 83. *С. Платоновъ*, Очерки по исторіи Смуты, Спб., 1899, стр. 558—561. Соборъ 1613 г. продолжалъ засѣдать и въ 1614-мъ, а можетъ быть и еще дольше. Черносошные крестьяне иногда называются „уѣздными людьми“; см., напр., А. Э., IV, № 250.

получію“ [1]). Впрочемъ, сословную точку зрѣнія можно было примѣнить не къ крестьянамъ вообще, а только къ отдѣльнымъ разрядамъ крестьянскаго населенія, главнымъ образомъ къ крѣпостнымъ и государственнымъ крестьянамъ [2]). Въ то время составъ этихъ двухъ классовъ крестьянъ опредѣлился; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне, въ качествѣ „ревизскихъ душъ“ стали противополагаться „благороднымъ“ и каждый изъ основныхъ классовъ крестьянъ больше прежняго обособился отъ остальныхъ слоевъ населенія: владѣльческіе крестьяне, превращаясь почти въ полную собственность „вѣковыхъ ихъ владѣльцевъ“, тѣмъ самымъ утрачивали прежнюю связь съ другими общественными группами, подвластными „прямому ихъ владѣтелю—всероссійскому самодержцу“; государственные же крестьяне были отдѣлены отъ посадскихъ людей, съ которыми они до того времени смѣшивались въ поморскихъ уѣздахъ. Въ эпоху преобразованій, когда все населеніе призвано было служить государству, эти перемѣны въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ сравнительно еще мало замѣтны, но онѣ ясно обнаружились въ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма и сословной монархіи; весь вредъ крѣпостного права, тогда уже окончательно сложившагося, становился тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что нѣкоторые изъ лучшихъ людей того времени начинали указывать на его гибельныя послѣдствія и для общества, и для государства; слѣдовательно, удобнѣе всего обозрѣть исторію помѣщичьихъ крестьянъ изучаемаго періода въ эпоху преобразованій въ связи съ ближайшими ея послѣдствіями и въ „вѣкъ просвѣщенія“. Придерживаться такого же дѣленія и въ обозрѣніи исторіи государственныхъ крестьянъ было бы, пожалуй, излишне: въ ней нѣтъ такихъ рѣзкихъ граней.

1. Помѣщичьи крестьяне.

Въ эпоху преобразованій исторія крестьянъ развивалась въ томъ же направленіи, какъ и въ предшествующемъ періодѣ. Правда, еще въ правленіе царевны Софьи просвѣщенный кн. В. В. Голицынъ предполагалъ начать цѣлый рядъ затѣянныхъ имъ реформъ „освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ пользою для царя, за ежегодный оброкъ“; но планъ князя, если таковой и былъ, дѣйствительно, выработанъ имъ, во всякомъ случаѣ остался безъ исполненія.

---

[1]) *В. Татищевъ*, Напомнѣніе и проч. въ сборникѣ „Утро“ на 1859 г., стр. 384; „а нѣгдѣ, пишетъ авторъ, четвертое счисляютъ—духовенство“. С. Р. И. О., IV, 97, 109; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Собраніе и сводъ зак. рос. имп., составленные въ царствованіе имп. Екатерины II, Спб., 1898 г. Отд. от., стр. 21—24.

[2]) П. С. З., т. XVIII, № 12659, гл. XIX, ст. 13 и др.

Въ концѣ того же столѣтія, повидимому, была составлена „выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми“; но указанія на нѣкоторыя преимущества въ современномъ положеніи французскихъ, англійскихъ и голландскихъ крестьянъ также мало повліяли на политику Петра Великаго: онъ слишкомъ нуждался въ военныхъ и денежныхъ средствахъ для того, чтобы мѣнять начала общественнаго строя, установленныя московскимъ правительствомъ; напротивъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться ими и еще строже своихъ предшественниковъ постарался примѣнить правило, въ силу котораго все населеніе должно было служить государству. Такая политика, разумѣется, отозвалась и на судьбѣ сельскаго населенія; совѣты Посошкова не могли, конечно, измѣнить ея направленія: въ новомъ названіи, которое стали примѣнять къ владѣльческимъ крестьянамъ, уже можно замѣтить перемѣну, происшедшую въ ихъ положеніи.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ люди, подвластные своему господину, а въ томъ числѣ и владѣльческіе крестьяне, часто носили одно общее наименованіе „крѣпостныхъ“. Въ то время такая терминологія была скорѣе новостью, чѣмъ старпною. „Крѣпости“ въ качествѣ частныхъ актовъ, напримѣръ, полныхъ, докладныхъ, данныхъ, купчихъ и т. п., давно уже отличали отъ оффиціальныхъ документовъ общегосударственнаго характера, въ родѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ; поэтому въ старину „крѣпостными людьми“, т. е. людьми, пріобрѣтенными или владѣемыми по какимъ-либо „крѣпостямъ“, обыкновенно называли холоповъ, а не крестьянъ: Уложеніе въ одномъ случаѣ прямо противополагаетъ „крѣпостную дѣвку“ „дочери крестьянской“ [1]). Тѣмъ не менѣе, сами крестьяне, уже въ одной жилецкой записи 1627 года и во многихъ порядныхъ 1628—1646 гг. иногда признавали себя „крѣпкими“ своимъ господамъ; дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ въ своей сказкѣ, поданной на соборѣ 1642 года, предлагали государю, „кликать, кто похочетъ въ Азовъ“, между прочимъ и „изъ черныхъ людей, окромѣ крѣпостныхъ людей, холопей и крестьянъ“... Уложеніе и послѣдующее законодательство допустило отдачу бѣглыхъ крестьянъ ихъ законнымъ владѣльцамъ „по крѣпостямъ“, а не только по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, челобитья о записке крестьянъ по „сдѣлочнымъ записямъ“ стали приниматься въ приказѣ холопьяго суда (1682 г.) при заключеніи крестьянскихъ крѣпостей такъ же, какъ и холопьихъ, стали взимать „поголовныя“ пошлины

[1]) Уложеніе, X, 245—247, 250, 253; XX, 27, 29, 31, 32, 34, 79. II. С. З., т. I, № 364 (1664 г.); ср. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 52.

(1688 г.), а отпускныя крестьянскимъ дѣтямъ, „взятымъ во дворъ“, велѣно было выдавать изъ того же приказа холопьяго суда, изъ котораго выдавались и отпускныя дворовымъ, кабальнымъ и „полоннымъ“ людямъ (1690 г.). При такихъ условіяхъ легко было подвести подъ терминъ „крѣпостные“ и владѣльческихъ крестьянъ; новое значеніе термина указываетъ и на усиленіе частнаго характера прикрѣпленія.

Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, уже вполнѣ превратились въ „крѣпостныхъ людей“ своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ положеніи владѣльческаго крестьянина накануѣ реформы было еще много противоположностей: онъ могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ становился крѣпостнымъ своего владѣльца, свободно распоряжавшагося имъ; онъ могъ искать и отвѣчать за себя въ судѣ, и тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ подлежалъ вотчинному или помѣщичьему суду; онъ могъ имѣть свою собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался чуть ли не полною собственностью своего господина; наконецъ, онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола [2]). Съ развитіемъ крѣпостного права большинство этихъ противоположностей стало сглаживаться: крестьянинъ продолжалъ совершать разныя сдѣлки, но можно думать, что онъ совершалъ ихъ въ зависимости отъ согласія или разрѣшенія владѣльца и до тѣхъ поръ, пока это было угодно послѣднему. Такая перемѣна произошла постепенно. Въ эпоху преобразованій ей въ особенности благопріятствовали мѣры, принятыя правительствомъ при производствѣ ревизіи 1718—1727 гг.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя цѣлый рядъ разновременныхъ указовъ повліялъ на образованіе крѣпостнаго состоянія въ эпоху реформы, однако, составъ его опредѣлился главнымъ образомъ благодаря ревизіи 1718—1727 гг. Записка „души“ въ ревизскую сказку того времени имѣла гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Люди, запи-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч, III, № 113. Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11 и др. П. С. З., т. II, № 946; т. III, №№ 1293 и 1383; т. XI, № 8836 и др. С. Р. И. О., XXXVI, 247 и 275. Терминъ: „подданные“ въ аналогичномъ примѣненіи къ крестьянамъ см., напримѣръ, въ указѣ1740-го г.; тогда правительствозаботилось о томъ, „чтобы подъ образомъ *покупки* подданныхъ Черкасъ впродажѣ казаковъ не имѣлось и *черезъ то* оные *въ подданство* приведены быть не могли“ (П. С. З., т, XI, № 8129). Ср. Св. Зак. о сост. 1832 г., кн. I, Розд. V, гл. 3 и др.

[2]) Ср. выше стр. 70. Изъ одной граматы, помѣщенной въ А. от. до Ю. Б., т. I, № 55, LVI, видно, что помѣщикамъ иногда выгодно было предоставлять крестьянамъ „вѣдаться судомъ и расправою во всякихъ дѣлахъ“ у воеводы. *И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 200—210.

санные въ ревизскую сказку за даннымъ владѣльцемъ, попадали въ крѣпостную зависимость отъ него: законъ иногда прямо выражалъ такую мысль, предоставляя помѣщику „владѣть“ записанными за нимъ людьми и даже „владѣть ими вѣчно“; и такое владѣніе, „признанное и развитое правительствомъ въ виду государственнаго интереса, поддерживалось всею силою государственной власти“. Наравнѣ съ холопами ему подпали, конечно, и крестьяне, и нѣкоторые другіе разряды населенія, вообще люди, записанные за владѣльцемъ по поданной имъ ревизской сказкѣ; такимъ образомъ, не только старинные, но и вновь записанные за нимъ люди становились его крѣпостными. Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что записка подобнаго рода производилась иногда помимо воли записываемаго: тотъ, кто во время не пріискалъ себѣ владѣльца, могъ быть записанъ за тѣмъ, кто пожелалъ бы принять его, или даже записывался за тѣмъ, на чьей землѣ или въ чьей вотчинѣ заставала его ревизія [1]).

Въ эпоху преобразованій смѣшеніе холоповъ съ крестьянами было окончательно признано закономъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ временныхъ выгодъ, которыя оно могло доставить казнѣ. Постоянно нуждаясь въ людяхъ и деньгахъ, Петръ не только не могъ остановить процесса сліянія холоповъ съ крестьянами, уже весьма замѣтнаго въ предшествующемъ періодѣ, но воспользовался имъ для того, чтобы привлечь всѣхъ холоповъ наравнѣ съ крестьянами къ обложенію. Впрочемъ, онъ не сразу пришелъ къ такому результату. Въ его законодательствѣ обнаружился двойной рядъ колебаній: во-1-хъ, ему надлежало выяснить, принимать ли холоповъ на военную службу или записывать ихъ только въ подушный окладъ; во-2-хъ, ему пришлось рѣшать вопросъ и о томъ, ограничиться ли записью въ ревизскія сказки тѣхъ „людей“, которые уже были приняты во вниманіе писцовымъ наказомъ 1684 г. (дѣловыхъ, задворныхъ и кабальныхъ), или записывать всѣхъ холоповъ и „людей“ безъ различія. Естественно, что до 1718 года, т. е. до того времени, когда на Аландскихъ островахъ начались переговоры шведскихъ уполномоченныхъ съ русскими о будущемъ мирѣ, Петру нужны были военныя силы: въ 1700 году онъ издалъ, напримѣръ, нѣсколько указовъ о пріемѣ бѣглыхъ холоповъ на военную службу; но уже въ 1711 году онъ различалъ дворовыхъ людей отъ остальныхъ: повелѣвъ продолжать набирать дворовыхъ холоповъ въ войско, въ даточные по третямъ, онъ запретилъ брать дѣловыхъ и задворныхъ людей, „которые платятъ всякія подати“. Съ этой точки зрѣнія Петръ приступилъ и къ изданію указовъ о производствѣ ревизіи 1718-го и

[1]) *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 143, 145, 187—188.

слѣдующихъ годовъ: въ началѣ (ук. 1719 г. янв. 22) дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею только „для вѣдома“; затѣмъ деревенскихъ холоповъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно „класть въ расположеніе“; наконецъ, въ силу указа отъ 19 января 1723 года, ревизоры стали заносить въ сказки и класть въ подушный сборъ вообще „всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ“ [1]). Такимъ образомъ совершилось окончательное сліяніе между холопами и владѣльческими крестьянами въ податномъ отношеніи: теперь они наравнѣ съ послѣдними признавались налогоспособными и вмѣстѣ съ ними поручались своимъ господамъ, которые отвѣчали за исправную уплату податей, падавшихъ на ихъ ревизскія души; такую отвѣтственность, повидимому, давно уже практиковавшуюся, теперь, послѣ сліянія холоповъ съ крестьянами, тѣмъ легче было перенести на ихъ владѣльцевъ. Съ только-что указанной точки зрѣнія правительству, цѣнившему сельское населеніе главнѣйшимъ образомъ лишь постольку, поскольку оно представляло изъ себя платежную силу, незачѣмъ было настаивать на различіи между холопами и крестьянами; ему даже выгодно было усилить надъ ними власть ихъ господъ, а подъ возраставшимъ давленіемъ ея крѣпостные едва ли почувствовали, что холопство уже отжило свой вѣкъ: его замѣнило суровое крѣпостное право, распространившееся и на прежнихъ „вольныхъ государевыхъ людей“.

Въ самомъ дѣлѣ, привлекая всѣхъ къ службѣ государству, преобразователь не могъ оставить безъ всякаго употребленія и силы „гулящихъ людей“, тѣмъ болѣе, что упраздненіе этого разряда населенія связано было не только съ финансовыми, но и съ полицейскими соображеніями. Въ составъ вольныхъ, гулящихъ людей могли входить люди добровольно, а иногда за старостью и дряхлостью, отпущенные на свободу господами, или слуги, кабальная зависимость которыхъ по закону прекращалась смертью ихъ господъ, или выходцы изъ плѣна, также получавшіе свободу по закону, въ случаѣ если они до того времени были рабами, или наконецъ разные люди, не записанные въ писцовыя и переписныя книги, и т. п. Въ то время положеніе человѣка вольнаго, ни за кѣмъ не записаннаго, и ни къ какому государственному тяглу не приписаннаго, было очень мало обезпечено: иногда онъ, „походя, кормился работою“; по большею частью онъ или попадалъ въ

[1]) Въ писцовомъ наказѣ 1684 г. писцамъ велѣно также писать въ нѣкоторыхъ случаяхъ старинныхъ и крѣпостныхъ людей „особь статьею“. П. С. З. т. IV, №№ 1747 и 1820 (указы 1700 г. февр. 1 и дек. 23); т. IV, № 2404; т. VI, №№ 3923, 3995, 4026; т. VII, №№ 4145 и 4390.

зависимость отъ новаго господина, или бродилъ по міру, или принималъ участіе въ какой-нибудь разбойничьей шайкѣ. Вообще вольный человѣкъ вызывалъ одни только подозрѣнія правительства: оно называло людей вольныхъ „гулящими“ и позаботилось объ уничтоженіи этого разряда населенія, „понеже отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство“. Такая точка зрѣнія уже обнаружилась, напримѣръ, въ одномъ указѣ 1700-го года, когда вольноотпущенныхъ, годныхъ въ военную службу, велѣно было писать въ солдаты, а остальнымъ „давать изъ приказа холопья суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ“. Впрочемъ, участь вольныхъ людей была окончательно рѣшена только двадцать слишкомъ лѣтъ спустя: въ указѣ 1 іюня 1722 года Петръ повторилъ то же предписаніе, касательно записки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ солдаты, а относительно остальныхъ повелѣлъ, чтобы они сами явились къ переписи и чтобы „никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ“, а каждый изъ нихъ „опредѣлялся бы въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службы не шатался“; „ежели же кто таковыхъ впредь поймаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу“. Такимъ образомъ, законъ попытался покончить съ разрядомъ вольныхъ государевыхъ людей: правда, имъ была предоставлена возможность приписываться и къ посадамъ, но, въ силу своего имущественнаго положенія, они едва ли могли воспользоваться даннымъ имъ преимуществомъ: на основаніи указа 1722 года большинство гулящихъ людей должно было превратиться въ крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности классъ гулящихъ людей нельзя было вполнѣ уничтожить, но правительство долгое время отказывалось признать законность его существованія, такъ какъ отождествляло вольныхъ людей съ гулящими, а гулящихъ съ бездѣльниками и ворами [1]).

Законодательное упраздненіе разряда вольныхъ государевыхъ людей повело къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ развитіи крѣпостного состоянія: послѣ указа 1722 г. кабальное холопство теряло всякій смыслъ. И дѣйствительно въ силу указа 26 марта 1729 г. кабальные люди, даже назначенные, но не отосланные въ службу, записывались по требованію ихъ владѣльцевъ въ подушный окладъ за ними такъ же, какъ и дѣти кабальныхъ людей, что лишало ихъ возмож-

[1]) Отпускныя въ прежнее время выдавались не только холопамъ, но и крестьянамъ; ср. Уложеніе, XV, 3; XX, 11, 14, 53; примѣры см. въ Актахъ и проч., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 24; в. II, №№ 46, 51, 67—69, 72, 73, 77, 86. П. С. З., т. IV, №№ 1747, 1997: т. VI, № 4023; ср. т. VII, № 4145.

пости законно выходить въ свободное состояніе по смерти своихъ господъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ производства суднаго и земскаго приказовъ о запискѣ отпускныхъ (насколько можно судить по извѣстнымъ намъ даннымъ) мало-по-малу также прекращаются и появляется указъ о ссылкѣ гулящихъ людей, негодныхъ въ службу, въ случаѣ никто ихъ не приметъ, въ Сибирь на поселеніе (16 іюля 1729 г.).

Нужда правительства въ плательщикахъ была настолько велика, что Петръ рѣшилъ подвергнуть закрѣпощенію и нѣкоторыя другія группы населенія: въ нѣсколькихъ указахъ 1720—1723 гг. преобразователь велѣлъ помѣщикамъ включать въ свои сказки излишнихъ церковнослужителей, а дѣтьми прежде бывшихъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ владѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ; въ особо же расположенныхъ погостахъ такихъ людей приписывать къ прихожанамъ, къ кому они похотятъ.

Въ тоже время въ числѣ второстепенныхъ способовъ установленія крѣпостного состоянія стало опредѣляться и укрѣпленіе по воспитанію: въ указѣ отъ 23 октября 1723 года постановлено малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), не помнящихъ, „чьи они прежде сего были“, отдавать для воспитанія желающимъ „въ вѣчное владѣніе“ и писать отданныхъ за ними же въ подушный сборъ [1]).

Итакъ, благодаря вышеприведеннымъ указамъ, крѣпостная зависимость распространилась на нѣсколько новыхъ общественныхъ группъ, до того времени свободныхъ отъ нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и многіе законные способы выхода изъ крѣпостнаго состоянія прекратились [2]). Правда, въ эпоху преобразованій были допущены еще нѣкоторыя исключенія; законъ того времени, напримѣръ, обѣщалъ крѣпостному свободу за справедливый

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3481 и 3492; т. VIII, №№ 5392 и 5441; ср. П. С. З., т. XIII, № 9977. (указъ 1752 г. апр. 29) Аналогичныя мѣропріятія коснулись и дѣтей отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ пашенныхъ людей, если они родились не послѣ переписи, а также дѣтей бывшихъ на пашнѣ дѣловыхъ людей, малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), непомнящихъ родства, подкидышей и незаконнорожденныхъ; ср. П. С. З., т. VII, № 4335; ср. т. XII, № 8966, п. 4.

[2]) По Уложенію холопъ, вышедшій изъ плѣна, или сосланный господиномъ со двора „въ голодное или въ иное какое время“ (по распросѣ объ этомъ), а также иноземецъ, принадлежащій владѣльцу не христіанскаго закона и воспринявшій православную вѣру (послѣдній—за окупъ въ 15 р.), получали свободу (Уложеніе, XX. 34, 41, 71; ср. П. С. З., т. VII, № 4556); тѣ же правила были распространены вообще на крѣпостныхъ; ср. еще Уложеніе, XIX, 38 и XX, 27. Отдача въ рекруты могла освободить человѣка отъ крѣпостной зависимости, при чемъ женамъ солдатскимъ, въ бытность мужей на службѣ, дозволялось отходить отъ помѣщиковъ; но отдача въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ господина; см. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., 202--203; *В. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Изд. 2-е, т. I, стр. 386.

донось его на помѣщика въ пропускѣ душъ при ревизіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при утайкѣ бѣглыхъ; крѣпостные люди принимались и на военную службу, даже помимо воли ихъ господъ, что впрочемъ вскорѣ было разрѣшено только тѣмъ изъ нихъ, которые не были „написаны въ деревняхъ на пашнѣ“; наконецъ, правительство отказывалось возвращать крѣпостныхъ, бѣжавшихъ на заводы (и фабрики), или дозволяло имъ оставаться тамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они платили по прежнему оброки своимъ помѣщикамъ; но эти мѣры имѣли исключительный и временный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ такими исключеніями, правительство продолжало строго преслѣдовать бѣглыхъ и даже наказывало ихъ кнутомъ при отдачѣ; оно дошло до того, что одно время довело размѣры зажилыхъ денегъ до 100 рублей и угрожало вотчинникамъ и помѣщикамъ, пропустившимъ срокъ для возвращенія бѣглыхъ, лишеніемъ имѣній, а тому, кто не подастъ сказки о находящихся въ имѣніи бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ,—смертною казнью (ук. 1704 г.). Временный же характеръ вышеуказанныхъ мѣръ обнаруживается изъ исторіи послѣдующаго законодательства: оно обязало крѣпостнаго доносчика, получившаго свободу, въ теченіе года пріискать себѣ новаго владѣльца, а, въ противномъ случаѣ, отдавало его въ солдаты или прежнему господину; записка въ вольницу людей, „желавшихъ отбыть отъ помѣщиковъ своихъ“, также прекратилась; уже въ 1722 г. велѣно было „тѣхъ людей, которые въ поданныхъ сказкахъ о душахъ мужескаго пола написаны, въ службу въ вольницу не принимать“, а въ силу указа отъ 20 сентября 1727 года тоже запрещеніе было распространено и на „дворовыхъ людей боярскихъ и на крестьянъ“, „не написанныхъ въ подушномъ окладѣ“; впрочемъ, такія запрещенія имѣли мало успѣха: правительству приходилось повторять ихъ и въ позднѣйшее время. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что дозволеніе крѣпостнымъ оставаться на заводахъ едва ли существенно мѣняло ихъ положеніе: вмѣстѣ съ приписными къ заводамъ и фабрикамъ, они подвергались эксплоатаціи и подчинялись власти ихъ владѣльцевъ, а съ развитіемъ дворянскихъ заводовъ и фабрикъ врядъ-ли могли выбраться изъ-за того владѣльца, за которымъ были записаны [1]). Такимъ образомъ, новые способы выхода крѣ-

---

[1]) П. С. З.. т. III, № 1623; т. IV, №№ 1980 и 2092; т. VI, №№ 3743 п. 6—7, 3754, 3923 и 3995; т. VII, №№ 4963 и 5161. Докл. и Приг. Сената, IV, 176. При возвращеніи бѣглыхъ могли возникать довольно сложные расчеты; см., наприм., П. С. З., т. VI, № 3939; о колебаніяхъ законодательства касательно пріема бѣглыхъ и его причинахъ см. *И. Бѣлясевъ*, Op. cit., стр. 183—189; о переводѣ и переселеніи крестьянъ въ связи съ законодательствомъ, а также о ревизіяхъ см. *В. Дэнъ*, Населеніе Россіи по пятой ревизіи, М., 1902 г., т. I, стр. 54—58, 85—86, 95—96. Указъ 1742 г. см. въ П. С. З., т. XI, № 8577.

постныхъ изъ-за ихъ владѣльцевъ, допущенные Петромъ въ виду того же государственнаго интереса, изъ-за соблюденія котораго онъ содѣйствовалъ образованію класса крѣпостныхъ, вскорѣ потеряли значеніе: крѣпостное состояніе пріобрѣло болѣе замкнутый характеръ, чѣмъ прежде, и тѣмъ самымъ владѣльческіе крестьяне еще болѣе обособились отъ остальныхъ слоевъ населенія.

Вообще можно сказать, что послѣдующее законодательство (до 1762 года) лишь развило тѣ начала касательно прикрѣпленія, которыя были положены въ основу ревизіи 1718—1727 гг. Только стремленіе прикрѣпить человѣка къ человѣку выразилось въ немъ сильнѣе, въ виду крайняго увлеченія мыслью о томъ, чтобы „ни одинъ безъ положенія въ окладъ не остался“, и благодаря тѣсной связи, которая была установлена правительствомъ между такимъ „положеніемъ“ и закрѣпощеніемъ. Въ то время прежнія постановленія о холопахъ, гулящихъ людяхъ и церковникахъ, а также дѣтяхъ церковнослужителей и отставныхъ солдатахъ и дѣтяхъ ихъ, были подтверждены или развиты; тоже можно сказать и относительно плѣнныхъ и инородцевъ, включаемыхъ въ составъ крѣпостныхъ, а также пріемышей и незаконнорожденныхъ. Хотя, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, законъ и дозволялъ такимъ людямъ пріискивать себѣ помѣщика по желанію ихъ и предполагалъ со стороны послѣдняго согласіе „взять“ ихъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалъ каждаго изъ нихъ въ извѣстный срокъ найти себѣ помѣщика, а правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ считало „приписку ихъ безъ желанія“ правильною или даже, помимо подобнаго рода соображеній, запрещало принимать отъ записанныхъ показанія о томъ, что они записаны „въ неволю“ [1]).

Вышеуказанный процессъ расширенія круга крѣпостныхъ отношеній, изъ котораго выходъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, долженъ былъ, конечно, повліять и на развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными: она стала распространяться на большее число людей, въ меньшей мѣрѣ способныхъ ускользнуть изъ-подъ ея давленія; послѣднее условіе, въ связи

---

[1]) П. С. З., т XIV, № 10233, п. 6 и др. Въ силу указа отъ 6 мая 1736 года, изданнаго во время или вскорѣ послѣ голода, бѣглыхъ крестьянъ велѣно было наказывать по волѣ ихъ начальниковъ (въ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ) или помѣщиковъ и ихъ повѣренныхъ (П. С. З., т. IX, № 6951); но этотъ указъ едва ли существенно облегчилъ положеніе бѣглыхъ: онъ только поставилъ ихъ въ большую зависимость отъ власти помѣщиковъ; ср. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 158: *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 190—210; *В. Семевскій*, Op. cit., I, 616—619. Впрочемъ, инструкція 1743 г. предписала въ нѣкоторыхъ случаяхъ производить изслѣдованіе о принадлежности помѣщикамъ тѣхъ людей, которыхъ они объявили за собою въ первый разъ, но не могли представить на нихъ укрѣпленія; такихъ людей велѣно было „писать за тѣми, кому они по слѣдствіямъ крѣпки найдутся“ (П. С. З., т. XI, № 8836, ст. 4).

съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, содѣйствовало и усиленію ея, укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Преобразователь мало сдѣлалъ для того, чтобы обезпечить крѣпостныхъ отъ естественной склонности помѣщиковъ къ усиленію своей власти надъ ними: правда, онъ оставилъ за крестьянами право искать и отвѣчать въ судахъ отъ своего лица, а также запретилъ помѣщикамъ выставлять крестьянъ вмѣсто себя на судъ и подвергать ихъ правежу за господскіе долги; онъ попытался оградить произволъ владѣльцевъ относительно браковъ между крѣпостными и однажды рѣшительно высказался противъ продажи ихъ въ розницу; но большею частью онъ ограничивался тѣмъ, что старался нѣсколько оградить и расширить хозяйственную дѣятельность крестьянъ, „отягощенныхъ податьми“, и то преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла быть выгодной для казны. Такъ, онъ разрѣшилъ помѣщичьимъ крестьянамъ записываться въ посады подъ условіемъ уплаты обычнаго крестьянскаго оброка помѣщику, а также соотвѣтствующихъ податей въ казну за свое крестьянство и отбыванія тягла вмѣстѣ съ посадскими людьми; онъ оставилъ за крестьянами возможность вступать въ разнаго рода имущественныя обязательства. Въ виду главнымъ образомъ государственнаго интереса, онъ также требовалъ, чтобы владѣльцы, подъ опасеніемъ денежнаго „штрафа“ кормили своихъ старыхъ и увѣчныхъ людей и крестьянъ, „собирая на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей тѣхъ селъ и деревень“ и заставляя ихъ за то прокормленіе работать на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣлъ отдавать имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ и запустошившихъ свои земли въ завѣдываніе ихъ сродникамъ и свойственникамъ, а „которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ началъ до исправленія“ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что важнѣйшія изъ этихъ мѣръ едва ли получили надлежащее осуществленіе: въ позднѣйшее время само правительство указывало на то, что помѣщики выгоняютъ своихъ старыхъ и дряхлыхъ крѣпостныхъ и что законъ объ отдачѣ „мучителей своихъ крестьянъ подъ смотрѣніе опекуновъ остался безъ дѣйствія“ [2]). Остальныя же мѣры еще очень мало обезпечивали крестьянъ отъ стремленія по-

---

[1]) П. С. З., т. V, №№ 3212, 3294, п. 31 и 3213; т. VI, №№ 3949, 3963, п. 15 и 4047, п. 31; ср. т. VII, №№ 4168 и 4406; повторенія запрещеній относительно вынужденныхъ браковъ между крѣпостными (П. С. З., т. XI, № 8555, 1742 г. мая 21 и др.) показываютъ, что они имѣли мало успѣха.—Ул., XX, 43. П. С. З., т. III, №№ 1666, 1723 и 1775; т. V, №№ 2770 и 3294; т. VI, № 3770; т. VII, №№ 4312 и 4432. Докл. и Приг. Сената, IV, 65—67, 91—92; V, 17—18, 74—77, 430—431, 826, 1219. Ср. *К. Щебьдоносцевъ*, Акты и пр., стр. 220—224, 284 и Op. cit. стр. 150—156.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15603. *Имп. Екатерина II*, Наказъ, ст. 256. Ср. впрочемъ, *В. Татищевъ*, Op. cit., Врем., XII, 22.

мѣщиковъ произвольно расширить объемъ своей власти надъ ними; ни природа, ни границы ея не были опредѣлены въ законѣ; такимъ образомъ, развитіе ея въ значительной степени зависѣло отъ самихъ помѣщиковъ.

Въ то же время землевладѣльцы все чаще начинали высказывать взглядъ на своихъ крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу; правда, и въ XVII вѣкѣ они уже заботились иногда о томъ, чтобы крестьяне ихъ „не гуляли даромъ“, но едва ли съ той сухой разсудительностью и строгою послѣдовательностью, которая обнаруживается въ инструкціяхъ по вотчинному управленію, сочиненныхъ младшими современниками реформы. Татищевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, въ своихъ экономическихъ запискахъ, совѣтуетъ, напримѣръ, „всего вящше смотрѣть дабы лѣтомъ во время работы [на помѣщика] ни малой лѣности и дальнего покою крестьянамъ происходить не могло, кромѣ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы“; но и по окончаніи работы на помѣщика, должно „принуждать крестьянъ [дѣлать] свою, а не давать имъ то на волю“. Хотя сочинитель экономическихъ записокъ заботится о томъ, чтобы лѣтнія работы производились вечеромъ, ночью и утромъ, а не днемъ, въ самое жаркое время, но, предоставляя крестьянамъ „въ самый жаръ, отъ десятаго до четвертаго часу пополудни имѣть свободу“, онъ тутъ же рекомендуетъ „и всякой скотъ на жаръ не пускать, а имѣть въ хлѣвахъ“. Съ такой точки зрѣнія на крестьянина хозяйственное положеніе его зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика: онъ могъ взять крестьянина къ себѣ во дворъ, т. е. въ дворовые или оставить его на пашнѣ, смотря по нуждѣ; онъ иногда считалъ возможнымъ наказать плохого хозяина-крестьянина лишеніемъ его своего дома и отдачею его другому въ батраки безъ заплаты, „а его“, лѣнивца, „совѣтовалъ имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ хорошую похвалу“; онъ приказывалъ „женить его неволею“ въ виду хозяйственнаго или иного какого либо расчета; онъ могъ посадить его на барщину или наложить на него оброкъ, причемъ продолжалъ требовать съ него и „мелкій доходъ“. Насколько увеличились такіе платежи, видно изъ роста денежнаго оброка: въ 1724 году по правительственной оцѣнкѣ онъ доходилъ до 40 коп. съ души, а въ 1760 году сенатъ пришелъ къ заключенію, что въ то время помѣщики почти нигдѣ не получали меньше 1 руб. съ души, причемъ сами помѣщики напримѣръ Татищевъ полагали, что каждое тягло (т. е. мужъ съ женою) будетъ въ состояніи заплатить „безъ тягости“ всего на всего до 10 рублей [1]). Съ той же точки зрѣнія на крѣпост-

[1]) Положеніе издѣльныхъ и оброчныхъ крестьянъ того времени рисуютъ письма къ А. И. Безобразову отъ разныхъ лицъ, около 1680—81 гг. (Врем. М. О. И. и Д.,

пого какъ на рабочую силу, помѣщикъ менѣе разсудительный, чѣмъ извѣстный писатель и публицистъ, или болѣе его нуждавшійся въ средствахъ, могъ обратиться къ ничѣмъ не сдерживаемой эксплоатаціи своихъ „подданныхъ“. По свидѣтельству Посошкова, „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать: и тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или, что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола“... Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоднѣе было продать своего крѣпостного, помѣщикъ принимался торговать людьми; проданные или попадали въ такую же „неволю“ къ новому господину, или въ рекруты; отдача въ наемъ людей въ рекруты, вѣроятно, вскорѣ смѣнилась продажею ихъ, производившейся въ разбивку, преимущественно мелкими владѣльцами и лишавшею крестьянскую семью лучшихъ ея силъ. А противъ „лѣнивцовъ“ или строптивыхъ крѣпостныхъ они могли прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ или къ жестокой расправѣ, на которую трудно было жаловаться: когда въ 1762 году, напримѣръ, возникло дѣло о смерти дворового человѣка, умершаго отъ побоевъ и истязанія, причиненныхъ господиномъ, то юстицъ-коллегія уклонилась отъ приговора на томъ основаніи, что не имѣла на этотъ случай точныхъ указовъ [1]). Само собою разумѣется, что безконтрольная помѣщичья власть не всегда доходила до такихъ крайностей, вынуждавшихъ усиленные побѣги крестьянъ или ихъ волненія; но отдѣльные случаи злоупотребленій помѣщиковъ могли имѣть мѣсто и, вѣроятно, возникали чаще прежняго [2]).

IX, 52—61; XVII, 8—9) и приказы кн. П. М. Долгорукова 1700, 1701, 1704 и 1705 гг. (*И. Бѣляевъ*, Op. cit., стр. 219—234). *В. Татищевъ*, Краткія экономическія записки въ Врем. Моск. Общ. Ист. и др., т. XII, смѣсь, стр. 12—30; см. еще *А. Волынскій*, Инструкція дворецкому Нѣмчинову въ Москвитянинѣ 1854 г., №№ 1—2; *П. Бестужевъ-Рюминъ*, Инструкція пошехонской вотчины прикащику до 1744 года въ Рус. Арх. 1904 г., № 1. *И. Ивановъ*, Op. cit. въ Др., т. I в. 3, стр. 522. Ср. С. Р. И. О., XXXVI, 264, 265—266 и П. С. З., т. VI, № 4069.

[1]) *И. Посошковъ*, Соч., I, 182—183. П. С. З., т. XV, № 11450; ср. Уложеніе, XX, 92.

[2]) Бѣглые крестьяне, принимаемые помѣщиками, при требованіи возвратить ихъ, иногда обирались своими новыми владѣльцами, а вслѣдъ за тѣмъ выгонялись ими вонъ изъ имѣнія; см. П. С. З., т. VI, № 3939, п. 13 (1722 г.), а

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законъ даже благопріятствовалъ развитію помѣщичьей власти. При производствѣ ревизіи 1718—1727 гг., напримѣръ, самимъ помѣщикамъ велѣно было писать въ сказки „всѣхъ своихъ поддашныхъ, какого бы званія они ни были“ и по сказкѣ владѣльца ихъ стали включать въ перепись; такъ какъ всѣ „деревенскіе“ жители должны были записаться за какимъ нибудь владѣльцемъ, то теперь можно было легче, чѣмъ когда бы то ни было раньше, записать за собою вольнаго человѣка, помимо его желанія и даже вопреки его волѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя записанный и могъ предъявлять искъ объ утраченной имъ свободѣ, но если судебное мѣсто признавало искъ его неправильнымъ, то челобитчику грозила строгая кара: въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, напримѣръ, его, въ качествѣ ослушника, подвергали тѣлесному наказанію за своевольство, а позднѣйшее законодательство даже постановило, что всѣ люди, въ теченіе первыхъ двухъ ревизій записанные въ крѣпостное владѣніе, лишаются права доказывать незаконность записки [1]). Далѣе, возлагая отвѣтственность за платежную исправность крѣпостныхъ на ихъ владѣльцевъ (1722 г.), законъ поставилъ въ самую тѣсную зависимость отъ ихъ разрѣшенія временныя отлучки подвластныхъ имъ людей; въ силу плаката 1724 года, помѣщики могли отпускать своихъ крестьянъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ, даннымъ на срокъ. Задолго до появленія извѣстнаго плаката и другія права крестьянъ уже стали стѣсняться: въ 1707 году запрещено было отдавать имъ таможенные и питейные сборы на откупъ, а вслѣдъ затѣмъ законъ потребовалъ, чтобы крестьянинъ, желающій ѣхать въ городъ для подрядовъ, запасался свидѣтельствомъ за подписью помѣщика или его дворецкаго или стряпчаго о своемъ достаткѣ (1724) [2]). Наконецъ, указомъ 1717 года было постановлено, что всѣмъ повольно нанимать людей въ рекруты, а въ 1720 году разрѣшено вмѣсто сибирской губерніи служилыхъ людей всякихъ чиновъ и дѣтей ихъ, впрочемъ, кромѣ шляхетства, принимать и купленныхъ людей въ рекруты; законъ, слѣдовательно, дозволилъ, хотя и въ ограниченномъ еще размѣрѣ, ту торговлю людьми, которая окончательно была предоставлена помѣщикамъ указомъ отъ 4 декабря 1747 года [3]). Такимъ обра-

---

также *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., стр. 100—101. Извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ см., напримѣръ, въ Докл. и Прпг. Сената, IV, 227.

[1]) П. С. З., т. XII, №№ 8941, 8966; т. XIII, № 9781; т. XIV, № 10233, п. 5.

[2]) П. С. З., т. VI, №№ 3939, п. 4; здѣсь уже встрѣчается подобнаго рода предписаніе; плакатъ 1724 см. въ П. С. З., т. VII, № 4533, пп. 12, 13 и 14; при отлучкѣ на разстояніе болѣе 30 верстъ или въ другой уѣздъ требовались еще подписи земскаго коммисара и полковника. П. С. З., т. IV, № 2165; т. VII, № 4432.

[3]) П. С. З., т. V, № 3135; т. VI, № 3669; ср. т. XII, № 9456.

зомъ, уже въ эпоху преобразованій самъ законъ давалъ нѣкоторыя права помѣщикамъ на ихъ крѣпостныхъ и прямо содѣйствовалъ развитію ихъ власти тѣмъ болѣе, что оставилъ границы ея безъ опредѣленія. Та же обязанность помѣщика вносить подушныя деньги за своихъ крестьянъ должна была отстранить послѣднихъ отъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстной администраціей; представляя нѣкоторыя выгоды, такой порядокъ усиливалъ, однако, зависимость крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ и, вѣроятно, давалъ имъ поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ относительно крестьянскаго имущества [1]).

Законодательная политика Петра подготовила кромѣ того нѣкоторыя изъ условій, благопріятствовавшихъ послѣдующему развитію сословныхъ привилегій дворянства, и такимъ образомъ косвенно повліяла на тотъ же процессъ развитія крѣпостного права. Въ связи съ военною реформой измѣнилась и система вознагражденія служилымъ людямъ за ихъ службу: вмѣсто помѣстныхъ окладовъ, они стали получать постоянное денежное жалованье, опредѣленное новыми штатами; но помѣстныя земли остались у прежнихъ ихъ владѣльцевъ, обязанныхъ личною службою. Сліяніе вотчинъ съ помѣстьями, фактически уже наступившее въ предшествующемъ періодѣ, было признано въ извѣстномъ указѣ 23 марта 1714 года: вотчины и помѣстья (а также дворы и лавки) были подведены съ того времени подъ одно общее понятіе „недвижимаго“; одинаковыя права на вотчинныя и помѣстныя земли, впрочемъ ограниченныя соблюденіемъ пунктовъ о единонаслѣдіи, были предоставлены владѣльцамъ. Указъ 1714-го года былъ изданъ преимущественно въ виду „государственнаго интереса“; но съ отмѣною пунктовъ о единонаслѣдіи, законъ 1731 года окончательно установилъ „какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина“; владѣльца же ея стали называть помѣщикомъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостные, жившіе въ „деревняхъ“, которыя принад-

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3901. [Ген.-аншъ. кн. А.?] Голицынъ, сторонникъ мысли о предоставленіи крестьянамъ права на движимую собственность, писалъ, однако, въ своемъ проектѣ, вѣроятно, составленномъ въ 1760-хъ годахъ: „но какъ для бездоимочнаго сбора государственныхъ податей, оное не иначе быть можетъ какъ на отвѣтѣ помѣщичьемъ, то въ таковомъ случаѣ властенъ помѣщикъ изъ собственнаго крестьянскаго взять столько, сколько потребно для заплаты податей, что и въ неисправномъ платежѣ помѣщичья оброка учинить право имѣетъ“.

[2]) П. С. З., т. V, № 2789. „Пункты, читаемъ мы въ высочайше утвержденномъ докладѣ г.-кв. кн. Вяземскаго отъ 26 апр. 1764 г., хотя и отставлены, но въ одномъ только первенствѣ, а въ прочемъ во всемъ имѣютъ свою силу“ (П. С. З., т. XVI, № 12140); указъ 1731 г. въ П. С. З., т. VIII, № 5717. „Помѣстныя дачи окончательно прекращены указомъ 21 марта 1736 г.“ (*К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit. стр. 219—220).

лежали шляхетству, становились въ болѣе зависимое положеніе отъ дворянъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Владѣлецъ населеннаго имѣнія уже смотрѣлъ на него какъ на собственность, владѣемую имъ не подъ условіемъ службы, а независимо отъ нея, хотя бы онъ все еще оставался обязаннымъ лично служить государству; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ готовъ признать и жившихъ на его собственной землѣ крестьянъ своимъ имуществомъ. Образованіе дворянской недвижимой собственности имѣло, кромѣ того, важное значеніе и въ послѣдующемъ развитіи исключительнаго права дворянъ владѣть имѣніями, населенными крестьянами. Въ позднѣйшихъ указахъ, встрѣчаются ссылки на указъ отъ 1 Февраля 1721 года для доказательства того, что посадскимъ, а также боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ деревни имѣть и людей и крестьянъ покупать запрещено, а отсюда впослѣдствіи легко было вывести, что такія права принадлежатъ однимъ „благороднымъ“. Въ то же время дворяне были освобождены и отъ личныхъ податей; въ силу указа 1721 г., велѣно было не записывать дворянъ въ ревизскія сказки; между крѣпостнымъ и дворяниномъ, записываемымъ только въ герольдмейстерскіе списки, установилась разница въ податномъ отношеніи: крѣпостной платилъ подушную подать, а дворянинъ только отвѣчалъ передъ правительствомъ въ исправности ея уплаты. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что между ними уже начинала чувствоваться и сословная рознь; она между прочимъ отразилась въ оффиціальной терминологіи: людей „подлыхъ“ начали противополагать „благороднымъ“; послѣдніе, благодаря реформѣ, стали отличаться отъ своихъ подданныхъ внѣшнимъ обликомъ, а иногда и сословными тенденціями, слагавшимися у нихъ подъ вліяніемъ знакомства съ аналогичными явленіями въ жизни западноевропейскихъ обществъ [1]).

Вышеуказанныя обстоятельства должны были, конечно, съ теченіемъ времени способствовать развитію сословныхъ привп-

---

[1]) П. С. З., т. VI, №№ 3802, 3869; т. XII, 9627. Впрочемъ, реформа содѣйствовала и развитію потребности въ просвѣщеніи. Волынскій заботился о томъ, чтобы въ его деревняхъ было по нѣсколько человѣкъ, умѣющихъ грамотѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть „своихъ писцовъ“ (*А. Волынскій*, Инструкція и пр. 1724 г. въ Москвит. 1854, № 1, стр. 12). Татищевъ рекомендуетъ „крестьянскихъ ребятъ учить грамотѣ и писать... и всевозможными силами къ тому ихъ принуждать“ (*В. Татищевъ*, Op. cit., Врем., XII, 18). Бестужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи, составленной до 1744-го года, считаетъ нужнымъ принуждать крестьянъ учить своихъ дѣтей грамотѣ, а за ученье велитъ „платить (имъ) изъ оброчныхъ денегъ или отцу зачитать за оброкъ“ (*П. БестужевъРюминъ*, Инструкція въ Рус. Арх., 1904, № 1, стр. 34); но помѣщиковъ, которые дѣйствительно осуществляли бы такіе планы, все еще было очень мало, даже въ позднѣйшее время; см. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 276—288.

легій дворянства; но въ эпоху преобразованій онѣ далеко еще не сложились и не могли въ полной мѣрѣ оказать вліяніе на характеръ помѣщичьей власти. Такъ какъ крѣпостные давно уже были оторваны отъ земли, то и владѣніе ими безъ земли, вопреки вышеприведенной ссылкѣ, становилось возможнымъ, за весьма малочисленными исключеніями, тому, кто платилъ за нихъ подушную подать; да и законодательство стало рѣшительно ограничивать право владѣть крѣпостными лишь въ позднѣйшее время (ср. указъ 1746 г.). Въ началѣ XVIII-го вѣка бывали даже случаи, когда крѣпостной владѣлъ крѣпостнымъ; еще въ 1766-мъ году сенатъ насчитывалъ за людьми разныхъ чиновъ, которые не имѣли деревень и которымъ указами имѣть крѣпостныхъ людей не запрещено, до 9944 душъ, а за купечествомъ—дворовыхъ людей 3036 человѣкъ, вѣроятно, записанныхъ за нимъ до 1746-го года. Кромѣ того, нельзя говорить о сословныхъ привилегіяхъ дворянства въ эпоху преобразованій, такъ какъ послѣднее наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ обязано было служить государству и притомъ служило ему лично, на военной и гражданской службѣ и начиная съ самыхъ низшихъ ступеней ея: преобразователь отождествлялъ понятіе благородства съ понятіями службы государству и образованіемъ, нужнымъ для службы, а за уклоненіе отъ нея грозилъ дворянамъ конфискаціей имѣній и другими наказаніями [1]).

Противоположность между безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства обозначилась только въ переходное время, наступившее послѣ эпохи преобразованій, когда высшій слой служилаго дворянства сталъ оказывать существенное вліяніе на законодательную политику. Съ развитіемъ взгляда на крѣпостныхъ, какъ на частную собственность ихъ владѣльцевъ, многія права, которыми крѣпостные фактически продолжали еще пользоваться, были отмѣнены, а власть помѣщиковъ—расширена самимъ закономъ: тогда же сложились и сословныя привилегіи дворянства.

Въ то время крестьяне лишились права свободно отправляться „для работы на суда“ безъ помѣщичьяго пропуска (1726 г.), пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (1730 г.), заводить фабрики (суконныя, 1734 г.), вступать (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ) въ откупы и подряды (1731 г.), наконецъ обязываться векселями и принимать на себя поручительства безъ дозволенія владѣльцевъ (1761 г.) [2]). Одновременно воз-

---

[1]) *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи и пр., Спб. 1870, стр. 115—152.

[2]) П. С. З., т. VII № 4942; т. VIII, №№ 5633, 5789, п. 22, ст. 2: „крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды не допускать, кромѣ найму подводъ и судовъ и какихъ либо работъ“; т. IX, № 6551; т. XIV, № 10237, гл. 30, п 5; т. XV № 11204.

росла и власть помѣщиковъ надъ крѣпостными: въ 1747 году законъ разрѣшилъ помѣщикамъ продавать своихъ дворовыхъ и крестьянъ, кому угодно, для отдачи въ рекруты, съ обязательствомъ платить подушныя деньги за проданныхъ; подтвердивъ старинное правило, что судъ въ взаимныхъ спорахъ и искахъ крѣпостныхъ людей между собою принадлежитъ ихъ владѣльцамъ, законъ предоставилъ имъ въ 1760 году право „по желанію“ ссылать дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь на поселеніе; впрочемъ, указъ 1760 года имѣлъ въ виду колонизаціонныя цѣли и относился только къ тѣмъ случаямъ, когда ссылаемый оказывался годенъ къ крестьянской и другой работѣ и былъ не старѣе 45 лѣтъ; правительство обѣщало даже зачитывать такихъ ссыльныхъ въ рекруты [1]). Хотя въ то же время правительство опредѣляло обязанности помѣщиковъ, но только тѣ изъ нихъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ „государственному интересу“, понимаемому въ довольно узкомъ смыслѣ слова. Въ отдѣльныхъ „нужныхъ случаяхъ“, напримѣръ, оно принимало во вниманіе обычай, въ силу котораго помѣщикъ долженъ былъ содержать своихъ людей и крестьянъ, и настаивало на соблюденіи его, когда получало извѣстія о его нарушеніи; ослушникамъ такихъ предписаній оно даже грозило строгимъ наказаніемъ; но мотивируя свои указы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что бы крестьяне, лишенные пропитанія, не „шатались“ и не просили милостыни и рекомендуя владѣльцамъ „отнюдь не пускать“ ихъ „шататься“, оно вмѣстѣ съ тѣмъ предписывало жестоко наказывать тѣхъ крестьянъ, которые будутъ въ состояніи пропитаться, а „промышлять того сами не будутъ“ [2]). Правительство также требовало, чтобы помѣщики имѣли „надлежащее смотрѣніе за своими людьми“, что видно изъ сенатскаго рѣшенія дѣла Быкова, владѣлецъ котораго былъ наказанъ „за содержаніе его въ своевольствѣ“ [3]). Главная обязанность помѣщика состояла, однако, по прежнему въ отправленіи финансовыхъ функцій; общія правила объ этой обязанности нашли себѣ мѣсто и въ законѣ. Такъ какъ указъ 1722 года нарушался самою же мѣстною администраціей, то въ регламентѣ камеръ-коллегіи, напримѣръ, было постановлено, чтобы помѣщики или, за отсутствіемъ ихъ, прикащики и старосты платили подушныя деньги за крестьянъ, причемъ если

---

[1]) П. С. З., т. VIII № 5333 (наказъ губернаторамъ 1728 г., ст. 13); т. X, № 7339, п. 14; т. XII, № 9456; т. XV, № 11166; поселенцевъ, если они были женаты, велѣно было отправлять съ женами; помѣщикъ могъ по желанію „отдать“ вмѣстѣ съ родителями и дѣтей, зачто получалъ денежное вознагражденіе.

[2]) П. С. З., т. IX, №№ 6570, 6653, 6682; т. XIII, №№ 9709 и 9992; т. XV, № 11203.

[3]) П. С. З., т. IX, № 6951; т. XV, № 10832 (1758 г., мая 2).

„крестьяне прикащиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію“; въ тѣхъ же случаяхъ, когда подати своевременно уплачены не будутъ, предписывалось „править ихъ съ помѣщиковъ, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, на прикащикахъ и старостахъ обще и ихъ понуждать, чтобы они сбирали съ крестьянъ“. Еще позднѣе помѣщики были освобождены даже отъ наказанія за недоимки своихъ крестьянъ; за ними осталась только обязанность сбирать подати съ своихъ подданныхъ, а наказанію за недоимки подлежали одни прикащики, старосты и выборные. Такимъ образомъ, главнѣйшее отношеніе, въ которомъ крѣпостные стояли къ государству, переносилось на помѣщика: онъ почти окончательно заслонилъ своихъ людей и крестьянъ отъ государства; послѣднее дѣйствовало только черезъ его посредство. Съ такой точки зрѣнія можно было исключить крестьянъ (пашенныхъ) изъ вѣрноподданнической присяги, къ которой всякаго чина люди были приведены въ силу указа 25 ноября 1741 года [1]).

Наконецъ, въ то же время стали складываться и сословныя привилегіи дворянства, поставившіе его въ исключительно выгодное положеніе относительно крѣпостныхъ. Уже въ 1739 году было постановлено: „за кѣмъ деревень нѣтъ, за тѣми ни за кѣмъ въ подушный окладъ никого не писать“; но такая записка была равносильна отдачѣ въ крѣпость; значитъ, отсюда можно было вывести, что одни землевладѣльцы имѣютъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ право владѣть деревнями стало превращаться въ сословную привилегію дворянства, чѣмъ и объясняется рядъ попытокъ пріурочить владѣніе имѣній, населенныхъ крѣпостными, къ одному дворянству. Вслѣдъ за запрещеніемъ дворовымъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ вообще пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (25 октября 1730 г.), уже указомъ 14 марта 1746 года постановлено запретить только-что поименованнымъ разрядамъ населенія, а также купечеству, казакамъ, ямщикамъ и разнымъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, покупать людей и крестьянъ съ землями. Тотъ же принципъ проводится въ межевой инструкціи 1754 года [2]); она запрещаетъ крестьянамъ государственнымъ и помѣщичьимъ, купцамъ, приказнымъ служителямъ не шляхетскаго происхожденія и нижнимъ чинамъ не оберъ-офицерскаго ранга владѣть землями вообще и въ частности землями, населенными кресть-

---

[1]) П. С. З., т. VIII № 5789, п. 6; т. XI № 8474; т. XV, № 11429.

[2]) П. С. З., т. XII, № 9267; тутъ же упомянуты архіерейскіе слуги и „дѣти боярскіе“; но вмѣсто послѣдняго термина ниже стоитъ: „люди боярскіе“: т. XIV, № 10237; тоже запрещеніе распространено и на женъ ихъ, но впослѣдствіи оно было ограничено въ жалованной грамотѣ 1785 г. (§ 7); т. XV, №№ 10746 и № 10855.

янами. Наконецъ, вслѣдствіе приведеннаго постановленія въ 1758 году было повелѣно людямъ, „находящимся въ военной и иныхъ службахъ, кои въ службу вступили не изъ шляхетства, но изъ посаженныхъ въ подушный окладъ и другихъ званій, а оберъ-офицерскихъ рангов не имѣютъ“, продать свои имѣнія (значитъ и имѣнія, населенныя крѣпостными) въ полугодичный срокъ. Впрочемъ, въ пользу „купецкихъ людей“ было сдѣлано одно исключеніе, которое оставалось въ силѣ и послѣ 1746 года: еще въ 1721 году имъ было разрѣшено покупать деревни къ заводамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднія „всегда были уже при тѣхъ заводахъ“; указъ 1721 года, противорѣчившій новой сословной точкѣ зрѣнія, утратилъ, однако, значеніе съ того времени, когда, въ 1762 году, „всѣмъ заводчикамъ и фабрикантамъ“ было запрещено („пока новое уложеніе конфирмовано не будетъ“) покупать деревни съ землею и безъ земли къ своимъ заводамъ и фабрикамъ.—Подобныя же ограниченія, но съ бо̀льшими колебаніями, были сдѣланы и относительно владѣнія крѣпостными безъ земли. Само собою разумѣется, что „подлые“ люди фактически продолжали во многихъ случаяхъ владѣть крѣпостными, особенно дворовыми. При производствѣ первой ревизіи, дворовые люди посадскихъ и мастеровыхъ были записаны за ними; въ 1746 году сенатъ постановилъ записать тѣхъ людей за ними же. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, относительно „владѣнія“ пріемышами) правительство также допускало исключенія въ пользу людей не шляхетскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе указы 25 октября 1730 года и 14 марта 1746 года, уже приведенные выше, относились и къ покупкѣ людей и крестьянъ безъ земли; тотъ же принципъ примѣненъ и въ одномъ указѣ 1758 года, воспретившемъ приказнослужителямъ покупать крѣпостныхъ безъ земли. Такая политика, вѣроятно, отразилась на положеніи крѣпостныхъ: по мѣрѣ развитія исключительнаго права дворянства владѣть населенными землями и покупать крѣпостныхъ, суживался и тотъ кругъ владѣльцевъ, изъ числа которыхъ можно было выбирать себѣ господина; а власть дворянина-помѣщика, естественно, должна была увеличиться, такъ какъ все въ меньшей мѣрѣ считалась въ пріемѣ свободныхъ людей въ крѣпость съ конкуренціей владѣльцевъ не шляхетскаго происхожденія. Между тѣмъ положеніе крѣпостныхъ у такихъ владѣльцевъ по закону было нѣсколько иное, чѣмъ у дворянъ: въ силу указа отъ 13 декабря 1725 года, напримѣръ, „купеческимъ крѣпостнымъ людямъ велѣно было судомъ и расправою быть вѣдомымъ, какъ и самимъ купцамъ, въ главномъ магистратѣ“: нельзя указать соотвѣтствующихъ узаконеній касательно дворянскихъ крѣпостныхъ людей: за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій

они въ собственныхъ своихъ ссорахъ между собою подлежали суду и расправѣ своихъ господъ [1]).

До тѣхъ поръ, однако, пока дворяне продолжали отбывать обязательную государственную службу, исключительныя права ихъ на владѣніе землями и крѣпостными все еще не могли получить характера полной сословной привилегіи. Только съ постепеннымъ освобожденіемъ дворянства отъ службы (1730—1762 гг.) оно стало привилегированнымъ сословіемъ. Послѣ изданія извѣстнаго манифеста отъ 18 февраля 1762 года о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству, между крѣпостными, лишенными вольности и свободы, и дворянами, „пожалованными“ ими, легла рѣзкая сословная грань [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ прежній государственный характеръ прикрѣпленія утратился окончательно: крѣпостные стали почти полною частною собственностью вольнаго и свободнаго россійскаго дворянства, владѣвшаго ими помимо какой бы то ни было обязательной службы, и сохранили государственное значеніе, главнымъ образомъ, лишь въ качествѣ ревизскихъ душъ, исчисляемыхъ „въ общемъ государственномъ счетѣ“.

Итакъ, хотя въ переходное время (приблизительно 1730—1762 гг.) составъ крѣпостного населенія мало измѣнился (см. выше, стр. 86), но начала крѣпостного права потерпѣли существенную перемѣну, которая не могла не отразиться и на крѣпостномъ бытѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крѣпостные уже начинали сознавать всю тяжесть своего положенія: въ то время кое-гдѣ стали возникать крестьянскія движенія, направленныя противъ помѣщиковъ. Число извѣстій о нихъ возрастаетъ съ 1750-хъ годовъ. Такъ напримѣръ, когда Воронцовъ продалъ свое арзамасское имѣніе Безсонову, то крестьяне обнаружили явное сопротивленіе новому ихъ владѣльцу; въ 1760 году правительство послало туда военную команду съ пушкою для того, чтобы принудить крестьянъ къ повиновенію; такія же мѣры приняты были и для усмиренія галицкихъ крестьянъ Тараканова, которые отказались платить ему доходы и не допускали въ его вотчину людей, посланныхъ для управленія ими [3]). Насколько часто повторялись факты подобнаго рода, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ изъ нихъ легко усмотрѣть, какими суровыми мѣрами правительство готово было поддержать безконтрольную власть дворянина-помѣщика надъ его крѣпостными.

---

[1]) П. С. З., т. VII, №№ 4378, п. 26, 4812; т. XII, №№ 9267 и 9343; т. XIV, № 10233, пп. 23—27. т. XV, № 11490; т. XVI, № 11638. *И. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб., 1884, т. I, стр. 353.

[2]) *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., стр. 191—199.

[3]) П. С. З., т. XV, № 11054; ср. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 260,685—689, 694, 758, 790—791, 966—967, 1025—1026, 1178.

На ряду съ общимъ признаніемъ установившагося порядка крѣпостныхъ отношеній у лучшихъ представителей русскаго общества второй половины XVIII-го столѣтія уже появляется мысль, что самыя основанія такихъ отношеній подлежатъ серьезному пересмотру; отсюда та двойственность, которая въ вѣкъ просвѣщенія отразилась и въ общественной оцѣнкѣ, и въ законодательной нормировкѣ крѣпостного права. Такая двойственность характеризуетъ новый моментъ въ исторіи владѣльческихъ крестьянъ: въ то время крестьянскій вопросъ уже возникъ, и сама императрица Екатерина II приняла живое участіе въ его постановкѣ и обсужденіи; но она оставила его безъ радикальнаго рѣшенія и въ своемъ законодательствѣ сдѣлала уступки въ пользу крѣпостного права.

Крестьянскій вопросъ еще не назрѣлъ въ эпоху преобразованій, когда все населеніе должно было служить государству и частный характеръ крестьянской крѣпости не вполнѣ выяснился. Въ 1760-хъ годахъ, однако, состояніе владѣльческихъ крестьянъ уже называли „бѣдственнымъ“; „я не нахожу, писалъ одинъ изъ современниковъ, бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ... обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства“ [1]). При такихъ условіяхъ и послѣ того, какъ прикрѣпленіе утратило то государственное значеніе, которое ему приписывало московское правительство, а дворянство, напротивъ, получило „вольность“, тяжелое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ и ихъ зависимость отъ привилегированнаго сословія должны были обратить на себя вниманіе многихъ; оно, разумѣется, особенно усилилось съ того времени, когда во главѣ правительства стала просвѣщенная и либерально-настроенная императрица Екатерина II, когда появилось вольно-экономическое общество и когда была созвана коммисія о составленіи проекта новаго уложенія.

Въ 1760-хъ годахъ европейское „просвѣщеніе“ уже успѣло нѣсколько проникнуть въ русское общественное сознаніе и пробудить въ немъ интересъ къ современнымъ теченіямъ европейской мысли. Теорія о естественномъ правѣ тогда все еще пользовалась большою популярностью на западѣ. Подъ вліяніемъ нѣкотораго знакомства съ новымъ ученіемъ или просто слуховъ о немъ и у насъ стали разсуждать о „естественномъ равенствѣ людей“ и объ „общемъ благѣ“. Понятіе о „естественномъ равенствѣ лю-

[1]) *А. Польновъ*, О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи въ Рус. Арх. 1865 г. № 3, стб. 14.

дей“ подготовило и понятіе объ „общемъ правѣ государственныхъ родовъ“, противоположномъ сословнымъ началамъ русскаго общества XVIII-го вѣка, а при помощи ученія объ общемъ благѣ можно было обосновать цѣлый рядъ правительственныхъ реформъ. Хорошо знакомая съ французской энциклопедіей и просвѣтительной литературой того времени, императрица Екатерина II отчасти восприняла эти взгляды. Крѣпостной, по ея мнѣнію, такой же человѣкъ, какъ и его господинъ: „есть-ли крѣпостного нельзя признать персоною, читаемъ мы въ одной изъ ея собственноручныхъ замѣтокъ, слѣдовательно, онъ не человѣкъ, но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію намъ отъ всего свѣта приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ [говорится] о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“. Крѣпостной въ глазахъ Екатерины не только человѣкъ, но и персона, т. е. долженъ быть лицомъ, надѣленнымъ по крайней мѣрѣ кое какими правами; „естественная вольность“ даже въ средѣ крестьянъ должна подлежать возможно меньшимъ стѣсненіямъ. Эти мысли были всенародно высказаны императрицей, напримѣръ, въ видѣ вопроса, предложеннаго вольно-экономическому обществу и въ видѣ общихъ принциповъ въ XI гл. наказа, написанной подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Монтескье. Идеи, провозглашенныя императрицей, многихъ поощрили и многими живо обсуждались и въ обществѣ, и въ коммиссіи. Просвѣщенные сановники того времени (Панинъ, Голицынъ, Сиверсъ) считали желательнымъ улучшить общественное положеніе крестьянъ и ограничить власть ихъ владѣльцевъ; такія же мнѣнія развивали и лучшіе представители современной имъ русской интеллигенціи (Полѣновъ). Въ коммиссіи 1767 — 1774 гг. также раздавались голоса въ пользу предоставленія крестьянамъ свободы (Татищевъ) и права „собственности на часть своего имѣнія“ или „потомственнаго пользованія“ имъ подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей; въ пользу ограниченія помѣщичьей власти надъ имуществомъ крестьянъ и предписанія закономъ той „умѣренной дани (или повинностей), которыя они должны будутъ платить помѣщику (Коробынъ, Козельскій); наконецъ, въ пользу „защищенія“ крестьянъ отъ насилій, причиняемыхъ имъ помѣщиками, „въ учрежденныхъ мѣстахъ“, такъ какъ въ противномъ случаѣ крестьянамъ ничего иного не останется, какъ „одно только отчаяніе, побѣгъ и возстанія противъ своихъ господъ“ (Унгернъ-Штернбергъ и др.). Среди членовъ коммиссіи нашлись люди, готовые сочувствовать подобнаго рода взглядамъ [1]). И тѣмъ не менѣе

[1]) Сб. Рус. Ист. Об., XXXII, 406—410, 475—484; 494—502; XXXVI, 28, 247—289. См. вообще *В. Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи и пр., т. I, Спб. 1888 г., стр. 95—126 и др.

проекты объ улучшеніи положенія помѣщичьихъ крестьянъ остались безъ осуществленія. Большинство дворянства было, разумѣется, противъ реформъ; въ числѣ дворянъ, придерживавшихся крѣпостническихъ взглядовъ, оказались такіе образованные и вліятельные люди, какъ Бестужевъ-Рюминъ, Сумароковъ, Щербатовъ и другіе.

Противники реформы указывали на то, что нельзя при проведеніи ея ограничиться полумѣрами, не впавъ въ противорѣчіе съ главною цѣлью ея, а между тѣмъ у императрицы не стало рѣшимости приступить къ радикальнымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе что противъ такого рѣшенія, по ея мнѣнію, можно было привести нѣсколько теоретическихъ и практическихъ соображеній. Современная ей политическая теорія монархическаго строя проповѣдывала, что дворянство должно естественно исполнять роль посредствующей власти между верховною властью и народомъ. Съ такой именно точки зрѣнія можно было отстаивать и неизмѣнность крѣпостного быта, опираясь не на начала частнаго права, а на основной принципъ русскаго государственнаго права того времени о неизмѣнности монархической формы правленія, что и дѣлали члены коммиссіи 1767—74 гг. въ своихъ возраженіяхъ противъ ограниченія власти господъ надъ крестьянами. Сама Екатерина II, согласно съ мнѣніемъ „лучшаго о законахъ писателя“, полагала, что нарушеніе прерогативъ привилегированныхъ слоевъ общества (les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes) приводитъ къ водворенію въ странѣ демократическаго или деспотическаго государства; смотря на дворянъ, какъ на опору монархіи, она и съ этой точки зрѣнія, повидимому, едва-ли рѣшилась бы покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Даже ограниченіе его было сопряжено съ цѣлымъ рядомъ практическихъ затрудненій: вполнѣ удобнаго случая для выполненія этого сложнаго дѣла ей не представилось. Въ началѣ своего царствованія, напримѣръ, послѣ переворота 28-го іюня Екатерина оказалась въ исключительномъ положеніи, а продолжавшіяся волненія крестьянъ удерживали ее отъ ограниченія дворянскихъ привилегій. Позднѣе собственное ея настроеніе уже измѣнилось, тѣмъ болѣе, что либеральные планы императрицы не находили достаточно прочной поддержки въ окружавшемъ ее обществѣ: на засѣданіяхъ большой коммиссіи депутаты отъ всѣхъ свободныхъ классовъ (за исключеніемъ развѣ депутатовъ отъ черносошныхъ крестьянъ) старались добиться права владѣть крѣпостными; значительное большинство дворянъ, въ томъ числѣ и люди съ извѣстнымъ образованіемъ, признавали крѣпостное право явленіемъ болѣе или менѣе нормальнымъ; они недовѣрчиво относились къ крестьянской свободѣ; они указывали на опасность „вкоренить въ крестьянъ умствованіе ра-

венства“ и на то, что лишь тогда, когда низшій классъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы; далѣе, они вообще идеализировали отношенія между крестьянами и помѣщиками и въ частности думали, что положеніе крѣпостныхъ достаточно обезпечено интересомъ, какой владѣльцы имѣютъ въ поддержаніи ихъ благополучія; они считали, наконецъ, вмѣшательство государственной власти въ отношенія свои къ крѣпостнымъ оскорбительнымъ нарушеніемъ своихъ привилегій и вреднымъ для государственнаго „благоденствія“. При такихъ условіяхъ Екатеринѣ трудно было не только подвергнуть общественный строй коренному преобразованію, но и въ извѣстной степени смягчить отношенія, уже установившіяся между общественными группами до вступленія ея на престолъ: она по прежнему оставила сущность крѣпостного права безъ всякаго опредѣленія въ законѣ и удовольствовалась второстепенными мѣрами.

Подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ началъ того времени, и въ частности въ виду желанія образовать „третій“ родъ людей (tiers-état) императрица Екатерина II главнымъ образомъ попыталась уничтожить и ограничить нѣкоторые способы установленія и „сообщенія“ крѣпостной зависимости; способы прекращенія ея, напротивъ, остались почти безъ всякихъ перемѣнъ.

Въ прежнее время добровольная или принудительная записка людей при ревизіи за тѣми, кто хотѣлъ ихъ „взять“ и кто соглашался отвѣчать за ихъ платежную исправность передъ правительствомъ, приводила къ самымъ тяжелымъ для нихъ послѣдствіямъ: „вольные люди“ попадали такимъ образомъ въ крѣпостную зависимость; то же случалось съ „заопредѣленными“ церковниками, незаконорожденными и пріемышами. Теперь положеніе ихъ измѣнилось.—Въ манифестѣ отъ 17 марта 1775 года вольноотпущеннымъ снова было „дозволено“ „ни за кого не записываться“; имъ было предоставлено добровольно избирать для себя или мѣщанское (а также купеческое) состояніе или родъ государственной службы; тогда же было разъяснено, что присутственнымъ мѣстамъ запрещается укрѣплять за кѣмъ либо такихъ людей, „несмотря на объявленное иногда собственное желаніе ихъ“. Аналогичное постановленіе появилось въ 1783 году и относительно вольныхъ людей „вообще безъ изъятія рода и закона“ [1]). Итакъ, указы 1775—1783 гг. уничтожили возможность законнымъ путемъ превращать „вольныхъ людей“ въ крѣпостныхъ и такимъ образомъ обезпечили крѣпостному, вышедшему на волю, сохраненіе его свободы; впрочемъ, въ этихъ законахъ есть стремленіе оградить состояніе „вольныхъ людей“ принудительнымъ

[1]) П. С. З., т. XX, №№ 14275, п. 46; т. XXI, №№ 15277, п. 3; 15278, 15294 и 15853; т. XXII. № 16188 (Город. пол., ст. 79).

образомъ.—Аналогичныя постановленія были сдѣланы и относительно безмѣстныхъ церковниковъ, а также незаконнорожденныхъ и пріемышей. Уже въ 1766-мъ году было предписано праздножившихъ церковниковъ, даже тѣхъ, которые были записаны въ окладъ въ томъ же году, выключить изъ оклада, причемъ годныхъ взять въ военную службу (въ солдаты, деньщики, погонщики и т. п.), а о негодныхъ къ ней прислать вѣдомости; во время же разбора 1769 года сдѣлано постановленіе за помѣщиками никого изъ безмѣстныхъ церковниковъ не записывать, а часть ихъ взять въ солдаты [1]).—Приблизительно въ то же время измѣнилось и положеніе незаконнорожденныхъ, а также пріемышей, взятыхъ кѣмъ либо на воспитаніе. Съ учрежденіемъ воспитательнаго дома питомцамъ его открылся выходъ въ свободное состояніе, причемъ имъ даже было запрещено вступать въ бракъ съ крѣпостными (1763—67 гг.). Тѣ же начала были приняты и относительно незаконнорожденныхъ и пріемышей, не попадавшихъ въ воспитательный домъ. Уже въ 1767 году, по поводу предложенія слободско-украинской губернской канцеляріи вернуться къ прежнему порядку записки незаконнорожденныхъ за тѣми, кто будетъ держать ихъ у себя, сенатъ предписалъ не записывать ихъ въ окладъ за такими лицами впредь „до генеральнаго о томъ учрежденія“; кромѣ того въ 1783 году велѣно было незаконнорожденныхъ отъ свободныхъ матерей причислять къ государственнымъ селеніямъ, заводамъ и промысламъ по разсмотрѣнію казенныхъ палатъ и по ихъ собственному желанію, а въ установленіи о сельскомъ порядкѣ 1787 года велѣно незаконнорожденныхъ отдавать тѣмъ, кто пожелаетъ принять ихъ, но только на „опредѣленныя лѣта“. Въ законодательствѣ относительно малолѣтнихъ сиротъ еще яснѣе, чѣмъ въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ, обнаруживается то же стремленіе уничтожить значеніе прежней записки; въ инструкціи слободскому губернатору 1765 года встрѣчается слѣдующее правило: отдавать малолѣтнихъ сиротъ тому, кто пожелаетъ, но не иначе, какъ на двадцатилѣтній срокъ, и продолжать послѣдній до 30 лѣтъ, если воспитатель обучитъ пріемыша какому-нибудь мастерству. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1775 году было сдѣлано и „генеральное учрежденіе“ о сиротахъ, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія: приказы общественнаго призрѣнія должны были заботиться о нихъ; вышеприведенная статья изъ установленія о сельскомъ порядкѣ 1787 года относилась и къ малолѣтнимъ сиротамъ, лишеннымъ пристанища; значитъ, они уже не закрѣпощались за своими воспитателями и могли пользоваться тѣми правами, которыя были предоставлены

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12586; т. XVIII, № 13236.

вольноотпущеннымъ, что и было разъяснено однимъ изъ позднѣйшихъ указовъ [1]).—Такимъ образомъ, въ теченіе 1763—83 гг. вышелъ цѣлый рядъ указовъ о „вольныхъ людяхъ“, безмѣстныхъ церковникахъ, незаконнорожденныхъ и пріемышахъ; эти указы уничтожили прежнее „средство“ путемъ записки ихъ за кѣмъ либо въ подушный окладъ, „вѣчно укрѣплять“ ихъ. При производствѣ ревизіи 1781—1782 гг. большинство вышеизложенныхъ правилъ уже было принято во вниманіе. Правительство желало произвести ревизію „со всевозможною выгодностью для народа“ и поручило нижнимъ земскимъ судамъ, въ случаѣ неисправности и подозрѣнія въ утайкѣ, свидѣтельствовать поданныя имъ сказки о численности населенія въ уѣздахъ; „освидѣтельствованіе“ же вѣдомостей, составленныхъ нижними судами, было вмѣнено въ обязанность казеннымъ палатамъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учрежденія 1775 года не были еще введены, губернскимъ канцеляріямъ [2]). Такой надзоръ нѣсколько обезпечивалъ примѣненіе новыхъ правилъ касательно людей, не подлежавшихъ вѣчному укрѣпленію, и, можетъ быть, облегчилъ введеніе послѣдовавшихъ за ними узаконеній 1783—87 гг.—Почти одновременно и плѣнъ пересталъ служить источникомъ крѣпостной зависимости для плѣнныхъ, принявшихъ православіе; польскимъ и другимъ военнопленнымъ, по принятіи ими „православнаго закона“, было предоставлено избирать такой родъ жизни, какой они сами заблагоразсудятъ, что и было выражено главнымъ образомъ въ указахъ отъ 20 апрѣля 1770 года и отъ 28 іюля 1781 года [3]).

Въ то же время и нѣкоторые способы „сообщенія“ крѣпостного состоянія также подверглись извѣстнымъ ограниченіямъ. Можно сказать, что послѣдовательное примѣненіе правила, въ силу котораго (законныя) дѣти, рожденныя въ крѣпостномъ состояніи, признавались по отцу крѣпостными, предполагало и обратное правило: дѣти крѣпостного человѣка, рожденныя послѣ его

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 4; т. XVII, № 12430, п. 6; т. XXVIII, № 12987, п. 2; т. XX, № 14392, ст. 385; т. XXII, № 16603, отд. IV, ст. 8—9. т. XXXIII, № 25947, п. 6. Въ 1764 г. было также запрещено всѣмъ и каждому какимъ бы то ни было образомъ записывать и утверждать себѣ въ крѣпостные художниковъ, мастеровъ, получившихъ воспитаніе въ Академіи Художествъ, дѣтей ихъ и потомковъ; см. П. С. З., т. XVI, № 12275. Ср. еще ib., т. XII, 9250.

[2]) П. С. З., т. XXI, №№ 15278, п. 7; 15405, п. 22. Записка за помѣщика получила значеніе способа укрѣпленія при производствѣ ревизій 1719 и 1744 гг. (Ср. П. С. З., т. XIV, № 10238, пп. 1, 5, 6 и 10); но Сводъ Законовъ уже не приписываетъ такого значенія запискѣ по третьей ревизіи; тѣмъ не менѣе правительство воспользовалось данными четвертой ревизіи при прикрѣпленіи крестьянъ въ Малороссіи и южнорусскихъ губерніяхъ (Св. Зак. 1832 г., Зак. о сост., ст. 550).

[3]) П. С. З., т. XIX, № 13450; т. XX, № 14444; т. XXI, №№ 15198 и 15282.

освобожденія, также должны были бы пользоваться свободой. Законъ формулировалъ такую точку зрѣнія, да и то съ нѣкоторыми ограниченіями, кажется, лишь примѣнительно къ отдѣльнымъ категоріямъ случаевъ. Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено, чтобы солдатскія дѣти, родившіяся за время службы ихъ отцовъ, причислялись къ военному вѣдомству и были опредѣляемы въ школы и на службу. Аналогичное направленіе обнаружилось и въ указѣ 1781 года о предоставленіи свободы польскимъ плѣннымъ, воспріявшимъ православіе и отданнымъ, по желаніямъ ихъ, въ вѣчное услуженіе разнымъ помѣщикамъ: такіе плѣнные, оставшіеся въ Россіи, по просьбѣ ихъ, получали свободу вмѣстѣ съ женами и дѣтьми [1]). Въ большинствѣ вышеприведенныхъ узаконеній способы сообщенія крѣпостной зависимости, въ сущности, еще не были ограничены, а только выдѣлены тѣ случаи, къ которымъ они не могли примѣняться; но бракъ, въ качествѣ такого же способа, подвергся существеннымъ ограниченіямъ.—Старинное правило „по робѣ холопъ"..., напримѣръ, потеряло силу примѣнительно къ случаямъ, когда питомецъ воспитательнаго дома вступалъ съ крѣпостною въ бракъ, устроенный „какимъ обманомъ" (1763 г.), а также къ воспитанницамъ академіи художествъ или ихъ потомкамъ (1764); всѣ люди, которые были отпущены своими помѣщиками съ отпускными на волю, били челомъ въ вѣчное услуженіе къ другимъ помѣщикамъ и поженились на ихъ крѣпостныхъ, но по ихъ прошенію до манифеста 1775 года рѣшенія не учинено и выписей о укрѣпленіи для владѣнія ими не дано, были также освобождены отъ крѣпостной зависимости (1780 г.); наконецъ, плѣнные, захваченные въ Польшѣ, но оставшіеся въ Россіи и принявшіе православіе, получали свободу, хотя бы они и женились на крѣпостныхъ (1781 г.); въ вышеприведенныхъ случаяхъ бракъ съ крѣпостной не только не сообщалъ вольному человѣку крѣпостного состоянія, но и её освобождалъ отъ такого же состоянія: впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это освобожденіе было прямо поставлено въ зависимость отъ уплаты выводныхъ денегъ помѣщику (законы 1763 и 1780 гг.). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что обратное правило: „по холопу раба", на соблюденіи котораго настаивали нѣкоторые депутаты большой коммиссіи, подверглось лишь ничтожнымъ ограниченіямъ: оно было лишено силы по отношенію къ воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ воспитательнаго дома и изъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ монастырѣ; воспитанная въ училищѣ, въ случаѣ выхода замужъ за крѣпостного, по крайней мѣрѣ при

---

[1]) Ср. выше стр. 67—69 и П. С. З., т. XIV, № 10233, п. 16. П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6; т. XX, № 15070; т. XXI, № 15198.

извѣстныхъ условіяхъ, могла сообщить ему свое свободное состояніе [1]).

Въ способахъ прекращенія крѣпостной зависимости произошло гораздо менѣе перемѣнъ, чѣмъ въ способахъ ея установленія и сообщенія; это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что нововведенія подобнаго рода гораздо больше затронули бы интересы дворянства и что владѣльцы въ то время злоупотребляли отпускомъ на волю, избавляясь такимъ образомъ отъ содержанія своихъ людей и крестьянъ, „приведенныхъ ими по разнымъ случаямъ въ сущее безсиліе“, и отъ уплаты за нихъ податей. Даже назначеніе размѣровъ выкупа крестьянъ на волю было предоставлено усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ. Помимо прежнихъ способовъ выхода изъ крѣпостной зависимости, вышеприведеннаго правила относительно польскихъ плѣнныхъ [2]), и случайныхъ правительственныхъ мѣръ, можно указать развѣ на одно лишь постановленіе: оно состоялось по поводу ревизіи, въ 1763 году, и безъ прежнихъ ограниченій предоставляло свободу прописнымъ людямъ, которые сами явятся въ судебныя мѣста и докажутъ прописку [3]).

Итакъ, либеральныя начинанія законодательной политики императрицы Екатерины II касательно крѣпостныхъ ограничились, главнымъ образомъ, вышеизложенными перемѣнами въ способахъ закрѣпощенія и выхода изъ крѣпостной зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, хотя секуляризація церковныхъ имѣній, входившая въ программу, предложенную Вольтеромъ, выгодно отразилась на положеніи почти цѣлаго милліона сельскаго населенія, которое отнынѣ стало приравниваться къ государственнымъ крестьянамъ, но она не внесла ничего новаго по существу въ крѣпостническія отношенія, царившія на владѣльческихъ земляхъ [4]). Вообще, за исключеніемъ развѣ извѣстныхъ указовъ 1766 и 1771 гг., имѣвшихъ, впрочемъ, второстепенное значеніе, нельзя указать ни одного новаго закона того времени, въ которомъ регулировались бы отношенія между помѣщиками и крестьянами. Даже тѣ начала,

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (стр. 950); т. XX, № 14275, п. 46; № 14294, п. 11; № 15070; т. XXI, №№ 15198 и 15282; см. стр. 104, прим. 1. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3697 и т. XIV, № 10233, п. 21.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15603; т. XXVII, № 20548 ср. П. С. З., т. VIII, № 5520. См. выше, стр. 84 и 104.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 11755, п. 3. Въ числѣ случайныхъ мѣръ можно упомянуть превращеніе крѣпостныхъ въ мѣщанъ путемъ покупки нѣкоторыхъ селеній у владѣльцевъ, а также предоставленіе свободы нѣкоторымъ бѣглымъ и перебѣжчикамъ изъ крѣпостныхъ; ср. выше, стр. 85.

[4]) П. С. З., т. XVI, № 12060. Вслѣдъ за указомъ 26 февраля 1764 г. о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири въ 1786 и 1788 гг. появились указы, распространившіе ее на губерніи: Кіевскую, Черниговскую и Новгородсѣверскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. П. С. З., т. XXII, №№ 16375, 16649 и 16650.

которыя уже были отрывочно выражены въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ и въ силу которыхъ крѣпостные люди должны были исполнять свои обязанности къ государству, остались безъ общаго обоснованія. Правительство мало заботилось о правахъ крѣпостныхъ людей, но часто высказывалось въ томъ смыслѣ, что они обязаны платить государственныя подати и исправлять закономъ установленныя повинности, а иногда указывало и на то, что они подлежатъ общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ; возлагая на крѣпостныхъ исполненіе этихъ обязанностей, оно взамѣнъ обѣщало имъ нѣкоторыя выгоды, но не настаивало на мысли, что они должны пользоваться правами государственныхъ подданныхъ, и не устранило того противорѣчія, которое можно было усмотрѣть между ихъ порабощеніемъ владѣльцамъ и подданствомъ государству. Жалованная грамота 1785 г., подтвердившая привилегіи 1762 г. и расширившая вещныя права дворянъ, правда, не говоритъ прямо о правѣ ихъ владѣть крѣпостными; но власть помѣщика, которому она предоставила право покупать „деревни“, осталась безъ всякихъ ограниченій въ законѣ и по прежнему продолжала развиваться подъ сильнымъ вліяніемъ бытовыхъ условій русской жизни и того сословнаго характера соціальнаго строя, который сталъ особенно замѣтнымъ въ періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ [1]).

Въ русскомъ обществѣ того времени, дѣйствительно, уже рѣзко обрисовались двѣ противоположности: фактически тяжелое положеніе помѣщичьяго крестьянина сравнительно съ выгоднымъ положеніемъ его владѣльца въ обществѣ и почти безправное состояніе крѣпостнаго сравнительно съ привилегированнымъ состояніемъ дворянина. Такая двойная противоположность продолжала усиливаться въ вѣкъ просвѣщенія и становилась еще болѣе рѣзкой въ сознаніи тѣхъ, которые были способны представить себѣ иной порядокъ общественныхъ отношеній.

Крѣпостные были самымъ многочисленнымъ классомъ русскаго общества (по даннымъ 1762—1766 гг. до 3805073 д. м. п.); но, составляя въ Великороссіи и Сибири, по приблизительному расчету, около 45% всего населенія и (по тѣмъ же свѣдѣніямъ 1762—1766 гг.) до 53% всего числа крестьянъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, они оказались, однако, въ худшемъ положеніи, чѣмъ

[1]) П. С. З., т. XX, № 14725. Указъ 1761 года о продовольствіи крестьянъ помѣщиками подтвержденъ въ 1767 году, а въ 1772 году повторено предписаніе, чтобы помѣщики содержали своихъ крестьянъ и „не допускали оныхъ людей“ ходить въ Москву для прошенія милостыни (П. С. З., т. XVIII, № 13017; т. XIX, № 13767); но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики заботились объ устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ, они часто устраивали ихъ на средства самихъ крестьянъ; ср. П. С. З., т. XXV, № 18856. О правилахъ благоустройства и благочинія въ имѣніяхъ см. вообще *В. Семевскій*, Op. cit., I, 260—288. Ср. ниже стр. 133.

всѣ остальные [1]). Это ухудшеніе въ ихъ участи произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда крѣпостниковъ на своихъ подданныхъ, и болѣе суровыхъ проявленій помѣщичьей власти; такой взглядъ, разумѣется, не всякимъ помѣщикомъ признавался и не всегда приводилъ къ дѣйствительному ухудшенію въ положеніи крестьянъ; но приниженное и безправное положеніе крѣпостныхъ благопріятствовало его развитію и вполнѣ допускало возможность его примѣненія на практикѣ, что уже сознавали и современники [2]).

Съ того времени, когда помѣщики-дворяне начали пріобрѣтать внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи и проникаться сословными интересами, къ прежнему взгляду ихъ на крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу, кажется, сталъ присоединяться новый оттѣнокъ. Теперь „благородные“ гордились своей „наружностью“, знаніемъ французскаго языка, а нѣкоторые и кое-какимъ образованіемъ, полученнымъ ими въ сословно-дворянскихъ школахъ; благодаря ему они даже теряли иногда способность „уразумѣть“ крестьянъ и между прочимъ знакомились съ сословными традиціями западно-европейскаго дворянства. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскіе дворяне, уже сознававшіе свою принадлежность къ единому „корпусу“ дворянскому, стали противополагать себя, въ качествѣ „особливаго рода людей“, своимъ крѣпостнымъ; современные сатирики указывали на владѣльцевъ, „гнушавшихся тѣми рабами“, которые „трудились для удовольствованія страстей ихъ“. Косвенное указаніе на существованіе подобнаго рода настроенія среди дворянъ можно найти хотя бы въ томъ, что они часто называли людей другихъ сословій „подлыми“; выраженія: „чернь“ (сволочь; ср. фр. canaille) и „подлые“ иногда получали одинаковый смыслъ; значитъ, слово „подлые“ на такомъ „модномъ нарѣчіи“ могло означать не только людей, занимавшихъ низшія ступени общественной лѣстницы, но и людей приниженныхъ, даже презрѣнныхъ. Сумароковъ, извѣстный сторонникъ крѣпостного права, полагавшій, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“, придавалъ, напримѣръ, термину „подлые“ унизительное значеніе, когда возставалъ противъ обычая своихъ современниковъ называть „земледѣльцевъ и ремесленниковъ“ подлымъ народомъ. А между тѣмъ въ такой терминологіи обнаруживалось и особаго рода отношеніе дворянъ-помѣщиковъ къ крестьянамъ, рѣзко осмѣянное въ луч-

[1]) *В. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е, стр. VII—VIII, 17 и 18. Г. Денъ для третьей ревизіи, производившейся въ 1761—1764 гг., принимаетъ нѣсколько меньшую цифру всего податного населенія, а именно 7.363.384 д. м. п., а не 7.418.273. (*В Денъ*, Op. cit., I, 91).

[2]) С. Р. И. О., XXXII, 478; ср. Рус. Стар. 1876 г., т. XVI, стр. 568.

шемъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ: тамъ изображенъ, напримѣръ, типъ помѣщика, который „боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы"... „онъ не только не говоритъ съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію передъ нимъ по землѣ распростираются". И хотя этотъ типъ, конечно, отзывается утрировкой, однако, его нельзя считать простою выдумкой: въ своемъ извѣстномъ разсужденіи о крѣпостномъ состояніи Полѣновъ замѣтилъ, что „вмѣсто почтенія мы платимъ [крестьянамъ] презрѣніемъ" [1]).

Съ указанной точки зрѣнія, въ сущности исключавшей уваженіе человѣка къ человѣку, помѣщикъ-дворянинъ легко могъ позабыть „умѣренность во владѣніи своими подданными" и придать своей власти суровый и даже жестокій характеръ. Въ сатирическихъ журналахъ того времени можно встрѣтить изображеніе крайняго типа такого владѣльца: онъ убѣжденъ, что „всякій помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ", долженъ быть „тираномъ своимъ служителямъ"; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послу-

---

[1]) Перемѣна въ значеніи слова „смердъ" была уже указана выше, стр. 11; къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ изъ Софійской первой лѣтописи, гдѣ въ сравнительно позднѣйшихъ спискахъ подъ 6879 годомъ рязанцы названы „палаумными смердами" (П. С. Р. Л., V, 239). Герберштейнъ также замѣчаетъ, что „у благородныхъ и вопновъ поселяне называются крестьянами (christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людишками" (пер. И. Аноним ова, стр. 85); можно думать, однако, что въ то время на положеніе ихъ смотрѣли скорѣе какъ на приниженное, чѣмъ какъ на презрѣнное. Уже Волынскій разсуждалъ, однако, о „замерзѣлой грубости" крестьянъ (*А. Волынскій*, Op. cit., Москв. 1854 г., февр., стр. 38). Послѣдняя точка зрѣнія стала развиваться, кажется, лишь въ позднѣйшее время. Полѣновъ еще называлъ крестьянъ „подлѣйшимъ" изъ общественныхъ состояній, повидимому, не придавая этому термину унизительнаго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что недостатки, свойственные „простому народу, дѣлаютъ намъ его не только презрительнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистнымъ" (*А. Полѣновъ*, Op. cit., ib., стб. 8, 13, 16, 29, 30). „Подлый народъ, писалъ Сумароковъ, бездѣльники, а не земледѣльцы и не ремесленники. Земледѣльцы не подлый народъ. У насъ это имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и пострамленія! Истинная чернь—невѣжды, хотя и великіе чины имѣли, богатство крезово, и вели свой родъ отъ Зевеса и Юноны, которыхъ никогда не было; отъ сына Филиппова побѣдителя, или лучше сказать разорителя вселенной". („*С. Глинка*, Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова; ч. I, стр. 72—73). Ср. еще С. Р. И. О., XXXII, 405 „Трутень" Н. Новикова, 1769 г. л. XIV, изд. П. Ефремова, стр. 147. Живописецъ 1772 г. Н. Новикова, л. XIII, изд. П. Ефремова, стр. 81.

шаніи". И дѣйствительно, бывали помѣщики, которые рѣшались открыто называть крестьянъ вообще „лѣнивыми и отягощенными, утопленными и упорными"; упуская изъ виду, что „отъ лишеннаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное унынie приведеннаго человѣка, ничего лучшаго ожидать не должно" и, очевидно, по убѣжденію, склоняясь къ подобнаго рода системѣ вотчиннаго управленія и суда, нѣкоторые изъ нихъ „жесточайшимъ истязаніемъ наказывали иногда самые малѣйшіе проступки своихъ людей и крестьянъ" [1]).

Такое настроеніе тѣмъ тяжелѣе могло отзываться на положеніи крѣпостныхъ, что владѣльцы открыто признавали ихъ своею собственностью; стоитъ только заглянуть въ „извѣстія" старинныхъ газетъ о продажѣ крѣпостныхъ для того, чтобы убѣдиться, насколько взглядъ подобнаго рода утвердился въ „вѣкъ просвѣщенія". Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1796 и 1798 гг. встрѣчаются, напримѣръ, объявленія въ родѣ слѣдующихъ: „продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь; ихъ видѣть можно у Пантелеймона противъ мясныхъ рядовъ, въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева"; или: „продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки". Въ томъ же 1798 году появилось и такое объявленіе: „У шкипера Васильева живущаго по Фонтанкѣ близь Поперешнова моста въ домѣ подъ № 387 продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента" [2]). Въ вышеприведенныхъ случаяхъ правда, рѣчь идетъ о дворовыхъ людяхъ; но владѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію взять любого крестьянина въ дворовые, да и пашенными крестьянами распоряжался безъ земли. Итакъ, крѣпостной человѣкъ считался въ то время имуществомъ своего господина; послѣдній могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ „прочимъ домашнимъ скарбомъ", принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. Такая точка зрѣнія проникла даже въ законодательство: въ одномъ указѣ 1792 года сказано, что „крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія ихъ владѣльцевъ"; правда, указъ 1792 года относился къ „описнымъ безъ земли крестьянамъ", продаваемымъ за долги тѣхъ, кому они принадлежали по крѣпостямъ; но послѣдующее законодательство разъяснило, что дворовые люди безъ земли вообще „пріемлются

---

[1]) *А. Шольновъ*, Op. cit.. ib., стб. 16. „Трутень" и „Живописецъ" Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 35—36 и стр. 95. *Д. Фонъ-Визинъ*, Соч., изд. 1866 г., стр. 64, 105. Сб. Р. И. О., т. IV, 76, 108; VIII, 414; XXXII, 487 XXXVI 260. Ср. *В. Семевскій*, Кр. Вопр. I, 89—90.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 г., № 91; 1798 г., № 31. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 832. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., 338—340; авторъ замѣчаетъ, что „при Елисаветѣ Петровнѣ это не водилось".

единственно за движимое имѣніе“ и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно [1])“.

Впрочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ [2]) были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизаціи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію; „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ вступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ данниковъ“ помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка [3])“. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды извѣстный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г, Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьяго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. *Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб въ Архивѣ ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. *Н. Лапе*. Разборъ мнѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ Н. Калачова, ib., стр. 41—43.

[2]) Въ полковничьихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ—невѣстъ не брать“. (П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшенія своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (ib., 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичьими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія сдѣлки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

[3]) Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (*Н. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). *Гр. П. Панинъ*, Мнѣніе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ Н. Новикова 1772—1773 гг. изд. П. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатація крестьянскаго труда помѣщиками должна была усилиться; но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: извѣстно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крѣпостныхъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное вліяніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля мало приносила дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ; напротивъ, тамъ, гдѣ земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ; остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлеченія доходовъ изъ имѣнія зависѣлъ и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жилъ ли въ немъ владѣлецъ и т. п.; въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянскаго населенія сидѣло на оброкѣ; остальные отправляли барщину [1]).

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу; этотъ надѣлъ, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ: но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно прослѣдить иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души; но въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенію цѣнъ на самихъ крѣпостныхъ, а въ значи-

[1]) „Всякому помѣщику, писалъ, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на нашихъ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія имѣть на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ; ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякія угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ*, Краткія экон. зап. въ Врем. М. О. И. и Д., XII, 29). *В. Семевскій*, Op. cit., I, 591—592; тамъ же и другіе примѣры.

тельной мѣрѣ и на хлѣбъ; впрочемъ, цѣны на хлѣбъ возрастали, кажется, нѣсколько медленнѣе увеличенія оброка, такъ что для его уплаты въ 1790-хъ годахъ надо было продать нѣсколько болѣе ржи, чѣмъ въ 1760-хъ годахъ. Повышеніе оброка иногда особенно рѣзко обнаруживалось при переходѣ даннаго имѣнія къ новому владѣльцу: въ 1740-хъ годахъ крестьяне Загарской волости (Московскаго уѣзда), напримѣръ, платили 300 рублей оброка своему помѣщику; когда имѣніе въ 1750-хъ годахъ перешло къ новому владѣльцу, онъ сразу обложилъ тѣхъ же крестьянъ оброкомъ въ 2300 рублей. Бывали „убогіе помѣщики", напримѣръ Зубовъ (отецъ фаворита), которые „наживали себѣ не малое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ своихъ мужиковъ" или покупали населенныя имѣнія въ долгъ на деньги, которыя сбирались съ крестьянъ этихъ имѣній, такъ что они „сами собою себя покупали" новому владѣльцу. Произволъ помѣщика могъ обнаруживаться не только въ чрезмѣрномъ повышеніи оброка, но и въ обложеніи своихъ оброчныхъ крестьянъ разными другими повинностями (особенно подводной); натуральные сборы (напримѣръ, сборъ „столовыхъ запасовъ", аналогичныхъ съ прежнимъ мелкимъ доходомъ), правда, иногда зачитывались въ оброкъ, но въ другихъ случаяхъ прибавлялись къ нему. Если полагать, что по приблизительному расчету, въ переводѣ на деньги они доходили до $^1/_3$ размѣровъ оброка, то среднюю величину того дохода, который помѣщики получали съ души, можно оцѣнить для шестидесятыхъ годовъ въ сумму нѣсколько меньше 2-хъ руб., а въ девяностыхъ годахъ—менѣе 7 руб. Несмотря на такой ростъ оброка положеніе оброчнаго крестьянина все же было сравнительно сноснымъ: если принимать во вниманіе среднюю величину оброка и разсматривать ее какъ плату за пользованіе надѣломъ, хотя бы даже размѣромъ въ 10 дес. на душу, то можно приблизительно придти къ заключенію, что высота помѣщичьяго оброка (въ 2—7 руб.) почти равнялась той арендной платѣ, которую въ то время крестьяне вносили за пользованіе соотвѣтствующимъ количествомъ казенной земли въ московской провинціи. Всю тяжесть своего положенія оброчные крестьяне особенно чувствовали тогда, когда усматривали зависимость, въ какой размѣры надѣла, а особенно падавшихъ на нихъ повинностей и оброка находились отъ „прихотей" ихъ владѣльцевъ; впрочемъ, понятно, что оброчные крестьяне страдали отъ нихъ менѣе, чѣмъ барщинные, между прочимъ и потому, что имъ легче было отлучаться на отхожіе промыслы [1]).

Барщинные крестьяне чувствовали ту же зависимость гораздо сильнѣе оброчныхъ: личное присутствіе помѣщика въ такихъ имѣ-

---

[1]) *В. Семевскій*, Op. cit., I, 47—61, 448.

ніяхъ, часто мелкопомѣстныхъ, должно было тяжело отражаться на положеніи его крѣпостныхъ; далѣе, при обложеніи ихъ натуральными повинностями легче было повышать сборы, чѣмъ при уплатѣ оброка, наконецъ, „здѣлье“ могло принимать самые разнообразные виды, а отправленіе издѣльныхъ работъ при такихъ условіяхъ становилось не только тяжкимъ, но и „несноснымъ“ бременемъ для крестьянъ. Если даже полагать, что меньшій по размѣрамъ надѣлъ барщиннаго крестьянина въ черноземныхъ губерніяхъ (около 7 дес., изъ нихъ въ великорусскихъ губерніяхъ обыкновенно около 3,1 дес. пашни) былъ лучшаго качества, чѣмъ земля оброчнаго крестьянина, то все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ нечерноземныхъ губерніяхъ величина надѣла въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ (около 8 дес. изъ нихъ около $2^1/_2$ дес. пашни), была также меньше, чѣмъ въ оброчныхъ; а между тѣмъ повинности барщинныхъ крестьянъ въ общей сложности значительно превосходили оброчные платежи. Опредѣленіе вида и размѣровъ барщинныхъ работъ зависѣло, конечно, отъ помѣщичьяго „произволенія“. Барщина отправлялась или въ видѣ опредѣленнаго „урока“, падавшаго на каждое тягло, или въ видѣ работъ, въ теченіе извѣстнаго времени исполняемыхъ на господина, что было труднѣе урока. Въ самомъ дѣлѣ, урокъ, назначаемый помѣщикомъ на каждое „тягло“ (2—$2^1/_2$ ревиз. души), обыкновенно доходилъ до 1—$1^1/_2$ дес. въ полѣ, которыя крестьяне и должны были обработать на господина; бывали, впрочемъ, случаи, когда урокъ достигалъ 2-хъ и болѣе десятинъ въ каждомъ полѣ; тѣмъ не менѣе отработка урока была менѣе стѣснительна, чѣмъ поденная работа на господина; притомъ размѣры послѣдней сильно колебались. Трехдневная барщина („три дня черезъ весь годъ“) была довольно распространена, но современники указывали на то, что помѣщики иногда заставляли своихъ крестьянъ работать на нихъ по четыре и даже большему числу дней въ недѣлю [1]). Барщина становилась еще менѣе сносной для крестьянъ, когда помѣщикъ требовалъ, чтобы они сперва (т. е. въ благопріятное время года) окончили всѣ сельскія работы, назначенныя въ его пользу, а затѣмъ уже (т. е. съ наступленіемъ сравнительно худшей погоды) работали на себя. Наконецъ бывали случаи, когда помѣщикъ предпочиталъ превратить всѣхъ своихъ крестьянъ въ сельскихъ рабочихъ, т. е. „давалъ имъ и всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляя ихъ безъ изъятія на господскія работы повсе-

[1]) *И. Болтинъ*, Примѣчанія на ист. Леклерка, II, 216—217, 220. „Живописецъ“ Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 87, 94. *А. Радищевъ*, Путешествіе... Спб., 1888 г., стр. 15.

дневно". Само собою разумѣется, что въ числѣ такихъ работъ, исполняемыхъ и мужчинами, и женщинами, было много повинностей, возлагаемыхъ и на людей, уже негодившихся для страды. А къ подводной и другимъ повинностямъ присоединялась еще обязанность поставлять на господскій дворъ самые разнообразные „столовые запасы", напоминавшіе прежній „мелкій доходъ"; тотъ помѣщикъ, который не могъ потребить всѣ эти продукты, „отсылалъ остатокъ оныхъ на торжище". Барщинная работа принимала, наконецъ, особаго рода формы въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ переводилъ своихъ крѣпостныхъ на заводъ или фабрику, чаще всего полотняную или суконную; на фабрикѣ работали и дѣти, и взрослые, иногда въ двѣ смѣны, значительную часть года, напримѣръ, 230—280 дней; рабочіе получали или одинъ земельный надѣлъ, который обрабатывали на себя въ теченіе свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, или провіантъ и ничтожную задѣльную плату. Вообще, если подвести итогъ всѣмъ обычнымъ повинностямъ и поборамъ, которымъ подвергались барщинные крестьяне и перевести ихъ на деньги, то, полагая даже, что барщина ограничивалась трехдневнымъ срокомъ, можно прійти къ слѣдующему выводу: по приблизительному расчету вся цѣнность труда и повинностей барщинныхъ крестьянъ, равная въ шестидесятыхъ годахъ 7—8 руб. съ ревизской души, возрасла въ девяностыхъ годахъ до 14—16 рублей съ души, т. е. почти вдвое [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ приведеннаго расчета видно, что положеніе барщинныхъ крестьянъ было тяжелѣе оброчныхъ не только потому, что они вообще въ большей мѣрѣ зависѣли отъ помѣщичьяго произвола, но и потому, что послѣднему открывалась возможность, при системѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ, получать съ нихъ по крайней мѣрѣ вдвое большій доходъ, чѣмъ съ крестьянъ, сидѣвшихъ на оброкѣ. Только въ концѣ XVIII-го в. само правительство обратило вниманіе на тяжелое положеніе барщинныхъ крестьянъ и въ извѣстномъ указѣ отъ 5 апрѣля 1797 г. попыталось облегчить его; но предписаніе императора Павла не отличалось удачною редакціей; въ немъ повелѣвалось „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, тѣмъ болѣе, что остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые,... достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ". Хотя указъ 1797 года, и имѣлъ принципіальное значеніе, такъ какъ ограничилъ власть помѣщика надъ рабочей силой крестьянина

[1]) *В. Семевскій*, Op. cit I., 62—83. *Е. Трифилѣевъ*, Очерки изъ ист. кр. права, Хар., 1904, стр. 313.

и давалъ понять, что часть ея принадлежитъ ему, а не помѣщику, но онъ слишкомъ вскользь упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями и былъ лишенъ какой либо санкціи: при такихъ условіяхъ указъ 1797 г. часто подвергался нарушеніямъ; впрочемъ, извѣстны случаи, когда правительство заботилось о соблюденіи его и подвергало наказанію виновныхъ въ его нарушеніи [1]).

Произволъ помѣщика достигалъ, однако, наибольшаго развитія и наиболѣе изощренныхъ формъ эксплоатаціи въ отношеніяхъ его къ дворовымъ, т. е. большею частью къ тѣмъ крѣпостнымъ, которые по его приказанію взяты были въ домъ для услуженія. Въ такихъ случаяхъ господинъ часто эксплоатировалъ личность подвластнаго ему человѣка, а не только его трудъ. Изъ многочисленной дворни, доходившей иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, многіе, конечно, нужны были господину для веденія его домашняго хозяйства или для охраны его личной безопасности, но многіе были предназначены и для того, чтобы удовлетворять его самымъ низкимъ страстямъ или тщеславію: стоитъ только припомнить тѣ вечера, которые устраивалъ Есиповъ для своихъ гостей и которыя заканчивались развратомъ; извѣстны также помѣщики, которые практиковали и jus primae noctis. У господъ бывали свои крѣпостные архитекторы, живописцы, музыканты и актеры, свои крѣпостные композиторы, отправляемые даже заграницу для усовершенствованія въ музыкальномъ искусствѣ, (напримѣръ, Дегтяревскій и Матинскій), и доморощенные писатели, пріобрѣвшіе нѣкоторую извѣстность своими литературными произведеніями (напримѣръ, Майковъ). Владѣльцы такихъ людей иногда простосердечно признавались, что они культивируютъ ихъ дарованія „для невиннаго веселія“ и не думали о томъ, что дали имъ „душу на чувствованіе“ только для того, чтобы они съ большею горечью чувствовали свою рабскую зависимость отъ ихъ „произволенія“ [2]).

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17909. Свидѣтельство современника о несоблюденіи указа 1797 года см. *В. Семевскій*, Кр. Вопр., I, 233. Сперанскій придавалъ большое, можетъ быть даже слишкомъ большое значеніе указу 1797 года; въ немъ, по его мнѣнію, законъ впервые призналъ и то, что крестьянину принадлежитъ половина его силъ и что онъ можетъ имѣть собственность; впрочемъ самъ Сперанскій замѣтилъ, что „сіи послѣдствія съ точностью не опредѣлены закономъ, но всѣ содержатся въ его смыслѣ“ (*Гр. М. Сперанскій*, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. собственности въ Арх. ист. и прак. св. Н. Калачова, II, 40—41; ср. ib.. III, 6—7). *Е. Трифильевъ*, Op. cit.,, стр. 295—299, 300.

[2]) *Д. Рунічъ*, Записки въ Рус. Стар. 1896 г., № 11, стр. 288. С. Р. И. О., XXXVI, 344—345. С. *Соловьевъ* И. Р., V, 791. *В. Семевскій*, Кр., I, 139—159, 318—319. О Есиповѣ—*Ф. Вигель*, Воспоминанія т. I, стр. 133—135. См. еще записки сельскаго священника въ Рус. Стар. 1880 г., №№ 1 и 3; ср. Рус. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 580—582.

Способы извлекать доходы изъ своихъ крѣпостныхъ не ограничивались, конечно, вышеуказанными; помѣщикъ переселялъ своихъ подданныхъ и „отдавалъ ихъ зарабатывать слѣдуемые къ уплатѣ ежегодно проценты", а также мѣнялъ или продавалъ своихъ крестьянъ смотря по надобности. Болтинъ зналъ одного помѣщика, которому принадлежало почти 400 душъ: изъ нихъ онъ распродалъ въ рекруты до 100 человѣкъ; выручивъ изъ продажи 16,000 рублей, онъ уплатилъ свои долги и въ то же время сохранилъ свою деревню; негодные въ рекруты продолжали работать въ ней и платить оброкъ помѣщику. Продажа крестьянъ, впрочемъ, обыкновенно вмѣстѣ съ пожитками ихъ, производилась оптомъ и въ розницу, особенно въ рекруты; мужъ съ женою чаще продавались вмѣстѣ, чѣмъ родители съ дѣтьми. Въ зависимости отъ возраставшей роскоши и расточительности дворянства и торговля людьми, повидимому, усилилась къ концу XVIII вѣка: въ 1780-хъ годахъ въ столицу „привозили людей цѣлыми барками для продажи"; въ то же время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сталъ распространяться обычай продавать цѣлыя деревни на выводъ. Правительство пыталось нѣсколько ограничить эту торговлю людьми; въ 1766 г. вышелъ указъ, запретившій совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора; но законъ 1766 года имѣлъ очень мало вліянія на житейскую практику, всегда умѣвшую обходить его требованія. Кромѣ того въ 1771 году послѣдовало запрещеніе продавать людей безъ земли, но только при конфискаціи имѣній и при продажѣ ихъ съ аукціона, что, разумѣется, не уничтожило продажи людей безъ земли во всѣхъ остальныхъ случаяхъ: и въ началѣ XIX-го вѣка на губернской ярмаркѣ, куда пригонялись скованные помѣщичьи люди, можно было купить ихъ въ розницу [1]).

Для правильнаго извлеченія доходовъ изъ вотчины, а также для уплаты подушной подати (по 70 к. съ души, съ 1794 г.— по 1 р. съ души) и для исправленія крестьянами рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей, помѣщику выгодно было покровительствовать крестьянской общинѣ, до новой ревизіи платившей и за убылыя ревизскія души: хозяйственная и податная исправность крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ обезпечивалась ихъ общиннымъ устройствомъ; съ крестьянскаго міра удобно было также требовать платежи за крѣпостныхъ, взя-

---

[1]) *И. Болтинъ*, Op. cit., II, 221 — 222. С. Р. И. О. XXXII, 407; XXXVI, 262. П. С. З., т. XVII, № 12748; ср. т. XVIII, №№ 13074 и 13287; т. XIX, № 13634; въ 1768 году было запрещено принимать въ рекруты вольнонаемныхъ людей вмѣсто дворцовыхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ (ib., № 13103). Ср. „Трутенъ" Н. Новикова, изд. Ефремова, стр. 155—156 *В. Семевскій*, Op. cit., I, 166—171.

тыхъ въ дворовые, что иногда дѣлалось, и за людей, проданныхъ въ рекруты, или деньги на покупку ихъ. Такимъ образомъ объясняется, почему и общинное владѣніе успѣло значительно развиться среди крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ, т. е. тамъ, гдѣ, при относительной густотѣ населенія, земельномъ утѣсненіи и потребности въ уравненіи, выше указанныя обстоятельства оказывали свое дѣйствіе. Общинное землевладѣніе съ передѣлами, уже, вѣроятно, практиковавшееся въ имѣніяхъ XVII-го в., получило широкое развитіе въ слѣдующемъ столѣтіи, особенно въ центральной области, гдѣ всего больше было крѣпостныхъ; потягольная разверстка преобладала у нихъ, особенно у барщинныхъ крестьянъ, такъ какъ представляла здѣсь больше выгодъ, чѣмъ подушная. Земля разверстывалась по „тягламъ", „вѣнцамъ" и т. п.; въ составъ одного тягла или вѣнца входили мужъ и жена, могущіе работать; такъ какъ въ выгодахъ помѣщика было садить крестьянъ на тягло возможно раньше, то, вѣроятно, подъ его вліяніемъ тягловое совершеннолѣтіе наступало довольно рано; возможно, что предѣлы его расширились подъ тѣмъ же вліяніемъ; во второй половинѣ XVIII вѣка они опредѣлялись 17-ти и даже 15-ти лѣтнимъ возрастомъ; тягла не снимали до 60 и даже до 65 лѣтъ. Общіе передѣлы всей земли (пашни, сѣнокосовъ и приусадебной земли) производились отъ времени до времени, въ различные сроки; частные, между нѣкоторыми домохозяевами,—обыкновенно чуть ли не каждый годъ; сами помѣщики допускали разверстку тяголъ, по которымъ распредѣлялись всѣ повинности, „не рѣже какъ черезъ два или три года". Помѣщикъ, отвѣчавшій за запущеніе недоимокъ, не препятствовалъ, иногда даже содѣйствовалъ и другимъ проявленіямъ общинной жизни, въ особенности если они оказывались выгодными для имѣнія: извѣстны случаи, напримѣръ, когда крестьянскій міръ помогалъ своимъ обѣднѣвшимъ членамъ, арендовалъ сосѣдніе участки казенной или частной земли и даже покупалъ землю съ дозволенія помѣщика и „на его имя" [1]).

По прежнему помѣщикъ предоставлялъ обыкновенно выборы должностныхъ лицъ и рѣшеніе нѣкоторыхъ мірскихъ дѣлъ (напримѣръ, раскладку податей и оброка) крестьянской общинѣ; наказаніе виновныхъ также происходило иногда „съ совѣту", а иногда и „съ согласія" крестьянскаго міра. Тѣмъ не менѣе крестьянская община не была въ состояніи оградить своихъ членовъ отъ помѣщичьей власти: помѣщикъ имѣлъ полную возможность вмѣшиваться въ личную жизнь своихъ крестьянъ, или ихъ имуще-

[1]) *А. Вольнскій*, Инструкція въ Москвит. 1854 г., № 1, стр. 29. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 101—139. *Н. Бржескій*, Недоимочность и круговая порука и пр., стр. 59, 70, 78 и др.

ственныя отношенія и тѣмъ самымъ подрывалъ ея значеніе; онъ распоряжался членами общины по своему усмотрѣнію: онъ устраивалъ или разрѣшалъ браки крѣпостныхъ, бралъ, кого нужно, къ себѣ въ дворовые, а также снималъ съ крестьянъ тягла или накладывалъ ихъ на новыхъ плательщиковъ; рѣшенія крестьянскаго міра подлежали, обыкновенно, утвержденію помѣщика; онъ могъ взамѣнъ выборнаго назначить своего старосту или даже отдать все свое имѣніе съ крѣпостными въ аренду „чужому", который иногда „дралъ съ нихъ кожу" и на котораго имъ жаловаться было некому [1]); наконецъ, въ его власти было и наказывать своихъ крѣпостныхъ; ей, разумѣется, подчинены были и выборные міра.

Дѣйствительно, личность крѣпостнаго находилась въ очень сильной зависимости отъ карательной власти помѣщика; до позднѣйшаго времени границы ея оставались безъ достаточно полнаго опредѣленія въ законѣ Хотя дѣла объ убійствѣ обыкновенно не подлежали его вѣдѣнію онъ, конечно, стремился присвоить себѣ судъ надъ подвластными ему людьми по всяческимъ дѣламъ [2]). У каждаго владѣльца могъ быть свой особенный уголовный кодексъ. Во многихъ случаяхъ отъ помѣщика зависѣло опредѣлить, какія дѣянія своихъ крѣпостныхъ онъ будетъ считать преступными и какія изъ нихъ самыми тяжкими: во главѣ преступленій одинъ помѣщикъ ставилъ, напр., воровство, другой—пьянство, третій—лѣнь и т. п.; помѣщикъ часто пользовался своей властью и для того, чтобы принуждать крестьянъ къ исполненію имъ же установленныхъ повинностей; отъ помѣщика зависѣло опредѣлить цѣль наказанія, придерживаться системы устрашенія или системы исправленія и т. п.; отъ помѣщика зависѣло установленіе рода наказанія, причемъ онъ иногда самъ изобрѣталъ его; отъ помѣщика, наконецъ, зависѣло и повышеніе или пониженіе мѣры наказанія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

[1]) *А. Радищевъ*, Op. cit., Стр. 17—18.

[2]) Уложеніе, XI, 79. Ср. выше стр. 61, прим. 2 Предварительный розыскъ разбойниковъ и воровъ, надо полагать, также производился иногда помѣщиками; ср. П. С. З., т. XIII, № 10033. Въ указѣ отъ 18 октября 1770 года имп. Екатерина обратила вниманіе сената на то, что „побѣги, воровство и подобное не подлежатъ домашнему наказанію". (П. С. З., т. XIX, № 13516); но дѣло вдовы Этингерши показываетъ, что такое правило едва ли соблюдалось въ дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крѣпостной совершалъ проступокъ или преступленіе не противъ своего владѣльца (съ его семьей) или его же крѣпостныхъ, а противъ кого либо другого, виновный подлежалъ расправѣ помѣщика (или его управляющаго и т. п.) лишь въ томъ случаѣ, если самъ обиженный просилъ его объ этомъ; въ противномъ случаѣ дѣла подобнаго рода рѣшались въ судебныхъ или полицейскихъ мѣстахъ; но едва ли случаи послѣдняго рода часто повторялись. Объ опредѣленіи и ограниченіи карательной власти помѣщика см. Второе Пол. Соб. Зак., т. XXI, № 19640 (1846 г., Янв. 21).

Въ одномъ „журналѣ домоваго управленія“ постановлено за опрокинутую солонку (что́ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ) наказывать человѣка палками, а „за подаваніе худыхъ сливокъ“ не давать прислугѣ хлѣба въ теченіе семи дней. Одинъ изъ извѣстныхъ помѣщиковъ того времени терпѣть не могъ пьяныхъ и велѣлъ поливать своихъ пьяныхъ крестьянъ водою изъ колодца, даже зимою, для того, чтобы они „стыдъ и муку помнили“. Аналогичную цѣль („стыдъ“) преслѣдовалъ и другой судья-помѣщикъ; однажды онъ постановилъ, за какую-то провинность своей крѣпостной, Ѳеклы Яковлевой „впредь именемъ и отечествомъ её не звать никому, а звать её всѣмъ трусихой и лживицей“, причемъ грозилъ виновному въ нарушеніи этого правила наказаніемъ розгами, „по 5000 разъ, нещадно“. Бывали случаи, когда тѣ же цѣли („стыдъ и мука“) еще яснѣе только-что приведеннаго примѣра соединялись съ изобрѣтательностью помѣщика касательно самого рода наказанія: въ одномъ имѣніи существовалъ „складной желѣзный ошейникъ; съ боковъ его были желѣзные рога съ подвѣшенными къ нимъ колокольчиками, а висячій замокъ, на который онъ замыкался, колотилъ виновнаго по спинѣ“; въ такомъ ошейникѣ его отправляли въ заводскую работу. Наконецъ, мѣра наказанія также зависѣла отъ „усмотрѣнія“ помѣщика: можно было наказать виновнаго сразу и помногу, опредѣливши ему, напримѣръ, 100 ударовъ плетьми или 17000 розогъ; но можно было „повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ“, что иногда доводило истязуемаго до самоубійства [1]).

Нѣкоторые роды наказаній, грозившихъ провинившимся крестьянамъ и повидимому примѣнявшихся чаще другихъ, были особенно отяготительны для нихъ; таковыми можно признать, главнымъ образомъ, ссылку въ Сибирь и тѣлесное наказаніе, иногда причинявшее смерть наказуемаго.—Право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, хотя и ограничено было нѣкоторыми условіями, однако приводило къ крупнымъ злоупотребленіямъ. Помѣщики часто пользовались указомъ 1760 года для того, чтобы избавиться отъ обязанности кормить людей, не приносившихъ имъ никакого дохода: они отправляли въ одинокую ссылку людей старыхъ, увѣчныхъ или не годившихся въ рекруты и даже продавали зачетныя квитанціи на нихъ, а, „судъ не могъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло“. И хотя дѣйствіе указа 1760 года было временно пріостановлено въ 1773 году,

---

[1]) *А. Романовичъ-Славатинскій*, Op. cit., стр. 309. *И. Забѣлинъ*, Op. cit., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 509—512. *В. Семевскій*, Op. cit. I, 197, 201, 210. *А. Болотовъ*, Записки, IV, 1034—10037.

но, во всякомъ случаѣ, черезъ четырнадцать лѣтъ сенатъ снова подтвердилъ тотъ же указъ. Впрочемъ даже временная пріостановка его не лишила помѣщиковъ права отдавать на каторгу людей своихъ, „по продерзостному состоянію заслуживавшихъ справедливое наказаніе“: указъ 1765 года помимо какихъ бы то ни было колонизаціонныхъ цѣлей постановилъ, что бы адмиралтейская коллегія принимала такихъ людей и употребляла ихъ въ тяжкую работу съ каторжными до тѣхъ поръ, пока помѣщики не захотятъ взять ихъ обратно [1]). И этотъ указъ, разумѣется, породилъ много злоупотребленій, аналогичныхъ съ вышеуказанными.—Тѣлесное наказаніе также примѣнялось къ крѣпостнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; не говоря о „пристрастномъ допросѣ“, на которомъ помѣщики прибѣгали къ пыткѣ подвластныхъ имъ людей, они наказывали ихъ, иногда за маловажныя провинности, и кнутомъ, и плетьми, и „кошками“, и палками, и розгами; впрочемъ, кнутъ, кажется, выходилъ уже изъ общаго употребленія, а плети стали замѣняться батогами или розгами; бывали даже помѣщики, которые считали возможнымъ (въ 1780-хъ г.) прибѣгать и къ розгамъ только „въ крайности“. Мѣра наказанія иногда превышала выносливость крѣпостныхъ и истязанія причиняли ихъ смерть. Извѣстны, правда, исключительные случаи, когда помѣщики собственноручно сѣкли своихъ подданныхъ и испытывали какое то чувство наслажденія въ мученьствѣ своихъ людей; имъ прославились, напримѣръ, Карташевъ и Шеншинъ, Козловская и Салтычиха. И хотя на такія изъ ряду вонъ выходящія мученьства можно было жаловаться, по крайней мѣрѣ до указа 1767 года, но дѣло о Салтычихѣ ясно показываетъ, какъ трудно было крѣпостнымъ мученикамъ добиться справедливости. Несмотря на то, что истязанія Салтычихи происходили не гдѣ нибудь на окраинѣ, въ какой нибудь глухой и отдаленной провинціи, а въ самомъ центрѣ Россіи, въ Москвѣ или подмосковномъ селѣ ея Троицкомъ, она въ теченіе шести лѣтъ безпрестанно и безпаказанно мучила своихъ крѣпостныхъ. Доносы ихъ на вліятельную и богатую помѣщицу долгое время оставались безуспѣшными: дѣло начиналось двадцать одинъ разъ и каждый разъ прекращалось безъ всякихъ послѣдствій для нея, пока челобитная одного изъ дворовыхъ Салтычихи о ея суровостяхъ не достигла, наконецъ, до императрицы; но въ то время Салтычиха, по показанію ея людей, успѣла уже замучить 75 человѣкъ, а юстицъ-коллегія положительно обвинила ее въ убійствѣ 38 человѣкъ и оправдала ее только по одному случаю. И

[1]) П. С. З., XVII, № 12311 (ук. 1765 г. янв. 17) т. XIX, № 14077; т. XXII, № 16602. Въ указѣ рѣчь идетъ о „людяхъ помѣщика“; о позднѣйшихъ колебаніяхъ законодательства XVIII вѣка по этому вопросу см. *В. Семевскій*, Op. cit. I, 188—187. *K. Blum*, Ein russischer Staatsmann, I, 290—291, 393—394.

хотя сама императрица сознавала необходимость „сдѣлать положеніе о томъ, что̀ съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ“, однако, никакого общаго закона подобнаго рода не было издано; въ тѣхъ случахъ, когда дѣла о помѣщикахъ-мучителяхъ доходили до свѣдѣнія правительства, оно довольствовалось частными рѣшеніями, присуждая виновнаго или виновную то къ церковному покаянію, то къ заключенію въ монастырь, или въ тюрьму, то къ лишенію правъ состоянія, клейменію на лбу и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы. Только учрежденіе о губерніяхъ предоставило намѣстнику право „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутства и мотовство, тиранство и жестокости“; такое „обузданіе“ дѣйствительно осуществлялось или путемъ отдачи имѣнія въ опеку, о чемъ уже разсуждали члены большой коммиссіи, или преданіемъ суду самого владѣльца; но примѣненіе этого правила зависѣло отъ усмотрѣнія намѣстника; оно не могло замѣнить отсутствующій общій законъ объ отвѣтственности помѣщиковъ за мученія своихъ крѣпостныхъ. [1]) Еще въ 1767 году юстицъ-коллегія заявляла, что „точнаго закону“ нѣтъ относительно тѣхъ случаевъ, когда крѣпостные „вскорѣ помрутъ“, послѣ жестокихъ наказаній и побоевъ, и что „въ томъ состоитъ недостатокъ„; но пробѣлъ, указанный юстицъ-коллегіей въ современномъ ей законодательствѣ, не былъ восполненъ до позднѣйшаго времени.

Всѣ эти злоупотребленія, разумѣется, могли еще болѣе усилиться, когда во главѣ вотчиннаго управленія стоялъ управитель или приказчикъ, „пользовавшійся милостью своего господина, но употреблявшій её не только во вредъ оному, но и въ великій ущербъ всему обществу“ [2]).

Положеніе крестьянъ становилось тѣмъ болѣе безвыходнымъ, что сенатскій указъ отъ 22 августа 1767 года, ссылаясь на одну изъ статей Уложенія, лишилъ ихъ права подавать челобитныя на злоупотребленія своихъ помѣщиковъ даже въ низшія инстанціи, причемъ виновнымъ въ нарушеніи его грозилъ кнутомъ и безсрочной ссылкой въ каторжныя работы съ зачетомъ ихъ вла-

[1]) *Императрица Екатерина II*, Отвѣты на вопросы Дидро въ Рус. Арх. 1880 г., № 3, стб. 6—7: „Землевладѣльцы дѣлаютъ въ своихъ помѣстьхъ все, что имъ заблагоразсудится, кромѣ смертной казни, которая имъ запрещена“. *Г. Студенкинъ*, Салтычиха въ Рус. Стар. 1874 г., т. X, стр. 497—549. П. С. З., т. XX, № 14392, п. 84. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 158. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 193, 195, 197—198; 229—230, 449, 450, 451, 454; дѣла объ убійствѣ помѣщиками своихъ крѣпостныхъ см. тамъ же, стр. 229—230; дѣло о преданіи опекѣ см. тамъ же, стр. 380—381 и въ Сб. „Осьмнадцатый вѣкъ“, I, 171, 175, 177—178. С. Р. П. О. XLIII, 117.

[2]) С. Р. П. О. XXXII, 468. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 758

дѣльцамъ въ рекруты; случаи примѣненія такого наказанія извѣстны. Законъ, запрещавшій крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ, хотя и не могъ сразу уничтожить стариннаго обычая, но, по словамъ одного изъ современниковъ, дѣлалъ крѣпостныхъ „безсовѣстными скотами, покорность коихъ посему дальше всякой вѣроятности такъ же, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ простирается": „надобно быть допущеннымъ во внутренность домовъ дворянскихъ, писалъ онъ далѣе, дабы видѣть всѣ своевольства, происходящія въ сихъ вертепахъ" [1]).

Впрочемъ, нельзя вполнѣ согласиться съ этимъ заключеніемъ. По замѣчанію другого современника „человѣкъ, не имѣющій никакихъ выгодъ, которыя могли бы его возбуждать къ сохраненію такого общества, гдѣ онъ ничего не составляетъ и всегда страждетъ, долженъ мало имѣть къ нему горячности; онъ знаетъ, что какая бы въ немъ перемѣна не случилась, то ему потерять нечего; иногда также случается, что такіе люди, не видя конца своимъ бѣдствіямъ, приходятъ въ отчаяніе и приступаютъ къ опасной для каждаго общества крайности" [2]). И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда гнетъ помѣщичьей власти превышалъ силы и терпѣніе крѣпостныхъ, они иногда искали какого нибудь выхода изъ своего положенія.

Самымъ сподручнымъ средствомъ было, конечно, бѣгство: по свидѣтельству современниковъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, вызывавшихъ крестьянскіе побѣги, были именно злоупотребленія помѣщиковъ. Несмотря на жестокія наказанія, грозившія бѣглецамъ, и высокіе штрафы за пріемъ бѣглыхъ (въ силу указа 1754 года въ годъ по 200 рублей за мужчину и 100 рублей за женщину, принятыхъ съ вѣдома помѣщика) побѣги продолжались: крѣпостные бросали свои насиженныя мѣста преимущественно весною и часто уходили или въ отдаленныя провинціи имперіи, на окраины, гдѣ правительству приходилось иногда оставлять ихъ безъ возвращенія, или за польскую границу, гдѣ легче было укрыться отъ помѣщиковъ. Правительство старалось вернуть бѣглецовъ и манифестами, обѣщавшими прощеніе, и другими мѣрами: но эти мѣры остава-

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 12966. Подача челобитенъ самой императрицѣ уже была запрещена подъ страхомъ наказанія сенатскимъ указомъ отъ 12 іюля 1762 и 19 января 1765 года (П. С. З., т. XVI, № 11606 и т. XVII, № 12316, а также и др.) и подтверждена указомъ отъ 22 августа 1767 года съ успленіемъ наказанія. Ср. Рус. Арх. 1866 г., ст. 64. *Г. Винскій*, Записки въ Рус. Арх. 1877 г. №№ 1—2, стр. 181—182. Даже по дѣламъ, переходившимъ въ судебныя мѣста, владѣльцевъ спрашивали иногда: „что хотите дѣлать" съ виновнымъ?; см. *Д. Мертваго*, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 34. См. выше стр. 102.

[2]) *А. Полѣновъ*, О крѣпостномъ состояніи въ Россіи въ Рус. Арх. 1865 г., № 3, стб. 8.

лись большею частью безуспѣшными, хотя оно уже съ 1759 года предлагало перебѣжчикамъ, вмѣсто возвращенія ихъ въ прежнюю зависимость, поступать въ дворцовые крестьяне или на фортификаціонныя работы. Послѣ польскихъ раздѣловъ и покоренія Крыма границы имперіи широко раздвинулись и побѣги стали труднѣе; притомъ по примѣру манифеста 1761 года правительство съ 1779 года начало предлагать перебѣжчикамъ льготныя условія поселенія преимущественно на свободныхъ казенныхъ земляхъ бывшей южной украины, что продолжалось и въ послѣдующее время (указы 1782 и 1787 гг.). Положеніе крѣпостныхъ, которымъ нельзя или некуда было бѣжать, становилось гораздо болѣе опаснымъ: за исключеніемъ развѣ самоубійства, имъ оставалось только активно сопротивляться помѣщикамъ. Извѣстны случаи убійства помѣщиковъ крѣпостными или крестьянскихъ волненій. Нѣкоторые депутаты большой комиссіи указывали собранію на то, что „уже многіе помѣщики учинились несчастною жертвою свирѣпости“ крѣпостныхъ; дѣйствительно, съ 1764 по 1769 годы въ одной только московской губерніи можно было насчитать до 30 случаевъ убійства помѣщиковъ и помѣщицъ ихъ крѣпостными, да еще 5 покушеній на преступленія такого же рода; но на самомъ дѣлѣ ихъ, вѣроятно, было больше приведенной цифры. Легко указать на нѣсколько подобныхъ же случаевъ и въ позднѣйшее время. Убійства производились иногда нѣсколькими крѣпостными, состоявшими „въ заговорѣ“. Виновные строго наказывались, но не подвергались смертной казни, о примѣненіи которой просили московскіе департаменты сената.

Тотъ же гнетъ помѣщичьяго „права господства“ послужилъ одною изъ причинъ крестьянскихъ волненій противъ помѣщиковъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что эти движенія были вызваны и другими причинами; въ числѣ ихъ существенное значеніе получило сознаніе того различія, которое существовало между положеніемъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, а также той противоположности между безправіемъ крѣпостныхъ и сословными привилегіями дворянства, которая возникла послѣ указа 18 февраля 1762 года [1]).

Сравнительно выгодное положеніе казенныхъ крестьянъ должно было, конечно, вызывать желаніе крѣпостныхъ также пользоваться его преимуществами. „Представилось мнѣ, писалъ одинъ изъ современниковъ, неравенство крестьянскаго состоянія: сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими; тѣ

---

[1]) Важнѣйшія узаконенія о бѣглыхъ см. въ П. С. З., т. XIV. № 10233; т. XVII, № 12506: т. XX, № 14392, пп. 244, 252 и 275;—о перебѣжчикахъ: П. С. З., т. XX, № 14870 и др.; ср. т. XXII, № 16281. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., I, 350—351.

и другіе живутъ въ деревняхъ: но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ; одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ"... Надежды крѣпостныхъ на улучшеніе ихъ положенія могли усилиться подъ вліяніемъ длиннаго ряда попытокъ секуляризировать вотчины, принадлежавшія духовенству, а окончательная секуляризація ихъ въ 1764-мъ году вызвала неудовольствіе нѣкоторыхъ дворянъ, можетъ быть опасавшихся, что за ней послѣдуютъ какія-нибудь аналогичныя мѣры касательно ихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Волненія крестьянъ церковныхъ вотчинъ въ 1750-хъ и 1760-хъ годахъ, послѣ которыхъ наступила секуляризація 1764 г., также могли заразительнымъ образомъ дѣйствовать на помѣщичьихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ обращались къ правительству съ просьбами избавить ихъ отъ крѣпостной зависимости и приписать ихъ къ дворцовымъ или государевымъ волостямъ: такія пожеланія высказывали, напримѣръ, крестьяне, волновавшіеся въ нѣкоторыхъ вотчинахъ въ 1762-мъ году. „Помѣщичьи крестьяне, писалъ сенатъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ 1766 года, льстятся, сколько можно, быть государственными крестьянами и въ томъ единомъ только видѣ отъ своихъ помѣщиковъ бѣгаютъ" или „дѣлаютъ помѣщикамъ различныя непослушанія и противности", что принуждаетъ правительство „приводить ихъ въ умѣренность". Пугачевъ и его сообщники расчитывали на то-же ожиданіе: въ одномъ изъ своихъ манифестовъ Пугачевъ въ числѣ прочихъ милостей обѣщалъ „всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно его короны"; мятежники говорили народу: „а крестьянъ всѣхъ государь хочетъ отъ бояръ отобрать и имѣть ихъ токмо за своихъ именемъ" [1]).

Въ то же время противоположность между почти безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства стала особенно ощутительна. Въ самомъ дѣлѣ права, оставшіяся за помѣщичьими крестьянами, были ничтожны. Статьи Уложенія о безчестьѣ и увѣчьѣ, а также о свидѣтельствѣ на судѣ, кажется, не были отмѣнены, но въ дѣйствительности едва-ли имѣли значеніе; крѣпостные могли сами за себя искать и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ, но законъ дозволялъ помѣщикамъ искать за своихъ крестьянъ, а помѣщики иногда даже запрещали имъ „самимъ входить въ тяжебныя дѣла" и отвѣчали за убытки, при-

---

[1]) П. С. З., т. XIV, № 10233, п. 33; т. XV, № 11577; т. XVII, № 12633. *А. Радищевъ*, Путешествіе, Спб., 1888 г., стр. 18 — 19. Рус. Стар. 1876 г., т. XVII, стр. 70. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 686 и 688. *Я. Гротъ*, Матер. для ист. Пугач. бунта, Спб. 1875 г., стр. 53. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., II, 144; 53 и 112. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 278.

чиняемые ихъ крестьянами. Имущественныя права крѣпостныхъ, упоминаемыя въ законѣ, были также поставлены въ зависимость отъ воли помѣщика: правда, законъ по прежнему вмѣнялъ ему въ обязанность въ случаѣ хлѣбнаго недорода „кормить крестьянъ своимъ хлѣбомъ“ и запрещалъ ему выпускать крѣпостныхъ людей, въ томъ числѣ слѣпыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, для прошенія милостыни, грозя въ противномъ случаѣ наказать виновнаго пятирублевымъ штрафомъ „за каждаго человѣка“ и поступить съ нимъ по всей строгости [1]); но такія запрещенія, едвали оказывали большое дѣйствіе и, можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ даже служили предлогомъ для того, чтобы усилить имущественную зависимость крѣпостныхъ отъ ихъ владѣльцевъ. На основаніи указа 1762 года крѣпостные могли записываться въ посадъ лишь съ увольнительнымъ письмомъ отъ помѣщика, и хотявъ 1774 году получили дозволеніе вступать въ винные откупы, но только за его же поручительствомъ. Привилегіи дворянства, напротивъ, вполнѣ окрѣпли: въ 1762 году появился извѣстный манифестъ о вольности дворянской, а въ 1785 г. жалованная грамата дворянству, постановляющая, чтобы „благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо“; жалованная грамота 1785 г. даже расширила нѣкоторыя личныя и имущественныя права дворянъ, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ неприкосновенность дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властью, а также придала дворянству прочную сословную организацію [2]). При такихъ условіяхъ противоположность между состояніемъ крѣпостныхъ и состояніемъ дворянъ рѣзко бросалась въ глаза, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе злоупотребляли своею властью. А между тѣмъ сами крестьяне едва-ли успѣли совсѣмъ забыть мысль, нѣкогда высказанную крестьяниномъ-Посошковымъ о томъ, что „дворяне владѣютъ ими временно“, а не „вѣковѣчные ими владѣльцы“. Манифестъ 18 февраля 1762 года и созваніе комиссіи 1767—1768 гг., повидимому, возбудили у крестьянъ слухи о какомъ-то освобожденіи [или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ; правительство попыталось опровергнуть ихъ въ указѣ 19 іюня того же года. Такія же ожиданія возникали у крестьянъ много разъ и въ послѣдующія царствованія [3]).

Можно думать, что подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ волненія помѣщичьихъ крестьянъ, уже происходившія

---

[1]) П. С. З., т. XIX, №№ 13767 и 14231, п. 4; ср. выше стр. 87, 94, 105 и 106.

[2]) П. С. З., т. XV, № 11426; ср. т. XIX, № 14123; т. XX, № 14632; т. XXII, № 16535. п. 23.

[3]) Фальшивый манифестъ отъ 1 ноября 1781 г. объ освобожденіи крестьянъ см. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 452.

кое-гдѣ и въ предшествующемъ періодѣ, значительно усилились. Весною 1762 года въ восьми уѣздахъ началось движеніе крѣпостного населенія нѣсколькихъ вотчинъ, причемъ общее число крестьянъ въ нихъ доходило до 5.840 душъ; вслѣдъ за тѣмъ волненіе распространилось и на другія вотчины, такъ что лѣтомъ того же года захватило до 50.000 душъ, не считая монастырскихъ крестьянъ. Военному отряду, посланному для усмиренія возставшихъ, пришлось, однажды, встрѣтить толпу тысячи въ двѣ человѣкъ и стрѣлять въ нее изъ пушекъ, причемъ было убито около 20 крестьянъ. Волненія продолжались и въ послѣдующее время; между 1762—72 гг. они произошли болѣе чѣмъ въ 36 вотчинахъ и вызвали серьезныя опасенія со стороны дворянства; одинъ изъ членовъ большой комиссіи сравнивалъ даже крестьянъ съ пчелою, которая, защищая свое собственное добро, кусаетъ и жалитъ того, кто посягаетъ на него [1]). Опасенія дворянства оправдались. Въ Пугачевскомъ бунтѣ движеніе крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ играло, конечно, существенную роль; въ то время крестьяне говорили дворянамъ: „прошла ваша пора“; а въ пугачевскихъ манифестахъ повелѣвалось „дворянъ-разорителей ловить, казнить и вѣшать и поступать [съ ними] равнымъ образомъ такъ, какъ они... чинили съ своими крестьянами“; извѣстно, что послѣдніе исполняли такія предписанія и что въ теченіе бунта было перебито, по оффиціальнымъ даннымъ, значительное число дворянъ обоего пола. Послѣ суроваго усмиренія Пугачевскаго бунта крестьянскія волненія на время затихли; но по вступленіи на престолъ императора Павла они возобновились съ новою силою и продолжались въ теченіе года слишкомъ въ тридцати одной губерніяхъ [2]).

Вопреки тѣмъ послѣдствіямъ, которыя порождало крѣпостное право, и тѣмъ опасеніямъ, которыя оно вызывало въ самой императрицѣ Екатеринѣ II, она не только почти ничего не сдѣлала для того, чтобы измѣнить сложившійся порядокъ крѣпостныхъ отношеній, но разочаровалась въ самой возможности измѣнить его и рѣшилась распространить крѣпостное право на новыя и вновь пріобрѣтенныя ею области. Впрочемъ, такія постановленія въ значительной мѣрѣ были подготовлены мѣстными условіями обще-

---

[1]) С. Р. И. О., VIII, 533; XXX, 499—500; LXVIII, 13, 598 и 615.

[2]) П. С. З., т. XVI, № 11678; т. XXIV, № 17769. *С. Соловьевъ*, И. Р., XXV 23—24. Впрочемъ въ рапортѣ генералъ-прокурора А. Глѣбова имп. Петру III отъ 30 мая 1762 года (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ) за Е. Татищевымъ значится въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ 1500 душъ, а Хлоповъ вовсе не упомянутъ; остальныя цифры сходны съ приведенными у Соловьева. *Д. Мертваго*, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 15, 17. Рус. Стар. 1875 г. XIII, стр. 441. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., II, 144; III, 56 и 112. *Е. Трифильевъ*, Op. cit., стр. 282—283, 284—289.

ственной жизни и предшествующими распоряженіями самого правительства.

Уже въ 1730-хъ годахъ правительству стало извѣстно, напримѣръ, что въ Слободской украйнѣ многіе казаки приходятъ въ крайнее разореніе и оставя свои грунты, записываются за помѣщиковъ. Шаховской, посланный туда для возстановленія порядка, по собственному усмотрѣнію, раздавалъ полковымъ офицерамъ „мѣстечки, села и деревни съ грунтами, да изъ козачьихъ братьевъ, свойственниковъ и подпомощниковъ довольное число: они было принуждены состоять въ ихъ подданствѣ и нести всякія работы по примѣру крестьянъ“; хотя дѣйствія Шаховского и не заслужили одобренія правительства, однако, переходы мѣстнаго населенія вскорѣ были стѣснены. Уже въ 1738 году появился указъ о томъ, чтобы казаковъ и людей слободскихъ полковъ, бѣжавшихъ въ разныя мѣста, а особенно въ великороссійскія губерніи, „всемѣрно безъ всякаго отлагательства всѣхъ сыскать и пріемщикамъ на ихъ подводахъ и коштѣ на прежнія ихъ жилища немедленно отвезти и тамошнимъ командирамъ отдать“. Вслѣдъ за тѣмъ, вскорѣ по учрежденіи комиссіи для преобразованія слободскихъ полковъ въ особливую губернію въ 1765 году, населеніе слободской украины потеряло право перехода [1])

Въ Малороссіи внутренній процессъ закрѣпощенія сельскаго населенія, во многихъ отношеніяхъ аналогичный съ тѣмъ, который происходилъ и въ Великороссіи, дѣйствовалъ за долго до вмѣшательства въ него центральнаго правительства.—До времени польскихъ раздѣловъ почти вся правобережная Украина оставалась подъ польскимъ владычествомъ; сельское населеніе ея постепенно подпало власти шляхты, которая съ 1569 г. старалась ввести сюда крѣпостные порядки, уже въ полной мѣрѣ утвердившіеся въ другихъ польскихъ провинціяхъ. Съ начала XVIII-го вѣка, когда козачество въ правобережной Украинѣ потеряло значеніе, власть пановъ, несмотря на движенія гайдамаковъ, продолжала усиливаться; можно думать, что подъ вліяніемъ народныхъ волненій (коліивщины въ 1768 г.) и колонизаціи новороссійскаго края, землевладѣльцы старались повидимому, удержать крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ, особенно въ мѣстностяхъ, граничившихъ съ Новороссіей, и даже обезпечивали ихъ землею на довольно льготныхъ условіяхъ: но послѣ польскихъ раздѣловъ такія мѣры стали излишними и положеніе владѣльческихъ кресть-

[1]) П. С. З., т. X, № 7588; т. XI, № 8823; т. XVII, № 12430; ср. т. XXI, № 15724, п. 11. С. Р. И. О., VIII, 296—297; XXXII, 370, LXVIII, 255, 258, 269, 278, 281. Сб. Хар. Ист. Фил. Об., V, 255; XI, 339. *И. Головинскій*, Слоб. каз. полки, Спб., 1864 г. *А. Шимановъ*, Глав. мом. въ ист. землевл. въ Харьк. губ. въ Кіев. Стар. 1882 г. IV, 401—408. См. еще П. С. З., т. XXI, № 15724, ст. II, п. 8 (ук. 1783 г.).

янъ снова ухудшилось, а шляхта въ присоединенной территоріи по своимъ правамъ была приравнена къ россійскому дворянству [1]).— Въ лѣвобережной украинѣ послѣ извѣстнаго народнаго возстанія 1648—1654 гг., сельское населеніе, казалось, должно было освободиться отъ крѣпостной зависимости; но здѣсь вскорѣ водворились тѣ же крѣпостные порядки. Къ концу XVII-го вѣка посполитые (крестьяне), права которыхъ вообще были слишкомъ мало опредѣлены закономъ, стали обособляться отъ остальнаго населенія, а „державцы маетностей“ начали выдѣляться въ особое привилегированное сословіе, сильно вліявшее на мѣстную администрацію и судебную практику. Уже въ 1654 году, во время переговоровъ о правахъ всѣхъ жителей Малой Россіи, посланники войска запорожскаго (Зарудный и Тетеря) просили, чтобы имъ были выданы жалованныя грамоты на нѣкоторыя мѣстности „съ подданными“ и чтобы челобитчики, ихъ дѣти и наслѣдники „по извычаю, каковъ въ тѣхъ краяхъ ведётся“, „были вольны въ своихъ подданныхъ, какъ хотя ими уряжати и обладати“; согласно желанію просителей, въ граматахъ, выданныхъ имъ, было прописано, что маетности жалуются имъ „со крестьяны“ [2]). Стремленіе державцевъ закрѣпостить подвластное имъ населеніе вскорѣ повело и къ дальнѣйшимъ результатамъ. Хотя въ первой трети XVIII-го вѣка посполитые все еще пользовались свободой перехода и правомъ собственности на движимое и недвижимое имущество, но въ тоже время, обязанные „всякимъ належнымъ послушенствомъ“ своимъ державцамъ, они стали, однако, постепенно подчиняться расширявшейся власти ихъ. Свѣтскіе и духовные державцы скупали земли казаковъ и свободныхъ посполитыхъ, иногда обращавшихся въ „подсусѣдковъ“ новыхъ владѣльцевъ, и, напротивъ, старались предупредить или задержать отчужденіе земель, принадлежавшихъ владѣльческимъ посполитымъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ державцы стремились присвоить себѣ эти „грунты“, а крестьянъ обратить въ „вѣчныхъ своихъ подданныхъ“, т. е. въ сущности въ крѣпостныхъ работниковъ; для этого они или вы-

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14376 и др. *В. Антоновичъ*, Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи, К., 1870 г., стр. 51—64.

[2]) *Г. Карповъ*, О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи въ Рус. Арх. 1875 г., т. II, стр. 229—232. Б. Хмельницкій уже въ 1648 году подтвердилъ прежнія права Густынскаго монастыря, между прочимъ „абы зъ ихъ кгрунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приймовали“...: „сколько видимъ изъ актовъ, почти всѣ монастыри“ получили потвержденія своихъ прежнихъ правъ; см. *А. Лазаревскій*, Малороссійскіе посполитые крестьяне, Чер. 1866 г., стр. 14—15; ср. стр. 18.

[3]) *Е. Радакова*, О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVII ст. въ Тр. XI Арх. съѣзда, К., 1902 г., т. II, стр. 105—125; авторъ приводитъ документальныя данныя объ „обширной группѣ населенія, считавшейся безземельной“.

могали у нихъ иногда „обязательство“ не сходить съ земли, или просто насильно удерживали ихъ въ своихъ имѣніяхъ, злоупотребляя своей властью вообще и судебною въ частности. Посполитые, разумѣется, пытались пользоваться переходомъ для того, чтобы нѣсколько оградить себя отъ произвола владѣльцевъ и отъ возраставшаго бремени повинностей, которыя они исправляли въ ихъ пользу; но крестьянамъ трудно было оставлять „домы и жилища свои, гдѣ они порожалися“, а державцы позаботились принять свои мѣры: имъ удалось обставить право крестьянскаго перехода такими условіями, которыя въ высшей степени затрудняли возможность пользоваться имъ. Уже въ 1727 году, несмотря на нѣсколько случаевъ крестьянскихъ волненій въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, повторявшихся и впослѣдствіи, генеральная канцелярія выставила касательно права перехода положеніе, очевидно, навѣянное сословно-крѣпостническими тенденціями малорусскаго шляхетства: хотя крестьянинъ, по мнѣнію канцеляріи, и имѣетъ право переходить съ занятаго имъ участка къ другому владѣльцу, но въ такомъ случаѣ ему уже „не свободно и невозможно“ владѣть тѣмъ грунтомъ, который остался за прежнимъ державцемъ; при переходѣ крестьянину „безъ отнятія“ остается только то, что онъ „можетъ движимыхъ пожитковъ унести или увезти за собою“. Державцы не удовлетворились, однако, этимъ стѣсненіемъ; такъ какъ попытки ихъ прикрѣпить крестьянъ въ то время не увѣнчались успѣхомъ, то они продолжали затруднять условія перехода: имъ легко было воспользоваться тѣмъ, что въ указѣ 18 января 1742 года, „по прежнему“ дозволившемъ крестьянамъ свободно переходить съ мѣста на мѣсто, ничего не говорилось о крестьянскомъ имуществѣ. Благодаря такому пробѣлу, имъ удалось провести въ судебную практику 1750-хъ годовъ правило, сложившееся подъ вліяніемъ литовскаго статута; по одному частному дѣлу генеральная канцелярія въ 1759 году высказала общее положеніе, естественно вытекавшее изъ допущенныхъ уже ограниченій: такъ какъ земля, на которой сидитъ крестьянинъ, писала она, принадлежитъ владѣльцу, а крестьянинъ „снабдѣваетъ себѣ во всемъ“, пользуясь владѣльческою землею и всякими угодьями, то, значитъ, все, что онъ ни пріобрѣтаетъ себѣ изъ движимости, пріобрѣтается имъ по дозволенію того, „чьи суть грунты“; слѣдовательно, и движимое имущество крестьянина въ случаѣ перехода его должно оставаться за тѣмъ владѣльцемъ, отъ котораго онъ уходитъ. Такая точка зрѣнія, высказанная генеральной канцеляріей въ докладѣ гетману Разумовскому, вообще мало входившему въ дѣла, всецѣло отразилась и въ его универсалѣ отъ 20 апрѣля 1760 года: онъ лишилъ крестьянина права при переходѣ забирать съ собою нажитое имъ имѣніе и запретилъ

владѣльцамъ принимать посполитыхъ безъ письменныхъ отпусковъ отъ тѣхъ державцевъ, изъ за которыхъ они вышли; правда, универсалъ 1760 года вмѣнялъ въ обязанность державцѣ давать отпускныя посполитому и послѣдній въ противномъ случаѣ могъ обратиться въ ближайшій „урядъ“; но на дѣлѣ едва-ли это средство могло имѣть большое значеніе: владѣльцы прямо называли универсалъ 1760 года „ордеромъ о непереходѣ подданнымъ съ подъ владѣльца въ другое владѣніе“ [1]). Такимъ образомъ мѣстная жизнь уже выработала тѣ начала закрѣпощенія, которыя были подтверждены указами 1763 и 1783 гг. Русское правительство давно привыкло къ тѣмъ крѣпостнымъ порядкамъ, которые частью прививались къ „вольнымъ черкасамъ“, селившимся въ великорусскихъ провинціяхъ, частью заносились и въ малорусскія имѣнія великорусскихъ или великорусскія имѣнія малорусскихъ помѣщиковъ, частью, наконецъ, входили въ обычай и у малорусскихъ державцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они владѣли бѣглыми крѣпостными изъ Великоруссіи и Польши. Впрочемъ русское правительство, запрещая переходъ малорусскихъ крестьянъ, исходило и изъ иныхъ соображеній, чѣмъ мѣстное шляхетство: ссылаясь на свое желаніе возстановить „добро и покой малороссійскаго народа“, а также облегчить отягощенія „остающихся въ семьяхъ“ плательщиковъ и „убогихъ“ помѣщиковъ, причиняемыя крестьянскими переходами, оно, однако, имѣло въ виду и интересы фиска, и уничтоженіе провинціальной автономіи Малороссіи, допущеніе которой, по словамъ Екатерины, было бы „глупостью“. Указъ 10 декабря 1763 года, повелѣвавшій „всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія его на поселеніи... находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣйшаго утѣсненія“, вмѣстѣ съ тѣмъ все еще разрѣшалъ „свободный переходъ“ и даже грозилъ штрафомъ тому державцу, который не выдастъ письменнаго отпуска желающему перейти; въ указѣ 1763 года велѣно, однако, такой переходъ „имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссій-

---

[1]) *И. Новицкій*, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вв. К., 1876 г. (Арх. Ю.,З. Рос., ч. VI, т. 1). *А. Лазаревскій*, Op. cit., стр. 28—29; о мѣрахъ Мазепы см. тамъ же, стр. 31—35; ср. еще стр. 38—40, 62, 65—66 и мн. др. Державцы иногда выживали тяглыхъ крестьянъ вонъ изъ имѣнія для того, чтобы набрать „лѣзныхъ“ и „нахожихъ людей“, съ которыми легче было справиться. *В. Мякотинъ*, Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Рус. Бог. 1894 г., №№ 2—4; тамъ же указанія и на труды, авторы которыхъ придаютъ главнѣйшее значеніе однимъ только правительственнымъ указамъ 1763 и 1783 гг. Ср. еще *А. Лазаревскій*, Описаніе старой Малороссіи, т. I и II и критическій разборъ второй части этого труда В. А. Мякотина въ Отч. о XXXVII-мъ прис. нагр гр. Уварова. Ср. Сб. Р. И. О., LXVIII, 153, 163, 179, 184, 195—196, 208—209, 239 и Сб. Харк. Ист. Фил. Общ., IV, 155—158; XI, 339.

скихъ въ книгѣ статута изображенныхъ", а выше уже было указано, насколько статутъ благопріятствовалъ крѣпостническимъ тенденціямъ державцевъ. Вскорѣ затѣмъ, по уничтоженіи гетманскаго достоинства, русскому правительству стало легче прежняго проводить свою точку зрѣнія: уже при производствѣ переписи Румянцева „простой малороссійскій народъ, по увѣренію Полетики, заключилъ, что ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записаннымъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ". Между тѣмъ переходы крестьянъ, напуганныхъ производствомъ „генеральной описи", въ то время значительно усилились и вызвали, наконецъ, рѣшительныя мѣры со стороны правительства. Въ постановленіи малороссійской коллегіи отъ 26 января 1770 года люди, которые безъ письменныхъ свидѣтельствъ сошли, прямо признаются бѣглыми, подлежащими возвращенію на прежнія ихъ жилья. Такимъ образомъ было подготовлено и появленіе указа 3 мая 1783 года: въ немъ между прочимъ повелѣно „каждому изъ поселянъ въ намѣстничествахъ: кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи". Насколько въ то время крѣпостное право успѣло развиться здѣсь, показываютъ позднѣйшія предположенія правительства касательно торговли людьми: уже въ 1720-хъ годахъ бывали случаи продажи крестьянъ съ землею; теперь же, въ 1798 году, сенатъ былъ готовъ разрѣшить владѣльцамъ продавать ихъ безъ земли; но, вопреки мнѣнію сената, императоръ Павелъ повелѣлъ запретить въ Малороссіи продажу крестьянъ безъ земли [1]).

Таже участь постигла и тѣ южныя окраины, на которыя крѣпостное населеніе бѣгало отъ своихъ помѣщиковъ. Правительство, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ жалобъ дворянства на побѣги людей въ эти мѣстности, рѣшило „поставить преграду самопроизвольному поселянъ переселенію, законопротивному подговору, пріему и держанію чужихъ крестьянъ и всякого рода бѣглыхъ людей". Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, переходы крестьянъ были запрещены (12 дек. 1796 г.) въ губер-

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8555; т. XVI, № 11987; т. XXI, № 15724, I, п. 8; *Г. Тепловъ*, Записка и пр. въ Зап. о Юж. Руси, II, 194—196; о превращеніи козаковъ въ „мужиковъ" см. ib., 181—182, 193—194. *Г. Политика*, Возраженіе и пр. въ Чт. *М. О. И.* и *Д.* 1858 г., кн. III, смѣсь, стр. 84. *В. Мякотинъ*, Op. cit., ib., № 2, стр. 51. № 4, стр. 133, 151—152. *А. Лазаревскій*, Op. cit., стр. 97; здѣсь приведенъ случай „покупки" крестьянъ безъ земли въ 1729 году, но при особаго рода условіяхъ. О преніяхъ въ большой коммиссіи по поводу крестьянскихъ переходовъ въ Малороссіи см. *В. Семевскій*, Кр. вопр., I, 148—160. П. С. З., т. XXI, № 18706. Ср. Сб. Харк. Ист.-Фил. Общ., XIII, 414—423. Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 557.

ніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической, а также на Дону и на полуостровѣ Тамани [1]).

Такимъ образомъ, къ концу XVIII-го вѣка крѣпостное право не только усилилось въ Великороссіи, но успѣло распространиться и за ея предѣлами, на пространствѣ всей Европейской Россіи. Либеральныя начинанія Екатерины II не привели къ какимъ либо существеннымъ улучшеніямъ въ тяжеломъ положеніи крѣпостного населенія: оно осталось почти безъ всякихъ правъ и продолжало находиться почти въ полной зависимости отъ привилегированнаго сословія: правда, сохранилось извѣстіе о проектѣ закона, въ силу котораго всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 года, должны были получить свободу; но императрица не рѣшилась приступить къ осуществленію своего предположенія. Мало-по-малу она даже стала отставать отъ того либеральнаго движенія, развитію котораго сама способствовала въ началѣ своего царствованія; подобно многимъ современникамъ она увѣровала, напримѣръ, въ то, что благосостояніе крестьянъ составляетъ благополучіе дворянъ и даже готова была защищать идеализируемый ею порядокъ крѣпостныхъ отношеній: ей хотѣлось доказать иностранцамъ, что „русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина“ [2]). И когда Радищевъ выступилъ со своимъ проектомъ постепеннаго и полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ уже не встрѣтилъ сочувствія со стороны императрицы, утверждавшей, что „лутчее сюдбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Въ горячемъ протестѣ нашего писателя противъ „звѣрскаго обычая порабощать себѣ подобнаго“ составительница Наказа усмотрѣла одно только „разсѣваніе заразы французской“; а его яркое изображеніе всѣхъ гибельныхъ послѣдствій крѣпостного права она признала чуть ли не попыткой „возмутить крестьянъ противу помѣщиковъ“ [3]). Прошло много

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17638; выраженія, въ которыхъ здѣсь запрещенъ переходъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя употреблены въ указѣ 3 мая 1783 г.; съ тѣми, кто приметъ и будетъ держать бѣглыхъ, указъ 1796 г. грозитъ „поступать по указу 13 мая 1754 года“. Ср. Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 556.

[2]) Антидотъ въ „Осьмнад. вѣкѣ“ П. Бартенева, IV, 246; ср. 330. Аналогичные взгляды высказывали кн. Е. Дашкова, кн. А. Голицынъ, Д. Фонъ-Визинъ и др.; см. Арх. кн. Воронцова, XXI, 137—139. *Д. Фонъ-Визинъ*, Соч., стр. 330, 347. *В. Семевскій*, Кр. вопр., I, 164, 208 (здѣсь указанія на идеализацію крѣпостного права въ драматической литературѣ того времени). Ср. Рус. Арх. 1880 г., III, 6.

[3]) *А. Радищевъ*, Путешествіе, Спб., 1888 г., стр. 236—267 и др. Арх. кн. Воронцова, V, 414; намеки Радищева на то, что „отъ самой тяжести порабощенія“ крестьянъ должно ожидать ихъ свободы, не могли, конечно, ускользнуть отъ вниманія императрицы; см. ib., стр. 418 и 420.

времени прежде чѣмъ реформа, которую предлагалъ осуществить Радищевъ, дѣйствительно получила осуществленіе. При воцареніи императора Павла I крѣпостные крестьяне были приведены къ присягѣ новому государю и въ то же время получили возможность подавать ему прошенія на своихъ помѣщиковъ; послѣ извѣстнаго указа 5 апрѣля 1797 г. они, казалось, могли расчитывать на нѣкоторое обезпеченіе своего положенія; по „совѣтомъ сказанное“ въ немъ ограниченіе крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ едва ли строго соблюдалось на практикѣ. Въ томъ же году законъ поставилъ „ищущихъ вольности“ въ болѣе благопріятныя условія: хотя до окончательнаго рѣшенія дѣла они должны были оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, но съ „тою предосторожностью, чтобы послѣдніе были обязаны подпискою никакихъ наказаній имъ безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать“; ходатайство же и переносъ такихъ дѣлъ отъ ихъ имени были возложены на прокуроровъ Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, крестьянамъ было предписано оставаться въ „прежнемъ ихъ званіи и послушаніи помѣщикамъ“ и появился указъ 1799 г., подтвердившій прежнее право ихъ ссылать своихъ людей на поселеніе [1]). Вообще, трудно было ожидать коренныхъ и прочныхъ реформъ отъ государя, слишкомъ часто слѣдовавшаго „своей прихоти“, и полагавшаго, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, къ „отеческой полиціи“ которыхъ онъ относился съ довѣріемъ, чѣмъ подъ властью лицъ, завѣдывавшихъ казенными землями [2]). Впрочемъ, даже въ позднѣйшее время въ либеральную пору царствованія императора Александра I все еще было очень мало лю-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, №№ 17636, 17769, 18261; т. XXV, 19157; ср. т. XXVI, по № 19598 и 19668. Приведемъ еще: указъ 1799 г., о томъ, что бы ретгаузъ давалъ, разсмотрѣнію, крестьянамъ временное право производить мелочную торговлю съ платежемъ акциза въ казну; указъ 1798 г. о томъ, чтобы при взысканіи долговъ съ помѣщиковъ, имѣющихъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, въ казну брать каждаго изъ нихъ по оцѣнкѣ той работы и того дохода, который онъ доставляетъ владѣльцу; далѣе указъ того же 1798 г., запретившій продажу малороссійскихъ крестьянъ безъ земли (П. С. З., XXV, № 18706); одновременно, однако, вышелъ указъ, дозволившій купцамъ покупать крестьянъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ; слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, указъ, въ силу котораго людей и крестьянъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ съ подложными отпускными или неповинующихся имъ, зачитывали въ рекруты, если они окажутся совсѣмъ годными къ службѣ (П. С. З., т. XXV, №№ 18353 18442, (ср. выше, стр. 96), 18814; т. XXVI, № 19421; ср. Сенат. арх., Спб. 1888 г. т. I, стр. 346).

[2]) *Н. Карамзинъ*, О древ. и нов. Россіи въ прил. къ соч. *А. Пыпина*, Общ. дв. и пр. 3 изд., стр. 496. *Н. Кутлубицкій*, Разсказы въ Рус. Арх. 1866 г., Спб., 1308—1309. *Н. Саблуковъ*, Воспоминанія въ Рус. Арх. 1869 г., стб. 1893. О примѣненіи указа 12 дек. 1796 г. См. *Е. Трифильевъ*., Op. cit., стр. 307—310.

дей, которые понимали бы, что въ крѣпостномъ правѣ едва ли возможно разграничить власть помѣщика отъ злоупотребленій этой властью, что освобожденіе крестьянъ безъ земли слишкомъ мало обезпечитъ ихъ положеніе и что такое освобожденіе должно быть положено въ основу „политической свободы“. Робкія палліативныя мѣры 1803—1848 гг. въ пользу смягченія крѣпостного права оказали слишкомъ слабое вліяніе на дѣйствительное положеніе закрѣпощеннаго населенія и лишь слегка подготовили рѣшительный актъ отмѣны прежняго „порядка владѣнія душами“, обнародованный въ 1861-мъ году.

2. Государственные крестьяне.

Государственные крестьяне избѣгли крѣпостной зависимости въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ частно владѣльческихъ имѣніяхъ XVIII-го вѣка; но и въ ихъ исторіи можно указать нѣсколько особенностей, общихъ у нея съ исторіей помѣщичьихъ крестьянъ. Подобно классу крѣпостныхъ, и классъ государственныхъ крестьянъ сложился въ эпоху преобразованій въ виду „государственнаго интереса“; подобно владѣльческимъ крестьянамъ, и государственные, хотя, разумѣется, въ значительно меньшей мѣрѣ, испытали на себѣ косвенное вліяніе тѣхъ же крѣпостныхъ порядковъ.

Классъ государственныхъ крестьянъ образовался изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ группъ: изъ черносошныхъ (и значительнаго большинства пашенныхъ сибирскихъ крестьянъ); изъ однодворцевъ, разныхъ служилыхъ людей старыхъ службъ и т. п.; изъ татаръ, ясашныхъ и др.; къ нимъ причислялись, наконецъ, сельскіе обыватели, переставшіе принадлежать частнымъ владѣльцамъ (напр., отписные или вымороч-ные, экономическіе и др.), а также взятые въ казну изъ населенія вновь пріобрѣтенныхъ областей (посполитые и др.). Достаточно припомнить, насколько эти группы были разобщены въ географическомъ отношеніи и насколько отличались мѣстныя условія ихъ жизни и многія формы ихъ быта, чтобы придти къ заключенію, что онѣ были связаны преимущественно внѣшнимъ образомъ: всѣ эти сельскіе обыватели „принадлежали коронѣ“, т. е. сидѣли на казенныхъ земляхъ, всѣ „состояли въ вѣдомствѣ казенномъ“, и съ теченіемъ времени, „были положены въ единственный окладъ“. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что терминъ „государственные крестьяне“ придавали то широкое, то узкое значеніе: государственными крестьянами вообще называли иногда разряды сельскаго населенія, которые были только что перечи-

слены; но, даже въ позднѣйшее время, судя по памятникамъ законодательства и офиціальнымъ вѣдомостямъ, тотъ же терминъ употреблялся и въ болѣе узкомъ смыслѣ: при перечисленіи разновидностей крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, „государственными“ иногда назывались, напримѣръ, черносошные или другія группы [1]). Во всякомъ случаѣ со времени преобразованій всѣ онѣ уже стали объединяться въ податномъ отношеніи, благодаря уплатѣ подушной подати и оброчнаго сбора, имѣвшихъ разное значеніе.

Указомъ отъ 22 января 1719 года было опредѣлено „ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки...“ въ томъ числѣ и у однодворцевъ, а также у татаръ и ясашныхъ; но записка ихъ въ ревизскія сказки стояла въ связи съ причисленіемъ ихъ къ тому податному сословію, къ которому принадлежали черносошные крестьяне: наравнѣ съ послѣдними они съ 1724 г. стали платить подушную подать (70 к. съ души). Полное уравненіе между ними относится, однако, къ позднѣйшему времени. Въ межевой инструкціи 1766 г. уже находится распоряженіе о томъ, чтобы, въ случаѣ сожительства въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ дворцовыхъ и прочихъ казенныхъ крестьянъ съ однодворцами и служилыми, переводить безразлично, смотря по господствующему характеру селенія, изъ однодворцевъ въ казенные крестьяне или изъ казенныхъ крестьянъ въ однодворцы. Впрочемъ, въ отличіе отъ черносошныхъ, значительное большинство однодворцевъ продолжало содержать ландмилицію до 1783 года; тогда они были сравнены съ прочими казенными крестьянами и въ платежѣ податей, и въ отправленіи рекрутской повинности, причемъ все же сохранили привилегію служить въ войскахъ только въ теченіе пятнадцатилѣтняго срока. Въ итоги табели 1724 года, гдѣ было показано, „коликое число душъ... въ губерніяхъ объявлено по расчисленію каммеръ-коллегіи и съ оныхъ надлежитъ подушныхъ денегъ“, вмѣстѣ съ однодворцами попали и ясашные; еще за два года до того времени вышелъ указъ о сборѣ рекрутъ съ Татаръ, Мордвы и Черемисъ, причемъ съ Мордвы и Черемисъ, велѣно было брать рекрутъ, какъ съ русскихъ. Такимъ образомъ, вышеназванныя общественныя группы, за маловажными исключеніями, должны были, въ качествѣ государственныхъ крестьянъ, выплачивать подушныя деньги и исполнять рекрутскую повинность [2]).

[1]) П. С. З., т. VII, №№ 4343, 4533, пп. 18, 20; ср. т. XXI, № 15296, п. 6; т. XX, № 14392 (учреж. о губ., п. 335). Вѣдомость, учиненная изъ присланныхъ въ 1769 году вѣдомостей о числѣ положенныхъ въ подушный окладъ душъ, принадлежащихъ коронѣ. П. С. З., т. XX,, № 15723.

[2]) П. С. З., т. V, № 3287; т. VI № 3884. Извѣстно, что однодворцы давно

Оброчный сборъ, которымъ тѣ же разряды населенія были обложены съ 1722-го года и слѣдующихъ годовъ, имѣлъ иное значеніе: оно выяснено уже въ указѣ отъ 5 февраля 1722 года, когда велѣно было обложить „половниковъ и посошныхъ крестьянъ“ сверхъ подушной подати постольку, „поскольку помѣщики получать будутъ съ своихъ крестьянъ или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ“... Мысль законодателя, еще колебавшаяся въ выборѣ нормы для обложенія казенныхъ крестьянъ новою податью, опредѣлилась при распространеніи ея на однодворцевъ: въ указѣ 7 мая того же года они были обложены особымъ сборомъ на ландмилицію „противъ того, почему крестьяне дворцовые во дворецъ, а прочіе своимъ вотчинникамъ платятъ“. Наконецъ, 23 октября 1723 года вышелъ указъ, вообще распространившій (за маловажными исключеніями) оброчный сборъ на всѣхъ крестьянъ, „которые не за помѣщики и исчислены въ подушный окладъ“; тогда велѣно было положить на нихъ „такъ, какъ и на украинцовъ положено, вмѣсто помѣщичья дохода по четыре гривны съ души“; ихъ стали сбирать и съ татаръ, съ ясашныхъ и „имъ подобныхъ“ [2]). Изъ вышеприведенныхъ выраженій нельзя, однако, вполнѣ удовлетворительно

уже платили подати съ дворовъ и что въ 1710 году низшіе разряды однодворцевъ кіевской губерніи были причислены къ тяглому населенію; см. *А. Лаппо-Данилевскій*, Орг. прям. обл., стр. 52—53. *П. Милюковъ*, Гос. хоз., стр. 258, 285, 640. П. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIX, 13; т. XXI, № 15723. Судя по вышеупомянутой вѣдомости (стр. 135, прим. 1) однодворцевъ (безъ указанія на то, включены ли въ эту сумму однодворческіе крестьяне и старыхъ службъ служилыхъ людей) числилось 558.971 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ; на нихъ уже приходилось, до 12.145 душъ, не содержавшихъ ландмилиціи, преимущественно въ Московской губерніи (до 7.666 д.). „Служилые мурзы и татары“, жившіе преимущественно въ Казанской губ. и исполнявшіе работы въ корабельныхъ лѣсахъ до 1725 года были свободны отъ семигривеннаго сбора; въ 1725 году они были обложены этимъ сборомъ, который черезъ два года велѣно было зачитать имъ за работу по извѣстному тарифу; размѣры его постепенно повышались, а за лишнюю работу они получали соотвѣтствующее денежное вознагражденіе; сверхъ того съ тѣхъ же приписныхъ брали и рекрутъ; см. о служилыхъ мурзахъ и татарахъ: *Н. Өирсовъ*, Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства и проч., Каз., 1869, стр. 29—39. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 579—592. Астраханскіе и уфимскіе татары въ подушный окладъ не полагались (П. С. З., т. VII, № 4533; т. XI, № 8836; ср. еще т. XXIII, № 16761 и др.), а ясачные татары, башкирцы, сибирскіе ясачники и др. платили ясакъ. (ib., т. VII, № 4983, т. IX, № 6581, п. 20; т. XV, № 11191 и др.).

[2]) П. С. З., т. V, №№ 3894,; т. VII, №№ 3994, 4332, 4533; ср. *П. Барановъ* Опись, III, № 79975. Служилые татары и мурзы были обложены четырехъ-гривеннымъ оброкомъ въ 1725 году (П. С. З., п. XIII, № 9862); а затѣмъ, по мѣрѣ возрастанія оброчнаго сбора, соотвѣтствующія прибавки дѣлались и къ ихъ платежамъ.

выяснить мысль законодателя: онъ, кажется, больше интересовался опредѣленіемъ размѣровъ новаго оклада, которыя и уподоблялъ величинѣ помѣщичьяго оброка, чѣмъ подысканіемъ основаній для установленія его; однако, нѣкоторыя выраженія указа 1723 года („вмѣсто помѣщичья дохода“) даютъ поводъ предполагать, что въ немъ могла подразумѣваться мысль о государственныхъ крестьянахъ, какъ о своего рода съемщикахъ земли, принадлежащей казнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ установленіемъ оброчнаго сбора съ казенныхъ крестьянъ правительству открылась возможность повышать его соотвѣтственно росту помѣщичьяго оброка. Извѣстно, что окладъ подушныхъ денегъ долго оставался безъ измѣненій и только въ 1794 г. былъ доведенъ до 1 рубл.; напротивъ, оброчный сборъ уже въ 1760 году дошелъ до 1 рубля, а затѣмъ „сообразно съ помѣщичьимъ оброкомъ въ имѣніяхъ частныхъ людей“ былъ увеличенъ до 2-хъ рублей въ 1783 г.; наконецъ, въ 1768 году на томъ основаніи, что поборы съ помѣщичьихъ крестьянъ съ 1768 года возрасли по крайней мѣрѣ вдвое, велѣно было вмѣсто прежняго двухъ рублеваго оклада сбирать „со всѣхъ государственныхъ крестьянъ“ по 3 рубля „съ каждой души мужеска полу“ [1]). Итакъ, группы населенія, извѣстныя подъ названіемъ государственныхъ крестьянъ, не только были приравнены къ помѣщичьимъ въ отношеніи оброчнаго сбора, но почти въ равной мѣрѣ должны были подчиниться возраставшему его окладу.

На такой дорогѣ трудно было остановиться: въ XVIII вѣкѣ казна, по примѣру частнаго землевладѣльца, все болѣе и болѣе начинаетъ вмѣшиваться въ частныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на казенныхъ земляхъ, и во внутренніе распорядки ихъ общинной жизни, что впрочемъ принесло извѣстныя выгоды малоземельному крестьянству [2]).

Фискальныя соображенія, вызвавшія прикрѣпленіе черносошныхъ къ тяглу, кажется, руководили главнымъ образомъ правительствомъ и въ тѣхъ его мѣропріятіяхъ, которыя стѣсняли свободу крестьянъ распоряжаться своими участниками. Все болѣе утверждаясь во взглядѣ, что земля, на которой сидятъ черносошные,—казенная собственность, правительство, разумѣется, уже съ такой точки зрѣнія должно было позаботиться о томъ, чтобы она не попадала въ чужія руки; притомъ земля обезпечивала въ нѣкоторой мѣрѣ платежную исправность общины: надобно

---

[1]) П. С. З., т XV, № 11120; т. XXIII, № 17232. Въ 1797 г. подушный окладъ былъ увеличенъ на 28 к. (ib., т. XXIV, № 18278); ср. ниже стр. 148.

[2]) *В. Якушкинъ*, Очерки и проч., в. I, М., 1890 г.; рец. *П. Милюкова* въ Рус. Мысли 1890 г., № 5. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 623—660, 733—762 и др.

было сохранить ея земельный фондъ; отсюда—цѣлый рядъ запрещеній, съ середины XVII столѣтія, стѣснявшихъ обращеніе черныхъ земель. Въ 1690 г. было предписано тяглымъ крестьянамъ и посадскимъ поморскихъ городовъ (новгородскаго приказа) не отчуждать разныхъ своихъ земель преимущественно монастырямъ и церквамъ, духовенству, гостямъ и иныхъ чиновъ бѣломѣстцамъ. Межевая инструкція 1754 г., допуская обращеніе деревенскихъ участковъ и печищныхъ земель между черносошными крестьянами и посадскими тѣхъ же уѣздовъ и городовъ, также повелѣвастъ разныя земли, вложенныя крестьянами въ архіерейскіе домы, въ монастыри и церкви или проданныя и т. п. ими секретарямъ, приказнымъ служителямъ, церковнопричетникамъ, монастырскимъ служкамъ и другимъ всякихъ чиновъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ въ подушномъ окладѣ, или отданныя имъ по искамъ, отбирать безденежно и отмежевать по прежнему къ черным землямъ черносошныхъ крестьянъ [1]). Мѣропріятія подобнаго рода не обезпечивали, однако, ихъ благосостоянія; отчужденіе земли посадскимъ людямъ часто приводило къ тому, что нѣкоторые крестьяне „состояли вовсе безъ земли и безъ всякой обязанности платили съ изнуреніемъ государственныя подати“, а купцы владѣли ею „безъ всякаго по крестьянству платежа“. Даже въ томъ случаѣ, если бы переуступка земель ограничилась крестьянскою средою, она грозила обезземеленіемъ многихъ плательщиковъ и скопленіемъ ихъ земель въ рукахъ „большетяглаго“ меньшинства, всегда готоваго переложить часть сборовъ на бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Такой процессъ уже кое-гдѣ зародился въ предшествующемъ періодѣ; надо думать, что онъ сталъ, однако, гораздо болѣе замѣтнымъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка: многіе крестьяне не имѣли средствъ обрабатывать свои участки и платить подушную подать, которая едва ли всегда, правильно раскладывалась мѣстными выборными властями; „маломощные крестьяне нуждались въ деньгахъ и продавали нужную имъ землю для поправленія себя“; отсюда въ волостяхъ появленіе класса крестьянъ лишенныхъ земли, половниковъ, или малоземельныхъ и класса крестьянъ-кулаковъ, скупавшихъ земли съ переводомъ на себя уплаты подушной подати; между тѣми и другими возникали безпрестанныя ссоры и тяжбы. Явленія подобнаго рода должны были обратить на себя вниманіе правительства, особенно съ того времени, когда оно стало смотрѣть на черныя земли, какъ на казенное имѣніе и начало хозяйничать

---

[1]) А. И., т. V, № 198. П. С. З., т. XIII, №№ 9874 и 10082; т. XIV, № 10237, гл. XXIX, ст. 6.

въ немъ: перепродажа земель, по словамъ Козьмина, одного изъ статсъ-секретарей Екатерины II, даетъ возможность „нерадѣтельнымъ къ хлѣбопашеству продавать и закладывать свои земли“, а міроѣды, скупающіе ихъ, смотрятъ на нихъ, какъ на свои „родовыя“, „въ дачахъ къ волостямъ лѣсовъ не расчищаютъ, и какъ пашни, такъ и сѣнныхъ покосовъ обществомъ, гдѣ бъ и недостаточно было, не прибавливаютъ“ [1]). Такіе порядки, очевидно, наносили ущербъ волостному хозяйству, значитъ подрывали и платежную исправность волости; бѣдные крестьяне жаловались на то, что „большесемейные и зажиточные крестьяне, взявшіе въ свое владѣніе всѣ земли, ничего имъ на пропитаніе и на платежъ государственныхъ податей не оставили“; наконецъ, правительство тяготилось и тѣми безпрестанными волостными ссорами и тяжбами, которыя „наносили напрасное безпокойство и затрудненіе присутственнымъ мѣстамъ“. Въ числѣ мотивовъ, вызвавшихъ извѣстныя постановленія межевой инструкціи 1766 года, могли быть, однако, и соображенія иного рода; одно изъ нихъ проскользнуло въ представленіе Козьмина: разстройство волостного хозяйства казалось ему нежелательнымъ и потому, что оно мѣшаетъ волощанамъ „лучшаго хлѣбопашества, яко первѣйшаго источника земледѣльческаго благополучія вкушать“. Если припомнить, что въ то время просвѣтительныя идеи были уже нѣсколько знакомы Екатеринѣ II и могли быть извѣстны нѣкоторымъ изъ русскихъ поклонниковъ европейскаго просвѣщенія, то и въ побужденіяхъ, вызывавшихъ заботы правительства о „земледѣльческомъ благополучіи“ черносошныхъ, можетъ быть придется удѣлить долю вліянія новымъ теоріямъ. Возможно, что уже указъ 1761 года, запрещавшій черносошнымъ также, какъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, обязываться векселями и разрѣшавшій имъ брать деньги подъ заемныя письма лишь по „удостовѣрительному дозволенію тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ“, былъ отчасти направленъ противъ заклада ими своихъ земель кредиторамъ. Какъ бы то ни было, но въ межевой инструкціи 1766 года правительство приняло во вниманіе предложеніе Козьмина и приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ обращенія черныхъ земель, причемъ прямо заявило, что „сіе государственныхъ земель обмежеваніе утверждаетъ земли единственно къ селеніямъ, а не селенія ко владѣльцамъ“. Въ инструкціи принципъ, принятый въ 1754 г., подтверждается, и велѣно въ случаѣ споровъ безденежно возвращать къ землямъ черносошныхъ крестьянъ разныя земли, отчужденныя ими послѣ изданія Уложенія учрежденіямъ и лицамъ, уже перечисленнымъ

[1]) Сб. Р. И. О., IV, 85.

(кромѣ воеводъ) въ инструкціи 1754 года; вмѣстѣ съ тѣмъ „впредь до будущаго по снятымъ планамъ разсмотрѣнія“ обращеніе черныхъ земель возбраняется также между крестьянами и купцами; въ противномъ случаѣ сдѣлки подобнаго рода признаются недѣйствительными; наконецъ, сами черносошные лишаются возможности свободно переуступать другъ другу земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ; эти земли должны оставаться при тѣхъ селеніяхъ, къ коимъ онѣ будутъ примежеваны: земли же, оставшіяся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, наслѣдникамъ и женамъ ихъ между собою на части не дѣлить и по наслѣдству въ приданыя выходящимъ замужъ за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ въ другія селенія не отдавать; лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ черносошнаго крестьянина останутся дочери и онѣ выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, пожелавшихъ жить на земляхъ своихъ женъ, эти земли передаются имъ и ихъ мужьямъ, но подъ условіемъ, чтобы имѣющіяся за послѣдними земли въ прежнихъ ихъ селеніяхъ оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ селеній [1]). Само собою разумѣется, что предписанія 1766-го года не могли сразу подавить существующей практики; но они поколебали нѣкоторыя воззрѣнія населенія на земельную собственность, укрѣпляли въ его сознаніи понятіе о земельномъ обезпеченіи отъ государства податной исправности плательщика и вызывали путаницу въ отношеніяхъ, благопріятствовавшую всякаго рода злоупотребленіямъ. Дальнѣйшее примѣненіе вновь установленныхъ правилъ къ жизни породило новыя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, возбраняя переуступку земель, примежеванныхъ къ данному селенію, даже между его жителями, межевая инструкція 1766-го года вмѣстѣ съ тѣмъ запретила міроѣдамъ законнымъ образомъ скупать земли своихъ односельчанъ, но и послѣднихъ лишила права искать средствъ для „поправленія себя“ въ продажѣ или закладѣ своихъ земель; правительство, отказывая имъ въ такихъ средствахъ, очевидно, должно было сдѣлать дальнѣйшій шагъ: внять просьбамъ малоземельныхъ крестьянъ или даже помимо ихъ просьбъ ввести передѣлы земли, закрѣпленной за крестьянской общиной. „Справедливость требуетъ, писалъ архангельскій директоръ экономіи, что бы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ, съ коихъ платежъ податей производится“; слѣдовательно, и „уравненіе земель особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыва-

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 11204; т. XVII, № 12659, гл. XX. Здѣсь рѣчь идетъ о „черносошныхъ крестьянахъ Вятской и Устюжской провинцій и прочихъ поморскихъ городовъ и уѣздовъ“. Ср. П. С. З., т. XVII, № 12498; т. XVIII, № 13114.

тели хлѣбопашествомъ болѣе, нежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, надлежитъ почитать неминуемо нужнымъ“ и для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ, и для доставленія поселянамъ способа платить свои подати бездоимочно. Впрочемъ, правительство едва ли умѣло выработать въ то время какой либо обдуманный планъ дѣйствій: то оно считало себя не въ правѣ уничтожать „законно совершенныя крѣпости и закладныя“, то предписывало произвести передѣлъ „съ наблюденіемъ совершеннаго равенства, включая въ сей раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону“. Тамъ, однако, гдѣ условія мѣстной жизни не благопріятствовали введенію передѣловъ (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, очень рѣдко населенныхъ) уравнительные передѣлы совсѣмъ не привились; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность населенія уже возрасла и оно чувствовало недостатокъ въ землѣ и гдѣ, слѣдовательно, возникали „взаимныя распри“ между малоземельными крестьянами и крестьянами — міроѣдами, попытки правительства встрѣчали сочувствіе большинства; извѣстны случаи, когда сами крестьяне (напримѣръ, Мольской волости Тотемскаго уѣзда) обращались къ правительству съ просьбою развертать землю, находившуюся въ ихъ владѣніи и пользованіи, „противъ написанныхъ душъ по десятинамъ въ равенство“. Слѣдуетъ замѣтить также, что прежнія „деревенскія“ традиціи едва ли успѣли совсѣмъ исчезнуть среди населенія и что правительство, при введеніи новыхъ порядковъ, часто прибѣгало къ содѣйствію самихъ крестьянъ: между прочимъ они приступили къ раздѣлу земель по селеніямъ-деревнямъ, а не по селеніямъ-волостямъ, какъ то предполагало правительство. Когда возникла попытка ввести уравнительный передѣлъ среди сельскаго населенія Олонецкой губерніи въ 1784—1785 г., то крестьянамъ, повидимому, было предоставлено производить „уравненіе земель по собственному ихъ согласію“; въ то же время директоръ домоводства могъ засвидѣтельствовать, что нѣкоторыя изъ общинъ, „въ три дня раздѣлились спокойно и были совершенно довольны“, разумѣется кромѣ большетяглыхъ крестьянъ, принужденныхъ отказаться отъ скупленныхъ ими земель. Факты подобнаго рода, особенно если принять во вниманіе аналогичныя явленія позднѣйшаго времени, нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ той аграрной политики, которая способствовала развитію новаго строя поземельныхъ отношеній на русскомъ сѣверѣ и сломила сопротивленіе, оказываемое ему многоземельными крестьянами. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что, намѣреваясь вводить уравнительный передѣлъ на своихъ собственныхъ земляхъ, заселенныхъ черносош-

ными, сама казна могла руководствоваться и примѣромъ помѣщиковъ, благопріятствовавшихъ насажденію тѣхъ же порядковъ въ своихъ имѣніяхъ; Козьминъ предлагалъ производить черносошнымъ уравнительный передѣлъ „такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ, по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ“; возможно, однако, что содержаніе оффиціальныхъ инструкцій о порядкѣ производства передѣловъ (напр. наставленіе вельскаго нижняго суда 1798 года) почерпалось иногда изъ жизни самихъ черносошныхъ крестьянъ [1]). Уже въ XVIII-мъ вѣкѣ правительство сдѣлало лишь нѣсколько частныхъ попытокъ произвести кое-гдѣ уравнительный передѣлъ. Въ „наставленіи экономическимъ правленіямъ“ (1771 г.) предписывалось „раздѣленіе земель и взысканіе податей дѣлать не съ душъ, а съ тяглъ“; въ 1784—1785 гг. правительство пыталось уравнять черносошныхъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, а съ конца вѣка приступило къ такимъ же попыткамъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Введеніе реформы было облегчено благодаря особаго рода мѣропріятію относительно оброчныхъ земель: вмѣсто того, чтобы по прежнему порознь раздавать участки ихъ разнымъ оброчникамъ, правительство съ 1798 года стало приписывать ихъ къ цѣлымъ волостямъ; казеннымъ палатамъ велѣно было произвести „разверстку“ оброчныхъ земель „между казенными поселянами совершенно уравнительно и по способности къ селеніямъ вообще по всѣмъ губерніямъ единожды“, что, разумѣется, оказало существенное вліяніе и на развитіе такого же пріема примѣнительно къ тяглымъ землямъ [2]). Тѣмъ не менѣе окончательнаго введенія уравнительнаго передѣла правительству удалось достигнуть только въ позднѣйшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ сельскому населенію черныхъ волостей окончательно перешли уѣздныя земляныя угодья, владѣемыя посадскими, въ 1790 г. вышло повелѣніе исключить ихъ изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ и присоединить ихъ къ тяглу тѣхъ селеній, въ которыхъ они состоятъ по мѣстоположенію; въ случаѣ же владѣльцы предъявятъ на нихъ крѣпости, то препровождать послѣднія для разсмотрѣнія, куда слѣдуетъ. Черезъ два года эти земли были уже отобраны у владѣльцевъ изъ посадскихъ людей: за ис-

---

[1]) См. выше стр. 17—21. *А. Ефименко*, Op. cit., 324—355, 361—362, 369. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 36, 54, 62, 70, 71, 76, 621, 639—640, 641, 644, 653, 657. *В. В.*, Къ исторіи общины въ Россіи, М., 1902, стр. 6—7, 10, 17, 93—99. *А. Кауфманъ*, Op. cit., ib., стр. 6—15.

[2]) П. С. З., т. XIX, 13590, п. 6; т. XXIV, № 18256; т. XXV, №№ 18633, 18925; т. XXVI, № 19735 и др. О происхожденіи оброчныхъ земель см. *А. Ефименко*, Op. cit., I, 317—324, 342—344. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 633—649, 653.

ключеніемъ старинной деревни Баженныхъ, остальныя земли, состоявшія за посадскими людьми въ уѣздахъ, повидимому, отошли къ казеннымъ селеніямъ черносошныхъ крестьянъ, чему, разумѣется, способствовалъ и вышеприведенный указъ 1798 года объ оброчныхъ земляхъ [1]).

Аналогичныя явленія происходили и въ однодворческихъ поселеніяхъ. Московское правительство раздавало однодворцамъ въ качествѣ служилыхъ людей земли на помѣстномъ правѣ, но съ теченіемъ времени они стали пользоваться свободой отчужденія данныхъ имъ земель (особенно послѣ указа 1714 г.), что привело къ послѣдствіямъ, однороднымъ съ тѣми, которыя уже были указаны среди черносошныхъ крестьянъ. По мѣрѣ превращенія однодворцевъ въ государственныхъ крестьянъ положеніе ихъ стало измѣняться. Уже въ 1723 году, когда возникъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ „пришлыми“ однодворцами, сенатъ отвѣчалъ: „такихъ отсылать за провожатыми на прежнія ихъ жилища; а буде кто прежніе свои дворы и земли продали другимъ и ихъ въ тѣхъ городахъ селить вновь на другихъ государевыхъ свободныхъ земляхъ“. Однодворцы, однако, не долго пользовались и свободой отчужденія своихъ земель. Правительству легко было припомнить, что тѣ земли, на которыхъ они жили, были казенною собственностью, розданною имъ на помѣстномъ правѣ, и что ихъ участки должны были обезпечивать службу каждаго изъ нихъ; съ тяглой точки зрѣнія послѣднее соображеніе можно было примѣнить и къ плательщикамъ подушной подати. Эти мотивы прямо выражены въ указѣ отъ 7 іюня 1727 года, запретившемъ однодворцамъ свободно распоряжаться своими участками: „а впредь съ сего указу въ [шеснатцати] заказныхъ городахъ у однодворцевъ, которые по переписи въ поголовный окладъ положены и содержатъ ландмилицкіе полки, изъ дачъ ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакими образы не крѣпить и не записывать, чтобъ отъ того въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было“. Трудно было, однако, изданіемъ новаго закона уничтожить старинный обычай; однодворцы, вѣроятно, продолжали отчуждать свои земли: тѣ же предписанія были повторены и нѣсколько дополнены въ межевой инструкціи 1754 года. Въ послѣдовавшей затѣмъ межевой инструкціи 1766 года, нѣсколько иначе отнесшейся къ нарушенію указа 1727 года, тотъ же общій принципъ получилъ дальнѣйшее развитіе: здѣсь было выражено слѣдующее правило: „впредь однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ, тѣхъ земель, на которыхъ они

[1]) *А. Ефименко*, Op. cit., I, 339—342.

въ подушный окладъ положены, не только посторонним, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать и въ немъ, кромѣ какъ по-годно, также за долги и въ иски никому не отдавать; а ежели кто продастъ или заложитъ, то купчимъ и закладнымъ быть недѣйствительнымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ относительно такихъ же земель, остающихся по смерти однодворцевъ, сдѣлано постановленіе, почти дословно схожее съ вышеприведеннымъ закономъ о наслѣдованіи черносошными землями [1])

Правительство, какъ видно, окончательно признало земли, „на которыхъ однодворцы были положены въ подушный окладъ и съ которыхъ они содержали ландмилицію", казенною собственностью, розданною имъ въ обезпеченіе ихъ платежной исправности. Слѣдовало, однако, опредѣлить и тотъ размѣръ дачъ, которымъ въ достаточной степени могъ служить такимъ обезпеченіемъ: и дѣйствительно, межевая инструкція 1766 года устанавливаетъ предѣлы однодворческаго надѣла между 8 и 15 десятинами на душу (или 32—60 дес. на дворъ). Отсюда возникли новыя ограниченія прежнихъ помѣстныхъ владѣній однодворцевъ. Въ странѣ „дикаго поля" и „порозжихъ земель" многіе изъ нихъ получили или фактически владѣли участками гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ. Межевая инструкція 1766 года признаетъ тѣ земли, на которыхъ однодворцы положены въ подушный окладъ, за выключеніемъ опредѣленнаго имъ 15-ти десятиннаго надѣла, государственными землями; въ инструкціи постановлено: „оставя имъ сію только пропорцію, затѣмъ всю излишнюю землю изъ ихъ владѣнія отрѣзать къ государственнымъ землямъ" [2]).

Такая аграрная политика все болѣе уравнивала однодворцевъ съ черносошными; слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что она касалась только тѣхъ однодворческихъ земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ или которыми они, въ качествѣ „порозжихъ", фактически владѣли; напротивъ, за однодворцами осталось право продавать земли „отсутственныя" (или „отхожія") и собственныя (вотчинныя), вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, а также крѣпостныхъ людей безъ земли, но только другъ другу [3]).

Усилія правительства, направленныя къ тому, чтобы одно-

---

[1]) П. С. З., т. VII, 5138; т. XVII, № 12659, гл. XIX, ст. 3, 18—20; ср. гл. XX, ст. 12, 13. Сб. Р. И. О., CXV, 3, 7 и др. Ср. выше стр. 140.

[2]) П. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIII, 4—6; гл. XIV, 12; гл. XIX, 2; гл. XXII, 14; гл. XXV, 3; гл. XXXII, 4—5; объ однодворцахъ вообще см. ib., т. XXV, № 18676

[3]) П. С. З., т. XIV, № 10237, меж. инстр. 1754 г. гл. XXIII; т. XVII, 12659, гл. XIX; объ „однодворческихъ половникахъ" см. П. С. З., т. XIV, № 10237, гл. XXIII, ст. 7; т. XXII, № 16393; ср. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 770—775.

дворцы вовсе не отчуждали земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, а остальныя продавали бы по крайней мѣрѣ только членамъ своего сословія, должны были привести и къ покровительству общинному быту, въ извѣстной мѣрѣ уже подготовленному ихъ предшествующей исторіей. Земли издавна раздавались цѣлымъ группамъ помѣщиковъ въ одной межѣ; извѣстна челобитная (1665—1666 г.) одного изъ такихъ владѣльцевъ, испомѣщеннаго въ селѣ послѣ остальныхъ, въ которой онъ проситъ „тѣмъ помѣстьемъ и всякими угодьи владѣть по прежнему съ ними въ ровенствѣ черезъ межу, чтобы было всѣмъ въ ближнихъ и въ дальнихъ мѣстахъ поровну“; сохранились указанія на случаи, когда пахотная земля каждой группы помѣщиковъ дѣлилась „поровенно“ на „клинья“, а сѣнокосы жеребьевались на паи; во всякомъ случаѣ часто встрѣчаются свидѣтельства о томъ, что помѣщики, испомѣщенные въ данномъ селѣ, косятъ сѣно или ловятъ рыбу „вопчѣ“ или „врядъ вопчѣ“ [1]). Въ XVIII-мъ вѣкѣ, однако, у однодворцевъ повидимому еще не было той общинной организаціи, которая могла бы нѣсколько сдерживать борьбу между ихъ имущественными интересами; не было, повидимому, и общиннаго владѣнія съ передѣлами. Свободное отчужденіе земель, вопреки закону долгое время практиковавшееся у нихъ, порождало въ ихъ селеніяхъ тѣ же послѣдствія, какія обнаружились и на сѣверѣ, въ волостныхъ общинахъ; они проявлялись здѣсь, можетъ быть, еще рѣзче, чѣмъ тамъ. Не повторяя ранѣе сказаннаго, укажемъ лишь на нѣкоторыя условія, осложнявшія такую борьбу въ однодворческихъ поселеніяхъ. Участки однодворцевъ дробились, такъ какъ наслѣдники стремились къ равному раздѣлу наслѣдства; выморочныя же земли поступали въ казенное распоряженіе и часто отдавались чиновниками посторонним лицамъ на оброкъ; сосѣдніе землевладѣльцы, судя по жалобамъ однодворцевъ, также часто сами присвоивали себѣ ихъ земли; имущественное неравенство, возникшее между однодворцами, усилилось послѣ отмежеванія примѣрныхъ земель: безземельные, захватившіе лишнія земли, лишились ихъ; подушный окладъ иногда падалъ на однодворцевъ неравномѣрно, такъ какъ они не раскладывали платежа за стариковъ и малолѣтнихъ на все общество: даже круговая порука, которую правительство еще съ 1724 года пыталось распространить на однодворцевъ, существовала далеко не повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтственность за исправную уплату податей, падавшая на все селеніе, приводила къ тому, что бѣдняки, за которыхъ платили

[1]) *П. Ивановъ*, Сябры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., дек., стр. 438—439; ср. *Н. Благовѣщенскій*, Четвертное право, М., 1899 г., стр. 123 и др.

прожиточные, принуждены были поступать къ нимъ въ батраки. Выхода изъ всей этой неурядицы, вызывавшей жалобы со стороны самихъ депутатовъ отъ однодворцевъ на засѣданіяхъ большой коммиссіи 1767—68 гг., нѣкоторые изъ нихъ искали въ передѣлѣ земель. Въ данномъ случаѣ „примѣрныя“ земли могли получить такое же значеніе, какое на сѣверѣ выпало на долю земель „оброчныхъ“. Среди курскихъ однодворцевъ, напримѣръ, раздавались голоса въ пользу того, чтобы примѣрныя земли раздѣлить поровну между всѣми жителями ихъ селеній, положенными въ подушный окладъ; и такое мнѣніе встрѣтило сочувствіе среди мѣстной администраціи, но не заслужило одобренія сената. Другіе предлагали еще болѣе рѣшительную мѣру: однодворцы Керенскаго уѣзда (пацкой провинціи) въ своемъ наказѣ просили, напримѣръ, правительство „ихъ земли и угодья во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ между собою для уравнительнаго содержанія къ общей безобидной тягости раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ“. Сама администрація готова была признать раціональность такого мѣропріятія: „настоитъ не малая надобность, писалъ курскій директоръ домоводства, чтобы между сего рода людьми послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ м. п. душъ“. Эти предложенія не получили, однако, широкаго осуществленія въ XVIII-мъ вѣкѣ: они приводились въ исполненіе мало-по-малу или по добровольному соглашенію самихъ однодворческихъ селеній или по судебному приговору, когда, по поводу споровъ и тяжбъ, возникавшихъ среди однодворцевъ, судьи обыкновенно присуждали „помѣстныя земли разверстать уравнительно по числу душъ“. Впрочемъ, рѣдкіе случаи передѣловъ уже бывали и въ концѣ XVIII-го вѣка. Указомъ 1798 г. повелѣно уравнять землями однодворцевъ, имѣющихъ владѣніе по писцовымъ книгамъ и по дачамъ, запретивъ имъ отчуждать свои надѣлы кому бы то ни было и „оставя безъ раздѣла только тѣ изъ законнопріобрѣтенныхъ ими земель, кои превышали 15-ти десятинную на каждую душу пропорцію“; а тѣмъ изъ нихъ, которые были поселены на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ безъ дачъ, намежевать опредѣленное число десятинъ... „всему селенію общею межою“; но этотъ указъ едва ли могъ получить осуществленіе [1]).

Итакъ, основные моменты въ развитіи аграрной политики правительства въ XVIII в. относительно черносошныхъ и однодворческихъ земель были почти одинаковы: и на сѣверѣ и на югѣ госу-

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18676. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 748, 753—754; *Н. Благовѣщенскій*, Op. cit., стр. 130 *А. Шимановъ*, Op. cit., ib., стр. 206, 412.

дарства правительство начинаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ мѣропріятіяхъ придерживаться взгляда на земли черносошныхъ и однодворцевъ, какъ на казенную собственность, владѣніе которой должно обезпечивать платежную исправность ихъ селеній; затѣмъ оно приступаетъ къ стѣсненію свободы отчужденія такихъ земель; наконецъ, оно стремится произвести уравнительный передѣлъ ихъ, выгодный для обѣднѣвшихъ плательщиковъ и для казны. Можно было бы распространить наши наблюденія и на аналогичныя правительственныя мѣропріятія касательно другихъ группъ сельскаго населенія, сидѣвшаго на казенныхъ земляхъ, а также указать между прочимъ на нѣкоторыя отступленія относительно „иновѣрческихъ земель“, объясняемыя, конечно, мѣстными условіями быта и стремленіемъ правительства нѣсколько обезпечить положеніе новокрещеныхъ иновѣрцевъ [1]). Достаточно, однако, вышесказаннаго для того, чтобы представить себѣ направленіе, въ которомъ развивалась правительственная политика того времени, и характеръ ея воздѣйствія на строй поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ. Послѣдующее законодательство обнаружило, только дальнѣйшее развитіе той же политики въ ея стремленіи обезпечить казенныя селенія землею: дворцовымъ крестьянамъ, напримѣръ, давно уже было разрѣшено покупать по смежности къ ихъ волостямъ малыя деревни съ землями „въ дворцовое вѣдомство“; по подчиненіи ихъ вмѣстѣ съ другими разрядами казенныхъ крестьянъ управленію директоровъ домоводства то же преимущество и на томъ же основаніи было распространено указами 1788—89 гг. на прочихъ поселянъ казеннаго управленія. Въ правилахъ же о продажѣ казенныхъ имѣній съ публичнаго торга (1794 г.) селеніямъ казеннаго вѣдомства было даже предоставлено право преимущественно передъ другими покупать казенныя порожжія земли, съ тѣмъ однакоже, чтобы пріобрѣтать такія земли „къ цѣлымъ селеніямъ“ и за исключеніемъ развѣ случаевъ переселенія нѣкотораго числа семействъ изъ своего селенія на землю, купленную „въ другомъ мѣстѣ“ [2]).

Несмотря на возраставшую зависимость государственныхъ крестьянъ отъ казны, положеніе ихъ, конечно, было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ. Такое заключеніе, кажется, правильнѣе относить не столько къ размѣрамъ земли, приходив-

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8236; т. XII, № 8978; т. XV, № 11231; т. XVII. № 12659 (Меж. инстр. 1766 г., гл. XXII, пп. 10, 11); ср. т. XIX, № 13490. *В. Якушкинъ*, Op. cit., I, Прил. XXV.

[2]) П. С. З., XXII, № 16619; т. XXIII, №№ 16813, 16821, 17227, п. 7. О мѣрахъ переселенія казенныхъ крестьянъ „изъ утѣсненныхъ жительствъ“ въ другія „для удовольствія ихъ землями, о раздачѣ казеннымъ крестьянамъ оброчныхъ статей впрокъ безъ перекупки и пр. см. *В. Якушкинъ*, Op. cit., стр. 155—167.

*

шейся на душу, сколько къ способу обложенія повинностями и податями и къ непосредственной зависимости государственныхъ крестьянъ отъ государственной власти. Дѣйствительно, хотя въ черныхъ волостяхъ земли на душу приходилось сравнительно много (напримѣръ, по даннымъ генеральнаго межеванія 1782—1796 гг. въ среднемъ, въ Вологодской по 35 дес., а въ Олонецкой—по 186 дес. на душу), однако, при оцѣнкѣ такихъ надѣловъ слѣдуетъ имѣть въ виду и качество почвы, и величину пашенныхъ участковъ (всего 2,8 и 2,5 дес. на душу въ тѣхъ же губерніяхъ); кромѣ того населеніе занималось и промыслами, о доходности которыхъ едвали можно въ настоящее время сдѣлать какое-либо общее заключеніе; что же касается черноземныхъ губерній, гдѣ больше всего насчитывалось однодворцевъ, то количество земли, приходившейся на душу, только въ двухъ—трехъ изъ нихъ превосходило средніе размѣры участковъ, которыми пользовались оброчные и даже барщинные крестьяне частновладѣльческихъ имѣній (въ Воронежской губ.—19,3 дес.; въ Тамбовской—15 дес.; въ Орловской—8,7 дес. на душу). Указомъ 1797 года правительство опредѣлило уравнять всѣхъ казенныхъ крестьянъ землею, назначивъ имъ по 15 десятинъ на ревизскую душу; но, можетъ быть, въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, примѣнить такую мѣру было трудно [1]). Во всякомъ случаѣ положеніе государственныхъ крестьянъ было выгоднѣе положенія крѣпостныхъ: въ самомъ дѣлѣ, пользуясь большимъ объемомъ правъ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне, они были подчинены казнѣ, были обезпечены землей и обложены оброкомъ; помѣщичьи крестьяне, напротивъ, зависѣли отъ произвола многихъ господъ, который въ относительно мелкихъ имѣніяхъ чувствовался сильнѣе, а половина изъ нихъ отбывала барщину. Правда, размѣры оброка, падавшаго на государственныхъ крестьянъ, постепенно повышались въ теченіе всего XVIII вѣка: вмѣсто прежнихъ 40 коп. съ души, онъ въ 1760—1764 гг. достигъ до 1 р., а затѣмъ до 2 и даже 3 рублей (указы 1768 г. 13 и 1783 г. мая 3). Наконецъ, въ силу указа отъ 18 декабря 1797 года окладъ оброка былъ квалифицированъ въ зависимости отъ данной мѣстности, свойствъ ея земли, количества ея и развитія промысловъ, на 4 группы [2]): отъ 3 р. 57 к. въ (Архангельской, Новгородской, Иркутской, Бѣлорусской и др. губ.) и до 5 р. 10 к. (въ цен-

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18676. Воспрещеніе крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія безъ крестьянъ, да и то за исключеніемъ „тѣхъ россійскихъ подданныхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ“, отмѣнено только указомъ отъ 12 дек. 1801 г. (П. С. З., т. XXVI, № 20075). *П. Челищевъ*, Путешествіе..., стр. 34, 64 и др.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15723; т. XXIV, № 18278; о переселеніи крестьянъ см. ib., т. XXI, № 15497; т. XXIII, № 17398; т. XXVI, №№ 19500 и 19639. *В. Семевскій*, Op. cit., I, 36—37; II, 260, 660—663, 745. Накладныя прибавлены мною и къ копѣйкамъ.

тральной области, за исключеніемъ Московской и Тверской губерній, а также въ части Поволожья и др.) на душу; въ послѣдующее время размѣры оброка возрасли еще болѣе.

Раскладка и сборы податей были предоставлены крестьянскимъ общинамъ; онѣ платили за „убылыя души“ въ силу круговой поруки; устройство ихъ было частью признано правительствомъ, частью подвергнуто дальнѣйшей регламентаціи. До 1775 г., когда всѣ казенные крестьяне были подчинены вѣдомству казенныхъ палатъ, по существу въ ней, кажется, было мало новаго; поэтому достаточно будетъ ограничиться нѣсколькими замѣчаніями объ общемъ характерѣ ея. Мірской сходъ и выборное самоуправленіе у черносошныхъ крестьянъ были признаны въ указахъ 1760 и 1761 гг.; имъ было разрѣшено для защищенія себя отъ обидъ и для всякихъ ходатайствъ выбирать лучшихъ людей изъ своей среды; за запущеніе недоимокъ указъ 1769 года грозилъ выборнымъ властямъ суровымъ наказаніемъ [1]). Такая же регламентація коснулась и однодворцевъ: со второй половины XVIII столѣтія они сами должны были выбирать подчиненныхъ губернаторамъ управителей; но въ виду причиняемыхъ ими „тягчайшихъ безпокойствъ“ населенію и затрудненій присутственнымъ мѣстамъ должность ихъ вскорѣ была отмѣнена и управленіе однодворцами снова передано губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; вслѣдъ за тѣмъ онѣ стали вѣдать также и новокрещеныхъ [2]). Съ 1775 г. черносошные крестьяне вмѣстѣ съ другими казенными поступили въ вѣдомство казенныхъ палатъ и были поручены въ вѣдѣніе директоровъ экономіи [3]). Правительственная регламентація крестьянскаго самоуправленія получила въ то время болѣе общій характеръ: въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія „установленіе“ императрицы Екатерины II о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества“ и высочайше конфирмованный докладъ, поднесенный императору Павлу „отъ экспедиціи государственнаго хозяйства и опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства“.

[1]) П. С. З., т. XV. № 11120; т. XVII, № 13300, п. 7. Ср. еще инструкцію сотскому: т. XIX, № 14231. *Н. Бржескій*, Op. cit., стр. 57 и сл.; стр. 99 и сл.

[2]) П. С. З., т. XV, №№ 10998 и 11527; т. XVI, №№ 11758 и 12126. *С. Соловьевъ*, И. Р., V, 1235.

[3]) Въ силу „учрежденія объ императорской фамиліи“ 5 апрѣля 1797 года дворцовые крестьяне были снова выдѣлены изъ состава казенныхъ и перешли въ вѣдомство удѣловъ; въ § 5 Учрежденія напечатано: „Имѣнія, въ удѣлъ опредѣленныя, выходя изъ класса имѣній государственныхъ, хотя въ числѣ помѣщичьихъ не поступятъ и названіе имѣютъ удѣльныхъ, но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе помѣщичьихъ владѣній потребно, удѣльные на ряду съ ними употребляются и одинаковымъ образомъ нижнимъ и верхнимъ судамъ подсудимы“; П. С. З., т. XXIV, № 17906; ср. ib., т. XXI, № 15141 (Отд. III, ст. 26) и т. XXV, № 18713. см. еще Исторію Удѣловъ, II (Спб., 1901 г.), Отд. I, стр. 1 и сл.

Установленіе 1787 года, составленное „по сходствію съ высочайшими экономическими пунктами и другими установленіями", предоставляетъ мѣстечкамъ въ 1000 дворовъ и болѣе выбирать себѣ сельскаго старшину, и сверхъ того на каждые 500 дворовъ— сельскаго старосту, двухъ выборныхъ и сборщика податей; число старостъ и выборныхъ въ селахъ и деревняхъ съ меньшимъ числомъ дворовъ соотвѣтственно мѣнялось; въ поселеніяхъ величиною въ 15—50 дворовъ велѣно быть по одному только сельскому старостѣ. Соотношеніе между этими выборными властями въ установленіи еще очень мало выяснено; оно опредѣляетъ вѣдомство ихъ, каждой порознь. Сельскій старшина имѣетъ исполнительную власть. Сельскій староста пользуется, главнымъ образомъ, хозяйственною властью. Выборные „въ присутствіе старосты" раскладываютъ сборы; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ общемъ сужденіи о маловажныхъ спорахъ принимаютъ участіе старшина, староста и выборные, послѣднимъ поручается самостоятельное разбирательство ихъ. Подъ контролемъ всѣхъ этихъ властей сборщикъ сбираетъ подати. Наконецъ, для отправленія низшихъ полицейскихъ функцій учреждаются на каждые сто дворовъ—сотскіе, а на каждые десять дворовъ — десятскіе; они исправляютъ свою должность по очереди. Установленіе 1787 года опредѣлило также нѣкоторыя права самихъ обществъ: каждое общество имѣетъ свою избу, казну и писаря; оно на сходѣ назначаетъ своихъ членовъ по очереди для отбыванія рекрутской повинности; оно тамъ же выслушиваетъ предложенія, дѣлаемыя ему мѣстной администраціей (генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ и директоромъ экономіи) и чинитъ отвѣтъ, сходственный узаконеніямъ и общему добру; оно даже можетъ представлять губернатору и директору экономіи о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, лишь бы это не было противно общему благу и узаконеніямъ [1]). Установленіе 1787 года, кажется, имѣло въ виду преимущественно упорядочить сельское общественное управленіе; нѣкоторымъ изъ его пунктовъ, въ томъ числѣ довольно характернымъ (напр. о сборщикѣ податей и о ходатайствахъ объ общественныхъ нуждахъ), соотвѣтствуютъ и извѣстныя статьи общаго положенія 1861 года.

Высочайше конфирмованный 7 августа 1797 года докладъ отъ экспедиціи государственнаго хозяйства и опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, напротивъ, главнымъ образомъ, касается волостного управленія: онъ подчиняетъ селеніе волости. Правиламъ 1797 года едва ли удалось, однако, ясно разграни-

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16603. Сельскіе старосты должны были также завѣдывать призрѣніемъ малолѣтнихъ сиротъ и незаконнорожденныхъ; см. выше стр. 102; ср. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 54—55.

чить понятія о сельскомъ обществѣ и о волостномъ: выборныя власти обѣихъ инстанцій преслѣдуютъ одинаковыя задачи и многія изъ функцій ихъ однородны; и тѣ, и другія обязаны „взаимно пользѣ поселянъ всякими образы способствовать“; между прочимъ, имъ надлежитъ „пещись о всемъ сельскомъ хозяйствѣ“ своихъ округовъ, напримѣръ, о порядочномъ расположеніи строеній въ селахъ или деревняхъ, о надлежащей эксплоатаціи земли и т. п., причемъ земля сельская и волостная прямо не различаются; и тѣ и другія должны „вразумлять и научать поселянъ“ касательно „добронравія и пользы“, „обнародовать издаваемыя узаконенія и оныя прочитывать“ крестьянамъ при церквахъ и на сходахъ, а также заботиться о „гражданскомъ благочиніи“, принимать полицейскія мѣры касательно нищихъ, бродягъ, огня, прилипчивыхъ болѣзней и т. п.; и тѣ, и другія наблюдаютъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ и мостовъ и т. п.; наконецъ, и тѣмъ, и другимъ поставлено въ обязанность „дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія: что къ общей пользѣ ихъ мѣстъ покажется нужнымъ и представлять о томъ, куда слѣдуетъ“, а также быть у поселянъ „прямыми ходатаями ихъ“. Тѣмъ не менѣе правила въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже различаютъ двѣ инстанціи крестьянскаго самоуправленія: сельское общество и волость; сельскому обществу придается оттѣнокъ имущественнаго союза, волости же—административно-полицейское значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, „сельскимъ“ выборнымъ поставлено въ обязанность „недреманнымъ окомъ бдѣть о цѣлости всѣхъ въ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній“; далѣе, собственно селеніямъ предоставляется и потягольная раскладка податей: такъ какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земель и угодій, да и [такая?] раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, а по каждому селенію особенно, то послѣднему и должно „дѣлать свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ и въ оную волостной голова вмѣшиваться не долженъ“. Волость, напротивъ, получаетъ въ правилахъ 1797 года характеръ преимущественно административно-полицейскій: имъ отличается и волостное правленіе, и тѣ функціи, которыя приписываются исключительно „волостному головѣ“. Волостное правленіе состоитъ изъ выборныхъ должностныхъ лицъ: волостного головы (избираемаго волостнымъ сходомъ на два года), старосты или выборнаго того селенія, гдѣ оно находится, и писаря; въ правилахъ волостному правленію прямо предоставлены только двѣ функціи: безъ его дозволенія никто изъ поселянъ, приписанныхъ къ волости, не имѣетъ права отлучиться „отъ дома своего“; кромѣ того оно „ведетъ вѣрный счетъ“ хлѣбнымъ запасамъ, хранимымъ въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, а также продаетъ и покупаетъ ихъ

„по мірскому всей волости согласію“. Волостному головѣ поручень надзоръ за всѣми сельскими выборными властями. Въ правилахъ не указано, кто производитъ разверстку повинностей и податей по селеніямъ; во всякомъ случаѣ, волостному головѣ предписывается своевременно взыскивать всѣ окладные и не окладные сборы съ волощанъ и взносить ихъ въ казначейства, причемъ самимъ поселянамъ предоставляется ежегодно считать его въ тѣхъ деньгахъ, которыя были собраны съ нихъ въ теченіе года на разныя надобности, а въ случаѣ недочета подвергать его взысканіямъ, прибѣгая даже къ „вспоможенію“ земскаго исправника. Волостной голова долженъ былъ также „въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять; а въ случаѣ несогласія или неудовольствія предоставлять имъ волю развѣдываться въ судахъ“. Такимъ образомъ, судя по правиламъ 1797 года, волости, поскольку она отличалась отъ сельскаго общества, придавалось значеніе преимущественно административно-полицейское, что, впрочемъ, не исключало изъ ея вѣдѣнія и „дѣлъ общественныхъ“ [1]). Простого сопоставленія правилъ 1797 года съ соотвѣтствующими главами общаго положенія 1861 года достаточно для того, чтобы убѣдиться въ ихъ сходствѣ: такимъ образомъ, уже въ концѣ XVIII вѣка была въ значительной мѣрѣ выработана та регламентація, которую редакціонныя коммиссіи гораздо позднѣе перенесли и на крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Впрочемъ, между правилами 1797 и положеніемъ 1861 года, объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей есть существенное отличіе въ томъ, что правила 1797 года не содержатъ никакихъ постановленій о волостномъ судѣ, разработанныхъ впослѣдствіи редакціонными коммиссіями. Такой пробѣлъ объясняется тѣмъ, что въ то время судебныя функціи переданы были, въ силу учрежденія о губерніяхъ 1775 года, въ расправы: нижнюю и верхнюю; здѣсь крестьяне судились съ участіемъ собственныхъ представителей; но, вслѣдъ за упраздненіемъ расправъ, указомъ отъ 9 сентября 1801 года велѣно было взамѣнъ нижней расправы „прибавить по два засѣдателя изъ поселянъ“ въ уѣздномъ и нижнемъ земскомъ судѣ [2]).

Крестьянскія учрежденія нѣсколько обезпечивали государственныхъ крестьянъ отъ произвола казенныхъ чиновниковъ, но не могли вполнѣ оградить ихъ отъ частыхъ злоупотребленій даже со стороны органовъ правительственной власти. По словамъ

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18082; „главное начальство“ надъ хлѣбными магазинами было также поручено волостнымъ головамъ.

[2]) П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 75, 335—377, 396; т. XXIV, № 17702 и т. XXVI, № 20004, ст. 7, пп. 4 и 6; поселяне засѣдали и въ совѣстномъ судѣ.

одного изъ позднѣйшихъ нашихъ дѣятелей, изображавшаго, впрочемъ, положеніе казенныхъ крестьянъ въ очень темныхъ краскахъ, „сей родъ людей бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ; работы и повинности ихъ также неопредѣленны; съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платитъ столько же оброку и несетъ столько же разнообразныхъ земскихъ и волостныхъ повинностей, какъ другой съ восьми или болѣе. Земскіе исправники суть тоже помѣщики съ тою токмо разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но взамѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству не прочатъ“ [1]). Эта картина едва ли вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности; но въ ней ясно указана та зависимость, въ которой государственные крестьяне находились отъ злоупотребленій казенныхъ чиновниковъ. Извѣстно также, что депутаты отъ государственныхъ крестьянъ имѣли возможность высказать свои нужды въ засѣданіяхъ большой коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія; но, по закрытіи коммиссіи, такіе случаи уже болѣе не повторялись.

Въ сущности положеніе государственныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ оставалось довольно шаткимъ [2]). Казна распоряжалась иногда не только государственною землею, но и государственными крестьянами, какъ своей собственностью. Правительство приписывало, напримѣръ, государственныхъ крестьянъ къ горнымъ и другимъ заводамъ для отработки податей; эта мѣра, возникшая еще въ XVII вѣкѣ, разумѣется, стала практиковаться гораздо чаще въ слѣдующемъ столѣтіи, такъ что общее число приписныхъ крестьянъ съ 1719 года, когда ихъ числилось до 31.383 д., къ концу вѣка (1794—1796 гг.) возросло по крайней мѣрѣ въ десять разъ; въ томъ числѣ болѣе трети ихъ было приписано къ частнымъ заводамъ. А между тѣмъ съ такою припиской заводскія конторы получали возможность „наряжать крестьянъ

---

[1]) *Гр. М. Сперанскій*, О крѣпостныхъ людяхъ въ Арх. ист. и практ. св. Н. Калачова, кн. III, Спб. 1859 г., ст. 13—14; разсужденія автора, написано не ранѣе 1827 года; см. стр. 7 и 11. Ср. „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. подъ ред. П. Бартенева, II, 157 и 164. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было мало или вовсе не было дворянскихъ имѣній, земскій исправникъ, стоявшій во главѣ нижняго земскаго суда, опредѣлялся „намѣстническимъ правленіемъ изъ чиновныхъ людей по представленію трехъ достойныхъ людей отъ верхней расправы“; см. П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 23, 66, 235 и сл.; ср. т. XXV, № 18352.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ указахъ отъ 25 ноября 1741 г. (ср. выше стр. 95) и отъ 3 іюля 1762 г. (П. С. З., т. XVI, № 11591) велѣно приводить къ присягѣ всякаго чина людей „кромѣ пашенныхъ крестьянъ“; въ числѣ разрядовъ населенія, приводимыхъ къ присягѣ, государственные крестьяне особо не упоминаются; ср. выше стр. 133.

на работу и во время работъ вѣдали ихъ судомъ и расправой", что открывало, конечно, широкій доступъ всяческимъ злоупотребленіямъ; „порабощеніе крестьянамъ свыше мѣръ человѣческихъ, а паче съ мучительствомъ чинимо было". Естественно, что „мучительства" порождали крестьянскія волненія: одно изъ нихъ уже возникло въ 1678 году; они продолжаются въ теченіе всего XVIII вѣка. Только послѣ извѣстнаго движенія крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ (особенно въ 1760—1764 гг.), правительство стало воздерживаться отъ новыхъ приписокъ крестьянъ къ частнымъ заводамъ и даже забрало нѣкоторые изъ нихъ въ казну за долги владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе еще въ 1794—1796 гг. въ такомъ положеніи числилось до 70.965 д. Впрочемъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ были сдѣланы попытки улучшить бытъ приписныхъ крестьянъ, а съ 1781 года (янв. 30) приставамъ казенныхъ промысловъ и заводовъ, а также частнымъ людямъ было запрещено самимъ наказывать казеннаго вѣдомства крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ; но только въ 1803 году, да и то крестьяне, приписанные къ однимъ только уральскимъ заводамъ, были освобождены отъ обязательной заводской работы; взамѣнъ ихъ изъ людей, набранныхъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ, образовался особый классъ „непремѣнныхъ работниковъ", вошедшихъ въ составъ посессіонныхъ крестьянъ [1]). Другая мѣра, свидѣтельствующая о томъ же взглядѣ правительства на государственныхъ крестьянъ, какъ на казенную собственность, состояла въ раздачѣ населенныхъ имѣній: она практиковалась издавна, но получила значеніе безусловнаго пожалованія людей людьми только послѣ перемѣнъ, описанныхъ выше; въ награду за службу или за особыя услуги, оказанныя правительству или монарху, можно было получить отъ него населенное имѣніе; бывали случаи пожалованія и „для увеселенія". Такая раздача уже производилась при Петрѣ I, но особенно возрасла при Екатеринѣ II и Павлѣ I; въ то время около 700000 душъ мужескаго пола (изъ нихъ около 300000 въ теченіе 1796—1801 гг.) было роздано въ частную собственность; достаточно было письменнаго именного указа сенату для того, чтобы лишить многихъ государственныхъ крестьянъ даже тѣхъ весьма скромныхъ преимуществъ, которыми они пользовались сравнительно съ помѣщичьими крестьянами. И только съ 1801 года пожалованія населенныхъ имѣній были прекращены и уже болѣе не возобновлялись [2]).

---

[1]) Сб. Р. И. О., VII, 188—195. *В. Семевскій*, Op. cit., II, 295—593.

[2]) Отдѣльные примѣры пожалованій см. въ Сб. Рус. Ист. Общ., VII 108—110; Арх. кн. Воронцова, XIII, 354—356 и др. *К. Побѣдоносцевъ*, Op. cit., 219—229.

Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія прежнее различіе въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ усилилось: государственные крестьяне были окончательно освобождены отъ раздачи помѣщикамъ, крѣпостные— продожали зависѣть отъ ихъ произвола; государственные крестьяне состояли въ вѣдѣніи органовъ казеннаго управленія: крѣпостные же отстранялись отъ такихъ отношеній помѣщиками, стоявшими между ними и государственной властью; права и учрежденія государственныхъ крестьянъ были отчасти признаны закономъ; крестьяне помѣщичьи, напротивъ, оставались почти „мертвыми въ законѣ, развѣ по дѣламъ уголовнымъ“. Тѣмъ не менѣе въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ того времени можно указать и на нѣсколько общихъ чертъ, въ сущности отрицательнаго характера: мысли о высокомъ значеніи всякой человѣческой личности и объ „общемъ правѣ государственныхъ родовъ“, уже мелькнувшія въ сознаніи русскаго общества шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, почти не отразились въ законодательствѣ: понятіе о „гражданинѣ“, уже отчасти усвоенное лучшими представителями нашей общественности конца этого вѣка, было слишкомъ чуждо большинству общества, проникнутому сословно-крѣпостническими тенденціями, а также слишкомъ мало согласовалось съ понятіями о „государственныхъ родахъ“ и объ абсолютизмѣ для того, чтобы утвердиться въ законодательной политикѣ; а при такихъ условіяхъ всего болѣе теряли тѣ, которые принадлежали къ „нижнему роду людей“. Даже ничтожныя права и учрежденія, казалось, признанныя за крестьянами въ силу обычая, были очень плохо обезпечены и оставались почти безъ всякой охраны въ законѣ; отсюда проистекали тяжелыя послѣдствія и для самихъ крестьянъ, и для государства: крестьяне отвыкали отъ правомѣрныхъ отношеній, ибо законъ, поддерживавшій порядокъ, „противный справедливости“, не могъ внушить имъ должнаго уваженія къ нему, а „всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе“ порождало въ другихъ слояхъ общества привычки и поползновенія, вредныя для „общаго блаженства“. „Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, писалъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ публицистовъ XVIII вѣка, называться бла-

---

Рус. Стар. 1878 г., XXIII, 737 (о пожалованіи кн. А. Г. Долгорукову 12.000 крестьянъ). *В. Семевскій*, Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II въ Отеч. Зап. 1877 г. № 8 и Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе импер. Павла въ Рус. Мысли 1882 г., № 12; по подсчету автора общій итогъ пожалованій императора Павла I равняется 287.941 д. м. п.; но изъ 528 пожалованій размѣръ 16 остается неизвѣстнымъ.

женнымъ?“; нѣтъ, оно будетъ блаженнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда „спокойствіе и миръ водворятся въ сердцахъ гражданъ, а не тогда, когда въ немъ царствуетъ только тишина и устройство“. Между тѣмъ русское правительство XVIII вѣка смотрѣло на крестьянъ, главнѣйшимъ образомъ, какъ на плательщиковъ государственныхъ податей и даже въ вѣкъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ далеко не успѣло освободиться отъ исключительно фискальной точки зрѣнія на сельское населеніе. Въ русскомъ обществѣ того времени можно было, однако, встрѣтить людей, уже думавшихъ иначе: они были убѣждены, что государство существуетъ въ виду общаго блага гражданъ и что народъ долженъ имѣть право на „гражданское званіе“ и пользоваться его преимуществами, а не только служить государству. Всякому, кто сознавалъ справедливость этихъ требованій, суровая дѣйствительность казалась еще болѣе тяжелой, но изъ такого сознанія онъ могъ черпать и живыя силы для обновленія ея въ дальнѣйшемъ будущемъ...

А. С. Лаппо-Данилевскій.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой половинѣ XIX-го вѣка [1]).

I.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Екатерины II и имп. Павла.

Первое предположеніе объ освобожденіи крестьянъ было сдѣлано въ концѣ XVII вѣка, но повидимому оно относилось къ крестьянамъ дворцоваго вѣдомства; хотя оно и было высказано такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ кн. В. В. Голицынъ, но не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Въ царствованіе Петра Великаго Посошковъ выразилъ желаніе, чтобы былъ точно опредѣленъ размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика и чтобы совершенно и навсегда крестьянская земля была отдѣлена отъ помѣщичьей, но эта мысль также не была осуществлена. Дворянство, до царствованія Петра III, заботилось всего болѣе о томъ, чтобы добиться прекращенія обязательности для себя службы, собственнаго освобожденія отъ закрѣпощенія за государствомъ, и потому понятно, что, напримѣръ, въ извѣстныхъ до сихъ поръ заявленіяхъ шляхетства при восшествіи на престолъ Анны Ивановны мы не находимъ вовсе предложеній объ ограниченіи помѣщичьей власти.

---

[1]) Въ основу настоящей статьи положено введеніе къ моей двухтомной книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ (Спб. 1888 г., т. I, стр. IV—XLIX), представляющее общіе выводы изъ всего труда, но это введеніе переработано и значительно дополнено на основаніи какъ печатныхъ, такъ и нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ. Ссылки на источники и библіографическія указанія, касающіяся всего заимствованнаго изъ этого введенія, можно найдти въ названной книгѣ, а библіографическія указанія относительно фактовъ, изложенныхъ на основаніи новыхъ матеріаловъ, сдѣланы въ примѣчаніяхъ къ статьѣ.

Только достигнувъ при Петрѣ III свободы отъ обязательной службы, нѣкоторые изъ дворянъ начинаютъ высказываться за облегченіе участи крѣпостныхъ. Такъ въ 1763 году П. И. Панинъ предлагалъ императрицѣ Екатеринѣ II запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу людей лишь цѣлыми семьями и, наконецъ, составить примѣрное положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ не для обнародованія его, но для секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ, чтобы они могли руководствоваться этимъ положеніемъ при внушеніяхъ помѣщикамъ, притѣсняющимъ своихъ крестьянъ. Нашъ посланникъ въ Парижѣ, князь Дм. Алексѣев. Голицынъ, предлагалъ въ 1765 г. даровать крѣпостнымъ право собственности на движимое имущество и дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ, для чего совѣтовалъ учредить странствующихъ судей или трибуналы въ городахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружался противъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны государства для освобожденія крѣпостныхъ, желая предоставить это дѣло частной иниціативѣ дворянъ, и совѣтовалъ только императрицѣ Екатеринѣ II подать въ дворцовыхъ вотчинахъ примѣръ личнаго освобожденія крестьянъ. И. П. Елагинъ, указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, также предлагалъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалъ такія вредныя мѣры, какъ насильственное разрушеніе общиннаго землевладѣнія и искусственное устройство дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ. Григорій Орловъ готовъ былъ приступить даже на дѣлѣ, при помощи пастора Эйзена, къ раздачѣ крестьянамъ въ своемъ имѣніи Ропшѣ земель въ наслѣдственную аренду съ опредѣленіемъ размѣра оброка, но его предположенія не осуществились. Взгляды императрицы Екатерины II на крестьянскій вопросъ извѣстны намъ изъ Наказа: въ печатной редакціи этого труда она указывала на необходимость опредѣлить повинности крестьянъ особымъ закономъ, оградить ихъ права на имущество и предоставить имъ свободу вступать въ бракъ по своему желанію; въ неизданныхъ мѣстахъ Наказа императрица предлагала учрежденіе сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденіе семейства изнасилованной женщины, опредѣленіе размѣра выкупа на свободу и запрещеніе вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя (только это послѣднее предположеніе было осуществлено впослѣдствіи Екатериною II [1]).

[1]) О положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ это время см. мою книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“. Томъ I, изд. 2, 1903 г. (Общіе выводы во введеніи).

Дѣло, очевидно, шло не о прекращеніи крѣпостного права, а объ его ограниченіи, и эта программа была неизмѣримо удачнѣе позднѣйшей мысли императрицы о личномъ освобожденіи всѣхъ дѣтей, рожденныхъ послѣ извѣстнаго года. Наряду съ этими стремленіями къ ограниченію крѣпостного права высказывались и крѣпостническія тенденціи: такъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, чтобы дворянамъ дана была безпредѣльная власть надъ ихъ крестьянами; Сумароковъ, въ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины, также высказывался не только противъ освобожденія крѣпостныхъ, но и противъ ограниченія крѣпостного права [1]).

Не довольствуясь совѣтами по крестьянскому вопросу ближайшихъ къ ней лицъ, Екатерина, при посредствѣ вольнаго экономическаго общества, предложила въ 1766 г., рѣшенію не только всѣхъ русскихъ людей, но и всей западной Европы вопросъ, въ чемъ должна состоять собственность земледѣльца—въ землѣ, которую онъ обработываетъ, или въ движимости. Изъ 162 присланныхъ отвѣтовъ на русскомъ языкѣ было написано только 7. Всѣ одобренныя сочиненія были болѣе или менѣе либеральнаго направленія, но большинство общества высказалось противъ напечатанія труда Беарде-де-Лабея, получившаго первую награду, и это сочиненіе увидѣло свѣтъ только благодаря вліянію членовъ общества, приближенныхъ къ императрицѣ (братьевъ Орловыхъ гр. Р. Воронцова, гр. Чернышева, Сиверса и Теплова). Писатели-французы признавали въ теоріи полезность предоставленія крестьянину права собственности на землю, но обыкновенно совѣтовали при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, что достиженіе извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иные были не прочь удовольствоваться и однимъ личнымъ освобожденіемъ. Такъ Беарде-де-Лабей, послѣ подготовительныхъ мѣръ для того, чтобы сдѣлать крестьянъ достойными свободы, совѣтовалъ даровать имъ и личное освобожденіе, и право на движимое имущество, завершеніемъ же этого дѣла считалъ надѣленіе крестьянина маленькимъ клочкомъ земли, не обезпечивающимъ его существованія, и при которомъ онъ долженъ былъ бы брать въ аренду землю помѣщика. Вольтеръ предлагалъ предоставить уничтоженіе крѣпостного права инициативѣ самихъ дворянъ и ничего не имѣлъ противъ безземельнаго освобожденія. Мармонтель желалъ освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ безсрочное пользованіе за опредѣленный взносъ деньгами или натурою, но совѣтовалъ не спѣшить съ

---

[1]) Возраженія имп. Екатерины II на замѣчанія въ крѣпостническомъ духѣ Сгрубе (или Штрубе) де-Пирмонта въ его книгѣ „Lettres Russiennes“ (1760 г.) на сочиненіе Монтескье см. въ ст. *А. Н. Пыпина* „Екатерина II и Монтескье“. „Вѣсти. Евр.“ 1903 г. № 5, стр. 291—292.

освобожденіемъ крестьянъ посредствомъ правительственныхъ мѣръ и пока удовольствоваться опредѣленіемъ повинностей, за которыя крестьянинъ будетъ имѣть право пользоваться участкомъ помѣщичьей земли. Всего болѣе замѣчательно сочиненіе француза Граслена, напечатанное вольнымъ экономическимъ обществомъ въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Беарде-де-Лабея. Граслень считалъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. Авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ, обратившихъ на себя вниманіе общества, обыкновенно рекомендуютъ, по крайней мѣрѣ для даннаго времени, не освобожденіе крестьянъ, а предоставленіе имъ земли въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности; но нѣкоторые предлагаютъ наиболѣе исправныхъ крестьянъ вскорѣ награждать и дарованіемъ свободы. Мнѣніе русскаго писателя Полѣнова, увѣнчанное наградой второй степени, осталось вовсе не напечатаннымъ, потому что авторъ подвергъ строгой критикѣ существующія отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Что касается положительныхъ требованій Полѣнова, то онъ настаивалъ на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращеніи продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точномъ опредѣленіи его повинностей и предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму, но ставилъ исполненіе этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія самихъ помѣщиковъ, на которыхъ совѣтовалъ дѣйствовать примѣромъ,—введеніемъ подобныхъ реформъ въ дворцовыхъ вотчинахъ.

Нѣсколько позднѣе окончательно выяснились и взгляды кн. Д. А. Голицына. Его мечты ограничивались тѣмъ, чтобы крестьянамъ была дана только личная свобода; онъ считалъ весьма выгоднымъ для помѣщиковъ такое безземельное освобожденіе крѣпостныхъ. Вся земля должна остаться въ рукахъ помѣщика; крестьянинъ дѣлается безземельнымъ арендаторомъ. Мысль о надѣленіи крестьянина землею изъ владѣній помѣщика кажется этому либеральному барину просто нелѣпостью; государство должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю. За то съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся онъ къ предложенію кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться на свободу за слишкомъ большой для того времени выкупъ въ 250 р. съ души.

Любопытно появленіе въ это время такихъ предположеній по крестьянскому вопросу, которыя связывались съ пожеланіями политическихъ реформъ. Такъ кн. Е. Р. Дашкова была противъ

освобожденія крестьянъ до того времени, когда они достигнутъ извѣстной степени просвѣщенія, но допускала ограниченіе крѣпостного права одновременно съ ограниченіемъ самодержавной власти; такимъ образомъ, она прикрывала свое крѣпостничество въ крестьянскомъ дѣлѣ либерализмомъ въ вопросахъ политическихъ. Проектъ политическихъ реформъ гр. Н. И. Панина, составленный имъ подъ вліяніемъ изученія шведскаго государственнаго устройства, отдавалъ законодательную власть въ руки дворянства, а такъ какъ большинство этого сословія было проникнуто въ то время крѣпостническими тенденціями, то, слѣдовательно, упоминаемое авторомъ постепенное освобожденіе крѣпостныхъ или осталось бы при новомъ государственномъ строѣ неисполненнымъ, или осуществилось бы на началахъ, для народа вредныхъ. Но какъ бы ни были ошибочны или несимпатичны взгляды на крестьянскій вопросъ нѣкоторыхъ лицъ, увлекавшихся примѣрами запада (Англіи или Швеціи) относительно политическихъ реформъ, западнымъ вліяніямъ мы обязаны и появленіемъ такихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, какъ Полѣновъ и Радищевъ.

Еще прежде, чѣмъ вольное экономическое общество рѣшило вопросъ о печатаніи русскаго перевода сочиненія, заслужившаго премію, въ комиссіи для составленія новаго уложенія начались въ 1768 г. оживленныя пренія относительно крѣпостного права. Здѣсь почти всѣ сословія стали ходатайствовать о предоставленіи имъ права пріобрѣтать крѣпостныхъ людей [1]). Пока существовалъ крѣпостной трудъ, всѣ хотѣли пользоваться доставляемыми имъ благами. Даже черносошные крестьяне хлопотали о дозволеніи покупать людей, впрочемъ для того только, чтобы сдавать ихъ вмѣсто себя въ рекруты. Но эти притязанія встрѣтили энергическій отпоръ со стороны дворянства. Раздались также нѣкоторые протесты противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, но депутаты отъ дворянства довольно сочувственно отнеслись лишь къ одному предложенію относительно ограниченія помѣщичьей власти, а именно къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Продолжительныя пренія возбудило мнѣніе депутата отъ

[1]) На этомъ настаивали депутаты отъ купечества и служилыхъ людей извѣстныхъ подъ именемъ сибирскихъ дворянъ; депутаты донского, уфимскаго и сибирскаго казачьихъ войскъ просили о предоставленіи этого права ихъ старшинамъ; относительно духовенства объ этомъ ходатайствовалъ синодъ въ своемъ наказѣ; однодворцы, часть которыхъ [владѣла населенными землями просили дозволенія покупать крѣпостныхъ у помѣщиковъ; этого добивались и сходные съ однодворцами пахотные солдаты, и тѣ изъ канцелярскихъ служителей, которые не имѣли права владѣть деревнями, и нижніе военные чины (ниже оберъ-офицера) не изъ потомственныхъ дворянъ.

козловскаго дворянства, Коробьина, который предлагалъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе; изъ 20-ти депутатовъ, говорившихъ по этому поводу, 8 было за улучшеніе быта крѣпостныхъ и 12 противъ (въ числѣ этихъ 12-ти былъ только одинъ однодворецъ, а всѣ остальные—депутаты отъ дворянъ [1]). Противники мнѣнія Коробьина указывали на невозможность опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; были сдѣланы также вѣскія указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоставленія имъ полной собственности на землю, съ правомъ ея отчужденія, при чемъ, въ подтвержденіе этого мнѣнія, ссылались на положеніе однодворцевъ, а также и черносошныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если депутаты, проникнутые либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ, содѣйствовали своими рѣчами распространенію мысли о необходимости уничтоженія крѣпостного права, то консерваторы были полезны тѣмъ, что въ своихъ возраженіяхъ указывали на слабыя стороны освободительныхъ проектовъ, на пагубность для крестьянъ безземельнаго освобожденія, а также на вредныя стороны личнаго землевладѣнія и разрушенія поземельной общины которую игнорировали нѣкоторые либералы [2]).

Въ проектѣ правъ благородныхъ, выработанномъ въ частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, состоявшей при большой законодательной комиссіи, была статья, предоставлявшая помѣщикамъ право обращать деревни, которыми они владѣютъ на крѣпоснотмъ правѣ, въ деревни свободныя, т. е. даровать крестьянамъ личную свободу безъ земли. При обсужденіи проекта правъ благородныхъ, многіе ораторы изъ дворянства высказались противъ этого предложенія, другіе находили его недостаточно выясненнымъ въ проектѣ; въпользу предложенія говорили Коробьинъ и депутатъ отъ дворянъ изюмской провинціи Лука Татищевъ, при чемъ послѣдній ссылался на примѣръ Англіи.

---

[1]) Во время этихъ преній однодворецъ Масловъ предложилъ поручить взиманіе поборовъ съ крестьянъ въ пользу помѣщика особымъ правительственнымъ учрежденіямъ, а депутатъ отъ шляхетства екатеринпнской провинціи, Козельскій, совѣтовалъ установить въ пользу помѣщика двухдневную барщину или соотвѣтственный оброкъ и отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ въ потомственное владѣніе крѣпостныхъ

[2]) О консервативныхъ мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу депутата въ комиссіи для составленія новаго уложенія, извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова, см. въ статьѣ о немъ В. А. Мякотина въ его книгѣ „Изъ исторіі русскаго общества“ 1902. Объ обсужденіи крестьянскаго вопроса въ екатерининской законодательной комиссіи см. еще статью *В. Н. Строева* въ „Рус. Стар.“ 1902 г. № 10.

Но во всякомъ случаѣ эти пренія показали, что огромное большинство дворянъ не раздѣляло въ то время мысли о полезности для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которую уже вполнѣ усвоилъ себѣ, подъ вліяніемъ западнаго примѣра, кн. Д. А. Голицынъ.

Въ той же частной комиссіи (для разбора родовъ государственныхъ жителей) вырабатывался и проектъ крестьянскихъ правъ. Члены ея Вольфъ и Унгернъ-Штернбергъ въ своихъ проектахъ сдѣлали нѣкоторыя предложенія относительно ограниченія крѣпостного права, но въ проектѣ, выработанномъ этою частною комиссіею, все улучшеніе быта крѣпостныхъ сводилось на запрещеніе разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ малолѣтними дѣтьми моложе 7 лѣтъ; оно допущено, очевидно, потому, что противъ запрещенія продажи людей въ розницу высказались почти всѣ ораторы въ большой законодательной комиссіи. Требованіе императрицы (въ начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія) относительно того, что нужно ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, осталось невыполненнымъ; не были предложены и тѣ мѣры, полезность которыхъ признавала Екатерина въ печатной редакціи Наказа [1]). Проектъ крестьянскихъ правъ, выработанный комиссіею о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, вовсе не обсуждался въ большой законодательной коммиссіи, такъ какъ онъ былъ готовъ, когда ея засѣданія уже прекратились [2]).

---

[1]) Невозможность опредѣлить повинности крестьянъ Унгернъ-Штернбергъ объяснялъ прежде всего разнообразіемъ условій ихъ быта въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Онъ указывалъ также на то, что если опредѣлить размѣръ ежегодныхъ поборовъ съ крестьянъ „на вѣчныя времена, чтобъ они ихъ платили изъ земныхъ произращеній“, по примѣру Лифляндіи, острова Эзеля, Эстляндіи и Финляндіи, и сообразно съ этимъ исполняли бы барщину, то необходимо было бы, какъ и въ названныхъ провинціяхъ, размежевать и оцѣнить всѣ крестьянскія земли и описать ихъ качество. Если же пожелаютъ немедленно опредѣлить повинности крестьянъ, то остается только одинъ способъ: предоставить дворянству каждаго уѣзда или каждой провинціи опредѣлить по общему соглашенію на извѣстное число лѣтъ поборы и работы съ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы до истеченія установленнаго срока никто не могъ требовать съ нихъ болѣе назначеннаго. Рук. Публичн. Румянц. музея въ Москвѣ, № 2934, т. III.

[2]) Крѣпостные дворовые въ составленныхъ въ то время вершахъ жаловались, что имъ не дано права на „отцовское наслѣдство“, что имъ не дозволено жаловаться на господъ, если тѣ даже убьютъ кого-либо изъ нихъ, что за жалобу на владѣльца ихъ велѣно наказывать кнутомъ, что ихъ отвратительно кормятъ господа. „Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ: холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ“. „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка. Съ предисловіемъ Н. С. Тихонравова“. „Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 г.“, стр. 9—14. Срав. подметное письмо „людей барскихъ“ (около 1700 г.) съ мольбою къ Петру В. объ ихъ освобожденіи. „Под-

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ вольномъ экономическомъ обществѣ и законодательной комиссіи не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ, но и то, и другое имѣло несомнѣнно плодотворное, воспитательное значеніе для современниковъ: крестьянскій вопросъ былъ поставленъ, и поставленъ очень громко. Есть указаніе, что въ столичномъ обществѣ онъ сдѣлался весьма нерѣдкимъ предметомъ разговора, а депутаты, возвратившіеся изъ законодательной комиссіи, должны были занести и въ провинціальныя захолустья толки объ этомъ важномъ дѣлѣ [1]). Тяжесть крѣпостного права мѣстами вызывала съ ихъ стороны болѣе или менѣе серьезныя волненія, но нельзя не признать, что они были въ то время не особенно частымъ явленіемъ, гораздо болѣе рѣдкимъ, чѣмъ во вторую четверть XIX вѣка въ эпоху, предшествующую паденію крѣпостного права. Однако во время Пугачевщины крѣпостные приняли весьма дѣятельное участіе въ волненіи и при посредствѣ пугачевскихъ манифестовъ заявили на всю Россію, что имъ нужна свобода отъ помѣщичьей власти, и при томъ не иначе, какъ съ землею [2]). Въ ученіи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, напримѣръ, молоканъ, также сказывается отрицательное отношеніе народа къ крѣпостному праву. Къ сожалѣнію, Пугачевщина не надоумила ни правительство, ни дворянство, что необходимо принять дѣйствительныя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Это поняли, однако, нѣкоторые наиболѣе образованные люди, какъ, напримѣръ, новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ, совѣтывавшій императрицѣ ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ и лишить ихъ права ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь безъ судебнаго разбирательства, установить размѣръ выкупа на свободу, предоставить крѣпостнымъ полную свободу въ дѣлѣ женитьбы; онъ предлагалъ также дозволить купцамъ 1 и 2 гильдіи покупать людей въ ограниченномъ количествѣ къ фабрикѣ или ремеслу съ тѣмъ, чтобы дѣти такихъ людей были свободны. Въ 1780 г. 16 ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ по взаимному соглашенію составили правила,

---

метныя письма", сообщ. Бѣлокуровымъ въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс." 1888, т. II, 14—15, 42—45.

[1]) Сынъ помѣщика Нармацкаго, истязавшаго своихъ крѣпостныхъ и сосланнаго въ 1772 г. въ Сибирь, мечталъ объ освобожденіи своихъ крестьянъ, объяснялъ имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными, и за это по жалобѣ мѣстныхъ дворянъ государынѣ на „сумасбродныя" его намѣренія былъ вызванъ въ Нижній-Новгородъ и признанъ сумасшедшимъ, а имѣніе отдано подъ опеку. *Корсаковъ*, „Изъ жизни рус. дѣят. XVIII в." 1891 г., стр. 58, 61.

[2]) *Гротъ*, „Матер. для ист. Пугач. бунта". Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа, 1875, стр. 53.

опредѣляющія размѣръ повинностей ихъ крестьянъ, но при этомъ они, повидимому, руководствовались болѣе собственною выгодою, чѣмъ интересами крестьянъ,—мы не знаемъ, впрочемъ, примѣнялись ли эти правила на дѣлѣ. Къ 1785 году относится составленіе одного изъ самыхъ замѣчательныхъ консервативныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу. Авторъ прежде всего разсматриваетъ вопросъ о личномъ, безземельномъ освобожденіи крестьянъ, при которомъ имъ было бы дозволено переходить съ мѣста на мѣсто и пришлось бы пользоваться чужою землею за извѣстную плату, и доказываетъ, что свобода перехода была бы для нихъ вредна. Затѣмъ онъ возражаетъ противъ предоставленія крестьянамъ земли въ собственность съ правомъ для каждаго отчуждать свой участокъ, такъ какъ результатомъ этого будетъ современемъ обезземеленіе многихъ въ пользу болѣе богатыхъ членовъ крестьянскаго общества, сильное развитіе имущественнаго неравенства. Однако вся аргументація автора могла бы быть разбита предложеніемъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

Литература и журналистика въ царствованіе императрицы Екатерины, по мѣрѣ возможности, содѣйствовала распространенію въ обществѣ освободительныхъ стремленій обличеніями мерзостей крѣпостного права. Тутъ слѣдуетъ назвать сатирическіе журналы Н. И. Новикова и др., комедіи императрицы Екатерины II, Фонъ-Визина и Княжнина, стихотворенія, прозаическія статьи и нѣкоторыя комедіи Сумарокова и статьи въ различныхъ журналахъ второй половины екатерининскаго царствованія, особенно въ „Почтѣ духовъ“ (1789 г.) и „Зрителѣ“ (1792 г.) Крылова и въ „Сатирическомъ Вѣстникѣ“ Страхова [1]). Къ сожалѣнію при этомъ приходилось бороться съ препятствіями со стороны правительства, и, напримѣръ, замѣчательная ода Капниста „На рабство“ въ свое время не была напечатана. Кромѣ того общественная реакція сказалась въ томъ, что нѣкоторые писатели стали идеализировать положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ серьезныхъ сочиненій того времени наиболѣе замѣчательны произведенія Болтина и Радищева. Болтинъ держится мнѣнія Руссо, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, что „прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже тѣла“, но въ то же время онъ считаетъ необходимымъ ограничить крѣпостное право, а своими указаніями на дурныя стороны жизни крестьянъ въ западной Европѣ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. За нимъ

[1]) О послѣднемъ журналѣ см. ст. *С. Тимофѣева*, „Послѣдній представитель русской сатиры прошлаго вѣка“. „Историч. Вѣстн.“ 1888 г. № 8, стр. 350—352.

остается и та заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землею. Но выше всѣхъ трудовъ, касавшихся крестьянскаго вопроса въ эпоху императрицы Екатерины II, несомнѣнно стоитъ сочиненіе Радищева, погубившее его при жизни и обезсмертившее въ потомствѣ. Обличая злоупотребленія помѣщичьею властью, указывая на *невыгодность* крѣпостного права и для государства, и для отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ „принужденная работа даетъ меньше плода“, онъ въ то-же время представляетъ цѣлую программу улучшенія быта, а въ концѣ концовъ и освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. „Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой“, говоритъ Радищевъ, „должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать“ [1]).

Такимъ образомъ въ царствованіе императрицы Екатерины II мы встрѣчаемъ не мало указаній на то, что слѣдуетъ сдѣлать для ограниченія крѣпостного права [2]). Однако, съ этою цѣлью было принято правительствомъ лишь нѣсколько ничтожныхъ частныхъ мѣръ [3]), но рядомъ съ этимъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, дозволеніе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ пра-

---

[1]) Изъ новѣйшихъ работъ о Радищевѣ укажемъ статьи: *В. А. Мякотина* въ его книгѣ „Изъ исторіи русскаго общества“ (1902 г.) и *М. Туманова* въ „Вѣстн. Европы“ 1904 г., № 2.

[2]) Всего чаще въ различныхъ мнѣніяхъ и проектахъ того времени мы встрѣчаемся съ требованіемъ запретить продажу людей порознь съ разлученіемъ семей; дѣйствительно эта мѣра была настоятельно необходима въ виду того, что тогда стали выводить толпы людей для продажи на рынокъ и даже въ Петербургъ привозили людей цѣлыми барками на продажу. Затѣмъ, нѣкоторые признавали необходимымъ точное опредѣленіе повинностей крѣпостныхъ, желали предоставить крестьянину право жаловаться на помѣщика, право жениться по своему усмотрѣнію, безъ платы выводныхъ денегъ владѣльцу невѣсты, право собственности на движимое имущество, наслѣдственное владѣніе землею подъ условіемъ исправнаго отбыванія лежащихъ на нихъ повинностей и право выкупаться на свободу за опредѣленную сумму. Были также желающіе точнаго узаконенія относительно того, какимъ наказаніямъ могъ господинъ подвергать своихъ крестьянъ, и запрещенія вообще продажи крестьянъ безъ земли.

[3]) Была запрещена продажа людей безъ земли только при продажѣ имѣній съ аукціона и годныхъ въ рекруты въ теченіе трехъ мѣсяцевъ предъ рекрутскимъ наборомъ, запрещено вольноотпущеннымъ и вольнымъ людямъ „разныхъ народовъ“, „безъ изъятія рода и закона“, закрѣпощать себя, запрещено считать незаконнорожденныхъ подкидышей крѣпостными ихъ воспитателей, прекращено закрѣпощеніе малолѣтнихъ незаконнорожденныхъ отъ свободныхъ матерей, законнорожденныхъ сиротъ, ходящихъ по міру, военноплѣнныхъ, принявшихъ православіе, хотя бы они были женаты на крѣпостныхъ, и безмѣстныхъ церковниковъ и вообще было подготовлено окончательное уничтоженіе правила „по рабѣ холопъ“, т. е. закрѣпощенія свободнаго человѣка вслѣдствіе женитьбы на крѣпостной.

вомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію. Въ это же царствованіе крѣпостное право было распространено на Малороссію [1]) и Слободскую Украйну. Наконецъ, нельзя помянуть добрымъ словомъ неумѣренное пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность [2]). Но если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины II было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, то нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Императоръ Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, къ несчастію, задался мыслью, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ казенныхъ, и потому уже тогда выражалъ желаніе всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Онъ не успѣлъ вполнѣ осуществить свою злополучную идею, однако въ его четырехлѣтнее царствованіе было роздано около 600,000 душъ крестьянъ обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовыя вотчины въ Великороссіи [3]). Такимъ образомъ императоръ Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренной раздачѣ населенныхъ имѣній, такъ какъ она, хотя и раздала крестьянъ на 200,000 душъ болѣе, чѣмъ ея преемникъ, но, во-первыхъ, сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ, а во-вторыхъ, въ числѣ пожалованныхъ ею имѣній было не мало конфискованныхъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, при чемъ крестьянамъ приходилось только смѣнить одного владѣльца на другого, между тѣмъ какъ ея преемникъ закрѣпостилъ болѣе 300,000 душъ дворцовыхъ крестьянъ об. п., положеніе которыхъ въ это время было почти одинаково съ казенными. Вскорѣ по вступленіи на престолъ имп. Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Ни литература, ни общество не имѣли въ то время возможности высказываться по крестьянскому вопросу [4]).

---

[1]) См. статью *В. А. Мякотина* „Прикрѣпленіе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи“. „Русское Богатство“ 1894 г., №№ 2—4; срав. выше ст. *А. С. Лаппо-Данилевскаго*, стр. 127—132.

[2]) См. мою статью „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“. „Отечеств. Зап.“ 1877 г., № 8.

[3]) См. мою статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе имп. Павла“. „Рус. Мысль“ 1882 г., № 12.

[4]) Однако, кое-какія обличенія крѣпостного права все же проскальзывали въ печати. Такъ въ повѣсти А. Измайлова „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“ (1800 г.) герой романа говоритъ крестьянамъ: „знаете ли вы, безсмысленныя креатуры, что жизнь ваша принадлежитъ не вамъ, а моему отцу, по смерти же его въ эритажъ мнѣ достанется?“ — „Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника“—ворчитъ сквозь зубы крестьянинъ

Однако въ это тяжелое время были приняты правительствомъ первыя болѣе серьезныя мѣры въ пользу крѣпостныхъ: въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, а затѣмъ для всей Россіи, манифестомъ 5 апрѣля 1797 г., опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Но послѣдній указъ былъ, во-первыхъ, написанъ такимъ образомъ, что, по вѣрному замѣчанію Радищева, походилъ скорѣе на увѣщаніе соблюдать установившійся обычай, чѣмъ на положительный законъ, а во-вторыхъ, онъ былъ слишкомъ кратокъ и не разрѣшалъ многихъ вопросовъ относительно барщиннаго труда.

Вліять на имп. Павла въ смыслѣ благопріятномъ ограниченію крѣпостного права могъ А. А. Безбородко, который въ 1799 г. представилъ государю замѣчательную „Записку о потребностяхъ Имперіи Россійской“. Въ ней для улучшенія быта крѣпостныхъ онъ считалъ необходимымъ принять слѣдующія мѣры: 1) переселять крестьянъ должно не только съ вѣдома правительства, но и съ согласія ихъ самихъ; 2) продавать ихъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ землею, „а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты“; 3) движимое имущество должно составлять неотъемлемую собственность крестьянъ, а денежные ихъ капиталы не должны быть обременены поборами въ пользу помѣщика болѣе того, что казна получаетъ съ купеческихъ капиталовъ; 4) необходимы какія либо мѣры для измѣненія быта дворовыхъ: ихъ нужно по истеченіи извѣстнаго времени, опредѣлять на пашни, замѣняя другими, или отпускать на волю съ тѣмъ, чтобы, при новой ревизіи, они могли избирать себѣ службу или состояніе по манифесту имп. Екатерины II 1775 г [1]). Эти предложенія Безбородка не были осуществлены до самаго уничтоженія крѣпостного права.

Не исполняя прогрессивныхъ предложеній такого вліятельнаго государственнаго дѣятеля, какъ Безбородко, распространяя крѣпостное право на такія части Россіи, гдѣ его прежде не было, правительство въ царствованіе императора Павла, однако, отвергало нѣкоторыя предложенія крѣпостниковъ относительно еще большаго распространенія крѣпостного права [2]).

въ отвѣтъ на одну изъ такихъ выходокъ своего промотавшагося барина, который готовъ распродать своихъ „тварей“ по одиночкѣ, имѣя отъ отца довѣренность, въ случаѣ надобности, продавать людей.

[1]) Г. Тумановъ указалъ на то, что свои идеи по крестьянскому вопросу Безбородко могъ заимствовать изъ сочиненія Радищева, которое ему было извѣстно. *Тумановъ* „А. Н. Радищевъ“. „Вѣстн. Евр. 1904 г. № 2, стр. 670—676. Нужно имѣть впрочемъ въ виду, что не всѣ объясненія г. Туманова указовъ относительно крѣпостныхъ основательны и точны.

[2]) См. дикія предложенія помѣщика Шелешпанскаго въ книгѣ *В. И. Вешнякова* „Экспедиція государств. хозяйства“ (1797—1803 г.) Спб. 1902 г. стр. 28—29.

II.

Крестьянскій вопросъ при Александрѣ I.—Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ это время.

Извѣстно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовало общество восшествіе на престолъ императора Александра I; отъ новаго царствованія можно было ожидать всего лучшаго и для крѣпостныхъ крестьянъ. Въ негласномъ комитетѣ окружавшемъ государя и состоявшемъ изъ Новосильцова, Кочубея, Чарторыскаго и П. А. Строганова, раздавались горячія рѣчи противъ крѣпостного права. Государь далъ себѣ слово прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность помѣщиковъ и сдержалъ его. Въ комитетѣ шла рѣчь о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли, императоръ даже отдалъ приказаніе приготовить объ этомъ указъ, говорили и о выкупѣ въ казну дворовыхъ, объ опредѣленіи размѣра повинностей помѣщичьихъ крестьянъ, о предоставленіи крѣпостнымъ права имѣть собственность; но все это осталось нерѣшеннымъ [1]). Точно также не имѣло практическихъ послѣдствій обсужденіе въ Совѣтѣ вопроса о непродажѣ людей безъ земли (въ 1801 и 1802 гг.) [2]). Въ 1803 г. Державинъ предложилъ государю пригласить по частямъ изъ нѣсколькихъ губерній губернскихъ предводителей дворянства для заявленія мнѣній о томъ, какихъ поборовъ и повинностей помѣщики могутъ требовать отъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также, какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ могутъ

---

[1]) Гр. П. А. Строгановъ велъ на французскомъ языкѣ записи о всемъ, что говорилось и читалось въ засѣданіяхъ негласнаго комитета. Теперь эти „протоколы“ напечатаны вполнѣ въ подлинникѣ въ соч. вел. кн. Николая Михайловича „гр. П. А. Строгановъ“, 1903 г., т. II. Разсужденія объ ограниченіи крѣпостного права см. стр. 34—36, 41—46, 76, 78, 82, 83, 88—89, 102—113, 125—126, 131—132, 157, 166—168, 241—243.

[2]) При посѣщеніи имп. Александромъ I Дерпта въ 1802 г. проф. Парротъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Феодальная система предоставила земледѣльцу лишь необезпеченное существованіе; вы, государь, его не презираете“, и онъ уже почувствовалъ это: „отецъ семейства бросаетъ впервые спокойный взглядъ на своихъ дѣтей“. *Шильдеръ*. „Имп. Александръ I“, т. II, 348. Есть извѣстіе, что мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи, учредило особую комиссію, и предсѣдатель ея подалъ на Паррота жалобу въ сенатъ, обвиняя его въ возбужденіи народа и въ революціонныхъ тенденціяхъ. Когда объ этомъ узналъ императоръ, дѣло было немедленно прекращено. *К. Мартенсъ*. „Изъ записокъ стараго офицера“. „Русск. Стар.“ 1902 г. № 1, стр. 94. О представленіи Паррота осенью 1802 г. имп. Александру въ Петербургѣ и о составленіи имъ въ Дерптѣ комиссіи для обсужденія крестьянскаго вопроса см. *Тобинъ*. „Лифл. аграр. законодат. въ 19 стол.“, т. I, 1900, стр. 167—168.

господа сами подвергать своихъ крѣпостныхъ, не посылая ихъ „въ градскія и сельскія полиціи“; государь отвѣчалъ, что подумаетъ объ этомъ, но что сдѣлать изъ всѣхъ губерній вдругъ „многолюдный вызовъ“ онъ находитъ неудобнымъ и небезопаснымъ [1]). Въ 1807 г. императоръ Александръ сказалъ генералу Савари: „Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы это даже стоило мнѣ жизни“ [2]).

На помощь императору Александру въ его колебаніяхъ явилась частная инициатива въ лицѣ гр. С. П. Румянцова. Онъ предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею, и такъ какъ государь весьма сочувственно отнесся къ его мысли, то въ 1803 г. появился указъ о такъ называемыхъ „свободныхъ хлѣбопашцахъ“, по которому помѣщикамъ дозволено было заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Стѣснительнымъ условіемъ было то, что помѣщикъ, при переходѣ крестьянъ въ новое положеніе, обязывался раздѣлить всю дачу на участки, и каждый крестьянинъ долженъ былъ получить опредѣленный земельный надѣлъ съ планомъ на него,—другими словами, общинное землевладѣніе обязательно превращалось въ подворное. Впрочемъ, условіе это обыкновенно не соблюдалось, и въ царствованіе имп. Николая производить раздѣлъ земли предоставлено было самимъ крестьянамъ и не одновременно съ освобожденіемъ, а въ опредѣленный по условію срокъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ большинствѣ такихъ имѣній крестьяне не по-

---

[1]) О неосновательности чрезмѣрныхъ опасеній раздражить дворянство ограниченіемъ крѣпостного права горячую рѣчь въ негласномъ комитетѣ произнесъ въ ноябрѣ 1801 г. гр. П. А. Строгановъ. Разсказъ объ интересной бесѣдѣ въ 1803 г. имп. Александра I съ бар. Розенкампфомъ объ освобожденіи крестьянъ см. запискахъ послѣдняго въ „Рус. Стар.“ 1904 г. № 10, стр. 168—170.

[2]) *Шильдеръ*, IV, 453. Въ народѣ постоянно ходили слухи о предстоящемъ освобожденіи. *Шильдеръ*. II, 164, 367.

желали отказаться отъ общиннаго землевладѣнія [1]). Число крестьянъ, получившихъ свободу на основаніи закона 1803 г. было не велико (въ царствованіе императора Александра I — 47,153 д. м. п.), но въ высшей степени важное значеніе этого закона заключалось въ томъ, что онъ преграждалъ помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ своихъ вотчинъ безъ всякой платы. Въ четырехъ случаяхъ казна помогла крестьянамъ выкупиться на свободу (этимъ содѣйствіемъ воспользовались 14,607 д. м. п.) [2]).

Дѣятельность представителей литературы, науки и журналистики въ царствованіе Александра I имѣла также весьма плодотворное значеніе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса, но къ сожалѣнію ея полезное вліяніе уменьшалось постоянными препятствіями со стороны цензуры. Такъ книга Пнина, въ которой авторъ требовалъ ограниченія помѣщичьей власти и доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать распространенію среди нихъ просвѣщенія, была не дозволена ко второму изданію, и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ лавокъ, несмотря на то, что къ этому труду благосклонно относился самъ государь. Вышедшая въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ въ Гёттингенѣ диссертація Кайсарова въ защиту необходимости освобожденія крестьянъ—по-русски не была напечатана. Переводъ сочиненія графа Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ лишь черезъ два года по его напечатаніи сдѣлался доступнымъ публикѣ и вызвалъ протесты крѣпостниковъ противъ этой книги. А между тѣмъ подобнаго негодованія консерваторовъ, казалось бы, вовсе не должно было возбуждать сочиненіе Стройновскаго, который, хотя и рекомендуетъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, но предоставляетъ заключеніе арендныхъ договоровъ на землю добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ: онъ думаетъ, будто собственный расчетъ побудитъ по-

---

[1]) Срав. „Сборн. Истор. Общ.“ т. 74 (1891 г.), стр. 347. Примѣръ введенія подворнаго владѣнія на полномъ правѣ личной собственности и неблагопріятныхъ послѣдствій этого въ имѣніи П. Измайлова Зарайскаго уѣзда Рязанской губ. (крестьяне выкупились на свободу въ 1806 г. со ссудою изъ казны въ 40.000 р.) см. въ соч. *А. Повалишина* „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Ряз. 1903 г., стр. 184—189, ср. 193—194.

[2]) М. В. Храповицкій, уволившій своихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ и даже воспѣвшій въ стихахъ законъ 1803 г., полагалъ, что слѣдуетъ ограничить крѣпостное право и что для этого нужно предоставить дворянству сдѣлать постановленіе, какъ далеко должно простираться право владѣть людьми, „братьями по человѣчеству“. Въ виду разнообразія экономическихъ условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, онъ считалъ необходимымъ допустить особыя постановленія въ каждомъ уѣздѣ.

мѣщиковъ предложить крестьянамъ справедливыя требованія. Такимъ образомъ, уже въ самомъ своемъ основаніи, проектъ Стройновскаго не былъ бы правильнымъ и полезнымъ для нашихъ крѣпостныхъ рѣшеніемъ вопроса, а затѣмъ неблагопріятно для крестьянъ и то предпочтеніе, какое онъ оказываетъ арендѣ на условіяхъ барщины. Нужно замѣтить, впрочемъ, что графъ Стройновскій высказывается противъ краткосрочной аренды и всего болѣе сочувствуетъ превращенію крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Нѣкоторые крѣпостники въ негодованіи на книгу Стройновскаго не отступали и предъ инсинуаціями на нее самому государю, но встрѣтили энергическій отпоръ съ его стороны.

Большое значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Александра I имѣетъ то, что вольное экономическое общество объявило на 1812 г. задачу о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда; задача эта, которою въ нашемъ обществѣ была возбуждена новая для огромнаго большинства дворянъ мысль, не будетъ ли выгодно самимъ помѣщикамъ уничтоженіе крѣпостного права, была, очевидно, навѣяна классическимъ сочиненіемъ Адама Смита, появившимся въ русскомъ переводѣ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Въ отвѣтъ на эту задачу было прислано 14 сочиненій (изъ нихъ 11 на русскомъ языкѣ): 7 авторовъ высказались за вольнонаемный трудъ и 7 за крѣпостной. Первую награду получилъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Якобъ, еще ранѣе, въ своемъ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ по полицейскому праву, предложившій цѣлую программу мѣръ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостного права. Въ своемъ премированномъ отвѣтѣ на задачу экономическаго общества Якобъ доказываетъ невыгодность крѣпостного труда для самихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ подрываетъ сознаніе необходимости для помѣщиковъ крѣпостного права, но его освободительные планы связаны съ обезземеленіемъ крестьянъ, и эта пропаганда мысли объ обезземеленіи крѣпостныхъ при освобожденіи могла быть тѣмъ опаснѣе, что сочиненіе Якоба было увѣнчано медалью въ сто червонцевъ, изготовленною на средства государя. Награду второй степени получилъ также авторъ либеральнаго мнѣнія Меркель, третья же награда была назначена за сочиненіе генерала Комарова, который предпочиталъ крѣпостной трудъ и котораго вовсе не соблазняло обезземеленіе крестьянъ (онъ считалъ экономическое положеніе нашихъ крѣпостныхъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ безземельныхъ работниковъ въ западной Европѣ); такимъ образомъ вольное экономическое общество, наградивъ медалью автора и напечатавъ это со-

чиненіе, какъ бы внесло нѣкоторую поправку къ мнѣнію проф. Якоба [1]).

Крѣпостное право затрогивалось и въ другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ изданномъ (въ 1815 г.) по-французски шеститомномъ курсѣ политической экономіи академика Шторха, представлявшемъ обработку его лекцій великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ (русскій переводъ этого сочиненія не былъ дозволенъ цензурой). Авторъ допускаетъ безземельное освобожденіе крестьянъ, но въ то же время онъ, какъ видно и изъ другого его сочиненія, ничего не имѣетъ противъ освобожденія крестьянъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ; онъ выражаетъ, впрочемъ, сочувствіе и ограниченію крѣпостного права въ Лифляндіи закономъ 1804 г. Харьковскій проф. Шадъ, въ изданномъ на латинскомъ языкѣ сочиненіи (1814 г.) доказывалъ, что рабство противорѣчитъ естественному праву. Авторъ въ 1816 г. былъ удаленъ отъ должности и высланъ за границу [2]). Профессоръ Куницынъ въ своемъ сочиненіи „Право естественное“ (ч. II, 1820 г., стр. 105—107) говоритъ: „Одинъ членъ государства не можетъ получить личнаго права на другого посредствомъ рожденія или наслѣдства, ибо сіи дѣйствія не суть договоры... Одно состояніе не можетъ требовать, чтобы другое ему служило и отъ его распоряженій зависѣло... Никакими заслугами не можно пріобрѣсть права на свободу и собственность другихъ людей... Итакъ, подданные сохраняютъ одинъ противъ другого право свободы“. Главное правленіе училищъ, согласно съ мнѣніемъ Рунича, исправлявшаго должность попечителя петербургскаго учебнаго округа, признало книгу Куницына „противорѣчащею явно истинамъ христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“, и она была запрещена [3]). Въ 1821 г. Куницынъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей по министерству народнаго просвѣщенія. Такіе извѣстные ученые и профессора, какъ статистики Арсеньевъ и Германъ, задѣвали крѣпостное право въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, а Арсеньевъ и въ

---

[1]) Вмѣстѣ съ задачей о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ была объявлена задача объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ работниковъ, за удачное рѣшеніе которой была также назначена награда въ сто червонцевъ, на средства государя; но всѣ присланные на нее отвѣты не заслужили одобренія, къ счастію для крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ по смыслу задачи предлагалось образованіе особаго класса людей, исключительно занимающихся фабричнымъ трудомъ, а съ этимъ было бы, разумѣется, связано ихъ обезземеленіе.

[2]) *Багалѣй*. „Удаленіе проф. И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета“. Харьк. 1899.

[3]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 1875 г. 91.

своемъ сочиненіи о статистикѣ, что содѣйствовало ихъ удаленію изъ университета и вызвало запрещеніе употреблять ихъ сочиненія въ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Нѣсколько сильныхъ вылазокъ противъ рабства проскользнуло также въ одномъ посмертномъ трудѣ Радищева и въ книгѣ Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“ (1818 г.).

Въ произведеніяхъ изящной словесности было еще труднѣе вслѣдствіе цензурныхъ препятствій бичевать крѣпостное право, чѣмъ въ научныхъ сочиненіяхъ. Прекрасное стихотвореніе Пушкина „Деревня“ (1819), несмотря на то, что государь благодарилъ за него автора, въ царствованіе импер. Александра вовсе не было напечатано; не были тогда вовсе напечатаны или напечатаны съ пропусками и стихотворенія кн. Вяземскаго, гдѣ онъ задѣвалъ крѣпостное право [1]), и „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ цензурныя строгости, въ печатныхъ произведеніяхъ изящной словесности удавалось обличать нѣкоторыя безобразія крѣпостного права, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Нарѣжнаго [2]) и одной комедіи кн. Шаховского. Гораздо рѣже (какъ, напр., въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державина) звучала консервативная струнка относительно крестьянскаго вопроса.

Цензурными препятствіями объясняется и то, что въ журналистикѣ первой четверти XIX в. мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое возбуждала участь крѣпостныхъ въ правительствѣ и обществѣ. Статьи по этому вопросу, проникшія въ печать, были написаны одни съ либеральной, другія съ консервативной точки зрѣнія, и слѣдуетъ замѣтить, что отнюдь нельзя считать вредными всѣ статьи консервативнаго направленія: въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ десятыхъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское

---

[1]) Такъ въ стихотвореніи „Петербургъ“ (1818 г.) Вяземскій говоритъ:

„Съ чела оратая сотрется потъ неволи.
Природы старшій сынъ, ближайшій братьевъ другъ,
Свободно проведетъ въ поляхъ наслѣдный плугъ,
И свѣтлыхъ нивъ просторъ, пріютъ свободы мирной,
Не будетъ для него темницею обширной“.

„Остаф. Арх.“, т. I, стр. 278. Стихотвореніе „Петербургъ“ было напечатано въ „Пол. Звѣздѣ“ 1824 г., стр. 256, но безъ приведенныхъ стиховъ. „Полн. Соб. Соч. кн. Вяземскаго“, т. III, 157—160.

[2]) О его романѣ „Россійскій Жильблазъ“ (1814 г.), гдѣ также задѣвается крѣпостное право, см. *Н. Котляревскій.* „Н. В. Гоголь“, 1903 г., стр. 82; *Н. А. Бѣлозерская.* „В. Т. Нарѣжный“, 1896, стр. 79.

общество отъ сочувствія принципамъ крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію подобныхъ опасныхъ опытовъ и въ самой Россіи. Однако, и консервативныя статьи по крестьянскому вопросу были не избавлены отъ цензурныхъ гоненій, и министръ народнаго просвѣщенія въ 1818 г. предписалъ обратить вниманіе цензуры на то, чтобы въ журналахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ ничего не печаталось ни въ защиту, ни въ опроверженіе „вольности или рабства крестьянъ“, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1820 г. малороссійскій военный губернаторъ приписалъ даже одно волненіе крѣпостныхъ крестьянъ возбуждающему дѣйствію самой невинной статьи, авторъ которой съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ мѣрамъ правительства по крестьянскому вопросу. Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію государя, „печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся“, было запрещено. Общій цензурный терроръ относительно книгъ и статей по крестьянскому вопросу отразился и на такихъ учрежденіяхъ, которыя имѣли возможность печатать свои изданія подъ собственною цензурою: примѣромъ можетъ служить весьма постыдная для вольнаго экономическаго общества исторія, вызванная одною, напечатанною въ его „Трудахъ“, замѣткой о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ земли въ „собственность“ или, лучше сказать, въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей.

Цензурныя препятствія мѣшали гласному и подробному обсужденію крестьянскаго вопроса въ печати; за то онъ былъ предметомъ многихъ записокъ и проектовъ, распространяемыхъ въ обществѣ или представляемыхъ государю въ рукописи. При этомъ нерѣдко разсмотрѣніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, такъ или иначе, связывалось съ вопросомъ о свободѣ политической. Отдѣльные случаи такой постановки дѣла мы видѣли еще въ царствованіе имп. Екатерины (гр. Н. И. Панинъ, кн. Е. Р. Дашкова). Съ тѣхъ поръ Россія пережила четырехлѣтнее суровое правленіе Павла, и слѣдствіемъ его было то, что и наше общество, и самъ императоръ Александръ стали мечтать о созданіи прочныхъ гарантій отъ подобнаго безпримѣрнаго произвола. Среди лицъ, окружавшихъ имп. Александра въ первую половину его царствованія, самымъ видным и талантливымъ представителемъ идеи о необходимости политическихъ реформъ былъ, несомнѣнно, Сперанскій; по его мнѣнію, эти реформы должны были предшествовать освобожденію крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій хорошо понималъ, какъ это видно изъ составленнаго имъ въ 1809 г. „Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ“, что ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ рабство существо-

вать не можетъ, и признавалъ необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостного права. Онъ говоритъ, что гражданская свобода имѣетъ два главные вида: „свобода личная и свобода вещественная“. Сущность первой состоитъ въ томъ, что 1) никто не можетъ быть наказанъ безъ суда (это даетъ крѣпостнымъ „право суда“ и, отнимая его у помѣщиковъ, „ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми передъ закономъ“); 2) никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого (это лишаетъ помѣщиковъ права „отдавать въ службу безъ очереди“). Сущность вещественной свободы состоитъ во 1-хъ) въ томъ, что каждый можетъ располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; безъ суда никто собственности лишенъ быть не можетъ [1]) и во 2-хъ) никто не обязанъ отправлять вещественныя повинности по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ [2]). Соотвѣтственно этому въ позднѣйшемъ трудѣ Сперанскаго, „Проектъ конституціонной организаціи государства“ [3]), составленномъ быть можетъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ, въ 1812—13 гг., освобожденіе крестьянъ должно представлять два періода: въ первый—крестьяне, посредствомъ опредѣленія ихъ повинностей и учрежденія судебной власти для разбора споровъ между ними и помѣщиками, превращаются изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, а во второй періодъ, которому должны предшествовать различныя второстепенныя постановленія, крестьянамъ возвращается ихъ древнее право свободнаго перехода, чѣмъ и заканчивается ихъ освобожденіе. Такимъ образомъ земельнаго надѣла въ собственность или въ наслѣдственное владѣніе крестьяне въ концѣ концовъ не получаютъ. Ограниченіе крѣпостного права было для Сперанскаго дѣломъ не столь настоятельнымъ, какъ реформы политическія, причемъ желаніе отодвинуть часъ освобожденія крестьянъ основывалось у него не только на соображеніяхъ государственныхъ, но, какъ видно изъ письма 1818 г., и на чисто эгоистическихъ расчетахъ помѣщика.

Весьма несимпатичны были взгляды по крестьянскому вопросу другого представителя политическаго либерализма, адмирала Мордвинова: онъ желалъ раздачи населенныхъ казенныхъ

---

[1]) На этомъ основаніи Сперанскій считалъ желательнымъ предоставить крѣпостнымъ пріобрѣтеніе и недвижимой собственности, но только не населенной.

[2]) „Введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ“ напечатано въ „Историческомъ Обозрѣніи“. (Сборникъ, издаваемый Историческимъ Обществомъ при С.-Петерб. унив.) 1899 г., т. X, 1—62. См. стр. 29—31.

[3]) *N. Tourgueneff.* „La Russie et les Russes“ 1847, t. III, 296—309, см. стр. 308—309.

земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, которая должна была положить предѣлы самодержавной власти. Мордвиновъ такъ представлялъ себѣ устройство „Государственной Думы“ (или „Думы Вельможъ“, или „Верховной Палаты“). Государь назначаетъ членовъ Думы, но потомъ это достоинство дѣлается наслѣдственнымъ и переходитъ къ старшему сыну. Каждый „вельможа“, т. е. членъ Думы, при пожалованіи въ это достоинство, получитъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ. Такъ какъ личный составъ Думы онъ предполагалъ въ 50 членовъ, то всего для раздачи вельможамъ должно было потребоваться 500.000 душъ. Имѣніе, присвоенное достоинству члена Думы, переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну, который впрочемъ можетъ занять въ Думѣ мѣсто отца лишь по достиженіи совершеннолѣтія. Эти имѣнія, принадлежащія „вельможамъ“, не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, а переходятъ по наслѣдству къ старшему сыну, а если нѣтъ дѣтей мужскаго пола, то обращаются въ казну. „Вельможи“ получаютъ съ крестьянъ оброкъ, подобно тому, какъ казенные крестьяне платятъ въ казну. Лѣса и оброчныя статьи, находящіяся въ имѣніи, принадлежатъ „вельможѣ“, а изъ пахотныхъ земель и луговъ присоединяется къ его усадьбѣ только $^1/_5$ часть, которую онъ обрабатываетъ или трудомъ своихъ „подданныхъ“, или наемными людьми. Крестьяне, живущіе въ этихъ имѣніяхъ, могутъ пріобрѣтать свободу за указанную цѣну [1]). Мордвиновъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права, допуская лишь назначеніе размѣра выкупа за освобожденіе крестьянъ по одиночкѣ, но и то на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Онъ полагалъ, что крѣпостное право прекратится само собою, когда въ Россіи явится избытокъ денежныхъ капиталовъ и земля сильно вздорожаетъ, такъ что никто изъ расчетливыхъ владѣльцевъ не пожелаетъ имѣть на ней работниковъ, „коимъ половинную часть достоянія своего“ (т. е. земли) удѣлять должно за ихъ работу [2]). По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ концѣ второго десятилѣтія XIX в. было значительно распространено мнѣніе, обусловливающее освобожденіе крестьянъ дарованіемъ конституціи [3]).

---

[1]) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“. Изд. гр. Е. А. Мордвиновой съ предисловіями и примѣчаніями В. А. Бильбасова, т. IV, 1902 г., стр. VIII—IX.

[2]) „Арх. гр. Мордвиновыхъ“, т. V, 1902, стр. 141—145.

[3]) Между прочимъ декабристъ Каховскій въ своемъ первомъ показаніи говоритъ: „я слышалъ, что многіе изъ помѣщиковъ, даже приближенныхъ къ государю, согласны были отречься отъ правъ своихъ, освободить крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобы монархъ ограничилъ власть престола“. Госуд. Арх. I, В. № 337, л. 3.

Рядомъ съ мнѣніями либераловъ-конституціоналистовъ мы наблюдаемъ консервативное теченіе и въ политическомъ, и въ соціальномъ отношеніи. Еще въ самые первые годы царствованія имп. Александра, Лагарпъ указывалъ своему прежнему ученику на разумное самодержавіе, какъ на величайшее благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ отговаривалъ государя дѣйствовать слишкомъ рѣшительно въ крестьянскомъ дѣлѣ, совѣтовалъ избѣгать самаго слова „освобожденіе“, замѣняя его выраженіемъ „улучшеніе въ экономическомъ бытѣ“. Карамзинъ, противникъ взглядовъ Сперанскаго, въ запискѣ „О древней и новой Россіи“ обнаружилъ самые крѣпостническіе взгляды и протестовалъ даже противъ запрещенія торговли рекрутами, соглашаясь лишь на то, чтобы „подъ рукою“ были приняты мѣры для обузданія жестокихъ помѣщиковъ. Нѣкоторые извѣстные масоны явились также консерваторами и въ вопросѣ о политическихъ реформахъ, и въ крестьянскомъ дѣлѣ: Поздѣевъ высказывается и противъ „конституціевъ“, и противъ малѣйшаго ослабленія помѣщичьей власти. Лопухинъ считалъ крѣпостное право необходимымъ при данномъ нравственномъ состояніи народа, который „требуетъ обузданія для собственной его пользы“, и находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ. Но были и такія лица, которыя, высказываясь противъ политической свободы, желали не освобожденія крестьянъ, но ограниченія крѣпостного права: къ ихъ числу принадлежалъ Каразинъ. Указывая въ обширномъ посланіи къ слободскому генералъ-губернатору Бахтину (1810 г.) на выгоды наслѣдственной монархіи, онъ въ то же время выражаетъ желаніе, чтобы общественное мнѣніе получило возможность свободно выражаться въ печати и въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ. Помѣщикъ, по его мнѣнію, такъ же необходимъ для крестьянъ, какъ монархъ для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и неотъемлемаго владѣнія ими землею, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей, уничтоженія наказаній безъ суда и продажи людей безъ земли. Первоначально онъ не рѣшался требовать, чтобы всѣ эти мѣры были приняты правительствомъ, но въ запискѣ по поводу указа 1816 г. объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи безъ земли, онъ говоритъ уже смѣлѣе [1]). Такъ, считая „репрезентацію народа“ дѣломъ без-

[1]) Заглавіе этой записки: „Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23 мая 1816 г. и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ“. „Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1860 г. т. II, Смѣсь 218—227; „Сборн. истор. мат. извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц.“, в. VII, 1895 г., стр. 142—152.

смысленнымъ, желая, какъ и въ болѣе раннемъ своемъ трудѣ, чтобы помѣщики были для крестьянъ своего рода „государственными чиновниками“, онъ въ то же время требуетъ правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, а именно назначенія размѣра выкупа на свободу, прекращенія продажи людей безъ земли, дозволенія крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично протестуя противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, Карамзинъ утверждалъ, что „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками“, что „помѣщики были всегда только распорядителями земли“ [1]).

Однако до поры до времени самодержавная власть мало пользовалась въ крестьянскомъ дѣлѣ своими прерогативами и не только отступала предъ рѣшительными мѣрами въ этомъ отношеніи, не только не допускала свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати, но даже не разъ препятствовала членамъ дворянскаго сословія коллективно содѣйствовать улучшенію быта и освобожденію крѣпостныхъ. Желаніе 65 помѣщиковъ петербургской губерніи обратить въ 1816 году своихъ крестьянъ въ „обязанныхъ поселянъ“ встрѣтило рѣзкое неодобреніе со стороны государя, который увидѣлъ въ этомъ посягательство на его законодательную власть.

Есть извѣстіе, сообщаемое декабристомъ Трубецкимъ, будто имп. Александръ, во время своего путешествія на югъ Россіи, осенью 1817 г., принимая дворянство, намекнулъ ему на свое желаніе освободить крестьянъ, но не встрѣтилъ сочувствія [2]). Извѣстіе это мы считаемъ сомнительнымъ [3]), и думаемъ, что Трубецкой, записавшій его по памяти гораздо позднѣе, принялъ за обращеніе государя къ малороссійскому дворянству такое же обращеніе представителя высшей мѣстной администраціи (впрочемъ это послѣднее было сдѣлано, вѣроятно, съ соизволенія государя). А именно, въ началѣ 1818 г. малороссійскій военный губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ, братъ декабриста кн. С. Г. Волкон-

---

[1]) См. еще три записки Карамзина, представленныя гр. Кочубею, по желанію послѣдняго, въ янв. 1820 г. о злоупотребленіяхъ при продажѣ людей и о воспрещеніи такой продажи безъ земли въ „Рус. Стар.“ 1903 № 8, стр. 457—465.

[2]) *Дубровинъ*, „Послѣ отечественной войны“. „Рус. Стар.“ 1904 г. № 5, стр. 255—256. Въ одномъ изъ своихъ показаній на слѣдствіи Трубецкой говоритъ только слѣдующее: „тогда былъ *слухъ*, что государю императору угодно было освободить отъ крѣпостности помѣщичьихъ крестьянъ двухъ малороссійскихъ губерній, въ кои Его Величество изволилъ тогда ѣздить“, но о рѣчи государя ничего не упоминаетъ. Госуд. Арх. I В. № 333, л. 56—57.

[3]) Едва ли бы такой фактъ могъ остаться неизвѣстнымъ Михайловскому-Данилевскому, который, сопровождая въ этой поѣздкѣ государя, отмѣчалъ всѣ его достопримѣчательныя слова.

скаго, произнесъ рѣчь предъ дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ которой убѣждалъ дворянъ принять мѣры для улучшенія и обезпеченія благосостоянія крестьянъ, *опредѣливъ обязанности ихъ* [1]). Въ апрѣлѣ того же года калужскій губернскій предводитель дворянства кн. Вяземскій (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ писателемъ) составилъ посланіе въ отвѣтъ кн. Репнину, ходившее по рукамъ. Выразивъ увѣренность, что предложеніе кн. Репнина дворянству относительно улучшенія быта ихъ крестьянъ не могло быть сдѣлано безъ разрѣшенія государя, кн. Вяземскій въ своемъ посланіи рисуетъ отношенія между помѣщиками и крестьянами съ консервативной точки зрѣнія, но готовъ, повидимому, на нѣкоторыя уступки въ крестьянскомъ дѣлѣ, если къ участію въ рѣшеніи его будутъ призваны представители дворянства. „Священная воля Государя Императора“, говоритъ кн. Вяземскій, „немедленно исполнена будетъ, какъ скоро воспослѣдуетъ всемилостивѣйшее *повелѣніе уполномоченнымъ отъ дворянства губернскимъ предводителямъ и избраннымъ отъ каждой губерніи депутатамъ явиться въ одну изъ обѣихъ столицъ*. Тамъ, въ общемъ совѣтѣ всего царства нашего, знаменитые и ученые [2]) сіи представители дворянства повергнутъ не токмо собственныя *нужды свои*, но даже не умолчатъ, *если повелѣніе будетъ*, и о всемъ томъ, что требуетъ истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего... Какую удобность будетъ имѣть“ правительство, „внявъ мнѣнію и нуждамъ дворянства, постановить на грядущія времена твердыя узаконенія и согласныя съ существенною пользою вообще всего Россійскаго государства!“

Судя по одному варіанту этой записки, можно думать, что авторъ за уступки со стороны дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, желалъ не только какихъ либо льготъ для удовлетворенія „нуждъ“ высшаго сословія, но быть можетъ и предоставленія ему политическихъ правъ [3]).

[1]) Рѣчь эта была напечатана въ одномъ изъ журналовъ и отдѣльною брошюрою.

[2]) Въ имѣющейся у насъ копіи варіантъ: „просвѣщенные“.

[3]) „Сборн. историч. матер., извлеч. изъ архива собств. Его Вел. канц.“ Вып. VII, 1895 г., стр. 162. Въ имѣющейся у меня копіи съ записки кн. Вяземскаго есть слѣдующее мѣсто, не находящееся въ напечатанномъ Н. Ѳ. Дубровинымъ текстѣ (который дошелъ до свѣдѣнія имп. Александра). „Время, приводящее все въ зрѣлость, неминуемо постепенно и въ свой срокъ сблизитъ“ крестьянъ „съ тою свободою, коею пользуются другія націи, *способныя дѣйствовать и существовать собственнымъ правленіемъ и волею*. Въ Россіи издавна и нынѣ дается свобода, по одиночкѣ, семействами и цѣлыми селеніями, но только тѣмъ, коихъ помѣщики находятъ оной достойными. Безъ разбору же каждому и всѣмъ даровать ее было бы столько же пагубно для нихъ самихъ и совершенно несправедливо во всѣхъ отношеніяхъ“.

Собраніе представителей дворянства не соотвѣтствовало намѣреніямъ имп. Александра и потому это посланіе, сдѣлавшееся ему извѣстнымъ въ анонимномъ видѣ, произвело на него весьма неблагопріятное впечатлѣніе [1]). Между тѣмъ одинъ изъ основателей тайнаго общества, Союза Спасенія, А. Н. Муравьевъ, написалъ возраженіе на записки кн. Вяземскаго и Карамзина, распространилъ копіи съ него въ Москвѣ и одну изъ копій представилъ чрезъ кн. Волконскаго государю. Прочтя возраженіе, имп. Александръ сказалъ: „Дуракъ, не въ свое дѣло вмѣшался“ [2]).

Быть можетъ подъ вліяніемъ посланія къ нему кн. Вяземскаго, кн. Репнинъ въ іюлѣ того же 1818 г., въ письмѣ къ государю по поводу проекта полтавскаго помѣщика, дѣйств. ст. сов. Кочубея, объ измѣненіи быта его крестьянъ, признаннаго правительствомъ не только не улучшающимъ ихъ положенія, но служащимъ къ еще большему „стѣсненію нынѣшняго ихъ состоянія“ [3]), коснулся общаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ въ Малороссіи и сдѣлалъ предложеніе, идущее на встрѣчу желаніямъ кн. Вяземскаго. Онъ указалъ на то, что хотя закономъ назначено, сколько дней крестьяне должны работать на помѣщика, „но нигдѣ не сказано, сколько они какой работы должны сдѣлать въ тѣ дни“. Это вызываетъ злоупотребленія, такъ какъ уроки „даются самопроизвольно и часто отъ крестьянина требуется выше силъ его: онъ не успѣваетъ выполнить“ назначеннаго въ господскіе дни и вынужденъ употреблять на это часть принадлежащаго ему времени. По предложенію Репнина „многіе“ добрые помѣщики „сдѣлали положенія, ограждающія крестьянъ отъ притѣсненія прикащиковъ и управителей“, но эти частныя мѣры не могутъ принести „существенной пользы“, „а необходимо нуженъ примѣръ гласный“. Кн. Репнинъ испрашивалъ у государя позволенія открыть подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣщаніе, состоящее изъ маршаловъ (предводителей дворянства) и по два депутата съ каждаго повѣта (уѣзда) для опредѣленія „мѣры работъ“, т. е. урочнаго положенія, съ тѣмъ, чтобы постановленіе этого собранія было представлено на усмотрѣніе государя. Репнинъ ожидалъ отъ такого урочнаго положенія слишкомъ значительныхъ послѣдствій. „Опредѣлительность трудовъ, которая послѣдуетъ

---

[1]) По приказанію его московскій военный губернаторъ разузналъ и сообщилъ государю имя его автора.

[2]) *Н. Ѳ. Дубровинъ*. „Послѣ отечественной войны“. „Русская Старина“ 1904, № 5, стр. 264.

[3]) Не даромъ въ имѣніяхъ этого Кочубея дважды, въ 1815 и 1821 гг. происходили самыя сильныя волненія крестьянъ, вызванныя распродажею ихъ помѣщикамъ для переселенія въ Новороссію. *Середонинъ*, „Историч. обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“, I, 339—343; *Дубровинъ* „Послѣ отеч. войны“. „Рус. Стар.“ 1904. № 3, стр. 503—504.

отъ сихъ распоряженій", говоритъ онъ, „не только уничтожитъ всякое отягощеніе" крестьянъ, но даже весьма можетъ споспѣшествовать къ возстановленію со временемъ правъ малороссійскихъ крестьянъ статутомъ и манифестами предковъ" государя „утвержденныхъ, но указами 1783 и 1796 гг. уничтоженныхъ" (т. е. возвращенію имъ полной свободы). Онъ сообщалъ имп. Александру, будто бы въ Малороссіи много благонамѣренныхъ помѣщиковъ, которые „желаютъ только узнать волю" государя „и готовы на всѣ человѣколюбивыя пожертвованія" [1]). Предложеніе кн. Репнина, какъ видно, не было одобрено государемъ.

Въ январѣ того же 1818 г., на собраніи дворянъ Виленской губ., гдѣ присутствовало много посторонней публики, маршалъ одного повѣта, Завиша, произнесъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ. Ему отвѣчалъ Пашковскій (содержаніе рѣчей того и другого не извѣстно). Новому виленскому губернатору, допустившему на дворянскомъ собраніи обсужденіе вопроса объ увольненіи крестьянъ отъ подданства, комитетъ министровъ, по волѣ государя, сдѣлалъ замѣчаніе, такъ какъ дворянство „не имѣло права безъ дозволенія начальства трактовать о предметахъ толикой важности". Въ рескриптѣ на имя литовскаго военнаго губернатора государь выразилъ неудовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: „съ прискорбіемъ усматриваю, что нѣкоторые дворяне, хотя можетъ быть движимые человѣколюбивыми и благородными намѣреніями, нарушили однако при семъ случаѣ предѣлы, предписываемые умѣренностью, хладнокровіемъ и законами". Наконецъ бывшему губернскому маршалу и испр. должность губернатора также сдѣланъ былъ строгій выговоръ [2]).

Иначе отнеслось правительство къ намѣреніямъ динабургскаго дворянства. По донесенію бѣлорусскаго военнаго губернатора о намѣреніи дворянства этого уѣзда даровать право *личной* свободы своимъ крестьянамъ, въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ рескриптъ объ учрежденіи по выбору дворянъ коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданнымъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и внесенія его затѣмъ, съ согласія уѣзднаго дворянскаго собранія, на утвержденіе государя. Коммиссія составила положеніе, по которому дворянство, сохраняя за собою право собственности на всю землю, отказывалось отъ владѣльческихъ правъ на крестьянъ, предоставляя впредь опредѣленіе взаимныхъ отношеній добровольнымъ условіямъ. Для постепеннаго перехода

---

[1]) „Сборникъ ист. мат., извлеч. изъ архива соб. Е. Вел. Канц.", вып. VII, 165—175. Письмо Репнина и записка Кочубея напечатаны еще разъ въ XI т. того же „Сборника", стр. 269—273.

[2]) *Сергѣевичъ* I, 265, 268; срав. мою книгу „Крестьянскій Вопросъ", I, 464—465.

крестьянъ въ свободное состояніе былъ назначенъ 13-лѣтній срокъ. Первоначально 39 помѣщиковъ были согласны на эти предположенія, а 24 не согласны, но потомъ лишь небольшая часть осталась при прежнихъ намѣреніяхъ.

Проѣхавъ чрезъ Бѣлоруссію послѣ неурожая 1822 г., государь замѣтилъ, что жители терпятъ тамъ чрезвычайный недостатокъ въ хлѣбѣ и вообще крайне бѣдны, и приказалъ учредить особый комитетъ для оказанія помощи Бѣлорусской и Псковской губерніямъ. Комитетъ этотъ въ числѣ другихъ мѣръ предложилъ: поставить дворянству въ обязанность при первомъ съѣздѣ составить положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ, такъ какъ неопредѣленность ихъ является одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка благосостоянія крестьянъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого въ 1823 г. было получено правительствомъ заявленіе витебскаго дворянства о желаніи его улучшить бытъ своихъ крестьянъ опредѣленіемъ мѣры повинностей, причемъ предположена была слѣдующая норма: работать не болѣе трехъ дней въ недѣлю (въ Западной Россіи дворянство сплошь и рядомъ не соблюдало, какъ впрочемъ и въ другихъ мѣстностяхъ, закона о трехдневной барщинѣ), праздники и ненастные дни, а также дни пропущенные по болѣзни крестьянина, зачитываются въ очередные дни [1]), а затѣмъ дворянство принимало на себя обязанность побуждать крестьянъ къ трудолюбію (!) и имѣть надъ ними надзоръ и попеченіе. Комитетъ министровъ и государь признали предложеніе витебскаго дворянства полезнымъ, и управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ поручено было извѣстить объ этомъ мѣстнаго генералъ-губернатора. Впрочемъ и эти ничтожныя предположенія, составлявшія въ своей положительной части лишь повтореніе уже установленнаго правительствомъ, вѣроятно не имѣли никакого результата; дѣло же о проектѣ, на который изъявило согласіе большинство динабургскаго дворянства, было представлено въ 1824 г. государю генералъ-губернаторомъ кн. Хованскимъ, но разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ уже въ слѣдующее царствованіе [2]).

Въ 1820 г. нѣсколько высшихъ представителей дворянства (гр. М. С. Воронцовъ, кн. А. С. Меншиковъ, гр. Потоцкій и другіе), вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ, Н. И. и А. И. Тургеневыми сдѣлали попытку составить общество съ цѣлью постепен-

---

[1]) То и другое было уже установлено указомъ 1818 г. относительно Минской губ., при чемъ велѣно было распространить дѣйствіе его на прочія губерніи, пріобрѣтенныя отъ Польши.

[2]) *Середонинъ* „Ист. обзоръ дѣят. комитета министровъ“, 1902 г. т. I, 187—188, 268, т. II, ч. 1, стр. 364. „Сборникъ Археологич. Института“ кн. I, 1878 г. стр. 12—13.

наго освобожденія своихъ крестьянъ; но этотъ проектъ былъ отвергнутъ имп. Александромъ, который выразилъ несочувствіе устройству общества и пожелалъ, чтобы каждый изъ задумавшихъ это дѣло поработалъ особнякомъ и представилъ свой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ [1]). Однако государь воспользовался полученнымъ имъ протестомъ объ учрежденіи общества, чтобы указать Карамзину на неправильность его мнѣнія, что мысль объ освобожденіи крестьянъ не имѣетъ ни отголоска, ни сочувствія въ Россіи [2]).

Недопущеніе гласной общественной инціативы въ крестьянскомъ дѣлѣ при бездѣятельности самого правительства было однимъ изъ главныхъ поводовъ основанія тайнаго общества. Но, прежде чѣмъ говорить объ отношеніи декабристовъ къ крестьянскому вопросу, скажемъ нѣсколько словъ о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ первой четверти XIX в.

Для характеристики положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Александра I мы имѣемъ пока гораздо менѣе данныхъ, чѣмъ относительно второй половины XVIII в., такъ какъ большинство архивныхъ документовъ по этому предмету еще не подвергнуто изслѣдованію. Но нужно замѣтить, что даже и будущій изслѣдователь этой эпохи не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи, по крайней мѣрѣ для 20 губерній Великороссіи, такихъ важныхъ матеріаловъ для характеристики экономическаго быта крестьянъ, какъ результаты генеральнаго межеванія, произведеннаго въ этихъ губерніяхъ въ послѣдней трети XVIII в. Однако же и доступныя намъ указанія источниковъ даютъ возможность сдѣлать нѣкоторыя важныя наблюденія относительно быта крестьянъ въ первой четверти XIX столѣтія.

Въ XVIII в. помѣщики рѣдко пользовались своимъ правомъ совершенно обезземеливать крестьянъ (никакихъ запрещеній въ этомъ отношеніи въ тогдашнихъ законахъ не существовало) [3]). Въ первой четверти XIX в. обезземеленные крестьяне, или, какъ ихъ тогда называли, „мѣсячники“, встрѣчались мѣстами, но все же были явленіемъ довольно рѣдкимъ. Н. И. Тургеневъ, въ своей запискѣ 1819 г. говоритъ, что помѣщики, заставляющіе

---

[1]) О негодованіи кн. Вяземскаго по поводу такого исхода дѣла см. „Остафьевскій Архивъ“ т. II, 1899 г., стр. 40, ср. 14—17.

[2]) Карамзинъ за два года до того (въ 1818 г.) писалъ кн. П. А. Вяземскому, видимо мало вѣря въ осуществимость его либеральныхъ мечтаній: „Желаю знать, какимъ образомъ вы намѣрены черезъ или въ 10 лѣтъ сдѣлать вашихъ крестьянъ свободными; научите меня: я готовъ слѣдовать хорошему примѣру, *если овцы будутъ цѣлы и волки сыты*. Это и шутка, и не шутка“. „Старина и новизна. Ист. Сборникъ“. Кн. I., Спб. 1897, стр. 65.

[3]) Ср. *Побѣдоносцевъ*, „Историч. изслѣд.“, 94.

своихъ крестьянъ работать 6 дней въ недѣлю, даютъ имъ „такъ называемую мѣсячину, ибо безъ нея крестьяне, не имѣя своего хозяйства, не могли бы существовать“ [1]). Въ статьѣ Джунковскаго сказано, что „бываютъ изрѣдка такіе помѣщичьи крестьяне, которые *все время* на господина работаютъ и отъ него получаютъ пропитаніе“ [2]). Тургеневу разсказывали [3]), что въ Бѣлоруссіи одинъ помѣщикъ обратилъ въ батраковъ 100—150 душъ своихъ крестьянъ. Декабристъ Трубецкой утверждаетъ, „что несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго“ [4]).

И въ разсматриваемую эпоху мы встрѣчаемъ указанія писателей-агрономовъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ вся пахотная и сѣнокосная земля находилась въ пользованіи крестьянъ (какъ это было во второй половинѣ XVIII вѣка) [5]) и существовали обыкновенно ограниченія лишь въ пользованіи лѣсомъ [6]). Есть объ этомъ указанія и относительно отдѣльныхъ помѣщиковъ. У гр. Вл. Григ. Орлова, владѣвшаго нѣсколькими десятками тысячъ душъ крѣпостныхъ, „вся земля предоставлялась въ пользованіе крестьянамъ, за исключеніемъ по соразмѣрности количества лѣсовъ, часть коихъ гр. Орловъ бралъ за себя“. По словамъ Свербеева, оброчные крестьяне въ началѣ 1820-хъ гг. „пользовались пастбищами по всей дачѣ, большими покосами и отопленіемъ“ [7]). Безъ сомнѣнія, въ оброчныхъ вотчинахъ должна была сложиться извѣстная формула, нерѣдко высказываемая крестьянами помѣщикамъ: „мы ваши, а земля наша“ [8]). Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ крестьяне довольно свободно пользовались и помѣщичьими лѣсами. По свидѣтельству М. А. Фонъ-Визина „жители береговъ Волги и ея притоковъ“ (изъ помѣщичьихъ крестьянъ) „въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсами, строятъ на продажу расшивы и барки“.

---

[1]) „Сборн. историч. матер., извлеч. изъ арх. соб. Е. В. Канцеляріи“. 1891 г. т. IV, стр. 445.

[2]) „Труды Вольн. Экон. Общ.“ 1804 г. т. 56, стр. 30.

[3]) „La Russie et les Russes“ II, 84.

[4]) „Записки кн. Трубецкаго“, стр. 102.

[5]) *Storch*. Russland unter Alexander dem Ersten. Bd. V, 1805, S. 223. „Тр. В. Эк. Общ.“ ч. 66, стр. 41, 45, ср. 46. Декабристъ фонъ-Визинъ въ одной неизданной запискѣ говоритъ: „въ оброчныхъ имѣніяхъ вообще крестьяне владѣютъ всѣми землями“.

[6]) Въ оброчной Нижегородской вотчинѣ помѣщиковъ Баженовыхъ (или Бажановыхъ) послѣ волненія крестьянъ комитетъ министровъ постановилъ, чтобы имъ была отведена третья часть помѣщичьяго лѣса, раздѣливъ ее на лѣсосѣки. „Журн. Комит. Министр.“ т. I, 229.

[7]) „Записки Д. Н. Свербеева“, М. 1899 г. т. I, 135, II, 110, 118.

[8]) Записки Свербеева, II, 50.

У помѣщичьихъ крестьянъ Великороссіи по прежнему земля находилась въ общинномъ владѣніи. Тверской помѣщикъ Зубовъ свидѣтельствуетъ, что между тѣмъ какъ государственные крестьяне передѣляли землю по ревизскимъ душамъ, помѣщичьи какъ оброчные, такъ и барщинные дѣлили ее по тягламъ. Тоже подтверждаетъ и другой помѣщикъ, Дурасовъ, сообщающій свѣдѣнія о самой процедурѣ передѣла земли и объ оставленіи запаснаго участка для надѣла прибылымъ тягламъ [1]). Передѣлы земли въ оброчныхъ вотчинахъ производились, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный агрономъ Болотовъ, и въ Тульской губ., при чемъ замѣчаетъ, что въ оброчныхъ вотчинахъ крестьяне владѣютъ всею землею.

Но въ барщинныхъ имѣніяхъ, особенно черноземной Россіи, уже начали дѣлать попытки введенія подворнаго землевладѣнія, которыя однако, повидимому, успѣхомъ не увѣнчались. Такъ Болотовъ, помѣщикъ Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ., разсказываетъ, что въ барщинныхъ имѣніяхъ, гдѣ возможно, помѣщичья земля „отдѣляется отъ крестьянской къ одному мѣсту“, а если и нельзя этого сдѣлать, то „всякому тяглу имѣется уже единожды и навсегда данные ему во владѣніе участки пашенной и сѣнокосной земли, которая отъ него *безъ важныхъ какихъ-либо и особыхъ побудительныхъ причинъ* никогда не отнимается“, такъ что „*не бываетъ никогда такихъ частыхъ передѣловъ*“, какъ въ оброчныхъ имѣніяхъ [2]). Такимъ образомъ изъ самаго показанія Болотова видно, что раздѣлъ земли не былъ окончательнымъ, и вѣроятно передѣлы все таки совершались, но лишь рѣже, чѣмъ въ оброчныхъ имѣніяхъ [3]). Въ запискѣ секретаря Вольнаго Экономическаго Общества Джунковскаго (1822 г.) также сказано: „нынѣ... у многихъ помѣщиковъ... участки земли раздѣлены навсегда между ихъ крестьянами, которые имъ платятъ оброкъ или отбываютъ повинности работою“ [4]).

Вольное Экономическое Общество, не сочувствовавшее общинному землевладѣнію съ агрономической точки зрѣнія, такъ какъ тогда еще не было доказано, что нѣкоторыя хозяйственныя улуч-

---

[1]) „Труды Вольн. Эконом. Общ.“ 1821 г., ч. 72, стр. 223—224, 322—333. Были впрочемъ ограниченія помѣщичьею властью сроковъ передѣловъ: такъ въ Иваповской вотчинѣ гр. Шереметева (Владимір. губ.) велѣно было передѣлять пахотную землю по тягламъ не чаще, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ, луга же дозволялось передѣлять ежегодно.

[2]) Рук. Публ. Библ. Q. II, № 100, л. 84—89.

[3]) Свербеевъ, помѣщикъ Новосильскаго уѣзда, Тульской губ., умершій въ 1814 г., назначилъ на тягло по 3 дес. въ каждомъ полѣ въ видѣ особаго участка въ постоянное владѣніе. „Записки Д. Н. Свербеева“, I, 27.

[4]) „Архивъ Вольн. Эконом. Общ.“, № 31.

шенія, какъ напр. введеніе травосѣянія, вполнѣ возможны при общинномъ землевладѣніи, объявило въ 1819 г., задачу: „изыскать средства и способы для казенныхъ или для помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлить участки земли, имъ принадлежащіе, такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ всю пашенную и сѣнокосную землю, на его часть причитающуюся, и чтобы черезполоснаго между крестьянами одного селенія ни въ пашняхъ, ни въ сѣнокосахъ владѣнія не было“, за лучшее теоретическое рѣшеніе которой была назначена медаль въ 20 червонцевъ; если же кто изъ помѣщиковъ „съ видимымъ успѣхомъ и общею пользою“ дѣйствительно произведетъ такое раздѣленіе въ селеніи, гдѣ не менѣе 15 хозяевъ, и представитъ несомнѣнныя доказательства, тотъ долженъ былъ получить медаль въ 50 червонцевъ, или въ 500 рублей. За отвѣтъ на нее была присуждена медаль меньшаго размѣра, такъ какъ авторъ отвѣта не доказалъ практическаго осуществленія описываемыхъ имъ мѣръ [1]).

Какъ задача, объявленная Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, такъ и отсутствіе увѣнчанныхъ наградою бо́льшаго размѣра отвѣтовъ на нее, доказываютъ, что попытки введенія среди крестьянъ участковаго землевладѣнія были явленіями рѣдкими и исключительными [2]). Къ тому же неизвѣстно, имѣли ли онѣ полный успѣхъ. Судя по тому, что свободные хлѣбопашцы, относительно которыхъ законъ 1803 г. требовалъ раздѣленія земли на особые участки, въ большинствѣ случаевъ сохранили общинное землевладѣніе, можно думать, что и попытки нѣкоторыхъ дворянъ наградить своихъ крестьянъ мнимыми благами участковаго землевладѣнія не вызывали подражанія. Что передѣлы пахотной земли продолжали быть общимъ правиломъ въ Великороссіи, доказываетъ и свидѣтельство Канкрина (враждебно относившагося къ общинному землевладѣнію) въ его запискѣ (1818 г.) объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ: „въ Россіи передѣляются обыкновенно каждые три года поля между крестьянами“ [3]).

Средній денежный оброкъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ въ первой половинѣ 1790-хъ гг. равнялся 5 р. съ души. Такъ какъ на тягло приходилось отъ 2 до $2^1/_2$ душъ м. п., то слѣдовательно оброкъ

---

[1]) Повидимому, подъ вліяніемъ этой задачи помѣщикъ Кашинскаго уѣзда Тверской губ., Зубовъ, передѣлилъ одно изъ полей своихъ крестьянъ на отдѣльные участки для каждаго изъ 60 тяголъ „не чрезполосными загонами, но широкими полосами“ и утвердилъ „въ незыблемую собственность“ (т. е. владѣніе) „крестьянъ“, составивъ письменный приказъ о такомъ же раздѣленіи и двухъ другихъ полей.

[2]) Объ одной изъ такихъ попытокъ см. „Труды Вольн. Экон. Общ.“ 1814 г т. 66, стр. 85—86.

[3]) „Рус. Арх.“ 1865 г., стр. 1361.

съ *тягла* въ это время равнялся 10—12½ р., но иногда доходилъ уже и до 20 р. Посмотримъ теперь, каковы были оброки при Александрѣ I. Въ одной статьѣ 1804 г. обычный размѣръ оброка указанъ также въ 5 р. [1]). По словамъ Шторха, оброкъ въ разныхъ губерніяхъ и смотря по различію мѣстныхъ условій колеблется отъ 4 до 12 и 15 рублей съ души (впрочемъ купцы и искусные ремесленники, много зарабатывающіе въ столицѣ и другихъ большихъ городахъ, платили иногда по 50, 100 и болѣе рублей) [2]). Въ 1807 г. крестьяне гр. Разумовскаго, въ Московскомъ уѣздѣ, платили по 10 р. съ души; при гр. Н. П. Шереметевѣ, умершемъ въ 1809 г., крестьяне его вносили также 10 р. души [3]). Но „съ 1810 года“, по свидѣтельству Заблоцкаго-Десятовскаго, съ паденіемъ нашего денежнаго курса „началось возвышеніе оброковъ“. „Помѣщики старались не потерять при семъ и разсчитывали рубли ассигнаціонные по серебряному рублю [4]). Послѣ 1815 г., съ измѣненіемъ тарифа, открывшимъ болѣе свободы нашей торговлѣ, а слѣдовательно отозвавшимся благодѣтельно на земледѣльцѣ и работникѣ [5]), помѣщики увидѣли возможность въ 1816, 1817 и 1818 годахъ возвысить оброки [6]). Но потомъ все пришло въ равновѣсіе: если съ одной стороны увеличилась возможность дешеваго удовлетворенія, то съ другой—промыслы не представляли уже высокой заработной платы. Оброкъ увеличенный остался однако же неизмѣннымъ и сдѣлался уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжкимъ“ [7]). Въ одномъ неизданномъ мнѣніи, представленномъ въ Вольное Экономическое общество въ 1813 г., сказано: „больше во всей Россіи въ сложности считать нельзя, какъ отъ 25 до 35 р. съ тягла оброку [8]). Авторъ другого мнѣнія (1814 г.) говоритъ, что нельзя „желать“ оброка болѣе 20 р. съ тягла, а „иногда и этотъ оброкъ очень труденъ крестьянамъ“ [9]).

---

[1]) „Труды Вольн. Эк. Общ.“ 1804 г., т. 56, стр. 65.

[2]) *Storch. Russland* unter Alexander dem Ersten, Bd. V, 1805, S. 223—224.

[3]) Въ Ивановской вотчинѣ гр. Шереметева (Владимірской губ.) крестьяне, послѣ 1815 г., платили оброка и на содержаніе прикащика по 13 р. съ души

[4]) Въ 1791—5 гг. нашъ ассигнаціонный рубль равнялся въ среднемъ 75,4 серебряныхъ копѣекъ, въ 1801—5 гг—74,6 с. к., въ 1806—10 гг.—54,6 с. к., въ 1811—15 гг.—25,1, въ 1816—20 гг.—26,2, въ 1821—25 гг.—26,7 ср. коп. Слѣдовательно сравнительно съ первою половиною 1790-хъ гг. курсъ въ 1811—15 гг. былъ втрое и въ 1816—1825 гг.—почти втрое ниже. *Никольскій.* „Бумажныя деньги въ Россіи“. Каз. 1892 г., стр. 194—195, 234, 245.

[5]) Ср. *А. Семеновъ*, Изуч. истор. свѣд. о Россійск. внѣш. торг., II, 134.

[6]) Такъ кн. Ю. Вл. Долгоруковъ въ 1816 г. повысилъ оброкъ съ своихъ крестьянъ съ 10 до 20 р. съ души. „Сборн. матер., хранящ. въ музеѣ Щукина“ 1901 г., т. IX, стр. 390.

[7]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“, т. IV, 286.

[8]) „Арх. Вол. Эк. Общ.“ № 150, л. 397.

[9]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 208.

Впрочемъ мѣстами повышенные оброки стали взимать еще до 1810 г. Такъ въ 1807 г. владимірскій губернаторъ призналъ, что крестьяне владимірскаго помѣщика Кашинцева могутъ платить по 30 р. съ тягла, что и было утверждено комитетомъ министровъ и государемъ [1]). Въ 1808 г. нижегородское дворянство для волновавшихся крестьянъ помѣщиковъ Баженовыхъ назначило оброкъ,—„чтобы оный состоялъ въ сравненіи сосѣдственныхъ крестьянъ“—отъ 30 до 35 р. съ обыкновеннаго тягла съ тѣмъ, чтобы помѣщики не требовали отъ нихъ никакихъ другихъ работъ и повинностей [2]). Однако, „за совершеннымъ разореніемъ“ крестьяне соглашались выплачивать не болѣе 10 р. съ души. Несмотря на усмиреніе военною силою, на ссылку наказанныхъ кнутомъ зачинщиковъ въ Сибирь и наказаніе изъ остальныхъ десятаго плетьми, крестьяне были не въ силахъ платить то, что отъ нихъ требовали, и правительство принуждено было перевести ихъ на барщину [3]).

Во второй половинѣ царствованія Александра I, оброки, съ паденіемъ курса, выражались въ гораздо болѣе крупныхъ цифрахъ, а сплошь и рядомъ и дѣйствительно были очень обременительными. Ярославскіе помѣщики, составляя положеніе для крестьянъ одного имѣнія, опредѣлили оброкъ въ 75 р. асс. съ тягла и 4 дня обязательной работы во время жатвы. Одинъ вологодскій помѣщикъ бралъ оброкъ до 110 р. *съ тягла* (около 55 р. съ души), но мѣстное дворянство нашло этотъ оброкъ „чрезмѣрнымъ“ и понизило его до 20 р. *съ души* (т. е. до 40 р. съ тягла). Крестьяне помѣщицы Грибоѣдовой, матери извѣстнаго писателя, въ имѣніи Костромской губ., платили оброкъ по 100 р. съ *тягла*, что вызвало ихъ волненіе [4]). „По именному повелѣнію“, разсказываетъ декабристъ Якушкинъ, „къ нимъ была поставлена военная экзекуція и предоставлено было костромскому дворянству опредѣлить количество оброка въ Костромской губ., который былъ бы неотяготителенъ для крестьянъ. Костромское дворянство, какъ и всякое другое, не будучи врагомъ самому себѣ, донесло, что въ ихъ губерніи 70 р. *съ души* можно полагать оброкомъ самымъ умѣреннымъ. На ихъ допесеніе не было ни отъ кого возраженій, *тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что въ Костромской губерніи ни одно имѣніе не платило такого огромнаго оброка*“ [5]). Когда вслѣдствіе волненія въ

---

[1]) „Жур. Комит. Министр.“, 1888 г., т. I, 192—193, 214.

[2]) *Середонинъ* I, 348, „Журн. Комит. Министр.“, I, 1888, т. I, 166—167, 228—229, 339, 392.

[3]) *Снѣжневскій*, „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ“. „Нижег. Сборн.“, X, 592.

[4]) *Середонинъ*, I, 348.

[5]) Записки Якушкина, 29. Можно указать и на другой подобный фактъ.

1821 г. въ имѣніи гр. Разумовскаго (Гостилицкая волость Ораніенбаумскаго уѣзда) оказалось, что оброкъ съ крестьянъ взимался по 25 р. съ тягла, то петербургскій губернскій предводитель дворянства и три уѣздные (Царскосельскій, Ораніенбаумскій и Новоладожскій), имѣя въ виду близость имѣнія гр. Разумовскаго къ Петербургу, признали такой оброкъ „не тягостнымъ“. Одинъ псковской помѣщикъ увеличилъ сразу оброкъ съ 15.000 р. съ 550 душъ (болѣе 27 р. съ души) до 25.000 р. въ годъ (болѣе 45 р. съ души) и взялъ деньги за два года впередъ; имѣніе это отдано было подъ опеку главнымъ образомъ за то, что деньги были потребованы впередъ за два года, такъ какъ, по мнѣнію комитета министровъ, такое управленіе нельзя назвать порядочнымъ [1]). Въ селѣ Ивановѣ гр. Шереметева (Владимірской губ.) оброкъ въ 1824 г. равнялся 55 р. съ тягла [2]).

Очень большой интересъ для изученія положенія крестьянъ имѣетъ дневникъ 1818 г. декабриста прапорщика Тучкова 1-го, отправленнаго въ Тульскую губ. для собиранія топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Отмѣченныя имъ данныя относятся къ одному Одоевскому уѣзду, но любопытны тѣмъ, что касаются многихъ помѣщиковъ одной мѣстности. Оброкъ у нѣсколькихъ помѣщиковъ взимался въ размѣрѣ 35, 40, у одного 60 р. съ тягла, кромѣ того крестьяне должны были возить господамъ хлѣбъ въ Москву, а оттуда, для забавы нѣкоторыхъ владѣльцевъ, привозили собакъ, которыхъ должны были кормить. Баринъ, взимавшій 40 р. съ тягла, кромѣ того требовалъ съ нихъ поголовной барщины, когда вздумаетъ, да еще всякій крестьянинъ обязанъ былъ дать ему барана, овцу, курицу, свиней, поросятъ, масла, холста и всего, чего онъ захочетъ. Весь господскій скотъ былъ розданъ крестьянамъ, а если корова или другое животное падетъ, то мужикъ долженъ былъ за него заплатить: такъ за павшаго теленка было взыскано 60 р. [3]). Одинъ помѣщикъ Воронеж-

---

Въ 1809 г. по поводу жалобъ крестьянъ нижегородскаго помѣщика Козлова, на отягощеніе оброкомъ (помѣщикъ возвысилъ его съ 15 до 20 р.) сосѣдніе дворяне показали, что эти крестьяне могутъ платить оброкъ безъ отягощенія по 20—25 р. съ тягла, губернаторъ же призналъ, что ихъ можно обложить безъ стѣсненія лишь 15 р. „Журн. Комит. Министр.“, I, 381. Вопреки мнѣнію Якушкина о размѣрѣ оброка въ Костромской губерніи, въ 1816 г. два крестьянина этой губ. подали государю жалобу на своего помѣщика графа Головкина, что онъ требуетъ съ нихъ оброка отъ 90 до 135 р. съ души; они просили помѣщика уменьшить оброкъ, но повѣренные ихъ были за это наказаны. *Дубровинъ* „Послѣ отечеств. войны“. Р. С. 1904, № 3, стр. 496.

[1]) *Середонинъ*, I, 343—345, 337—338.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1898 г. № 6, стр. 193, 198. Аракчеевъ получалъ съ своихъ крестьянъ въ Грузинѣ (въ 1822 г.) по 15 р. *съ души*. *Шильдеръ* IV, 240.

[3]) „А. А. Тучковъ и его дневникъ 1818 года“. „Вѣстн. Евр.“, 1900 г. № 8, стр. 685—696.

ской губ., не довольствуясь оброкомъ по 35 р. съ тягла, бралъ съ нихъ коровъ, овецъ, хлѣбъ, овесъ, масло, сало, пухъ, холсты, плоды [1]).

Исключительно низкій оброкъ бралъ около 1815 г. со всѣхъ 5.000 д. своихъ крестьянъ Голохвастовъ, а именно по 5 р. съ тягла. Онъ равнялся среднему оброку въ половинѣ Екатерининскаго царствованія. Къ гр. В. Г. Орлову многіе крестьяне, очевидно находя положеніе его оброчныхъ вотчинъ болѣе льготнымъ, обращались съ просьбою купить ихъ у ихъ помѣщиковъ. Графъ соглашался, подъ условіемъ уплачивать ему оброкъ, равняющійся 6% съ затраченнаго на ихъ покупку капитала, и оброкъ этотъ никогда не возвышался. Такимъ образомъ, къ своей смерти (въ 1831 г.) гр. В. Г. Орловъ имѣлъ 46.000 д. м. п. [2]).

С. М. Середонинъ, на основаніи фактовъ, найденныхъ имъ въ дѣлахъ Комитета Министровъ, дѣлаетъ выводъ, что во второй половинѣ царствованія Александра I „нормальный оброкъ съ тягла былъ около 70 р. въ центральныхъ Великорусскихъ губерніяхъ“ [3]). Такъ какъ найденныя имъ болѣе общія указанія относятся къ губерніямъ Ярославской, Вологодской, Петербургской и Нижегородской, то болѣе правильнымъ было бы пріурочить этотъ выводъ не къ центральнымъ губерніямъ Великороссіи, а къ нечерноземной ея полосѣ.

Нельзя не замѣтить прежде всего, что приведенныхъ данныхъ недостаточно для точнаго вывода, и есть основанія полагать, что средній размѣръ оброка не былъ такъ великъ, какъ предполагаетъ г. Середонинъ. Къ этому мнѣнію можно придти, обративъ вниманіе на увеличеніе цѣнъ на хлѣбъ, находившееся прежде, какъ показываетъ изученіе быта крѣпостныхъ при Екатеринѣ II [4]), въ очевидномъ соотвѣтствіи съ повышеніемъ оброковъ. Средняя цѣна девятипудоваго куля ржаной муки въ Москвѣ въ 1797—1800 гг. равнялась 4 р. 80 к., а въ 1811—1825 гг.— 13 р. 50 к. [5]), т. е. болѣе чѣмъ въ концѣ XVIII вѣка въ 2,8

[1]) *Середонинъ*, I, 336.

[2]) Записки Свербеева, I, 135—136, II, 117—118. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ въ своей неизданной запискѣ „Объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г.“ (написанной уже въ Сибири въ 1842 г.) говоритъ: „Въ губерніяхъ хлѣбопашественныхъ: Малороссійскихъ, Харьковской, Бѣлорусскихъ, Литовскихъ, Минской, Волынской, Каменецъ-Подольской, Кіевской, Новороссійскихъ, въ землѣ Донскихъ казаковъ, въ Міусскомъ округѣ, въ которомъ находятся всѣ имѣнія, населенныя крѣпостными донскаго дворянства, а также и въ Кавказской области оброчные крестьяне весьма рѣдкое исключеніе“.

[3]) „Истор. обзоръ дѣят. Комит. Министр.“, I,348—349.

[4]) См. мою книгу „Крест. въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, изд. 2-е, 1903 г., стр. 53.

[5]) „Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ“. М. 1889 г., стр. 69—70.

раза. *Средній* оброкъ не превышалъ въ 1790-хъ гг. 10—12½ р. съ тягла, и потому мы думаемъ, что если бы средній оброкъ возрасталъ въ это время пропорціонально съ цѣною хлѣба, то во вторую половину царствованія имп. Александра I онъ не долженъ былъ бы превышать 35 р. асс. съ тягла. Но есть указанія (въ дневникѣ Тучкова, см. ниже, въ сочиненіи Н. И. Тургенева), [1]) что эксплоатація крестьянъ помѣщиками чрезвычайно усилилась, и потому быть можетъ возможно принять, что средній оброкъ въ нечерноземной полосѣ Великороссіи возросъ въ 1815—1825 гг. до 50 р. (ср. выше оброкъ, собираемый гр. Шереметевымъ въ селѣ Ивановѣ), но едва ли болѣе. Если принять эту цифру, то по среднему курсу въ 1811—1825 гг. (26 к. сер. за ассигнаціонный рубль), это составитъ 13 р. сер. съ тягла [2]).

Что касается черноземныхъ губерній Великороссіи, то, судя по приведеннымъ выше фактамъ изъ дневника Тучкова, нужно думать, что собственно денежные оброки были тамъ иногда ниже, чѣмъ въ нечерноземной полосѣ Россіи, но къ нимъ добавлялись весьма значительные поборы и повинности натурою, хотя, разумѣется, и тамъ могли быть имѣнія съ очень высокими денежными оброками [3]). Нужно замѣтить, впрочемъ, что и въ Тульской, и въ Пензенской губ. оброчные крестьяне составляли меньшинство, и барщинное хозяйство преобладало.

Законнымъ размѣромъ барщины считалось, на основаніи указа имп. Павла 1797 г., три дня въ недѣлю, при чемъ въ воскресенье крестьяне должны были быть свободны отъ работъ [4]). Но очень часто помѣщики не довольствовались трехдневною барщиною. По словамъ автора одного мнѣнія, представленнаго въ Вольное Экономическое Общество въ 1813 г., „помѣщики работаютъ своими людьми различно—3, 4, а другіе и 5 дней въ недѣлю [5]). „Извѣстно“, говоритъ Н. И. Тургеневъ въ своей запискѣ 1819 г., „что нѣкоторые заставляютъ крестьянъ своихъ работать не 3, а 4, 5 и 6 даже дней въ недѣлю“. Въ дневникѣ Тучкова

---

[1]) La Russie les Russes II, 104.

[2]) Предъ крестьянскою реформою средній оброкъ въ 20 губерніяхъ Великороссіи равнялся уже 19 р. с. *Игнатовичъ*. „Пом. Крест.“, 66.

[3]) Такъ напр. кн. В. взималъ въ своемъ Пензенскомъ имѣніи по 100 р. съ тягла. Послѣ жалобы крестьянъ оброкъ этотъ былъ понижепъ до 65 р. *Середонинъ* I, 348. Пензенская губ., по размѣру оброковъ, и предъ крестьянскою реформою занимала четвертое мѣсто среди 20 губерній Великороссіи. *И. И. Игнатовичъ*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“ 1902 г., стр. 41, 66.

[4]) Джунковскій утверждаетъ, что бываютъ помѣщичьи крестьяне, которые только „третью долю времени для господина употребляютъ“, „Тр. Вольн. Эк. Общ.“ 1804 г., т. 56, стр. 30. Объ одномъ такомъ помѣщикѣ въ Псковской губ. см. *Storch* „Russland unter Alexander dem Ersten“. I Bd., 1804, S. 425.

[5]) Арх. Вольн. Экон. Общ., № 150, л. 373.

мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія относительно размѣровъ барщины въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. У двухъ помѣщиковъ требовалось по 3 дня барщины въ недѣлю, у одного 5 дней (въ томъ числѣ и воскресенье работали на барина, такъ какъ „работать на себя грѣхъ"), у одного отъ 4 до 6 дней, у двухъ помѣщиковъ поголовно исполняли барщину всѣ дни недѣли (у одного въ теченіе двухъ мѣсяцевъ крестьяне не имѣли для себя ни одного дня). На вопросъ, когда же крестьяне успѣваютъ убирать свой хлѣбъ, отвѣчаютъ: на это есть ночь. Въ одномъ селеніи разныхъ помѣщиковъ, какъ и во всей окружающей его мѣстности, совсѣмъ не бывало трехдневной барщины, а все поголовная; работали на помѣщиковъ и по воскресеньямъ: по утру отпускали къ обѣднѣ, и то не у всѣхъ, а послѣ обѣда у *всѣхъ* помѣщиковъ этой мѣстности Одоевскаго у. посылали въ воскресенье на барщину. У кн. Г. давали мужикамъ 1 день въ недѣлю; у другого барина *во все лѣто* разрѣшали работать на себя только 3 дня и отрѣзали у нихъ лучшую землю. Понятно, что помѣщичьи крестьяне этого уѣзда были „въ жалкомъ состояніи", „угнетены до чрезвычайности".

У курской помѣщицы Брискорнъ трехдневная барщина была совершенною фикціею, такъ какъ вся работа производилась по урокамъ, которые, не выработавъ въ урочное время, приходилось оканчивать въ свои дни, въ воскресенье и праздники. Кромѣ того по праздничнымъ днямъ крестьянъ занимали возкою дровъ и т. п. работами. Въ ригахъ, гдѣ трудились преимущественно женщины, работы продолжались до поздней ночи; барскій хлѣбъ жали иногда даже по ночамъ. Нѣкоторыя мѣста работъ отстояли отъ жилищъ крестьянъ на 15—25 верстъ, при чемъ время прохода не зачиталось. Количество работы увеличивалось еще тѣмъ, что упалыя тягла не снимались, а раскладывались на остальныхъ. Вслѣдствіе этого крестьяне не всегда успѣвали обработать свои поля [1]) и убрать хлѣбъ и сѣно, а отдавать землю въ наемъ воспрещалось. Строительныя работы въ имѣніи Брискорнъ состояли въ постройкѣ церкви и фабрики. На нихъ и при выдѣлкѣ кирпича большинство рабочихъ составляли женщины; работали по урокамъ съ утра до ночи; выгоняли на работу женщинъ съ грудными дѣтьми и беременныхъ на сносяхъ. Послѣднія не избавлялись отъ побой, несмотря на свое положеніе, такъ что бывали случаи выкидышей; матерей били за то, что во время работъ они кормили дѣтей грудью. Крестьяне, возя тяжелыя деревья, надорвали своихъ лошадей, и многія изъ нихъ пали. Возкою кирпича

[1]) Нужно замѣтить, что лучшія земли помѣщица отрѣзала себѣ, оставивъ крестьянамъ худшія; при томъ покосовъ у нихъ было не достаточно.

и песка были заняты дѣти отъ 8 до 15 лѣтъ, причемъ эта работа производилась иногда ночью и въ праздничные дни. Въ зимнее время барщинные крестьяне госпожи Брискорнъ были обложены еще оброкомъ по 6 р. съ женщины, и по 20 р. съ тягла [1]).

Съ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ помѣщики собирали еще сборы натурою. Ярославскіе помѣщики, составляя положеніе для крестьянъ Н—вой, опредѣлили, что сверхъ трехдневной барщины, каждое тягло „за пользованіе огуменниками, огородами, пастбищами и другими выгодами", должно было давать по 1 курицѣ и 20 арш. холста, а $3^1/_2$ тягла по барану. Воронежскій помѣщикъ К—въ, въ 1818 г., сверхъ оброка въ 35 р. съ тягла, бралъ съ нихъ самые разнообразные поборы натурою [2]). Нѣкоторые помѣщики Одоевскаго у. Тульской губ., какъ видно изъ дневника Тучкова, сверхъ непомѣрной барщины, умудрялись еще собирать съ крестьянъ съѣстные припасы.

Барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ заставляли еще поставлять подводы для отвозки припасовъ господамъ или на продажу. Ярославскіе помѣщики опредѣлили, что какъ тѣ, такъ и другіе крестьяне Н—вой должны для отвозки хлѣба давать съ тягла: не далѣе 50 верстъ—10 подводъ въ годъ, отъ 100 до 200 верстъ—по 2 подводы; до Москвы—по одной подводѣ. Крестьяне пензенскаго помѣщика гр. В—каго отвозили хлѣбъ до пристани, находившейся въ 95 верстахъ, по 8—10 подводъ съ тягла, а послѣ жалобы эта повинность была понижена до 7 подводъ (стоимость каждой подводы около 2 р.) [3]). Подводъ требовали и одоевскіе помѣщики. Помѣщикъ Касимовскаго у. Рязанской губ., Кайсаровъ зимою посылалъ своихъ крестьянъ на ихъ лошадяхъ въ степь, въ Пензу,

---

[1]) „Сборн. историч. мат., извлеч. изъ Архива собств. Е. Вел. канц.", вып. VII, 1895 г. стр. 354—461. Въ Михайловскомъ у. Рязанской губ., крестьяне помѣщика кн. Гагарина (въ 1817 г.) отличались страшною бѣдностью вслѣдствіе того, что помѣщикъ не давалъ имъ времени обрабатывать ихъ поля; они находились всегда на господской работѣ, даже въ такіе праздники, какъ Пасха; разъ они сѣяли свою рожь въ октябрѣ мѣсяцѣ. Въ Касимовскомъ у. Рязанской губ., помѣщикъ Кайсаровъ въ 1821 г. заставлялъ крестьянъ вывозить покупной лѣсъ, въ рабочую пору вычищать совсѣмъ безполезное болото подъ пашню и сѣнокосъ, рубить еловые сучья для удобренія земли. Почти всѣ яровыя крестьянъ остались безъ посѣва, а въ слѣдующую осень они не надѣялись имѣть средствъ къ посѣву озимаго хлѣба, если помѣщикъ не дастъ имъ хотя нѣкоторой льготы. *Повалишинъ*. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные". Ряз. 1903 г., стр. 121, 145. Въ 1824 г. крестьяне помѣщика Макова, Кузнецкаго у., Саратовской губ., въ жалобѣ поданной имп. Александру, заявляли, что помѣщикъ „изнурилъ ихъ на собственной своей работѣ всю недѣлю, изо дня въ день, развѣ изрѣдка случается—даетъ на себя одну только субботу". *Мордовцевъ*. „Наканунѣ воли. Архивные силуэты", 1890 г., стр. 11, 14.

[2]) *Середонинъ* I, 336, 347.

[3]) *Середонинъ* I, 347—348.

за хлѣбомъ, въ Козловскій у. съ продажнымъ тесомъ [1]). Свербеевъ въ началѣ 1820-хъ гг. разъ навсегда опредѣлилъ, чтобы его барщинные крестьяне возили хлѣбъ въ г. Мценскъ за 80 верстъ, но не болѣе 6 подводъ на тягло. И ранѣе, при отцѣ его, когда случалось возить хлѣбъ въ Москву, гдѣ онъ былъ сравнительно дороже, то крестьянамъ доплачивалось по расчету [2]).

Въ тягло, по постановленію ярославскихъ дворянъ, крестьянъ записывали отъ 17 до 55 лѣтъ [3]), крестьянокъ—отъ замужества до 50 лѣтъ; малолѣтнихъ съ 10 лѣтъ назначали на мелкія работы: чистку хлѣва, сада.Но нѣкоторые одоевскіе помѣщики (Тульской губ.) накладывали тягла и на холостыхъ и даже на 13-лѣтнихъ ребятъ, не снимали ихъ иногда и въ 70 лѣтъ.

Въ царствованіе Александра I распространился разорительный для помѣщичьихъ крестьянъ обычай отдавать ихъ въ наймы подрядчикамъ для дорожныхъ и строительныхъ работъ, а также на фабрики и заводы. По свидѣтельству Карамзина въ его запискѣ 1820 г., многіе помѣщики Витебской и Могилевской губерній отдавали своихъ крѣпостныхъ подрядчикамъ для рытья канавъ и вообще работъ на дорогахъ, получая за нихъ въ лѣто по 110 р. за каждаго [4]). Въ августѣ 1818 г. государь писалъ бѣлорусскому военному губернатору, герцогу Александру Виртембергскому, что крестьяне помѣщицы Михельсонъ, Невельскаго у. Витебской губ., принесли ему жалобу „на терпимое ими разореніе отъ самовластія управляющаго, который.., вступя въ подряды по исправленію большихъ дорогъ, выслалъ ихъ всѣхъ для таковыхъ работъ, назадъ тому уже четыре мѣсяца, на московскій трактъ, между тѣмъ какъ семейства ихъ остаются дома безъ пропитанія, а земля въ запустѣніи". Государь, найдя этихъ крестьянъ въ самомъ „жалостномъ положеніи", отправилъ ихъ съ подполковникомъ Кочубеемъ къ герцогу Виртембергскому [5]). Императоръ Александръ не зналъ того, что герцогъ самъ продѣлывалъ нѣчто подобное, а именно, во время построенія Нижегородской ярмарки, отправилъ туда на работу изъ Витебской губ. множество своихъ нищихъ крестьянъ, неплатившихъ ему оброка. Эти люди цѣлыми „сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи" шли съ родины въ мѣсто назначенія [6]). Помѣщики разныхъ гу-

---

[1]) *Повалишинъ*, 145—146.

[2]) Зап. Свербеева, I, 27—28, 303.

[3]) Соотвѣтственно этому и Фонъ-Визинъ свидѣтельствуетъ, что „по обычаю въ тягло поступаютъ юноши 17 лѣтъ, а освобождаются отъ тягла 50, и иногда и 60-лѣтніе старики".

[4]) „Рус. Стар." 1870 г., изд. 3, стр. 588—589; ср. *Tourgueneff*, II, стр. 97—98.

[5]) *Дубровинъ*. „Послѣ отечеств. войны". „Рус. Стар.", 1904 № 3, стр. 502.

[6]) Записки Якушкина, 51—52.

берній отдавали за договоренную *въ свою пользу* плату крестьянъ на фабрики, а плотниковъ и каменщиковъ на производство разныхъ построекъ. По свидѣтельству Свербеева, крестьяне не разъ приходили жаловаться губернатору, что помѣщикъ всѣхъ способныхъ къ работѣ отдалъ на фабрику; „къ сожалѣнію“, прибавляетъ онъ, „тоже самое дѣлали люди весьма порядочные“ [1]). Декабристъ Якушкинъ разсказываетъ: „проѣзжая однажды зимою по Рославльскому уѣзду, я заѣхалъ на постоялый дворъ. Изба была набита народомъ, совершенно оборваннымъ, иные даже не имѣли ни рукавицъ, ни шапки! Ихъ было болѣе 100 человѣкъ, и они шли на винокуренный заводъ, отстоящій верстъ 150 отъ мѣста ихъ жительства. Помѣщикъ (Смоленской губ.), которому они принадлежали, отдалъ ихъ на всю зиму въ работу на заводъ и получилъ за это впередъ условленную плату. Сверхъ того, владѣлецъ завода обязался прокормить этихъ крестьянъ въ продолженіи зимы. *Такого рода сдѣлки*“, прибавляетъ Якушкинъ „*были очень обыкновенны*“ [2]).

При Александрѣ I распространился одинъ изъ видовъ труда крѣпостныхъ, наиболѣе для нихъ тяжелый, а именно работа на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ (особенно суконныхъ, свекло-сахарныхъ и полотняныхъ), число которыхъ значительно возросло въ это время [3]) Въ началѣ XIX вѣка на однѣхъ фабрикахъ крестьяне работали только по 3 дня въ недѣлю и, слѣдовательно, ходили на фабрику, какъ на всякую другую барщину, имѣя время для своихъ земледѣльческихъ работъ; въ такомъ случаѣ они не получали никакой платы; въ другихъ имѣніяхъ они были обращены въ постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ и получали недѣльную или мѣсячную, а не то и задѣльную плату; при томъ мѣстами вознагражденіе выдавалось частью деньгами, частью натурою; на другихъ же исключительно деньгами [4]).

---

[1]) „Записки Д. Н. Свербеева“, I, 46—47.

[2]) „Записки И. Д. Якушкина“, стр. 51.

[3]) Ср. *Tourgueneff.* La Russie et les Russes II, 101—103, 119; *Нисселовичъ*, „Исторія заводско-фабричн. законодат.“, ч. II, прил. II. „Прежде“, говоритъ Тургеневъ въ своей запискѣ 1819 г., „малолѣтніе оставались въ покоѣ, но нынѣ пагубное обыкновеніе заводить фабрики даже въ губерніяхъ плодородныхъ побудило помѣщиковъ обратить дѣтей обоего пола къ работѣ на фабрикахъ, изнуряющихъ ихъ силы физическія и нравственныя“. Тургеневъ предлагалъ постановить, чтобы дѣтей 10—12 лѣтъ не принуждали ни къ какой работѣ на помѣщика. „Сборн. ист. мат. извл. изъ Арх. собств. Е. Вел. капц.“, т. IV, 450. По оффиціальнымъ, весьма неполнымъ, свѣдѣніямъ, число рабочихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ равнялось въ 1825 г.—66.725 чел. *Туганъ-Барановскій*.. „Русская фабрика“ 1898 г., стр. 106.

[4]) См. мою книгу „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, изд. 2-е, стр. 79—80.

Устройство въ селѣ фабрики было для крестьянъ большимъ горемъ, и по словамъ Н. И. Тургенева о томъ, что въ такой то деревнѣ есть фабрика, говорили съ такимъ ужасомъ, какъ если бы тамъ появилась чума. Такъ, напр., въ имѣніи помѣщика Симбирской губ. Т—ва, когда крестьяне 6 недѣль строили фабрику, имъ приходилось работать съ утра до 12 ч. ночи, причемъ малолѣтніе употреблялись для освѣщенія, а женщины и дѣвушки возили бревна [1]). Иногда эти затѣи были не особенно выгодны и для помѣщика: такъ извѣстный хозяинъ, Д. М. Полторацкій, изучавшій агрономію въ Англіи во второй половинѣ XVIII в. и дѣлавшій много нововведеній въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ, заводилъ въ нихъ разные заводы и фабрики и кончилъ тѣмъ, что нѣсколько разстроилъ свое состояніе [2]). Весь ужасъ положенія крестьянъ въ имѣніяхъ, гдѣ устраивалась фабрика, всего лучше виденъ изъ слѣдующаго примѣра.

Въ 1822 г. крестьяне помѣщицы Брискорнъ, Курской губ. (въ нѣсколькихъ селахъ и деревняхъ этого ея имѣнія числилось 2135 д. м. п.) были доведены ею до нищеты; отъ ихъ имени была прислана жалоба на имя государя, въ которой указывалось на ихъ невыносимое положеніе. Для изслѣдованія дѣла назначена была слѣдственная коммисія, въ которой участвовалъ декабристъ С. М. Семеновъ. Въ представленномъ государю докладѣ комиссія раскрыла страшную, безчеловѣчную эксплоатацію крестьянъ, жестокое обращеніе съ ними и полное невниманіе къ ихъ страданіямъ (ср. выше).

Особенно печально было положеніе крестьянъ г-жи Брискорнъ, обращенныхъ въ рабочихъ на суконной фабрикѣ. Цѣлыя семейства брались на фабрику и работали на ней постоянно; у нѣкоторыхъ при этомъ отбирали ихъ домашнюю собственность, въ томъ числѣ и скотъ. Брали также на фабрику обѣднѣвшихъ крестьянъ, членовъ семействъ, въ которыхъ были бѣглые, и вообще въ видѣ наказанія. Всего фабричныхъ было 392 чел., въ томъ числѣ 91 чел. дѣтей 12 лѣтъ и менѣе, изъ которыхъ не работало только 13 ч. Имъ давали весьма плохую пищу: хлѣбъ изъ непросѣянной муки, въ щи на всѣхъ клали 10 ф. говядины, иногда не свѣжей; каши давали крайне мало. Одежда и обувь у нѣкоторыхъ была своя, другіе получали ее отъ экономіи, но шубъ не полагалось. У фабричныхъ, которымъ было назначено жалованье,

---

[1]) *Середонинъ* I, 337, ср. 327, Записки Якушкина, 28.

[2]) „Записки Свербеева“ I, 263. См. неодобрительный отзывъ имп. Александра I о Полторацкомъ, въ калужскомъ имѣніи котораго государь нашелъ крестьянъ „въ бѣдномъ положеніи“. *Шильдеръ* IV, 66.

за харчи и одежду производился вычетъ, вслѣдствіе чего почти никому денегъ на руки получать не приходилось. Особыхъ помѣщеній для рабочихъ устроено не было; лишь немногіе имѣли ночлегъ на селѣ, а остальные ночевали на фабрикѣ безъ различія пола и возраста: проводить ночь на открытомъ воздухѣ не позволялось изъ опасенія побѣга. Работа производилась по урокамъ—съ весны до осени при дневномъ свѣтѣ, а въ остальное время до 10—11 часовъ ночи и даже позднѣе. Здѣсь такъ же, какъ и при постройкахъ, работали и подвергались побоямъ беременныя женщины; матерей не отпускали съ работы даже въ виду смерти ихъ ребенка. Леченіе изувѣченныхъ на фабричныхъ и другихъ работахъ (ихъ было 26 человѣкъ) было поручено двумъ дворовымъ, которые не имѣли никакихъ медицинскихъ знаній и иногда приносили больнымъ прямой вредъ. За побѣгъ самихъ виновныхъ или ихъ родныхъ содержали въ оковахъ. Фабричнымъ и другимъ крѣпостнымъ иногда надѣвали на шею желѣзные рога. Одну женщину истязали, подозрѣвая въ томъ, что она вѣдьма; тѣлесныя наказанія производились иногда даже кнутомъ, обвитымъ проволокою. Помѣщица била своихъ крѣпостныхъ обыкновенно по головѣ. Нѣкоторые умирали очень скоро послѣ наказанія. Понятно, что крестьяне г-жи Брискорнъ бѣжали порознь и семьями [1]).

Въ 1820 г., суконная фабрика, устроенная за два года передъ тѣмъ, была переведена въ каменное зданіе, совершенно сырое, вслѣдствіе чего среди рабочихъ немедленно начались болѣзни и смертность: въ полтора года умерло 122 человѣка. Никакого лѣченія не было, если не считать призора за ними двухъ невѣжественныхъ дворовыхъ: присмотръ этотъ былъ такъ небреженъ, что тѣло больныхъ иной разъ покрывалось червями. Умершихъ хоронили въ хлѣбныхъ ямахъ или на кладбищахъ въ общихъ большихъ могилахъ, большею частію безъ отпѣванія. Теперь мы можемъ себѣ представить, какимъ адомъ могла быть помѣщичья фабрика [2]).

Все это было обстоятельно изложено въ докладѣ, отправленномъ слѣдственною коммисіею государю въ 1823 г., но подверглась ли г-жа Брискорнъ какому либо наказанію, неизвѣстно [3]).

---

[1]) Всего въ 3 года бѣжало 188 мужчинъ и 85 женщинъ.

[2]) Кромѣ 2135 душъ м. п., оставленныхъ въ имѣніяхъ Курской губ., г-жа Брискорнъ перевела 654 души въ свое Екатеринославское имѣніе; изъ нихъ вслѣдствіе переселенія умерло 115 человѣкъ.

[3]) „Сборникъ историч. матер., извлеч. изъ архива собст в. Е. Вел. Канц.“, вып. VII, 1895 г., стр. 354—461.

Вообще эксплоатація крѣпостныхъ при имп. Александрѣ усилилась; это замѣчали и они сами, и посторонніе наблюдатели [1]).

Въ 1818 г. въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. одинъ священникъ и многіе крестьяне говорили Тучкову, что „никогда не сравняютъ старыхъ помѣщиковъ съ молодыми; прежніе“, по ихъ словамъ, „были несравненно лучше“: прежде крестьяне „никогда такъ много не работали на господъ“; „нынче“ крѣпостныхъ „больше бьютъ, продаютъ порознь дѣвокъ, вдовъ, мужиковъ. Нынѣшніе помѣщики всѣ *лихи*, а въ прежнее время если это и бывало, то весьма рѣдко“ [2]). Нѣкоторые помѣщики создали даже теорію относительно крѣпостныхъ крестьянъ, что нужно „постоянно держать ихъ въ черномъ тѣлѣ“ на томъ основаніи, что бѣдные мужики выгоднѣе для помѣщика: и усерднѣе работаютъ на барщинѣ, и лучше повинуются [3]).

Количество дворни въ барскихъ вотчинахъ было по прежнему очень велико и мѣстами доходило до 800 душъ об. п. въ одномъ имѣніи [4]). У сына фельдмаршала Каменскаго въ Орлѣ было 400 человѣкъ прислуги, размѣщавшейся въ огромномъ домѣ, который занималъ цѣлый кварталъ. Здѣсь у него между прочимъ былъ театръ съ крѣпостными актерами, на пріобрѣтеніе которыхъ господинъ ничего не жалѣлъ. Такъ за одно крѣпостное семейство (мужа, жену и 6-ти-лѣтнюю дочь), игравшее на театрѣ (дочь особенно хорошо танцовала качучу), уступлена была деревня въ 250 душъ [5]).

Въ эпоху имп. Александра I мы не находимъ среди помѣщиковъ личности, подобной извѣстной Салтычихѣ [6]), но нѣкоторые факты заставляютъ думать, что способы истязанія крѣпостныхъ—цѣпи, оковы, колодки, деревянные чурбаны, къ которымъ приковывались виновные (такъ называемый „цѣпной стулъ“) [7]), шейныя рогатки, особыя арестантскія помѣщенія—были

---

[1]) Срав. напр. слова Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“ II, 104.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1900 г. № 8.

[3]) „Записки Д. Н. Свербеева“ I, 151.

[4]) Такова была дворня генерала Измайлова, считая съ дѣтьми, стариками и старухами, „Древ. и пов. Росс.“ 1876, № 12, стр. 349.

[5]) „Рус. Стар.“ т. XIII, 565, 568, 570. О бытѣ дворовыхъ см. ст. Дубровина „Рус. жизнь въ нач.“ XIX в. „Рус. Стар.“, 1899, №; „Записки Свербеева“ II, 65—72, 117, 133, I, 147, 292. Срав. мою книгу „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, изд. 2, 1903 г., стр. 153—155. О крѣпостныхъ театрахъ и балетахъ см. замѣтку Каллаша въ „Рус. Мысли“ 1901 г. № 11, стр. 144—152.

[6]) Впрочемъ г-жа Брискорнъ безобразнымъ веденіемъ своей фабрики погубила даже болѣе народа, чѣмъ Салтычиха.

[7]) Описаніе такого „стула“, на который сажали иногда на цѣлый мѣсяцъ, см. въ Запискахъ Я. М. Невѣрова. „Рус. Стар.“ 1883 г. т. 40, стр. 439, 441.

распространены въ то время болѣе прежняго. Кромѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, не только розгами, но также палками, плетьми, кнутьями и голодомъ [1]), помѣщики отдавали крѣпостныхъ въ рекруты, ссылали въ отдаленную вотчину, отбирали у нихъ пожитки, а провинившихся дѣвушекъ выдавали замужъ противъ ихъ желанія [2]). Что касается наказаній помѣщиковъ за злоупотребленія ихъ властью при Александрѣ I, то намъ извѣстенъ только одинъ случай ссылки дворянина въ каторжную работу за это преступленіе (въ царствованіе Екатерины II извѣстно 6 такихъ случаевъ) [3]). Елецкій помѣщикъ Орловъ и генералъ-маіоръ Побѣдинскій, обратившіе на себя вниманіе правительства своею страшною жестокостью, были только отправлены на покаяніе въ монастырь, первый на 10 лѣтъ, второй безъ срока съ наложеніемъ опеки на ихъ имѣнія [4]). Впрочемъ Ростопчинъ въ замѣчаніяхъ на книгу Стройновскаго упоминаетъ о томъ, что нѣсколько помѣщиковъ наказаны за безчеловѣчіе лишеніемъ дворянства и ссылкою въ Сибирь [5]); во время губернаторства Сперанскаго въ Пензѣ былъ также сосланъ въ Сибирь помѣщикъ, засѣкшій своего крестьянина; такому же наказанію подверглась тогда госпожа, истыкавшая до смерти перочиннымъ ножемъ своего несовершеннолѣтняго дворовaго [6]). Въ 1819 г. былъ сосланъ на поселеніе помѣщикъ Юшкевичъ, одинъ крестьянинъ котораго умеръ отъ побоевъ [7]). Наиболѣе же обыкновенною мѣрою было взятіе имѣнія въ опеку.

Торговля людьми въ розницу существовала по прежнему въ большихъ размѣрахъ. Въ началѣ XIX-го в. торговля крѣпостными дѣвушками производилась, напримѣръ, на базарѣ въ селѣ Ивановѣ (Владимірской губ.). Дѣвушекъ привозили на продажу изъ

---

[1]) См. о нѣкоторыхъ случаяхъ истязаній въ ст. Дубровина „Рус. Ст.“ 1904, № 3, стр. 497—498, *Середонинъ*, I, 324—326, 330—333, 335, 338, 344, 447; *Повалишинъ*, 90, 98, 104, 108—116, 118, 121—123, 145, *Мордовцевъ*, 25—30.

[2]) Право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ на поселеніе было въ 1802 г. пріостановлено, а въ 1822 г. вновь возстановлено, но только безъ зачета за рекрутъ. Въ 1824 г. велѣно было принимать крѣпостныхъ на поселеніе безъ всякаго ограниченія относительно лѣтъ ссылаемаго.

[3]) Въ 1803 г. помѣщикъ Орловской губ. Яценко былъ сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу. „Труды Орлов. Учен. Архивн. комм.“ в. 5, 1889, г. стр. 34.

[4]) „Рус. Стар.“ 1870, изд. 3-е, т. I, стр. 448—450; П. Соб. Зак. т. XXVII, № 20.217.

[5]) „Чт. въ Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1860, II, 210. Ср. „Тр. Орл. ученой арх. комм. 1889 г. в. V, 31.

[6]) *Корфъ*, „Жизнь гр. Сперанскаго“, 1861 г. II, 127.

[7]) *Середонинъ*, т. II, ч. I, стр. 98. Въ 1817 г. за жестокое обращеніе съ крестьянами также сосланъ былъ на поселеніе одинъ шляхтичъ. П. С. З. т. XXXIV, № 26603.

разныхъ мѣстъ Россіи, особенно изъ Малороссіи, и мѣстные богатые крестьяне гр. Шереметева покупали ихъ (конечно на имя господина) для домашнихъ работъ [1]). Хотя въ 1808 г. была запрещена продажа людей на ярмаркахъ, но она продолжалась. Въ своей запискѣ 1819 г. (представленной Милорадовичемъ государю) Н. И. Тургеневъ говоритъ: „Въ одной губерніи“ (центральной Россіи), „какъ сказываютъ, нѣкоторые помѣщики ежегодно на ярмаркѣ продаютъ дѣвокъ пріѣзжающимъ туда для сего постыднаго торга азіатцамъ, которые увозятъ сихъ жертвъ беззаконности далеко отъ мѣста ихъ родины“ [2]).

В. Н. Каразинъ въ запискѣ, представленной гр. Кочубею въ 1820 г., описываетъ существовавшіе тогда способы обхода ограниченій торговли людьми [3]).

---

[1]) *Гарелинъ*, „Городъ Иваново-Вознесенскъ“. Шуя. 1884, I, 121. О продажѣ людей на Урюпинской ярмаркѣ помѣщиками Тамбовской и Рязанской губ. см. въ ст. *Дубровина* „Рус. жизнь въ нач. XIX в.“. „Рус. Стар.“ 1899 г. № 8, стр. 244—245.

[2]) „Сборн. истор. матер. извл. изъ Арх. соб. Е. Вел. Канц“. IV, 445—446.

[3]) „Изобрѣтены.... способы продавать людей, особливо порознь, лицамъ, не имѣющимъ права къ покупкѣ, напримѣръ нахичеванскимъ армянамъ или бухарцамъ, разъѣзжающимъ съ шалями. Условясь о цѣнѣ, пишутъ у маклера контрактъ, силою котораго такой-то помѣщикъ или помѣщица отдаетъ такому то нахичеванскому или казанскому купцу такую-то свою крѣпостную дѣвку для наученья шитью золотомъ и шелками или тканью тѣхъ или другихъ матерій, срокомъ на 25 лѣтъ. Дѣвушка „переходитъ въ объятія азіатца“, а у барыни въ замѣну остается выбранная ею шаль“. Каразинъ указываетъ также на то, что хотя „законами 1816 г. было запрещено продавать людей на земли, принадлежащія казачьимъ войскамъ“ (указами этого года было запрещено чиновникамъ всѣхъ „казачьихъ“ войскъ покупать людей для переселенія на войсковыя земли до изданія новаго закона о переселеніи крестьянъ. П. С. З., XXXIII, № 26.164, 26,290. Нужно замѣтить, что въ это время слово „чиновникъ“ употреблялось въ примѣненіи не только къ гражданскимъ, но и къ военнымъ чинамъ), „но оттуда до сихъ поръ еще пріѣзжаютъ коммиссіонеры для таковой покупки въ Орловскую, Слободско-украинскую и другія губерніи. Пріискиваютъ въ нихъ другихъ коммиссіонеровъ изъ числа тамошнихъ помѣщиковъ. Купчія совершаются на имена сихъ послѣднихъ, которые въ то же время прямыхъ покупщиковъ обезпечиваютъ заемными письмами или другими обязательствами.... Оба коммиссіонера, напримѣръ черноморскій и украинскій, давно знаютъ другъ друга и препроводили взаимно чрезъ свои руки одинъ нѣсколько тысячъ несчастныхъ рабовъ, а другой нѣсколько сотъ тысячъ рублей... Когда купчія въ порядкѣ и люди зачислены за мнимымъ покупщикомъ, то онъ немедленно испрашиваетъ въ уѣздномъ казначействѣ плакатные, трехъ- или пяти-лѣтніе для нихъ паспорты и отдаетъ ихъ казацкому коммиссіонеру, который, взявъ людей на подводы, отъѣзжаетъ съ ними благополучно въ свой

Каразинъ описываетъ также ухищренія, которыми обходятъ запрещеніе торговли рекрутами, изданное еще при Екатеринѣ II и нѣсколько разъ повторенное при Александрѣ I [1]).

Другой способъ обхода запрещенія торговать рекрутами состоялъ въ томъ, что давая отпускную, понуждали крѣпостного, непонимающаго, что, на основаніи ея онъ могъ бы сдѣлаться вольнымъ, объявить, что онъ нанимается въ рекруты по охотѣ („продажа охотниковъ въ видѣ найма“). Наконецъ нѣкоторые помѣщики, и даже иногда не дурно относившіеся къ крестьянамъ, умудрялись продавать рекрутъ своимъ собственнымъ крестьянамъ. Свербеевъ признается, что и онъ „увлекался такимъ безнравственнымъ корыстолюбіемъ“. „Я самъ бралъ съ богатыхъ крестьянъ деньги отъ 1000 до 1500 р. ассигнаціями, ставя за нихъ семью то дворовыхъ, то штрафныхъ крестьянъ даже изъ другихъ моихъ имѣній.... Только впослѣдствіи времени, лѣтъ за 15 до эмансипаціи, додумался я, что поступать такимъ образомъ недобросовѣстно и, опредѣливъ цѣну, за освобожденіе отъ рекрутства 500 рублей, бралъ эти деньги не въ мой собственный карманъ, а въ мірскую крестьянскую кассу“. Бывали случаи, что крѣпостные крестьяне всѣмъ міромъ покупали на имя господина сосѣднюю деревню въ 50—60 душъ, чтобы ставить изъ нея за себя рекрутъ [2]).

путь. Паспорты же вымѣниваются по мѣрѣ прошествія ихъ сроковъ другими. Симъ образомъ жертвы, числящіяся и предполагаемыя правительствомъ въ Харьковскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, обработываютъ земли на Кубани, или—что, увы, также случается!—безчеловѣчно бываютъ проданы за Кубань въ владѣніе чеченцамъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, человѣкъ показывается умершимъ, и вся исторія оканчивается!“

[1]) „Продажа сего рода“, говоритъ онъ, „совершается до нынѣ, не въ отдаленныхъ какихъ либо провинціяхъ, нѣтъ! Здѣсь, въ самой столицѣ, такъ сказать въ присутствіи государя!... Дѣло вотъ какъ происходитъ: помѣщикъ или его повѣренный условливается съ имѣющимъ нужду въ квитанціи пріемщикомъ рекрутъ и нѣкоторыми изъ нижнихъ чиновниковъ полиціи и военной коллегіи. Опредѣленный въ продажу человѣкъ напаивается до полумертва и въ семъ видѣ, въ условленномъ мѣстѣ, берется полиціею подъ стражу. На завтра снимается съ него допросъ. Онъ *признается* (т. е. его *признаютъ*) безпаспортнымъ бродягою и, въ силу узаконеній о таковыхъ, немедленно отдается въ рекруты. По прошествіи нѣсколькихъ дней помѣщикъ, якобы нечаянно свѣдавшій о сей отдачѣ, входитъ въ военную коллегію съ прошеніемъ и доказательствами на принадлежность ему отданнаго въ рекруты и получаетъ квитанцію“. „Русская Стар.“ 1903 г. № 8, стр. 458—460.

[2]) „Записки Д. И. Свербеева“, II, 31—39. Въ управляемомъ имъ имѣніи Свербеевъ этого не дозволилъ и отобралъ отъ крестьянъ купленную ими деревню съ зачетомъ въ уплату недоимки по оброку.

Людей не только продавали: на нихъ играли въ карты [1]), раздаривали ихъ, особенно мальчиковъ и дѣвочекъ, дарили крѣпостныхъ чиновникамъ взамѣнъ взятокъ деньгами [2]).

Браки крестьянъ, вполнѣ зависѣвшіе отъ помѣщика, подавали поводъ къ различнымъ притѣсненіямъ. Тучковъ въ своемъ дневникѣ (1818 г.) свидѣтельствуетъ, что одинъ помѣщикъ Одоевскаго у. Тульской губ. за невѣсту изъ своей же вотчины взыскивалъ съ жениха отъ 100 до 300 р., а если онъ не могъ заплатить, то продавалъ дѣвокъ чужимъ. При выдачѣ дѣвушки замужъ въ чужую вотчину или за казеннаго крестьянина, всѣ помѣщики требовали уплаты выводныхъ денегъ. Такъ еще въ 1807 г. кн. Е. Р. Дашкова, разрѣшая выдать дѣвушку замужъ не за своего крестьянина, брала въ своемъ новгородскомъ имѣніи выводной платы по 100 р. Семейные раздѣлы производились только съ разрѣшенія господина, и въ вотчинахъ гр. Шереметева виновныхъ въ самовольномъ раздѣлѣ вывозили въ другія многоземельныя вотчины безъ всякой подмоги.

Не мало было случаевъ разврата помѣщиковъ, а иногда ихъ приказчиковъ, насилій даже надъ малолѣтними дѣвочками; помѣщики устраивали также свои гаремы [3]). Въ Одоевскомъ у. кн. Г. отнялъ жену у своего дворовaго, и когда тотъ сталъ протестовать, жестоко высѣкъ его кнутомъ и сослалъ въ деревню за 500 верстъ [4]).

Особенно выдавался среди другихъ помѣщиковъ злоупотребленіями своею властью генералъ Измайловъ, имѣвшій въ Тульской, Рязанской и другихъ губерніяхъ около 6.000 душъ. Еще въ 1802 г. до государя дошелъ слухъ о развратѣ Измайлова, и онъ поручилъ мѣстной администраціи развѣдать объ этомъ. Но чиновники были не столько задарены, сколько запуганы, такъ какъ самодуръ-помѣщикъ не церемонился и съ дворянами: одного привязалъ къ крылу вѣтряной мельницы и заставилъ совершить путешествіе по воздуху, другого, одѣвъ въ медвѣжью шкуру, травилъ собаками, третьяго—протаскивалъ подо льдомъ изъ одной проруби въ другую. Понятно, что Измайловъ не церемонился

---

[1]) Записки Якушкина, 50.

[2]) *Середонинъ*, I, 332; „Записки Свербеева“ II, 44—45.

[3]) Описаніе гарема помѣщика Нижегород. губ. Кокшарова см. въ „Русск. Стар.“ 1883 г., т. 40, стр. 430—443. У одного помѣщика въ гаремъ поступали даже его незаконныя дочери; было запрещено говорить имъ, кто ихъ отецъ. „Записки Басаргина“. „Девятнадцатый Вѣкъ“, изд. Бартенева I, 193—194.

[4]) Дневникъ Тучкова. „Вѣсти. Евр.“ 1900 г. № 8, 692. Срав. ст. Дубровина въ „Русск. Стар.“ 1904 г. № 3, 497—498, *Середонинъ* I, 332—334, 344, 350—351; *Повалишинъ*, 114, 118, 121, 234, *Мордовцевъ* 11—12, 14—15; „Записки Свербеева“ II, 133.

съ своими крѣпостными. Не красна была жизнь крестьянъ въ его тульскомъ имѣніи (гдѣ онъ жилъ во вторую половину царствованія Александра I),—ихъ ежедневно выгоняли на барщину, но еще тяжелѣе было существованіе многочисленной дворни, доходившей, при общей численности крѣпостныхъ въ этомъ имѣніи въ 1.500 д. м. п., до 500 чел. мужчинъ и женщинъ, кромѣ дѣтей. Дворня Измайлова подвергалась, чуть не ежечасно, различнымъ истязаніямъ, для чего приближенные къ господину лакеи носили за поясомъ розги. Наказаніе совершалось на глазахъ барина или по крайней мѣрѣ послѣ него приводили къ господину для удостовѣренія, что оно было достаточно строго. Но наказывали не одними только розгами. Для этого служили еще плети, палки, стѣнныя цѣпи, шейныя рогатки, иногда до 20 фунтовъ вѣса, ручныя и ножныя оковы, содержаніе въ особой тюрьмѣ при холодѣ и голодѣ. Въ одномъ флигелѣ дома находилась эта тюрьма, а въ другомъ—помѣщался барскій гаремъ, постоянно состоявшій изъ 30 дѣвушекъ, днемъ и ночью содержавшихся подъ замкомъ. Эти несчастныя брались туда въ 16, а нѣкоторыя даже въ 12 лѣтъ и наравнѣ со всей дворней подвергались истязаніямъ по барскому капризу, а за большія провинности отправлялись или въ богадѣльню, гдѣ около 30 женщинъ содержались на пространствѣ 60 кв. аршинъ, получая на пропитаніе лишь небольшое количество муки, или на фабрику, или наконецъ въ тюрьму. Наказанія дворовыхъ были иногда такъ продолжительны, что одинъ изъ нихъ 8 лѣтъ носилъ на шеѣ рогатку. Тридцать лѣтъ крѣпостные Измайлова сносили такую жизнь, пока наконецъ въ 1827 г. онъ былъ отданъ подъ судъ. Какому же наказанію онъ подвергся? Имп. Николай приказалъ только, наложивъ опеку на его имѣнія, выслать Измайлова на житье въ Рязань или Тулу. Но даже и это не было исполнено, и онъ спокойно умеръ въ одной изъ своихъ вотчинъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ [1]).

Суровая требовательность помѣщиковъ тяжело отзывалась иногда на здоровьѣ крестьянъ. Такъ Аракчеевъ, не считая ничего невозможнымъ при извѣстной энергіи, заставлялъ крестьянъ въ своемъ Грузинѣ исполнять самыя тяжелыя работы. Лѣсъ, росшій около его имѣнія на берегу Волхова, былъ уничтоженъ и земля выровнена; канавы рылись даже во время мороза; крестьянскіе дома, построенные по извѣстному образцу, по урочному положенію въ опредѣленное время, были сыры, холодны и не прочны. Было строго предписано, какъ нужно дѣлать крыши, какъ провѣтривать избы, какъ выгонять скотъ, какъ мести улицы передъ

---

[1]) *Славутинскій.* „Генералъ Измайловъ и его дворня“. „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., №№ 9—12.

домомъ. За нарушеніе малѣйшаго правила виновный подвергался суровому наказанію. Непосильныя работы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и строжайшія кары такъ вредно отозвались на здоровьѣ жителей, что чахотка сдѣлалась наслѣдственною болѣзнью въ Грузинѣ [1]).

Помѣщики далеко не всегда исполняли свою обязанность продовольствовать крестьянъ во время неурожаевъ. Въ 1807 г. государь, проѣзжая по Шавельскому уѣзду Ковенской губ., увидѣлъ, что множество крестьянъ гр. Зубова пропитывается мірскимъ подаяніемъ. Имп. Александръ приказалъ ихъ владѣльцу снабдить своихъ крѣпостныхъ нужнымъ количествомъ хлѣба до новаго урожая подъ угрозой наказанія по всей строгости законовъ [2]). Тучковъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что помѣщики Одоевскаго у. не позволяли своимъ крѣпостнымъ ходить по міру (чтобы не подвергнуться за нихъ отвѣтственности), но если кто вслѣдствіе неурожая осмѣливался просить господскаго хлѣба, то баринъ давалъ его понемногу, но не иначе, какъ предварительно жестоко высѣкши крестьянина; двое же помѣщиковъ этого уѣзда заставляли своихъ мужиковъ во время неурожая просить милостыню, а сами продавали свой хлѣбъ. Въ дѣлахъ комитета министровъ сохранилось много данныхъ о неисполненіи помѣщиками обязанности продовольствовать своихъ крестьянъ во время неурожая, особенно относительно Бѣлоруссіи [3]).

Движимая и недвижимая собственность крестьянъ были по прежнему не обезпечены закономъ [4]); помѣщики отнимали иногда

---

[1]) *Отто*. „Черты изъ жизни гр. Аракчеева“. „Древ. и Нов. Россія“ 1875 г. № 4, стр. 376—393; *Богдановичъ* „Истор. царств. Александра I“, т. V, 350—353. О жестокости Аракчеева относительно своихъ крѣпостныхъ см. „Записки Мартоса“. „Русск. Арх.“ 1893 г. № 8, стр. 528—529.

[2]) „Русск. Стар.“ 1870 г. т. II, изд. 3-е, стр. 553.

[3]) См. *Середонинъ* I, 170, 184, 187—189, 192, 329, 335, 337, 350, 352, II, ч. I, стр. 168; „Журналы Комит. Министровъ“ 1888 г. т. I, 165—166. Извѣстная уже намъ курская помѣщица Брискорнъ послѣ неурожая 1821 г. снабжала крестьянъ хлѣбомъ въ недостаточномъ для продовольствія количествѣ и при томъ на половину, вмѣсто ржи, отпускала имъ жмыхи, такъ что хлѣбъ, по изслѣдованію во врачебной управѣ, оказался непитательнымъ и негоднымъ къ употребленію, при чемъ и рожь, и жмыхи помѣщица давала не даромъ, а въ ссуду. Крестьяне были у нея въ большомъ долгу; за хлѣбъ, занятый для посѣва, они уплачивали $12^1/_2\%$. Они ходили по міру, а иногда и умирали съ голоду.

[4]) Это не мѣшало имъ впрочемъ покупать на имя помѣщиковъ земли, даже населенныя. Въ замѣчаніяхъ на проектъ конституціи Н. Муравьева, между прочимъ, сказано: „есть множество крѣпостныхъ, которые имѣютъ свои земли на имя своихъ господъ“. О томъ, что многіе помѣщичьи крестьяне владѣли помѣстьями на имя господъ, см. *Арсеньевъ* „Начерт. стат. Россійск. госуд.“ 1819 г., т. II, 93, 98.

у своихъ крѣпостныхъ хлѣбъ [1]), скотъ, одежду, пчелъ, дома. Н. И. Тургеневъ разсказываетъ, что когда умеръ одинъ крестьянинъ гр. Шереметева, занимавшійся въ Москвѣ торговлею, то послѣ него оказалось, кромѣ другого имущества, 50.000 рублей, положенныхъ въ ломбардъ. Его дѣти, которыхъ онъ выкупилъ на свободу и которыя были записаны въ гильдію, пожелали получить это наслѣдство. Но графъ потребовалъ его въ свою пользу, такъ какъ отецъ былъ его крѣпостной. Начался процессъ; судъ призналъ права господина и присудилъ ему капиталъ, а дѣти лишились наслѣдства, собраннаго трудами ихъ отца [2]). Многіе помѣщики не посягали на деньги ихъ крѣпостныхъ, но тутъ Шереметевъ руководствовался правиломъ, имъ самимъ установленнымъ, что люди „сторонніе“ (т. е. не крѣпостные его), хотя бы были самыми близкими родственниками умершаго, не имѣютъ права на наслѣдованіе послѣ крѣпостныхъ графа [3]).

За выкупъ на свободу помѣщики требовали иногда съ своихъ крѣпостныхъ громадныя суммы. Н. И. Тургеневъ утверждаетъ, что былъ случай выкупа одного фабриканта шляпъ, крѣпостного гр. Шереметева, за 800.000 р. асс. [4]).

Статистическія данныя относительно побѣговъ крестьянъ до сихъ поръ извѣстны только по одному Арзамасскому уѣзду Нижегородской губ. На сколько можно судить на основаніи явочныхъ челобитныхъ, побѣги изъ этого уѣзда въ первое десятилѣтіе царствованія имп. Александра I (1801—1811 гг.) были нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтія царствованія имп. Екатерины II (1781—1796 гг.); въ указанные десятилѣтія бѣжало: при Александрѣ I—491 чел., а при Екатеринѣ II—413 чел. [5]).

Имп. Александръ I дважды (въ 1817 г. и 1821 г.) энергически

---

[1]) Курская помѣщица Брискорнъ, отбирая участки земли, остававшіеся послѣ бѣглыхъ, умершихъ, отданныхъ въ рекруты и взятыхъ на фабрику, съ засѣяннымъ и даже сжатымъ хлѣбомъ, иногда не возвращала сѣмянъ семействамъ этихъ крестьянъ.

[2]) La Russie et les Russes, II, 92.

[3]) Мих. А. Фонъ-Визинъ обращаетъ вниманіе на то, что помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи находятся еще „въ состояніи довольно сноснымъ въ сравненіи съ крѣпостными западныхъ, отъ Польши присоединенныхъ губерній. Въ этой полосѣ Россіи состояніе крѣпостныхъ еще несчастнѣе: причиною тому болѣе сложное и обременительное для крестьянъ устройство имѣній и обычай отдавать ихъ на аренду такъ называемыхъ *поссесорамъ*, которые, заботясь только о собственныхъ выгодахъ, не щадятъ крестьянъ, поступающихъ къ нимъ во временное владѣніе“. Срав. *Варадиновъ*. „Исторія министерства внутр. дѣлъ“, ч. II, кн. I, стр. 531—534.

[4]) Ibid. II, 90—91.

[5]) *Сыѣжневскій*. Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ. „Нижегородскій Сборникъ“, т. X, стр. 583—585.

повелѣлъ комитету министровъ, чтобы не запрещали крестьянамъ подавать ему просьбы [1]). Нужно однако замѣтить, что имп. Николай не подтверждалъ повелѣнія о невоспрещеніи подавать жалобы государю. Къ тому же подача такихъ жалобъ была явленіемъ сравнительно рѣдкимъ; мѣстныя же власти иногда подвергали жалобщиковъ тѣлесному наказанію, даже не входя въ разсмотрѣніе, справедлива ли жалоба, видя въ ней неповиновеніе помѣщику [2]).

Исторія волненій помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе имп. Александра I вовсе не разработана. Дѣла о такихъ волненіяхъ, хранящіяся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, указаны Варадиновымъ въ исторіи этого министерства, и желательно, чтобы кто-либо взялъ на себя трудъ изслѣдовать ихъ; но, разумѣется, еще большее количество матеріаловъ хранится въ провинціальныхъ архивахъ.

Въ 1812 г. помѣщичьи крестьяне сильно волновались, ожидая освобожденія за ихъ борьбу съ непріятелемъ и за всѣ перенесенныя лишенія; въ концѣ этого года произошелъ даже бунтъ ополченія въ Пензенской губерніи: ратники хотѣли, истребивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его, а потомъ принести государю повинную и, въ награду за службу, выпросить себѣ вѣчную свободу отъ помѣщиковъ. Всего сильнѣе было возстаніе въ Инсарѣ, гдѣ офицеры были жестоко избиты; меньшія волненія были въ Саранскѣ и Чембарѣ. Болѣе 300 ратниковъ было присуждено къ наказанію, и экзекуція длилась три дня. Вліяніе войны сказывалось и позднѣе. Войска, прошедшія чуть не всю Европу, возвратившись въ свои квартиры, разсказывали крестьянамъ о жизни и свободѣ земледѣльцевъ въ чужихъ краяхъ и такимъ образомъ, по свидѣтельству современника, „сильно воспламеняли ненависть къ угнетающимъ ихъ помѣщикамъ и управителямъ“ [3]).

---

[1]) Въ 1821 г. комитетъ министровъ принялъ предложеніе гр. Кочубея по вопросу о томъ, что дѣлать съ жалующимися на помѣщиковъ. Рѣшено было, если жалоба на жестокости справедлива, то имѣніе поступаетъ въ опеку; если окажется справедливою жалоба на дворянина, владѣющаго только дворовыми людьми, то дворовыхъ освободить отъ личныхъ ему услугъ, но они должны сами себя содержать и даже платить опредѣленный губернскимъ правленіемъ оброкъ въ пользу владѣльца; если жалоба не основательна, то жалобщика предавать суду, и затѣмъ предоставить на волю владѣльца—принять его въ свою вотчину, отдать въ военную службу или, въ случаѣ неспособности къ ней, сослать въ Сибирь. Ст. Дубровина въ „Русск. Стар.“ 1904 г. № 3, стр. 500; *Середокинъ* I, 352—354; ср. *Мордовцевъ*, 11—23.

[2]) См. такой случай въ 1824 г. у *Шевалишина*, 35.

[3]) *Дубровинъ*. „Послѣ отечественной войны“. „Русск. Стар.“ 1904 г. № 1, стр. 25.

Въ цѣломъ рядѣ записокъ и проектовъ по крестьянскому вопросу было предложено не мало мѣръ для ограниченія и постепеннаго, но окончательнаго упраздненія крѣпостного права, очень часто въ видѣ безземельнаго освобожденія крестьянъ [1]). Вообще послѣдніе годы царствованія имп. Александра I представляютъ весьма опасный моментъ для русскаго крѣпостнаго крестьянства: ему сталъ грозить призракъ обезземеленія [2]). Впрочемъ, изъ ряда этихъ проектовъ слѣдуетъ выдѣлить проектъ Канкрина, который явился горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія и представилъ планъ постепеннаго ограниченія крѣпостного права, завершающійся предоставленіемъ земли въ наслѣдственное владѣніе крестьянъ, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей, и наконецъ дарованіемъ права перехода, а также и выкупа личныхъ повинностей. Наряду съ нѣкоторыми вредными для крестьянъ мѣрами, рекомендуемыми Канкринымъ, (какъ напримѣръ превращеніе общиннаго землевладѣнія въ подворное, съ воспрещеніемъ впредь передѣловъ земли) въ этомъ проектѣ было и много полезныхъ предложеній.

Несмотря на то, что имп. Александръ I самъ желалъ освобожденія крестьянъ, въ его царствованіе, если не считать неудачной крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для уничтоженія и ограниченія крѣпостного права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“ (по которому свободный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, дѣлался крѣпостнымъ по женѣ), запрещеніи въ 1825 г. продавать трудъ своихъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи продажи крѣпостныхъ на ярмаркахъ (не прекратившемъ однако этого позорнаго обычая) и наконецъ объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу.

---

[1]) Сводъ этихъ мѣръ см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и перв. полов. XIX в.“, т. I, 478—485, а выше въ ней изложены и самыя записки. См. еще проекты сенатора И. Гагарина (начало 1820-хъ гг.) о запрещеніи обращенія крестьянъ въ дворовые въ „Сборн. мат. изъ Архива Соб. Е. Вел. Канц.“, в. IV, 461—474.

[2]) Благодаря лифляндское дворянство за освобожденіе крестьянъ безъ земли (въ 1819 г.), имп. Александръ сказалъ: „вашъ примѣръ достоинъ подражанія: вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ“. *Шильдеръ* IV, 40.

III.

Крестьянскій вопросъ въ обществахъ декабристовъ [1]).

Крайняя медлительность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ и въ то же время стѣсненіе общественной иниціативы въ выработкѣ проектовъ освобожденія были одними изъ главныхъ причинъ того недовольства молодого поколѣнія, которое выразилось въ составленіи тайнаго общества.

Основатели перваго тайнаго общества, „Союза Спасенія“, или „Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“, кн. Трубецкой, С. и Матв. Муравьевы-Апостолы, Александръ Муравьевъ, Никита Муравьевъ и Якушкинъ, еще до учрежденія общества, бесѣдовали обыкновенно о положеніи Россіи и о главныхъ язвахъ отечества: крѣпостномъ состояніи, жестокомъ обращеніи съ солдатами, крайней продолжительности ихъ службы (25 лѣтъ) и проч. „Пребываніе во время похода за границей“, говоритъ Якушкинъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, „вѣроятно въ первый разъ обратило вниманіе мое на составъ общественный въ Россіи и заставило видѣть въ немъ недостатки. По возвращеніи изъ заграницы крѣпостное состояніе людей представилось мнѣ, какъ единственная преграда сближенію всѣхъ сословій и вмѣстѣ съ симъ общественному образованію въ Россіи. Пребываніе (въ теченіе) нѣкотораго времени въ губерніяхъ и частныя наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ болѣе и болѣе утвердили меня въ семъ мнѣніи“. „То, что называлось тогда образованнымъ обществомъ“, говоритъ Якушкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „большею частію состояло изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться какого-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего“. Цѣлью основаннаго въ 1816 г. общества, по показанію Якушкина, было намѣреніе склонить дворянство къ освобожденію крестьянъ и „приготовить всѣ сословія въ государствѣ къ представительному правленію“. Кн. Трубецкой, упомянувъ о предположеніи государя освободить крестьянъ въ Эстляндіи и о слухахъ, что онъ желаетъ дать свободу всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, свидѣтельствуетъ о желаніи членовъ Общества поддержать эти благія

---

[1]) Глава эта основана преимущественно на неизданныхъ матеріалахъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ.

намѣренія государя [1]). Пестель, вступившій въ число членовъ Союза Спасенія, также показалъ на слѣдствіи, что „съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ“ и съ этою цѣлью „пригласить большую часть дворянства“ подать о томъ просьбу государю. Неоднократно говорили на эту тему и впослѣдствіи, но „первоначальная мысль“ была оставлена, такъ какъ скоро убѣдились, что нельзя будетъ „склонить“ къ этому дворянъ. Впослѣдствіи еще болѣе увѣрились въ этомъ, когда малороссійское дворянство совершенно отвергло „похожее на то предложеніе своего военнаго губернатора“ [2]). Нужно замѣтить, что членомъ Союза Спасенія былъ въ числѣ прочихъ правитель канцеляріи кн. Репнина Новиковъ [3]); быть можетъ отчасти его вліяніемъ объясняется желаніе кн. Репнина улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, а также и принятіе мѣръ противъ помѣщиковъ въ Малороссіи, злоупотреблявшихъ своею властью [4]). Пестель прибавляетъ въ своемъ показаніи: „Настоящая цѣль перваго общества было введеніе монархическаго конституціоннаго правленія, а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при первомъ началѣ, и весьма короткое время“. Такимъ образомъ съ самаго основанія Тайнаго Общества для членовъ его освобожденіе крестьянъ было нераздѣльно съ политическою свободою [5]).

---

[1]) „Требовалось неусыпное дѣйствіе членовъ для поддержанія его и направленія общаго убѣжденія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ освобождены, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія; что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно на освобожденіе, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ себѣ свободу, и тогда отечество можетъ стать на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, а, можетъ быть, добычею честолюбца, наконецъ, можетъ распасться на части“. Отрывокъ изъ записокъ кн. С. П. Трубецкаго, въ полномъ объемѣ еще не изданный. *Дубровинъ*. „Послѣ отечеств. войны“. „Русск. Стар.“ 1904 г. № 4, стр. 19.

[2]) Пестель также ничего не говоритъ о рѣчи къ малороссійскимъ дворянамъ имп. Александра (см. выше). Очевидно позднѣйшее свидѣтельство кн. Трубецкаго въ неизданной части его записокъ есть результатъ недоразумѣнія.

[3]) Онъ и принялъ Пестеля въ члены общества, и отъ него Пестель не могъ бы не слышать о рѣчи государя въ Малороссіи, если бы она была произнесена.

[4]) Репнинъ писалъ имп. Александру въ іюлѣ 1818 г.: „у многихъ помѣщиковъ, не пекущихся о благосостояніи имъ подвластныхъ, отнято управленіе имѣніемъ и поручено опекѣ; нѣкоторые за тиранскіе поступки преданы уголовному суду и содержатся въ темницахъ“. „Сборн. историч. матеріал., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц.“. Вып. VII, 1895 г., стр. 172.

[5]) Якушкинъ въ томъ же 1816 г., посѣтивъ своего дядю, который управ-

Съ преобразованіемъ „Союза Спасенія“ въ „Союзъ Благоденствія“ (зимою 1817—18 г.) число членовъ Тайнаго Общества значительно увеличилось, „и многіе изъ нихъ“, разсказываетъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ, „стали при всѣхъ случаяхъ громѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч.“. Вопросы, къ половинѣ XIX в. „давно уже порѣшенные между образованными людьми“, въ десятыхъ годахъ „были вопросами совершенно новыми, даже для людей, почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью. Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были застрѣльщиками... Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясеній самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство... Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины“.

Однако составители устава Союза Благоденствія (Александръ и Мих. Муравьевы, кн. Трубецкой и Колошинъ) недостаточно рѣшительно отнеслись къ крестьянскому вопросу. Параграфы устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели (Tugendbund'a), послужившаго образцомъ для устава Союза Благоденствія, были измѣнены и смягчены. Въ нѣмецкомъ уставѣ было требованіе, чтобы вступающій въ Союзъ, если имѣетъ крестьянъ, освободилъ бы ихъ не позже конца того же хозяйственнаго года отъ подданническихъ отношеній *и обезпечилъ бы ихъ пропитаніе достаточнымъ количествомъ земли.* Въ русскомъ уставѣ этого нѣтъ, и членамъ общества рекомендовалось только человѣчное отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе гуманныхъ взглядовъ на крестьянъ, осужденіе дурныхъ помѣщиковъ и восхваленіе добрыхъ и, въ случаѣ возможности, борьба съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ: они должны были „истреблять“ продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, а также вообще отклонять отъ продажи людей по одиночкѣ, стараясь вразумить, что люди не суть товаръ и что

лялъ его небольшимъ имѣніемъ въ Смоленской губ., объявилъ ему, что желаетъ освободить своихъ крестьянъ. „Въ это время“, говоритъ онъ, „я не очень понималъ ни какъ это можно устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но, имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе — мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ: онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума“. *

только простительно однимъ народамъ, непросвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностію, участью коей каждый, имѣющій оную, располагать можетъ по произволенію". Такимъ образомъ—пропаганда либеральныхъ взглядовъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, гуманное обращеніе съ крестьянами и борьба на легальной почвѣ съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ—вотъ что требовалъ отъ членовъ Общества уставъ Союза Благоденствія, если понимать его буквально.

Но многіе члены поясняютъ, что задачею общества было содѣйствіе освобожденію крестьянъ. Такъ, М. А. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что общество должно было „стараться объ уничтоженіи крѣпостного рабства". Лунинъ свидѣтельствуетъ, что Тайное Общество „подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несовмѣстнаго съ божескими и человѣческими законами", „внесло въ массы сознаніе той истины, что подчиненіе другимъ людямъ должно быть замѣнено повиновеніемъ закону" и утверждаетъ, что восторжествовавшая враждебная партія „боялась лишиться крѣпостныхъ" [1]). Александръ Мих. Муравьевъ (братъ Никиты) также говоритъ объ „уничтоженіи рабства", какъ объ одной изъ цѣлей общества [2]), Кн. Евг. Оболенскій сообщаетъ въ своемъ показаніи, что цѣлью Тайнаго Общества было „распространеніе просвѣщенія введеніемъ школъ въ деревняхъ, улучшеніе состоянія крестьянъ, частное освобожденіе оныхъ, по возможности постепенное введеніе взиманія доходовъ не съ лицъ, но съ земли и уменьшеніе численности дворовыхъ людей". Нарышкинъ показалъ, что въ число личныхъ обязанностей членовъ входило: „освобожденіе зависящихъ отъ нихъ людей" (т. е. дворовыхъ) [3]), „а одною изъ задачъ общества было освобожденіе крестьянъ и дворовыхъ людей". Кн. Волконскій, вступившій въ Союзъ Благоденствія въ 1819—20 г., говоритъ въ своемъ показаніи, что „главная цѣль общества — принятіе мѣръ къ прекращенію рабства крестьянъ въ Россіи, произведенное безъ всякаго потрясенія и съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ". Басаргинъ утверждаетъ, что членъ Союза Благоденствія долженъ былъ „дать согласіе на уничтоженіе подданства крестьянъ". С. М. Семеновъ говоритъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, какъ объ одной изъ задачъ Союза Благоденствія. Членъ тайнаго общества Филипповичъ, принимая въ него кн. Барятинскаго, говорилъ, что „нужно собрать 200 или болѣе знаменитыхъ особъ, которые бы просьбою съ общей подпискою склонили государя

[1]) „Тайное Общество", стр. 2, 3, 6.

[2]) *Шиманъ*. Восшествіе на престолъ Николая I. Берл. 1902, стр. 165.

[3]) См. ниже объ участіи Нарышкина въ Союзѣ, учрежденномъ Пущинымъ съ цѣлью освобожденія дворовыхъ.

императора дать свободу крестьянамъ". Кн. Шаховской указываетъ на обязанность членовъ Общества „облегчать судьбу подданныхъ крестьянъ, для чего и должны они были, сообразно съ закономъ, стараться освобождать ихъ лично или на условіяхъ", т. е. по отдѣльнымъ отпускнымъ или на основаніи договоровъ съ цѣлою вотчиною.

Многіе члены общества заявляли, что главною причиною ихъ вступленія въ него было существованіе крѣпостного права, и на слѣдствіи обращали вниманіе правительства на это вопіющее зло русской жизни. Такъ, поэтъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, объясняя причины, побудившія его желать измѣненія существующаго порядка, указываетъ главнымъ образомъ на „угнетеніе истинно ужасное..., въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора".

Члены Тайнаго Общества, заинтересовавшись крестьянскимъ вопросомъ, собрали не мало наблюденій о жизни крѣпостныхъ. Мы видѣли, какъ много любопытныхъ данныхъ было отмѣчено 18-ти-лѣтнимъ юношею, прапорщикомъ Тучковымъ 1-мъ, въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ.[1]). Въ своемъ дневникѣ онъ горячо возмущается беззащитностью крестьянъ: такъ какъ на слѣдствіи по ихъ жалобамъ они опасаются давать вполнѣ откровенныя показанія, то баринъ почти всегда оказывается правымъ. Изъ этого Тучковъ дѣлаетъ выводъ, что „раба съ господиномъ судить нельзя, а такъ какъ и рабъ, и господинъ—равные люди, Богомъ созданные, слѣдовательно равно требующіе правосудія, то *ни раба, ни господина быть не должно*... Пускай люди „забудутъ быть *властелинами* и имѣть *рабовъ*, ибо это противно закону Божію". Авторъ дневника выражаетъ надежду, что если правительство откажется отъ „*неправильнаго дохода*, основаннаго на разореніи людей" (т. е. развивающей въ нихъ пьянство системы продажи вина), то освобожденіе приведетъ ихъ „въ цвѣтущее состояніе". Тучковъ думалъ, что „никогда" (т. е. пока существуетъ крѣпостное право) „не истребятся злые властелины, ибо ихъ и много, и большая часть ихъ въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ: они любятъ имѣть рабовъ, ибо они сами рабы, но *не ищутъ своей собственной свободы*, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ". Очевидно, этотъ 18-ти лѣтній юноша уже понималъ необходимость не только свободы крестьянъ, но и свободы политической" [2]).

---

[1]) Онъ окончилъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ въ 1817 г. и въ слѣдующемъ былъ принятъ въ тайное общество, когда ему было только 17 лѣтъ, Александромъ Ник. Муравьевымъ.

[2]) „А. А. Тучковъ и его дневникъ 1818 г.". „Вѣстникъ Европы" 1900 г. № 8.

Въ программу Союза Благоденствія входило бороться съ крѣпостнымъ правомъ на легальной почвѣ. Осуществить эту часть программы стремились лица, состоявшіе на государственной службѣ. Въ этомъ отношеніи хорошо удалось поработать, какъ мы видѣли, декабристу С. М. Семенову въ качествѣ члена слѣдственной комиссіи по дѣлу курской помѣщицы Брискорнъ.

Басаргинъ, членъ южнаго общества, показалъ на слѣдствіи: „въ 1819 г., будучи на съемкѣ въ Московской губ., мнѣ случилось стоять въ деревнѣ у одного помѣщика, коего обращеніе съ крестьянами дало мнѣ первую мысль или, лучше сказать, желаніе сдѣлать ихъ свободными“ [1]). Другой членъ того же общества Лореръ, разговаривая съ товарищемъ и услыша отъ него, что помѣщики жестоко угнетаютъ крестьянъ, упомянулъ о желательности ихъ освобожденія и выразилъ надежду, что „чрезъ два года все получитъ новый образъ“, очевидно расчитывая на успѣшность дѣйствія тайнаго общества.

Якушкинъ предполагалъ освободить своихъ крестьянъ, отдавъ имъ усадебную землю безъ всякой платы, но они на это не согласились. Позднѣе онъ сталъ вырабатывать планъ выкупа крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи съ землею при помощи правительства [2]). Н. И. Тургеневъ въ 1819 г. подалъ государю чрезъ Милорадовича записку о мѣрахъ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостного права, въ которой выразилъ желаніе совершеннаго его упраздненія, допуская къ сожалѣнію безземельное освобожденіе крестьянъ [3]). Онъ старался выдвинуть крестьянскій вопросъ на

[1]) См. также указанія члена общества Соединенныхъ Славянъ Спиридова на тяжелое положеніе крестьянъ въ Малороссіи и на Волыни и члена южнаго общества Крюкова на угнетеніе крестьянъ помѣщиками въ Подольской губ. *Дубровинъ*. „Послѣ отечеств. войны“ („Рус. Стар. 1904 г., № 3, стр. 505—506); *Богдановичъ*. „Ист. цар. Алекс. I“, т. VI, 467.

[2]) Объ И. Д. Якушкинѣ см. мою статью въ Энциклопедическомъ Словарѣ изд. Брокгауза и Ефрона.

[3]) Тургеневъ былъ недоволенъ указомъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, потому что онъ, по его мнѣнію, [не опредѣляетъ „способовъ дарованія крестьянамъ свободы и отношеній, долженствующихъ существовать между помѣщиками и свободными хлѣбопашцами“. Вотъ какъ онъ представлялъ себѣ освобожденіе крестьянъ въ это время: „Правительство могло бы взять на себя большую часть обязанностей помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ то управленіе ими, разборъ ихъ взаимныхъ споровъ, дѣлъ и такъ далѣе. Помѣщикъ же, *удержавъ за собою собственность земли*, заключалъ бы съ живущими на ней крестьянами добровольныя условія, которые, чрезъ то самое, состояли бы подъ защитою и покровительствомъ правительства. Тогда нужно было бы точнѣе опредѣлить право перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое, право, которымъ наши крестьяне, конечно не воспользуются безъ крайней нужды, потому что привязанность къ мѣсту рожденія, свойственная вообще всѣмъ людямъ, свойственна нашимъ крестьянамъ даже до суевѣрія“. „Сборн. матер. изъ архива соб. Е. Вел. Канц.“, вып. IV, 1891 г., стр. 441—460.

первый планъ и въ обществѣ декабристовъ. Наконецъ, Тургеневъ поработалъ на пользу крестьянъ въ званіи помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта [1]).

По свидѣтельству Якушкина, въ 1820 г., во время его пріѣзда въ Петербургъ, всѣ члены общества, съ которыми онъ былъ въ сношеніи, почти исключительно „занимались разнаго рода предположеніями относительно освобожденія крѣпостныхъ людей въ Россіи, что совершенно согласовалось съ тогдашними занятіями“ самого Якушкина. Нарышкинъ въ своемъ показаніи разсказываетъ: „Въ 1819 г. или въ началѣ 1820 г. нѣкоторые члены Союза Благоденствія и *другія лица, не принадлежавшія къ оному*, соединились вмѣстѣ, имѣя отдаленною цѣлью конституціонное правленіе. Соединеніе сіе почиталось членами Союза Благоденствія отдѣленіемъ онаго, тѣми же, которые не принадлежали къ оному, особеннымъ союзомъ, который предполагали наименовать Союзомъ Русскихъ. Сіе соединеніе нѣсколькихъ лицъ, знакомыхъ между собою, не имѣло, сколько упомню, никакихъ формъ, никакого управленія, ни постоянныхъ собраній, ни опредѣленныхъ занятій. Было нѣсколько вечеровъ у г-дъ Капнистовъ“ [2]), на которыхъ присутствовали и „люди совершенно посторонніе. Мы посѣщали другъ друга, заимствовались книгами; предметомъ разговоровъ были науки, которыя вмѣстѣ проходили, *также способы освобожденія крестьянъ или положительныхъ съ ними условій*“.

Въ 1819 г. одинъ изъ наиболѣе раннихъ членовъ тайнаго общества М. С. Лунинъ, племянникъ по матери извѣстнаго писателя Мих. Никит. Муравьева (наставника в. к. Александра Павловича), въ то время бывшій въ отставкѣ, составилъ духовное завѣщаніе, по которому все свое недвижимое имѣніе въ разныхъ губерніяхъ, а также и капиталы, передавалъ въ собственность своего двоюроднаго брата камеръ-юнкера Ник. Ал. Лунина, но при этомъ, „имѣя въ виду благосостояніе“ крестьянъ и „сохраненіе въ цѣлости наслѣдственнаго имѣнія“ въ ихъ родѣ, завѣщалъ „не продавать его ни порознь, ни въ цѣлости, не закладывать, не дарить и въ другой родъ ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать, а въ теченіе пяти лѣтъ со дня смерти“ завѣщателя „непремѣнно уничтожить“ въ немъ „право крѣпостное надъ крестьянами и дворовыми людьми, *не касаясь земель, лѣсовъ, строеній, имуществъ во-*

---

[1]) Ср. „Рус. Стар.“ 1901 г. № 5, стр. 237. О Н. И. Тургеневѣ см. мою статью въ книгѣ „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“ изд. Брокгауза—Ефрона. 1903.

[2]) Вѣроятно, одинъ изъ нихъ офицеръ Измайловскаго полка, членъ Союза Благоденствія, впослѣдствіи привлекавшійся къ слѣдствію о тайномъ обществѣ (когда онъ былъ уже подполковникомъ Воронежск. пѣх. полка), но освобожденный съ вмѣненіемъ ареста въ наказаніе.

обще и прочихъ угодій". Назначеніе условій съ крестьянами при ихъ освобожденіи, опредѣленіе ихъ правъ и обязанностей относительно „доставленія доходовъ" наслѣднику должно было совершенно зависѣть отъ его воли, причемъ онъ „можетъ руководствоваться правилами, внушенными" ему завѣщателемъ „и съ утвержденія правительства" [1]). Д. Завалишинъ свидѣтельствуетъ, что „Лунинъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ въ томъ препятствіе" [2]). Очевидно его предположеніе о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, какъ не соотвѣтствовавшее закону 1803 г, о свободныхъ хлѣбопашцахъ, встрѣтило противодѣйствіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Это, вѣроятно, и побудило Лунина составить духовное завѣщаніе [3]). Послѣ ссылки Лунина въ Сибирь завѣщаніе его не было утверждено комитетомъ министровъ [4]). Законъ дѣйствительно запрещалъ освобо-

[1]) Въ числѣ лицъ, засвидѣтельствовавшихъ завѣщаніе своею подписью былъ двоюродный братъ завѣщателя, извѣстный декабристъ Никита Михайловичъ Муравьевъ.

[2]) *Завалишинъ*. Декабристъ М. С. Лунинъ. "Историч. Вѣстникъ", 1880 г., № 1, стр. 149. Быть можетъ, Лунина разумѣетъ Н. И. Тургеневъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей записки 1819 г. Указавъ на „совершенную неопредѣлительность способовъ дарованія крестьянамъ свободы" по закону 1803 г., Тургеневъ продолжаетъ: „Недавно одинъ помѣщикъ, желая даровать крестьянамъ свободу, *оставивъ землю за собою*, обратился съ представленіемъ къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ. Намъ не извѣстенъ отвѣтъ министра, но можно предполагать, что онъ не могъ дать другого отвѣта, какъ сославшись на узаконеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ, которое было уже тому помѣщику извѣстно и которое, именно по недостаточности своей, побудило помѣщика искать новыхъ способовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Правительство могло бы издать полныя правила, по коимъ помѣщики могли бы обращать крестьянъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Сіи правила, ограждая выгоды крестьянъ, *должны оградить и выгоды помьщиковъ* и предоставить какъ крестьянамъ, такъ равно и помѣщику законные способы и возможность искать и получить удовлетвореніе, скорое и полное, во взаимныхъ ихъ жалобахъ и неудовольствіяхъ". „Сборн. ист. матер. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц." IV, 458.

[3]) Послѣ приведенныхъ словъ Завалишинъ говоритъ о Лунинѣ: „онъ хотѣлъ дать свободу хотя по завѣщанію".

[4]) Вотъ каково было постановленіе комитета: „Духовная Михайлы Лунина по видамъ и предположеніямъ сочинителя, по внушеніямъ, въ тайнѣ скрытымъ между завѣщателемъ и лицомъ, получающимъ въ даръ имѣніе, и по условіямъ, въ ономъ содержащимся, будучи во всѣхъ отношеніяхъ противна законамъ, не подлежитъ разбирательству нижнихъ судебныхъ инстанцій и должна быть уничтожена при самомъ ея появленіи. Законъ не допускаетъ даровать свободу крестьянамъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Для таковой свободы существуютъ особыя законныя правила, кои въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не были выполнены. Они требуютъ, чтобы между помѣщикомъ, дарующимъ свободу, и крестьянами, получающими оную, сдѣланы были добровольныя условія, кои бы разсмотрѣны были министромъ внутреннихъ дѣлъ и утверждены правительствомъ; но безъ земли отпускать крестьянъ на свободу" (т. е. цѣлыми вотчинами) „законъ положительно воспрещаетъ. Указъ 1714 г. о пере-

жденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами по духовнымъ завѣщаніямъ. Правда, Лунинъ своимъ завѣщаніемъ не прямо освобождалъ крестьянъ, а поручалъ это сдѣлать (не позже пяти лѣтъ послѣ своей смерти) своему наслѣднику *съ утвержденія правительства*. Можно было бы подумать, что правительство имѣло возможность потребовать, чтобы при освобожденіи крестьянъ были соблюдены требованія закона 1803 г., т. е. чтобы крестьяне были освобождены съ землею и чтобы они выразили согласіе на свое освобожденіе. Но освобожденію съ землею препятствовало выраженіе завѣщанія: „не касаясь земли“ и проч. Комитетъ министровъ понялъ это выраженіе, какъ желаніе освободить крестьянъ безъ земли, и понялъ правильно: лишь нѣсколько лѣтъ позднѣе среди членовъ тайнаго общества стала выясняться мысль о необходимости надѣленія крестьянъ не только усадебною, но и полевою землею [1]). Завалишинъ говоритъ: „родные оспаривали завѣщаніе“ [2]).

Обсуждая допущеніе Лунинымъ и нѣкоторыми его товарищами по тайному обществу безземельнаго освобожденія крестьянъ, нужно принимать во вниманіе слѣдующее замѣчаніе Якушкина: „Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени болѣе всего желали уничтоженія крѣпостного состоянія и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому возникшіе во-

---

дачѣ недвижимыхъ имѣній однофамильцамъ и объ учрежденіи маіоратовъ уничтоженъ указомъ 1731 г., а потому, какъ духовная Лунина основана на указѣ 1714 г., который уничтоженъ“ (въ первомъ пунктѣ завѣщанія дѣйствительно упоминается объ этомъ указѣ), „то и самая духовная должна быть ничтожна, и невозможно лишать законную наслѣдницу Уварову правъ наслѣдства послѣ родного брата ея, Михайлы Лунина, и отдать имѣніе другому лицу по акту противозаконному“. „Арх. гр. Мордвиновыхъ“ т. VI, 255—260.

[1]) Мы увидимъ ниже, что Никита Муравьевъ, одинъ изъ засвидѣтельствовавшихъ это завѣщаніе, въ первой редакціи своей конституціи предлагалъ совершенно безземельное освобожденіе крестьянъ. Въ письмѣ къ сестрѣ 1839 г. Лунинъ упоминаетъ объ освобожденіи крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и Прибалтійскомъ краѣ безъ всякаго замѣчанія относительно того, что при этомъ крестьяне не были надѣлены землею.

[2]) Въ письмѣ къ Бенкендорфу (1839 г.) Лунинъ писалъ, что его помощь необходима сестрѣ въ „затрудненіяхъ, которыя ей причиняютъ разстроенное состояніе, наслѣдственные процессы и *освобожденіе крестьянъ* (l'émancipation des paysans)“. Ар. Деп. Полиціи, дѣло III-го отд. Соб. Е. В. Канц., № 61, ч. 61, л 19, На основаніи этого слѣдуетъ думать, что крестьяне Лунина, перешедшіе въ собственность его сестры, были освобождены ею. Однако въ спискахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ имѣніе Уваровой не значится.

просы по этому предмету уже впослѣдствіи—тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей".

Митьковъ, принятый въ тайное общество Н. И. Тургеневымъ въ 1821 г., особенно настоятельно повторялъ, что „надобно поставить въ обязанность членамъ общества говорить о свободѣ крестьянъ" [1]), т. е., другими словами, вести дѣятельную пропаганду идеи освобожденія [2]). Митьковъ показалъ, что одна изъ обязанностей членовъ состояла въ томъ, чтобы стараться содѣйствовать освобожденію крестьянъ, и сообщилъ тѣ доводы, которыми онъ особенно часто пользовался: онъ говорилъ: „что помѣщики получали бы вѣрнѣе доходы съ своихъ земель, если бы крестьяне были свободны, а крестьяне были бы въ лучшемъ состояніи, потому что каждый занимался бы по своему произволу и, работая для себя, имѣя неотъемлемую собственность, онъ былъ бы трудолюбивѣе. Дворовыхъ людей было бы гораздо менѣе, чрезъ что число праздныхъ значительно бы уменьшилось. Они стали бы работать, сдѣлались бы полезными, и помѣщики перестали бы издерживать значительную часть своихъ доходовъ на содержаніе людей, которые ничего не дѣлаютъ". Кн. Оболенскій сообщилъ, что Митьковъ никогда не утверждалъ при немъ, „чтобы онъ лично говорилъ крестьянамъ объ ихъ освобожденіи, но во время собранія у И. И. Пущина въ 1823 г. излагалъ мнѣніе, что членамъ общества слѣдуетъ говорить „о возможности свободы крестьянъ съ большею увѣренностью, ибо онъ нынѣ, бывъ въ деревнѣ и разговаривая съ крестьянами своими, замѣтилъ въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что, если только сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ, какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянина". Пущинъ въ своемъ показаніи добавилъ еще одну очень важную черту: Митьковъ говорилъ, что „въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ замѣчалъ готовность" къ освобожденію крестьянъ, такъ какъ *„они начинаютъ убѣждаться, что выгоднѣе владѣть землею, нежели крестьянами, которые часто бываютъ въ тягость помѣщику"*.

Лунинъ въ письмѣ къ сестрѣ (1839 г.) говоритъ: „Тайный союзъ... отстаивалъ порабощенныхъ соотечественниковъ всѣми средствами, которыми могъ располагать. Проекты освобожденія крестьянъ были предложены нѣкоторыми изъ его членовъ. Онъ доказывалъ владѣльцамъ, что истинныя выгоды ихъ требуютъ освобожденія крестьянъ, и что это дѣйствіе, справедливое и великодушное, послужитъ не къ уменьшенію, но къ приращенію ихъ доходовъ. Онъ представлялъ облеченнымъ властью, что всѣ

[1]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

[2]) Митьковъ самъ заявилъ на слѣдствіи: въ „томъ, что я предложилъ говорить о свободѣ крестьянъ, я признаю себя совершенно виновнымъ".

подданные... имѣютъ право на одинаковое покровительство и равенство предъ закономъ. Нравственное вліяніе тайнаго союза на умы произвело мѣстное уничтоженіе барщины, частное освобожденіе, совершенное многими владѣльцами, и общее улучшеніе въ состояніи рабовъ“ [1]).

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся декабристовъ былъ Никита Мих. Муравьевъ, имѣвшій весьма большое вліяніе въ Сѣверномъ обществѣ. Среди бумагъ кн. Трубецкаго послѣ его ареста былъ найденъ написанный его рукою проектъ конституціи [2]). Это копія первоначальнаго наброска конституціи Никиты Муравьева. Но сохранилась и болѣе полная и лучше обработанная редакція этой конституціи въ копіи, написанной Рылѣевымъ [3]).

Въ 13 статьѣ конституціи Никиты Муравьева сказано: „всѣ русскіе равны предъ лицомъ закона“ [4]), а ст. 16: гласитъ: „крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются“; во второй редакціи (въ ст. 13) прибавлено: „рабъ, прикоснувшійся земли русской, становится свободнымъ“. Продолженіе ст. 16 первой редакціи таково: „раздѣленіе между *благородными* и *простолюдинами* не принимается, поелику оно изображеніе гордости и высокомѣрія и противно христіанской вѣрѣ, по которой всѣ люди *братья*, всѣ рождены *благо*, ибо рождены по волѣ Божіей—всѣ рождены для *блага* и всѣ *просто люди*, ибо всѣ предъ нимъ слабы“ [5]).

Въ первой редакціи своей конституціи Н. Муравьевъ предлагалъ освобожденіе крестьянъ безъ предоставленія имъ земли въ собственность или наслѣдственное владѣніе; даже переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто обусловливался уплатою извѣстной суммы помѣщику: „Земли помѣщиковъ остаются за ними; особый законъ опредѣлитъ вознагражденіе, которое обязаны

---

[1]) Архивъ Департамента Полиціи, дѣло III-го Отдѣленія Собственной Его Велич. Канцеляріи о Мих. Лунинѣ, 1 экспед., № 61, ч. 61, въ пакетѣ л. 87.

[2]) Подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Предположеніе дѣла начертанія устава положительнаго образованія, когда Е. И. В. благоугодно будетъ съ помощію всевышняго учредить Славяно-Русскую Имперію“. Вѣроятно это заглавіе дано было кн. Трубецкимъ на тотъ случай, если бы проектъ попался въ руки правительства.

[3]) Въ этой редакціи приведеннаго выше заглавія нѣтъ. За сообщеніе рукописи второй редакціи приносимъ глубочайшую признательность Е. И. Якушкину.

[4]) Во второй редакціи: „предъ закономъ“.

[5]) На это мѣсто первой редакціи есть слѣдующее замѣчаніе: „Прекрасно сказано, но не у мѣста, различіе самымъ дѣломъ уничтожается. Вторая часть ст. 13 во второй редакціи представляетъ нѣкоторыя, довольно характерныя, сокращенія: „раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вѣрѣ“ (слово „христіанской“—опущено) и проч. Курсивъ въ рукописи.

имъ сдѣлать поселяне, которые вздумаютъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, за временное прерываніе въ порядкѣ полученія доходовъ съ воздѣлываемой ими поселянами земли“ (ст. 25). Статья эта вызвала слѣдующее замѣчаніе: „При срочныхъ свободныхъ условіяхъ сіе постановленіе не нужно. А на первый случай должно освобожденіе такъ устроить, чтобы подобныхъ разорительныхъ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, переходовъ не было“. Слѣдовательно и авторъ замѣчанія не возражаетъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ говоритъ о „срочныхъ свободныхъ условіяхъ“ между ними и помѣщиками.

Во второй редакціи проекта конституціи этотъ важный параграфъ подвергся существенному измѣненію. Здѣсь сказано: „Земли помѣщиковъ остаются за ними. *Дома поселянъ, съ огородами оныхъ, признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ*“ (ст. 24). Такимъ образомъ во второй редакціи Н. Муравьевъ проектировалъ уже надѣленіе крестьянъ въ собственность домами съ усадебною и пріусадебною землею, скотомъ и земледѣльческими орудіями. Вопроса о переходахъ крестьянъ онъ здѣсь вовсе не касается. На поляхъ рукописи второй редакціи написано другою рукою замѣчаніе: „Ежели огородъ, то земля“ [1]). Кѣмъ бы ни было сдѣлано приведенное замѣчаніе, оно было принято во вниманіе составителемъ проекта конституціи.

Комиссія, производившая слѣдствіе по дѣлу декабристовъ, не имѣла въ своихъ рукахъ полнаго текста проекта конституціи Никиты Муравьева, и потому потребовала отъ него, чтобы онъ на память подробно изложилъ ея содержаніе. Въ этомъ пересказѣ своего проекта Никита Муравьевъ такъ излагаетъ постановленія, относительно крѣпостныхъ крестьянъ: „Всѣ русскіе подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ безъ различія состояній... Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земле-

---

[1]) Е. И. Якушкинъ высказалъ предположеніе, что это замѣчаніе принадлежитъ Рылѣеву. *Е. Я.* „По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ“. „Девятнадцатый Вѣкъ“. Изд. П. Бартенева, т. I, 361. Я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ и на основаніи сходства почерка съ собственноручными показаніями И. И. Пущина, полагаю, что замѣчаніе это написано имъ. Мы увидимъ, что Пущинъ особенно живо интересовался вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Извѣстно также, что Никита Муравьевъ сообщалъ ему копію своей конституціи. Нужно думать, впрочемъ, что мнѣніе о необходимости надѣленія крестьянъ землею раздѣлялъ и Рылѣевъ, такъ какъ, по показанію С. М. Семенова, и Пущинъ, и Рылѣевъ были членами союза, ближайшею цѣлью котораго было освобожденіе дворовыхъ.

дѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, *и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ*. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать землю въ потомственное владѣніе“ [1]). Такимъ образомъ въ послѣдней стадіи развитія своего проекта Никита Муравьевъ установилъ надѣленіе крестьянъ небольшимъ земельнымъ надѣломъ „*для осѣдлости ихъ*“, очевидно безъ всякой платы. Если же они желаютъ обрабатывать большее количество земли, то должны или арендовать ее у помѣщиковъ по свободнымъ договорамъ, или пріобрѣтать землю въ „потомственное владѣніе“. Для сравненія напомнимъ, что Н. И. Тургеневъ и гораздо позднѣе, въ своемъ сочиненіи „La Russie et les Russes“, изданномъ въ 1847 г., считалъ личное, безземельное освобожденіе наиболѣе возможнымъ и осуществимымъ, и лишь въ послѣднемъ, третьемъ томѣ этого труда нѣсколько рѣшительнѣе высказывается за освобожденіе съ землею, при чемъ, однако, въ видѣ *наибольшаго* надѣла предлагаетъ 1 дес. на душу или 3 дес. на тягло; но нужно имѣть въ виду, что по мнѣнію Тургенева (какъ и по конституціи Н. Муравьева), и за этотъ надѣлъ, и за личное освобожденіе крѣпостныхъ не должно было взимать никакого выкупа.

Предположенія Никиты Муравьева не ограничиваются одними крѣпостными крестьянами, а распространяются и на крестьянъ экономическихъ [2]), удѣльныхъ и арендныхъ. Право перехода экономическихъ и удѣльныхъ крестьянъ также стѣсняется въ первой редакціи проекта уплатою, при переселеніи въ другое мѣсто, извѣстнаго денежнаго взноса: „Крестьяне такъ называемыхъ нынѣ экономическихъ и удѣльныхъ волостей взносятъ также своему обществу единовременное вознагражденіе“ въ случаѣ переселенія—„за плату земскихъ повинностей вмѣсто ихъ“ (ст. 26). Авторъ замѣчаній на первую редакцію проекта не одобрилъ такого ограниченія переходовъ крестьянъ: „Пахотные крестьяне“, возразилъ онъ, „платятъ съ земли, слѣдовательно въ вознагражденіе она и остается, а желающихъ перемѣнить мѣстопребываніе или родъ промысла стѣснять симъ не должно. Къ тому жъ подати за вы-

---

[1]) Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, предполагаются разъ на всегда опредѣленные платежи или повинности въ пользу собственника земли.

[2]) Такъ назывались иногда государственные, или казенные крестьяне, потому что часть ихъ прежде принадлежала синоду, архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ; крестьяне эти были отобраны отъ нихъ въ 1764 г. (въ количествѣ около 1 милл.) и переданы въ управленіе коллегіи экономіи. Еще при Екатеринѣ II, въ 1786 г., они слились съ государственными крестьянами. См. объ экономическихъ крестьянахъ мою книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, т. II.

бывшихъ платятся отъ долговременныхъ сроковъ ревизій“ (которыя, очевидно, авторъ замѣчанія находилъ нужнымъ дѣлать чаще). Вѣроятно вслѣдствіе этого во второй редакціи проекта вознагражденіе за переходъ устранено“.

„Крестьяне экономическіе и удѣльные“, сказано далѣе, „будутъ называться *общими владѣльцами*, равно какъ и нынѣ называющіеся *вольными хлѣбопашцами* [1]), поелику земля, на которой они живутъ, признается ихъ собственностью и предоставляется въ общественное владѣніе“ (ст. 27 первой редакціи и ст. 25 второй). Авторъ замѣчаній на первую редакцію проекта рѣшительный сторонникъ подворнаго землевладѣнія, такъ какъ, по его мнѣнію, предположеніе Никиты Муравьева сохранить общинное землевладѣніе—„вѣрный способъ для стоячаго“ (т. е. неулучшающагося) „положенія земледѣлія: при общей собственности оно никогда преуспѣвать не можетъ въ усовершенствованіи“. Впрочемъ, Никита Муравьевъ, уже и въ первой редакціи своего проекта, не является безусловнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія; вслѣдъ за приведенною статьею сказано: „послѣдующіе законы могутъ опредѣлять въ послѣдствіи, какимъ образомъ сіи земли поступятъ изъ *общественнаго* въ *частное владѣніе* каждаго изъ поселянъ и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей раздѣлъ общественной земли между ними“ (ст. 28). Во второй редакціи вмѣсто „*могутъ опредѣлять*“ сказано: „*опредѣлятъ*“, слѣдовательно здѣсь Н. Муравьевъ уже рѣшительно отдаетъ предпочтеніе подворному землевладѣнію. Люди либеральнаго образа мыслей, подъ вліяніемъ экономическихъ ученій Адама Смита и Сэя (J. B. Say) нерѣдко преувеличивали значеніе права собственности на землю, и, какъ мы видѣли, законъ 1803 г. требовалъ при увольненіи въ свободные хлѣбопашцы раздѣленія земли на подворные участки, но требованіе это въ большинствѣ случаевъ, не выполнялось [2]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Статьи первой редакціи 27, 28 и 31 (послѣдняя о томъ, чтъ „удѣльное управленіе отмѣняется“) повторены безъ измѣненія въ ст. 25 и 26, второй редакціи, кромѣ указанной поправки, относительно обязательнаго перехода къ подворному землевладѣнію и кромѣ одного редакціоннаго измѣненія въ ст. 31. На поляхъ второй редакціи тою же рукою, которою написанъ текстъ, т. е. рукою Рылѣева, чернилами написано: „Земли, на коихъ поселены экономическіе, удѣльные и государственные крестьяне [остаются общественными (biens nationaux) и въ вѣдѣніи казначейскаго приказа (нынѣ министерство финансовъ)“ (карандашемъ прибавлено: и удѣловъ), „кромѣ дворовъ ихъ, огородовъ, скота и земледѣльческихъ орудій, которые признаются ихъ собственностью“]. Слѣдовательно авторъ замѣчанія, быть можетъ, Рылѣевъ, стоялъ за сохраненіе государственной собственности на земли казенныхъ крестьянъ и, такъ сказать, за національзацію удѣльныхъ земель. Однако, мѣсто этого замѣчанія, заключенное нами въ прямыя

Арендные крестьяне, по первой редакціи проекта Никиты Муравьева, получали свободу, но переходъ ихъ съ мѣста на мѣсто также стѣснялся требованіемъ денежнаго взноса въ пользу владѣльца аренды; самую же раздачу арендъ Н. Муравьевъ желалъ отмѣнить: „Поселяне, живущіе въ арендныхъ имѣніяхъ, равно дѣлаются вольными, но земли остаются за тѣми, кому онѣ были даны и по то время, на которое онѣ даны. [„Поселяне, которые вздумали бы оставить селеніе, должны будутъ взнести арендатору вознагражденіе, которое опредѣлитъ законъ. По окончаніи сроковъ, на которые розданы *аренды*, законъ опредѣлитъ, какое опредѣленіе сдѣлать изъ оныхъ“] (ст. 29). Этотъ пунктъ вызвалъ справедливое замѣчаніе противъ требованія платы при переходѣ крестьянъ: „Таковой поселянинъ“, по мнѣнію автора замѣчанія, „не въ состояніи дать вознагражденія. Аренды тѣ же, что вотчины, только временныя“,—и во второй редакціи проекта окончаніе статьи, отмѣченное у насъ прямыми скобками, было опущено (см. ст. 27).

Такимъ образомъ Н. Муравьевъ въ своей конституціи, въ томъ видѣ, на сколько онъ успѣлъ ее обработать, не шелъ далѣе предоставленія крестьянамъ въ даръ двухъ десятинъ на дворъ со введеніемъ подворнаго землевладѣнія. Когда мы познакомимся со взглядами Пестеля на крестьянскую реформу, то увидимъ, что онъ предлагалъ надѣленіе крестьянъ гораздо болѣе значительнымъ количествомъ земли; что же касается формы владѣнія землею, то на-ряду съ личною на нее собственностью, онъ вполнѣ признавалъ и общинное землевладѣніе.

Мы видѣли, что Н. И. Тургеневъ пытался въ 1819 г. повліять на государя подачею ему чрезъ гр. Милорадовича записки о мѣрахъ для ограниченія крѣпостного права. Четыре года позднѣе другой членъ тайнаго общества, бар. В. И. Штейнгель, узнавъ, что на Макарьевской ярмаркѣ покупаютъ людей (на имя тамошнихъ дворянъ изъ армянъ), продаютъ ихъ трухменцамъ и въ болѣе отдаленныя страны и при этомъ разлучаютъ дѣтей съ родителями, надѣялся убѣдить государя въ необходимости положить конецъ такому вопіющему злу, какъ торговля людьми. Въ февралѣ 1823 г. онъ написалъ имп. Александру письмо, въ которомъ указываетъ, что, между тѣмъ какъ европейскіе государи возстали противъ торга неграми, Россія „несетъ еще праведную укоризну отъ всей просвѣщенной Европы за постыдную перепродажу людей, въ ней существующую“. Для прекращенія ея онъ предлагалъ принять слѣдующія мѣры: предписать сдѣлать

скобки, зачеркнуто карандашемъ: это, вѣроятно, означаетъ, что предложеніе принято не было.

новую ревизію, по которой дворяне, имѣющіе помѣстья, должны приписать всѣхъ своихъ дворовыхъ людей къ помѣстьямъ, а не къ домамъ въ городахъ. Всѣмъ безпомѣстнымъ дворянамъ, имѣющимъ дворовыхъ людей, слѣдовало предоставить продать свое право на нихъ помѣщикамъ въ теченіе года, а непроданныхъ городскія думы должны зачислить въ цехъ слугъ и рабочихъ людей, живущихъ въ услуженіи, и взыскивать съ господъ слѣдующія за дворовыхъ подати; въ этомъ положеніи они могутъ пробыть 10 лѣтъ со времени изданія манифеста, а по истеченіи этого срока должны получить свободу и поступить въ мѣщане или остаться, если пожелаютъ, цеховыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ постановить закономъ, чтобы по истеченіи годового срока, данаго безпомѣстнымъ дворянамъ на продажу дворовыхъ, никакой актъ о продажѣ и отказѣ людей по одиночкѣ, безъ помѣстій, къ которымъ они приписаны, не былъ совершаемъ. Послѣ того никакой выводъ крестьянъ не можетъ быть допущенъ, кромѣ одного случая, когда помѣщикъ, не имѣя достаточнаго количества земли по числу своихъ крестьянъ, пріобрѣтетъ въ другомъ мѣстѣ пустопорожнюю землю и пожелаетъ переселить на нее часть своихъ крестьянъ, но и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ испросить разрѣшеніе правительства. Однако, помѣщики сохраняютъ право давать свободу дворовымъ и крестьянамъ по одиночкѣ и съ семействами. Письмо это было въ рукахъ государя [1]), но никакихъ послѣдствій оно не имѣло.

Усерднѣе многихъ другихъ декабристовъ распространялъ мысль о необходимости освобожденія крѣпостныхъ другъ Пушкина, И. И. Пущинъ. Въ своемъ показаніи въ янв. 1826 г. онъ говоритъ: „Въ началѣ прошлаго 1825 г., не находя никакихъ средствъ къ распространенію общества и желая хотя нѣсколько содѣйствовать къ общему благу въ духѣ онаго, я учредилъ“ въ Москвѣ изъ своихъ знакомыхъ (которые жили тамъ или по выходѣ въ отставку изъ военной службы, или вновь опредѣлившись въ гражданскую) „союзъ, имѣющій цѣлью — *личное освобожденіе дворовыхъ людей* [2]). Обязанность члена состояла въ томъ, чтобъ *непремѣнно* [2]) не имѣть при своей услугѣ крѣпостныхъ людей, если онъ въ правѣ ихъ освободить, если же онъ еще не управляетъ своимъ имѣніемъ, то по вступленіи въ управленіе онаго долженъ непремѣнно выполнить обязанность свою. Сверхъ того при всякомъ случаѣ, гдѣ есть возможность къ освобожденію

---

[1]) „Сборникъ ист. матер., извл. изъ арх. Соб. Е. Вел. Канц.“, в. VII, 1895, стр. 193—196. О Штейнгелѣ см. мою статью въ Энцикл. Слов. изд. Брокгауза и Ефрона.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

какого-нибудь лица", члены союза обязывались „оказывать пособіе или денежное, или какое-либо другое по мѣрѣ возможности". Объ учрежденіи союза Пущинъ тогда же сообщилъ Рылѣеву и Оболенскому. Называть имена членовъ союза Пущинъ сначала не нашелъ нужнымъ, выражая надежду, что слѣдственный комитетъ „не найдетъ ничего предосудительнаго въ цѣли союза, покровительствуемой нѣкоторыми узаконеніями покойнаго императора". Однако отъ Пущина потребовали болѣе подробныхъ свѣдѣній Тогда, на слѣдующій день, онъ показалъ: „Прошлаго года возвратился я изъ Петербурга въ Москву въ февралѣ мѣсяца, въ бытность тамъ въ отпуску Евгенія Оболенскаго. Съ нимъ начали разсуждать о средствахъ дѣйствовать для общества въ Москвѣ... Онъ сказалъ мнѣ, что надобно собрать тѣхъ общихъ нашихъ знакомыхъ, которые, по наблюденіямъ нашимъ, принадлежали къ обществу и такимъ образомъ стараться возбудить нѣкоторую дѣятельность. Тутъ назначилъ онъ день, въ который пріѣхали къ нему двоюродный братъ его Серг. Ник. Кашкинъ, свиты отставной подпоручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ [1]), тит. сов. Ив. Ник. Горсткинъ, Бородинскаго полка полковникъ Мих. Мих. Нарышкинъ, отставной капитанъ Алексѣй Вас. Семеновъ, тит. сов. Колошинъ и я. Такимъ образомъ соединившись, составили управу", членами которой Пущинъ избранъ былъ предсѣдателемъ „для сношеній съ Петербургомъ". „Въ послѣдствіи, по отъѣздѣ Оболенскаго, замѣчая недѣятельность членовъ управы", продолжаетъ Пущинъ, „я рѣшился составить изъ нихъ *союзъ*... подъ названіемъ *практическаго*... Каждый обязался освободить своихъ дворовыхъ людей [2]) и по возможности склонять къ тому убѣжденіемъ и другимъ своихъ знакомыхъ. Письменныхъ постановленій никакихъ не было, равнымъ образомъ никакихъ другихъ видовъ и постороннихъ сношеній". Члены союза были тѣ же, которые составляли управу. Впослѣдствіи Пущинъ принялъ въ него еще пріѣхавшаго изъ Петербурга Степ. Мих. Семенова (по возвращеніи его изъ командировки въ Курскую губ. на слѣдствіе по дѣлу помѣщицы Брискорнъ). Въ собраніи членовъ этого союза у Тучкова [3]), по отъѣздѣ Евг. Оболенскаго, разсуждали о возможности ввести конституцію въ Россіи. По свидѣтельству Пущина, Тучковъ при этомъ сказалъ: „Мы говоримъ о конституціи для Россіи", а между тѣмъ „не видимъ еще примѣра фермы для воздѣлыванія земли сво-

---

[1]) Авторъ замѣчательнаго дневника о положеніи крестьянъ въ Одоевскомъ у. Тульской губ., съ которымъ мы познакомились выше.

[2]) По показанію Горсткина, въ пятилѣтній срокъ.

[3]) На немъ не присутствовалъ Колошинъ, но за то былъ кн. Константинъ Оболенскій.

бодными людьми“ и способа для этого. Онъ предложилъ, чтобы общество лучше сначала пріискало средства „убѣдиться въ возможности уничтоженія рабства“. Вѣроятно вслѣдствіе участія въ этомъ союзѣ кн. Евг. Оболенскій въ своемъ показаніи могъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ большинство другихъ декабристовъ, назвать мѣры, необходимыя для ограниченія крѣпостного права (см. выше), а Нарышкинъ упомянулъ въ своемъ показаніи объ обязанности членовъ общества освободить своихъ дворовыхъ людей [1]).

С. М. Семеновъ [2]) далъ иное показаніе относительно этого союза, которое увеличиваетъ число его членовъ. „Возвращаясь въ мартѣ 1825 г. изъ Курской губ. въ Санктпетербургъ, я видѣлся въ Москвѣ съ кол. асс. Пущинымъ, который тогда объявилъ мнѣ, что Тургеневъ, предъ отъѣздомъ своимъ заграницу, основалъ новый союзъ, коего ближайшая цѣль—освобожденіе крестьянъ, а дальнѣйшая—достиженіе представительнаго правленія, что членами сего союза въ Москвѣ онъ—Пущинъ, Нарышкинъ, Тучковъ, Колошинъ, Горсткинъ и бар. Штейнгель, а въ С.-Петербургѣ князь Оболенскій, *Рылѣевъ*, Никита Муравьевъ и Брыгинъ“ (т. е. фонъ-Бриггенъ). „По пріѣздѣ въ Петербургъ“, продолжаетъ Семеновъ, „узналъ отъ Оболенскаго, что къ союзу Тургенева принадлежалъ финляндскій (т. е. Финляндскаго полка) полковникъ Моллеръ, конногвардейскій офицеръ кн. Одоевскій (поэтъ) и адъютантъ (А. А.) Бестужевъ, что сей союзъ еще слабъ, но что онъ надѣется усилить его пріумноженіемъ новыхъ членовъ“. Нужно замѣтить, что Н. И. Тургеневъ еще до отъѣзда за-границу освободилъ своихъ слугъ [3]).

Есть извѣстіе, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ сильно занималъ петербургскихъ членовъ Сѣвернаго общества въ послѣдній годъ его существованія. Если вѣрить свидѣтельству Д. Завалишина, „нѣкоторыя данныя и мысли по крестьянскому вопросу“ (вырабатываемыя въ Сѣверномъ тайномъ обществѣ), „разумѣется въ видѣ общихъ разсужденій, были прочитываемы Мордвиновымъ, который часто обращался къ этому вопросу, и на одно чтеніе свода всего, что было выработано въ совѣщаніяхъ тай-

---

[1]) М. М. Нарышкину удалось впослѣдствіи поработать для окончательнаго упраздненія крѣпостного права при Александрѣ II въ качествѣ члена тульскаго губернскаго комитета. „Рус. Мысль“ 1885 г. № 9, Смѣсь стр, 163.

[2]) Въ августѣ 1825 г. онъ перешелъ на службу въ Москву въ канцелярію генералъ-губернатора.

[3]) La Russie et les Russes I, 82. Въ письмѣ къ редактору „Колокола“ (1863 г. № 155) Тургеневъ говоритъ, что еще въ 1821 г. онъ составилъ записку объ образованіи въ Москвѣ, Петербургѣ и Смоленскѣ комитетовъ изъ бывшихъ членовъ „Союза Благоденствія“ для распространенія мысли о необходимости освобожденія крестьянъ.

наго общества, пригласилъ маркиза Паулуччи", тогдашняго „генералъ-губернатора Остзейскихъ провинцій, гдѣ крестьяне были освобождены" (какъ извѣстно, безъ земельнаго надѣла). Но свидѣтельство это требуетъ еще подтвержденія. „Въ нашихъ совѣщаніяхъ", продолжаетъ Завалишинъ, „Г. С. Батеньковъ заявлялъ мнѣніе Сперанскаго, что освобожденію крестьянъ должно предшествовать введеніе конституціи, и что тогда освобожденіе совершится легче. Большинство мнѣній склонялось къ выкупу государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено" [1]). Если справедливо послѣднее указаніе относительно предположенія о выкупѣ крестьянъ государствомъ (а въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, судя по тому, что И. Д. Якушкинъ усердно занятъ былъ разработкою предположенія о выкупѣ крестьянъ у помѣщиковъ правительствомъ), то можно думать, что многіе члены Сѣвернаго тайнаго общества начинали приходить къ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ теченій, а также и взглядовъ на этотъ предметъ Пестеля (см. ниже) и Никита Муравьевъ ввелъ въ свой проектъ конституціи надѣленіе крестьянъ двумя десятинами на дворъ, при чемъ за эту землю онъ не предполагалъ назначить выкупъ.

Рылѣевъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: „При вступленіи моемъ въ общество мнѣ сказано было, что свобода крестьянъ есть одно изъ первѣйшихъ условій общества и что въ обязанности каждаго члена склонять умы въ пользу оной" [2]). Мы видѣли, что Рылѣевъ, по свидѣтельству С. М. Семенова, участвовалъ въ союзѣ Пущина, Е. Оболенскаго и др., имѣвшаго цѣлью освобожденіе крѣпостныхъ. Переписавъ своею рукою проектъ конституціи Никиты Муравьева, онъ повидимому участвовалъ въ его обсужденіи. Наконецъ распространенію мысли о необходимости освобожденія крестьянъ онъ старался содѣйствовать и посредствомъ своихъ литературныхъ произведеній. Такъ въ сочиненной имъ „Пѣснѣ" онъ между прочимъ даетъ слѣдующее изображеніе тяжелаго положенія закрѣпощеннаго народа:

---

[1]) *Д. Завалишинъ.* „Декабристы". „Русск. Вѣстникъ" 1884 г. № 2, стр. 844—845. Ср. „Записки дек. Завалишина". Мюнх., 1904 г. I, 168—170. Относительно участія въ тайномъ обществѣ Мордвинова и Сперанскаго было произведено секретное дознаніе, но такъ какъ ничего подозрительнаго обнаружено не было, то производство это было уничтожено. „Арх. гр. Мордвиновыхъ" т. VIII, 697—698.

[2]) Другой, болѣе знаменитый поэтъ, Пушкинъ, другъ Пущина, близко знакомый съ Н. И. Тургеневымъ и многими другими декабристами, полагалъ (въ 1822 г.), что ограниченіе въ XVIII в. самодержавной власти аристократіею было бы вредно для интересовъ народа, „нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ".

*

„Ахъ, тошно мнѣ,
И въ родной сторонѣ,
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ
Видно вѣкъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людьми,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?
Кто же насъ кабалилъ,
Кто имъ барство присудилъ
И надъ нами,
Бѣдняками,
Будто съ плетью посадилъ.
По двѣ шкуры съ насъ дерутъ;
Мы посѣемъ, они жнутъ,
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то,
И въ привольѣ,
На раздольѣ
Старину заживемъ.
А теперь господа
Грабятъ насъ безъ стыда,
И обманомъ
Ихъ карманомъ
Стала наша мошна.
Бары съ земскимъ судомъ
И съ приходскимъ попомъ
Насъ морочатъ
И волочатъ
По дорогамъ да судамъ...
Ужъ такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси...
А до Бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Вѣдь съ усами,
Такъ мотай себѣ на усъ?“ [1]).

П. И. Пестель, самый вліятельный членъ южнаго общества

---

[1]) Приводимъ часть этой пѣсни, записанной Рылѣевымъ по требованію слѣдственной коммиссіи. Пѣсня эта въ неполномъ видѣ и съ нѣкоторыми варіантами была напечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій К. Ѳ. Рылѣева“. Лейпц. 1861 г., стр. 334—335. О литературной дѣятельности Рылѣева см. статью Н. А. Котляревскаго въ „Русск. Богатствѣ“ 1904 г. № 8 и 9.

и самый выдающійся изъ всѣхъ декабристовъ [1]), объясняя въ данномъ на слѣдствіи показаніи ходъ своего развитія, говоритъ: „Рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи (sic), которую я считалъ, такъ сказать, стѣною между монархомъ и народомъ, стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа“. Понятно, что въ своей „Русской Правдѣ“ Пестель въ очень энергическихъ выраженіяхъ устанавливаетъ необходимость уничтоженія крѣпостного права“ [2]). Пестель возлагалъ „уничтоженіе рабства и крѣпостного состоянія на Временное Верховное Правленіе“, называя это „священнѣйшею и непремѣннѣйшею его обязанностью“ [3]).

Пестель рѣшительно стоялъ за освобожденіе крестьянъ съ землею, и при томъ въ значительномъ количествѣ: онъ утверждалъ, что имъ должно отдать половину помѣщичьихъ земель.

---

[1]) Приведемъ только отзывъ Пушкина послѣ знакомства съ Пестелемъ въ Кишиневѣ: „Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю“. Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго Фонда т. V, 6. Срав. отзывъ декаб. Лорера въ его запискахъ. „Русск. Богат.“ 1904 г. № 3, стр. 73—74. Біографическія свѣдѣнія о Пестелѣ и общую его характеристику см. въ статьѣ Н. П. Сильванскаго въ „Біографическомъ словарѣ имп. историческаго общества“.

[2]) „Обладать другими людьми, какъ собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наслѣдовать людей на подобіе вещей, употреблять ихъ по собственному своему произволу безъ предварительнаго съ ними соглашенія и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской, противное наконецъ заповѣдной волѣ Всевышняго, гласящаго въ священномъ писаніи, что люди предъ нимъ всѣ равны и что одни дѣянія ихъ и добродѣтели разницу между ими поставляютъ. И потому не можетъ долѣе въ Россіи существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ рабомъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся хотя одинъ довольно злосовѣстный дворянинъ, чтобы не содѣйствовать всѣми силами къ уничтоженію рабства и крѣпостного состоянія въ Россіи; но ежели бы, паче всякаго чаянія, нашелся извергъ, который бы словомъ или дѣломъ вздумалъ сему дѣйствію противиться или оное осуждать, то Временное Верховное Правленіе обязывается всякаго таковаго злодѣя безъизъятно немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, яко врага отечества и измѣнника противу первоначальнаго кореннаго права гражданскаго“.

[3]) Приведенное мѣсто находится въ гл. III „Русской Правды“, гдѣ говорится „О сословіяхъ, въ Россіи обрѣтающихся“ въ § 6, посвященномъ разсужденію о дворянствѣ. Здѣсь же онъ высказывается за совершенное уничтоженіе маіоратовъ, что вполнѣ понятно при его отрицательномъ отношеніи къ аристократіи.

Въ первоначальномъ краткомъ наброскѣ его проекта конституціи (на французскомъ языкѣ) Пестель предполагалъ установить, чтобы всѣ помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общественное владѣніе половину земель помѣщиковъ, однако съ тѣмъ, чтобы они платили имъ тотъ же оброкъ, какъ и прежде [1]).

Но въ „Русской Правдѣ“ (въ отдѣльномъ наброскѣ) онъ проектируетъ назначеніе помѣщикамъ вознагражденія отъ казны за отобранную отъ нихъ землю (хотя не всегда и не въ полной мѣрѣ) казенною землею или деньгами [2]).

Верховное правленіе при выработкѣ своихъ „мѣропріятій“ должно руководствоваться, по мысли Пестеля, „слѣдующими тремя главными правилами: 1) Освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ доходовъ, ими отъ помѣстій своихъ получаемыхъ [3]). 2) Освобожденіе сіе не должно произвести волненій и безпорядковъ въ государствѣ, для чего и обязывается Верховное Правленіе безпощадную строгость употреблять противу всякихъ нарушителей общаго спокойствія. 3) Освобожденіе сіе

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева. Въ одномъ изъ первоначальныхъ набросковъ своего плана преобразованія, предполагая установить 15-ти-лѣтній срокъ службы солдатъ вмѣсто 25-ти-лѣтняго (опредѣленнаго въ 1793 г.), Пестель замѣчаетъ, что это между прочимъ должно способствовать „освобожденію крестьянъ отъ рабства“.

[2]) „Участь крѣпостныхъ людей“, говоритъ онъ въ главѣ III о „дворянскихъ крестьянахъ“, „въ полной мѣрѣ зависитъ единственно отъ мысли и воли ихъ господъ, и... никакого не существуетъ опредѣлительнаго постановленія взаимныхъ ихъ отношеній, обязанности и права устанавливающаго и положеніе крестьянскаго сословія ясно опредѣляющаго. Сіе доказываетъ необходимость таковаго постановленія, дабы дурные помѣщики принуждены были слѣдовать примѣру добрыхъ помѣщиковъ, и дабы положеніе крестьянъ елико возможно было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано.

„Для составленія таковаго постановленія имѣетъ Верховное Правленіе возложить на... дворянскія собранія обязанность представить ему проекты объ ономъ и потомъ изъ всѣхъ сихъ проектовъ выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести. Всѣ же предварительныя мѣры, нужныя для постановленія и введенія сказаннаго постановленія, обязывается Верховное Правленіе по своему усмотрѣнію неукоснительно и рѣшительно принять, не останавливаясь никакими побочными соображеніями.

„Успѣхи общаго просвѣщенія, повсюду болѣе и болѣе распространяющіеся, лучшія понятія о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ и частей государства, духъ времени, стремящійся къ свободѣ, на законахъ основанной, все сіе заставляетъ желать, чтобы рабство было совершенно въ Россіи уничтожено и чтобы полезное сословіе крестьянъ не было забыто, особливо въ то время, когда Россія стремится къ установленію прочнаго законнаго порядка“...

[3]) Мы увидимъ однако, что доходы нѣкоторыхъ изъ нихъ должны были уменьшиться вслѣдствіе передачи части ихъ земель крестьянамъ.

должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе противу теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать".

Сохранился набросокъ Пестеля на особомъ листѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произвести „дѣлежъ земель" между помѣщиками и крестьянами. Набросокъ начинается такимъ образомъ:

„У кого есть 1000 душъ и болѣе. 1) Если на каждую душу имѣется по 10 и болѣе десятинъ земли, тогда половина земли останется за помѣщикомъ, а другая половина отберется для волости безъ всякаго помѣщику возмездія. 2) Если на каждую душу имѣется менѣе 10 десятинъ земли, но не менѣе 5, тогда половина земли остается за помѣщикомъ, а другая половина отберется для волости, а за оную получитъ помѣщикъ возмездіе такимъ образомъ, что ему додается къ его землѣ" такое число десятинъ, чтобы „итогъ всѣхъ его земель составлялъ 5.000 десятинъ". Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ часть земель помѣщика, и иногда значительная часть, отбирается у него безвозмездно. 3) „Если на каждую душу имѣется менѣе 5 десятинъ земли, тогда къ половинѣ остающейся за помѣщикомъ додается точно таковое же число десятинъ, каковое отъ него отберется... 4) Число возмездной земли можетъ быть выдано изъ казны помѣщику деньгами или натурою. Если выдаваться будетъ деньгами, то цѣнность опредѣлится показаніемъ волости или помѣщика" [1]).

Въ этомъ наброскѣ разсматриваются лишь мѣропріятія относительно дворянскихъ имѣній въ 1000 душъ и болѣе. Имѣлъ ли онъ значеніе образца и для имѣній менѣе 1000 душъ, или въ меньшихъ имѣніяхъ Пестель предполагалъ произвести раздѣлъ земель на иныхъ основаніяхъ, неизвѣстно [2]).

Указавъ въ „Русской Правдѣ" приведенныя выше три главныя правила освобожденія крестьянъ, Пестель переходитъ къ вопросу объ устройствѣ судьбы дворовыхъ. „Дворовые люди", говоритъ онъ, „суть самое жалкое состояніе въ цѣломъ пространствѣ россійскаго государства. Солдатъ, прослуживши 25 лѣтъ, получаетъ по крайней мѣрѣ по истеченіи сего срока свободу и избираетъ потомъ себѣ любыя занятія. Дворовый же человѣкъ всю жизнь свою служитъ своему господину и ни на какую надежду права не имѣетъ: одна воля барина всю его участь составляетъ до конца его жизни. Таковой порядокъ долѣе про-

---

[1]) Далѣе сказано: „за то обязанъ будетъ", и на этомъ набросокъ обрывается.

[2]) Членъ южнаго общества Старосельскій показалъ, что, узнавъ о предположеніяхъ Пестеля относительно освобожденія крестьянъ, онъ замѣтилъ ему: почему должны терять тѣ, которые купятъ населенныя земли. Пестель отвѣчалъ: „для блага общаго должно каждому удѣлить безропотно изъ части, ему принадлежащей".

длиться не долженъ... Верховное правленіе потребуетъ также и на сей счетъ проекты отъ... дворянскихъ собраній, извлекая изъ оныхъ средства къ постепенному освобожденію отъ рабства дворовыхъ людей. Здѣсь могутъ съ удобностью два средства быть употреблены. Первое состоитъ въ назначеніи числа годовъ, коихъ (sic) господину своему прослуживши, дворовый человѣкъ дѣлается вольнымъ. Второе состоитъ въ томъ назначеніи суммы денегъ, коихъ своему господину заплативъ, дворовый человѣкъ также дѣлается вольнымъ. Сіи два способа могутъ различными распоряженіями быть соединены и въ подкрѣпленіе одно другому поставлены. Назначеніе откупныхъ суммъ должно быть сдѣлано по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и по вниманію на разныя ремесла, коимъ господа людей своихъ обучали. За сими распоряженіями будутъ все таки еще дворовые люди крѣпостными оставаться, и для сихъ послѣднихъ въ особенности нужны вышеупомянутые проекты... дворянскихъ собраній". Пестель хочетъ сказать, что двухъ указанныхъ имъ средствъ, т. е. отпуска на волю прослужившихъ извѣстное число лѣтъ и назначенія опредѣленной суммы выкупа на волю, будетъ еще недостаточно для окончательнаго рѣшенія вопроса объ освобожденіи дворовыхъ, и Верховное Правленіе должно принять съ этою цѣлью и другія мѣры на основаніи проектовъ, составленныхъ дворянскими собраніями.

Относительно казенныхъ крестьянъ (къ которымъ Пестель относилъ государственныхъ или экономическихъ, удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими) онъ устанавливалъ также раздѣлъ земель по полямъ между крестьянами каждой волости и казною, при чемъ одна половина отдавалась „подъ названіемъ общественной земли волостному обществу", а другая оставалась собственностью казны. За общественную землю крестьяне должны были платить оброкъ въ теченіе 10—15 лѣтъ, а затѣмъ взиманіе его прекращалось, казенную же землю они могли брать въ аренду. Относительно „вольныхъ земледѣльцевъ" (къ которымъ Пестель относилъ: вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и „разныхъ другихъ") онъ предлагалъ принять слѣдующую мѣру: половину земель этихъ „вольныхъ земледѣльцевъ" сдѣлать общественною собственностью, а другую „раздать участками всѣмъ различнымъ семействамъ той волости въ вѣчную и полную частную ихъ собственность", при чемъ если кто изъ нихъ ранѣе „купилъ какую-нибудь для себя землю, то остается полнымъ обладателемъ оной". Общественныя земли должны были ежегодно раздаваться участками во владѣніе членамъ волости на основаніи опредѣленныхъ правилъ. Нельзя не замѣтить, что осуществить искусственное раздѣленіе земель

на двѣ равныя части: 1) общественныя и 2) на находящіяся въ частной или казенной собственности было бы довольно трудно.

Право на землю, по проекту Пестеля, должно было принадлежать не однимъ крестьянамъ. Такъ онъ предлагалъ объявить, что „мѣщанство не будетъ болѣе считаться отдѣльнымъ сословіемъ народа и что мѣщане, поступая въ общій составъ россійскаго гражданства, должны быть къ волостямъ приписаны и могутъ приписываться къ любой волости на основаніи общихъ правилъ“; они не обязаны причисляться непремѣнно къ городу.

Такъ какъ „Русская Правда“ не была окончена и вполнѣ обработана Пестелемъ, то нельзя не считаться съ показаніями его современниковъ, которые помогаютъ намъ понять его предположенія во всемъ ихъ объемѣ. Въ этомъ отношеніи интересно свидѣтельство столь образованнаго человѣка, какъ Н. И. Тургеневъ, который, не раздѣляя взглядовъ Пестеля, могъ понять и оцѣнить ихъ значеніе. Пестель видѣлся съ Тургеневымъ передъ самымъ отъѣздомъ его за границу [1]), бесѣдовалъ и спорилъ съ нимъ. „Его вниманіе,—разсказываетъ Тургеневъ,—было занято соціальными теоріями, созданными имъ и нѣкоторыми его друзьями. Онъ ожидалъ пріобрѣсти во мнѣ еще одного прозелита, и когда это не удалось, онъ былъ удивленъ и смущенъ. Эти теоріи, которыя были усвоены столь многими людьми съ живымъ воображеніемъ, безъ сомнѣнія доказываютъ ихъ наилучшія намѣренія, даже энтузіазмъ, но не обѣщаютъ возможныхъ результатовъ. Геній или нѣчто подобное Фурье, усердіе Оуэна, утопіи столь многихъ другихъ могутъ создавать послѣдователей и вызывать удивленіе нѣсколькихъ учениковъ; но мечты этихъ людей останутся мечтами, хотя онѣ и бываютъ иногда весьма возвышенными. Однако, хотя бы и неосуществимыя, эти мечты могутъ послужить на пользу человѣчества, привлекая вниманіе и усилія серьезныхъ умовъ къ извѣстнымъ предметамъ, важность и полезность которыхъ безъ того они не почувствовали бы. Но для этого нужно имѣть больше воображенія. Одинъ изъ основныхъ пунктовъ теоріи Пестеля и его друзей состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общею всѣмъ [2]), опредѣливъ ея обработку правилами, установленными верховною властью. По крайней мѣрѣ пользованіе обширными казенными землями они предполагали предоставить тѣмъ, у кого вовсе не было собственной земли. Подобно тому, какъ законъ королевы Елизаветы гарантировалъ каждому англичанину, въ

---

[1]) Тургеневъ уѣхалъ 24 апрѣля 1824 г.

[2]) Т. е. предоставить всѣмъ право на участіе во владѣніи землею

случаѣ неимѣнія другихъ средствъ къ существованію, право получать содержаніе изъ налога въ пользу бѣдныхъ, они хотѣли дать возможность каждому удовлетворять свои нужды изъ предоставленнаго ему во владѣніе или скорѣе въ пользованіе извѣстнаго количества земли. „Я употреблялъ всѣ усилія,—продолжаетъ Тургеневъ, — чтобы опровергать ихъ аргументы. Это было не легко... Наконецъ я замѣтилъ, что Пестель и его друзья были очень недовольны моимъ несочувствіемъ ихъ соціальнымъ теоріямъ“ [1]).

Взгляды Н. И. Тургенева и Пестеля на будущее государственное устройство были сходны въ самомъ существенномъ пунктѣ, такъ какъ и тотъ и другой высказались за учрежденіе республики, но въ способѣ рѣшенія главнаго изъ соціальныхъ вопросовъ, уничтоженія крѣпостного права, они сильно расходились. Тургеневъ до отъѣзда изъ Россіи не считалъ возможнымъ освобожденіе крестьянъ съ землею (какъ общую мѣру, а не на основаніи отдѣльныхъ, частныхъ договоровъ между помѣщикомъ и крестьянами), Пестель же, во взглядахъ котораго была значительная доза того, что въ тридцатыхъ годахъ стали называть соціализмомъ, желалъ надѣленія крестьянъ весьма значительнымъ количествомъ земли, при чемъ наряду съ правомъ частной собственности желалъ сохранить или даже и вновь ввести собственность общественную. Герценъ такъ формулируетъ воззрѣнія Пестеля: „Пестель, какъ мы, требовалъ соціальнаго переворота въ 1825 г.“ Онъ, по словамъ Герцена, говорилъ своимъ друзьямъ: „Мы можемъ, пожалуй, провозгласить республику, и все-таки будетъ мало толку, у насъ не будетъ всенароднаго возстанія, доколѣ мы не коснемся поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна земля“. Въ другомъ мѣстѣ Герценъ такъ передаетъ слова Пестеля: „Главнымъ образомъ надо рѣшить вопросъ поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянамъ,— и только тогда цѣль революціи будетъ достигнута“.—Во взглядахъ на крестьянскій вопросъ Пестель далеко опередилъ свое время. Онъ многимъ читалъ „Русскую Правду“, и его друзья также распространяли его взгляды [2]). Передъ его арестомъ этотъ

---

[1]) La Russie et les Russes. I, 129—130.

[2]) Въ южномъ обществѣ, по показанію кн. Волконскаго, послѣ 1822 г. бывали пренія „о тѣхъ правилахъ, которыя удобны для введенія освобожденія крестьянъ“. Членъ этого общества Александ. Викт. Поджіо показалъ, что при вступленіи его (въ 1823 г.) одною изъ цѣлей общества было „дарованіе свободы мужикамъ съ пожертвованіемъ земли, необходимой для независимости ихъ въ быту общественномъ“.—У Никиты Муравьева, одного изъ главныхъ вождей сѣвернаго общества, была однажды бесѣда съ однимъ изъ членовъ южнаго общества, В. Давыдовымъ. Когда Н. Муравьевъ изложилъ ему свои взгляды на освобожденіе

главный трудъ его былъ закопанъ въ землю; слѣдственной комиссіи удалось открыть мѣсто его храненія, но вѣроятно онъ былъ немедленно представленъ имп. Николаю и у него и остался, такъ какъ содержаніе его едва-ли сдѣлалось извѣстно членамъ коммиссіи. По крайней мѣрѣ даже въ необнародованномъ въ свое время „Приложеніи“ къ докладу этой коммиссіи краткія свѣдѣнія о замѣчательномъ трудѣ Пестеля почерпаются не изъ его рукописи, а изъ показанія Рылѣева [1]).

Въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ, какъ свидѣтельствуетъ членъ его Горбачевскій, въ 1824—25 г. было положено „опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей, стараться заводить или споспѣшествовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ, внушать крестьянамъ и солдатамъ необходимость познанія правды и любовь къ исполненію обязанностей гражданина и такимъ образомъ возбудить въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства“ [2]).

По планамъ Сѣвернаго общества, манифестомъ сената, одновременно съ порученіемъ Временному Правленію [3]) установить порядокъ избранія выборныхъ въ палату народныхъ представителей, должно было быть объявлено освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Однимъ изъ пунктовъ программы этого манифеста, набросанной Трубецкимъ, требовалось: „уничтоженіе права собственности, распространяющейся на людей“. Въ своихъ показаніяхъ Трубецкой поясняетъ, что при этомъ не было употреблено выраженіе „вольность для крестьянъ“, чтобы тѣмъ не вызвать возмущеній. Однако извѣстно, что при неудачѣ возстанія предполагалось отступить въ новгородскія военныя поселенія, а если бы и тамъ тайное общество понесло пораженіе, думали взволновать крестьянъ.

Рылѣевъ не только сочинялъ пѣсни, пригодныя для пропаганды среди народа, но желалъ повліять и на солдатъ возбужденіемъ въ нихъ желанія свободы крестьянъ и уменьшенія срока

крестьянъ, Давыдовъ сказалъ ему: „у насъ положено иначе“. Муравьевъ сталъ разбирать ихъ постановленіе и возражать на него, но Давыдовъ замѣтилъ „Вы судите справедливо, я самъ этого мнѣнія; но у насъ такъ положено, и этого перемѣнить нельзя“.

[1]) „Русскій Архивъ“ 1875 г. т. III, 436.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1882 г. т. I, стр. Въ правилахъ этого общества, найденныхъ у его члена Борисова 2-го, между прочимъ сказано. „не желай имѣть раба, когда самъ рабомъ быть не хочешь“.

[3]) Членами Временнаго Правленія предполагалось пригласить Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова и поручить имъ составленіе государственнаго уложенія, которое должно было заключать въ себѣ, какъ одну изъ главныхъ мѣръ, и освобожденіе крестьянъ.

военной службы. Н. А. Бестужевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, что Рылѣевъ, братъ автора воспоминаній, Александръ Бестужевъ и онъ самъ, въ первыхъ числахъ декабря 1825 г., „рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какой слушали насъ солдаты“, продолжаетъ Бестужевъ; „нельзя изъяснить быстроты, съ какой разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ“ [1]).

Во время возстанія Черниговскаго полка, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ въ Васильковѣ, 31 декабря 1825 г., приказалъ священнику прочесть солдатамъ составленный имъ, Муравьевымъ, катехизисъ, что тотъ и исполнилъ. Въ этомъ катехизисѣ между прочимъ проводились такія идеи: Богъ создалъ человѣка для того, чтобы онъ „былъ свободенъ и счастливъ..; безъ свободы нѣтъ счастія. Святой апостолъ Павелъ говоритъ: „Цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкомъ... Богъ создалъ насъ всѣхъ равными“. Поэтому русскому воинству „для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ и родины своей и для исполненія святого закона христіанскаго“ слѣдуетъ „ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи“ [2]). Затѣмъ С. Муравьевъ держалъ рѣчь, въ которой внушалъ „солдатамъ ихъ права на свободу“, призывалъ „ихъ къ защитѣ этой свободы и для себя, и для отечества, обнадеживая ихъ прибавкой жалованья, уменьшеніемъ срока службы для нихъ и *облегченіемъ тягости для поселянъ*“ [3]).

Пропаганда среди низшихъ классовъ не осталась безъ результата: появились слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Одинъ дворовый записывалъ съ 25 декабря 1825 г. вообще разныя вѣсти, ходившія по Москвѣ. Благородные господа аттестовались народною молвою, какъ „первѣйшіе въ свѣтѣ подлецы“, а отстраненіе Константина Павловича отъ наслѣдованія престола явилось въ народной фантазіи слѣдствіемъ его желанія освободить крѣпостныхъ; цесаревичъ считался жертвою своего заступничества за народъ. Встрѣчается, напримѣръ, разсказъ что великій князь, „видя такое неустроенное въ Россіи варвар-

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1904 г., № 4, стр. 125.

[2]) *Шиманъ.* Восшествіе на престолъ Николая I. Берл. 1902 г. стр. 409—412

[3]) „Тайное Общество и 14 декабря 1825 г.“, стр. 86—87; ср. „Рус. Арх.“ 1902 г. № 6, стр. 296.

ское на всероссійское простонародіе самовластное и тяжкое притѣсненіе", вознамѣрился по возможности уничтожить его и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщалъ двинуть полтораста тысячъ солдатъ [1]). Мы увидимъ далѣе что въ дѣйствительности Константинъ Павловичъ былъ напротивъ настроенъ консервативно относительно крестьянскаго вопроса и въ 1830 г. возражалъ противъ предположеній о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ крѣпостного права, предложенныхъ комитетомъ, который былъ учрежденъ имп. Николаемъ черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ. Но до народа дошли слухи и о намѣреніяхъ относительно него членовъ тайнаго общества: въ 1827 г. одинъ старикъ, крестьянинъ московской губ., сказалъ невѣстѣ декабриста Анненкова: „вѣдь я знаю, чего они хотѣли: господа-то хотѣли свободы нашей, свободы крестьянъ" [2]).

Нѣкоторые декабристы желали содѣйствовать рѣшенію крестьянскаго вопроса заявленіемъ своихъ мнѣній по этому предмету во время слѣдствія. Такъ Якушкинъ на первомъ допросѣ во дворцѣ заявилъ генералу Левашеву, что крѣпостное право это „такой узелъ, которой долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія"; для этого правительство „можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ". Въ разборѣ „Донесенія слѣдственной комиссіи", сдѣланномъ впослѣдствіи Лунинымъ, онъ жалуется, что коммиссія умолчала о предположеніяхъ декабристовъ „объ освобожденіи крестьянъ, долженствовавшемъ возвратить гражданскія права нѣсколькимъ милліонамъ нашихъ соотечественниковъ, какъ и многихъ другихъ полезныхъ планахъ тайнаго общества [3])". Дѣйствительно только въ „Приложеніи къ докладу слѣдственной комиссіи", въ свое время не обнародованномъ, упоминается о томъ, что члены тайнаго общества, надѣялись, „особливо въ случаѣ удачи, привлечь на свою сторону крѣпостныхъ поселянъ обѣщаніемъ свободы и раздѣленіемъ земель", и излагается показаніе Рылѣева о планахъ Пестеля относительно крестьянъ [4]).

Декабристы старались высказать свои взгляды на крестьянскій вопросъ и обратить вниманіе правительства на тяжелое положеніе крѣпостного населенія Россіи не только въ своихъ устныхъ и письменныхъ показаніяхъ. Они также говорили объ этомъ въ письмахъ и къ самому государю, и къ нѣкоторымъ изъ членовъ

---

[1]) Слухъ 8 февраля 1826 г. *Шильдеръ*. „Имп. Александръ I", т. IV, 490.

[2]) „Русская Старина" 1883 г. № 3, стр. 596.

[3]) „Тайное Общество и 14 декабря", стр. 216—217.

[4]) „Рус. Арх." 1875 г., т. III, 436—437.

слѣдственной коммиссіи, когда излагали въ нихъ свои воззрѣнія. Даже Якубовичъ, далеко не выдававшійся среди товарищей своимъ образованіемъ и развитіемъ, нашелъ нужнымъ въ письмѣ къ имп. Николаю, написанномъ въ крѣпости 28 декабря 1825 г., обратить его вниманіе на нужды различныхъ сословій въ Россіи. О крѣпостныхъ крестьянахъ онъ говоритъ: „Помѣщики, живущіе въ деревняхъ, большею частью закоснѣлые въ невѣжествѣ и порокахъ, самовластно располагаютъ честью, имуществомъ и самою жизнью своихъ крестьянъ, передавая развратъ въ ихъ семейства. Нѣтъ защиты утѣсненному, нѣтъ грозы и страха утѣснителю!“ О дворянствѣ Якубовичъ говоритъ, что „роскошь ненужнымъ блескомъ сравняла всѣхъ дворянъ, разстроя большую часть фамилій долгами, такъ что безпорядки отцовъ отозвались въ небрежномъ воспитаніи дѣтей и новыхъ притѣсненіяхъ крестьянамъ“. Въ заключеніе Якубовичъ просилъ государя „облегчить и обезпечить состояніе хлѣбопашца“. Бар. Штейнгель написалъ изъ крѣпости, въ январѣ 1826 г., письмо императору Николаю, и въ перечнѣ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, необходимо принять правительству, упомянулъ объ улучшеніи состоянія земледѣльцевъ и уничтоженіи „унизительной для націи продажи людей“ [1]).

Арестованныхъ декабристовъ, послѣ снятія перваго показанія во дворцѣ, приводили къ имп. Николаю, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ успѣвали высказать ту или другую изъ завѣтныхъ своихъ мыслей. Каховскій произвелъ благопріятное впечатлѣніе на государя, который между прочимъ спросилъ его, почему онъ не писалъ покойному императору „объ извѣстныхъ ему (Каховскому) неустройствахъ“. Въ письмѣ изъ крѣпости отъ 24 февраля 1826 г. къ одному изъ генераловъ, производившихъ слѣдствіе, котораго онъ проситъ довести это письмо до свѣдѣнія государя, Каховскій, приведя эти слова имп. Николая I, прибавляетъ: „многіе, очень многіе писали, но не внимали имъ“. О крѣпостныхъ крестьянахъ Каховскій говоритъ что „нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобы сохранить для себя что нибудь отъ насилія помѣщиковъ, нужно прибѣгать къ изобрѣтеніямъ вымысла и хитрости“ [2]).

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1895 г. № 2, стр. 175.

[2]) Вѣроятно, чтобы показать, что крѣпостные крестьяне достойны свободы, онъ такъ описываетъ ихъ сходки: „Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній маленькихъ республикъ! Сердце цвѣло во мнѣ, видя умъ и простое, убѣдительное краснорѣчіе добраго народа русскаго. А какъ хорошо они понимаютъ и обсуживаютъ нужды свои... Пусть, обуяны своекорыстіемъ, враги родной страны, враги добра смѣются съ неправильнаго выговора или съ неловкихъ оборотовъ въ обращеніи нашихъ добрыхъ землепашцевъ, но я безъ пристрастія говорю, зная народъ Франціи и народъ Россіи, (что) отдаю преимущество и въ нравахъ, и въ образованіи нашимъ (крестьянамъ)... Въ разсу-

Тяжелаго положенія крѣпостного населенія Россіи коснулся и А. А. Бестужевъ въ своемъ письмѣ къ имп. Николаю. Онъ указываетъ во первыхъ на недовольство крестьянъ, тѣмъ что въ пользу ихъ не было принято никакихъ мѣръ послѣ 1812 г. „Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домъ, первые разнесли ропотъ... Мы проливали кровь, говорили они, а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа“. Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ...“ [1]) „Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ, а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они стали понимать права людей“. Вотъ въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ А. А. Бестужевъ, уже тогда извѣстный писатель, ужасы крѣпостного права: „Поведеніе русскихъ дворянъ“ (относительно ихъ крѣпостныхъ) „ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ, но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для выкармливанія грудью крестьянокъ!! Къ счастью человѣчества такіе примѣры не часты, но къ стыду онаго они существуютъ“. Всѣ крестьяне „вздыхали о прежнихъ годахъ [2]), всѣ роптали на настоящее, всѣ жаждали лучшаго до того, что пустой слухъ, будто даются мѣста на Амуръ-Дарьѣ (sic), влекъ тысячи жителей Украйны,—куда? не знали сами. Цѣлыя селенія снимались и бродили на угадъ, и многочисленныя возмущенія барщинъ ознаменовали три послѣдніе года царствованія Александра“. Бытъ дворянъ Бестужевъ очень живо обрисовываетъ въ нѣсколькихъ словахъ [3]).

жденіяхъ умъ русскій ясенъ, гибокъ и твердъ“... Въ слѣдующемъ письмѣ (28 февраля 1826 г.), обращенномъ уже прямо къ имп. Николаю, Каховскій приводитъ слова, сказанныя ему государемъ: „Я самъ первый гражданинъ отечества... кто можетъ сказать, что я не русскій“ и прибавляетъ: „желаю вѣрить, что вы, государь, облегчите участь народа русскаго“...

[1]) Бестужевъ между прочимъ упоминаетъ о „попыткѣ нѣкоторыхъ генераловъ освободить рабовъ своихъ“.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, и декабристъ А. А. Тучковъ въ своемъ дневникѣ.

[3]) „Дворянство было тоже недовольно за худой сбытъ своихъ произведеній, дороговизну предметовъ роскоши и долготою“ (медлительностью) „судопроизводства. Оно раздѣляется на три разряда. На просвѣщенныхъ, изъ коихъ большую часть составляетъ знать. На грамотныхъ, которые или мучатъ другихъ, какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ; и наконецъ на невѣждъ, которые живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами или же въ от-

Словесныя заявленія, письменныя показанія и наконецъ письма декабристовъ послѣ ареста, представленныя императ. Николаю, не могли не произвести на него впечатлѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе сильнаго, чѣмъ лекціи его профессора политической экономіи Шторха, который былъ проникнутъ либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ, но не умѣлъ овладѣть вниманіемъ своего юнаго слушателя: по сознанію самого государя, лекціи Шторха оказались для него совершенно безплодными [1]). Нужно замѣтить еще, что у одного изъ самыхъ образованныхъ, талантливыхъ и много поработавшихъ надъ крестьянскимъ вопросомъ декабристовъ, П. И. Пестеля, былъ весьма способный собесѣдникъ и внимательный слушатель его „Русской Правды"—генералъ П. Д. Киселевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ и главный помощникъ имп. Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ [2]). Двѣ основныя мысли обоихъ проектовъ—необходимость для крестьянъ земельнаго надѣла и важное значеніе общиннаго землевладѣнія—Киселевъ могъ усвоить во время слушанія „Русской Правды" и бесѣдъ съ Пестелемъ. Будущій министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій нѣкоторое время даже принадлежалъ къ тайному обществу. Наконецъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе вліятельныхъ проводниковъ крестьянской реформы при Александрѣ II, Ростовцевъ, вынесъ все, что̀ было въ немъ лучшаго, изъ нѣдръ тайнаго общества.

ставкѣ, прослуживъ Богъ знаетъ какъ, въ полевыхъ" (армейскихъ полкахъ). „Изъ нихъ-то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи: всегда виноватые и всегда ропщущіе, и желая жить не по достатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе разоряются на охоту, на капели" (т. е. капеллы пѣвчихъ и музыкантовъ) на столичную жизнь или отъ тяжебъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникамъ, которые обираютъ крестьянъ, обманываютъ господъ и такимъ образомъ $^{9}/_{10}$ имѣній въ Россіи разстроено и въ закладѣ".

[1]) *Шильдеръ.* „Императоръ Николай I", т. I, 1903 г., стр. 18. Болѣе впечатлѣнія, если вѣрить показанію О. Смирновой, произвелъ на Николая Павловича разговоръ съ знаменитымъ Оуэномъ въ Нью-Ланаркѣ, въ Шотландіи, когда молодой великій князь былъ тамъ въ 1816 г. По свидѣтельству Смирновой, Оуэнъ говорилъ ему о бо̀льшей полезности свободнаго труда и сослался при этомъ на знаменитое сочиненіе Адама Смита; „прочелъ потомъ мѣста", разсказывалъ впослѣдствіи имп. Николай, „которыя онъ мнѣ указалъ, и съ этого дня сталъ думать объ освобожденіи нашихъ крестьянъ". „Записки Смирновой", ч. II, 1897 г., стр. 65.

[2]) Въ 1819 г. Киселевъ говорилъ о Пестелѣ, что онъ „всякое мѣсто займетъ съ пользою", что у него „особенныя способности". Пріятели упрекали даже Киселева, что онъ „все свое свободное время проводитъ большею частью съ Пестелемъ". *Заблоцкій-Десятовскій.* „Графъ П. Д. Киселевъ". I, 89—91,139,—140, 148.

Но имп. Николай не ограничился внимательнымъ прочтеніемъ писемъ, направленныхъ къ нему узниками Петропавловской крѣпости, въ которыхъ они говорили о необходимыхъ преобразованіяхъ. По возвращеніи государя осенью 1826 г. изъ Москвы, послѣ коронаціи, бывшему дѣлопроизводителю слѣдственной комиссіи, Боровкову, были переданы письма и записки подсудимыхъ о внутреннемъ положеніи Россіи, и поручено было составить изъ нихъ для государя сводъ въ систематическомъ порядкѣ. Онъ добросовѣстно исполнилъ эту работу, воспользовавшись преимущественно записками и письмами Батенькова, Штейнгеля, Александра Бестужева и Каховскаго. Этотъ „Сводъ показаній“ членовъ и злоумышленныхъ обществъ о внутреннемъ состояніи государства“, какъ видно изъ хранящейся въ Государственномъ Архивѣ копіи съ него, былъ „представленъ военнымъ министромъ государю императору во исполненіе личнаго приказанія Его Величества [1])." Въ немъ Боровковъ привелъ слова А. Бестужева о недовольствѣ крѣпостныхъ тѣмъ, что для нихъ ничего не сдѣлали послѣ 1812 г., о желаніи нѣкоторыхъ генераловъ освободить своихъ крестьянъ, о злоупотребленіяхъ крѣпостнымъ правомъ и отчасти о дворянствѣ. Въ „Заключеніи“ своего „Свода“ онъ перечислилъ пожеланія членовъ тайнаго общества относительно необходимыхъ улучшеній внутренняго положенія Россіи. „Заключеніе“ начиналось такъ: „Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ и сколь великія трудности предлежатъ къ преодолѣнію“. Между прочимъ оказывалось необходимымъ: „улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить уничижительную продажу людей“.

Сводъ, составленный Боровковымъ, былъ представленъ 6 февраля 1827 г. государю, который оставилъ его у себя въ кабинетѣ, а изъ списковъ—одинъ отослалъ въ Варшаву къ цесаревичу Константину Павловичу, а другой передалъ кн. Кочубею, бывшему съ 1827 г. предсѣдателемъ комитета министровъ. „Государь императоръ“, сказалъ впослѣдствіи Боровкову Кочубей, „часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю [2])."

Посмотримъ, какъ отразились идеи по крестьянскому вопросу декабристовъ, а также и другихъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ и ограниченія крѣпостного права на дѣятельности правительства въ царствованіе имп. Николая.

---

[1]) Онъ напечатанъ съ нѣкоторыми варіантами въ запискахъ Боровкова.

[2]) „Русская Старина“ 1898 г. № 11, стр. 353, 360—362.

IV.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Николая I.

Новый императоръ унаслѣдовалъ послѣ своего брата въ высшей степени трудную задачу. Въ царствованіе Александра I мы видимъ два преобладающихъ теченія: стремленіе къ политическимъ реформамъ и желаніе освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Члены тайнаго общества стремились и къ тому, и къ другому. Они погибли въ неравной борьбѣ. Самодержавіе побѣдило, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодержецъ долженъ былъ взять на себя рѣшеніе той задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, а затѣмъ на народныхъ представителей, т. е. выработать основныя начала освобожденія крестьянъ и примѣнить ихъ къ дѣлу.

6 Декабря 1826 г. былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ гр. Кочубея секретный комитетъ для обозрѣнія всѣхъ частей управленія и выработки мѣръ „для лучшаго ихъ устройства и исправленія“. Мы считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на выработанныхъ имъ проектахъ и ихъ судьбѣ, такъ какъ этотъ первый опытъ имп. Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ очень характеренъ для всего его царствованія. Въ засѣданіи Комитета 25 апрѣля 1827 г. была прочитана собственноручная записка имп. Николая, въ которой онъ выражалъ желаніе, чтобы была произведена ревизія однимъ дворовымъ людямъ, послѣ нея было запрещено брать изъ крестьянъ въ дворовые и чтобы затѣмъ съ дворовыхъ людей взимали тройныя подушныя: цѣлью этихъ мѣръ было прекращеніе увеличенія дворовыхъ. При продажѣ имѣній и при закладѣ ихъ въ банки, по мнѣнію государя, слѣдовало называть не число душъ, а лишь число десятинъ земли [1]). По приказанію государя, комитету были также переданы бумаги о запрещеніи продажи людей безъ земли, полученныя имп. Александромъ I отъ московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына и находившіяся у Сперанскаго, съ тѣмъ, чтобы комитетъ собралъ и другія свѣдѣнія по этому предмету. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій была прочитана записка статсъ-секретаря Н. Муравьева „о владѣніи землями безъ обладанія живущими на оной крестьянами“ [2]), но комитетъ призналъ его планъ почти со-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“ т. 90, 1894 г., стр. 359.

[2]) Въ 1824 г. статсъ-секретарь Н. Муравьевъ представилъ государю записку, въ которой предлагалъ награждать заслуженныхъ чиновниковъ землями, населенными экономическими (государственными) крестьянами, въ вѣчное, по-

вершенно неосуществимымъ. Гр. Кочубей предложилъ, чтобы не раздражать дворянства воспрещеніемъ продажи людей безъ земли, принять эту мѣру не отдѣльно, а одновременно съ нѣкоторыми постановленіями, благопріятными для другихъ сословій [1]).

Сперанскій, бывшій членомъ этого комитета, внесъ въ него свою записку, составленную имъ по порученію имп. Николая [2]), въ которой предлагалъ раздѣлить мѣры для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ на первоначальныя, или основныя, и на постепенныя. Въ числѣ первоначальныхъ мѣръ онъ предложилъ совершенно воспретить отчужденіе крестьянъ безъ земли и нѣкоторыя другія узаконенія, направленныя къ тому, чтобы крестьяне не были лишены достаточнаго земельнаго обезпеченія. Въ видѣ переходной мѣры онъ рекомендуетъ измѣненіе порядка увольненія крестьянъ, при чемъ предлагаетъ дозволить освобожденіе крестьянъ цѣлыми деревнями безъ земли. Единственнымъ рѣшительнымъ средствомъ установить съ твердостью положеніе крестьянъ и прекратить съ одной стороны злоупотребленія помѣщиковъ, а съ другой неповиновеніе крестьянъ, онъ считаетъ опредѣленіе всѣхъ работъ и повинностей *договоромъ*. Но это важное преобразованіе можетъ совершиться не иначе, какъ мѣрами зрѣло соображенными, которыя должны были бы приводиться въ исполненіе постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и которымъ должно предшествовать преобразованіе земскаго управленія. Такими мѣрами Сперанскій считалъ: 1) устройство быта казенныхъ крестьянъ и 2) приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ то же положеніе, какое будетъ опредѣлено для казенныхъ. Сперанскій предложилъ также различныя мѣры для того, чтобы не только положить предѣлъ увеличенію дворовыхъ, но чтобы различными

томственное владѣніе, „не присваивая имъ лица и имущества сихъ крестьянъ“, т. е. не дѣлая ихъ крѣпостными землевладѣльцевъ. Крестьяне должны были платить собственнику земли извѣстный оброкъ и кромѣ того по прежнему вносить государственныя подати. „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ арх. Соб. Его Вел. Канц.“ VII, 1895 г., стр. 462—468. Въ томъ же 1826 г. Мордвиновъ признавалъ полезнымъ раздачу казенныхъ крестьянъ въ аренду частнымъ лицамъ и учебнымъ заведеніямъ съ обязанностью крестьянъ отбывать барщину по одному дню въ недѣлю, но при передѣлкѣ своего плана исправленія финансовъ въ слѣдующемъ году для представленія государю онъ опустилъ это мѣсто, быть можетъ, вслѣдствіе отверженія записки Н. Муравьева комитетомъ 6 декабря 1826 г. „Арх. гр. Мордвиновыхъ“ т. VIII, 70—71, срав. т. VII, 108—118.

[1]) „Сб. И. О.“ т. 74, 1891 г., стр. 133, 148, 150—152; т. 90, стр. 360—362.

[2]) Ср. „Сборн. Ист. Общ.“ т. 98, стр. 215—216.

*

стѣсненіями во владѣніи ихъ понудить помѣщиковъ постепенно обращать ихъ въ крестьянъ [1]).

Послѣ вторичнаго пересмотра, „Проектъ дополнительнаго Закона о состояніяхъ“ былъ приготовленъ къ внесенію въ государственный совѣтъ въ концѣ 1829 г. Въ главѣ „о крестьянствѣ“ установлялись узаконенія лишь о помѣщичьихъ крестьянахъ. Относительно нихъ было сказано, что они обязаны исполнять или „трехдневныя работы“ на помѣщика согласно указу 5 апрѣля 1797 г., или „*вмѣсто*“ *нихъ* платить оброкъ. Это постановленіе, если бы оно получило силу закона, препятствовало бы помѣщикамъ назначать оброкъ *сверхъ* барщины, какъ это дѣлалось нерѣдко, но государственный совѣтъ совсѣмъ исключилъ этотъ пунктъ. Помѣщики сохраняли, по проекту, право продавать закладывать и всѣми законными способами укрѣплять крестьянъ только съ землею, а безъ земли дѣлать это впредь запрещалось. Владѣльцы могли переселять крѣпостныхъ крестьянъ на другія свои земли, но продавать ихъ на свозъ другому помѣщику предполагалось также впредь запретить [2]). Однако, помѣщики должны

---

[1]) „Арх. Истор. и Практ. свѣд., относ. до Россіи“, изд. Н. В. Калачова 1859 г., т. III, отд. I, стр. 1—15; ср. „Сб. И. О.“ т. 74, стр. 152—153, 163—168, 171, 175, 236, 310. Комитетъ согласился съ мыслью Сперанскаго, что, ради улучшенія положенія помѣщичьихъ крестьянъ, необходимо предварительно принять мѣры для устройства лучшаго хозяйственнаго управленія крестьянъ казенныхъ, выразивъ надежду, что это послужитъ образцомъ и для частныхъ владѣльцевъ. Съ этою цѣлью въ слѣдующемъ, 1828 г., была учреждена, подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, коммиссія для составленія плана новаго управленія казенныхъ крестьянъ. Князь Куракинъ предложилъ планъ переселенія этихъ крестьянъ изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи съ надѣленіемъ переселенныхъ совершенно отдѣльными участками по 30 дес. на тягло съ правомъ не собственности, а наслѣдственнаго владѣнія, съ тѣмъ, чтобы эти участки не раздроблялись, а каждымъ изъ нихъ владѣлъ тотъ изъ сыновей или братьевъ кому хозяинъ передастъ свое право. Крестьянамъ, оставшимся отъ переселенія, онъ совѣтовалъ отдать въ надѣлъ всю общественную землю, не менѣе 10 дес. на тягло, на такихъ же основаніяхъ (слѣд.съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія), безземельнымъ же крестьянамъ дозволить брать въ аренду помѣщичьи земли. Комитетъ 6 декабря 1826 г. отнесся сочувственно къ этому плану, надѣясь, что осуществленіе его поведетъ къ созданію класса „наслѣдственныхъ арендаторовъ“, весьма полезнаго, какъ это показалъ опытъ другихъ государствъ, и къ прекращенію вреднаго раздробленія земли на слишкомъ мелкіе участки. С. И. О. т. 74, стр. 346, 347, 350. Въ 1829 г. учреждался еще особый комитетъ о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли, не предложившій ничего новаго, сравнительно съ проектомъ, выработаннымъ Комитетомъ 6 декабря 1826 г. С. И. О. т. 74, стр. 403,404, 425, 427.

[2]) Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ, государственный совѣтъ сохранилъ запрещеніе продажи крестьянъ на свозъ, но изъ самаго мнѣнія большинства видно, какъ легко было обойти это запрещеніе. Помѣщикъ могъ про-

были сохранить право отпускать крестьянъ на волю безъ земли или прежнимъ порядкомъ, или на основаніи слѣдующихъ правилъ. Помѣщикъ, при выдачѣ отпускной, можетъ взыскать съ увольняемаго и внести за него въ казну всѣ подати до новой ревизіи [1]). Уволенный такимъ образомъ крестьянинъ былъ бы обязанъ въ теченіе года приписаться къ какому либо городскому или сельскому собранію, или въ особый разрядъ „вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ“, при чемъ мѣщанскія и сельскія общества не могутъ отказывать въ ихъ приписке, но однако послѣднія не обязаны надѣлять ихъ землею. Законъ 20 февраля 1803 г. даровавшій помѣщикамъ право увольнять крестьянъ цѣлыми селеніями или по одиночкѣ, но не иначе какъ съ землею, оставался въ силѣ. Помѣщикъ могъ увольнять своихъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми деревнями и частями деревень или прежнимъ порядкомъ, или на основаніи слѣдующихъ правилъ. Договоры записываются въ книгу крѣпостныхъ дѣлъ, и въ нихъ указывается капитальная сумма, взимаемая помѣщикомъ за увольненіе (единовременно или по извѣстнымъ срокамъ), или, вмѣсто того, точно обозначается обязанность, принимаемая на себя крестьянами, платить помѣщику неизмѣняемый оброкъ деньгами или „произведеніемъ“ земли, или исполнять опредѣленныя работы [2]) (По этимъ правиламъ не требовалось раздѣленія земли на особые участки). Крестьяне, нарушившіе договоры, подвергаются не только всей строгости взысканій, установленныхъ закономъ для частныхъ договоровъ, но и заключенію въ тюрьмѣ [3]) или въ рабочихъ домахъ, а если эти мѣры окажутся недостаточными для ихъ понужденія къ исполненію договора, то могутъ, по судебному приговору, быть возвращаемы въ прежнее крѣпостное состояніе.

По „Проекту положенія о крѣпостныхъ дворовыхъ людяхъ“ [4]) они должны были во всѣ послѣдующія ревизіи записываться отдѣльно отъ крестьянъ. Неимѣющіе деревень должны были записывать своихъ дворовыхъ въ городахъ, но не къ домамъ, а въ служебные цехи [5]). Начиная съ ближайшей ревизіи подушную подать за дворовыхъ должно взыскивать не съ крестьянъ,

---

дать цѣлую деревню другому, имѣющему землю, тотъ могъ переселить часть уже своихъ крестьянъ, а остальныхъ продать обратно прежнему помѣщику.

[1]) Государственный совѣтъ опредѣлилъ замѣнить ежегодную уплату податей внесеніемъ единовременно суммы въ 20 р. подушныхъ и 10 р. земской повинности.

[2]) Государственный совѣтъ прибавилъ „въ томъ же *или въ другомъ* его имѣніи“.

[3]) Правило о заключеніи въ тюрьмѣ имп. Николай вычеркнулъ.

[4]) Въ основу его были положены предложенія, сдѣланныя въ запискѣ Сперанскаго.

[5]) Учрежденіе цеховъ дворовыхъ людей государственный совѣтъ отмѣнилъ.

а непосредственно съ помѣщиковъ [1]). Изъ дворовыхъ должны составляться для отбыванія рекрутской повинности особые участки. Запрещалось вмѣсто нихъ ставить рекрутъ изъ крестьянъ, но наоборотъ, дозволялось вмѣсто крестьянъ поставлять рекрутъ изъ дворовыхъ. Послѣ первой ревизіи запрещалось брать въ дворовые изъ крестьянъ, но и до, и послѣ нея дозволялось переводить дворовыхъ въ крестьяне, съ тѣмъ, однако, чтобы при этомъ не разлучались семейства (т. е. мужъ, жена и малолѣтніе дѣти до 10 лѣтъ) и съ тѣмъ, чтобы подъ угрозою штрафа и уплаты двойныхъ подушныхъ до новой ревизіи такой дворовый, въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ перечисленія, былъ дѣйствительно водворенъ въ деревнѣ [2]). Подушная подать съ дворовыхъ назначалась въ двойномъ размѣрѣ сравнительно съ тою, которою обложены крестьяне [3]). Каждый помѣщикъ можетъ отпускать дворовыхъ на волю не только за единовременную уплату условленной капитальной суммы, но и за опредѣленный оброкъ, платимый ежегодно,—или до смерти увольняемаго, или въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ; но при этомъ всегда должна быть означена и капитальная сумма, внесеніемъ которой оброкъ прекращается.

Дворовые люди, отпущенные на волю послѣ изданія этого положенія, обязаны были избрать родъ жизни въ теченіе года [4]) по совершеніи отпускной, и помѣщикъ не до слѣдующей ревизіи, а только въ этотъ годъ обязанъ былъ платить за нихъ подати. Если въ теченіе года они не изберутъ рода жизни, то считать ихъ бродягами и поступать съ ними по законамъ о такихъ людяхъ. На будущее время продажа и залогъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны [5]), воспрещаются. Передача личныхъ правъ на дворовыхъ однимъ владѣльцемъ другому дозволялась только по законному наслѣдству, по ряднымъ записямъ или по завѣщанію, съ тѣмъ однако же въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чтобы право владѣнія не передавалось въ иной родъ и чтобы семейства завѣщаемыхъ не были раздробляемы. Въ другой родъ дворовые могутъ поступать по завѣщанію не иначе, какъ вмѣстѣ съ тою деревнею, къ которой они приписаны.

Впредь никакое долговое обязательство, никакое частное или

---

[1]) Государственный совѣтъ подорвалъ силу этого постановленія, выразивъ его весьма не ясно: „подушную подать съ дворовыхъ людей платить отдѣльно отъ подати съ крестьянъ“.

[2]) Все условіе о водвореніи въ деревнѣ государств. совѣтъ исключилъ

[3]) Государственный совѣтъ этотъ существенный пунктъ отмѣнилъ, хотя имп. Николай предлагалъ взимать даже тройную подать.

[4]) Государственный совѣтъ удлинилъ этотъ срокъ до 2-хъ лѣтъ.

[5]) Государственный совѣтъ прибавилъ: „а также и принадлежащихъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень“.

казенное взысканіе не могутъ быть обезпечиваемы дворовыми людьми, не приписанными къ деревнямъ, и потому такіе дворовые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть продаваемы за долги своихъ помѣщиковъ ни съ публичнаго торга, ни посредствомъ частныхъ сдѣлокъ, по долговымъ обязательствамъ и частнымъ взысканіямъ, заключеннымъ прежде обнародованія этого указа; такіе дворовые должны быть представляемы, и не иначе, какъ цѣлыми семействами, безъ ихъ раздробленія, въ губернскія правленія, которыя должны заплатить изъ казны по расчету по 300 руб. за каждую душу муж. и по 150 р. за каждую наличную душу жен. п., а въ случаѣ казеннаго взысканія предполагалось засчитывать такую сумму въ уплату и объявлять этихъ людей вольноотпущенными [1]).

Въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. выработанъ былъ еще, по желанію имп. Николая, проектъ указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имуществъ, вызванный тѣмъ соображеніемъ, что неограниченное раздробленіе такихъ имѣній какъ при раздѣлѣ между наслѣдниками, такъ и при продажѣ и залогѣ по частямъ, увеличивая число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, можетъ имѣть вредныя послѣдствія и для владѣльцевъ, и для принадлежащихъ имъ крестьянъ [2]).

При обсужденіи проекта закона о состояніяхъ государственный совѣтъ, въ засѣданіи 24 апрѣля 1830 г., высказался противъ „общаго освобожденія“ крестьянъ безъ земли, такъ какъ, по его мнѣнію, послѣдствіемъ этого было бы „раздѣленіе сего столь важнаго по числу своему класса“ жителей имперіи на немногихъ богатыхъ арендаторовъ и „непомѣрное количество бѣдныхъ поденщиковъ“. Однако въ слѣдующемъ засѣданіи нѣкоторые члены высказали мнѣніе, что „къ предполагаемымъ въ новомъ законѣ способамъ увольненія крестьянъ съ землею небезполезно было бы присовокупить еще одинъ: увольнять ихъ такъ, „чтобы вся земля принадлежала помѣщику“, а уволенные крестьяне обрабатывали бы ее по договору съ нимъ и могли передавать свое право другому. Государственный совѣтъ призналъ, что способъ этотъ „имѣетъ свою пользу, но въ проектируемомъ законѣ вводить его неудобно, по рѣдкости случаевъ сего рода въ Россіи, гдѣ классъ вольныхъ крестьянъ еще не раз-

[1]) Гр. Мордвиновъ выказалъ мнѣніе, что весь проектъ о дворовыхъ людяхъ нужно отложить до другого времени.

[2]) По этому проекту предполагалось запретить раздробленіе селеній (принадлежащихъ одному помѣщику). Впрочемъ при продажѣ, залогѣ и раздѣленіи наслѣдства изъ деревни, заключающей въ себѣ не менѣе 200 душъ, дозволялось выдѣлять часть не менѣе 100 душъ, а при продажѣ за казенные и частные долги не менѣе 50 душъ. Гр. Мордвиновъ высказалъ мнѣніе, что весь проектъ о дворовыхъ людяхъ нужно отложить до другого времени. Государственный совѣтъ во всѣхъ случаяхъ назначилъ minimum въ 50 душъ.

множился". Однако, принимая во вниманіе, что „можетъ случиться обоюдное согласіе крестьянъ и помѣщика на условіе такого или иного рода, чего при изданіи закона и при различномъ состояніи губерній предвидѣть невозможно", государственный совѣтъ нашелъ „не излишнимъ открыть путь къ увольненію крестьянъ по договорамъ" и сверхъ предназначенныхъ въ новомъ законѣ, въ томъ числѣ и „*безъ земли*", но каждый разъ съ разрѣшенія государя. Въ этомъ засѣданіи государственнаго совѣта присутствовалъ государь, который возбудилъ вопросъ, можетъ ли новый законъ быть изданъ немедленно; большинство членовъ Совѣта отвѣчало на него утвердительно. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій кн. Меншиковъ сдѣлалъ попытку добиться совершеннаго исключенія изъ новаго закона параграфа объ увольненіи крестьянъ съ *землею*, но государственный совѣтъ на это не согласился, указавъ на существованіе закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ [1]).

Проектъ закона о состояніяхъ отосланъ былъ на заключеніе цесаревича Константина Павловича. Онъ высказалъ сомнѣніе въ желательности перемѣнъ прежнихъ законовъ [2]) и полагалъ, что если уже дѣлать измѣненія, то лучше производить ихъ не сразу, а по частямъ [3]). Онъ опасался возбудить неудовольствіе лицъ, „поставляющихъ нерѣдко все достояніе свое въ дворовыхъ людяхъ, которыхъ послѣ продать имъ будетъ не возможно" и высказалъ мысль, „что можетъ быть нашелся бы способъ постепеннаго исправленія существующаго обычая продавать дворовыхъ безъ земли". Онъ полагалъ также, что запрещеніе брать изъ крестьянъ въ дворовые было бы слишкомъ рѣшительно [4]). Поэтому онъ предложилъ ввести въ законъ необходимыя изъятія изъ него, а чтобы запрещеніе не осталось мертвою буквою, опредѣлить „мѣру взысканія за несоблюденіе" установленныхъ правилъ.

Замѣчанія эти были сообщены комитету 6 декабря 1826 г., но онъ остался при своей прежней мысли о необходимости издать весь новый законъ цѣликомъ, не дробя его на части. Комитетъ

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ." т. 90, стр. 363, 366, 367, 377, 394, 404, 418, 424, 446.

[2]) Онъ думалъ, что для сохраненія „коренныхъ законовъ и уставовъ государственныхъ сильнѣйшая ограда—древность ихъ... Въ Англіи, все, кажется, удерживаютъ одни коренные уставы и состоянія, древніе и ветхіе, но неприкосновенные даже и въ томъ, въ чемъ пора бы уже, и безъ сомнѣнія легко было бы, кажется, ввести перемѣну".

[3]) Государь отмѣтилъ, что такова была и его мысль, „но причины, по коимъ я согласился на предположеніе вмѣстѣ издать сіе, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію".

[4]) „Помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, часто остался бы безъ всякой личной прислуги, если бы не могъ употребить на то кого либо изъ своихъ крестьянъ".

составилъ особую записку съ возраженіями на замѣчанія цесаревича [1]). Но Константинъ Павловичъ отвѣчалъ Кочубею, что не измѣняетъ своего мнѣнія. Кромѣ того, цесаревичъ въ особой запискѣ сообщилъ подробныя замѣчанія на проектъ закона о состояніяхъ [2]).

Постановленія относительно дворовыхъ и особенно запрещеніе обращать въ нихъ крестьянъ цесаревичъ по прежнему находилъ стѣснительными для помѣщиковъ, но онъ сдѣлалъ одно замѣчаніе, съ которымъ слѣдовало считаться. Такъ какъ запрещеніе брать крестьянъ въ дворовые должно было начаться съ новой ревизіи, то многіе могутъ записать во время этой ревизіи извѣстное число крестьянъ въ дворовые [3]), такъ какъ при этомъ, ничего не теряя, „обезпечатъ себя отъ всякихъ впослѣдствіи притязаній“. Кромѣ того невозможность обращать крестьянъ въ дворовые, по мнѣнію цесаревича, могло повести къ уменьшенію отпуска дворовыхъ на волю.

Мнѣніе Константина Павловича о необходимости издать весь законъ о состояніяхъ не сразу, а по частямъ, побудило имп. Николая поставить на первую очередь законъ объ ограниченіи раздробленія населенныхъ недвижимыхъ имѣній [4]). Но государственный совѣтъ, въ засѣданіи 24 ноября 1830 г., указалъ на то, что безъ запрещенія продажи людей по одиночкѣ и безъ земли

---

[1]) Онъ воспользовался мыслью, высказанною цесаревичемъ о необходимости сохранить древнія узаконенія и указалъ на то, что совершенное и рѣшительное отдѣленіе крестьянъ отъ дворовыхъ именно *„было прежде“*, и возстановленіе этого прежняго порядка поможетъ „перейти отъ настоящаго рабства (esclavage), каково есть положеніе дворовыхъ, или, какъ въ древности называли, холопей, къ другому, несравненно лучшему, въ коемъ люди крѣпки помѣщику лишь по землѣ (servage)“. Гр. Кочубей составилъ съ своей стороны особую записку въ защиту проекта новаго закона и между прочимъ необходимости запрещенія продажи крестьянъ безъ земли.

[2]) Между прочимъ, по поводу подтвержденія указа 5 апрѣля 1797 г., онъ указалъ, что въ губерніяхъ, состоящихъ подъ его надзоромъ, крестьяне во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ работаютъ лѣтомъ и зимою меньшее число дней на помѣщиковъ. Напротивъ гр. Строгановъ, при обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ, замѣтилъ, что „въ губерніяхъ Бѣлорусскихъ и даже Литовскихъ, крестьяне, обыкновенно, *кромѣ* трехдневной работы, именуемой панщиной, платятъ помѣщикамъ оброкъ натурою, нерѣдко и деньгами“.

[3]) Послѣ того какъ государственный совѣтъ удалилъ изъ проекта постановленіе о взиманіи подушной подати за дворовыхъ въ повышенномъ размѣрѣ, это конечно было возможно.

[4]) Имп. Николай и значительно позднѣе (въ 1847 г.) высказалъ мысль, что „главная гадость у насъ неоспоримо въ позволеніи до безконечности раздроблять населенныя имѣнія“; вслѣдствіе этого: „мелкіе выслужившіеся дворяне покупаютъ эти имѣнія въ раздробь“ и „высасываютъ крестьянъ до нельзя“ „Сборн. Истор. Общ.“ т. 98, стр. 247.

эта мѣра не можетъ имѣть тѣхъ благихъ послѣдствій, какихъ ожидаетъ отъ нея правительство [1]).

Это возбудило вопросъ: удобно ли издавать теперь законъ о перепродажѣ людей отдѣльно отъ земли и по одиночкѣ? Имѣя въ виду „свирѣпствующую въ государствѣ холеру и настоящее положеніе имѣній и владѣльцевъ", государственный совѣтъ призналъ, что „при томъ разстройствѣ въ хозяйственныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ, въ которое „холера ввергла большую часть жителей", мѣра эта будетъ неудобна и можетъ показаться стѣснительною вообще и особенно для мелкопомѣстнаго дворянства. Поэтому изданіе такого запрещенія „было бы нынѣ несвоевременно" [2]).

Такъ было похоронено дѣло, надъ которымъ трудились 4 года. Имп. Николаю пришлось увидѣть, какъ первоначальныя, болѣе рѣшительныя, предположенія Комитета постепенно урѣзывались въ государственномъ совѣтѣ, какъ старшій братъ отнесся несочувственно къ его намѣреніямъ ограничить крѣпостное право. Это должно было произвести на него впечатлѣніе и могло повліять на ослабленіе его энергіи въ крестьянскомъ дѣлѣ [3]). По-

---

[1]) Указомъ этимъ предполагалось не позволять раздробленія деревень менѣе 50 душъ, но не уничтожалось право личной продажи; слѣдовательно владѣлецъ, имѣющій деревню въ 100 душъ, не могъ бы раздѣлить ее между своими дѣтьми или для продажи иначе, какъ на двѣ части, каждую въ 50 душъ, но изъ этого имѣнія онъ могъ продать по одиночкѣ столько душъ или семей, сколько пожелаетъ; а также тотъ изъ наслѣдниковъ его, который получитъ участокъ въ 50 душъ, могъ уменьшить его, по своему усмотрѣнію, личною продажею крестьянъ, такъ какъ дѣйствующій законъ это разрѣшалъ. Возможно, что продажа безъ земли временно даже усилилась бы, такъ какъ ожидая предстоящаго воспрещенія личной продажи крѣпостныхъ, о чемъ слухи давно распространились, многіе могли пожелать „воспользоваться остающимся еще временемъ свободной продажи".

[2]) Полагаютъ, что на измѣненіе настроенія государственнаго совѣта повліяла іюльская революція 1830 г. во Франціи и бельгійская революція. По мнѣнію Сперанскаго, на первый разъ можно было издать законъ, ограничивающій раздробленіе васеленныхъ недвижимыхъ имуществъ, не дополняя его запрещеніемъ продажи людей отдѣльно отъ земли и по одиночкѣ, а позднѣе принять и эту послѣднюю мѣру, когда поступятъ вопросы отъ гражданскихъ палатъ относительно продажи людей, принадлежащихъ къ недѣлимымъ участкамъ населенныхъ недвижимыхъ имуществъ.Но всѣ остальные члены государственнаго совѣта (21 чел.), въ томъ числѣ гр. Кочубей, вел. кн. Михаилъ Павловичъ, Мордвиновъ, кн. Голицынъ, Блудовъ и др., нашли, что это не удобно, такъ какъ вопросы отъ гражданскихъ палатъ могутъ начать поступать и черезъ двѣ недѣли по изданіи указа. „Сбор. Ист. Общ." т. 74, стр. 461—463; т. 90, 467—469, 474—475, 479—492, 515—520, 536—539.

[3]) 25 ноября 1830 г. было получено имп. Николаемъ извѣстіе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17 ноября. *Шильдеръ.* „Имп. Николай I" т. II, стр. 320, 322.

смотримъ, каковы были взгляды имп. Николая на крестьянскій вопросъ въ послѣдующее время.

Онъ полагалъ, что не настало еще время для освобожденія крѣпостныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что долженъ передать это дѣло сыну „съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“, т. е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе [1]); однако же, несмотря на постоянное вниманіе къ крестьянскому вопросу, онъ обнаружилъ очень мало энергіи въ этомъ направленіи. Такъ, онъ считалъ невозможнымъ опредѣлить повинности крестьянъ во всей Россіи положительнымъ закономъ и желалъ, чтобы такому закону предшествовалъ рядъ добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами; онъ считалъ необходимымъ „избѣгать до послѣдней крайности прямого воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые“, хотя въ началѣ царствованія желалъ принять эту мѣру; онъ полагалъ, что никакимъ образомъ нельзя прикоснуться къ праву собственности помѣщиковъ на землю [2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность девяти „секретныхъ“, „келейныхъ“ и „особыхъ“ комитетовъ не привела ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Но очень благопріятнымъ для крестьянъ, во взглядахъ императора Николая, было рѣшительное осужденіе имъ остзейской системы освобожденія крестьянъ безъ земли. Нѣкоторую энергію государь проявилъ лишь въ вопросѣ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ западной Россіи: онъ настоятельно потребовалъ введенія обязательныхъ инвентарей въ тамошнихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Этимъ объясняется, что дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генералъ-губернатора юго-западнаго края Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ [3]).

Нерѣшительность императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ въ значительной степени объясняется консервативнымъ настроеніемъ въ этомъ отношеніи весьма многихъ окружающихъ его лицъ. Въ 1834 г. государь жаловался Киселеву, что онъ говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ о „преобразованіи крѣпостного права“ и ни въ одномъ не нашелъ прямого со-

---

[1]) Въ 1844 г. имп. Николай сказалъ: „Главная цѣль моя — измѣнить крѣпостное у насъ состояніе“. „Сборн. Истор. Общ.“, т. 98, стр. 227, ср. 235.

[2]) Сравн. описаніе засѣданія госуд. совѣта 30 марта 1842 г., въ которомъ обсуждался законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и въ которомъ присутствовалъ имп. Николай, въ ст. барона *М. Корфа* „Имп. Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 98, стр. 111—123.

[3]) О введеніи инвентарей см. нѣкоторыя любопытныя подробности въ ст. *Воропонова* „Крестьянская реформа въ Юго-Западномъ краѣ“. „Вѣстн. Евр“. 1900 г. № 8, стр. 755—772.

чувствія, а великіе князья Константинъ и Михаилъ Павловичи были совершенно противъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Заявленіе это объ отсутствіи сочувствія со стороны лицъ окружающихъ, слѣдуетъ, впрочемъ, принимать лишь съ извѣстными ограниченіями, такъ какъ самый выдающійся изъ членовъ перваго секретнаго комитета, учрежденнаго государемъ 6-го декабря 1826 г., М. М. Сперанскій, вовсе не былъ противникомъ освобожденія крестьянъ, а проектъ, выработанный этимъ и „особымъ“ комитетами, все же прошелъ въ 1830 г. въ государственномъ совѣтѣ, и его можно было осуществить хотя позднѣе.

Во взглядахъ Сперанскаго былъ одинъ весьма важный, существенный недостатокъ: допущеніе безземельнаго освобожденія крестьянъ, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, было признано возможнымъ и по проекту, принятому государственнымъ совѣтомъ въ 1830 г., Киселевъ, наиболѣе видный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ эпоху императора Николая, былъ, напротивъ, самымъ энергическимъ противникомъ такого освобожденія. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостного права, а только къ обращенію его въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ императору Николаю слѣдующую программу мѣръ для улучшенія положенія крѣпостныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными крестьянами сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста, наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь нашелъ, что эти начала „справедливы и основательны“, однако, большинство этихъ предположеній въ его царствованіе исполнены не были, а постановленія уголовнаго уложенія 1845 г., относительно права помѣщиковъ наказывать крестьянъ, были болѣе, чѣмъ неудовлетворительны. Нужно замѣтить, впрочемъ, что проектъ, представленный Киселевымъ въ учрежденный въ 1839 г. комитетъ объ обязанныхъ крестьянахъ, не заключалъ въ себѣ разработки всѣхъ указанныхъ мѣръ: въ немъ Киселевъ стремился лишь къ тому, чтобы помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставили крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользовались за то соразмѣрными повинностями или оброкомъ, „положительно опредѣленными въ

особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ". Онъ желалъ достигнуть этого путемъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, съ тѣмъ однако, чтобы размѣры надѣловъ были не ниже указанныхъ въ его проектѣ, а повинности, возлагаемыя на крестьянъ, не выше имъ предложенныхъ. Киселевъ, однако, долженъ былъ уступить, въ виду возраженій остальныхъ членовъ комитета, и согласился не опредѣлять неизмѣнной нормы для надѣленія обязанныхъ крестьянъ землею, а слѣдовательно и соотвѣтственныхъ имъ повинностей. Понятно, что законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, въ которомъ все дѣло свелось на предоставленіе помѣщикамъ права заключать договоры съ крестьянами объ опредѣленіи повинностей, не имѣлъ никакого вліянія на улучшеніе быта крестьянъ. Въ вопросѣ о дворовыхъ Киселевъ полагалъ, что послѣ различныхъ подготовительныхъ мѣръ должно быть издано рѣшительное запрещеніе брать крестьянъ во дворъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что Киселевъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія. Продолжительная и малоуспѣшная борьба съ крайними крѣпостниками до такой степени ослабила энергію Киселева въ крестьянскомъ дѣлѣ, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ онъ находилъ невозможнымъ даже принятіе такой мѣры для ограниченія крѣпостного права, какъ уничтоженіе права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію [1]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій былъ человѣкомъ весьма консервативнаго образа мыслей, но, въ виду стремленія государя къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, нашелъ необходимымъ предложить программу мѣръ по крестьянскому вопросу. Онъ высказался противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, но столь же невозможнымъ считалъ и освобожденіе ихъ съ землею, и потому предлагалъ лишь ограничить крѣпостное право [2]). Основною мѣрою въ этомъ направленіи онъ считалъ опредѣленіе повинностей крестьянъ инвентарями, а затѣмъ предложилъ постепенно издать слѣдующія узаконенія: 1) признать право крестьянъ на движимую и недвижимую собственность; 2) постановить, чтобы всѣ крѣпостные были при-

[1]) Однако, когда генералъ Анненковъ, ревизовавшій Западную Сибирь, предложилъ распространить тамъ дворянское землевладѣніе подъ условіемъ обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, то онъ встрѣтилъ (въ 1852 г.) въ Сибирскомъ Комитетѣ рѣшительнаго противника въ лицѣ Киселева. *Прутченко.* „Сибирскія окраины", т. I, 1899 г., стр. 379—388.

[2]) На взгляды Перовскаго относительно крѣпостного права могло имѣть вліяніе пребываніе его нѣкоторое время членомъ тайнаго общества, при Александрѣ I. Когда онъ былъ министромъ, на него вліялъ Н. А. Милютинъ, служившій подъ его начальствомъ. „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ", 1903 г., изд. Брокгауза и Ефрона, стр. 23 (ст. о Милютинѣ А. Н. Браудо).

писаны къ населенной землѣ; 3) запретить всякое отчужденіе людей безъ земли; 4) ограничить, а впослѣдствіи вовсе запретить обращеніе людей съ пашни во дворъ; 5) запретить отдачу людей въ работу и услуженіе и нѣк. друг. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ, онъ соглашался допустить свободный переходъ крестьянъ. Однако, предложенія Перовскаго встрѣтили мало сочувствія въ комитетѣ, на разсмотрѣніе котораго была отдана его записка.

Остальныя лица, приближенныя къ государю, или мало высказывались по крестьянскому вопросу, предлагая лишь ту или другую единичную мѣру, или выражали самыя консервативныя мнѣнія. Кн. Васильчиковъ находилъ, что Россія еще „не созрѣла“ для освобожденія крестьянъ, и что „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной“, онъ предлагалъ только признать за крестьянами право собственности и въ вопросѣ о дворовыхъ соглашался запретить въ концѣ концовъ брать крестьянъ во дворъ. Гр. Блудовъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ готовъ былъ допустить установленіе наслѣдственной аренды земли и желалъ предоставленія крѣпостнымъ права собственности на движимое и недвижимое имущество, но въ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ высказался противъ точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ. Баронъ М. А. Корфъ былъ иниціаторомъ закона 1847 г. относительно распространенія на всю имперію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга [1]), но онъ вовсе не былъ искреннимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ[2]).

Весьма любопытны мысли о крестьянскомъ вопросѣ гр. С. С. Уварова, записанныя Погодинымъ. „Вопросъ о крѣпостномъ правѣ“, по мнѣнію Уварова, „тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова. Что было у насъ прежде крѣпостного права, то все прошло, кромѣ крѣпостного права, которое, слѣдовательно, не можетъ быть тронуто безъ всеобщаго потрясенія. Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, и нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденія гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія“...

[1]) Въ 1849 г. этотъ законъ былъ отмѣненъ. См. разсказъ самого Корфа объ изданіи и отмѣнѣ этого закона. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 98, стр. 248—267.

[2]) Онъ самъ такъ опредѣляетъ сущность своей записки, поданной въ комитетъ о дворовыхъ людяхъ: „я хотѣлъ доказать, что если коснуться живущихъ при своихъ владѣльцахъ *невозможно*, то ходящихъ по паспортамъ *безполезно*, и, слѣдственно, лучше — *ничего* не дѣлать“. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 98, стр. 237.

Общее заключеніе Уварова состоитъ въ слѣдующемъ: „Къ такому многосложному вопросу должно приступать съ величайшей осторожностью. Это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и Церковь, и Престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно. Довольно теперь пустить эту мысль въ оборотъ, чтобъ поколѣнія приготовились постепенно къ ея воспріятію. Одно образованіе, просвѣщеніе можетъ приготовить ея исполненіе наилучшимъ образомъ“ [1]).

Самымъ вліятельнымъ и самымъ вреднымъ противникомъ ограниченія крѣпостного права былъ кн. Меншиковъ, который считалъ возможнымъ только остзейскій способъ освобожденія крестьянъ и настоятельно требовалъ при этомъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Гр. Чернышевъ, самый несимпатичный изъ членовъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, былъ вообще противъ ограниченія крѣпостного права и допускалъ только одну мѣру въ пользу крѣпостныхъ: онъ совѣтовалъ секретно скупать въ казну мелкопомѣстныя имѣнія, гдѣ особенно дурно положеніе крестьянъ. Гр. Панинъ былъ противъ дарованія крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности. Упомянемъ, наконецъ, что цесаревичъ Александръ Николаевичъ высказался въ это время по крестьянскому вопросу въ консервативномъ смыслѣ. Онъ былъ, вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ, гр. Орловымъ и Перовскимъ, членомъ комитета 1846 г., назначеннаго для разсмотрѣнія записки Перовскаго, и комитетъ этотъ изо всѣхъ мѣръ, предложенныхъ Перовскимъ, остановился только на предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности на движимое имущество; въ комитетѣ 1848 г. цесаревичъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ крестьянамъ право выкупаться на волю при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга; онъ былъ также недоволенъ энергичною дѣятельностью Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ, видя въ этомъ ослабленіе вліянія дворянства [2]). Въ началѣ 1848 г. онъ заявилъ чрезъ своего гофмаршала, что, какъ ему извѣстно, государь не имѣетъ намѣренія измѣнять отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Не даромъ на имп. Александра II, при восшествіи его на престолъ, смотрѣли, какъ на защитника крѣпостного права [3]).

[1]) *Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. IX, 1895 г., стр. 305—308.

[2]) См. разсказъ самого Бибикова въ „Наброскахъ изъ прошлаго“ Д. Д. Оболенскаго. „Ист. Вѣстн.“, 1893 г., № 11. Вскорѣ по вступленіи на престолъ имп. Александра II Бибиковъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ удаленъ съ этого мѣста и не только не получилъ рескрипта, но даже сложилъ съ себя званіе генералъ-адъютанта. *Н. Барсуковъ.* „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 122.

[3]) „Рус. Арх.“ 1888 г., № 10, стр. 259—261. (Записки сенатора Лебедева). Срав. „Мат. для ист. упразди. крѣпости. сост.“ (Хрущова), Берл., 1860 г., I, 100, 103—104.

Мы видимъ, слѣдовательно, что многія лица, окружающія императора Николая, соглашались на ограниченіе крѣпостного права въ томъ или другомъ отношеніи, но при разногласіи ихъ относительно того, что считать наиболѣе полезнымъ и возможнымъ въ данное время, мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Въ концѣ концовъ искреннимъ и энергическимъ противникомъ крѣпостного права въ рядахъ высшей администраціи былъ только Киселевъ, но и тотъ, съ началомъ реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ 1848 году, потерялъ надежду сдѣлать что либо серьезное въ этомъ направленіи.

Важную услугу для правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса и подготовки къ тому общества могла бы сослужить печать, но она была стѣснена въ этомъ отношеніи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ при Александрѣ I. Цензурный гнетъ отзывался и на произведеніяхъ изящной словесности, и на научныхъ статьяхъ. Въ произведеніяхъ Пушкина, появившихся въ печати въ царствованіе императора Николая, были вытравлены почти всѣ мѣста, гдѣ онъ серьезно затрогивалъ крѣпостное право. Въ ненапечатанныхъ при жизни Лермонтова произведеніяхъ онъ рѣзкими чертами обрисовываетъ тяжелую долю крѣпостныхъ, и если мы не видимъ того же въ его тогдашнихъ печатныхъ произведеніяхъ, то причина этого вполнѣ понятна. Отрывки изъ трагедіи Грибоѣдова „Грузинская ночь“ также въ свое время не были опубликованы. Въ 1831 г. драма Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“ была не только запрещена цензурою, но послужила едва ли не главнымъ поводомъ къ исключенію его автора университета [1]). Въ одной запискѣ по крестьянскому дѣлу, составленной въ 1841 году, находимъ указаніе, что въ „послѣдніе годы“ передъ тѣмъ было запрещено разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ. Изданіе закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ вызвало нѣсколько статей по крестьянскому вопросу, но затѣмъ было предписано, чтобы всѣ статьи „о сельскихъ условіяхъ“ между крестьянами и помѣщиками, прежде пропуска ихъ къ печати, представлялись на разрѣшеніе главнаго управленія цензуры, а это равнялось полному ихъ запрещенію [2]). Въ рѣчи,

---

[1]) Драма эта была впервые вполнѣ напечатана Тихонравовымъ въ „Сборникѣ Общ. Любит. Росс. Слов. на 1891 г.“. Перепечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго“, изд. С. А. Венгерова, 1900 г. т. I. *В. Якушкинъ.* „Бѣлинскій, его друзья и враги“ въ сборникѣ „Памяти Бѣлинскаго“, М. 1899 г., стр. 27—28, ср. 108—112; ср. въ изд. Венгерова, т. I, 137—141.

[2]) Прочитавъ статью Хомякова по поводу закона 1842 г., напечатанную въ „Москвитянинѣ“ (1842 г. № 6), гр. Бенкендорфъ обратился къ гр. Уварову съ запро-

произнесенной государемъ въ мартѣ 1848 года, при пріемѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ Николай сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ“. Въ высочайшемъ повелѣніи 2 апрѣля 1848 г., при учрежденіи негласнаго комитета для наблюденія за печатью, между прочимъ было предписано: „не пропускать въ печать разсужденій о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой либо отрасли государственнаго хозяйства имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденій о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ“. Это вызвало полный цензурный терроръ относительно всѣхъ произведеній, затрогивающихъ крѣпостное право. Въ 1850 году было постановлено, чтобы „сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніи первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначенныхъ для чтенія простого народа“. Такъ не были пропущены цензурою сельско-хозяйственныя статьи Кошелева, потому что онъ затрогивалъ въ нихъ крѣпостное право [1]). Въ 1852 г. И. С. Тургеневъ былъ сосланъ въ деревню за напечатаніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ письма о Гоголѣ, запрещеннаго цензурою въ Петербургѣ [2]), но самъ Тургеневъ приписывалъ эту ссылку не столько письму о Гоголѣ, сколько появленію въ журналахъ его очерковъ изъ „Записокъ Охотника“, вышедшихъ нѣсколько позднѣе, въ томъ же году, отдѣльнымъ изданіемъ. Изъ написанныхъ имъ въ этомъ году разсказовъ „Муму“ появился въ печати лишь черезъ два года, а „Постоялый дворъ“ могъ быть напеча-

---

сомъ для доклада государю, была ли эта статья представлена ему прежде появленія ея въ журналѣ? Уваровъ отвѣчалъ, что хотя статья Хомякова и не была представлена цензурою на его усмотрѣніе, но онъ „не нашелъ достаточнаго повода принять въ отношеніи „Москвитянина“ какія либо особыя мѣры“, потому что статья эта „написана съ благонамѣренною цѣлію“. Однако Уваровъ изъявилъ готовность „сдѣлать общее распоряженіе по цензурѣ не пропускать въ печати, безъ предварительнаго представленія на разрѣшеніе высшаго начальства, ничего, касающагося до обнародованнаго во 2-й день апрѣля сего года указа“. *Н. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VI, 1892 г., стр. 275—276. Ср. „Сборн. постановленій и распоряж. по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.“. Спб. 1862 г., стр. 235—236.

[1]) *Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева“, 1892 г., стр. 223—227.

[2]) „Рус. Арх.“ 1895 г. № 2, стр. 276.

танъ уже только въ царствованіе имп. Александра II [1]). Стихотворенія Некрасова, гдѣ обличалось крѣпостное право, или вовсе не появлялись въ печати, или по крайней мѣрѣ въ нихъ были исключены всѣ самыя сильныя мѣста, бичующія крѣпостной строй. Не было напечатано также ни одно изъ произведеній Шевченка подобнаго же содержанія. Не могли проникать въ печать и народныя пѣсни противъ крѣпостного права [2]). Въ 1849 г. было запрещено профессорамъ выражать на лекціяхъ въ „неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ“ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ была бы полезна для государства [3]); впрочемъ, администрація пошла еще далѣе: въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году, въ защиту крѣпостного права приведены были даже тексты изъ священнаго писанія. Тутъ можно вспомнить слова ученаго министра народнаго просвѣщенія Уварова, что „политическая религія имѣетъ свои догматы, неприкосновенные подобно христіанской религіи“; наряду съ самодержавіемъ такимъ догматомъ Уваровъ, какъ мы уже знаемъ, признавалъ и крѣпостное право [4]).

---

[1]) Также запрещены были статья И. С. Аксакова „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“ (1852 г.) и его же „Отрывокъ изъ книги: самыя достовѣрныя записки чиновника очевидца“ (1853 г.), гдѣ онъ задѣвалъ крѣпостное право. Послѣднее произведеніе было напечатано въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Лондонѣ въ 1854 г. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, М. 1892 г. Прилож. стр. 3, 5, 7, 80—81, 88—90.

[2]) „Рус. Стар.“ 1904 г., № 1, стр. 213—215. См. „Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ изъ собранія П. В. Шейна“. „Рус. Стар.“, 1886 г., №№ 2, 3. „Зап. Рус. Геогр. Общ., по отд. этн.“ т. V, стр. 123—125, 130, 276, 463; *Добровольскій*. „Смоленскій этнографическій сборникъ“, т. IV, (Зап. Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXVII), М. 1903, стр. 498—499; *М. Драгомановъ*, “Нові українські пісні про громадські справи“, (1764—1880). Жен. 1881, стр. 25—31, 34, 36—40, 42—43, 78.

[3]) Не смотря на то, профессора Кавелинъ въ Москвѣ и Мейеръ въ казанск. универс. (см. воспомнинанія Назарьева въ „Историч. Вѣстн.“, 1890 г., № 12, стр. 717, 719) на лекціяхъ и въ бесѣдахъ со студентами энергично нападали на крѣпостное право. Тоже дѣлалъ И. И. Введенскій въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (см. „Рус. Стар.“ 1904, № 6, стр. 592). Г. З. Елисѣевъ, проф. казанской духовной академіи, затронулъ крѣпостное право въ своей вступительной лекціи въ 1852 г. См. „Исторія Казанской духовной академіи“ *Знаменскаго*, вып. II.

[4]) Всего печальнѣе то, что даже среди выдающихся писателей находились иногда защитники цензурныхъ стѣсненій. Такъ В. А. Жуковскій, высказавшись въ 1851 г., въ бесѣдѣ съ А. И. Кошелевымъ, „противъ всѣхъ романовъ, гдѣ выставляется худая сторона и крѣпостного состоянія, и настоящаго устройства теперешняго общества“, замѣтилъ: „конечно, цензурѣ трудно быть не нелѣпою, но, во что бы то ни стало, надобно охранять самодержавіе и общество образованное“. *Колюпановъ*. „Біографія А. И. Кошелева“, т. II, 1892 г., стр. 211.

Что же при такихъ условіяхъ могло увидѣть свѣтъ изъ произведеній, касающихся крестьянскаго вопроса? Упомянемъ прежде о произведеніяхъ изящной словесности. Въ сочиненіяхъ Пушкина и Некрасова уцѣлѣли лишь немногія мѣста, гдѣ наши знаменитые поэты задѣвали крѣпостное право [1]). Сравнительно болѣе посчастливилось Григоровичу [2]) и особенно Тургеневу: послѣдній въ цѣломъ рядѣ очерковъ изъ „Записокъ охотника“ затронулъ главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ; тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли, зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе права на нее иной разъ въ теченіе всей жизни, тѣлесныя наказанія, горемычная доля дворового, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и управителей, барскія чудачества и самодурства, все это живо встаетъ подъ перомъ талантливаго молодого писателя. „Записки охотника“, помимо сильнаго вліянія на общество, сыграли еще иную, огромную роль. Императоръ Александръ II велѣлъ передать Тургеневу, что эта книга „была однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія“ освободить крестьянъ [3]). Но проникновеніе въ печать „Записокъ охотника“ Тургенева, хотя иногда и съ нѣкоторыми цензурными помарками, было лишь счастливымъ исключеніемъ въ ряду либеральныхъ произведеній по крестьянскому вопросу: мы видѣли, что и его разсказы не всѣ могли быть напечатаны своевременно. За то охотно пропускались такія произведенія, какъ

---

[1]) Нападенія на крѣпостное право встрѣчаются кое-гдѣ и въ произведеніяхъ второстепенныхъ беллетристовъ; таковы: „Семейство Холмскихъ“ Бѣгичева (1830 г.), „Русскій Жилблазъ“ Симоновскаго (1832 г.), сатирическіе очерки „Новый живописецъ общества и литературы“ (1832 г.), и „Разсказы русскаго солдата“ („Мечты и жизнь“ 1833 г.) Н. А. Полевого, „Художникъ“ Тимофѣева (1833 г.), написанная въ 1825 г. повѣсть М. П. Погодина „Нищій“ („Повѣсти“ Погодина, изд. 1833 г.), комедія Квитки Основьяненка „Дворянскіе выборы“ (1829 г.), даже романъ Булгарина „Иванъ Выжигинъ“ (1829 г.). Въ 1835 г., появилась книга Павлова „Три повѣсти“; въ одной изъ нихъ „Именины“ авторъ нападалъ на крѣпостное право, въ другой „Ятаганъ“, изобразилъ мрачныя стороны военной службы. Уваровъ сдѣлалъ докладъ о ней государю, и было повелѣно вновь не перепечатывать ея, а виньетку съ изображеніемъ чудовища, поражаемаго рукою невидимки, и эпиграфомъ по латыни, означающимъ „домашнія дѣла“ приказано было уничтожить. *Н. А. Котляревскій.* „Н. В. Гоголь“ 1903, стр. 87, 89, 91—92, 97, 106, 162—167, 239—241, 338; *Сухомлиновъ.* „Изслѣдованія“, т. II, 1889 г., стр. 442—445.

[2]) Впрочемъ его повѣсть „Антонъ Горемыка“ (1847 г.) была задержана цензурой и пропущена только съ искаженіемъ послѣдней главы, въ которой было первоначально описано, какъ крестьяне подожгли домъ управляющаго и бросили его самого въ огонь. См. Литературныя воспоминанія Григоровича. „Рус. Мысль“, 1893 г., № 1, стр. 28.

[3]) *Гутьяръ.* „И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ“. „Вѣст. Европы“, 1904 г., № 5, стр. 133.

„Переписка съ друзьями“ Гоголя, гдѣ авторъ придаетъ власти помѣщика особенно возвышенное значеніе, смотря на него не какъ на владѣльца только того или другого числа душъ, а какъ на блюстителя, по велѣнію свыше, за трудолюбіемъ и нравственностью его крѣпостныхъ. Понятно, что во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ Гоголь проводилъ такой взглядъ, что русскому народу не нужна свобода, что она можетъ только развратить его; нужны только энергическіе помѣщики вродѣ Костанжогло, которые заставляли бы своихъ крестьянъ нести нелегкую работу и сами не впадали бы въ праздность [1]). Проникали въ печать и произведенія Даля, такъ какъ его идеаломъ былъ также строгій, но справедливый помѣщикъ, подъ ферулою котораго процвѣтаютъ мужики. Печатались, наконецъ, и такія вещи, какъ „Тарантасъ“ графа Соллогуба, которому также казалось, что не нужно освобожденіе крестьянъ, а желательны только добрыя, патріархальныя отношенія помѣщика къ его крѣпостнымъ [2]).

Переходя отъ произведеній изящной словесности къ изслѣдованіямъ и разсужденіямъ о крестьянскомъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о двухъ статьяхъ Хомякова въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., вызванныхъ закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ. По вопросу о размѣрѣ повинностей, необременительныхъ для крестьянъ, авторъ частью просто констатируетъ существующія отношенія (трехдневная барщина, частью) произвольно перемe-

---

[1]) Н. А. Котляревскій говоритъ: Гоголь „почти обошелъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ крестьянскій вопросъ... Конечно.., зло“ крѣпостного права „отъ его взгляда не укрылось... Двѣ-три странички въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и въ „Мертвыхъ Душахъ“... показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ полнаго оправданія существующаго порядка. Но и на этотъ вопросъ онъ смотрѣлъ съ чисто нравственной точки зрѣнія, непомѣрно сужая понятіе о нравственности, такъ какъ мысль о „безнравственности“ самаго положенія крестьянскаго, кажется, не приходила ему въ голову: онъ и въ данномъ случаѣ оправдывалъ систему и говорилъ только о безнравственности самихъ ея выполнителей и тѣхъ, надъ кѣмъ она тяготѣла. Онъ вѣрилъ въ возможность настоящей блаженной идилліи на почвѣ данныхъ соціальныхъ условій и, ставя очень строгія требованія господину, говоря ему о великомъ его долгѣ, не желалъ умалять его правъ, и среди этихъ правъ признавалъ за нимъ и право рабовладѣнія“. Однако и Гоголь, признавая самый принципъ, вѣроятно чаще задѣвалъ бы по крайней мѣрѣ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, если бы не тяготѣвшій надъ всей литературой цензурный гнетъ. (Срав. отрывокъ изъ одной его неоконченной драмы, надъ которой онъ работалъ, кажется, въ 1833 г.). *Котляревскій.* „Н. В. Гоголь“. 1903 г. стр. 143, 252—253.

[2]) Впрочемъ, въ повѣсти „Воспитанница“ Соллогубъ сумѣлъ коснуться одной изъ отрицательныхъ сторонъ крѣпостническаго строя. *Котляревскій* Ibid., 392. Въ „Полинькѣ Саксъ“ Дружинина, напечатанной въ „Современникѣ“ (1848 г.), авторъ также задѣвалъ крѣпостное право. См. о Дружининѣ статью С. Венгерова въ его „Критико-біографическ. словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, т. V, стр. 400.

новываетъ оброчную систему въ половничество трудомъ, а не то предлагаетъ вознаграждать земледѣльца половиною произведеній земли, что̀ было вовсе не въ обычаѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Ограниченія крѣпостного права посредствомъ опредѣленія повинностей крестьянъ закономъ авторъ вовсе не желалъ [1]). Положительная сторона статей Хомякова заключается въ горячей защитѣ общиннаго землевладѣнія. Эти статьи вызвали строгую критику въ „Отечественныхъ Запискахъ“, авторъ которой (какъ мы теперь знаемъ, Заблоцкій-Десятовскій) доказываетъ, что барщинный трудъ не выгоденъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ, и особенно вредно отражается на благосостояніи послѣднихъ [2]). Въ напечатанномъ въ 1846 г. переводѣ сочиненія по политической экономіи министра финансовъ Канкрина (безъ имени автора) мы встрѣчаемъ, между прочимъ, указаніе на вредность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ 1847 г. появилась извѣстная статья Заблоцкаго-Десятовскаго „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“, гдѣ разъяснена была зависимость этихъ колебаній отъ возможности для землевладѣльцевъ пользоваться даровымъ крѣпостнымъ трудомъ (по соображеніямъ цензурнымъ авторъ употребляетъ выраженіе: „обязательная рента“). Вотъ почти и все, что̀ заслуживаетъ упоминанія. Но наряду со статьями, болѣе или менѣе благопріятными для интересовъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ труды и крайне вреднаго направленія: таковы, напримѣръ, статьи Вилькинса, напечатанныя въ одномъ изъ спеціальныхъ агрономическихъ журналовъ въ 1843 г., гдѣ авторъ доказываетъ, какъ полезно для благосостоянія крестьянъ составленіе, такъ называемыхъ, „сводныхъ семействъ“, въ которыхъ соединялось бы по нѣсколько работниковъ подъ вѣдѣніемъ одного старшаго и отвѣтственнаго хозяина, при чемъ приводились даже примѣры будто бы удачныхъ опытовъ подобной системы, идущей совершенно въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ нашей народной жизни. Печатать подобныя статьи дозволялось, но предлагать дѣйствительныя улучшенія въ бытѣ крѣпостныхъ или тѣмъ паче подвергать критикѣ существующія отношенія между крестьянами и помѣщиками—было признано опаснымъ; это, по мнѣнію администраціи, могло возбудить волненіе въ народѣ, какъ

---

[1]) По поводу указа 2 Апрѣля 1842 г. Хомяковъ писалъ Веневитинову „указъ очень хорошъ тѣмъ, что не принудителенъ и не опредѣленъ“. *Барсуковъ* „Погодинъ“ VI, 1892 г., 276. Понятно, что позднѣе Хомяковъ не сочувствовалъ введенію инвентарей въ юго-западномъ краѣ.

[2]) Есть извѣстіе въ письмѣ В. П. Боткина, что славянофилы остались очень недовольны этою статьею, а Герценъ и Грановскій были отъ нея въ восторгѣ. „Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки“ на 1889 г. Прилож., стр. 53.

будто онъ и безъ того не чувствовалъ всей тягости своего положенія.

Въ царствованіе имп. Александра I значительный интересъ къ крестьянскому дѣлу обнаруживало вольное экономическое общество, но при имп. Николаѣ I оно уклонялось отъ рѣшенія крестьянскаго вопроса [1]). За то попытку вызвать обсужденіе его въ печати въ рядѣ серьезныхъ разсужденій сдѣлалъ ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ, членами котораго были между прочимъ такіе просвѣщенныя лица, какъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, извѣстный статистикъ П. И. Кеппенъ и кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Въ 1842 году этотъ комитетъ объявилъ задачу: „Написать разсужденіе о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ-земледѣльцевъ, съ объясненіемъ причинъ экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его, и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ“. Въ отвѣтъ на эту задачу поступило 26 рукописей [2]). Въ 1844 г. комитетъ объявилъ что увѣнчанные медалями и удостоенные почетнаго отзыва отвѣты будутъ напечатаны [3]). Однако обѣщаніе это исполнено не было. Авторомъ одного изъ увѣнчанныхъ серебряною медалью сочиненій былъ извѣстный статистикъ Д. П. Журавскій [4]).

---

[1]) Когда однажды въ него поступили два анонимныхъ проекта по вопросу объ инвентаряхъ въ западныхъ губерніяхъ, то III Отдѣленіе Общества (въ 1845 г.) въ виду того, что предметъ этотъ вовсе не подлежитъ его обсужденію, постановило препроводить оба проекта въ министерство внутреннихъ дѣлъ Только разъ при обсужденіи вопроса о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ 1847 г., членъ комитета Общества, Экельнъ, предложилъ устроить переселеніе малоземельныхъ помѣщичьихъ крестьянъ на казенныя земли съ тѣмъ, чтобы эти земли были предоставлены помѣщикамъ съ разсрочкой уплаты за нихъ на продолжительное время (до 100 лѣтъ), а тѣ обязались бы переводить переселяемыхъ крестьянъ въ положеніе „обязанныхъ“ на основаніи закона 2 апрѣля 1842 г. Онъ предлагалъ также дозволить купцамъ 1-ой гильдіи покупку тѣхъ населенныхъ имѣній, гдѣ крестьяне переведены въ положеніе „обязанныхъ“. Мнѣніе Экельна напечатано не было. *П. Струве.* „Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II“. „Жизнь“, 1900 г., № 4, стр. 461—463.

[2]) Кромѣ того авторы 23 рукописей рѣшали въ своихъ трудахъ не только эту задачу, но и двѣ другія, посвященныя скотоводству.

[3]) „Журн. Мин. Госуд. Имущ.“ 1844 г., ч. XII, стр. 77—92.

[4]) Сочиненіе Журавскаго пока не найдено, но изъ замѣчаній на него членовъ ученаго комитета видно, что авторъ съ большою силою нападалъ въ немъ на крѣпостное право. Что касается положительной части его труда, то онъ предлагалъ раздѣлить крестьянъ на хозяевъ и рабочихъ, и крестьянамъ предоставить землю отдѣльными усадьбами. Рабочіе должны были жить на земляхъ хозяевъ и работать подъ ихъ надзоромъ и въ ихъ пользу; по окончаніи годовыхъ работъ хозяинъ выдѣляетъ рабочимъ условленную часть выручки и уплачиваетъ за нихъ государственные подати и сборы въ пользу господина. Барщина уничтожается, и господскія земли обработываются вольнонаемными

Понятно, что, при стѣсненіи со стороны цензуры обсужденія въ печати крестьянскаго вопроса, при недостаткѣ серьезнаго желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ большинствѣ лицъ, призываемыхъ государемъ къ совѣщаніямъ по этому предмету, и, наконецъ, при нежеланіи самого императора Николая приступить къ серьезнымъ понудительнымъ мѣрамъ, крестьянскій вопросъ не двигался съ мѣста. А чѣмъ же заявляло себя въ это время общество? Его мнѣнія не спрашивали; государь обратился однажды къ содѣйствію смоленскаго дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, правительство сдѣлало запросъ по этому предмету и кружку тульскихъ помѣщиковъ, но просьбы дворянъ объ учрежденіи губернскихъ или уѣздныхъ комитетовъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ рѣшительно отклонялись правительствомъ. Самодержавная власть считала себя достаточно сильною, чтобы порѣшить всякое дѣло по своему усмотрѣнію, а въ сущности обнаруживала по крестьянскому вопросу полное безсиліе. Между тѣмъ въ обществѣ уже въ значительной степени укрѣпился интересъ къ судьбѣ помѣщичьихъ крестьянъ [1]), и потому естественно, что вопросъ объ уничтоженіи

рабочими. Всѣ лежащія на крестьянахъ повинности въ пользу господина должны быть переведены на деньги. Выкупъ крестьянъ на свободу долженъ совершиться цѣлыми усадьбами. У помѣщика выкупается хозяинъ, а у хозяина рабочіе. Владѣльцемъ земли остается хозяинъ. Предполагалось, что впослѣдствіи работники будутъ арендовать усадьбы отъ помѣщиковъ или крестьянъ-хозяевъ. Странная мысль Журавскаго о раздѣленіи крестьянъ на работниковъ и хозяевъ не встрѣтила сочувствія въ ученомъ комитетѣ, но многія вѣрныя замѣчанія въ этомъ обширномъ отвѣтѣ (183 стр. in f°) побудили дать ему награду третьей степени. Арх. Мин. Гос. Им., дѣло 1842 г. III Департамента № 1594, л. 89—95, 434—435, 525—528.

[1]) Французскій посланникъ при нашемъ дворѣ, бар. Барантъ, въ своихъ донесеніяхъ 1836—37 г. говоритъ объ отношеніи петербургскаго общества къ крестьянскому вопросу: „Нѣтъ человѣка, кто бы думалъ, что крѣпостное состояніе всегда будетъ поддерживаемо; всѣ, какого бы образа мыслей они ни были, постоянно говорятъ, что будущее Россіи зависитъ отъ неминуемаго своевременнаго перехода къ свободѣ крѣпостныхъ. Но такъ какъ это на самомъ дѣлѣ представляетъ задачу, рѣшеніе которой въ настоящее время въ высшей степени трудно и запутано, то проекты очень различны, и конечно русская партія болѣе другихъ настаиваетъ, что надо вести это дѣло медленно и оттягивая время“. „Русская партія“ считала „тяжелою ошибкою“ прусскаго правительства „полное освобожденіе отъ земельнаго порабощенія“, за которую „Пруссіи придется расплачиваться“. „Рус. Арх.“ 1896 г. № 3, стр. 442—443. Вел. кн. Елена Павловна интересовалась крестьянскимъ вопросомъ: она была до того тронута повѣстью Григоровича „Антонъ Горемыка“, что переписала въ свой альбомъ двѣ ея главы, рисующія печальное положеніе героя. (Статья нѣмецкаго критика Голанта о Григоровичѣ въ „Allgemeine Zeitung“ 1890 г.). Противники крѣпостного права были и среди образованнаго духовенства: таковъ былъ напр. Порфирій Успенскій. См. его сочиненіе: „Книга бытія моего“ т. III, 1896 г. стр. 53—54, 238—239, 242—244.

крѣпостного права, изгнанный съ общественной арены, тѣмъ усерднѣе обсуждался въ частныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Въ царствованіе имп. Александра I для очень многихъ лицъ съ либеральнымъ образомъ мыслей уничтоженіе крѣпостного права было неразлучно съ политической свободой, но нѣкоторые, желавшіе освобожденія крестьянъ, ставили тогда это освобожденіе не на первомъ, а на второмъ мѣстѣ, выдвигая на первый планъ реформы политическія. Таково было мнѣніе Сперанскаго. Мордвиновъ же умѣлъ соединять политическій либерализмъ съ упорною борьбою противъ стремленій ограничить крѣпостное право. Въ царствованіе имп. Николая, признавая (въ замѣткахъ для себя), что существованіе крѣпостного права вредно для интересовъ государства, что „рабство помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи“ всегда существовать не можетъ, что „валовая пригономъ работа и неурочная и постоянная каждому семейству обработка земли на господской пашнѣ“ составляютъ одну изъ причинъ бѣдности народа [1]), Мордвиновъ однако полагалъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ возможно только тогда, когда народонаселеніе Россіи будетъ пропорціонально ея пространству и когда землевладѣлецъ можетъ обрабатывать свою землю вольнонаемнымъ трудомъ [2]). Признавая, что „постепенное уменьшеніе рабства желательно [3]), онъ однако же противился попыткамъ правительства ограничить крѣпостное право и при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта закона о состояніяхъ въ 1830 г. [4]), и при обсужденіи въ 1833 г. вопроса о воспрещеніи отчужденія помѣщиками крѣпостныхъ съ раздробленіемъ ихъ семействъ [5]). Единственное ограниченіе крѣпостного права, которое онъ допускалъ въ своихъ офиціальныхъ запискахъ, такъ же, какъ и въ царствованіе Александра I,—это опредѣленіе закономъ размѣра личнаго выкупа на свободу [6]). Въ наброскахъ

---

[1]) „Арх. гр. Мордвиновыхъ“, т. IX, 52, 72, 74—76, 79, 123—126, 366, 382, 386, 390.

[2]) Ibid. т. IX, 124.

[3]) Ibid. т. IX, 53.

[4]) „Сбор. Ист. Общ.“, т. 90, стр. 562—568, 578—580, 588—590, 602, а также съ нѣкоторыми дополненіями и варіантами, въ „Арх. гр. Мордвинов.“, т. VIII, 194—221, 234—236. Общее заключеніе къ его мнѣніямъ, гдѣ онъ предлагалъ, предположенное комитетомъ 6 декабря 1826 г. запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли примѣнять только въ случаѣ согласія на то продаваемаго (Арх. гр. Морд., VIII, 213), повидимому, не было представлено въ государственный совѣтъ.

[5]) „Чтен. „Общ. Ист. и Древ. Росс.“, 1859 г., т. III, смѣсь, стр. 55—58, или въ „Арх. гр. Мордвиновыхъ“, VIII, 433–438.

[6]) „Арх. гр. Мордвиновыхъ“, VII, 36, 115, ср. VIII, 64, IX, 134, 141, 145, 317, 340, 427.

для себя (1834 и 1842 г.) Мордвиновъ позволялъ себѣ даже мечтать объ отмѣнѣ обязанности помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ, такъ какъ полагалъ, что этотъ законъ „возбуждаетъ неповиновеніе крестьянъ помѣщикамъ“ [1]).

Представители политическаго либерализма, входившіе въ составъ Тайнаго Общества, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые остались вѣрными своимъ либеральнымъ взглядамъ, сходятъ со сцены и утрачиваютъ вліяніе на все время царствованія императора Николая; вліятельный членъ Тайнаго Общества, уцѣлѣвшій отъ грозы, которая погубила его товарищей, Н. И. Тургеневъ, могъ только заграницею высказать свои идеи о политическихъ реформахъ, необходимыхъ, по его мнѣнію для Россіи, при чемъ, впрочемъ, онъ посвятилъ много мѣста въ своей извѣстной книгѣ „La Russie et les Russes“ и крестьянскому вопросу. Въ самой Россіи интересъ къ политическимъ реформамъ естественно долженъ былъ, въ силу обстоятельствъ, уступить мѣсто требованію соціальныхъ преобразованій, и прежде всего освобожденія крестьянъ; при такихъ условіяхъ въ лучшихъ представителяхъ интеллигенціи естественно возникаетъ интересъ къ западнымъ соціалистическимъ ученіямъ. Уже въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ вліяніе сенъ-симонизма обнаруживалось въ юномъ кружкѣ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ; но взгляды его членовъ не могли еще отличаться полною опредѣленностью, и, по свидѣтельству самого Герцена, они колебались между соціализмомъ и политическимъ радикализмомъ: они проповѣдывали и декабристовъ, и французскую революцію, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику [2]); но проповѣдуя „ненависть ко всякому насилію“, они должны были, разумѣется, не иначе, какъ съ ненавистью относиться къ крѣпостному праву. Къ началу 1840-хъ годовъ соціалистическія убѣжденія Герцена окончательно выясняются, съ нимъ сближается и Бѣлинскій. Сочиненія Фурье, Кабе и другихъ усердно изучаются, какъ членами кружка, такъ и вообще петербургскою молодежью. Пребываніе Герцена въ Москвѣ и ея окрестностяхъ вызываетъ его горячіе споры съ Грановскимъ, относившимся отрицательно къ соціалистическимъ ученіямъ и считавшимъ, по свидѣтельству П. В. Анненкова, соціализмъ вреднымъ потому, что онъ пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ, по мнѣнію Грановскаго, онъ и себя,

[1]) Ibid. т. VIII, 466, 709.

[2]) Срав. автобіографич. признанія Огарева въ „Исповѣди лишняго человѣка“. „Русск. Мысль“ 1904 г., № 8, стр. 8—11.

ее подрываетъ. Нѣкоторые члены западническаго кружка считали и теоретически-односторонними, и практически-вредными, несвоевременными горячія филиппики Герцена противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя въ его „Письмахъ изъ Avenue Marigny“, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ въ концѣ 1847 г. Но, какъ бы то ни было, западныя соціалистическія ученія нашли сочувствіе въ двухъ столь вліятельныхъ дѣятеляхъ русской литературы, какъ Герценъ и Бѣлинскій [1]). Въ ряду соціальныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію въ Россіи, первое мѣсто для нихъ, разумѣется, занимало крѣпостное право: Герценъ не только часто говоритъ о немъ въ своихъ дневникахъ, но пытается бороться съ нимъ и во время служебной дѣятельности въ Новгородѣ, и въ печатныхъ своихъ произведеніяхъ („Кто виноватъ“, „Сорока-воровка“), а затѣмъ, переселившись заграницу, онъ дѣлается полнымъ выразителемъ взглядовъ лучшихъ русскихъ людей на крестьянскій вопросъ. Бѣлинскій, не имѣя возможности откровенно высказывать свои мнѣнія по этому предмету въ печати, отводитъ душу въ перепискѣ съ друзьями, въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю [2]) и энергически поддерживаетъ своимъ вѣскимъ словомъ молодыхъ писателей, Григоровича, Тургенева, Некрасова, а также и Герцена, въ ихъ попыткахъ бороться съ главнымъ зломъ русской жизни [3]). Бѣлинскій долго ожидалъ

---

[1]) Соціалистическія ученія помогли Бѣлинскому оцѣнить благодѣтельное значеніе для народа общиннаго землевладѣнія, на что онъ указалъ въ своей статьѣ по поводу „Сельскаго чтенія“, изд. Одоевскимъ и Заблоцкимъ. „Собр. Соч. Бѣлинскаго“, изд. 4, т. XI, 449.

[2]) Еще въ своей юношеской драмѣ „Дмитрій Калининъ“, Бѣлинскій обнаружилъ такую силу негодованія противъ крѣпостного права, какую мы находимъ только у Радищева, у котораго однако впечатлѣніе ослабляется крайне устарѣлымъ, и для своего времени, языкомъ. Бѣлинскій рисуетъ и истязанія крѣпостныхъ, и отнятіе помѣщиками имущества у крестьянъ, и злоупотребленіе помѣщиковъ правомъ отдавать людей въ рекруты, по своему усмотрѣнію, и ужасное положеніе крѣпостного, который оказывается сыномъ помѣщика (таковъ герой драмы), и развращающее вліяніе крѣпостного права на самихъ господъ, лицемѣрно-религіозныхъ, а въ сущности безчеловѣчно-жестокихъ. Какъ велико было вліяніе на общество Бѣлинскаго, видно изъ слѣдующихъ словъ И. С. Аксакова въ письмѣ къ отцу (1856 г.). „Нѣтъ ни одного учителя гимназіи, ни одного уѣзднаго учителя, который бы... не зналъ наизустъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю“... „Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать... несчастіямъ угнетенныхъ.., честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго“. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, М. 1892, стр. 281, 290—291. Головачева-Панаева передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русскіе писатели и артисты“, 1890 г., стр. 128—130) любопытный разговоръ Бѣлинскаго съ однимъ помѣщикомъ о крѣпостномъ правѣ.

[3]) Гончаровъ, лично знавшій Бѣлинскаго, говоритъ: „Беллетристы, изображавшіе въ повѣстяхъ и очеркахъ черты крѣпостного права, были, конечно,

серьезныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу отъ императора Николая и вліянія на него Киселева, но такъ и не дождался ихъ; нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него передъ смертью могло служить лишь то, что литература взяла въ свои руки народное дѣло, и молодые писатели усердно служили ему, на сколько это было возможно. Западныя соціалистическія вліянія сказались также въ кружкѣ Петрашевскаго: отрицательное отношеніе кружка къ конституціонному строю (отчасти объясняющееся тѣмъ, что въ то время сравнительно незначительное число лицъ, вслѣдствіе высокаго ценза, пользовалось во Франціи правомъ избирать депутатовъ и быть избираемыми) выразилось въ печати (въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“) и въ откровенныхъ бесѣдахъ между юными пріятелями, весь соціализмъ которыхъ въ примѣненіи къ русской дѣйствительности сводился, впрочемъ, къ требованію гласнаго судопроизводства, уничтоженія крѣпостного права и свободы печати; освобожденія народа одни изъ нихъ ждали отъ верховной власти, другіе отъ народнаго возстанія, но во всякомъ случаѣ съ одной стороны труды соціалистовъ, а съ другой книга Гакстгаузена помогли имъ оцѣнить громадную роль общины и артели въ прошлой жизни русскаго народа, а также и при грядущемъ его освобожденіи. Нѣкоторые изъ петрашевцевъ имѣли въ виду пропаганду своихъ идей и въ народѣ и написали небольшія статьи, направленныя противъ крѣпостного права, для распространенія среди крестьянъ и солдатъ [1]).

Почти въ то же время за уничтоженіе не только крѣпостного права, но также дворянскихъ и всякихъ иныхъ привилегій высказались члены, такъ называемаго, Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ которомъ принимали участіе Н. И. Костомаровъ, Шевченко и другіе. Въ политическомъ отношеніи члены этого кружка стояли за федеративный строй какъ Россіи, такъ и другихъ славянскихъ народовъ; совершенно иной политическій символъ вѣры былъ у московскихъ славянофиловъ, но и они желали освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, при томъ не иначе, какъ съ землею и съ

этимъ своимъ направленіемъ болѣе всего обязаны горячей—и словесной, и печатной проповѣди Бѣлинскаго“. „Полн. Собр. Соч. Гончарова“, изд. 3-е, т. VIII, стр. 186.

[1]) О петрашевцахъ см. мою статью „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ“ въ сборникѣ въ честь Н. К. Михайловскаго „На славномъ посту“(1900 г.). Знакомство съ соціалистическими ученіями и обсужденіе нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній въ примѣненіи къ крестьянскому вопросу мы находимъ иногда въ запискахъ по этому предмету и въ письмахъ нѣкоторыхъ декабристовъ, находившихся тогда въ Сибири, напр., Н. А. Бестужева и М. А. Фонъ-Визина. Впрочемъ въ неизданной запискѣ „О соціализмѣ и коммунизмѣ“ (сообщенной намъ Е. И. Якушкинымъ) Фонъ-Визинъ отрицательно отнесся къ соціалистическимъ ученіямъ.

сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. П. В. Кирѣевскій, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, въ письмѣ къ Кошелеву въ 1847 г. доказываетъ недостаточность сдѣлокъ съ крѣпостными отдѣльныхъ владѣльцевъ и выражаетъ желаніе, чтобы посредствомъ общей правительственной мѣры былъ произведенъ „полный раздѣлъ помѣщиковъ съ крестьянами“, которымъ, по его мнѣнію, „справедливо было бы отдать половину земли“ [1]). К. Аксаковъ въ своей статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (1852 г.) называлъ справедливымъ убѣжденіе крестьянъ не только казенныхъ, но и крѣпостныхъ, что земля, которою они владѣютъ, составляетъ собственность общины. Ив. С. Аксаковъ писалъ въ 1849 г. отцу: „Я далъ себѣ слово никогда не имѣть у себя крѣпостныхъ и вообще крестьянъ; что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ, мѣшаютъ дѣйствовать... Нѣтъ, Богъ съ ними. Я держусь того мнѣнія, что помѣщики должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина; я считаю или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, обработывающій землю, крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ!“ Чрезвычайно симпатично также въ И. С. Аксаковѣ то безпристрастіе, съ которымъ онъ (въ письмѣ къ отцу 1856 г.) признаетъ, что „требованія эмансипаціи... первоначально возникли не отъ насъ (славянофиловъ), а отъ западниковъ, а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились... эмансипаціи... потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей [2]).

Ю. Самаринъ, въ запискѣ, составленной имъ для лифляндскаго комитета 1846 г., установилъ теорію о „правѣ крестьянина на землю“. Хомяковъ вполнѣ одобрилъ ее, но при этомъ имѣлось въ виду не безплатное предоставленіе ея крестьянину, и Хомяковъ отрицательно относившійся къ ограниченію повинностей крѣпостныхъ крестьянъ закономъ [3]), выработалъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ планъ освобожденія крестьянъ съ землей посред-

---

[1]) Онъ, повидимому, полагалъ, что эту землю слѣдуетъ отдать крестьянамъ безъ всякаго выкупа, но очевидно понималъ, что помѣщики потребуютъ вознагражденія: землю, писалъ онъ Кошелеву, „которую *еще (какъ вы предполагаете) крестьяне должны выкупить у помѣщиковъ*“...

[2]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. II, 1888 г., стр. 108, III, 1892 г., стр. 291.

[3]) Онъ былъ также противъ безусловнаго запрещенія продажи и покупки людей. *Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева“, т. II, 85.

ствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи [1]). Кошелевъ, единственный изъ славянофиловъ, не сочувствовавшій въ то время общинному землевладѣнію (впослѣдствіи онъ измѣнилъ свой взглядъ), далъ себѣ клятву посвятить себя дѣлу освобожденія крестьянъ, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на дѣло и собственнаго освобожденія помѣщиковъ. Къ 1850 г. онъ выработалъ общій проектъ освобожденія крестьянъ съ землею посредствомъ договоровъ съ ними помѣщиковъ [2]). И. В. Кирѣевскій, въ запискѣ, поданной Бенкендорфу, по поводу запрещенія въ 1832 г. издаваемаго имъ „Европейца“, говоритъ: „Я желаю освобожденія крестьянъ, такъ какъ считаю, что это необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія нравственнаго, считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство ни предпринимало, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи... найдутъ удобными сдѣлать“ [3]). Но въ концѣ сороковыхъ годовъ И. В. Кирѣевскій холоднѣе всѣхъ другихъ славянофиловъ относился къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, опасаясь, что оно ухудшитъ ихъ положеніе [4]).

Кружки Герцена и Бѣлинскаго, Буташевича-Петрашевскаго и славянофиловъ, а также Кирилло-Меѳодіевское братство представляли высшій цвѣтъ интеллигенціи, а историкъ крестьянскаго вопроса долженъ считаться и съ мнѣніями дворянской массы. Послѣдняя, въ большинствѣ случаевъ, относилась къ дѣлу пассивно, но мѣстами обнаруживалась нѣкоторая дѣятельность или вліятельнаго дворянскаго кружка, или даже дворянства цѣлыхъ уѣздовъ. Когда въ 1847 г. имп. Николай обратился за содѣйствіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ къ смоленскимъ дворянамъ и въ рѣчи къ его депутатамъ выразилъ желаніе, чтобы дворянство помогло осуществленію его намѣреній переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обя-

---

[1]) Планъ этотъ не сохранился.

[2]) *Колюпановъ*. „Біографія А. И. Кошелева“, 1892 г. т. II, 83, 85—89, 95, 125, прилож. стр. 24—30, 103—108.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1898 г., № 8, стр. 578.

[4]) *Колюпановъ*. „Біогр. А. И. Кошелева“, II, 83—84, 89. Въ 1848 г., послѣ февральской революціи, онъ даже писалъ Погодину: „мы должны желать только того, чтобы правительство... не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями“. *Барсуковъ*. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. IX, 1895 г., стр. 303.

занные, то смоленскіе дворяне, которыхъ государь просилъ „келейно“ потолковать объ этомъ, оказались не на высотѣ данной имъ задачи [1]). Несмотря на то, что, какъ говорятъ, ихъ депутатъ ѣздилъ въ Финляндію, Эстляндію и Курляндію для собранія свѣдѣній о тамошнихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, несмотря на то, что нѣкоторые смоленскіе дворяне и уѣздные предводители собирались для обсужденія вопроса о переводѣ помѣщичьихъ крестьянъ на положеніе обязанныхъ, изъ всего этого ничего не вышло [2]). Дѣло и не могло идти успѣшно потому, что во-первыхъ, смоленскому дворянству было дано знать оффиціально о желаніи государя, чтобы не производилось „частныхъ подписокъ“, но чтобы каждый руководился указомъ 2 апрѣля 1842 г. „отдѣльно“, а во-вторыхъ, сдѣлалось извѣстнымъ письмо гофмаршала наслѣдника цесаревича (въ началѣ 1848 г.), гдѣ говорилось, что государь „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ“. Понятно, что при такихъ условіяхъ обращеніе имп. Николая къ смоленскому дворянству закончилось лишь представленіемъ государю двухъ крѣпостническихъ записокъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкого-Соколинскаго, съ объясненіемъ, почему никто изъ смоленскихъ помѣщиковъ не воспользовался закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и съ весьма ясными намеками, что освобожденіе крестьянъ можетъ повлечь за собою политическія реформы. Изъ проектовъ же отдѣльныхъ смоленскихъ дворянъ всего замѣчальнѣе записка Вонлярлярскаго, авторъ которой доказываетъ, что нужно не ограниченіе крѣпостного права, а совершенное его уничтоженіе, и предлагаетъ освобожденіе крестьянъ при помощи выкупной операціи.

Но если помѣщики сравнительно мало населенной Смоленской губерніи крѣпко держались за крѣпостное право, то нѣко-

---

[1]) При этомъ встрѣчались однако и внѣшнія стѣсненія. Въ одномъ письмѣ къ А. П. Кошелеву сообщено было извѣстіе, что переписку одного изъ депутатовъ смоленскихъ дворянъ съ ихъ губернскимъ предводителемъ „взяли жандармы“. *Колюпановъ*, т. II, 123.

[2]) Впрочемъ, нужно замѣтить, что 13 смоленскихъ дворянъ предлагали: переименовавъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, уничтожить право продавать, завѣщать и дарить людей и отдавать ихъ въ услуженіе, не допускать, при продажѣ имѣній, завѣщаніи или раздѣлѣ ихъ между наслѣдниками, раздробленія не только семействъ, но даже селеній; предоставить крѣпостнымъ вдовамъ и дѣвушкамъ право выходить замужъ по ихъ желанію, даже и въ иныя помѣстья; дѣтей дворовыхъ, начиная съ семи лѣтъ и впредь рождаемыхъ, объявить совершенно свободными, оставляя прочихъ при имѣніи обязанными, съ запрещеніемъ помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовые; предоставить крѣпостнымъ право пріобрѣтать недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній и проч. Однако этотъ проектъ былъ признанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ неудовлетворительнымъ.

торые дворяне малоземельной Тульской губерніи поняли всю выгодность для нихъ освобожденія крестьянъ безъ земли или съ возможно малымъ ея количествомъ, тѣмъ болѣе, что сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы развязать обязательныя отношенія съ крестьянами служила большая задолженность помѣщичьихъ имѣній. Еще въ концѣ 1830-хъ годовъ нѣкоторые тульскіе дворяне вздумали составить проектъ освобожденія крестьянъ, но ихъ, по свидѣтельству современника, „въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ“ [1]). Указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ далъ новый толчекъ этому дѣлу, и черезъ два года кружокъ тульскихъ дворянъ подалъ мѣстному губернатору заявленіе, что они готовы освободить своихъ крестьянъ съ надѣломъ по одной десятинѣ на ревизскую душу съ тѣмъ, чтобы крестьяне за это освобожденіе платили въ казну, сверхъ подушной подати, по 3 руб. сер. съ каждой десятины земли, а за то изъ долга помѣщиковъ кредитнымъ установленіемъ было бы сложено съ ихъ имѣній по 45 руб. на душу. Правительство совершенно основательно потребовало, чтобы составители проекта исполнили одно условіе — заручились бы согласіемъ крестьянъ (добиться исполненія этого условія было, разумѣется, мудрено при проектируемомъ ничтожномъ земельномъ надѣлѣ и тяжелыхъ платежахъ).

Одинъ изъ помѣщиковъ Тульской губ., кн. Вл. А. Черкасскій, извѣстный общественный дѣятель, составилъ въ 1846 г. проектъ „постепеннаго освобожденія крестьянъ“. Находя, что составители проекта 1844 г. предполагали отвести крестьянамъ слишкомъ незначительный надѣлъ, онъ самъ весьма мало увеличиваетъ его, а именно назначаетъ по $1^{31}/_{40}$ дес. на ревизскую душу, считая по 3 рев. души въ тяглѣ [2]). Авторъ рѣши-

---

[1]) Впрочемъ либералы бывали и среди членовъ англійскаго клуба: такъ напр.,тамъ доказывалъ нелѣпость и безправственность крѣпостного права извѣстный декабристъ Чаадаевъ. См. статью о немъ А. И. Кирпичникова въ „Русск. Мысли‘, 1896 г., № 4, стр. 153. Онъ считалъ установленіе крѣпостного права самой тяжкой вины русской исторіи. „Записки Свербеева“ II, 407.

[2]) На крестьянъ переводится долгъ опекунскому совѣту по 50 р. с. съ души, такъ что на каждое тягло приходится въ теченіе 37 лѣтъ платить по 9 р. сер. за остальную часть цѣнности уступленной земли; крестьяне, подъ названіемъ обязанныхъ, облагаются годовымъ оброкомъ установленнаго размѣра, хлѣбомъ или деньгами. Черкасскій утверждалъ, что при этихъ условіяхъ крестьяне будутъ нести повинности нѣсколько легче существующихъ, умалчивая о томъ, что они будутъ пользоваться гораздо мѣньшимъ количествомъ земли. Въ имѣніи Черкасскаго предъ крестьянскою реформою въ пользованіи крестьянъ было въ среднемъ по 2,9 дес. на душу. Въ имѣніяхъ своей тещи онъ урѣзалъ земельные крестьянскіе надѣлы. *Кн. О. Трубецкая.* „Матеріалы для біогр. кн. В. А. Черкасскаго“, 1901, I, 44.

тельно высказывается противъ общиннаго землевладѣнія, называя его „самой первообразной и несовершенной формой поземельной собственности“ [1]). Извѣстно, что кн. Черкасскій всю жизнь оставался противникомъ общиннаго землевладѣнія [2]). Проектъ этотъ, въ которомъ онъ сильно осуждалъ безземельное освобожденіе крестьянъ, повидимому, не былъ представленъ авторомъ правительству; во всякомъ случаѣ, въ своихъ имѣніяхъ кн. Черкасскій предпочелъ предложить крестьянамъ выкупъ на свободу вовсе безъ земли по опредѣленной таксѣ, отъ 60 до 100 руб., смотря по числу взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ (повидимому, выкупъ дозволялся лишь въ полномъ составѣ двора), причемъ уплата выкупной суммы разсрочивалась на 2—3 года, а прежнія угодья оставались въ пользованіи крестьянъ за половинный оброкъ [3]). Реформы эти отозвались неблагопріятно на крестьянахъ, оставшихся крѣпостными; запашка въ имѣніи была почти уничтожена, и назначенъ оброкъ, но такъ какъ крѣпостными остались болѣе бѣдные крестьяне, то имъ было не подъ силу аккуратно его платить, а главное, говоритъ кн. Трубецкая, „наибольшія трудности встрѣчались при исполненіи рекрутской повинности, *которая особенно тяжело ложилась на сельское общество* [4]) и должна была дать себя сильно почувствовать во время крымской кампаніи“ [5]).

Въ томъ же 1846 г., когда кн. Черкасскій вырабатывалъ свой первый проектъ, тульскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, и въ этомъ году онъ составилъ проектъ подъ названіемъ: „Опытъ возможности приблизительнаго уравненія состояній и уничтоженія крѣпостного права въ Русскомъ царствѣ, безъ потрясеній въ государствѣ“, не оставшійся безъ нѣкотораго вліянія на позднѣйшія предположенія тульскихъ дворянъ. Н. Н. Муравьевъ является защитникомъ принципа собственности крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „неимѣніе недвижимой собственности“ было одною

---

[1]) *Кн. О. Трубецкая.* „Матер. для біогр. кн. В. А. Черкасскаго“ т. I, 1901, Прил. стр. 1—7.

[2]) См. *Колюпановъ.* „Біогр. А. И. Кошелева“, II, 253—255.

[3]) Правила эти были примѣнены также и въ имѣніи матери кн. Черкасскаго: къ началу 1857 г., въ одномъ имѣніи изъ 124 первоначальныхъ тяголъ откупилось 70, въ другомъ изъ 90—40 тяголъ.

[4]) До новой ревизіи крестьяне обязаны были отбывать рекрутчину за выбывшихъ изъ общества.

[5]) *Кн. О. Трубецкая.* „Матер. для біограф. кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, стр. 16—20. Ненормальныя условія, въ которыхъ находилось имѣніе кн. Черкасскаго относительно рекрутской повинности, повело къ тому, что въ 1851 г. онъ отстаивалъ продажу и покупку людей для отдачи въ рекруты за оброчныя имѣнія, — для того, чтобы крестьяне могли покупать рекрутъ на имя помѣщика. *Колюпановъ.* „Біогр. Кошелева“ т. II, стр. 85.

изъ главныхъ причинъ „государственныхъ переворотовъ“ въ другихъ странахъ. Онъ желаетъ „возможно равнаго уравненія состояній, или раздѣленія земель цѣлаго государства на возможно равныя части между народомъ“; тогда не будетъ въ государствѣ пролетаріевъ. Оказывается, однако, что при „возможно равномъ уравненіи состояній“ дворяне могли сохранить всѣ свои права, а судьба крестьянъ устраивалась весьма для нихъ неблагопріятно [1]). Авторъ проекта строго клеймитъ крѣпостное состояніе, но для уничтоженія его предлагаетъ „*дозволить* помѣщикамъ освобождать крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы *безъ согласія крестьянъ*“, на опредѣленныхъ правительствомъ условіяхъ. Такимъ образомъ освобожденіе было обязательнымъ для крестьянъ по желанію помѣщика, но не обратно, т. е. помѣщикъ могъ и не согласиться на освобожденіе, если его пожелаютъ крестьяне [2]).

Въ 1847 г. тульскій губернаторъ обратился, по высочайшему повелѣнію, къ дворянамъ съ запросомъ, отказались ли

---

[1]) Муравьевъ предлагалъ переименовать казенныхъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы и отдать имъ въ собственность только по 2 дес. земли на ревизскую душу, взыскавъ съ нихъ половину мѣстной цѣны на землю, а если они пожелаютъ имѣть болѣе земли, но не менѣе 4 дес., то могутъ покупать ее у правительства по цѣнѣ частныхъ владѣльцевъ. Сумму, слѣдуемую съ нихъ за землю, казна получаетъ изъ кредитныхъ учрежденій, и долгъ этотъ, лежащій на вольныхъ хлѣбопашцахъ, уплачивается ими вмѣстѣ съ государственными повинностями. Послѣднія распредѣляются по землѣ; въ случаѣ неисправности плательщика земля продается, а онъ съ семействомъ переселяется въ Сибирь. Рекрутская повинность остается на тѣхъ же сословіяхъ, но съ опредѣленіемъ срока службы не болѣе 10 лѣтъ.

[2]) Муравьевъ предлагаетъ постановить слѣдующія условія освобожденія. Помѣщикъ имѣетъ право переселить крестьянъ на другія земли, лишь бы онѣ не были безплодными. Онъ обязанъ дать имъ въ вѣчное потомственное владѣніе по $1\frac{1}{2}$ дес. земли на ревизскую душу и т. п., если же въ имѣніи всей земли менѣе 4 дес. на душу, то по 1 дес. Крестьяне за то обязаны принять на себя долгъ Опекунскому Совѣту (отъ 15 до 33 р. на десятину въ разныхъ губерніяхъ). Сверхъ того, съ каждыхъ 100 ревизскихъ душъ крестьяне обязаны поставлять помѣщику (на его харчахъ) по 20 пѣшихъ работниковъ и работницъ, за извѣстную плату. Освобожденные крестьяне должны были на нѣкоторое время подчиняться вотчинной расправѣ, при чемъ помѣщикъ могъ наказать работающихъ у него 15 ударами въ одинъ разъ; въ случаѣ же серьезнаго неповиновенія или какого либо болѣе важнаго преступленія, „земская полиція должна дать немедленно законное удовлетвореніе“. Впрочемъ обязательство относительно помѣщика не можетъ имѣть силы долѣе 15 лѣтъ, послѣ чего крестьяне освобождаются отъ всякой повинности въ его пользу. Если же помѣщикъ желаетъ установить какія либо иныя повинности, то можетъ освобождать крестьянъ по прежнимъ законамъ. Муравьевъ выражалъ увѣренность, что дворянство согласится освободить крестьянъ на предложенныхъ имъ условіяхъ, „и не пройдетъ 20-ти лѣтъ“, какъ крѣпостные исчезнутъ въ Россіи. *И. Барсуковъ.* „Гр. Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій“, 1891 г., т. I, 158—159, т. II, 17—27.

они отъ своего намѣренія освободить крестьянъ или же приготовляютъ новые проекты. Дворяне [1]) ходатайствовали объ учрежденіи въ Тульской губ. оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу подъ предсѣдательствомъ губернатора, но ихъ просьба была отвергнута, и просившимъ о томъ лицамъ была объявлена воля государя, что ихъ предложеніе признано неудобнымъ, но они могутъ совѣщаться объ этомъ дѣлѣ, пригласивъ для наблюденія начальника губерніи [2]). Тогда они составили новый проектъ выкупа крестьянъ или дворовыхъ на волю *по одиночкѣ* по 100 руб. за каждую душу мужск. пола съ надѣленіемъ одною десятиною на душу, за землю же сверхъ того, необходимую для составленія всего надѣла на крестьянскій дворъ (размѣръ всего надѣла долженъ былъ быть не менѣе 3 дес.), полагалась особая плата не болѣе 45 руб. съ десятины [3]). (Такъ какъ составителемъ проекта былъ кн. В. А. Черкасскій, то понятно, что мы находимъ въ немъ рѣзкую вылазку противъ общиннаго землевладѣнія). Прежде чѣмъ этотъ, весьма неблагопріятный для интересовъ крестьянъ проектъ былъ представленъ правительству, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка тульскихъ дворянъ, Мясновъ, какъ видно несочувствовавшій новому проекту, отправился въ Петербургъ и бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ и съ великой княгиней Еленой Павловной, и съ Киселевымъ, и съ Перовскимъ, причемъ онъ въ письмѣ къ Киселеву называлъ софизмомъ мысль, что освобожденіе крестьянъ поведетъ къ ограниченію самодержавной власти. Такъ какъ здѣсь Мясновъ узналъ объ извѣстномъ письмѣ гофмаршала наслѣдника цесаревича, Олсуфьева, то 6 тульскихъ дворянъ [4]), не представляя второго проекта (1847 г.), подали губернатору новый отвѣтъ на запросъ правительства, въ которомъ заявляли, что желали бы надѣлить своихъ крестьянъ по одной десятинѣ земли въ личную собственность и получить за то денежное вознагражденіе. (Во время пребыванія въ Петербургѣ Мясновъ предлагалъ, чтобы правительство уплатило по 100 руб. сер. за каждую ревизскую душу и затѣмъ возложило на крестьянъ обязан-

---

[1]) 8 человѣкъ, подписавшихъ проектъ 1844 г., за исключеніемъ Ключарева, не пожелавшаго представить новаго проекта.

[2]) Министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду разрѣшеніе динабургскимъ дворянамъ учредить комитетъ, предлагалъ дать дозволеніе и тульскимъ, но комитетъ министровъ съ нимъ не согласился, сославшись на то, что въ динабургскомъ уѣздѣ объ открытіи комитета просили всѣ помѣщики, здѣсь же только 8 человѣкъ, а между тѣмъ дѣло можетъ получить нежелательную огласку. *Середонинъ*. „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. II, ч. I, 1902 г., стр. 342—343.

[3]) *Кн. О. Трубецкая*. „Матер. для біогр. кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, 21.

[4]) Составлявшіе проектъ 1844 г., кромѣ Ошанина, Раевскаго и Ключарева.

ность въ извѣстное число лѣтъ возвратить эти деньги въ казну). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тульскіе дворяне предлагали еще болѣе зловредныя вещи, а именно—надѣлить также по одной десятинѣ земли и государственныхъ [1]), и удѣльныхъ крестьянъ, и даже казаковъ (кромѣ той части послѣднихъ, которую необходимо будетъ обратить, по общей жеребьевой системѣ, въ регулярныя войска); оставшіяся же отъ надѣла земли продать какъ крестьянамъ, такъ и прочимъ сословіямъ. Къ счастью, министерство внутреннихъ дѣлъ отвергло проектъ тульскихъ дворянъ.

Динабургское дворянство, какъ мы видѣли выше, еще въ 1819 г. получило разрѣшеніе обсудить вопросъ о дарованіи свободы своимъ крестьянамъ. Составленный имъ проектъ былъ поданъ въ 1824 г., но обсуждался въ государственномъ совѣтѣ уже въ слѣдующее царствованіе, въ 1829 г., и не встрѣтилъ сочувствія потому, что многіе дворяне не изъявили на него согласія, и потому, что устройство особаго управленія крестьянъ (какъ предполагалось въ проектѣ) въ одномъ уѣздѣ представило бы затрудненія. Государственный совѣтъ постановилъ оставить дѣло безъ дальнѣйшаго производства, но государь въ 1830 г. повелѣлъ бѣлорусскому генералъ-губернатору, кн. Хованскому, узнать, дѣйствительно ли введеніе въ Динабургскомъ уѣздѣ положенія на основаніяхъ, принятыхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, соотвѣтствуетъ намѣренію благомыслящихъ дворянъ уѣзда, и нѣтъ ли препятствій проекту со стороны лицъ, дѣйствующихъ по своекорыстнымъ побужденіямъ. Кн. Хованскій дважды собиралъ дворянъ этого уѣзда на совѣщаніе, но помѣщики, подъ разными предлогами, не согласились на дарованіе своимъ крестьянамъ свободы. Дѣло возобновилось только въ 1846 г., послѣ возстанія крестьянъ въ Галиціи, сопровождавшагося избіеніемъ помѣщиковъ и въ виду предстоящаго введенія обязательныхъ инвентарей, опредѣляющихъ повинности крестьянъ. Новый бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ обратился къ государю съ представленіемъ о томъ, что 43 помѣщика Динабургскаго уѣзда [2]), въ виду трудности опредѣленія крестьянскихъ повинностей, просятъ дозволенія составить въ Динабургѣ особый комитетъ изъ нихъ для выработки правилъ освобожденія крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскій, не видѣлъ нужды въ учрежденіи особаго комитета и считалъ достаточнымъ указать дворянству на законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, по которому каждый помѣщикъ мо-

---

[1]) Въ этомъ вѣроятно сказалось вліяніе проекта тульскаго губернатора, Н. Н. Муравьева.

[2]) Они владѣли 26,041 душ., всего же въ уѣздѣ было 67 помѣщиковъ имѣвшихъ 29,042 души.

жетъ заключить условіе со своими крестьянами. Комитетъ министровъ нашелъ, что такъ какъ динабургскому дворянству предоставлено право выработать условія реформы, то отъ его усмотрѣнія зависитъ, кому поручить составленіе проекта, а въ учрежденіи особаго комитета нѣтъ надобности, но генералъ-губернаторъ долженъ наблюдать за ходомъ дѣла. Однако государь положилъ такую резолюцію: „Не полезно ли прикомандировать къ сему комитету довѣреннаго чиновника отъ министра внутреннихъ дѣлъ, дабы поставить комитетъ сходно съ правилами, имѣющимися у насъ въ виду“.

Однако изъ всѣхъ предположеній динабургскаго дворянства ничего не вышло [1]).

Готовность освободить крестьянъ въ 1846 г. выразило, подъ вліяніемъ отвращенія къ инвентарямъ, и витебское губернское депутатское собраніе; другими побудительными причинами были волненія крестьянъ и неурожаи, во время которыхъ помѣщики обязаны были продовольствовать своихъ крѣпостныхъ. Депутатское собраніе желало, чтобы въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, имъ дано было право лишать крестьянъ пользованія участками земли. Оно просило, чтобы витебскимъ дворянамъ позволено было образовать комитетъ для обсужденія крестьянскаго дѣла. Комитетъ министровъ согласился на это, но подъ условіемъ соблюденія возможной осторожности, такъ какъ, при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Витебской губ. и возникшихъ уже тамъ безпокойствахъ, всякое преждевременное оглашеніе могло возбудить сильнѣйшія волненія между крестьянами. Поэтому комитетъ министровъ разрѣшилъ лишь секретныя совѣщанія дворянъ съ тѣмъ, чтобы копіи съ бумагъ сообщались министру внутреннихъ дѣлъ. По произведенному генералъ-губернаторомъ опросу всѣхъ дворянъ Витебской губ., оказалось, что большинство было противъ предложенія депутатскаго собранія, а нѣкоторые соглашались на него подъ условіемъ, что съ нихъ будетъ снята всякая отвѣтственность за подати, продовольствіе и хозяйство крестьянъ. Въ виду несогласія большинства дворянъ, комитетъ министровъ въ 1847 г. оставилъ это дѣло безъ послѣдствій [2]).

Въ 1847 г., во время дворянскихъ выборовъ въ Рязанской губ., А. П. Кошелевъ хотѣлъ обратиться къ дворянству съ воззваніемъ, въ которомъ убѣждалъ его исходатайствовать разрѣшеніе государя на составленіе комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для обсужденія положенія дворянскихъ имѣній „и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній кре-

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ“, издан. Бартенева, т. II, стр. 155—157; *Середонинъ*. „Истор. обзоръ дѣятел. компт. министр.“, т. II, ч. I, стр. 364—365.

[2]) *Середонинъ*, т. II, ч. I, стр. 360—364.

стьянъ къ помѣщикамъ Рязанской губ". Въ проектѣ, который онъ желалъ при этомъ внести въ рязанское дворянское собраніе, онъ предлагалъ нѣкоторыя измѣненія въ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ; эти измѣненія несомнѣнно ухудшили бы положеніе крестьянъ (переходящихъ на положеніе обязанныхъ), если-бы они были приняты [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кошелевъ желалъ, чтобы дворянство приняло на себя инициативу улучшенія быта крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ нѣчто вродѣ инвентарей, но только составляемыхъ дворянствомъ и лишь въ крайнемъ случаѣ восходящихъ на утвержденіе правительства. Выборы въ предполагаемые Кошелевымъ уѣздные и губернскіе комитеты должны были производить дворяне, имѣющіе не менѣе 100 душъ. Уѣздные комитеты должны были отобрать отъ помѣщиковъ свѣдѣнія о повинностяхъ, исполняемыхъ крестьянами, и угодьяхъ, имъ предоставляемыхъ, и если найдутъ требованія помѣщика неумѣренными, то приглашаютъ его уменьшить ихъ. Одобренныя уѣзднымъ комитетомъ положенія о повинностяхъ представляются въ губернскій комитетъ, въ противномъ случаѣ уѣздный комитетъ сопровождаетъ эти положенія своимъ особымъ мнѣніемъ; губернскій комитетъ окончательно утверждаетъ одобренныя имъ положенія, а неодобренныя представляетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ своимъ мнѣніемъ. По полученіи изъ губернскаго комитета утвержденнаго положенія о повинностяхъ крестьянъ извѣстнаго помѣщика, комитетъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ его „съ обѣихъ сторонъ и *старается убѣдить* помѣщиковъ" превратить это положеніе „во взаимное условіе" на основаніи закона объ обязанныхъ крестьянахъ, очевидно съ предложенными авторомъ измѣненіями въ немъ, если они будутъ приняты правительствомъ.

Предложеніе свое рязанскому дворянству Кошелевъ препроводилъ къ губернскому предводителю, который пришелъ отъ

---

[1]) Онъ во-первыхъ находилъ недостаточными установленныя закономъ гарантіи исполненія крестьянами заключенныхъ съ помѣщиками договоровъ и выразилъ желаніе, чтобы помѣщикамъ дано было право „представлять" крестьянъ, неисполняющихъ принятыя на себя обязанности, „посемейно въ распоряженіе правительства". Кошелеву не нравилось также то, что договоры по закону 1842 г. заключались „навсегда ненарушимо", и онъ предложилъ установить, чтобы помѣщики договаривались съ крестьянами, поступающими въ званіе обязанныхъ, на опредѣленный срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, съ сохраненіемъ права особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ съ обоюднаго согласія. За годъ до истеченія срока, крестьяне обязаны были-бы заключить новое условіе, на новый срокъ, или съ своимъ помѣщикомъ, или съ другимъ, и безъ предъявленія въ земскомъ судѣ новаго условія крестьяне не имѣли бы права уходить на иныя мѣста. Кошелевъ полагалъ, что „дозволеніе перехода отъ одного помѣщика къ другому есть одно, что введетъ элементъ свободы въ договоры между крестьянами и помѣщиками".

него въ ужасъ и объявилъ, что безъ разрѣшенія изъ Петербурга не рѣшится предложить его на обсужденіе дворянства. Кошелевъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою разрѣшить ему сдѣлать на выборахъ предложеніе рязанскому дворянству ходатайствовать о разрѣшеніи государя на составленіе комитета для обсужденія мѣръ узаконенія отношеній крѣпостныхъ къ помѣщику. Но министръ отвѣчалъ, что государь нашелъ и это предложеніе, и самое составленіе комитета неудобными, но если бы Кошелевъ заключилъ съ своими крестьянами договоръ для обращенія ихъ въ обязанные, то это было бы согласно съ желаніями государя и подало бы другимъ „понудительный примѣръ“. Мы видимъ однако, что Кошелевъ былъ не доволенъ закономъ 2 апрѣля 1842 г. [1]).

Наконецъ, въ 1848 г. дворяне Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петербургскаго уѣздовъ задумали составить положеніе, точно опредѣляющее повинности крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ избраніе комитетовъ противозаконнымъ, и дѣйствія дворянства въ указанномъ направленіи были прекращены [2]).

Такимъ образомъ обращеніе правительства къ дворянамъ Смоленской губерніи и попытки дворянъ отдѣльныхъ мѣстностей содѣйствовать разрѣшенію вопроса объ освобожденіи или измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ не привели ни къ какому результату, то по винѣ самихъ дворянъ, составлявшихъ проекты, слишкомъ неблагопріятные для интересовъ крестьянъ, или не-

---

[1]) *Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева“, II, 116—117, 119—121, 124—125; прилож. стр. 16—23. Въ 1846 г., подобная же мысль являлась у Д. Н. Свербеева. Онъ довелъ до свѣдѣнія московскаго губернскаго предводителя дворянства, что желаетъ предложить дворянству привести въ извѣстность настоящее положеніе помѣщичьихъ крестьянъ московской губ. и ихъ обязанности относительно владѣльцевъ и затѣмъ приступить къ выясненію „вѣрнѣйшихъ средствъ для законнаго опредѣленія всѣхъ отношеній крестьянъ московской губ. къ ихъ помѣщикамъ“ на основаніи указа 2 апрѣля 1842 г. и дополненія къ нему 1846 г. Исполненіе этой мѣры Свербеевъ полагалъ поручить или собранію предводителей и депутатовъ, или особому комитету изъ членовъ, нарочно для этого *назначенныхъ отъ правительства* и избранныхъ отъ дворянства. *Колюпановъ.* „Біогр. Кошелева“, т. II, 117—119. Свербеевъ, въ отличіе отъ другихъ составителей дворянскихъ проектовъ, допускалъ, наряду съ выборными отъ дворянства, участіе въ обсужденіи крестьянской реформы членовъ комитета, назначенныхъ отъ правительства, которые, какъ извѣстно, при имп. Александрѣ II сыграли прогрессивную роль, защищая интересы крестьянъ отъ узкоэгоистическихъ притязаній дворянства; но трудно сказать, въ какой степени они исполнили бы эту роль при сохраненіи Николаевскаго режима. Предложеніе Свербеева, какъ видно изъ его записокъ (II, 116), никакихъ послѣдствій не имѣло.

[2]) Ср. „Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. состоянія“, т. I, стр. 78.

желавшихъ серьезно приступить къ рѣшенію вопроса объ освобожденіи, то вслѣдствіе боязни правительства допустить даже негласное обсужденіе крестьянскаго дѣла.

Для отдѣльныхъ владѣльцевъ была возможность освобождать крестьянъ на основаніи или закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, или указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Первымъ закономъ воспользовалось въ царствованіе императора Николая около 250 помѣщиковъ, освободившихъ 67.149 душъ крестьянъ муж. п. [1]), въ томъ числѣ 9 помѣщиковъ дали свободу своимъ крестьянамъ безъ всякой платы (216 душъ муж. п.); было также 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами дѣлать взносы съ благотворительною и иною цѣлью.

На основаніи указа 1842 года перешло въ обязанные крестьяне всего 24,708 душъ мужского пола трехъ аристократическихъ фамилій: гр. М. С. Воронцова [2]), кн. Витгенштейна и

---

[1]) Въ числѣ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, былъ извѣстный другъ Герцена, Н. Пл. Огаревъ. Договоръ его съ крестьянами Зарайскаго у. Рязанской губ. (1820 г.) былъ изложенъ въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ“ (1888 г., т. II, 228—231). Позднѣе онъ былъ напечатанъ г. Влазневымъ въ „Трудахъ рязан. учен. арх. комм.“, т. IX. Разсматривая условія договора, я указалъ на то, что крестьянамъ Огарева пришлось уплатить выкупа за свое освобожденіе *съ землею* по 130 р. съ души, замѣтилъ, что въ этой губерніи взимались иногда при освобожденіи въ свободные хлѣбопашцы и вдвое большіе выкупы, но бывали и вдвое мѣньшіе, и потому высказалъ мнѣніе, что отъ Огарева можно было бы ожидать бо́льшей уступчивости относительно крестьянъ. Мнѣніе мое подтверждалось тѣмъ, что принятыя на себя крестьянами обязательства черезъ годъ оказались для нихъ непосильными и, не имѣя возможности уплатить остававшійся за ними долгъ, они просили „перезаложить ихъ“ въ полной суммѣ для удовлетворенія владѣльца“, что и было исполнено. Мѣстный изслѣдователь г. А. Повалишинъ въ своемъ трудѣ („Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Изд. Рязан. Арх. Комм. Рязань. 1903 г. стр. 212—215), справедливо указываетъ на то, что я не принялъ во вниманіе высокаго качества земли въ имѣніи Огарева („луга расположены по Окѣ и едва ли не лучшіе, послѣ Дѣдновскихъ луговъ, во всей губерніи“) и находитъ, что цѣна выкупа была ничтожна“. (Напрасно только думаетъ г. Повалишинъ, что я совсѣмъ не принималъ во вниманіе стоимости земли). Наиболѣе полныя данныя объ отношеніи Огарева къ своимъ крестьянамъ и крѣпостному праву см. въ статьѣ *Гершензона* „Н. П. Огаревъ и его крѣпостные“ („Научное Слово“ 1903 г. № 4). См. также *Яцимірскій*. „Воспоминанія писателей-самородковъ о ихъ старшихъ собратьяхъ. „Рус. Мысль“ 1902 г. № 11, стр. 116—117. Въ поэмахъ Огарева 1840-хъ гг. „Юморъ“ и „Деревня“, въ свое время не напечатанныхъ, авторъ во многихъ мѣстахъ бичуетъ крѣпостное право. См. „Стихотворенія Н. П. Огарева. Подъ редакціей Гершензона“. М. 1904 г. т. II, стр. 53, 74, 133—136, 144—147. Объ Огаревѣ см. статью *Е. С. Некрасовой* въ Сборникѣ Общ. Люб. Рос. Слов. „Починъ“ на 1895 г.,

[2]) Онъ перевелъ своихъ крестьянъ въ обязанные по совѣту П. Д. Киселева. См. его переписку съ Киселевымъ по этому дѣлу въ „Архивѣ кн. Воронц.

графовъ Потоцкихъ. Нужно замѣтить, что гр. Мечиславъ Потоцкій [1]) желалъ освободить своихъ крѣпостныхъ въ Подольской губерніи (15,056 душъ муж. п.) съ предоставленіемъ имъ въ собственность безъ всякаго вознагражденія $^2/_3$ помѣщичьей земли; но правительство не разрѣшило этого, какъ потому, что имѣніе было родовое, такъ и потому, что считало такой примѣръ опаснымъ и могущимъ взволновать другихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Потоцкому было дозволено дать крестьянамъ въ собственность лишь небольшое количество земли (менѣе $^1/_2$ дес. на душу), а остальная земля (вмѣстѣ съ данною въ собственность — около 5 дес. на душу) была предоставлена имъ въ пользованіе съ платою оброка (около 1 руб. съ десятины); но нельзя было помѣшать помѣщику жертвовать въ пользу крестьянъ ежегодно изъ своихъ доходовъ по 15,000 руб., изъ которыхъ составлялась общественная крестьянская касса.

Такимъ образомъ дворянство очень мало воспользовалось въ царствованіе имп. Николая закономъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и указомъ 1842 г., объ обязанныхъ крестьянахъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ значительно усилился интересъ къ крестьянскому вопросу. По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія сдѣлался „однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ“. Заблоцкій-Десятовскій, при изученіи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи, нашелъ, что необразованные или мало образованные помѣщики видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія и думаютъ, что уничтоженіе его будетъ гибелью для государства и для самихъ крѣпостныхъ, которые безъ помѣщичьей власти всѣ „сопьются и пропадутъ“. Но дворяне болѣе развитые начинали сознавать небезвыгодность для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ; по словамъ Перовскаго, „помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ“; желаніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ значительной степени вызывалось тяжелою обязанностью заботиться о продовольствіи крестьянъ въ неурожайные годы. Въ виду склонности значительной части дворянства къ безземельному освобожденію крестьянъ, которое находило энергическаго защитника и въ такомъ вліятельномъ сановникѣ, какъ кн. Меншиковъ, большою заслугою Киселева было утвержденіе въ сознаніи правительства опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ

цова т. 38, 1892 г. стр. 70, 72—77, 81, 90—91, 93. 99, 102—103, 111, 120—121, 125, 263—264, 266, 268 - 269. Относительно взгляда М. С. Воронцова на крѣпостное право см. Ibid. 14 - 18, 174—175, 391; „Рус. Арх,“ 1890 г. II, 305 - 316.

[1]) Зять П. Д. Киселева. „Арх. кн. Воронцова“ т. 38, стр. 18, 121.

устраненіи этой идеи и состоитъ главнымъ образомъ прогрессивное значеніе второй четверти XIX вѣка въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ 1830-хъ годахъ еще чувствуется сильное вліяніе мысли, столь распространенной въ царствованіе императора Александра I, относительно возможности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ проектѣ закона о состояніяхъ 1830 г. допускается возможность такого освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями, хотя и съ особаго разрѣшенія государя. Для секретнаго комитета 1835 г., наиболѣе вліятельными членами котораго были кн. Васильчиковъ, Сперанскій и Канкринъ, идеаломъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно совершилось въ Остзейскомъ краѣ. А въ комитетѣ 1839 г. Киселевъ уже рѣзко высказывается противъ обезземеленія крестьянъ, находя его опаснымъ для общественнаго спокойствія, и предлагаетъ, при переводѣ крестьянъ въ обязанные, предоставлять имъ земли въ вѣчную аренду съ вознагражденіемъ собственника земли барщиною или оброкомъ, опредѣленными по каждому имѣнію инвентаремъ. Вслѣдъ за тѣмъ декабристъ Фонъ-Визинъ [1]) предлагалъ обратить большую часть капиталовъ воспитательнаго дома, губернскихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и разныхъ богоугодныхъ, человѣколюбивыхъ и учебныхъ заведеній на покупку дворянскихъ вотчинъ съ переводомъ ихъ населенія на положеніе обязанныхъ. Затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ проектовъ уменьшенія численности крѣпостныхъ крестьянъ или и совершеннаго упраздненія крѣпостного права, съ надѣленіемъ крестьянъ землею, иногда впрочемъ въ количествѣ слишкомъ недостаточномъ. Такъ баронъ Боде предлагалъ пріобрѣтать имѣнія въ казну, руководствуясь при оцѣнкѣ размѣромъ оброка, причемъ эта операція значительно облегчалась бы тѣмъ, что большая часть ихъ была заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ, за имѣнія же незаложенныя онъ предлагалъ выдавать облигаціи съ уплатою въ 34 года. Кривцовъ, въ 1842 г., также предлагалъ постепенный выкупъ имѣній при посредствѣ кредитныхъ учрежденій съ усиленіемъ ихъ средствъ чрезвычайными займами или выпускомъ ассигнацій [2]). Декабристъ Фонъ-Визинъ въ другой запискѣ, со-

---

[1]) Въ запискѣ, составленной въ 1842 г. и отправленной гр. Киселеву за подписью „Отставной кандидатъ политическихъ наукъ“ (авторъ былъ въ это время въ ссылкѣ въ Тобольскѣ). Письмо М. А. Фонъ-Визина, отправленное вмѣстѣ съ его запискою къ Киселеву (отъ 14 Іюля 1842 г.), сообщено мнѣ Е. И. Якушкинымъ.

[2]) О Кривцовѣ см. „Остафьевскій Архивъ“ т. I, 495—496 и воспоминанія Б. Н. Чичерина въ „Рус. Арх.“ 1890 г. № 4. Для правильной оцѣнки слишкомъ

ставленной также въ 1842 г., полагалъ, что можно и совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну съ согласія владѣльцевъ, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милл. рублей серебромъ наличными деньгами, кромѣ того выпуская въ это время ежегодно на 30 милл. облигацій и переведя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. Желтухинъ, въ 1847 г., предлагалъ совершенное освобожденіе крестьянъ посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ ничтожныхъ надѣловъ, обезпечивающихъ лишь уплату процентовъ въ кредитное учрежденіе. Князь Н. Б. Голицынъ предложилъ въ 1848 году, для „уменьшенія числа людей крѣпостного состоянія“, введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ которыхъ обезпечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра, при чемъ всѣ доходы съ пріобрѣтаемыхъ такимъ образомъ имѣній должны были обращаться немедленно на погашеніе созданнаго на этотъ случай капитала.

Въ 1850 г. А. И. Кошелевъ выработалъ проектъ освобожденія крестьянъ съ землею посредствомъ договоровъ съ ними помѣщиковъ. По этому проекту помѣщикъ, давшій своимъ крестьянамъ надѣлъ не менѣе 2 дес. на душу, могъ заключить съ ними условіе относительно ихъ освобожденія и представить въ залогъ въ правительственное кредитное учрежденіе съ крестьянскими постройками и землею. За всякую душу (конечно м. п.), имѣющую крестьянскую осѣдлость и оставленную помѣщикомъ на прежнемъ мѣстѣ, предполагалось выдавать по 40 р. За землю, отведенную крестьянамъ, помѣщикъ долженъ былъ получать вознагражденіе по оцѣнкѣ, установленной дворянскою коммисіею; но вся сумма вознагражденія не должна была превышать 100 р. на душу [1]). Заключеніе этого условія на первый разъ должно было быть пре-

---

хвалебной характеристики Кривцова, сдѣланной Чичеринымъ, см. „Русская Стар.“ т. LX, стр. 721—730. Кривцовъ, служившій въ 1818 — 21 гг. по дипломатической части въ Лондонѣ, являлся въ извѣстныхъ отношеніяхъ англоманомъ. Управляя имѣніемъ своего брата (женатаго на княжнѣ Рѣпниной) въ Тамбовской губ., онъ составилъ обширный агрономическій планъ, задумывалъ переселеніе крестьянъ, введеніе четырехпольнаго хозяйства, заведеніе мериносовъ, общественной запашки, но въ первый же годъ своего управленія вызвалъ бунтъ крестьянъ. „Рус. Стар.“, т. LX, 726. Срав. *Середонинъ*. „Ист. обз. дѣят. Комит. Министр.“, т. I, 454 - 455.

[1]) Такимъ образомъ тамъ, гдѣ земля оцѣнена по 30 р. за десятину, помѣщику для полученія 100 р. необходимо дать крестьянамъ 2 дес., при оцѣнкѣ въ 20 р.—три дес. и т. д.

доставлено доброй волѣ дворянъ. По истеченіи 6 лѣтъ [1]) долженъ быть назначенъ срокъ „съ избраніемъ примирителей по 1 или по 2 отъ каждаго уѣзда, имѣющихъ быть избранными по равному числу отъ дворянства *и отъ вольныхъ крестьянъ*“. По минованіи этого срока должны быть назначены изъ дворянъ и *вольныхъ крестьянъ*, по собственному ихъ выбору, судьи для окончательнаго опредѣленія условій между крестьянами и помѣщиками, не воспользовавшимися даннымъ отъ правительства дозволеніемъ. Утвержденіе договоровъ должны были производить назначенныя правительствомъ коммиссіи. Уплата ссуды, выданной изъ кредитнаго учрежденія, ложится на крестьянъ съ разсрочкою на 40—42 года. Будучи въ то время противникомъ общиннаго землевладѣнія, Кошелевъ проектировалъ введеніе у освобожденныхъ крестьянъ подворнаго землевладѣнія, съ продажею земли неаккуратныхъ плательщиковъ, при чемъ однако устанавливалась отвѣтственность и всего общества. Въ продолженіе первыхъ 10 лѣтъ бывшій помѣщикъ остается главнымъ судьею и исправникомъ селенія. Проектъ этотъ Кошелевъ отправилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но никакого отвѣта не получилъ [2]).

Въ 1847 году, кн. Л. Голицынъ предлагалъ выкупную операцію съ надѣломъ крестьянъ по 2 десятины пашни на душу, а по его же проекту 1852 г. такая операція, давая крестьянамъ личную свободу, должна была устанавливать лишь вѣчно-арендныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (съ надѣломъ отъ 1 до 3 дес., въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи); въ полную же собственность крестьяне могли выкупать землю лишь по добровольному соглашенію. Наконецъ, самый лучшій проектъ былъ предложенъ смоленскимъ помѣщикомъ Воплярлярскимъ, который въ 1848 г. предложилъ произвести выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи, съ предоставленіемъ имъ в с е й з е м л и, к о т о р о ю о н и п о л ь з о в а л и с ь, въ потомственное владѣніе, съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 р. 50 к. съ десятины.

Но правительство не хотѣло и думать объ уничтоженіи крѣпостного права. Имп. Николай, въ своей рѣчи въ государственномъ совѣтѣ, въ 1842 г., категорически заявилъ, что „въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“. Но и для ограниченія крѣпостного права было сдѣлано до такой степени мало, что далеко не были выполнены требованія, высказанныя въ этомъ отношеніи лучшими представителями

---

[1]) По другому наброску—2-хъ лѣтъ.

[2]) *Колюпановъ*. „Біографія А. И. Кошелева“ т. II, 125, Прилож. стр. 24—30.

общества еще во вторую половину XVIII вѣка. Несмотря на весьма обстоятельное обсужденіе вопроса о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не позволено было въ 1833 г. разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено въ 1841 г. покупать ихъ безъ земли, иначе какъ съ приписною къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены лишь въ юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ существенныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. о дозволеніи имъ заключать съ помѣщиками договоры относительно своего увольненія не имѣютъ значенія [1]). Относительно предоставленія крестьянамъ права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3-го марта 1848 г. требовалъ для пріобрѣтенія недвижимой собственности согласія помѣщика и при томъ не допускалъ исковъ относительно прежнихъ пріобрѣтеній на имя господина. Размѣра выкупа, за который можно было бы пріобрѣтать свободу, опредѣлено не было. Распространеніе, въ 1847 г., на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, было уничтожено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 г., какъ мѣра необязательная, не имѣлъ почти никакихъ результатовъ. Такимъ образомъ, кромѣ частныхъ, неполныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но, повторяемъ еще разъ, очень важно то, что въ николаевскую эпоху выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права.

При такой инертности правительства въ дѣлѣ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, они, естественно, должны были протестовать противъ помѣщичьей власти и пассивно—самоубійствами [2]) и побѣгами, преимущественно въ Новороссію, Бессарабію, въ оренбургскія степи, на Кавказъ, а иногда въ Австрію,

---

[1]) Разсказъ М. А. Корфа о комитетѣ 1844 г. объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей см. въ его статьѣ „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“. „Сборн. Истор. Общ “, т. 98, 1896 г., стр. 208—248.

[2]) Вслѣдствіе дурного обращенія помѣщиковъ съ прислугою были случаи самоубійства даже 8-лѣтнихъ дѣвочекъ. Крѣпостные, пытавшіеся убить себя, но спасенные отъ смерти, приговаривались правительственными учрежденіями къ ссылкѣ въ Сибирь, иногда даже съ наказаніемъ плетьми. *Повалишинъ*. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Ряз., 1903 г., стр. 301—303. Какъ видно изъ донесеній ген. губ. Бибикова, въ югозападномъ краѣ между крѣпостными крестьянами бывало отъ 200 до 300 самоубійствъ въ годъ. *Шульгинъ*. „Югозапад. край подъ управл. Д. Г. Бибикова“. „Древ. и Нов. Россія“, 1879 г., № 6, стр. 96.

Персію и Турцію [1]), и активно—поджогами господскихъ усадебъ, нанесеніемъ помѣщикамъ ранъ и побоевъ и даже сѣченіемъ ихъ, покушеніями на убійство и убійствами помѣщиковъ и управляющихъ (убійствъ помѣщиковъ за послѣднія 20 лѣтъ николаевскаго царствованія было, по весьма неполнымъ свѣдѣніямъ мин. вн. дѣлъ, 144) [2]) и, наконецъ, волненіями, которыхъ, въ теченіе 29 лѣтъ, съ 1826 по 1854 г., по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, было 556, но въ дѣйствительности гораздо больше. Такъ въ 1842 г. въ отчетахъ министра внутреннихъ дѣлъ упоминается объ одномъ волненіи помѣщичьихъ крестьянъ въ Саратовской губ., а въ дѣйствительности крестьяне волновались въ 37 имѣніяхъ этой губерніи [3]),—о большинствѣ волненій свѣдѣнія не доходили до правительства, и дѣло ограничивалось извѣстными мѣрами внушенія со стороны мѣстной администраціи, практиковавшимися у насъ до послѣдняго времени [4]). Наибольшее количество волненій, по свѣдѣніямъ министр. внутр. дѣлъ (54, въ 27 губерніяхъ), приходится на 1848 г., при чемъ двѣ трети ихъ были усмирены при помощи военныхъ отрядовъ. Особенно серьезно было обширное волненіе въ Витебской губерніи въ 1847 г. [5]) и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

---

[1]) Крестьяне протестовали противъ крѣпостного права „побѣгами—иногда единичными, иногда цѣлыми массами, съ фальшивыми паспортами и безъ паспортовъ; въ иные годы крестьянскіе побѣги являлись какимъ то стихійнымъ движеніемъ, когда даже войска не могли останавливать бѣглецовъ". *Мордовцевъ*. „Наканунѣ воли". 1890, стр. 326; ср. 132—145, 240, 326—334; *Повалишинъ*, 292—301; *Стѣжневскій* „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ. „Нижегородскій Сборникъ", т. X, 1890 г.

[2]) См. еще данныя по этому предмету у *Повалишина*, 280—291, *Мордовцева*, 148—150, 344—352, *Середонина* „Истор. обзоръ дѣят. комит. министр.", т. II, ч. I, 335—336.

[3]) *Мордовцевъ*, стр. 337, ср. 31—116, 151—236, 239—240, 257, 260—262 270—344, 354—361; *Повалишинъ*, 231—238, 249—270; *Середонинъ*, т. II, ч. I, стр 327—329, 333—337, 359—360.

[4]) Свѣдѣнія о неповиновеніяхъ крестьянъ имѣются еще въ отчетахъ Министерства Юстиціи. Такъ по отчетамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ число неповиновеній помѣщичьихъ крестьянъ было въ 1836 г.—11, въ 1837 г.—8, между тѣмъ по отчету Министерства Юстиціи „по неповиновенію дворовыхъ людей и крестьянъ помѣщиковъ" было въ 1837 г. *дѣлъ* 130, подсудимыхъ 510; по отчетамъ Мин. Вн. Дѣлъ въ 1838 г.—15, въ 1839 г.—10, по отчетамъ Мин. Юст. въ 1838 г. *дѣлъ* 140, подсудимыхъ—601. *Заблоцкій-Десятовскій*, „Гр. Киселевъ" IV, 324. Но, вѣроятно, въ отчетахъ Мин. Юст. включались и случаи неповиновенія отдѣльныхъ крѣпостныхъ, отосланныхъ господами для сужденія о нихъ по закону.

[5]) „Въ Витебской губ. нѣкоторые грамотные крестьяне читали своимъ собратьямъ публичные листы, въ которыхъ разсказывались ужасы, происшедшіе въ Галиціи въ 1846 г.". „Русск. Стар." 1892 г. № 7, стр. 3—5.

Въ нашей печати, какъ мы видѣли, было совершенно невозможно развить полную программу, на основаніи которой должно было совершиться освобожденіе крестьянъ; поэтому особенное значеніе должны были имѣть труды по крестьянскому вопросу тѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, которымъ пришлось жить за границей и которые могли здѣсь свободно, безъ всякихъ стѣсненій, высказать свои мысли по этому предмету. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ извѣстное сочиненіе Н. И. Тургенева („La Russie et les Russes“, 1847 г.) и труды А. И. Герцена. Тургеневъ предъявилъ болѣе чѣмъ умѣренныя требованія въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ готовъ былъ примириться даже съ дарованіемъ имъ одной личной свободы или, точнѣе сказать, съ надѣленіемъ ихъ однѣми усадебными землями. Правда, авторъ допускаетъ и освобожденіе съ землею, но предоставляетъ крестьянину лишь одну десятину на душу, т. е. тотъ нищенскій надѣлъ, который, включенный въ Положеніе 19-го февраля при обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, привелъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Только въ случаѣ появленія особыхъ обстоятельствъ, „настоятельно требующихъ“ быстраго и окончательнаго освобожденія крестьянъ, авторъ готовъ допустить предоставленіе крестьянамъ трети или четверти помѣщичьихъ пахотныхъ земель и луговъ. Заслугу Тургенева, для своего времени, составляетъ то, что онъ доказываетъ ненужность вознагражденія помѣщиковъ какъ за усадебныя земли крестьянъ, такъ и за отводимые имъ небольшіе надѣлы въ случаѣ освобожденія съ землею; но нельзя не пожалѣть о совершенномъ непониманіи имъ полезнаго значенія нашего общиннаго землевладѣлія.

Программа Тургенева не удовлетворяла уже передовыхъ русскихъ людей того времени и, между прочимъ, вызвала суровую критику одного изъ товарищей автора по тайному обществу, Н. А. Бестужева. Послѣднимъ словомъ русской интеллигенціи по крестьянскому вопросу въ разсматриваемую эпоху была программа, развитая А. И. Герценомъ въ его сочиненіяхъ, изданныхъ за границей до 1855 года. Герценъ утверждалъ, что не только освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землею, но что необходимо предоставить имъ всю ту землю, которою они теперь пользуются, и при томъ сохранить общинное землевладѣніе. По его мнѣнію, если инициативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью. Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежде-

деніяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ. Эта программа, черезъ нѣсколько лѣтъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени, сдѣлалась и правительственною программою, разумѣется, уже въ новое царствованіе.

Событія 1848 г. въ Западной Европѣ послужили поводомъ къ полной реакціи у насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ; напротивъ, тамъ они дали толчекъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ Германіи и Австріи, для окончательнаго уничтоженія крѣпостного права. Высшіе сановники понимали, что крестьянская реформа нераздѣльна съ общимъ преобразованіемъ государства. Для этого нужны были новыя силы, и онѣ нашлись, какъ только на нихъ предъявленъ былъ запросъ. Но партизаны стараго порядка не сдались безъ боя, несмотря на поддержку дѣлу освобожденія со стороны имп. Александра II, и сумѣли оставить по себѣ память кое въ чемъ существенномъ и въ самой великой реформѣ.

Для того, чтобы вполнѣ понять, какъ была необходима крестьянская реформа, нужно обратить вниманіе и на дѣйствительное положеніе крестьянъ наканунѣ освобожденія. Намъ нѣтъ надобности подробно характеризовать бытъ крестьянъ во второй четверти XIX в. Несмотря на то, что историкамъ крестьянства еще предстоитъ разработать обширный, почти нетронутый архивный матеріалъ въ центральныхъ и мѣстныхъ архивахъ, касающійся быта крестьянъ въ царствованіе имп. Николая, есть нѣсколько хорошихъ работъ, выясняющихъ намъ ихъ положеніе въ это время [1]).

---

[1]) Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать записку А. П. Заблоцлаго-Десятовскаго „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, составляющую результатъ личныхъ наблюденій во время командировки по порученію Киселева и напечатанную авторомъ лишь въ 1882 г., въ приложеніи къ его труду „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“ т. IV, 271—345. Далѣе нужно указать на замѣчательныя записки Кавелина (1855—56 гг.). („Сочиненія Кавелина“ т. II, и Д. Ѳ. Самарина и 1855 г.) (Сочин. Самарина“ т. II). Затѣмъ, уже черезъ тридцать—сорокъ лѣтъ послѣ крестьянской реформы, стали появляться въ свѣтъ мѣстныя изслѣдованія, какъ наприм., трудъ Д. Л. Мордовцева „Наканунѣ воли“, составляющій результатъ изученія саратовскихъ архивныхъ матеріаловъ второй половины 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в., статьи Повалишина о крѣпостномъ правѣ въ Рязанской губ., перепечатанныя послѣ его смерти въ видѣ отдѣльной книги, и очеркъ кн. Н. Волконскаго „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“ (1898 г.), основанный на данныхъ Рязанской губ., но имѣющій и болѣе общее значеніе, и наконецъ обобщающій очеркъ Инны И. Игнатовичъ „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“ (1902 г.), авторъ котораго, кромѣ изученія значительнаго печатнаго матеріала (записокъ, воспоминаній и различныхъ изслѣдованій), тщательно разработалъ (по двадцати губерніямъ Великороссіи) статистическій матеріалъ, напечатанный редакціонными коммиссіями. Желательна разработка этого матеріала и по остальнымъ губерніямъ Великороссіи, а также по Малороссіи и Новороссіи.

Отсылая читателя къ названнымъ трудамъ, мы только кратко отмѣтимъ то направленіе, въ которомъ измѣнялся бытъ помѣщичьихъ крестьянъ въ послѣднія десятилѣтія до паденія крѣпостного права. Ихъ экономическое положеніе въ общемъ несомнѣнно ухудшилось [1]). Съ одной стороны ихъ надѣлы уменьшились (сравнительно со второю половиною XVIII в.), частью вслѣдствіе увеличенія помѣщичьихъ запашекъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, частію вслѣдствіе увеличенія населенія (впрочемъ въ послѣднія десятилѣтія существованія крѣпостного права въ общемъ крѣпостное населеніе уменьшилось и абсолютно, и относительно всего населенія [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ помѣщики, ради сохраненія для себя возможно бо̀льшаго количества земли, прекращали ея нарѣзку на прибылыя тягла, прекращали увеличеніе послѣднихъ, переводя часть крестьянъ въ затяглые, и отпускали лишнихъ крестьянъ на безземельный оброкъ. Участилось также обращеніе крестьянъ въ мѣсячниковъ (безземельныхъ батраковъ). „Мѣсячники“, говоритъ объ нихъ Самаринъ, „стоятъ на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ“. Мѣсячнику „нѣтъ исхода изъ его положенія и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другого до истощенія силъ, будущность ничего ему не представляетъ“ [3]).

Наряду съ уменьшеніемъ надѣловъ шло увеличеніе повинностей въ пользу помѣщика, какъ въ оброчныхъ, такъ и въ барщинныхъ имѣніяхъ. При этомъ имѣетъ очень большое значеніе вопросъ о распространенности, сравнительно съ прежнимъ временемъ, оброчной и барщинной системъ хозяйства. Къ сожалѣнію, существуютъ данныя по этому вопросу для сравненія между половиною XIX и второю половиною XVIII ст. лишь относительно 19 губерній Великороссіи. По произведенному подсчету оказывается, что въ 12 нечерноземныхъ губерніяхъ количество оброчныхъ увеличилось съ 55% (во второй половинѣ XVIII в.) до 58,9% (въ половинѣ XIX ст.), въ 7 черноземныхъ съ 26,1% до 28,8%, а въ общемъ выводѣ по 19 губерніямъ почти не измѣнилось (46,3% во второй половинѣ XVIII в. и 47,6% въ половинѣ

---

[1]) *Кн. Волконскій*, 41, 43; *Игнатовичъ*, 83, 114.

[2]) По 8-й ревизіи (1836 г.) помѣщичьихъ крѣпостныхъ (крестьянъ и дворовыхъ) было 22.077,623 д. об. п., по 9-й ревизіи (1851 г.)—21.612,153, по 10-й ревизіи (1859 г.)—21.625,609. Въ тотъ же періодъ процентъ крѣпостного населенія въ Европейской Россіи понизился съ 44,93 до 37,51%. Ibid. 83. *Тройницкій*. „Крѣпостн. населеніе въ Россіи по 10-й народ. переписи“. Спб. 1861 г., стр. 57—58.

[3]) *Самаринъ*, II, 77—78. Декабристъ Фонъ-Визинъ еще въ запискѣ 1842 г. отмѣтилъ, что „нѣкоторые наши новые агрономы обнищавшихъ своихъ крестьянъ обращаютъ въ батраковъ при господскихъ усадьбахъ“.

XIX ст.) [1]): увеличеніе числа оброчныхъ крестьянъ крайне ничтожное, значеніе котораго совершенно уничтожается распространеніемъ смѣшанной повинности, т. е. оброчной и барщинной въ одной и той же вотчинѣ [2]). Если же принять во вниманіе постепенное распространеніе въ два послѣднія десятилѣтія XVIII в. крѣпостного права на Малороссію, Слободскую Украйну, Новороссію и Землю Войска Донскаго, гдѣ существовало почти исключительно барщинное хозяйство, а также господство барщины въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, то площадь крѣпостного издѣлья несомнѣнно значительно расширилась. Нужно обратить также вниманіе на замѣчаніе И. И. Игнатовичъ, что, при незначительности надѣла въ черноземныхъ губерніяхъ, переводъ крестьянъ на оброкъ не всегда велъ къ улучшенію ихъ экономическаго положенія [3]). Въ барщинныхъ имѣніяхъ положеніе крестьянъ ухудшилось не только вслѣдствіе абсолютнаго увеличенія труда на помѣщика, но и вслѣдствіе усиленія его напряженности, обусловливаемой распространеніемъ во многихъ барщинныхъ хозяйствахъ системы работъ по опредѣленнымъ урокамъ [4]).

Есть указанія на относительное уменьшеніе числа помѣщичьихъ фабрикъ и заводовъ въ концѣ 1840-хъ годовъ сравнительно съ тридцатыми [5]), но все таки помѣщичьи суконныя фабрики, заводы свекло-сахарные и винокуренные были значительно распространены [6]), не говоря уже о горныхъ заводахъ на Уралѣ, а фабричныя и заводскія работы были самымъ тяжелымъ видомъ

---

[1]) См. статистическую таблицу въ моей книгѣ „Крестьяне въ царствов. импер. Екатерины II“, т. I, изд. 2-е 1890 г., стр. 591—592.

[2]) О тяжести смѣшанной повинности предъ крестьянскою реформою см. въ статьѣ *А. А. Корнилова*, „Крестьянская реформа въ Калужск. губ. при Арцимовичѣ“, стр. 11—14 въ сборн. въ память В. А. Арцимовича, 1904 г.

[3]) „Помѣщ. крест. наканунѣ освобожденія, 60—61. По изслѣдованію И. И. Игнатовичъ, средніе оброки съ тягла предъ крестьянскою реформою колебались отъ 12 р. 51 к. (въ Олонецкой губ.) до 27 р. 26 к. (въ Петербургской), въ среднемъ же по этимъ губерніямъ равнялись 18 р. 62 к., а въ черноземныхъ губерніяхъ отъ 15 р. 60 к. до 19 р. 34 к., въ среднемъ для этихъ губерній — 19 р. 81 к. Ibid, стр. 66. Средняя цѣна хлѣба на серебро равнялась въ Москвѣ въ 1817—1826 г.—3 р. 60 к. за куль ржаной муки, а въ 1847–1856 г.—4 р. 1 к. „Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ“, стр. 72. Ср. выше стр. 191—192.

[4]) Для контролированія непрерывности работы нѣкоторые помѣщики надѣвали даже на шею работникамъ рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю. „Записки А. И. Кошелева“, Берл. 1884 г., стр. 60.

[5]) *Туганъ-Барановскій*. „Фабрика“, 1898 г., стр. 110.

[6]) По составленной предъ крестьянскою реформою „Вѣдомости о числѣ фабрикъ и заводовъ, находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ коихъ работы производятся крѣпостными людьми за задѣльную плату или на барщинѣ“ числилось 381 фабрика, а рабочихъ на нихъ 59,375 (т. е. немногимъ менѣе, чѣмъ въ 1825 г., когда ихъ считали 66.725 чел.). Арх. Гос. Сов. Проекты о крестьянахъ горнозаводскихъ и фабричныхъ. 1858—1862 г., кн. 103.

барщины. Кромѣ того, съ увеличеніемъ купеческихъ фабрикъ, представлялось болѣе запроса на такъ называемыхъ кабальныхъ рабочихъ, т. е. крѣпостныхъ, запродаваемыхъ помѣщиками на чужіе фабрики и заводы [1]). Несомнѣнно регрессивнымъ явленіемъ было и чрезмѣрное увеличеніе дворни со времени 9-й до 10-й ревизіи, возросшей съ 4,79 до 6,79% всего крѣпостного населенія [2]), что объясняется частью нежеланіемъ землевладѣльцевъ увеличивать количество крестьянскихъ земель, частью тѣмъ, что помѣщики стремились, подъ вліяніемъ все болѣе усиливающихся слуховъ объ освобожденіи, переводить крестьянъ въ дворовые (пока это не было запрещено въ 1858 г.), чтобы не дать имъ земли при освобожденіи.

Въ 1846 г. были установлены правила относительно расправы помѣщиковъ съ ихъ крестьянами—тѣлесныхъ наказаній, отдачи въ смирительные и рабочіе дома и въ арестантскія роты (причемъ господа сохраняли право удалять навсегда крѣпостныхъ изъ своихъ имѣній отдачею въ военную службу или отправлять въ Сибирь), однако же личность крѣпостныхъ оставалась крайне мало защищенною отъ истязаній и всевозможныхъ насилій со стороны помѣщика. Хотя имп. Николай еще въ 1827 г. повелѣлъ повсемѣстно истребить орудія пытки крѣпостныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, однако этотъ указъ не имѣлъ серьезныхъ результатовъ, и помѣщики обнаруживали въ этомъ отношеніи удивительную изобрѣтательность, такъ что трудно даже перечислить всѣ способы наказанія съ „пыточными“ и „истязательными орудіями“. Такъ напр., въ одной Саратовской губ., какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, практиковались въ помѣщичьихъ имѣніяхъ розги, палки, шпицрутены, битье по зубамъ каблукомъ“, „битье по скуламъ кулакомъ“ [3]), „бритье полуголовы и полубороды“, „подвѣшиваніе“ за руки и за ноги на шесты, „вывертываніе членовъ“ посредствомъ подвѣшиванья и вновь „вправливанье“ вывихнутыхъ членовъ, „уточка“ (связываніе рукъ и ногъ и продѣваніе на шестъ), надѣваніе „шейныхъ желѣзъ“, „конскихъ кандаловъ“, „личныя сѣтки“ (для пытки голодомъ), прикладываніе, при „личныхъ сѣткахъ“, сургучной печати на голое тѣло, „выщипываніе бородъ“, опаливаніе лучиной волосъ на тѣлѣ у женщинъ,

---

[1]) Въ 1844 г. помѣщики Дубровины отдали на фабрику Лепешкина 700 человѣкъ крестьянъ, заставивъ оставшихся въ деревнѣ стариковъ и малолѣтнихъ отрабатывать барщину. Это вызвало волненіе, усмиренное съ пролитіемъ крови. Сочиненія А. И. Герцена, I, 233.

[2]) *Тройницкій.* „Крѣп. насел. по 10 народ. переписи“, стр. 58.

[3]) Въ Рязанской губ. употреблялась „щекобитка“, т. е. деревянное орудіе для битья дѣвокъ и бабъ по щекамъ, чтобы не марать „дворянскія руки о хамскія рожи“. *Поваляшинъ*, 104.

„взнуздываньe“, „сажанье въ кубъ“, „ставленье на горячую сковороду“, „набиванье деревянныхъ колодокъ на шею“, сѣченье „солеными розгами“ и „натиранье солью“ по сѣченнымъ мѣстамъ, сѣченье терномъ, таволгой и крапивой, принужденіе работать съ колодками на шеѣ, лишеніе соли, „забиванье въ ротъ кляпа“, надѣванье желѣзныхъ ошейниковъ съ гвоздями. наказанье плетьми изъ воловыхъ сухихъ жилъ и т. д., и т. д. Приводя этотъ перечень, Д. Л. Мордовцевъ замѣчаетъ, что въ одной Саратовской губерніи за 7 лѣтъ возникали дѣла по злоупотребленіямъ помѣщичьею властью въ 342 случаяхъ. Кромѣ перечисленныхъ видовъ истязаній, тотъ же авторъ между прочимъ указываетъ еще слѣдующія злоупотребленія помѣщиковъ: недопусканіе рабочихъ, во время жатвы и зноя, къ водѣ и питью, чтобы понудить къ скорѣйшему окончанію барскихъ работъ; выгонъ на работу беременныхъ въ послѣдній періодъ беременности; преждевременный выгонъ на работу родильницъ и обязательное оставленіе грудныхъ дѣтей дома, нерѣдко безъ корма и присмотра; отнятіе у крестьянъ стельныхъ коровъ для пойла барскихъ телятъ. Встрѣчались еще такія проявленія барскаго самодурства и цинизма: качали, для забавы барина и его гостей, дряхлыхъ старухъ на высокихъ качеляхъ, „пока старуха не обомретъ“; раздѣвали дряхлыхъ старухъ до нага, съ тѣмъ, чтобы онѣ прислуживали при игрѣ господъ на бильярдѣ и держали факелы „на подобіе римскихъ весталокъ“; купали въ прудахъ и колодцахъ бабъ, считаемыхъ вѣдьмами; тоже для забавы спускали стариковъ съ высокихъ ледяныхъ горъ на маленькихъ салазкахъ; вынуждали отъ женщинъ согласіе на связь съ барином голодомъ, обрѣзываньемъ косъ, сѣченьемъ и вожденіемъ босикомъ по морозу [1]).

Что такой порядокъ вещей былъ совершенно невыносимъ для крѣпостныхъ, это понятно, но постепенно стало распространяться убѣжденіе, что онъ имѣетъ весьма серьезныя неудобства и для самихъ помѣщиковъ. Мы видѣли, что еще объявленіемъ конкурса въ 1812 г. вольное экономическое общество старалось возбудить обсужденіе вопроса о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда. Первоначально наиболѣе обширные опыты примѣненія этого труда производили на своихъ земляхъ купцы, не имѣвшіе, за рѣдкими исключеніями, права владѣнія населенными имѣніями (кромѣ поссесіонныхъ, т. е. принадлежащихъ къ фабрикамъ и заводамъ), и такъ какъ эти опыты были

---

[1]) *Мордовцевъ.* „Наканунѣ воли“, стр. 311—313; срав. *Дубасовъ*, „Очерки изъ исторіи тамбовскаго края“. Вып. I, 1883 г., стр. 192, 195, 196; ср. „Рус. Стар.“ 1899 г., № 10, стр. 51—52.

удачны, то къ вольнонаемному труду стали прибѣгать и помѣщики, гдѣ не хватало труда крѣпостного. Примѣненіе вольнонаемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ вовсе не имѣло до крестьянской реформы, вопреки недавно высказанному мнѣнію, широкаго распространенія, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мѣстныя условія или извѣстнаго рода производства вызывали его примѣненіе. Такъ напр., очень распространенъ былъ наемный трудъ во второй четверти XIX вѣка въ нѣкоторыхъ малонаселенныхъ уѣздахъ Херсонской губ.; есть указанія на пользованіе имъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и другихъ мѣстностей Новороссіи[1]). Воздѣлываніе свекловицы имѣло, по свидѣтельству Самарина, сильное вліяніе на правобережную Украйну: оно „еще до введенія инвентарей... вызвало огромное требованіе вольнаго труда, возвысило его цѣнность и пріучило помѣщиковъ уважать его“ [2]). Указанными мѣстностями и ограничивается область примѣненія наемнаго труда въ значительныхъ размѣрахъ, и затѣмъ лишь изрѣдка встрѣчаемъ такіе отдѣльные случаи въ Тамбовской, Рязанской и Нижегородской губерніяхъ [3]).

Всего болѣе тяготила помѣщиковъ отвѣтственность за исправную уплату ихъ крестьянами государственныхъ податей, при чемъ значительное накопленіе недоимокъ вызывало то, что имѣніе брали въ опеку[4]), и обязанность продовольствовать крѣпостныхъ во время неурожаевъ: по закону помѣщикъ долженъ былъ уплатить денежный штрафъ за каждаго своего нищенствующаго крестьянина. Правда, нѣкоторые помѣщики весьма плохо исполняли обязанность кормить крестьянъ въ случаѣ недостатка у нихъ продовольствія, иные уѣзжали изъ своихъ деревень во время неурожаевъ, другіе даже употребляли ссуды, данныя правительствомъ для продовольствія крестьянъ, на свои собственныя нужды, но бывали и такіе, которые „изъ послѣднихъ силъ кормили кресть-

---

[1]) Сухомлиновъ въ своемъ отвѣтѣ на задачу (1842 г.) Ученаго Комитета Мин. Гос. Имущ. (см. выше) свидѣтельствуетъ, что помѣщичьи земли въ южной Россіи, обрабатываемыя вольнонаемными работниками, приносятъ болѣе дохода, чѣмъ тѣ, которыя воздѣлываются крѣпостными. Арх. М. Г. И., дѣло III Деп. № 1594, л. 421.

[2]) Но во многихъ имѣніяхъ Великороссіи желаніе устроить свеклосахарный заводъ было причиною перевода крестьянъ на барщину. „Сколько сахаръ заставилъ пролить горькихъ слезъ!“ замѣчаетъ Кошелевъ. *Колюпановъ*. „Біографія А. И. Кошелева“, II, 198.

[3]) Есть также данныя относительно примѣненія наемнаго труда въ Оренбургской губ. и землѣ Войска Донскаго, но безъ точнаго указанія, что это бывало и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. См. мою замѣтку въ „Русской Мысли“ 1902 г., № 4, стр. 126—137.

[4]) Въ 1840 г. состояло въ опекѣ „за неплатежъ податей и недоимокъ“ 916 имѣній. „Матеріалы для исторіи крѣпостного права въ Россіи. Извлеченіе изъ современныхъ отчетовъ Мин. Вн. Дѣлъ за 1836—1856 г.“, стр. 56.

янъ“ [1]). Отвѣтственностью помѣщиковъ за исправное отбываніе крестьянами повинностей и ихъ продовольствіе безъ сомнѣнія объясняется то, повидимому, странное явленіе, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ черноземныхъ губерній, Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и Саратовской, незаселенныя земли, въ 1854—59 гг., продавались въ среднемъ выводѣ дороже населенныхъ [2]). Помѣщики могли также желать освободиться отъ крѣпостныхъ вслѣдствіе крайней задолженности имѣній и необходимости платить по нимъ проценты: въ 1851 г. 54% крѣпостныхъ въ Россіи было заложено; въ 1856г. на каждую ревизскую душу приходилось долгу по 69 р. Такъ какъ въ царствованіе императора Николая уже были въ ходу проекты выкупа, то полученное помѣщиками при освобожденіи крестьянъ вознагражденіе помогло бы имъ расплатиться съ долгами.

Различіе въ мѣстныхъ условіяхъ вызывало различіе въ пожеланіяхъ помѣщиковъ относительно способа освобожденія крестьянъ: въ нечерноземныхъ губерніяхъ имъ было невыгодно безземельное освобожденіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ они не могли бы получить подъ видомъ платы за землю вознагражденіе за личность крестьянина. Безземельное освобожденіе съ правомъ свободнаго перехода, говоритъ Кошелевъ, „разорило бы... почти всѣхъ имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя“. Напротивъ нѣкоторые помѣщики въ черноземныхъ губерніяхъ мечтали о безземельномъ освобожденіи [3]), а такъ какъ эта мысль встрѣчала въ царствованіе имп. Николая рѣшительное противодѣйствіе со стороны правительства, то и составлялись, какъ то мы видѣли на примѣрѣ кружка тульскихъ дворянъ, проекты освобожденія крестьянъ съ возможно меньшимъ надѣломъ.

Весьма убыточнымъ оказывалось существованіе крѣпостного права для государства. Во первыхъ, правительство получало гораздо менѣе прямыхъ налоговъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ съ казенныхъ, такъ какъ крѣпостные платили сравнительно незначительную подушную подать и были избавлены отъ взиманія оброчнаго сбора въ пользу государства, которому подлежали казенные крестьяне. Правительство теряло и на косвенныхъ налогахъ, такъ какъ крѣпостное право сильно подрывало развитіе промышленности

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 318.

[2]) Свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ на земли. Изд. Земскаго Отд. Мин. Вн. Дѣлъ 1859 г., вып. I, 28—29, II, 8, 18—21, 30, 34—38, III, 7—8, 13. Впрочемъ это замѣчалось въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и нечерноземныхъ губ., напримѣръ Смоленской, Тверской и Нижегородской. См. Ibid. II, 33, 40, III, 14.

[3]) *Заблоцкій-Десятовскій*, IV, 338.

и торговли: оно насильственно привязывало крѣпостное населеніе къ землѣ, заставляло крѣпостныхъ скрывать накопленныя деньги, давало возможность помѣщикамъ удовлетворять посредствомъ крѣпостного труда многія потребности, которыя иначе вызывали бы заказы и покупки въ городахъ, и наконецъ, понижая народное благосостояніе, уменьшало внутренній рынокъ, необходимый для нашей промышленности [1]). Не могли не вліять на правительство, такъ же какъ и на общество, борьба литературы съ крѣпостнымъ правомъ, какъ ни была она затруднена цензурой, а также и примѣръ крестьянской реформы въ западной Европѣ, который ясно доказывалъ возможность преобразованія.

Несмотря на многочисленность факторовъ, подготовившихъ освобожденіе, нужны были все же сильные толчки, чтобы расшевелить инертное дворянство, привыкшее къ пользованію крѣпостнымъ трудомъ и вдохнуть энергію въ правительство. Въ измѣненіи его настроенія относительно крестьянскаго вопроса рѣшительную роль, сыграло вступленіе на престолъ государя, который, хотя и держался прежде въ этомъ отношеніи консервативнаго образа мыслей, но котораго и литературныя вліянія, и волненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ 10 губерніяхъ въ теченіе 1854—1856 гг., и несостоятельность всего крѣпостническаго строя, доказанная Крымскою войною, заставили измѣнить свои прежнія мнѣнія. Что касается дворянства, то большинство его все же плохо понимало выгоду для него освобожденія крестьянъ [2]), отчасти вслѣдствіе того, что при новыхъ условіяхъ требовалось болѣе предпріимчивости въ веденіи хозяйства, чѣмъ это было возможно при даровомъ трудѣ. Но постепенно усиливалось среди самихъ помѣщиковъ сознаніе опасности сохраненія прежняго порядка. Мы указывали выше на протесты крестьянъ противъ господской власти поджогами барскихъ усадебъ, нанесеніемъ помѣщикамъ ранъ и побоевъ, и даже сѣченіемъ ихъ, покушеніями на убійство помѣщиковъ [3]), убійствами ихъ и наконецъ волненіями, значительно

---

[1]) Относительно этого послѣдняго обстоятельства Заблоцкій-Десятовскій говоритъ: „удовлетвореніе нуждъ крестьянъ, класса столь многочисленнаго, не составляетъ у насъ, какъ въ другихъ государствахъ, значительныхъ отраслей промышленности; причина этого, конечно, та, что классъ сей, по бѣдности своей, не представляетъ достаточнаго числа потребителей, которые могли бы поддержать производство". „Гр. П. Д. Киселевъ и его время", IV, 301, 327—334.

[2]) Такъ напримѣръ, И. С. Аксаковъ писалъ отцу въ 1856 г. изъ Екатеринослава: „Видъ дворянскаго сословія производитъ на меня дѣйствіе раздражающее: ограниченность и узкость взглядовъ, невѣжество, привязанность къ незаконному своему праву.....Я пробовалъ поднимать вопросъ объ эмансипаціи. Куда! Такъ на дыбы и становятся". „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". М. 1892, III, 293.

[3]) При этомъ множество такихъ случаевъ оставалось неизвѣстнымъ

усилившимися въ царствованіе имп. Николая. Этотъ крестьянскій терроръ сильно ослаблялъ для помѣщиковъ прелесть пользованія властью надъ „крещеною собственностью“, подрывалъ чудовищное зданіе крѣпостного права, и оно, плохо поддаваясь частичнымъ починкамъ, рухнуло разомъ, открывъ возможность развитія народной и общественной жизни на новыхъ началахъ.

В. Семевскій.

администраціи, такъ какъ „большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только позорящее для того“, на кого, нападеніе „было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета“. *Кн. Волконскій*, 42, ср. *Дубасовъ*. „Очерки Тамбовскаго края“, I, 229.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года.

Императору Александру II-му пришлось, какъ извѣстно, вступить на престолъ въ одну изъ самыхъ критическихъ и трудныхъ минутъ новѣйшей русской исторіи.

Россія была въ это время страшно истощена двухлѣтней неудачной войной съ Турціей, Франціей, Англіей и Сардиніей. Положеніе государства было до крайности тяжелое. Созывомъ ополченія были исчерпаны всѣ военныя силы страны, финансы были также совершенно истощены, а между тѣмъ намъ грозила новая война съ Австріей. Наши войска въ Севастополѣ терпѣли ежедневно огромный уронъ и ихъ надо было замѣнять и усиливать все новыми и новыми силами, а между тѣмъ фельдмаршалъ Паскевичъ не позволялъ отодвинуть отъ западной границы ни одного изъ стоявшихъ тамъ корпусовъ [1]). Въ сущности врагъ нашъ не былъ такъ силенъ и могущественъ, какъ это могло казаться. По мнѣнію, наприм., такого достовѣрнаго свидѣтеля и знатока дѣла, какъ кн. В. И. Васильчиковъ, союзники могли бы дорого поплатиться за свое рискованное предпріятіе въ Крыму, если бы два корпуса, двинутые въ концѣ концовъ въ Крымъ съ западной границы, были доставлены туда своевременно [2]). Но при всемъ геройствѣ нашего войска, если бы даже ему доставленъ былъ численный перевѣсъ надъ врагомъ, намъ было бы трудно бороться съ европейскими войсками, потому что мы уступали имъ и въ вооруженіи и даже въ снаб-

---

[1]) *Татищевъ* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, т. I, стр. 139 и слѣд.

[2]) *Кн. В. И. Васильчиковъ*. „Воспоминаніе объ очищеніи Севастополя“. „Русь“ за 1880 г. № 2, стр. 17.

женіи всѣмъ необходимымъ, несмотря на то, что мы дрались у себя дома, а союзники были отдѣлены отъ своихъ странъ огромными разстояніями. „Мы сдались, какъ выразился Ю. Ф. Самаринъ,—не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ“...

„Чѣмъ бы ни болѣла земля—писалъ онъ въ той же запискѣ:—усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому — всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ“ [1])...

Россія именно была больна въ то время *всѣми* этими недугами, и самый страшный изъ нихъ былъ тотъ, который *не позволялъ безъ страха прибѣгать къ подъему народной силы*, въ случаѣ внѣшней опасности. При вторженіи внѣшнихъ враговъ въ наши предѣлы наличность крѣпостного права заставляла опасаться народнаго возмущенія внутри страны. Въ эпоху крымской войны многіе изъ помѣщиковъ сильно опасались рѣзни и даже пугачевщины; въ народѣ же же бродили въ это время темные слухи о томъ, что Банапартъ хочетъ дать волю крестьянамъ [2]). Можетъ быть эти страхи и опасенія были и преувеличенны, но во всякомъ случаѣ факты, ихъ вызывавшіе, существовали въ дѣйствительности. Указъ о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 г., а затѣмъ манифестъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г. вызвали тотчасъ-же повсемѣстное броженіе въ крестьянской средѣ. Между крестьянами распространился слухъ, что вступленіе въ ополченіе освободитъ ихъ и ихъ семьи отъ крѣпостной зависимости и они бросились толпами записываться въ ратники ополченія, не слушаясь ни вотчинныхъ, ни полицейскихъ властей и выражая вмѣстѣ съ патріотическимъ воодушевленіемъ стремленіе раздѣлаться по своему съ помѣщиками и ихъ приказчиками. Эти волненія отозвались во многихъ губерніяхъ и правительству, вмѣсто того, чтобы опереться на воодушевленныя патріотическимъ чувствомъ народныя массы, пришлось высылать противъ нихъ значительныя воинскія команды [3]). Послѣдовало

---

[1]) *Ю. Ф. Самаринъ.* „Записка о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“. Сочиненія, II, 17 и слѣд.

[2]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. I, Берлинъ, 1860, стр. 81 и слѣд.

[3]) *Тамъ же*, стр. 85 и др. Такъ напр. для усмиреній крестьянъ Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ пришлось отправить 16 эскадроновъ кавалерійской дивизіи, 2 роты саперовъ и резервный баталіонъ егерскаго полка.

высочайшее повелѣніе: „не охлаждая проявляющагося въ крестьянахъ чувства преданности престолу и отечеству, принимать всѣ нужныя мѣры къ отвращенію всякихъ безпорядковъ“ [1]).

Между помѣщиками страхъ пугачевщины былъ въ это время на столько силенъ, что, по свидѣтельству Кошелева, самые заядлые крѣпостники готовы были отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы освободиться отъ этого страха [2]).

Крымская кампанія всѣмъ открыла глаза на полную негодность существовавшей тогда административной системы; вмѣстѣ съ тѣмъ было совершенно ясно, что никакое серьезное преобразованіе этой системы невозможно при существованіи крѣпостного права. Оно обусловливало и промышленный застой, и невозможность предоставленія самоуправленія обществу, въ которомъ большинство было въ рабской зависимости отъ меньшинства и гдѣ правительство не могло отказаться отъ мелочной регламентаціи и опеки всего населенія, потому что эта опека считалась единственнымъ способомъ защиты безправной народной массы отъ произвола и чрезмѣрной эксплоатаціи помѣщиковъ душевладѣльцевъ.

Для людей просвѣщенныхъ и сколько нибудь проницательныхъ неизбѣжность и неотложность коренной перемѣны режима стала вполнѣ ясна еще при Николаѣ [3]). Погодинъ съ непривычною въ то время смѣлостью высказалъ это въ своихъ политическихъ письмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доставлены были самому императору Николаю [4]). Хомяковъ выразилъ то же настроеніе съ большой силой и рѣзкостью въ извѣстномъ стихотвореніи къ Россіи, которое во множествѣ списковъ ходило тогда по рукамъ [5]). Правительство само отлично сознавало необходимость коренныхъ преобразованій и когда миръ былъ наконецъ заключенъ, то государь, какъ говорили, прямо сказалъ на праздникѣ мира: „теперь мы кончили съ внѣшними врагами; надо начинать войну съ врагами внутренними“ [6]).

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 86.

[2]) *А. И. Кошелевъ*. „Записки“. Берлинъ. 1884 г., Записка „о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“. Приложенія, стр. 78.

[3]) Записки *А. И. Кисслева*, стр. 81 и слѣд.

[4]) *Барсуковъ*, назв. соч., т. XIII.

[5]) Стихотворенія *Хомякова*, 2 изд. 1868 г., стр. 123. Самаринъ, Черкасскій, Аксаковъ, Кошелевъ были проникнуты въ это время такими же настроеніями, (Ср. сочиненія Ю. Самарина, т. II, „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, ч. I, „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, „Записки А. И. Кошелева“, гл. IX).

[6]) Изъ письма К. Д. Кавелина къ М. П. Погодину. Приведено у *Барсукова*, т. XIV, стр. 547.

„Сіи уступки [1])—сказано было въ манифестѣ о мирѣ—не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ ввѣренной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. При помощи небеснаго промысла, всегда благодѣющаго Россіи, *да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ*“.

Нѣкоторое ослабленіе реакціонной системы, сковавшей всякое движеніе мысли въ Россіи послѣ 1848 г., стало чувствоваться съ самаго начала русско-турецкой войны [2]). Съ вступленіемъ же на престолъ Александра II въ обществѣ сразу почувствовалось и росло съ каждымъ днемъ бодрое и свѣтлое настроеніе. Правда, о самомъ императорѣ Александрѣ въ высшихъ сферахъ, ближе стоявшихъ ко двору и наболѣе освѣдомленныхъ, сложилось представленіе, какъ о защитникѣ дворянскихъ, аристократическихъ привилегій и противникѣ системы инвентарей въ западномъ краѣ, изъ-за чего у него еще при Николаѣ вышла крупная размолвка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковымъ [3]); но въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ преобладали слухи о реформаціонныхъ стремленіяхъ и намѣреніяхъ молодого государя [4]). И дѣйствительно, Александръ Николаевичъ видимо понялъ всю невыгоду и вредъ системы опеки и гнета и рѣшился кореннымъ образомъ измѣнить господствовавшій при императорѣ Николаѣ режимъ. Первыя облегченія, правда, не касались крестьянскаго вопроса, а были направлены къ отмѣнѣ различныхъ обскурантныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія, и относились главнымъ образомъ къ печати и университетамъ. Общество терпѣливо ожидало приступа къ кореннымъ преобразованіямъ.

Въ августѣ 1855 г. послѣдовали первыя перемѣны министровъ. Прежде другихъ уволенъ было министръ внутреннихъ

---

[1]) Тутъ разумѣлись: уступка части Бессарабіи и запрещеніе держать военный флотъ въ Черномъ морѣ.

[2]) Ср. „Записки“ *А. И. Кошелева*, стр. 81 и слѣд.

[3]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 102.

[4]) Ср. письма того времени К. Д. Кавелина къ Погодину, приведенныя въ біографіи послѣдняго, издаваемой *Барсуковымъ* (т. XIV), а также въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, изд. *кн. О. Трубецкой*.

дѣлъ Д. Г. Бибиковъ, администраторъ суровый, имѣвшій репутацію самодура, но человѣкъ честный и извѣстный сторонникъ обузданія крѣпостнаго произвола помѣщиковъ [1]). Вмѣсто него назначенъ былъ С. С. Ланской, который первыми своими циркулярами заявилъ себя сторонникомъ дворянскихъ привилегій. Онъ объявилъ, что государь императоръ поручилъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“ и что самъ онъ, министръ, „по собственному, глубоко въ сердцѣ его вкоренившемуся убѣжденію, всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества“ [2]). Эти слова произвели большое смущеніе въ обществѣ, а крѣпостники, усматривавшіе въ нихъ ручательство за сохраненіе существующаго крѣпостного строя, раскупали этотъ циркуляръ нарасхватъ, такъ что пришлось выпустить второе изданіе [3]).

Однако слухи о реформаціонныхъ намѣреніяхъ правительства продолжали проникать въ общество [4]), а манифестъ о мирѣ послужилъ первымъ оффиціальнымъ подтвержденіемъ основательности этихъ ожиданій. Вслѣдъ затѣмъ государь былъ въ Москвѣ и въ отвѣтъ на просьбу генералъ-губернатора гр. Закревскаго успокоить взволнованное разными слухами дворянство сказалъ свою знаменитую рѣчь о томъ, что хотя онъ не имѣетъ намѣренія отмѣнить крѣпостное право немедленно, но что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ“. „Лучше,—сказалъ онъ—отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній“)[5]. Слухи объ этой рѣчи быстро распространились въ публикѣ и рѣшимость правительства предпринять такъ или иначе измѣненіе существовавшаго крѣпостнаго строя стала для всѣхъ очевидной.

Однако, твердо рѣшившись приступить къ крестьянской реформѣ, правительство само еще совершенно не выяснило себѣ ни плана дѣйствій, ни даже основныхъ принциповъ реформы. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ въ цивилизованныхъ странахъ каждая коренная реформа общественнаго строя, являясь резуль-

---

[1]) Ср. назв. соч. *Барсукова*, т. XIV, стр. 122 и въ „Матер. для біографіи кн. Черкасскаго“, стр. 57.

[2]) *Татищевъ*, н. с., I, стр. 302.

[3]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 104.

[4]) Письма Кавелина къ Погодину у *Барсукова*, т, XIV.

[5]) Записки *Я. А. Соловьева*, „Русск. Старина“ за 1881 г. № 2, стр. 228.

татомъ сознанной потребности, подготовляется долгимъ обсужденіемъ въ печати и въ обществѣ и потому, при самомъ приступѣ къ дѣлу, для правительства бываютъ обыкновенно вполнѣ ясны и основные принципы назрѣвшаго преобразованія, и возможные пути его осуществленія. Не таковъ былъ приступъ къ крестьянской реформѣ въ Россіи. Хотя необходимость реформы всѣми ясно чувствовалась и въ обществѣ, особенно въ средѣ просвѣщенной части дворянства, были люди, ясно представлявшіе себѣ и принципы и возможный ходъ и исходъ этого дѣла, однако же полное отсутствіе гласности и запрещеніе обсуждать этотъ вопросъ въ печати и даже въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ лишали правительство возможности сразу опереться на ясно формулированное содержаніе крѣпостного вопроса и затрудняли сознательный и разумный выборъ пути къ наилучшему его разрѣшенію. Самъ Ланской, еще недавно увѣрявшій дворянство въ прочности существовавшаго строя, былъ чрезвычайно пораженъ, узнавши о рѣчи, произнесенной Государемъ въ Москвѣ, и не раньше повѣрилъ совершившемуся факту, какъ услыхавъ о немъ изъ собственныхъ устъ императора [1]). Тогда только онъ открыто перешелъ на сторону эмансипаторовъ, которыхъ съ этихъ поръ твердо поддерживалъ. Въ помощники себѣ онъ избралъ А. И. Левшина, служившаго ранѣе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и владѣвшаго населенными имѣніями въ разныхъ губерніяхъ.

Левшинъ, хотя и былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ и опытнымъ, оказался однако слишкомъ нерѣшительнымъ и лишеннымъ необходимыхъ въ его положеніи государственныхъ дарованій. Онъ сталъ дѣйствовать ощупью, стараясь найти руководящую нить въ работахъ многочисленныхъ комитетовъ предыдущаго царствованія и циркулировавшихъ во множествѣ въ обществѣ рукописныхъ запискахъ, изъ которыхъ многія представлялись ихъ авторами и правительству [2]).

Въ этихъ запискахъ отразились очень рельефно взгляды и мнѣнія, господствовавшіе въ то время въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ помѣстнаго дворянства. Одни изъ этихъ записокъ расчитаны были на агитацію и распространеніе эмансипаціонныхъ идей въ обществѣ [3]), другія спеціально имѣли въ виду правительство [4]); были впрочемъ и такія, которыя направлены были

---

[1]) *А. И. Левшинъ.* „Достопамятныя минуты моей жизни“, въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1885 г. № 8, стр. 480.

[2]) *Тамъ же.* Ср. мои статьи о Губернскихъ Комитетахъ по крестьянскому дѣлу, въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 1, стр. 151 и слѣд.

[3]) Таковъ былъ характеръ изъ числа записокъ появившихся въ 1855 и 1856 гг., записокъ Самарина и Кавелина.

[4]) Такова была записка Позена и кн. Кочубея.

противъ всякаго измѣненія существующаго строя [1]). Но записокъ этой послѣдней категоріи было очень немного. Самые отсталые консерваторы понимали въ то время неизбѣжность реформы; для дворянъ-же нѣкоторыхъ губерній она представлялась не только неизбѣжной, но и необходимой въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Разница во взглядахъ дворянства различныхъ губерній зависѣла въ это время не только отъ степени просвѣщенности и великодушія тѣхъ или другихъ его представителей. Она обусловливалась еще болѣе различными матеріальными и экономическими причинами. Здѣсь главную роль играли такіе факторы, какъ густота населенія, плодородіе почвы, задолженность помѣщиковъ и нужда ихъ въ денежныхъ средствахъ.

Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ—особенно въ Тульской и въ нѣкоторыхъ частяхъ Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской—густота населенія и цѣнность земли возросли настолько, что крѣпостное право, при малой производительности крѣпостного труда и относительной дороговизнѣ содержанія размножившагося крѣпостнаго населенія (особенно въ неурожайные годы)—стало невыгоднымъ и обременительнымъ для помѣщиковъ. Въ пятидесятыхъ годахъ Самаринъ, Черкасскій, Кошелевъ и извѣстный откупщикъ-милліонеръ Кокоревъ приводили цѣлый рядъ фактовъ, когда въ этихъ губерніяхъ земля ненаселенная цѣнилась выше, нежели одинаковая съ нею по качеству земля, населенная крѣпостными крестьянами [2]). Въ Тульской губерніи по этой причинѣ многіе помѣщики еще въ 40-хъ годахъ перестали дорожить крѣпостнымъ правомъ и все болѣе и болѣе сознавали свой имущественный интересъ въ томъ, чтобы сдѣлаться просто *монополистами цѣннаго товара и рынка*—по удачному выраженію кн. Черкасскаго [3]). Въ Тамбовской губерніи, когда происходили выборы въ губернскіе комитеты, помѣщики находили для себя безусловно выгоднымъ безземельное освобожденіе крестьянъ и признавались, что

---

[1]) Такова была записка неизвѣстнаго автора („подъ литерой А"), стремившаяся доказать, что въ идеѣ освобожденія крестьянъ „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи". Ср. о ней у *Я. А. Соловьева*, „Русская Стар." за 1882 г. № 5, стр. 390 и слѣд.

[2]) *Самаринъ* указывалъ на этотъ фактъ въ запискѣ, составленной въ 1857 г. (Сочиненія, т. II, стр. 175); *Кошелевъ* сообщаетъ то же самое въ представленномъ имъ проектѣ, напечатанномъ въ прилож. къ его „Запискамъ", стр. 125; *кн. Черкасскій* приводитъ этотъ фактъ въ запискѣ, поданной имъ вел кн. Еленѣ Павловнѣ въ 1858 г. „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго" т. I, ч. I, стр. 23. Свидѣтельство объ этомъ *В. А. Кокорева* приведено у *Барсукова*, н. с., т. XV, стр. 488—490.

[3]) „Матеріалы", т. I, ч. I, стр. 149.

они очень рады освободиться отъ крѣпостныхъ крестьянъ, лишь бы осталась при нихъ вся земля, которая въ Тамбовской губерніи, по выраженію Н. В. Берга, была все равно, что червонное золото [1]). Впрочемъ, нѣкоторые изъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній не прочь были надѣлить крестьянъ небольшимъ надѣломъ, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ, и въ то же время взять съ нихъ за это хорошій выкупъ, необходимый для многихъ помѣщиковъ, чтобы освободить ихъ имѣнія отъ долговъ, которые возросли къ концу 50-хъ годовъ до огромныхъ размѣровъ [2]).

Совсѣмъ иное положеніе было въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ — такихъ, какъ Владимірская, Костромская, Ярославская, Тверская, Смоленская, Калужская и др. Здѣсь при крѣпостномъ правѣ населенныя имѣнія, несмотря на плохое качество почвы, цѣнились дороже, нежели въ черноземныхъ губерніяхъ. Кошелевъ цѣнилъ круглымъ счетомъ населенныя имѣнія въ хлѣбородныхъ-черноземныхъ губерніяхъ по 100 руб. съ души, а въ нечерноземныхъ-промышленныхъ—по 125 руб. [3]). Но цѣнилась здѣсь не земля, которая приносила весьма мало дохода, а крѣпостныя души, которыя съ избыткомъ выкупали свое содержаніе и приносили значительные доходы помѣщикамъ промыслами, большею частью отхожими. Въ Смоленской губерніи по статистическимъ даннымъ, изданнымъ въ 1855 г. Я. А. Соловьевымъ, средняя покупная цѣна имѣній была 117 руб. за душу, а средняя цѣна одной незаселенной десятины равнялась всего лишь 5 руб. 50 коп. [4]).

При этихъ условіяхъ для помѣщиковъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній прекращеніе крѣпостного права было по необходимости связано съ потерей главной и самой значительной части ихъ доходовъ. Поэтому взглядъ ихъ на освобожденіе крестьянъ былъ вовсе не тотъ, что въ чисто земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ. Имъ вовсе было невыгодно безземельное освобожденіе крестьянъ. При безземельномъ освобожденіи они могли опасаться, что ихъ бывшіе крѣпостные разбредутся и бросятъ окончательно земледѣліе, а они сами останутся съ безплодными и бездоходными землями, которыя некому будетъ обрабатывать. Поэтому имъ было выгодно въ ихъ собственныхъ интересахъ дать крестьянамъ нѣкоторый земельный надѣлъ, чтобы

---

[1]) *Барсуковъ*, н. с., т. XVI, стр. 47—55, письма Берга къ Погодину.

[2]) Ср. *В. И. Семевскаго*, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, II, 617; *И. И. Игнатовича* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, стр. 191; *Кошелева*, „Записки“, прилож. V, стр. 136.

[3]) *Кошелевъ*, н. с., прилож. V, стр. 135—137.

[4]) За неимѣніемъ подъ рукой смоленской статистики Соловьева, цитирую по запискѣ *К. Д. Кавелина*. (Сочиненія, т. II, стр. 34).

привязать ихъ къ мѣсту и обезпечить себѣ контингентъ вольнонаемныхъ рабочихъ или съемщиковъ остающейся у нихъ земли. Но самый насущный ихъ интересъ заключался въ полученіи достаточнаго вознагражденія за потерю того дохода, который они получали при крѣпостномъ правѣ въ видѣ значительныхъ оброковъ отъ неземледѣльческихъ заработковъ и промысловъ ихъ крестьянъ. При томъ это вознагражденіе имъ важно было получить единовременно при самой отмѣнѣ крѣпостного права, потому что имъ нужны были денежные капиталы, безъ которыхъ они не могли вовсе вести хозяйства на остающихся у нихъ земляхъ. Свое спасеніе многіе изъ этихъ помѣщиковъ видѣли въ переходѣ къ фермерскому хозяйству съ усовершенствованнымъ сѣвооборотомъ; но чтобы это осуществить, нужно было имѣть свободный капиталъ для введенія дорого стоющихъ улучшеній и для найма рабочихъ; у нихъ же при крѣпостномъ правѣ не было даже собственнаго инвентаря, такъ какъ обработка господскихъ полей, даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала господская запашка, производилась крестьянскимъ скотомъ и крестьянскими орудіями. Денежныя средства имъ были такимъ образомъ еще нужнѣе, нежели помѣщикамъ черноземной полосы. Понятно поэтому, что единственный неразорительный для себя выходъ они видѣли въ полученіи единовременнаго выкупа, при томъ не только за отводимые крестьянамъ надѣлы,—которые были сами по себѣ весьма малоцѣнны,—но главнымъ образомъ за уходившіе отъ нихъ доходы отъ промысловъ ихъ крестьянъ, т. е. въ сущности за личное освобожденіе самихъ крестьянъ.

Въ особомъ положеніи были помѣщики степныхъ малонаселенныхъ губерній, новороссійскихъ и въ особенности—заволжскихъ.

Хотя земля у нихъ была плодородная, но они также не могли стремиться къ безземельному освобожденію крестьянъ, потому что, при рѣдкости населенія въ этихъ губерніяхъ, они были озабочены главнымъ образомъ обезпеченіемъ имѣній необходимымъ контингентомъ рабочихъ рукъ. Поэтому и для нихъ было *выгодно* надѣлить крестьянъ землей въ извѣстныхъ размѣрахъ, чтобы привязать ихъ къ мѣсту. Впрочемъ они могли разсчитывать, что при всеобщемъ освобожденіи крестьянъ въ Россіи притокъ рабочихъ рукъ въ ихъ имѣнія долженъ будетъ непремѣнно увеличиться. Поэтому всеобщая ликвидація крѣпостныхъ отношеній не могла быть для нихъ такъ опасна, какъ для помѣщиковъ промышленныхъ-нечерноземныхъ губерній. Они могли опасаться лишь временнаго недостатка рабочихъ рукъ и такъ какъ хозяйства ихъ были построены на барщинѣ и въ имѣніяхъ ихъ не было помѣщичьяго инвентаря, то для нихъ было важно соблюсти при реформѣ извѣстную постепенность, такъ какъ вне-

запное и единовременное прекращеніе крѣпостныхъ отношеній могло грозить на первое время сильнымъ потрясеніемъ ихъ хозяйствамъ.

Въ западныхъ и особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ помѣщики очень тяготились инвентарными правилами, утвержденными для ихъ имѣній правительствомъ. Здѣсь издавна велось правильное земледѣльческое хозяйство, и хотя земля была не особенно плодородная, однако же главный доходъ помѣщиковъ получался отъ земледѣлія. Идеаломъ здѣшнихъ помѣщиковъ было также, какъ и въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ, безземельное освобожденіе крестьянъ; но среди нихъ пользовалась популярностью также и система „Bauerland'a", подъ которой разумѣлось отдѣленіе части помѣщичьихъ земель въ постоянное пользованіе крестьянъ, при чемъ однако же отдѣльные участки сдавались бы тѣмъ или инымъ крестьянамъ-домохозяевамъ по добровольнымъ съ ними условіямъ и во всякомъ случаѣ съ періодической переоброчкой. При этомъ помѣщики эти надѣялись сохранить значительную долю вотчинной власти и патримоніальную юрисдикцію. Подобные порядки установились въ сосѣднемъ съ ними Остзейскомъ краѣ и казались литовскимъ и бѣлорусскимъ помѣщикамъ наиболѣе для нихъ подходящими. Къ той же системѣ стремились многіе помѣщики Петербургской и Псковской губерній, особенно тѣ изъ нихъ, которые мечтали о развитіи въ Россіи независимой и властной аристократіи.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ, особенно въ Кіевской и Подольской, земля представляла значительную цѣнность, а развившееся здѣсь въ XIX вѣкѣ свекло-сахарное производство дѣлало наиболѣе удобной формой систему вольнонаемнаго хозяйства. Поэтому и здѣсь идея безземельнаго освобожденія крестьянъ была между помѣщиками весьма популярна. Тоже можно сказать о Малороссійскихъ губерніяхъ (въ особенности о Полтавской), въ которыхъ къ тому же крестьянамъ во многихъ мѣстностяхъ и при крѣпостномъ правѣ не отводилось постоянныхъ надѣловъ. Таковы были главнѣйшіе матеріальные факторы, обусловливавшіе стремленія и взгляды помѣщиковъ разныхъ губерній въ отношеніи способа ликвидаціи крѣпостного строя.

Изъ записокъ по крестьянскому дѣлу, циркулировавшихъ въ это время, обращали на себя особенное вниманіе проекты: Кавелина, Самарина и Позена. Нѣсколько позднѣе къ нимъ присоединились записки: кн. Черкасскаго, Кошелева и Унковскаго.

Въ другомъ мѣстѣ я подробно изложилъ содержаніе всѣхъ этихъ проектовъ [1]), здѣсь-же я желалъ бы лишь обратить внима-

[1]) „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу" въ „Русск. Богат." за 1904 г. № 1, стр. 134—151.

ніе читателей на разницу въ ихъ содержаніи, проистекавшую въ значительной мѣрѣ отъ причастности ихъ составителей къ интересамъ помѣстнаго дворянства тѣхъ или иныхъ губерній. Я этимъ отнюдь не желаю сказать, что авторы этихъ записокъ руководились исключительно сословными или классовыми интересами, а утверждаю лишь, что матеріальныя условія помѣщичьяго хозяйства разныхъ мѣстностей такъ или иначе отразились на взглядахъ и настроеніи авторовъ этихъ записокъ, не смотря на то, что, за исключеніемъ Позена, всѣ они были несомнѣнно искренними и принципіальными поборниками эмансипаціи крестьянъ, а по дарованіямъ и просвѣщенности своей принадлежали къ самому верхнему слою тогдашней интеллигенціи страны.

Впрочемъ при объясненіи разницы въ содержаніи этихъ записокъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что онѣ были составлены не всѣ одновременно. Болѣе раннія изъ нихъ уже потому были гораздо умѣреннѣе въ своихъ предположеніяхъ, что крѣпостной вопросъ, въ моментъ ихъ составленія, еще не развился до такой степени, какъ спустя годъ или полтора послѣ того. Движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ развивалось въ это время въ обществѣ съ такой быстротой, что промежутокъ времени въ нѣсколько мѣсяцевъ могъ имѣть въ этомъ отношеніи огромное значеніе. Записки Самарина и Черкасскаго имѣли въ виду главнымъ образомъ черноземныя мѣстности (степныя и центральныя). Онѣ обѣ исходили изъ закона 2 апрѣля 1842 г. о временно-обязанныхъ крестьянахъ и стремились съ одной стороны дать большій просторъ въ дѣлѣ заключенія добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками, а съ другой проектировали нѣкоторыя поощрительныя для помѣщиковъ мѣры, не считая возможнымъ немедленно приступить къ законодательному упраздненію крѣпостного права. Къ нимъ довольно близко примыкала по содержанію записка полтавскаго помѣщика Позена. Позенъ хотя и предлагалъ нѣкоторыя финансовыя мѣры для содѣйствія выкупу земельныхъ надѣловъ крестьянами, но размѣры надѣловъ и вознагражденіе за нихъ предоставлялъ добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Гораздо радикальнѣе были проекты Кавелина и Кошелева, которые имѣли въ виду какъ черноземныя, такъ и промышленныя нечерноземныя губерніи и вполнѣ ясно формулировали и коренную разницу въ положеніи тѣхъ и другихъ. Понимая, въ чемъ заключается главный доходъ помѣщиковъ въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, и тотъ и другой прямо указывали на невозможность отмѣны крѣпостного права въ этихъ губерніяхъ безъ вознагражденія помѣщиковъ за потерю доходовъ отъ заработковъ ихъ крѣпостныхъ. Еще радикальнѣе ставилъ этотъ вопросъ А. М. Ун-

ковскій, имѣвшій въ виду главнымъ образомъ условія нечерноземныхъ губерній. Онъ прямо отрицалъ цѣлесообразность всякихъ переходныхъ мѣръ и постепеннаго ослабленія помѣщичьей власти, а требовалъ единовременной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа, какъ за землю, отдаваемую крестьянамъ, такъ и за доходъ отъ ихъ заработковъ, т. е. за утрату крѣпостныхъ правъ на личность крестьянина. Онъ полагалъ при этомъ, что выкупъ за землю должны уплатить сами крестьяне, а выкупъ за личное ихъ освобожденіе всѣ сословія государства. Во всякомъ случаѣ помѣщики, по его проекту, должны были получить единовременно весь выкупъ изъ казны, а правительство уже затѣмъ должно было возвратить его себѣ частью отъ крестьянъ, частью отъ всего государства, при помощи особой разсроченной на много лѣтъ финансовой операціи.

Когда министерство внутреннихъ дѣлъ послѣ московской рѣчи императора Александра стало готовиться къ крестьянской реформѣ, то записки Кошелева и Унковскаго еще не были составлены. Но записки К. Д. Кавелина находились уже въ обращеніи и составляли въ Петербургѣ, а отчасти и въ Москвѣ предметъ горячихъ преній, будя общественную мысль и разъясняя дѣло [1]). Однако Ланской и Левшинъ не хотѣли и слышать въ это время о выкупѣ. Они боялись всякихъ финансовыхъ операцій частью потому, что печальное состояніе нашихъ финансовъ внушало въ это время самыя тревожныя опасенія, частью потому, что не понимали сущности предлагаемыхъ кредитныхъ операцій [2]).

Предпринимая реформу, но не имѣя опредѣленнаго ея плана, правительство желало избѣгнуть дѣйствій диктаторіальныхъ и предпочитало вызвать инціативу со стороны самихъ дворянъ. Съ этою цѣлью Левшину дано было деликатное порученіе „позондировать“, какъ онъ выражается въ своихъ воспоминаніяхъ, предводителей дворянства во время ихъ съѣзда въ Москвѣ лѣтомъ 1856 г. по случаю коронаціи. Но эти переговоры съ предводителями не имѣли успѣха. Изъ дворянъ многіе понимали неизбѣжность реформы, но не довѣряли бюрократіи и опасались, какъ выразился Самаринъ, „*одинаково* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства“ [3]).

Пойти на встрѣчу правительству выразили желаніе лишь представители литовскихъ губерній, надѣявшіеся такимъ обра-

---

[1]) *Барсуковъ*, назв. соч., XIV, стр. 214 и слѣд.

[2]) *Левшинъ*. „Достопамятныя минуты моей жизни“, Русск. Арх. за 1885 г. № 8. стр. 496—497. Ср. мои статьи о губ. ком. въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 1, стр. 154 и слѣд.

[3]) *Сочиненія*, т. II, стр. 137.

зомъ избѣгнуть введенія непріятныхъ для нихъ инвентарей [1]). Этимъ и рѣшено было воспользоваться и виленскому генералъ-губернатору Назимову поручено было созвать на мѣстѣ предводителей дворянства и объявить имъ, чтобы они указали способъ улучшенія положенія крестьянъ, „не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями“ [2]).

Между тѣмъ, въ виду запроса, поступившаго отъ вел. кн. Елены Павловны относительно основаній, на которыхъ она могла бы устроить бытъ принадлежавшихъ ей крѣпостныхъ въ Полтавской губерніи, и проектовъ, представленныхъ разными лицами, рѣшено было, по докладу Ланскаго, составить негласный комитетъ по образцу комитетовъ по крестьянскому дѣлу, засѣдавшихъ при императорѣ Николаѣ. Комитетъ составленъ былъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя изъ предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Орлова, министровъ и главноуправляющихъ: Ланскаго, кн. Долгорукова, гр. Блудова, гр. Адлерберга, Муравьева, Чевкина, Брока и членовъ государственнаго совѣта: кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцова при производителѣ дѣлъ, государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

Въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ (составленныхъ 29 и 30 декабря 1856 г. Левшинымъ) Ланской рекомендовалъ въ это время *постепенное* освобожденіе крестьянъ, которымъ предполагалось даровать сперва личную свободу и усадебную осѣдлость съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за усадьбы, а можетъ быть и за личность освобождаемыхъ крестьянъ, „если оно окажется необходимымъ“, и съ предоставленіемъ крестьянамъ въ будущемъ пріобрѣтать земли отъ помѣщиковъ безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства. Подробныя правила предполагалось поручить выработать губернскимъ комитетамъ изъ помѣщиковъ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ высказывался категорически противъ всякихъ финансовыхъ операцій [3]).

Негласный комитетъ началъ свою дѣятельность съ разсмотрѣнія проектовъ и записокъ, составленныхъ разными лицами. Дѣло это поручено было кн. Гагарину, бар. Корфу и генералу Ростовцеву. Корфъ и Ростовцевъ попробовали было уклониться отъ участія въ комитетѣ по неимѣнію надлежащей опытности, но Государь просилъ ихъ остаться и къ Ростовцеву вскорѣ перешла руководящая роль въ крестьянской реформѣ. Составленные ими въ іюнѣ 1857 г. отзывы не имѣли впрочемъ никакихъ послѣд-

---

[1]) Записки *Я. А. Соловьева*. „Рус. Ст.“ за 1881 г. № 2.

[2]) *Левшинъ* „Достопамятныя минуты моей жизни“, Русск. Арх. за 1885 г. № 8, стр. 486.

[3]) *Левшинъ*. „Достопамятныя минуты“, Русск. Арх. за 1885 г. № 8, стр. 496—497.

ствій. Для Ростовцева эта работа имѣла значеніе лишь какъ первое ознакомленіе его самого съ дѣломъ, въ которомъ ему суждено было сыграть такую важную роль. Корфъ выразилъ въ своемъ отзывѣ мысль, уже и ранѣе высказывавшуюся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о необходимости образованія въ каждой губерніи дворянскихъ комитетовъ для обсужденія всего дѣла. По поводу этихъ отзывовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ съ своей стороны уже подробно обоснованный планъ реформы, выработанный А. И. Левшинымъ. По этому плану, основанному на идеѣ „Bauerland'a", вся земля должна была остаться по прежнему собственностью помѣщиковъ; но крестьянамъ предполагалось отдѣлить необходимую для нихъ часть земли въ постоянное пользованіе за повинности. Сами крестьяне должны были получить свободу безвозмездно; но чтобы спасти отъ разоренія помѣщиковъ нечерноземныхъ—промышленныхъ губерній, Левшинъ придумалъ особую уловку. Онъ предложилъ дать помѣщикамъ промышленныхъ имѣній вознагражденіе за лишеніе права располагать крѣпостнымъ трудомъ въ скрытой формѣ, подъ видомъ возвышенной оцѣнки усадебъ, а чтобы разница въ оцѣнкѣ усадебъ въ этихъ губерніяхъ и въ хлѣбородныхъ чѣмъ-нибудь мотивировалась, онъ предлагалъ размѣръ усадебъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ довести до minimum'a, оставивъ крестьянамъ лишь постройки,—которыя въ этихъ губерніяхъ по большей части были очень плохи и не имѣли цѣны—да самые ничтожные клочки земли подъ ними. Соотвѣтственно этому предполагались и неодинаковые сроки для выплаты выкупа за усадьбы помѣщикамъ (отъ 10 до 15 лѣтъ) [1]).

Недовольный медленностью и апатіей комитета, Государь назначилъ въ августѣ 1857 г. для оживленія хода дѣлъ въ составъ его великаго князя Константина Николаевича, извѣстнаго въ то время своимъ либеральнымъ образомъ мысли. Впрочемъ на первый разъ вмѣшательство великаго князя не дало значительныхъ результатовъ, хотя и вызвало въ комитетѣ бурныя прения. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій секретный комитетъ постановилъ 18 августа: „улучшеніе быта" помѣщичьихъ крестьянъ производить осторожно и постепенно, для чего исполненіе его раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ черезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но *безъ огласки*. Срока на это не назначалось, „дабы не стѣснять министра". Въ этомъ же періодѣ издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ на волю

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 501 и слѣд.

цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, по добровольному съ крестьянами соглашенію и съ утвержденія правительства. Наконецъ, въ томъ же періодѣ представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ предполагалось составить, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Въ третьемъ періодѣ, „окончательномъ“, предполагалось полное сравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими свободными состояніями [1]).

Хотя, какъ говоритъ Левшинъ, постановленіе это въ сущности было направлено къ тому, чтобы оттянуть дѣло въ долгій ящикъ, но Государь былъ радъ и ему и благодарилъ членовъ комитета „за этотъ первый ихъ трудъ“ [2]).

Послѣ этого составленъ былъ списокъ вопросовъ въ 14 пунктахъ, разосланный членамъ комитета и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Большая часть этихъ вопросовъ касалась предварительныхъ, палліативныхъ мѣръ, направленныхъ къ смягченію власти помѣщиковъ, проектировавшихся въ запискахъ Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и др.

„Послѣ утвержденія журнала 18 августа многіе изъ участниковъ въ составленіи его ласкали себя—по словамъ Левшина—надеждою, что дѣло уснетъ“... Но въ октябрѣ 1857 г. пріѣхалъ въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ результаты своихъ совѣщаній съ литовскими дворянами. Желая избѣгнуть инвентарей, дворянство трехъ литовскихъ губерній рѣшилось освободить своихъ крестьянъ, но безъ надѣленія ихъ землей. Въ негласномъ комитетѣ три недѣли обсуждали это заявленіе литовскихъ дворянъ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Наконецъ, государь, раздраженный нерѣшительностью комитета, приказалъ Ланскому въ три дня составить проектъ рескрипта Назимову съ тѣмъ, чтобы въ основу его положены были начала, изложенныя въ докладѣ 26 іюля. Рескриптъ былъ подписанъ 20 ноября и врученъ въ тотъ же день Назимову [3]). Литовскимъ дворянамъ предоставлялось приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ съ соблюденіямъ, слѣдующихъ главныхъ основаній:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣп. сост. въ Россіи“. т. I, стр. 133.

[2]) *Левшинъ*, стр. 523.

[3]) *Тамъ же*, стр. 524 и слѣд.

собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція.

„и 3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ".

Для проектированія положенія велѣно было открыть въ каждой изъ трехъ литовскихъ губерній комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ членовъ по выбору дворянства, по одному отъ каждаго уѣзда, и двухъ опытныхъ помѣщиковъ по назначенію губернатора. По окончаніи же работъ этихъ комитетовъ въ Вильнѣ должна была открыться общая коммисія подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго генералъ-губернаторомъ, изъ выборныхъ представителей комитетовъ,—по два отъ каждаго,—по одному помѣщику отъ каждой губерніи, назначенному генералъ-губернаторомъ, и одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ [1]).

Въ особомъ секретномъ отношеніи министра сказано было, что комитеты должны были окончить свои занятія въ шестимѣсячный срокъ со дня ихъ открытія; такой же срокъ назначался и для общей комиссіи.

Въ рескриптѣ было упомянуто, что реформа должна быть совершена не вдругъ, а *постепенно*, „дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній". Въ сопроводительномъ отношеніи министра это было подтверждено, причемъ впервые установлялось понятіе о *переходномъ состояніи*, получившемъ впослѣдствіи наименованіе *срочно-обязаннаго*, и комитетамъ рекомендовалось назначить для него опредѣленный срокъ—не свыше 12 лѣтъ. Въ соображеніяхъ министра указывалось также, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ", хотя при неисправности отдѣльныхъ крестьянъ участки ихъ, по мнѣнію министра, могли быть отъ нихъ отбираемы и передаваемы другимъ крестьянамъ. Въ этомъ и заключалось то понятіе „Bauerland'а", которое заимствовано было Левшинымъ изъ остзейскихъ губерній. Впрочемъ соображенія, изложенныя

---

[1]) *А. И. Скребицкій.* „Крестьянское дѣло и проч.", т. 1, введеніе, стр. 2.

въ отношеніи министра, не имѣли обязательной силы, а сообщались губернскимъ комитетамъ лишь въ видѣ *пособія* при ихъ занятіяхъ [1]). На это губернскіе комитеты и ихъ депутаты въ послѣдствіи неоднократно ссылались.

Черезъ четыре дня послѣ подписанія рескрипта 24 ноября 1857 г. и самый рескриптъ, и отношеніе Ланскаго къ Назимову были разосланы въ печатномъ видѣ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе".

Мысль объ этомъ, кажется, принадлежала Константину Николаевичу [2]). Сохранилось преданіе, что кн. Орловъ хотѣлъ остановить разсылку рескрипта, сообразивъ, что разъ рескриптъ будетъ оглашенъ, то повернуть дѣло назадъ, какъ еще надѣялись нѣкоторые придворные крѣпостники, будетъ уже невозможно. Онъ отправился будто-бы во дворецъ и убѣдилъ Государя взять назадъ данное на разсылку рескрипта разрѣшеніе. Но было уже поздно. Ланской, предвидя возможность такого оборота дѣла (по совѣту Милютина, какъ утверждаетъ Leroy-Beaulieu), отпечаталъ эти копіи въ одну ночь и немедля отправилъ ихъ во всѣ концы Россіи съ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, такъ что когда пришло распоряженіе повременить, онъ могъ отвѣтить, что дѣло уже сдѣлано [3]). Вѣренъ-ли или нѣтъ этотъ разсказъ— неизвѣстно; но вѣрно то, что разсылка копій рескрипта дѣйствительно отрѣзывала правительству отступленіе. Черезъ нѣсколько дней (6 декабря 1857 г.) подобный же рескриптъ данъ былъ и петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву. Этотъ рескриптъ послужилъ отвѣтомъ на ходатайство петербургскаго дворянства, возбужденное еще въ 1851 г. и подтвержденное въ началѣ 1857 г. объ открытіи въ Петербургской губерніи дворянскаго комитета для проектированія инвентарныхъ правилъ. Копіи съ рескрипта Игнатьеву и съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ также разосланы во всѣ губерніи 8 декабря, вслѣдъ затѣмъ, 17 декабря, всѣ эти документы были опубликованы въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе.

Съ опубликованіемъ рескриптовъ крестьянскій вопросъ вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія. Секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ переименованъ въ „Главный" и пересталъ быть секретнымъ. Въ то же время литературѣ дозволено было обсуждать крестьянскій вопросъ. Получивъ это разрѣ-

---

[1]) *Скребицкій*, I, введеніе, стр. IV.

[2]) „Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост. въ Россіи", т. I, стр. 156.

[3]) *Тамъ же.* Ср. также у *Leroy Beaulieu.* „Un homme d'etat russe", p. 15 и у *Я. А. Соловьева* въ его запискахъ.

шеніе, печать съ нелицемѣрной радостью привѣтствовала рескриптъ 20 ноября, причемъ въ этихъ привѣтствіяхъ сошлись и заграничный „Колоколъ“ Герцена, и „Современникъ“ Некрасова и Чернышевскаго, и И. С. Аксаковъ. Герценъ написалъ тогда свою знаменитую статью „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“, въ которой объявлялъ, что отнынѣ „имя Александра II принадлежитъ исторіи“ [1]); Чернышевскій написалъ статью „о новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ съ эпиграфомъ: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконія: сего ради помаза тя Богъ твой“, въ которой сравнивалъ Александра II съ Петромъ Великимъ [2]); И. С. Аксаковъ привѣтствовалъ зарю новаго дня прекраснымъ стихотвореніемъ, въ которомъ провозглашалъ:

Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ.

Съ неменьшемъ единодушіемъ, нежели въ повременной печати, выразился восторгъ передовыхъ представителей русской мысли на обѣдѣ, устроенномъ Кавелинымъ, Погодинымъ и Катковымъ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г. по случаю опубликованія рескриптовъ [3]).

Въ первые мѣсяцы послѣ опубликованія рескриптовъ въ либеральной печати (радикальной въ то время еще не было) по поводу ихъ высказывались одни только ликованія безъ всякой критики. Враги же реформъ притаились и не рѣшались пока высказываться во всеуслышаніе.

Но помѣстное дворянство не спѣшило откликаться на призывъ правительства. Помѣщикамъ центральныхъ черноземныхъ губерній не нравился отводъ надѣловъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе. Дворяне степныхъ губерній опасались слишкомъ быстраго и крутого измѣненія существующихъ отношеній и въ особенности ослабленія власти помѣщичьей въ барщинныхъ хозяйствахъ. Особенно же неудобными и разорительными казались основанія, предложенныя въ рескриптахъ помѣщикамъ не черноземныхъ—промышленныхъ губерній, такъ какъ имъ вовсе не улыбалась перспектива полученія оброковъ за одни лишь отведенные надѣлы.

„Полнаго *безусловнаго* сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ, *на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ*, не обнаружилось — писалъ впослѣдствіи Я. А. Соловьевъ въ сво-

---

[1]) „Колоколъ“ отъ 15 февраля 1858 г.

[2]) „Современникъ“ за 1858 г. № 2.

[3]) Описаніе этого обѣда и рѣчи на немъ произнесенныя см. въ „Матеріалахъ по ист. упраздн. крѣп. сост. въ Россіи“ т. I, также у *Иванова* „Паденіе крѣп. права“, и въ особенности подробности, приведенныя у *Барсукова* въ XV т. „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“.

ихъ запискахъ—ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта“ [1]). Эти отзывы присылались губернаторами и губернскими предводителями дворянства въ отвѣтъ на циркулярный запросъ министра. Правительство было ими очень встревожено.

Тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій не ограничился такимъ отзывомъ, и въ обстоятельной и смѣлой запискѣ представилъ отъ своего имени весьма замѣчательную критику на главныя начала реформы, изложенныя въ рескриптахъ. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ, что и съ крестьянской и съ помѣщичьей точки зрѣнія паліативы, указанные въ рескриптѣ, и въ особенности *постепенность* упраздненія крѣпостного права и *переходное срочно-обязанное положеніе* никуда не годятся, что и крестьяне не помирятся съ такой половинной свободой, и помѣщики разорятся, и, наконецъ, что даже исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика—не можетъ быть ничѣмъ обезпечено“.

Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ „освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“, Унковскій считалъ *выкупъ* крѣпостного права, т. е. личности крестьянъ вмѣстѣ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. При этомъ онъ требовалъ, чтобы этотъ выкупъ былъ выданъ помѣщикамъ единовременно въ видѣ облигацій, приносящихъ доходъ. „Выдача *капитала*, писалъ онъ, необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками“. Раскладку платежей для погашенія этого вознагражденія онъ считалъ справедливымъ устроить такъ, чтобы та часть ихъ, которая приходилась бы за земли, отводимыя крестьянамъ, падала на однихъ крестьянъ, а та часть, которая будетъ уплачена за отмѣну личнаго крѣпостного права, на всѣ сословія государства.

Отвергая правильность основаній реформы, указанныхъ въ рескриптахъ, Унковскій настаивалъ въ своей запискѣ на необходимости разрѣшить губернскимъ комитетамъ:

1) Требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ всѣ

---

[1]) „Русск. Старина“ 1881 г. № 4, стр. 738 и слѣд. Курсивъ мой. Въ „Запискахъ“ *Я. А. Соловьева* приведены и самые отзывы. Нѣкоторые изъ нихъ воспроизведены въ моей работѣ „о губернскихъ комитетахъ“, „Русское Богатство“ за 1904 г. № 2, стр. 206.

нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи.

2) Обсудить необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія, мѣстной полиціи и нѣкоторыхъ, связанныхъ съ этимъ предметомъ, учрежденій.

3) Не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать всѣ необходимые предметы со всею откровенностью. Сіе послѣднее необходимо потому, писалъ Унковскій, что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности“ [1]).

Первый адресъ съ заявленіемъ о готовности приступить къ устройству крестьянъ на началахъ, указанныхъ правительствомъ, представленъ былъ нижегородскимъ дворянствомъ 17 декабря 1857 г. Въ Нижнемъ-Новгородѣ удалось военному губернатору А. Н. Муравьеву увлечь дворянство патетической рѣчью на очередномъ дворянскомъ собраніи; но и здѣсь представители крѣпостнической партіи вскорѣ опомнились и почти тотчасъ же вслѣдъ за адресомъ послали въ Петербургъ особую депутацію, которой поручили объяснить правительству, что произошло недоразумѣніе и что дворянство не согласно на тѣ главныя начала, которыя заключаются въ рескриптѣ 20 ноября. Въ Петербургѣ однако же поспѣшили воспользоваться полученнымъ адресомъ, очень обрадовавшимъ государя, и 24 декабря, прежде нежели депутація успѣла представиться, послѣдовалъ на имя Муравьева рескриптъ такого же содержанія, какъ и рескриптъ 20 ноября [2]).

Вслѣдъ за нижегородскимъ послѣдовалъ адресъ Московскаго дворянства, которому дано было знать черезъ генералъ-губернатора гр. Закревскаго о неприличіи его молчанія. Московское дворянство ходатайствовало въ своемъ адресѣ объ открытіи комитета „для составленія правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны *общеполезными и удобными* для мѣстности Московской губерніи“. Эта оговорка очень разсердила императора Александра и въ рескриптѣ Закревскому было указано, что москви-

---

[1]) *Джанціевъ*. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М. 1894 г. стр. 58—71. Ср. мои статьи „Губернскіе Комитеты“ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 2, стр. 209—216.

[2]) „Матеріалы для истор. упразд. крѣп. сост. въ Россіи“, I, 272—275 *Левшинъ*, „Достопамятныя минуты“, Русск. Арх. 85 г. № 8, стр. 537.

чи должны составить свой проектъ на тѣхъ же началахъ, какія указаны дворянству другихъ губерній [1]).

Дворянству прочихъ губерній ничего не оставалось, какъ присоединяться къ этимъ заявленіямъ. Запаздывавшимъ дѣлались внушенія черезъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства [2]). Впрочемъ и сами помѣщики вездѣ понимали, что отстать отъ другихъ невозможно и даже опасно, такъ какъ промедленіе могло легко вызвать безпокойство и волненія среди крестьянъ. Къ іюню 1858 г. не оставалось уже ни одной губерніи, не подавшей адреса.

Выборы въ комитеты кое-гдѣ замедлились и комитеты открывались иногда лишь черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ полученія рескриптовъ. Но къ декабрю 1858 г. Комитеты были открыты повсемѣстно, а нѣкоторые изъ нихъ уже кончили въ это время свои работы [3]).

Сначала министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло—по его собственнымъ словамъ—стѣснять подробною программою разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ [4]). Однако же Главный Комитетъ вскорѣ призналъ необходимымъ дать въ руководство комитетамъ подробную программу. Сперва выработать ее поручено было Левшину, но затѣмъ представленный имъ проектъ взятъ былъ обратно, такъ какъ Ростовцевъ настоялъ въ Главномъ Комитетѣ на принятіи его проекта, выработаннаго Позеномъ. Позенъ интриговалъ въ этомъ случаѣ въ пользу помѣщиковъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній, желавшихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Но себя онъ выдавалъ за либерала и за сторонника надѣленія крестьянъ землей. Поэтому онъ и не рѣшился прямо проповѣдывать безземельное освобожденіе, а старался лишь растолковать рескрипты въ томъ смыслѣ, что земля отводится крестьянамъ въ пользованіе только на время срочно-обязаннаго положенія, пока они остаются крѣпки землѣ и отбываютъ обязательно помѣщикамъ опредѣленныя положеніемъ повинности. По истеченіи же этого періода крестьяне, по мысли Позена, должны были получить полную свободу передвиженія, а къ помѣщикамъ должна была возвратиться полная свобода въ распоряженіи всею принадлежащею имъ землею, въ томъ числѣ и той, которая была временно отведена въ пользованіе крестьянъ, за исключеніемъ только усадебъ. Затѣмъ уже крестьяне могли пріобрѣтать землю лишь по добровольнымъ до-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. сост. въ Россіи“, т. I, стр. 278.

[2]) Ср. мою ст. „Крестьянская реформа въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ“ въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ“, Спб. 1904 г., стр. 148.

[3]) „Губернскіе Комитеты“, Русск. Бог. за 1904 г. № 2, етр. 224 и слѣд.

[4]) Цирк. М. В. Д. отъ 17 февр. 1858 г. № 104. Сборникъ постановленій по крест. дѣлу, вып. I, стр. 61.

говорамъ съ помѣщиками. Впослѣдствіи, когда Позенъ снялъ съ себя маску, онъ прямо утверждалъ въ общемъ собраніи редакціонныхъ коммисій 12 августа 1859 г., что „правительство, давая программу губернскимъ комитетамъ, намѣревалось обезпечить крестьянъ землей за опредѣленныя повинности, *только на 12-лѣтній періодъ срочно обязанныхъ отношеній* крестьянъ къ помѣщикамъ, т. е. на періодъ переходный, по истеченіи котораго полевая земля, какъ неотъемлемая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема и въ пользованіе крестьянъ, и на выкупъ, по его усмотрѣнію“ [1]). Это была явная ложь. Напротивъ, по программѣ, проектированной министерствомъ, полевая земля должна была отводиться крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе, отнюдь не ограничиваемое однимъ лишь переходнымъ періодомъ [2]). Чтобы провести свою мысль незамѣтно для Ростовцева, который и въ то время былъ противникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, Позенъ рѣшился не вводить ея прямо въ программу, но открыть лишь губернскимъ комитетамъ возможность такого толкованія рескриптовъ. Для этого онъ раздѣлилъ работу губернскихъ комитетовъ на три періода. Въ первомъ періодѣ губернскимъ комитетамъ предоставлялось выработать проектъ положенія лишь для срочно-обязанныхъ крестьянъ и обезпеченіе ихъ полевою землей; предуказанное рескриптами относилось такимъ образомъ лишь къ этому переходному періоду. Такъ растолковалъ самъ Позенъ эту программу въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ и такъ поняли ее во всѣхъ тѣхъ комитетахъ, гдѣ такое толкованіе соотвѣтствовало выгодамъ помѣщиковъ. Во второмъ періодѣ на губернскіе комитеты предполагалось возложить исполненіе утвержденныхъ уже положеній. Наконецъ, въ третьемъ комитеты должны были выработать сельскій уставъ, опредѣляющій всѣ подробности крестьянскаго быта или представить необходимые для этого матеріалы. Положеніе, которое комитеты должны были выработать въ первомъ періодѣ для срочно-обязанныхъ крестьянъ, было подробно разработано въ программѣ. Положеніе должно было заключать въ себѣ слѣдующія десять главъ, изъ которыхъ каждая раздѣлена была на цѣлый рядъ подраздѣленій, подробно предусматривавшихъ содержаніе каждой главы:

Глава I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.

---

[1]) *Н. П. Семеновъ.* „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“, т. I, стр, 542.

[2]) Проектъ Левшина напечатанъ въ III т. сочиненій *Ю. Ф. Самарина*, стр. 59, примѣчаніе.

II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землею.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способъ исполненія.

Въ нѣкоторыхъ главахъ однимъ перечнемъ входящихъ въ нихъ подраздѣленій комитетамъ какъ бы подсказывались и выводы, къ которымъ они должны были придти. Такъ, напр., въ главѣ II перечислены были слѣдующія подраздѣленія:

„Оставленіе крестьянъ временно крѣпкими землѣ.

„Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами и селеніями.

„Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльному лицу или семейству.

„Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

„Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія, независящій отъ выкупа усадебъ.

Такой перечень предрѣшалъ, какъ видитъ читатель, довольно опредѣленно положеніе крестьянъ въ срочно-обязанномъ періодѣ.

Глава IX, *о правахъ и отношеніяхъ помѣщиковъ*, заключала въ себѣ слѣдующія подраздѣленія:

„Присвоеніе помѣщику званія *начальника общества*.

„Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку,

б) по внутреннему управленію,

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами.

г) по отправленію крестьянами повинностей.

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

Программа этой главы предрѣшала такимъ образомъ въ общихъ чертахъ характеръ и объемъ вотчинной власти помѣщиковъ [1]).

Эта программа давала полную возможность комитетамъ черноземныхъ-хлѣбородныхъ губерній, заинтересованнымъ въ обезземеленіи крестьянъ, установить, что по окончаніи срочно-обя-

---

[1]) Ср. мои статьи о Губернскихъ комитетахъ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г., № 3, стр. 109—115. Программа эта напечатана полностью у *Скребицкаго*, т. I, стр. XXVI—XXXII, и у *Иванюкова*, стр. 45 и слѣд. (2-е изд.).

заннаго періода *вся* полевая земля возвращается помѣщику. Въ то же время программа эта не допускала проектированія полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которой желали многіе помѣщики нечерноземныхъ-промышленныхъ губерній.

Съ внѣшней стороны программа довольно близко и точно придерживалась главныхъ началъ, преподанныхъ въ рескриптахъ; но затаенная цѣль ея составителя, обнаружившаяся лишь впослѣдствіи, несомнѣнно вовсе не гармонировала съ намѣреніями законодателя, который, какъ мы видѣли, имѣлъ въ виду сохранить земельные надѣлы крестьянъ *въ безсрочномъ* ихъ пользованіи и отнюдь не желалъ ихъ обезземеленья.

Тѣмъ не менѣе программа, составленная Позепомъ и представленная Ростовцевымъ въ главный комитетъ, была утверждена послѣднимъ въ присутствіи Государя и 21 апрѣля 1858 г. разослана по высочайшему повелѣнію при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ руководство губернскимъ комитетамъ.

Она вызвала противъ себя самую сильную оппозицію, какъ и слѣдовало ожидать, въ комитетахъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній. Главнымъ застрѣльщикомъ въ предпринятой противъ нея борьбѣ явился тверской губернскій комитетъ съ Унковскимъ во главѣ. Нѣсколько ранѣе этого слабыя попытки предложить правительству выкупъ части крестьянскихъ надѣловъ сдѣланы были со стороны нижегородскаго и виленскаго комитетовъ; но правительство отвѣчало на эти предложенія категорическимъ отказомъ и комитеты не настаивали. Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ съ самаго начала выбрана была, по предложенію Унковскаго, особая коммисія „плана занятій“, вполнѣ одобрившая тотъ планъ реформы, который предложенъ былъ Унковскимъ въ противовѣсъ правительственной программѣ [1]). Тверской губернскій комитетъ особенно сильно возставалъ противъ переходнаго срочно обязаннаго положенія и требовалъ полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и выдачи помѣщикамъ денежнаго выкупа, въ видѣ приносящихъ доходъ облигацій, притомъ не только за земли, отведенныя крестьянамъ, но и за личность крѣпостныхъ. Но такъ какъ правительство настаивало на соблюденіи преподанной комитетамъ программы и въ особенности высочайшихъ рескриптовъ, на основаніи которыхъ выкупу подлежали однѣ только усадьбы, то Унков-

---

[1]) Идеи Унковскаго пользовались огромной популярностью среди просвѣщенной части Тверскаго дворянства. Дворянство же Новоторжскаго уѣзда поднесло ему даже особый сочувственный адресъ. (*Джаншіевъ*, „А. М. Унковскій и освобожд. крестьянъ“, стр. 76).

скій и съ нимъ большинство членовъ (14 чел. противъ 12) рѣшились на обходъ этого затрудненія. Они постановили считать за усадьбу полный крестьянскій надѣлъ вмѣстѣ со всей полевой землей, крестьянскими лугами, выгономъ и проч., и выкупъ этого надѣла осуществить при помощи особой кредитной операціи, причемъ въ оцѣнку его включить и стоимость рабочей силы имѣній. Несмотря на это включеніе, меньшинство комитета, состоявшее изъ консерваторовъ и крѣпостниковъ, возстало противъ такого проекта и представило протестъ свой правительству. Тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало формальное предписаніе тверскому комитету не уклоняться отъ данной правительствомъ программы. Но комитетъ не склонился передъ этими распоряженіями; онъ отрядилъ въ Петербургъ депутацію изъ четырехъ своихъ членовъ, которые объявили правительству (въ лицѣ Ланскаго и Ростовцева), что тверской комитетъ согласенъ составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя большинство комитета признаетъ полезными; если же такого проекта не нужно, то они просятъ назначить на ихъ мѣсто чиновниковъ, „которые напишутъ все, что имъ велятъ“. Это энергичное заявленіе поколебало упорство правительства. Дѣло было разсмотрѣно въ главномъ комитетѣ и рѣшено въ благопріятномъ для тверского комитета смыслѣ. Главный комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: „не стѣснять тверского дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность, но обязать означенный комитетъ составить постановленія объ усадьбахъ и полевыхъ угодьяхъ по каждому предмету особо [1])“. Эта побѣда, одержанная тверитянами, имѣла для дальнѣйшаго хода дѣла огромное значеніе: калужскій губернскій комитетъ, раздѣлявшій основные взгляды Унковскаго и хорошо понимавшій невыгодность для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній срочно-обязаннаго положенія, въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій постановилъ 17-ю голосами противъ 6-ти: 1) въ основаніе своихъ работъ принять предоставленіе крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа не только усадьбы, но и полевой земли, необходимой для обезпеченія ихъ быта; 2) выкупъ произвести посредствомъ финансовой, гарантированной правительствомъ мѣры, положительно и всесторонне разрѣшающей вопросъ. На этомъ рѣшеніи въ Калугѣ сошлись и либералы, и умѣренные консерваторы, а въ меньшинствѣ остались лишь непримиримые крѣпостники [2]). Это постановленіе калужскаго

[1]) *Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій“, стр. 95.

[2]) *Мои* статьи „Губернскіе комитеты и проч.“. Русск. Бог. за 1904 г. № 3, стр. 129.

комитета было поддержано и губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, который писалъ министру, что онъ и самъ не сомнѣвается, „что срочно-обязанная система, какъ полумѣра, неизбѣжно затруднитъ управленіе и дастъ возможность еще усилить притѣсненія, дѣлаемыя владѣльцами крестьянамъ, и даже во многихъ отношеніяхъ ухудшитъ положеніе сихъ послѣднихъ“ [1]). Калужскому комитету было предоставлено составить выкупной проектъ, съ тѣмъ лишь, чтобы на ряду съ нимъ былъ составленъ и проектъ срочно-обязаннаго положенія соотвѣтственно утвержденной программы [2]). Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ это время настроеніе настолько уже повернулось въ сторону выкупа, что предложено было въ представленіи въ главный комитетъ выразить даже желаніе, „чтобы всѣ комитеты руководствовались началами, принятыми калужскимъ комитетомъ“ [3]). Хотя такое предположеніе не осуществилось, но о разрѣшеніи, данномъ калужскому комитету 16 марта 1859 г., сообщено было губернаторамъ нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ комитеты не кончили еще въ это время своихъ занятій [4]).

Къ сожалѣнію, большинство губернскихъ комитетовъ въ это время уже кончило или кончало свои работы и такимъ образомъ разрѣшеніе составить выкупные проекты для многихъ комитетовъ запоздало. Впрочемъ вопросъ о невыгодахъ срочно-обязаннаго положенія и о желательности единовременнаго выкупа поднимался и ранѣе этого времени во многихъ губернскихъ комитетахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были приняты выкупные проекты и безъ спеціальнаго разрѣшенія правительства. Такъ поступили меньшинства симбирскаго, рязанскаго, нижегородскаго и московскаго комитетовъ и комитеты: харьковскій, пензенскій и московскій [5]).

Въ правительственныхъ сферахъ мысль о выкупѣ начала завоевывать себѣ признаніе съ конца 1858 г. Въ концѣ лѣта 1858 г. Ростовцевъ былъ за границей на водахъ и вернулся оттуда уже сильно подготовленный къ окончательному усвоенію этой мысли. Изъ заграницы онъ написалъ свои извѣстныя 4 письма къ императору Александру, имѣвшія большое вліяніе на настроеніе Государя и на ходъ дѣлъ въ главномъ комитетѣ.

Изъ этихъ писемъ прежде всего видно, что Ростовцевъ никогда не былъ сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

---

[1]) „*Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ*“. Восп. и характеристики. Спб. 1904 г. Моя статья „Крестьянская реформа въ Калужской губ.“, стр. 216.

[2]) „Сборникъ постановленій по крест. дѣлу“. вып. III, стр. 25.

[3]) „*В. А. Арцимовичъ* и проч.“, стр. 218. Письмо бар. А. Ф. Штакельберга къ В. М. Жемчужникову.

[4]) „Сборникъ постановленій, вып. III, стр. 25.

[5]) Ср. „Губернскіе комитеты“, Русск. Бог. за 1904 г. № 4, стр. 60 и слѣд.

Воспитанный на началахъ опеки населенія и охраненія спокойствія въ странѣ, Ростовцевъ всего болѣе опасался соціальныхъ и политическихъ потрясеній [1]). Для него, стараго николаевскаго служаки, вопросы народнаго благосостоянія и спокойствія были гораздо важнѣе идеи свободы человѣческой личности и т. п. Хорошо понимая, что безземельное освобожденіе крестьянъ чревато всевозможными потрясеніями и бунтами, онъ понятно не допускалъ и мысли о возможности обезземеленія крестьянъ при освобожденіи. По его словамъ, и главный комитетъ понималъ невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Но Ростовцеву въ то время казалось еще несомнѣннымъ, что необходимыхъ для выкупа крестьянскихъ надѣловъ средствъ въ распоряженіи правительства нѣтъ и никогда не будетъ. Поэтому онъ признавалъ вполнѣ раціональнымъ рѣшеніе главнаго комитета сохранить крестьянамъ при освобожденіи ихъ дома, огороды и пашни въ *постоянное пользованіе* за опредѣленныя повинности впредь до выкупа ихъ самими крестьянами. Но въ послѣднемъ письмѣ онъ высказываетъ уже предположеніе, что пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности можетъ совершиться скоро и даже прочно, путемъ добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ, посредники которыхъ, по его мнѣнію, могли бы быть „опекунскіе совѣты, министерство государственныхъ имуществъ, приказы общественнаго призрѣнія, губернскіе банки изъ капиталовъ дворянства, частныя общества, доходъ которыхъ обезпеченъ денежными капиталами или недвижимыми имуществами“.

При этомъ онъ уже упоминаетъ и о нѣкоторомъ содѣйствіи со стороны правительства [1]).

По возвращеніи Ростовцева изъ-за границы его письма обсуждались сперва въ интимномъ совѣщаніи императора Александра II съ самимъ авторомъ ихъ и съ Ланскимъ, а затѣмъ были разосланы въ извлеченіяхъ членамъ главнаго комитета и легли въ основаніе двухъ важныхъ его журналовъ 26 октября и 4 декабря 1858 г. Въ это же время явился въ Петербургъ Унковскій со своимъ ультиматумомъ и, надо думать, его энергичныя представленія также не остались безъ вліянія на Ростовцева. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ на него другъ его юности, возвращенный изъ ссылки декабристъ, князь Е. П. Оболенскій, съ которымъ Ростовцевъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ [2]). На Ланского въ это же время дѣйствовалъ совершенно также

---

[1]) О письмахъ Ростовцева см. въ „Матеріалахъ для истор. упразди. крѣп. сост. въ Россіи“, т. I, стр. 380 и слѣд. Извлеченіе изъ этихъ писемъ у *Скребицкаго*, „Крестьянское дѣло“, т. I, стр. 908 и слѣд.

[2]) См. переписку между Я. И. Ростовцевымъ и кн. Е. П. Оболенскимъ въ „Русск. Арх.“ за 1873 г. № 1.

убѣжденный сторонникъ выкупной системы Н. А. Милютинъ, тогда еще директоръ хозяйственнаго департамента, но принимавшій уже въ крестьянскомъ вопросѣ дѣятельное, хотя и негласное участіе [1]).

Понятно, такимъ образомъ, что когда на разсмотрѣніе Ростовцева въ числѣ первыхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ поступилъ проектъ меньшинства 5 членовъ симбирскаго комитета, составленный съ большими отступленіями отъ Позеновской программы и даже отъ главныхъ началъ рескриптовъ и основанный на идеѣ выкупа, обязательнаго для помѣщиковъ, но необязательнаго для крестьянъ, то Ростовцевъ пришелъ отъ этого проекта въ восторгъ и указалъ въ оффиціальномъ своемъ отзывѣ о немъ, что „проектъ 5 членовъ, соединяя выкупъ усадебъ съ выкупомъ надѣла, желаетъ *разрѣшить* вопросъ, а не *обойти* его“ [2]). Это было въ январѣ 1859 г. Въ февралѣ Ростовцевъ представилъ записку—„ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“, въ которой писалъ: „Выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наиполезнѣйшій, если бы только онъ былъ признанъ возможнымъ и справедливымъ; этимъ Россія избѣгла бы труднаго для нея періода срочно-обязаннаго положенія и не было бы надобности въ учрежденіи новыхъ уѣздныхъ присутствій“.

„Норма выкупа можетъ быть опредѣлена или: 1) стоимостью отводимой крестьянамъ земли (въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ), или 2) капитализаціею облегченнаго оброка (въ промышленныхъ мѣстностяхъ). Во всякомъ случаѣ съ выкупной суммы крестьяне выплачиваютъ ежегодно 6% правительству; 5% правительство выдаетъ помѣщику; 1% удерживается для погашенія“. Денежную сумму правительство выдаетъ помѣщикамъ облигаціями. Такимъ образомъ здѣсь Ростовцевъ даетъ тотъ самый расчетъ, который принятъ былъ тогда же калужскимъ губернскимъ комитетомъ. „Выкупъ усадьбы—писалъ въ этой же запискѣ Ростовцевъ—при соединеніи съ нимъ выкупа полевой земли и другихъ угодій, перестаетъ уже составлять значеніе въ крестьянскомъ вопросѣ; въ такомъ случаѣ продажа усадебнаго участка безъ полевой земли не должна уже быть для помѣщика обязательна, а потому было бы несправедливо и помѣщику брать съ крестьянина за пользованіе усадьбою какіе-либо проценты, кромѣ тѣхъ усадьбъ промышленныхъ, за которыя крестьяне и нынѣ

---

[1]) Ср. *Leroy-Beaulieu.* Un homme d'etat russe“, а также записки М. А. Милютиной въ „Русск. Стар.“ за 1899 г. 1 и 2. Тамъ же переписка Милютина съ Ланскимъ.

[2]) „Матеріалы редакціонныхъ комиссій“, 1 изд., т. I, прилож. къ журналу № 1, стр. 51.

*

помѣщику уже платятъ“ [1]). Въ „дополненіи“ къ этой запискѣ, составленномъ въ апрѣлѣ 1859 г., Ростовцевъ уже совершенно признавалъ все неудобство срочно-обязаннаго періода: „соединить права свободнаго человѣка съ требованіемъ отъ него обязательнаго труда *безъ сильной власти на мѣстѣ* составляетъ—писалъ онъ—такое искусственное условіе, что исхода его, какъ относительно обоюдныхъ недоумѣній двухъ сословій, такъ и относительно государственнаго хозяйства, и предвидѣть во всѣхъ подробностяхъ невозможно“. Поэтому онъ полагалъ „не только полезнымъ, но даже необходимымъ, чтобы правительство старалось срочно-обязаннаго періода *въ этомъ смыслѣ* избѣжать вовсе, или, по крайней мѣрѣ, по возможности его сократить“.

Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ о выкупѣ онъ только потому не останавливается на *обязательномъ* выкупѣ, что считаетъ принудительность его несправедливой и для помѣщиковъ и для крестьянъ, а, главное, въ виду необходимости довольно значительныхъ работъ по кадастру имѣній, которыя потребовали бы нѣсколько лѣтъ для своего окончанія. Поэтому Ростовцевъ остается сторонникомъ добровольнаго выкупа, но признаетъ уже необходимость правительственной гарантіи и разныхъ поощрительныхъ мѣръ, а также серьезнаго пониженія повинностей крестьянъ [2]).

Такимъ образомъ Ростовцевъ, къ началу 1859 г., прекрасно сознадъ не только всѣ недостатки Позеновской программы, но и необходимость значительнаго уклоненія отъ главныхъ началъ, преподанныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ; но для губернскихъ комитетовъ эта эволюція взглядовъ Ростовцева произошла, какъ мы уже сказали, слишкомъ поздно. Имъ пришлось до конца ихъ дѣятельности руководствоваться Позеновскою программою и главными началами, преподанными въ рескриптахъ.

Стѣснительность этихъ началъ для комитетовъ нечерноземныхъ губерній очень ясно изложена была въ адресѣ смоленскаго дворянства. Указавъ въ этомъ адресѣ, что въ Смоленской губерніи, по свойству ея почвы, крѣпостной трудъ въ противоположность хлѣбороднымъ губерніямъ составляетъ главную цѣнность помѣщичьихъ имѣній, смоляне въ то же время весьма основательно заявляли, что возложить на крестьянъ выкупъ крѣпостного и промышленнаго труда, посредствомъ преувеличенія цѣны усадебъ, было бы несправедливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и дурнымъ расчетомъ для помѣщиковъ, потому

---

[1]) *Скребицкій*, т. I, стр. 943 и слѣд.

[2]) „Дополненіе къ статьѣ „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“. *Скребицкій*, т. I, стр. 947—949. Эта записка была составлена 8 апрѣля 1859 года.

что крестьяне не могли бы выкупить усадьбъ, и вознагражденіе помѣщикамъ было бы только номинальное". Этотъ адресъ, ставившій вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ на ту же почву, что и тверской комитетъ, не обратилъ однако же на себя серьезнаго вниманія правительства и смоленскому комитету пришлось въ концѣ концовъ для спасенія помѣщичьихъ интересовъ прибѣгнуть къ той самой мѣрѣ, которую сами же смоленскіе дворяне признавали несправедливой и неразумной, — къ повышенной оцѣнкѣ усадебъ, совершенно несоразмѣрной дѣйствительной ихъ стоимости. Не ограничиваясь этимъ, смоленскій комитетъ постановилъ, что никакой владѣлецъ усадьбы не имѣетъ права отказываться отъ слѣдуемаго ему надѣла полевой земли и связанныхъ съ ними повинностей, — очевидно изъ опасенія, что крестьяне могутъ бросить земледѣліе и такимъ образомъ оставить земли безъ обработки, а владѣльца безъ дохода [1]). Таково было дѣйствіе тѣхъ искусственныхъ рамокъ, въ которыя была поставлена дѣятельность губернскихъ комитетовъ.

Вообще вопросъ о выкупѣ личности возникъ во многихъ губернскихъ комитетахъ, даже и въ черноземныхъ или получерноземныхъ губерніяхъ, и вызывалъ страшную борьбу между „плантаторами" и „либералами", пока правительство не подтвердило категорически, что установленіе вознагражденія за личность крѣпостныхъ противорѣчитъ главнымъ началамъ, преподаннымъ въ Высочайшихъ рескриптахъ [2]). Тогда комитеты большей части губерній рѣшились воспользоваться уловкой, изобрѣтенной Левшинымъ, и назначили за усадьбы такія суммы, которыя съ избыткомъ вознаграждали бы помѣщиковъ за потерю права на пользованіе крѣпостнымъ трудомъ.

Нѣкоторые комитеты — какъ напр. ярославскій — при этомъ до того увлеклись, что если бы крестьянамъ дѣйствительно пришлось выкупать усадьбы по комитетской оцѣнкѣ, то многіе помѣщики получили бы за одни усадьбы чуть ли не больше, нежели стоили самыя ихъ имѣнія со всею землей и съ крѣпостными душами [3]).

Что касается вопроса обезпеченія крестьянъ землей, то къ этому вопросу комитеты различныхъ губерній отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, далеко неодинаково.

---

[1]) Ср. „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу", Русское Богатство за 1904 г. № 3, стр. 130 и слѣд.

[2]) Циркуляръ начальникамъ губерній по вопросу о выкупѣ личности крестьянъ въ „Сборникѣ постановленій и проч.", вып. II, стр. 18.

[3]) Подробное изложеніе оцѣнки губернскими комитетами крестьянскихъ усадебъ см. въ статьяхъ моихъ „Губернскіе комитеты", Русское Богатство за 1904 г. № 3, стр. 122 и слѣд. до 140. Ср. *Скребицкаго*, т. II, ч. II, стр. 856.

Около половины губернскихъ комитетовъ выразили намѣреніе, воспользовавшись пріуроченіемъ преподанной имъ программы къ одному лишь срочно-обязанному періоду, отобрать у крестьянъ землю по окончаніи этого періода [1]). Категорически высказались въ этомъ смыслѣ *восемнадцать* губернскихъ комитетовъ и условно—*три*. Впрочемъ, и изъ первыхъ 18-ти далеко не всѣ были безусловными сторонниками полнаго обезземеленія крестьянъ. Къ нимъ принадлежали лишь десять комитетовъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній, стремившіеся стать „монополистами цѣннаго товара чернозема".

Остальные 8 требовали возвращенія земли помѣщику главнымъ образомъ потому, что не желали продленія обязательныхъ отношеній съ крестьянами; но почти всѣ они легко согласились бы на выкупъ надѣловъ правительствомъ или при его содѣйствіи подъ условіемъ прекращенія обязательныхъ отношеній съ крестьянами и единовременной выплаты помѣщикамъ денежнаго выкупа хотя бы въ видѣ облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. Болѣе опредѣленно выражали эту именно мысль комитеты: калужскій, новгородскій и пензенскій.

Комитеты: тверской и харьковскій и меньшинство калужскаго, владимірскаго, рязанскаго (2-хъ чл. отъ правит.), и симбирскаго (5 членовъ) признавали единственно возможнымъ способомъ улучшенія быта крестьянъ безъ разоренія помѣщиковъ единовременный выкупъ крестьянъ съ землей и полную ликвидацію крѣпостного права.

Остальные комитеты болѣе или менѣе мирились съ отводомъ надѣловъ въ *безсрочное пользованіе* съ сохраненіемъ на неопредѣленное время обязательныхъ отношеній съ крестьянами. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ требовала при этомъ періодической переоброчки. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предпочитали выкупъ, но не настаивали на немъ; нѣкоторые же лишь потому не составили выкупныхъ проектовъ, что по привычкѣ безпрекословно подчинились правительственной программѣ. Главныя начала рескриптовъ и данная комитетамъ программа всего болѣе удовлетворила тѣ комитеты, которые склонялись вообще къ системѣ „Bauerland'a", какъ петербургскій, псковскій и комитеты сѣверо-западныхъ губерній.

Почти всѣ комитеты, соглашавшіеся на сохраненіе надѣловъ въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, старались однако же болѣе или менѣе урѣзать размѣры существовавшихъ при крѣ-

---

[1]) Продолжительность срочно-обязаннаго періода большинствомъ комитетовъ опредѣлялась въ 12 лѣтъ, нѣкоторые опредѣляли ее въ 10, въ 9 и даже въ 6 лѣтъ.

постномъ правѣ надѣловъ. Впрочемъ, и тѣ комитеты, которые постановили, что по прекращеніи срочно-обязаннаго періода *вся* земля возвращается помѣщику, по большей части не преминули сильно уменьшить существовавшіе ранѣе надѣлы даже и на срочно-обязанный періодъ. Они это сдѣлали главнымъ образомъ потому, что въ сущности не надѣялись, чтобы правительство согласилось въ концѣ концовъ обезземелить крестьянъ, и поэтому заранѣе спѣшили по крайней мѣрѣ урѣзать, сколько возможно, ихъ землепользованіе.

Изъ комитетовъ, принявшихъ выкупную систему, рѣшились отдать крестьянамъ полностью ранѣе существовавшіе надѣлы—и то впрочемъ съ нѣкоторымъ регулированіемъ ихъ—лишь большинство тверскаго комитета и меньшинства—6-ти членовъ владимірскаго, 2-хъ членовъ (отъ правительства) рязанскаго, 1 члена калужскаго и 1 члена саратовскаго. Къ нимъ примыкали изъ числа комитетовъ, принявшихъ начало безсрочнаго пользованія: самарскій (большинство и меньшинство) и 2 члена симбирскаго, да изъ требовавшихъ возвращенія надѣловъ помѣщикамъ по окончаніи срочно-обязаннаго періода: смоленскій и могилевскій. Всѣ остальные комитеты старались болѣе или менѣе урѣзать полевые надѣлы. Особенно рѣзко хотѣли уменьшить надѣлы комитеты черноземныхъ губерній [1]).

Между тѣмъ основная задача, которую правительство поставило передъ комитетами, была: *улучшеніе быта и положенія крестьянъ*. Комитеты понимали, что улучшить положеніе крестьянъ въ экономическомъ отношеніи можно или увеличеніемъ надѣловъ, или уменьшеніемъ повинностей. Увеличивать надѣлы они не хотѣли, а даже, наоборотъ, всѣ почти старались ихъ, елико возможно, урѣзывать, причемъ нѣкоторые лицемѣрно увѣряли, что крестьянамъ большіе надѣлы будутъ въ тягость и поведутъ къ разстройству ихъ хозяйствъ [2]). Оставалось, слѣдовательно, уменьшить повинности. Сдѣлать это или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что повинности облегчены,—было необходимо, потому что правительство требовало точнаго указанія, въ чемъ именно,

---

[1]) Подробный анализъ всѣхъ комитетскихъ положеній въ отношеніи надѣленія крестьянъ землей данъ въ статьяхъ моихъ „Губернскіе комитеты", въ гл. VI, „Русск. Бог." за 1904 г. № 4, стр. 55 и слѣд.

[2]) Такъ напримѣръ, *Позенъ* осторожно, но упорно проводившій принципъ неприкосновенности помѣщичьей собственности съ самаго начала и затѣмъ сильно отстаивавшій его въ редакціонныхъ коммисіяхъ, въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ счелъ необходимымъ предостеречь помѣщиковъ, что правительство едва ли согласится на возвращеніе въ ихъ распоряженіе разъ отведенныхъ надѣловъ. Поэтому здѣсь онъ старался лишь провести мысль, что крестьянамъ слѣдуетъ отводить надѣлы какъ можно меньше. См. „бумаги М. П. Позена", стр. 162.

по проекту каждаго комитета, положеніе крестьянъ улучшается [1]). Большинство комитетовъ указывало, что улучшеніе быта крестьянъ заключается въ проектированномъ ими уменьшеніи барщины съ *трехъ* дней до *двухъ* въ недѣлю. На первый взглядъ такое уменьшеніе казалось очень значительнымъ; между тѣмъ на дѣлѣ оно было вовсе не велико, а иногда и совершенно фиктивно. Дѣло въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній трехдневная барщина при крѣпостномъ правѣ практиковалась лишь въ *лѣтніе* мѣсяцы—въ періодъ полевыхъ работъ; въ остальное же время года количество господскихъ работъ было гораздо меньше и крестьяне или отпускались на заработки (иногда за дополнительный оброкъ), или дома употребляли свой досугъ, какъ имъ сподручнѣе. Поэтому для огромнаго большинства крестьянъ дѣйствительнымъ уменьшеніемъ повинностей было бы сокращеніе числа барщинныхъ дней *не въ зимніе, а въ лѣтніе мѣсяцы*. Между тѣмъ по проектамъ большинства комитетовъ, принимавшихъ двухневную барщину (т. е. 104 дня въ году или 94 за вычетомъ праздниковъ), постановлялось, что $^2/_3$ или даже $^3/_4$ этихъ дней могутъ быть потребованы въ лѣтніе мѣсяцы, а остальные въ зимніе, или же распредѣленіе тѣхъ и другихъ предоставлялось произволу помѣщика. Очевидно, что при такомъ распредѣленіи работъ крестьяне ничего не выигрывали. Многіе комитеты, принимая такое, въ сущности фиктивное, сокращеніе барщины, значительно урѣзывали существовавшіе до тѣхъ поръ надѣлы и все таки утверждали, что проектированнымъ сокращеніемъ повинностей они достигаютъ улучшенія быта крестьянъ.

Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только тверской, ярославскій и меньшинства калужскаго и пяти членовъ владимірскаго проектировали немедленную отмѣну барщины съ замѣной ея оброкомъ, причемъ тверское большинство и калужское меньшинство назначали умѣренные оброки, близкіе къ тѣмъ, которые впослѣдствіи назначены были для этихъ губерній редакціонными комиссіями. Всѣ остальные комитеты, даже и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, оставляли барщину — одни на все время срочно-обязаннаго періода, другіе, установивъ извѣстные сроки и правила постепеннаго перехода съ барщины на оброкъ, въ теченіе срочно-обязаннаго періода.

Опредѣленіе размѣра оброка было еще важнѣе, нежели опредѣленіе размѣра барщины, потому что барщина устанавливалась

---

[1]) Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшій въ октябрѣ 1858 г. вслѣдствіе п. 2 журнала главн. комит., утвержденнаго 26 октября 1858 г. (*Скребицкій*, т. I, стр. LVI).

лишь на нѣсколько лѣтъ, оброки же назначались на неопредѣленное время и по нимъ же впослѣдствіи должна была опредѣляться и выкупная сумма, а слѣдовательно и размѣръ выкупныхъ платежей.

При опредѣленіи размѣровъ оброка лишь немногіе комитеты исходили изъ ранѣе существовавшихъ окладовъ. Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки были вычислены или по средней доходности земли, или какъ извѣстный процентъ съ принятой комитетами оцѣнки земли, при чемъ существовавшія ранѣе повинности были лишь болѣе или менѣе приняты во вниманіе. Данныя, на которыя при этихъ расчетахъ опирались губернскіе комитеты, были вообще по большей части неудовлетворительны. Они были заимствованы изъ сводовъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, а своды эти, какъ удостовѣряютъ весьма компетентные современники и знатоки дѣла, далеко не отличались точностью [1]). Да и самые расчеты губернскихъ комитетовъ были нерѣдко весьма произвольны. Нѣкоторые комитеты за надѣлы въ уменьшенномъ размѣрѣ оставляли оброки, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ, за исключеніемъ лишь мелкихъ сборовъ, которые были отмѣнены повсемѣстно. Комитеты нигдѣ не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ освобождался и отъ различныхъ обязанностей въ отношеніи прежнихъ своихъ крѣпостныхъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей, — напримѣръ, продовольствіе крестьянъ въ неурожайные годы,—были чрезвычайно тяжелы и обременительны для помѣщиковъ [2]).

Отдавая крестьянамъ часть помѣщичьей земли, почти вездѣ значительно меньшую той, какая была въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, комитеты, при опредѣленіи повинностей и выкупныхъ платежей, какъ будто бы совершенно забыли, что въ распоряженіи помѣщиковъ остается еще значительная часть имѣнія, обыкновенно превышавшая ту, которая отходила по ихъ проектамъ крестьянамъ. Особенно рѣзко это было замѣтно въ черноземныхъ губерніяхъ, но и въ нечерноземныхъ остававшіяся за надѣломъ помѣщичьи усадьбы, разныя другія сооруженія, доходныя статьи и особенно лѣса и луга имѣли, разумѣется,

---

[1]) Ср. показанія *Я. А. Соловьева* въ его „запискахъ“ („Русск. Стар.“ 1882 г. № 11, стр. 234), а также *Ю. Ф. Самарина* въ письмѣ къ Кошелеву („Матеріалы для біогр. кн. В. А. Черкасскаго“, изд. кн. Трубецкой I, стр. 310). Мнѣ лично извѣстно такое же мнѣніе *А. П. Ровинскаго*, члена саратовскаго губ. комитета, приведенное въ журналахъ послѣдняго.

[2]) При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Пруссіи всѣ такія обязанности помѣщиковъ были также приняты во вниманіе, какъ и отходившіе отъ нихъ выгоды и доходы.

опредѣленную цѣнность, которая въ будущемъ могла лишь возрасти.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, по преимуществу барщинныхъ, цифры оброчныхъ нормъ приняты были на первый взглядъ невысокія почти во всѣхъ коммисіяхъ; но, такъ какъ здѣсь были проектированы сильно пониженныя нормы надѣловъ, то назначенныя комитетами нормы оброка, по сравненію съ размѣрами проектированнаго надѣла, приходится и здѣсь признать чрезмѣрно высокими [1]).

Комитеты нечерноземныхъ губерній: тверской, ярославскій, вологодскій и нѣкоторые другіе, оцѣнивая отводимый ими крестьянамъ надѣлъ, приняли систему оцѣнки, предложенную членомъ тверского комитета М. Е. Воробьевымъ, или однородныя съ ней. Система эта, основывалась на томъ фактѣ, что ближайшія къ селенію земли, заключающія въ себѣ усадебную осѣдлость и наиболѣе унавоженныя поля, имѣли несомнѣнно значительно высшую цѣнность, нежели земли, болѣе удаленныя отъ селенія. Это обстоятельство давало основаніе при оцѣнкѣ надѣла соблюсти извѣстную *градацію*, оцѣнивъ значительно дороже остальныхъ *первую* десятину, а вторую нѣсколько выше, нежели третью и четвертую.

Отдавая усадебныя строенія крестьянамъ безвозмездно и не дѣлая отдѣльной оцѣнки усадебной земли, тверской комитетъ принялъ градацію Воробьева, вложивъ при этомъ въ оцѣнку *первой* десятины и всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній отъ утраты даровой рабочей силы или той части помѣщичьяго дохода, которая проистекала отъ личнаго крѣпостного права и другими комитетами подъ видомъ „промысловыхъ выгодъ“ включена была въ оцѣнку усадебной осѣдлости. Въ опредѣленіи нормы оброковъ комитетъ исходилъ при этомъ изъ нормальной величины оброковъ, существовавшей при крѣпостномъ правѣ, опредѣливъ таковую по сравнительно умѣренному расчету въ 9 рублей съ души или 22 р. 50 к. съ тягла (считая въ тяглѣ $2^1/_2$ души). При душевомъ надѣлѣ въ 4 десятины онъ обложилъ *первую* десятину 5-ю руб. 10 коп. оброка, вторую—1 руб. 80 коп., третью—1 руб. 20 коп., четвертую—60 коп., что составляло для всѣхъ 4-хъ десятинъ 8 руб. 70 коп. [2]).

Таковы были проекты губернскихъ комитетовъ въ отношеніи

---

[1]) Цифровыя данныя, подтверждающія это положеніе, приведены въ ст. моей „Губернскіе комитеты“, („Русск. Бог.“ за 1904 г. № 4, стр. 83).

[2]) Подробный очеркъ постановленій губернскихъ комитетовъ относительно повинностей срочно-обязанныхъ крестьянъ, см. въ моей статьѣ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 4, стр. 73—85.

надѣленія крестьянъ землей и установленія вида и нормы повинностей.

Вопросъ о *правовомъ* положеніи крестьянъ самъ по себѣ гораздо менѣе затрогивалъ интересы помѣстнаго сословія, нежели вопросъ объ устройствѣ ихъ матеріальнаго быта и благосостоянія. Губернскіе комитеты вообще склонны были рѣшить его въ довольно либеральномъ смыслѣ. Если нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ началѣ поднимали вопросъ о денежномъ вознагражденіи помѣщиковъ за отмѣну крѣпостныхъ правъ на личность крестьянъ, то вовсе не потому, что это были отъявленные крѣпостники, какъ принято думать, а потому, что въ нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ вся или, по крайней мѣрѣ, главная цѣнность имѣній заключалась, какъ мы уже разъяснили, въ правѣ эксплоатировать трудъ крѣпостныхъ людей.

Данная комитетамъ программа заставила ихъ искать это вознагражденіе подъ другими видами, а отмѣну крѣпостного права на личность крестьянъ объявить безвозмездной. Согласно I главѣ этой программы, всѣ комитеты объявили, что *личное крѣпостное право „уничтожается навсегда на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ“*. Какъ прямое слѣдствіе такого рѣшенія, помѣщичьимъ крестьянамъ предоставлялись права личныя и имущественныя, присвоенныя другимъ *податнымъ* сословіямъ въ государствѣ. Семейныя права и отношенія крестьянъ въ силу этого постановленія большинствомъ комитетовъ подводились подъ соотвѣтствующія статьи X тома свода законовъ, причемъ почти всѣми комитетами спеціально указывалось, что браки крестьянъ освобождаются впредь отъ всякаго вмѣшательства помѣщичьей власти. Впрочемъ тутъ же устанавливалось нѣкоторыми комитетами и ограниченіе: на время срочно-обязаннаго періода отдача замужъ женщинъ въ постороннія общества подчинялась разрѣшенію міра или помѣщика. Другое такое же временное ограниченіе, намѣчавшееся въ 18 проектахъ губернскихъ комитетовъ, касалось семейныхъ раздѣловъ, которые этими проектами предполагалось подчинить рѣшенію мірскихъ сходовъ, что обусловливалось податными соображеніями и круговой порукой. Нѣкоторые комитеты предполагали предоставить помѣщику на время срочно-обязаннаго положенія право замѣны главы семьи однимъ изъ ея членовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда естественный глава оказывался неспособнымъ вести хозяйство и поддерживать платежеспособность семьи. Всѣ эти ограниченія устанавливались очевидно въ интересахъ обезпеченія правильнаго отбыванія повинностей срочно-обязанными крестьянами.

Въ отношеніи свободы дѣятельности и передвиженія срочно-обязаннымъ крестьянамъ по первой главѣ положеній большинства

губернскихъ комитетовъ также предоставлялись права свободныхъ состояній: имъ предоставлялись права: пріобрѣтать въ собственность и отчуждать недвижимое и движимое имущество, заключать договоры и принимать на себя разныя обязательства, производить торговлю и промыслы, устраивать фабрики и заводы; а равно право вчинять иски, заводить тяжбы, подавать жалобы и вообще судиться съ разными лицами и выступать на судѣ повѣренными даже и по чужимъ дѣламъ. Ограничены были во многихъ комитетахъ лишь права иска противъ помѣщиковъ по имуществамъ, купленнымъ крѣпостными крестьянами въ прежнее время на имя ихъ владѣльцевъ.

Таковы были личныя права, которыми надѣлялись срочно-обязанные крестьяне по I главѣ положеній, проектированныхъ комитетами. По сравненію съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились крестьяне при крѣпостномъ правѣ, права эти были весьма значительны, но почти всѣ они болѣе или менѣе ограничивались послѣдующими главами программы и положеній, именно: *главой 2-й*, признававшей, что срочно-обязанные крестьяне должны быть *крѣпки* землѣ, и чрезвычайно ограничивавшей свободу ихъ передвиженія и перечисленія въ другія общества; *главой 8-й*, дававшей, благодаря круговой порукѣ, большую власть міру надъ личностью крестьянъ; и, въ особенности *главой 9-й*, сохранявшей помѣщику значительную долю вотчинной власти надъ срочно-обязанными крестьянами [1]).

Устройство сельскаго общественнаго управленія и суда, намѣченное рескриптами и программой лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, было довольно слабо разработано и губернскими комитетами.

Въ вопросахъ экономическаго устройства крестьянъ губернскіе комитеты стояли на твердой почвѣ хорошо сознанныхъ собственныхъ помѣщичьихъ интересовъ и мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ условій; для проектированія же административнаго устройства крестьянскихъ обществъ у членовъ губернскихъ комитетовъ не было ни достаточной теоретической подготовки, ни практическихъ данныхъ и указаній опыта, за исключеніемъ лишь устройства государственныхъ крестьянъ, которое вызывало противъ себя много нареканій и въ помѣщичьей средѣ и въ литературѣ, поскольку эта послѣдняя получила возможность касаться этого вопроса. Но указаніями литературы губернскіе комитеты могли воспользоваться лишь отчасти, такъ какъ литература получила возможность обсуждать эти предметы лишь одновременно съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ и сама не обладала еще

---

[1]) Ср. *Скребицкаго* назв. соч. т. I, стр. 9—130.

нужными матеріалами и свѣдѣніями. Изъ статей, разрабатывавшихъ въ то время вопросы административнаго устройства крестьянъ, произвела болѣе другихъ впечатлѣніе статья князя Черкасскаго въ „Сельскомъ благоустройствѣ“. Въ этой статьѣ авторъ хорошо сгруппировалъ и вполнѣ ясно формулировалъ главныя условія хорошей организаціи мѣстнаго управленія вообще, въ основу котораго онъ положилъ принципы самоуправленія и децентрализаціи. Но на-ряду съ этимъ онъ допускалъ необходимость сохраненія тѣлесныхъ наказаній въ крестьянскомъ быту, чѣмъ вызвалъ противъ себя рѣзкія нападки во всей прогрессивной печати [1]). Изъ членовъ губернскихъ комитетовъ однако же лишь очень немногіе имѣли такія, во всякомъ случаѣ столь продуманныя, основанія для проектированія административнаго устройства крестьянъ, какъ князь В. А. Черкасскій.

Они пытались, согласно ходячей теоріи государственнаго права, провести въ сельскомъ общественномъ устройствѣ различеніе властей распорядительной, судебной и исполнительной. Первой соотвѣтствовалъ сельскій сходъ, второй—сельская расправа или судъ стариковъ, выборныхъ и т. п., третьей—староста, или старшина съ нѣкоторыми другими сельскими должностными лицами. Но при указаніи предметовъ вѣдомства этихъ властей теоретическія различенія не выдерживались и многіе комитеты придавали чисто судебныя функціи и исполнительнымъ полицейскимъ властямъ, и сходу. Многіе комитеты заявили себя сторонниками самоуправленія вообще и крестьянскаго въ частности, но они не выяснили себѣ отчетливо основныхъ задачъ проектированныхъ ими учрежденій. Нѣкоторые комитеты указывали, что эти учрежденія создаются для административныхъ правительственныхъ цѣлей и для административно-хозяйственныхъ нуждъ помѣщиковъ, другіе объясняли, что они имѣютъ назначеніемъ *подготовить* крестьянъ къ свободной жизни и самоуправленію. Нѣкоторые комитеты соединяли въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ административныя и хозяйственныя функціи, другіе предназначали ихъ для выполненія однихъ лишь административно-полицейскихъ задачъ, а на ряду съ ними допускали существованіе и самобытное развитіе выработанныхъ самою народною жизнью хозяйственныхъ союзовъ—поземельныхъ общинъ.

Для губернскихъ комитетовъ на время срочно-обязаннаго, т. е. оброчно-барщиннаго періода—а они, придерживаясь программы, только этотъ періодъ и должны были имѣть въ виду—всѣ вопросы сводились *къ обезпеченію правильнаго выполненія повинностей*

---

[1]) Ср. *Кн. Трубецкая* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, ч. I, стр. 132 и слѣд.

крестьянъ. Поэтому почти всѣ комитеты обязывали учреждаемыя ими сельскія общества *круговою порукою* за своихъ членовъ, а это обстоятельство само собой вело къ подчиненію отдѣльныхъ крестьянъ міру, на который комитетами переносилась значительная часть прежней помѣщичьей власти. Въ свою очередь дѣйствія міра подчинялись почти всѣми комитетами контролю и болѣе или менѣе широкому вмѣшательству вотчинной власти [1]).

Въ главныхъ началахъ, указанныхъ рескриптами, упоминалось объ удержаніи вотчинной полицейской власти въ рукахъ помѣщиковъ. Это удержаніе было отнюдь не случайно, а находилось въ несомнѣнно-логической связи съ экономической стороной предложенныхъ основаній реформы. Разъ крестьянская земля оставалась въ собственности помѣщиковъ и отдавалась крестьянамъ лишь въ безсрочное пользованіе за обязательныя повинности, разъ сохранялась барщина, которая лишь постепенно должна была замѣняться оброкомъ, помѣщикъ конечно не могъ быть лишенъ власти надзора за хозяйственными распоряженіями крестьянина. При срочно-обязанномъ положеніи сохраненіе сильной вотчинной власти казалось неизбѣжнымъ. Между тѣмъ выкупъ правительство вначалѣ отвергало. Новые же виды правительства не были сообщены губернскимъ комитетамъ. Имъ пришлось руководствоваться по вопросу о вотчинной власти всецѣло рескриптами и программой, IX глава которой не только предрѣшала, какъ мы уже отмѣтили, сохраненіе вотчинной власти, но и намѣчала въ общихъ чертахъ ея устройство и содержаніе. Къ тому же и сами губернскіе комитеты смотрѣли на срочно-обязанное положеніе—и не безъ основанія—какъ на своего рода осадное положеніе. Поэтому нисколько не удивительно, что отъ программы въ этомъ отношеніи рѣшились отступить лишь тѣ немногіе комитеты, которые вообще отрицали цѣлесообразность срочно-обязаннаго положенія и требовали немедленнаго и единовременнаго выкупа.

Большая часть губернскихъ комитетовъ, при проектированіи IX главы положенія, слѣдуя указаніямъ программы, назначала помѣщиковъ начальниками сельскихъ обществъ. Начальникамъ обществъ предоставлялась сильная власть надъ крестьянскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе широкое вмѣшательство въ сферу крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ права просмотра и отмѣны приговоровъ схода, права утвержденія и увольненія крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, права наказанія крестьянъ (штрафами, арестами и розгами) за неповиновеніе и грубость, а иногда и за другіе проступки и, наконецъ, права высылки изъ имѣнія и передачи въ распоряженіе правительства

[1]) *Скребицкій*, I, 331—586.

лицъ, виновныхъ въ нѣкоторыхъ повторныхъ преступленіяхъ, въ оскорбленіи помѣщика и членовъ его семьи, и даже просто упорныхъ недоимщиковъ, а по нѣкоторымъ проектамъ также право сдачи послѣднихъ въ рекруты. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предоставляли помѣщикамъ право наблюденія за посторонними лицами на территоріи ихъ имѣнія, причемъ помѣщикъ могъ арестовать всякаго нарушителя порядка и спокойствія, несмотря на званіе его и должность, и выслать его изъ предѣловъ имѣнія или передать въ распоряженіе земской полиціи, содержа до тѣхъ поръ подъ стражей (не болѣе трехъ дней).

Особенно поучительна была точка зрѣнія самарскаго губернскаго комитета. Комитетъ этотъ, подъ вліяніемъ Ю. Ф. Самарина, вполнѣ усвоилъ себѣ взглядъ на несправедливость и ненужность вотчинной власти при полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній съ момента уничтоженія барщины и перехода къ вольнонаемному хозяйству. Но тотъ же комитетъ, отказавшись отъ вотчинной власти надъ сельскими обществами и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ, предоставилъ помѣщикамъ широкое право „домашней расправы“ надъ барщинными крестьянами, которыхъ помѣщики по проектамъ самарскаго комитета, могли подвергать собственною властью за проступки, учиненные во время нахожденія ихъ на господской работѣ, за дерзость, ослушаніе, небрежность въ работѣ, порчу и растрату господскаго имущества и т. п. тѣлесному наказанію розгами: мужчинъ до 20 ударовъ. женщинъ до 10, кромѣ беременныхъ и недавно родившихъ. Защищая впослѣдствіи ту же точку зрѣнія въ редакціонныхъ коммисіяхъ, Самаринъ доказывалъ, что иначе крестьянина, объявленнаго лично свободнымъ, нельзя заставить удовлетворительно работать на барщинѣ. Здѣсь рельефно отразилось положеніе дѣлъ въ самарскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Населеніе здѣсь было рѣдкое, хозяйство все основывалось на барщинѣ, не земледѣльческихъ заработковъ у населенія не было. Сразу прекратить барщину было для помѣщиковъ невыгодно, во-первыхъ потому, что хозяйства ихъ не были приспособлены къ обработкѣ при помощи вольныхъ рабочихъ, во-вторыхъ потому, что крестьянъ трудно было бы перевести на оброкъ въ виду отсутствія сторонихъ заработковъ. Поэтому самарскій комитетъ требовалъ переходнаго срочно-обязаннаго періода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что заставить крестьянъ работать въ этотъ періодъ можно лишь сильными принудительными мѣрами. На примѣрѣ самарскаго комитета ясно видно, какую силу имѣли въ сужденіяхъ губернскихъ комитетовъ и по вопросу о вотчинной власти чисто хозяйственныя соображенія помѣщиковъ.

Губернскіе комитеты, проектировавшіе удержаніе вотчинной власти, имѣли въ виду главнымъ образомъ лишь періодъ срочно-обязаннаго положенія. Всѣ они болѣе или менѣе понимали, что съ окончательной ликвидаціей крѣпостныхъ отношеній удержаніе вотчинной власти будетъ немыслимо, и для помѣщиковъ едва-ли полезно. Многіе изъ нихъ коснулись поэтому въ своихъ проектахъ вопроса о нравственномъ вознагражденіи дворянства въ будущемъ за потерю его вотчинныхъ правъ и о способахъ сохраненія за дворянскимъ сословіемъ первенствующаго положенія въ государствѣ послѣ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Одни комитеты мечтали при этомъ о политическихъ прерогативахъ по крайней мѣрѣ въ области мѣстнаго управленія спеціально для одного лишь дворянства; другіе видѣли наилучшій выходъ для всѣхъ сословій въ освобожденіи всего населенія отъ бюрократической опеки и чиновничьяго произвола и желали установленія самоуправленія на болѣе демократическихъ основаніяхъ. Они желали, по выраженію А. М. Унковскаго, чтобы „уничтоженіе крѣпостного права“ состоялось „*не для однихъ крестьянъ, а для всего народа*“ [1]).

Пока губернскіе комитеты вырабатывали свои проекты, составлявшіе во многихъ мѣстахъ результатъ упорной борьбы, бурныхъ преній и рѣзкихъ схватокъ между „плантаторами“ и „либералами“, и подчасъ приводившихъ къ настоящимъ скандаламъ [2]), во всѣхъ слояхъ общества также совершалась напряженная работа мысли, сопровождавшаяся такими же столкновеніями и горячими схватками, какъ и въ губернскихъ комитетахъ. „Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались—писалъ современный газетный обозрѣватель — стѣнами комитетовъ: ими было занято не только все безъ исключенія сословіе землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельной собственности изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ, вездѣ слышались одни разсужденія—о крестьянскомъ дѣлѣ“ [3])...

Оживленіе литературы, начавшееся съ первыхъ же мѣсяцевъ царствованія Александра II-го, чрезвычайно усилилось послѣ

---

[1]) *Джаншіевъ* „А. М. Унковскій“, стр. 133. Очеркъ взглядовъ различныхъ губернскихъ комитетовъ на вопросъ о вотчинной власти см. въ указанной выше работѣ моей въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 5, стр. 50—65.

[2]) Ср. мои статьи о губернскихъ комитетахъ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 3, стр. 121—122.

[3]) Изъ передовой статьи газеты „Сѣверная пчела“, 1-го января 1860 г. „Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост.“, II, стр. 336).

опубликованія рескриптовъ. Разрѣшеніе съ начала 1858 г. гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса, дало огромный толчекъ развитію нашей періодической печати. Послѣ первыхъ ликованій всѣ газеты и журналы принялись за подробное обсужденіе крестьянскаго вопроса. Въ печати послышались тогда и первыя ноты, не вполнѣ согласныя съ объявленными правительствомъ началами реформы. Въ апрѣльскихъ книжкахъ „Современника“ и „Русскаго Вѣстника“ появились статьи, выражавшія желаніе полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа. Но тутъ придворные интриганы и крѣпостники забили тревогу изъ-за напечатанной Чернышевскимъ записки Кавелина, ходившей ранѣе безпрепятственно по рукамъ [1]). Послѣдовали первыя репрессаліи, вновь стѣснившія до крайности участіе литературы въ обсужденіи крестьянскаго вопроса. Такое настроеніе цензуры продолжалось до декабря 1858 г., когда само правительство наконецъ перемѣнило свой взглядъ на вопросы о выкупѣ и о полезности срочно-обязаннаго періода.

Роль печати въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса у насъ склонны нерѣдко преувеличивать. Поднятіе крестьянскаго вопроса и дозволеніе гласнаго его обсужденія послужило, какъ мы уже сказали, могущественнымъ стимуломъ для развитія періодической литературы и вообще общественной мысли въ Россіи, а это въ свою очередь дало толчекъ общественному движенію шестидесятыхъ годовъ. Но самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи *крестьянскаго вопроса* журналистика пятидесятыхъ годовъ имѣть не могла. Для такой роли она явилась слишкомъ поздно. Открывавшіеся и обновлявшіеся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ журналы дали новую широкую арену, рядомъ съ той, которую представляли губернскіе комитеты. Но наиболѣе вліятельными дѣятелями на этой аренѣ явились главнымъ образомъ тѣ же самые люди, которые выступали и въ губернскихъ комитетахъ. Это были все тѣ же Самарины, Кошелевы, Черкасскіе, Унковскіе, Головачевы, которые дали ходъ извѣстнымъ идеямъ и планамъ въ дворянской средѣ сперва въ видѣ рукописныхъ записокъ, затѣмъ въ видѣ рѣчей и письменныхъ мнѣній и заявленій въ губернскихъ комитетахъ. Въ журналахъ они могли, правда, выступать, не стѣсняясь правительственной программою, и здѣсь кругъ ихъ вліянія былъ значительно шире. Своими статьями въ „Сельскомъ Благоустройствѣ„ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ они дѣйствовали не только на свой губернскій комитетъ, но и на всѣ остальные. Но мысли, которыя они здѣсь проповѣдывали, были

[1]) Эта исторія разсказана въ „Матеріалахъ для исторіи упразд. крѣпост. сост.“ I, и у г. *Иванюкова* „Паденіе крѣп. права“ (2-е изд.).

тѣ же самыя мысли, которыя уже пущены были ими же въ оборотъ, сперва въ рукописныхъ запискахъ, а потомъ въ губернскихъ комитетахъ. Расширеніе арены и свободный обмѣнъ мнѣній имѣли разумѣется въ смыслѣ пропаганды идей первоклассное значеніе и могли бы вліять и на ходъ реформы гораздо больше, если бы они явились нѣсколько ранѣе и если бы имъ не препятствовала и въ 1858 г. цензура. Собственно на губернскіе комитеты всѣ эти журнальныя статьи не могли оказать большого вліянія уже потому, что многіе губернскіе комитеты заканчивали свои работы въ то время, когда журналамъ опять позволили свободно заговорить о выкупѣ и о полномъ освобожденіи крестьянъ.

Наиболѣе радикальные способы рѣшенія крестьянскаго вопроса проповѣдывалъ петербургскій журналъ „Современникъ“, душой котораго былъ въ это время Н. Г. Чернышевскій. Но Чернышевскій былъ совершенно чуждъ той помѣщичьей средѣ, которая въ это время рѣшала дѣло въ губернскихъ комитетахъ; онъ исходилъ въ своихъ построеніяхъ не изъ непосредственно изученныхъ фактовъ и нуждъ русской дѣйствительности, а изъ отвлеченныхъ, теоретическихъ положеній. Его статьи имѣли огромное вліяніе на молодежь, на интеллигенцію вообще, но не на представителей помѣстнаго дворянства и не на членовъ редакціонныхъ коммисій. Въ глазахъ практическихъ дѣятелей реформы идеи „Современника“ были слишкомъ отвлеченны и далеки отъ реальныхъ условій русской сельско-хозяйственной жизни.

Въ правительственной средѣ въ это время происходило такое же броженіе и усвоеніе новыхъ идей, какъ и въ обществѣ. Только здѣсь все это совершалось въ другихъ формахъ. Въ высшихъ, самыхъ близкихъ къ императору сферахъ, высокопоставленные крѣпостники и интриганы напрягали всѣ усилія, стараясь отвратить государя отъ его преобразовательныхъ начинаній, которыя казались имъ опасными, потому что они могли расшатать и подорвать ту правительственную рутину, тотъ административный строй, къ которому эти люди привыкли и при которомъ имъ жилось тепло и пріятно. Въ придворной средѣ замышлявшимся преобразованіямъ никто не сочувствовалъ, кромѣ императрицы Маріи Александровны и великой княгини Елены Павловны. Изъ высшихъ сановниковъ и непосредственныхъ сотрудниковъ государя искренними сторонниками реформъ были лишь вел. кн. Константинъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской. Шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, большая часть министровъ были прямыми сторонниками старой правительственной системы и крѣпостного строя. М. Н. Муравьевъ, министръ государственныхъ имуществъ, и

В. П. Бутковъ, государственный секретарь, не далѣе какъ въ 1857 г. разъѣзжали по Россіи и прямо агитировали противъ предпринимавшейся реформы. Чтобы парализовать результаты этой агитаціи и поддержать передовые круги провинціальнаго дворянства въ губернскихъ комитетахъ, императору Александру пришлось самому предпринять нѣсколько поѣздокъ по губернскимъ городамъ, гдѣ онъ въ рядѣ рѣчей заявилъ свою непремѣнную волю довести начатое дѣло до конца [1]).

Между тѣмъ эволюція взглядовъ Ростовцева, о которой мы говорили выше, и параллельное съ этимъ усиленіе вліянія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ молодого и энергичнаго сторонника преобразованій Н. А. Милютина сильно способствовали коренному измѣненію взглядовъ и программы правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ апрѣлѣ 1858 г. въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учрежденъ былъ земскій отдѣлъ статистическаго комитета между прочимъ для подготовленія свѣдѣній и матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, сосредоточенному въ Главномъ Комитетѣ. Вліятельнѣйшими членами земскаго отдѣла сдѣлались убѣжденные сторонники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса Милютинъ и Соловьевъ. Въ составѣ Главнаго Комитета въ іюлѣ 1858 г. образована была коммисія изъ 4 членовъ: кн. Гагарина, Ланскаго, гр. В. Н. Панина и Ростовцева—для разсмотрѣнія проектовъ, вырабатывавшихся въ губернскихъ комитетахъ. Главнымъ дѣятелемъ этой коммисіи и наиболѣе вліятельнымъ членомъ Главнаго Комитета вскорѣ оказался Я. И. Ростовцевъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ императора Александра. Члены этой коммисіи не объединялись ничьимъ руководствомъ, по взглядамъ же своимъ на вопросъ они совершенно между собой расходились. Къ тому же Ланской и гр. Панинъ, будучи министрами, не могли удѣлять много времени на непосредственное изученіе проектовъ губернскихъ комитетовъ. Поэтому рѣшено было для подробнаго изученія этихъ проектовъ и сводки ихъ образовать въ вѣдѣніи Главнаго Комитета двѣ особыя редакціонныя коммисіи изъ второстепенныхъ, но хорошо подготовленныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и экспертовъ изъ числа опытныхъ помѣщиковъ подъ предсѣдательствомъ и *начальствомъ* генерала Ростовцева. Одна изъ этихъ коммисій должна была составить проектъ общаго положенія для всѣхъ губерній, а другая редактировать мѣстныя положенія для отдѣльныхъ губерній и мѣстностей; но предсѣдателю ихъ предоставлено было организовать ихъ составъ и работы по личному его усмотрѣнію. Постановленіе объ образованіи редакціонныхъ коммисій было утвер-

[1]) *Татищевъ*, „Императоръ Александръ II“, т. I, стр. 335—340.

ждено государемъ 17 февраля 1859 г.; открытіе ихъ послѣдовало 4 марта [1]).

Одновременно съ образованіемъ редакціонныхъ коммисій въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ произошла важная для хода крестьянскаго дѣла перемѣна: недальновидный и нерѣшительный товарищъ министра А. П. Левшинъ былъ замѣненъ талантливымъ и горячимъ приверженцемъ реформы Н. А. Милютинымъ. Врагами реформы Милютинъ былъ заблаговременно ославленъ, какъ красный демократъ и даже чуть не революціонеръ. Назначеніе его было поэтому лично непріятно самому императору Александру и состоялось, при сильной поддержкѣ вел. кн. Елены Павловны, лишь благодаря тому обстоятельству, что трудно было найти въ тогдашнихъ бюрократическихъ сферахъ другое лицо, достаточно подготовленное къ той трудной и важной задачѣ, какая выпала на долю Милютина [2]).

Въ составъ редакціонныхъ коммисій назначены были отъ разныхъ вѣдомствъ слѣдующія лица: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: самъ Н. А. Милютинъ, непремѣнный членъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ и А. К. Гирсъ; отъ мин. юстиціи: оберъ-прокуроры сената М. Н. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ мин. гос. имущ.: В. И. Булыгинъ и Н. Н. Павловъ; отъ 2-го отд. собств. его вел. канцеляріи: Н. В. Калачовъ и А. Н. Поповъ; отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ: И. П. Арапетовъ и отъ канц. Главн. Комитета: статсъ-секретарь госуд. совѣта С. М. Жуковскій. Въ члены-эксперты были приглашены: губернскіе предводители: орловскій—В. В. Апраксинъ, петербургскій—гр. П. П. Шуваловъ и кіевскій—О. К. Ярошинскій; члены губернскихъ комитетовъ: тульскаго—кн. В. А. Черкасскій, симбирскаго—А. Н. Татариновъ, самарскаго—Ю. Ф. Самаринъ, черниговскаго—В. В. Тарновскій и Г. П. Галаганъ, полтавскаго—М. П. Позенъ, виленскаго—К. И. Гечевичъ, минскаго—Б. Ф. Залескій и новгородскаго—Н. И. Желѣзновъ; наконецъ, помѣщики разныхъ губерній: П. А. Булгаковъ (генералъ-провіантмейстеръ военнаго министерства), А. А. Гребенка, кн. Б. Д. Голицынъ (не присутствовалъ), кн. С. П. Голицынъ, А. Д. Желтухинъ (редакторъ „Журнала для землевладѣльцевъ“), кн. Ѳ. И. Паскевичъ-Варшавскій, П. П. Семеновъ и Н. П. Шишковъ (лично не присутствовавшій, но присылавшій иногда письменные отзывы).

Замѣчательно, что въ число экспертовъ не были приглашены наиболѣе вліятельные защитники выкупной системы: А. М. Унковскій, А. А. Головачевъ и А. И. Кошелевъ.

---

[1]) *Скребицкій*, I, введеніе, стр. LI и слѣд.

[2]) Ср. *A. Leroy-Beaulieu*, „Un homme d'état russe“ (Nicolas Milutine.)

Въ первыхъ же двухъ засѣданіяхъ коммисіи Ростовцевъ подробно ознакомилъ членовъ со своимъ собственнымъ планомъ реформы, въ основу котораго имъ были положены взгляды, высказанные въ его письмахъ и запискахъ, отчасти уже получившіе одобреніе Главнаго Комитета.

Ростовцевъ былъ человѣкъ доброжелательный и гуманный, къ крестьянской реформѣ онъ относился съ энтузіазмомъ и чувствовалъ огромную государственную важность предпринятаго преобразованія; но основнымъ, руководящимъ принципомъ его политики были не высшія отвлеченныя идеи справедливости, свободы или общественнаго блага, а просто крѣпость, спокойствіе и безопасность государства. Онъ исходилъ такимъ образомъ въ сущности изъ тѣхъ же основныхъ началъ, на которыя опирались и самые закоренѣлые охранители существовавшаго общественнаго и административнаго строя. И въ этомъ, быть можетъ, и заключался—на ряду съ давнимъ довѣріемъ къ нему императора Александра—секретъ необыкновеннаго успѣха всѣхъ мыслей и плановъ его по крестьянскому дѣлу въ высшей правительственной средѣ.

Вначалѣ, когда Ростовцеву казался необходимымъ и полезнымъ постепенный ходъ преобразованія, онъ проектировалъ, изъ опасенія волненій во время переходнаго срочно-обязаннаго періода, созданіе особой полицейской диктатуры на мѣстахъ, въ видѣ уѣздныхъ начальниковъ и временныхъ генералъ-губернаторовъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ необходимость сильной вотчинной власти. Впослѣдствіи онъ понялъ, что при раціональномъ рѣшеніи вопроса нѣтъ основаній опасаться народныхъ волненій и что въ предотвращеніе ихъ всего важнѣе достигнуть того, чтобы крестьянинъ сразу же почувствовалъ облегченіе своего положенія. Понимая однако же, что крестьянъ, при отсутствіи крѣпостной власти, не легко будетъ заставить правильно выполнять повинности, Ростовцевъ сталъ проводить свою идею о необходимости крѣпкой власти совсѣмъ въ другомъ видѣ. Онъ требовалъ теперь сосредоточенія этой власти въ крестьянскомъ мірѣ. Эта мысль Ростовцева также была одобрена Главнымъ Комитетомъ, который постановилъ (въ журналѣ 4 декабря 1858 г.), что „власть надъ личностью крестьянина, относительно обязанностей его, какъ члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ“, что „міръ отвѣчаетъ круговою порукой за каждаго изъ своихъ членовъ, по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ“, и что „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“ [1]).

---

[1]) *Скребицкій*, т. I, стр. LX.

Противорѣчіе этихъ положеній съ программою, данной губернскимъ комитетамъ, правительство вполнѣ сознавало. Въ томъ же журналѣ 4 декабря прямо указывалось при опредѣленіи подробностей устройства міра и его органовъ, а также отношеній міра къ помѣщику обсудить, *можетъ-ли IX глава программы оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить.*

Эти указанія, клонившіяся къ упраздненію вотчинной власти помѣщиковъ, находились въ несомнѣнной связи съ новымъ взглядомъ Ростовцева на неудобства срочно-обязаннаго положенія и преимущества выкупной системы.

Указанія высочайше утвержденныхъ журналовъ Главнаго Комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г., въ основу которыхъ легли новые взгляды Ростовцева, для редакціонныхъ коммисій явились важнымъ дополненіемъ и коррективомъ къ главнымъ началамъ, изложеннымъ въ рескриптахъ.

Н. П. Семеновъ такъ формулировалъ окончательную программу Ростовцева:

1) Освободить крестьянъ *съ землей.*

2) Конечною развязкой освобожденія считать *выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.*

3) Оказать содѣйствіе *дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) *Избѣгнуть* по возможности регламентаціи *срочно-обязаннаго періода* или *сократить переходное состояніе.*

5) *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) *Дать самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Большинство членовъ коммисіи отнеслось къ этой программѣ съ безусловнымъ сочувствіемъ. Лишь впослѣдствіи нѣкоторые изъ ея пунктовъ вызвали разномысліе въ ихъ средѣ. При самомъ открытіи коммисій Ростовцевъ, пользуясь предоставленной ему властью, соединилъ обѣ коммисіи въ одну, но за то подраздѣлилъ ихъ на три отдѣленія, которыя назывались по роду подготовлявшихся каждымъ изъ нихъ докладовъ: *юридическимъ, административнымъ и хозяйственнымъ.* Когда вслѣдъ затѣмъ учреждена была особая *финансовая* коммисія, спеціально для разработки вопроса о выкупѣ, то и она присоединена была къ редакціонной коммисіи и какъ бы составила 4-е ея отдѣленіе. Въ финансовую коммисію были назначены: отъ мин. фин.—Гагемейстеръ и Рейтернъ, отъ опекунскаго совѣта—Н. А. Кристофари, отъ мин. вн. дѣлъ—Н. А. Милютинъ, отъ мин. гос. имущ.—Е. И. Ламанскій и въ качествѣ членовъ экспертовъ: проф. Н. Х. Бунге,

ст. секр. госуд. совѣта А. П. Заблоцкій-Десятовскій, помощникъ его К. И. Домонтовичъ и тайн. сов. М. П. Позенъ.

Въ юрид. отдѣленіи редакціонныхъ коммисій предсѣдательствовалъ—*Жуковскій*, въ административномъ—*Булгаковъ*, въ хозяйственномъ—*Милютинъ* и въ финансовой коммисіи—онъ же. Члены редакціонной коммисіи распредѣлились между отдѣленіями по собственному своему желанію; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ работахъ двухъ отдѣленій, а *Я. А. Соловьевъ*—во всѣхъ трехъ. Задача коммисій заключалась въ томъ, чтобы изучить проекты губернскихъ комитетовъ, составить изъ нихъ сводъ и затѣмъ выработать свой проектъ общаго положенія и мѣстныхъ положеній для разныхъ губерній. Составивъ систематическіе своды изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ по главамъ Позеновской программы, члены редакціонной коммисіи распредѣлили этотъ матеріалъ между отдѣленіями, причемъ на долю юридическаго пришлись главы I, II и III положеній губернскихъ комитетовъ, на долю административнаго—VIII и IX-ая, а на долю хозяйственнаго—IV, V и VI. По VII главѣ (объ устройствѣ дворовыхъ) и X-ой (о способахъ введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній) доклады были составлены совокупно всѣми тремя отдѣленіями. Изъ этихъ главъ комитетскихъ проектовъ отдѣленія редакціонныхъ коммисій выработали свои особыя программы въ соотвѣтствіи съ измѣненіями, предложенными Ростовцевымъ на основаніи журналовъ Главнаго Комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г. По этимъ новымъ программамъ *административному* отдѣленію пришлось составить *семь* докладовъ, обнимавшихъ всѣ вопросы относительно образованія и устройства сельскаго управленія, и *одинъ* докладъ объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ; *юридическому* отдѣленію пришлось составить *одиннадцать* докладовъ, опредѣлявшихъ права крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, и права помѣщиковъ, какъ во время срочно-обязаннаго положенія, такъ и по его прекращеніи; наконецъ, на долю *хозяйственнаго* отдѣленія выпало *семнадцать* докладовъ, касавшихся размѣра, состава и порядка отвода земельныхъ надѣловъ и усадебъ, а равно оцѣнки и выкупа усадебъ и опредѣленія размѣра и способа отбыванія натуральныхъ и денежныхъ повинностей.

Каждый такой докладъ составлялся обыкновенно однимъ или двумя членами, затѣмъ обсуждался и исправлялся въ отдѣленіи и наконецъ отъ имени отдѣленія вносился въ общее собраніе коммисій, гдѣ опять обсуждался и или исправлялся и утверждался, или возвращался для дополненій и пересоставленія въ отдѣленіе. Въ концѣ концовъ заключенія этихъ докладовъ принятыя редакціонными коммисіями, были кодифицированы и со-

ставили тѣ или иныя главы положеній 19 февраля. Многіе изъ этихъ докладовъ были пересоставляемы по нѣскольку разъ [1]).

Въ основаніе работъ редакціонныхъ коммисій такимъ образомъ положены были проекты губернскихъ комитетовъ и составленные ими своды свѣдѣній о положеніи помѣщичьихъ имѣній. Но при этомъ редакціонныя коммисіи не признавали себя обязанными считаться съ *волею* дворянства, а принимали составленные комитетами проекты лишь какъ полезный для себя матеріалъ. По нѣкоторымъ вопросамъ они и не могли поступить иначе, потому что данная имъ программа, какъ мы видѣли, весьма существенно отличалась отъ программы, данной губернскимъ комитетамъ. Губернскіе комитеты вырабатывали свои проекты для срочно-обязанныхъ крестьянъ, положеніе же редакціонныхъ коммисій, согласно данной имъ программѣ, должны были имѣть прежде всего въ виду не „срочно-обязанный“, а *„окончательный періодъ“* т. е. полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа. Однако же то обстоятельство, что редакціонныя коммисіи не считались или почти не считались съ *волею* дворянства повело впослѣдствіи къ рѣзкой оппозиціи со стороны нѣкоторыхъ членовъ-экспертовъ внутри коммисій, а затѣмъ къ упорной борьбѣ противъ положеній редакціонныхъ коммисій со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ.

Государь еще лѣтомъ 1858 г., во время посѣщенія нѣкоторыхъ губерній, обѣщалъ дворянству, что по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ депутаты отъ каждаго изъ нихъ будутъ приглашены въ Петербургъ для присутствія при обсужденіи ихъ проектовъ въ Главномъ Комитетѣ. Это обѣщаніе произвело въ дворянскихъ кругахъ большую сенсацію. Но затѣмъ виды правительства во многомъ измѣнились, измѣнился и предположенный ранѣе порядокъ разсмотрѣнія комитетскихъ проектовъ. Вмѣсто Главнаго Комитета эти проекты поступили на разсмотрѣніе редакціонныхъ коммисій, которыя переработали поступившій къ нимъ матеріалъ по совершенно новой программѣ. Тѣмъ не менѣе намѣреніе государя вызвать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ было осуществлено, но приглашены они были не въ Главный Комитетъ, а въ редакціонныя коммисіи. При этомъ рѣшено было ихъ разбить на двѣ группы. Это раздѣленіе на группы мотивировалось планомъ работъ редакціонныхъ коммисій, установленнымъ Ростовцевымъ. Ростовцевъ раздѣлилъ работы коммисій на періоды. Въ первомъ періодѣ коммисіи должны были, на основаніи изученія проектовъ тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые ранѣе другихъ начали и окончили свои за-

[1]) *Семеновъ*, н. соч. I, введеніе. Ср. *Скребицкаго* н. с., т. I, стр. LXVI—LXXX.

нятія, составить вчернѣ или, какъ выразился Ростовцевъ, „оболванить“ свой собственный проектъ. Затѣмъ вызванные отъ этихъ же комитетовъ депутаты должны были ознакомиться съ этимъ проектомъ и представить на него свои замѣчанія. Тогда, принявъ во вниманіе эти замѣчанія и изучивъ проекты остальныхъ комитетовъ, редакціонныя коммисіи должны были исправить составленный ими ранѣе проектъ и пригласить для его обсужденія депутатовъ этихъ остальныхъ комитетовъ. Въ этомъ должна была заключаться работа второго періода. Въ третьемъ періодѣ предполагалась новая переработка, какъ говорилъ Ростовцевъ, можетъ быть еще не окончательная. Послѣ окончательной переработки проектъ редакціонныхъ коммисій долженъ былъ поступить въ Главный Комитетъ. Таковъ былъ планъ Ростовцева, и хотя Ростовцевъ не дожилъ до конца дѣла, однако планъ этотъ въ главныхъ чертахъ былъ осуществленъ, частью при немъ, частью послѣ его смерти.

Въ первомъ періодѣ занятій редакціонныхъ коммисій самыя рѣзкія пренія вызвалъ вопросъ о выкупѣ надѣловъ; вызывали также нѣкоторое разномысліе вопросы административнаго устройства крестьянъ и размѣры вотчинной власти помѣщиковъ; гораздо меньше споровъ въ средѣ коммисій вызвали вопросы надѣленія крестьянъ землей и опредѣленіе рода и размѣра повинностей. За то эти именно вопросы остановили впослѣдствіи на себѣ главное вниманіе депутатовъ губернскихъ комитетовъ. Опредѣленіе личныхъ правъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ возбуждало всего менѣе споровъ и сомнѣній среди членовъ редакціонныхъ коммисій.

По вопросу о выкупѣ Ростовцевъ изложилъ свои взгляды въ двухъ упомянутыхъ выше запискахъ, съ главными выводами которыхъ согласился и императоръ Александръ II. Поэтому Ростовцевъ считалъ эти выводы неподлежащими спору. Между тѣмъ они вызывали нападеніе съ двухъ сторонъ. Какъ мы видѣли выше, Ростовцевъ признавалъ лучшей системой освобожденія крестьянъ *добровольный* выкупъ надѣловъ или повинностей при помощи особой кредитной операціи. Одно время онъ склонялся, повидимому, даже къ *обязательному* выкупу; но императоръ былъ противъ этого, и самъ Ростовцевъ призналъ въ концѣ-концовъ наиболѣе цѣлесообразнымъ выкупъ добровольный въ теченіе срочно-обязаннаго положенія, съ тѣмъ однако же чтобы по окончаніи 12-ти лѣтняго срока правительство обсудило вновь, какія принять мѣры къ прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ къ тому времени еще не будутъ заключены добровольныя выкупныя сдѣлки.

Замѣчательно, что за обязательный выкупъ въ средѣ редак-

ціонныхъ коммисіи упорно высказывался одинъ только членъ, принадлежавшій по всѣмъ другимъ вопросамъ къ числу наиболѣе консервативныхъ. Это былъ оберъ-прокуроръ сената Н. П. Семеменовъ, помѣщикъ одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній—Ярославской.

Противъ выкупа рѣшительно возсталъ петербургскій предводитель дворянства гр. Шуваловъ, къ которому присоединился кн. Паскевичъ. Эти лица ничего не имѣли противъ надѣленія крестьянъ землей; но они хотѣли отдать надѣлы не въ собственность крестьянъ, а въ вѣчную наслѣдственную аренду, принявъ систему „Bauerland'a". Они отстаивали положеніе, проектированное петербургскимъ комитетомъ, который требовалъ сохраненія за дворянскимъ сословіемъ особыхъ вотчинныхъ сеніоріальныхъ правъ, опасаясь, что иначе дворянство утратитъ свое первенствующее положеніе въ государствѣ.

Противъ выкупа возставалъ также орловскій губернскій предводитель В. В. Апраксинъ; но его точка зрѣнія была иная: онъ вовсе не хотѣлъ надѣленія крестьянъ землей а, опираясь на Позеновскую программу, требовалъ, чтобы по окончаніи 12 лѣтняго срочно обязаннаго періода *вся* земля была обращена въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоялъ и за сохраненіе вотчинной власти. Его поддерживалъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ М. П. Позенъ.

Всѣ остальные члены редакціонныхъ коммисіи признавали необходимость выкупа въ томъ именно видѣ, какъ проектировалъ его Ростовцевъ.

Позенъ совершенно утратилъ въ это время свое вліяніе на Ростовцева и, поссорившись съ нимъ, вышелъ изъ состава редакціонныхъ коммисіи въ концѣ 1859 г., послѣ разоблаченія разныхъ его интригъ и продѣлокъ.

Преобладающее вліяніе на ходъ дѣла въ редакціонныхъ коммисіяхъ получили Милютинъ, Соловьевъ, кн. Черкасскій и Ю. Ф. Самаринъ.—Будучи наиболѣе авторитетными и наиболѣе энергичными работниками въ средѣ редакціонныхъ коммисіи, члены этой группы вскорѣ пріобрѣли здѣсь такое вліяніе и на Ростовцева, и на ходъ дѣлъ вообще, что со стороны нѣкоторыхъ, несочувствовавшихъ имъ членовъ слышались иногда обвиненія въ стремленіи ихъ къ диктатурѣ и самовластію. Ближе другихъ по направленію и по участію въ работахъ къ нимъ примыкали: С. М. Жуковскій, П. П. Семеновъ, Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій, И. П. Арапетовъ и А. К. Гирсъ. Впрочемъ и эта довольно тѣсная группа была единомышленна далеко не во всѣхъ вопросахъ крестьянской реформы. Главная сфера ея вліянія сосредоточивалась въ хозяйственномъ отдѣленіи по вопросамъ матеріальнаго устройства

крестьянъ. Въ вопросахъ административныхъ взгляды Самарина, правовѣрнаго и послѣдовательнаго славянофила, довольно рѣзко отличались не только отъ взглядовъ нечуждыхъ бюрократическихъ тенденцій и привычекъ Милютина и Соловьева, но и отъ взглядовъ кн. Черкасскаго, который проявилъ здѣсь большой оппортунизмъ. Съ другой стороны Соловьевъ оказался гораздо прямолинейнѣе и тверже прочихъ своихъ товарищей въ защитѣ личныхъ правъ крестьянъ и личной независимости ихъ отъ произвола помѣщиковъ. Въ этой сферѣ оппортунистомъ оказался и Ю. Ф. Самаринъ, доказывавшій необходимость сохраненія „домашней расправы“ въ барщинныхъ имѣніяхъ [1]).

Въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія крестьянъ редакціонныя коммиссіи весьма существенно отступили отъ предположеній губернскихъ комитетовъ. Поставивъ себѣ цѣлью сохранить по возможности существующее землепользованіе крестьянъ, члены хозяйственнаго отдѣленія тщательно проштудировали данныя губернскихъ комитетовъ по этой части и провѣрили ихъ по даннымъ комитетовъ о земской повинности и затѣмъ уже вывели свои нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ для каждой мѣстности съ такимъ расчетомъ, чтобы отрѣзки приходилось дѣлать лишь въ видѣ исключенія въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики при крѣпостномъ правѣ по безпечности, или по великодушію отводили надѣлы, превышавшіе потребности крестьянъ. Низшіе надѣлы были установлены сперва въ $^2/_5$, а затѣмъ въ $^1/_3$ высшихъ съ тою цѣлью, чтобы предотвратить полное обезземеленіе крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики урѣзали, или совершенно отобрали надѣлы у своихъ крѣпостныхъ еще при крѣпостномъ правѣ. Если общее количество всѣхъ полевыхъ крестьянскихъ угодій не превышало нормы, установленной для высшихъ надѣловъ въ данной мѣстности, то всѣ они по проекту редакціонныхъ коммиссій поступали въ надѣлъ крестьянамъ. Если же они превышали эту норму, то излишекъ могъ быть отрѣзанъ по требованію помѣщика или же могъ быть оставленъ у крестьянъ по добровольному съ ними соглашенію за добавочныя повинности. Если у крестьянъ земли было меньше, нежели полагалось по низшей нормѣ, то недостающее количество могло быть имъ нарѣзано изъ

[1]) Впослѣдствіи Самаринъ совершенно измѣнилъ свою точку зрѣнія и призналъ свои доводы, высказанные въ ред. коммиссіяхъ, не справедливыми. Въ письмѣ къ Кошелеву отъ 29 іюля 1861 г. онъ писалъ, что по вопросу о розгѣ совершенно разошелся „съ самимъ собой, съ Черкасскимъ и съ Милютинымъ“. „Съ той минуты, какъ наши приходскія церкви—писали Ю. Ф.—огласились первыми словами манифеста, помѣщичья домашняя расправа вообще (не одни тѣлесныя наказанія) упразднилась навсегда и сама собою.... розга не *вырвана*, а *вывалилась* изъ рукъ...“ См. матеріалы для біографіи „кн. Черкасскаго“, изд. кн. „О. Трубецкой, т. I, кн. II, Москва 1904 г., стр. 206.

числа помѣщичьихъ земель; впрочемъ, вмѣсто такой дорѣзки крестьяне могли требовать соотвѣтственнаго пониженія повинностей. Если бы при отводѣ крестьянамъ надѣла по высшей нормѣ у помѣщика оставалось менѣе $^1/_3$ всей земли имѣнія, то онъ имѣлъ право удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи до $^1/_3$ общей совокупности удобныхъ земель. Въ *степной* полосѣ, въ виду обилія земли, вмѣсто высшихъ и низшихъ надѣловъ установленъ былъ одинъ размѣръ надѣла—указный; но помѣщику предоставлялось уменьшить его въ томъ случаѣ, если бы за отводомъ такого надѣла у него осталось менѣе $^1/_2$ всей земли въ имѣніи. Для опредѣленія размѣровъ высшихъ и указныхъ надѣловъ всѣ губерніи раздѣлены были коммисіями на *полосы* нечерноземную, черноземную и степную, причемъ каждая изъ нихъ подраздѣлялась на нѣсколько мѣстностей.

Въ первомъ періодѣ занятій редакціонныхъ коммисій *нечерноземная* полоса раздѣлена была на 7 мѣстностей съ высшими надѣлами въ $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5, 6 и 8 десятинъ на душу; *черноземная* полоса—на 5 мѣстностей, съ надѣлами въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ десятинъ, и, наконецъ, *степная* полоса—на 4 мѣстности, съ надѣлами въ $6^1/_2$, $8^1/_2$, $10^1/_2$ и 12 десятинъ. Кромѣ того особыя нормы выработаны были для малороссійскихъ губерній: Полтавской, Черниговской и части Харьковской и для губерній Западнаго края [1]).

Всѣ эти нормы значительно, *во многихъ губерніяхъ вдвое и болѣе*, превышали нормы, опредѣленныя губернскими комитетами, и тѣмъ не менѣе онѣ не давали возможности вполнѣ устранить урѣзки существовавшаго ранѣе землепользованія, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже въ значительной части селеній: по $^1/_4$, по $^1/_2$, десятины, а иногда и по десятинѣ на душу. Напротивъ, прирѣзку къ существовавшему землепользованію приходилось бы сдѣлать лишь въ исключительныхъ случаяхъ [2]).

При опредѣленіи размѣра *повинностей* редакціонныя коммисіи приняли за исходную точку также существующій фактъ. Отбросивъ при этомъ крайности, они получили для различныхъ мѣстностей Россійской Имперіи гораздо менѣе разнообразія въ цифрахъ оброка, нежели въ нормахъ надѣла. Въ первомъ періодѣ занятій они проектировали раздѣлить въ этомъ отношеніи великорусскія, бѣлорусскія и новороссійскія губерніи на 4 полосы безъ

---

[1]) Въ Малороссійскихъ губерніяхъ при крѣпостномъ правѣ крестьянскія земли не были строго отдѣлены отъ помѣщичьихъ и часто сдавались крестьянамъ въ обработку со снопа, т. е. изъ части урожая. Въ западныхъ губерніяхъ надѣлы опредѣлены были подворно.

[2]) Ср. *Иванюкова.* „Паденіе крѣпостного права“,

подраздѣленія ихъ на мѣстности. Полосы эти были: нечерноземная оброчная, нечерноземная барщинная, черноземная и степная. Въ первой полосѣ норма оброка за высшій надѣлъ опредѣлена была въ 9 руб. съ души, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей Московской, Петербургской, Ярославской, Владимірской и Нижегородской губерній, гдѣ оброкъ былъ повышенъ до 10 руб.; въ трехъ остальныхъ полосахъ оброкъ назначенъ былъ вездѣ 8 руб. съ души за высшій надѣлъ. При этомъ коммисіи приняли для распредѣленія этого оброка по десятинамъ ту систему *градаціи*, которая изобрѣтена была въ тверскомъ комитетѣ и принята въ ярославскомъ и нѣкоторыхъ другихъ комитетахъ нечерноземныхъ губерній. Въ первомъ періодѣ занятій часть оброка, упадавшая на 1-ю десятину, опредѣлена была отъ 3 р. 50 к. до 4 руб., вторая же десятина, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ употреблялось искусственное удобреніе, оцѣнена была ниже первой, но выше остальныхъ; тамъ же, гдѣ искусственнаго удобренія не было, всѣ десятины, кромѣ первой, облагались поровну [1]).

Въ барщинныхъ имѣніяхъ для всей Россіи предполагалась за высшій надѣлъ издѣльная повинность въ размѣрѣ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ въ годъ. При отводѣ неполныхъ надѣловъ издѣльная повинность за нихъ должна была уменьшаться сообразно съ градаціею, принятою въ каждой мѣстности для денежнаго оброка.

Впослѣдствіи первоначально исчисленныя нормы надѣловъ нѣсколько разъ перерабатывались; нормы повинностей также были измѣнены, но система градаціи удержалась. Въ сущности эта система, въ связи съ принятою редакціонными коммисіями системою выкупа, при которой выкупная сумма исчислялась не по стоимости земли, а по капитализаціи повинностей,

---

[1]) Въ докладѣ хоз. отд. № 17 эта градація была указана наглядно въ слѣд. расчетѣ 9-ти рублеваго душевого оброка (въ нечерноземномъ пространствѣ):

a) при высшемъ надѣлѣ въ $3^1/_2$ десятины:
4 р. —2 р. 50 к. —1 р. $66^1/_2$ к. —$83^1/_2$ к.

b) при 4 десятинахъ:
4 р. —2 р. 40 к. —1 р. 30 к. —1 р. 30 к.

c) при $4^1/_2$ десятинахъ:
4 р. —2 р. 30 к. —2 р. 8 к. —2 р. 8 к. —54 к.

d) при 5 десятинахъ:
4 р. —2 р. 20 к. —$93^1/_3$ к. —$93^1/_3$ к. —$93^1/_3$ к.

e) при 6 десятинахъ:
4 р. —2 р. —75 к. —75 к. —75 к. —75 к.

f) при 8 десятинахъ:
4 р. —1 р. 60 к. —$56^2/_3$ к. —$56^2/_3$ к. —$56^2/_3$ к. —$56^2/_3$ к. - $56^2/_3$ к. $56^2/_3$ к.

вела къ тому, что помѣщики нечерноземныхъ губерній получали такимъ образомъ вознагражденіе не только за землю, но и за потерю цѣнности ихъ имѣній отъ уничтоженія личнаго крѣпостного права. Она сыграла въ концѣ концовъ ту самую роль въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, которую А. И. Левшинъ возлагалъ, при составленіи рескрипта 20 ноября 1857 г., на отдѣльный выкупъ усадебъ. Но нельзя не замѣтить, что, распространивъ эту систему на чисто земледѣльческія черноземныя губерніи, редакціонныя коммисіи допустили крупную несправедливость въ отношеніи малоземельныхъ крестьянскихъ обществъ. Въ этихъ губерніяхъ никакихъ неземледѣльческихъ заработковъ не существовало и земля цѣнилась вся болѣе или менѣе одинаково; поэтому малоземельные крестьяне, которымъ приходилось платить относительно дороже, благодаря повышенной оцѣнкѣ первой десятины, поставлены были въ явно невыгодное положеніе по сравненію со своими болѣе обезпеченными землей и потому и безъ того болѣе богатыми сосѣдями. Здѣсь безъ сомнѣнія сыграло большую роль то, чисто бюрократическое стремленіе къ единообразію, къ подведенію всѣхъ мѣстностей подъ одну систему, за которое редакціонныя коммисіи получили впослѣдствіи не мало упрековъ со стороны депутатовъ дворянскихъ комитетовъ [1]).

По программѣ, преподанной редакціоннымъ коммисіямъ, освобожденнымъ крестьянамъ предположено было дать *самоуправленіе* въ ихъ сельскомъ быту. Редакціоннымъ коммисіямъ поэтому предстояло, во-первыхъ, выработать внутреннюю организацію этого самоуправленія и, во вторыхъ, опредѣлить отношеніе его къ внѣшнему міру. Эта задача исполнена была административнымъ отдѣленіемъ коммисіи въ восьми докладахъ, положенныхъ впослѣдствіи въ основаніе соотвѣтствующаго отдѣла положенія 19 февраля. Въ первомъ же докладѣ, обсуждая „общія основанія образованія сельскихъ обществъ“, административное отдѣленіе признало, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ“ составляетъ „одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости“. Но на ряду съ этимъ въ докладѣ указывалось, что вопросъ этотъ „имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ

---

[1]) Ср. письмо *А. А. Головачева* къ *Джаншіеву*, напечатанное послѣднимъ въ „Эпохѣ великихъ реформъ“, 7-е изд., стр. 172, примѣчаніе. Ср. Также мнѣніе Ю. Ф. Самарина въ письмѣ отъ 29 іюля 1861 г. въ „матеріалахъ для біографіи кн. Черкасскаго“, т. I, ч. II, стр. 261.

сохраненія общаго порядка и спокойствія". Докладчикъ находилъ, что эта двойная цѣль административнаго устройства крестьянъ лучше всего будетъ достигнута, если *въ правительственныхъ и административныхъ видахъ* будутъ созданы особыя *„сельскія общества"*, какъ учрежденіе главнымъ образомъ полицейско-административное, а для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ крестьянъ сохранены будутъ *„поземельныя общины"*, основанныя на пользованіи міромъ господской землей [1]).

Это искусственное раздѣленіе крестьянскаго „міра" на *общество* и *общину* мотивировалось тѣмъ, что въ видахъ удобства управленія, въ составъ сельскаго общества, какъ административной единицы, должны были входить, по мнѣнію административнаго отдѣленія, во всякомъ случаѣ цѣлыя селенія безъ раздробленія ихъ на части, а *поземельныя общины* приходилось брать такъ, какъ создала ихъ жизнь по имѣніямъ, и соединять ихъ было нельзя, потому что надѣлы и повинности въ разныхъ имѣніяхъ были различны.

Первоначально предполагалось, что обѣ эти единицы будутъ существовать параллельно и *не будутъ подчинены одна другой*, причемъ на административное сельское общество предполагалось возложить всѣ полицейскія и судебно-полицейскія обязанности, а на поземельныя общины исключительно ихъ мірскія хозяйственныя дѣла и внутреннее распредѣленіе повинностей, помѣщичьихъ и казенныхъ, между отдѣльными домохозяевами или дворами, связанными между собой въ отношеніи отбыванія этихъ повинностей круговою порукою.

Члены административнаго отдѣленія, повидимому, понимали нерациональность приложенія бюрократическихъ началъ въ организаціи сельскаго административнаго устройства и относились весьма критически къ устройству государственныхъ крестьянъ, отвергая пользу инстанціоннаго устройства крестьянской общинной администраціи. Самъ Ростовцевъ, когда одинъ изъ членовъ заикнулся о пользѣ контроля волостного управленія надъ мірскимъ обществомъ, очень нетерпѣливо отвѣтилъ, что этотъ контроль вреденъ: „нѣтъ—сказалъ онъ—ужъ вы отнимите и эту піявку у народа!"... Однако же принципъ независимости общинъ отъ сельскихъ обществъ могъ быть выдержанъ лишь при строгомъ разграниченіи компетенціи тѣхъ и другихъ.

Между тѣмъ при первомъ же обсужденіи доклада административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи редакціонныхъ ком-

---

[1]) Матеріалы редакц. комиссій т. II, кн. 2, гл. I. Ср. мою статью „Объ администр. устройствѣ крестьянъ" въ „Сарат. Земск. Недѣлѣ" за 1904 годъ № 1, стр. 57.

миссіи раздались голоса о необходимости и для поземельныхъ общинъ имѣть свою полицію и удовлетворять нѣкоторыя административныя нужды. Тутъ же признано было необходимымъ въ отношеніи *отбыванія* повинностей подчинить общины надзору сельскихъ обществъ. Единственный органъ и представитель поземельной общины—староста сдѣланъ былъ полицейской властью и въ качествѣ таковой подчиненъ былъ сельскому старшинѣ. Наконецъ, самыя названія *поземельная община* и *сельское общество* признаны были неудобными, и въ концѣ концовъ сельское общество переименовано было въ *волость*, а поземельная община въ *сельское общество*. Въ результатѣ сельское общество (прежняя поземельная община) явилось подраздѣленіемъ волости. Между тѣмъ сама волость въ томъ видѣ, какъ она была задумана и проектирована въ редакціонныхъ комиссіяхъ, отнюдь не можетъ быть названа самоуправляющейся единицей. Задумана она была (подъ именемъ административнаго сельскаго общества), по словамъ самаго доклада административнаго отдѣленія, *въ видахъ правительственныхъ и административныхъ*. Въ соотвѣтствіе съ этимъ на волостное правленіе и на волостного старшину возложена была масса полицейскихъ обязанностей, ничего общаго съ нуждами самихъ крестьянъ не имѣвшими. Независимо отъ этого было установлено, что „волостной старшина обязанъ исполнять *безпрекословно* всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и *всѣхъ* установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства“. Тоже самое было установлено и о сельскомъ старостѣ. Волостному же старшинѣ подчинялись всѣ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія, какъ волостного, такъ и сельскаго, и ему предоставлялось налагать на нихъ, а равно и на всѣхъ крестьянъ его волости различныя взысканія, отчего все крестьянское управленіе и все крестьянское населеніе становилось въ зависимость отъ различныхъ административныхъ и полицейскихъ начальствъ.

Мировому посреднику предоставлено было подвергать волостного старшину и прочихъ должностныхъ лицъ за маловажные проступки по должности замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней. Всѣ прочія начальствующія лица могли заявлять требованія о подобныхъ же взысканіяхъ мировому посреднику.

Въ то же время волостные и сельскіе сходы, выборными органами и агентами которыхъ, по своему значенію и по характеру своей дѣятельности, были волостные старшины и сельскіе старосты, не могли подвергать ихъ отвѣтственности и, хотя сходамъ предоставленъ былъ учетъ этихъ должностныхъ лицъ, но этотъ учетъ могъ касаться однихъ лишь ихъ хозяйственныхъ

дѣйствіи и находившихся на рукахъ у этихъ лицъ общественныхъ суммъ. Замѣчательно, что при обсужденіи докладовъ административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи комиссіи Милютинъ и Соловьевъ настаивали на ограниченіи правъ схода въ отношеніи контроля и учета должностныхъ лицъ [1]).

Такимъ образомъ редакціонныя комиссіи, высказавъ первоначально мысль о необходимости учрежденія двухъ параллельныхъ другъ отъ друга независимыхъ организаціи—одной для завѣдыванія поземельными общинными распорядками и другой для правительственныхъ административныхъ цѣлей, въ концѣ концовъ незамѣтно пришли къ тому, чего сами опасались вначалѣ, къ учрежденію двухъ инстанцій крестьянскихъ учрежденій, изъ которыхъ обѣ оказались учрежденіями административными, причемъ въ обѣихъ *принципъ самоуправленія парализовался подчиненностью ихъ общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ*. Нѣкоторая самостоятельность предоставлена была сельскимъ сходамъ лишь по хозяйственнымъ дѣламъ; по дѣламъ же административнымъ подъ видомъ самоуправленія выработана была въ сущности система выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, вполнѣ подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи.

Ю. Ф. Самаринъ, по болѣзни не участвовавшій въ этихъ работахъ административнаго отдѣленія, былъ такъ пораженъ участью крестьянскаго самоуправленія, приготовленной ему этими постановленіями, что высказался даже за полное освобожденіе волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей.

„Я боюсь — сказалъ онъ—чтобы должностныя лица не развратились, чтобы изъ нихъ не вышли чиновники. Полицейскія обязанности помѣшаютъ ихъ самостоятельному развитію“. Въ горячемъ спорѣ съ кн. Черкасскимъ Самаринъ сказалъ ему: „Вы положили создать новую единицу *въ видахъ правительства* для его удобства, отнюдь не въ хозяйственныхъ интересахъ крестьянъ, и сдѣлали ошибку“ [2]). Столь же рѣзко напалъ на эти

---

[1]) См. *Н. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи“, т. I, стр. 500—501.

[2]) *Тамъ же*, т. II, стр. 327 и 329. Въ литературѣ рѣзко напалъ на эти доклады административнаго отдѣленія *К. С. Аксаковъ*, который напечаталъ по этому поводу заграницей брошюру—памфлетъ съ страстными нападками на членовъ административнаго отдѣленія, въ числѣ которыхъ были его пріятели Самаринъ и кн. Черкасскій. Эта статья перепечатана была съ небольшими пропусками въ „Руси“ за 1883 г. №№ 1—3 И. С. Аксаковымъ. Пропуски эти указаны и возстановлены у *Н. П. Семенова*, н. с. I, стр. 505. Замѣчательно, что эти доклады, составленные при участіи кн. В. А. Черкасскаго и защищавшіеся имъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ противъ нападокъ Ю. Ф. Самарина, совер-

постановленія другой членъ-экспертъ редакціонныхъ комиссій А. Д. Желтухинъ, который въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи указывалъ, что все учрежденіе волостей направлено главнымъ образомъ „*противъ* помѣщика и въ *пользу* правительственной администраціи", а что „интересы самихъ крестьянъ отодвинуты на второй планъ: они разсматривались не самостоятельно, а по отношеніямъ внѣшнимъ" [1]).

Въ этомъ упрекѣ было дѣйствительно много правды. Самые преданные и пылкіе сторонники радикальной реформы увлеклись въ редакціонныхъ комиссіяхъ отстаиваніемъ интересовъ крестьянъ противъ владѣльческихъ интересовъ, и такъ какъ они были въ то же время не свободны отъ бюрократическихъ тенденцій и предразсудковъ, то и попали въ этомъ вопросѣ „изъ огня да въ полымя". Они очень радикально упразднили всѣ виды вотчинной власти. Въ докладѣ № 8 категорически отрицалась совмѣстимость идеи самоуправленія крестьянскихъ обществъ съ присвоеніемъ помѣщику начальническаго званія и опредѣленно указывалось, что всякое вмѣшательство помѣщика въ дѣла „міра" будетъ грозить самостоятельности крестьянскаго самоуправленія и такимъ образомъ въ корнѣ подорветъ его самобытность и жизнь. Въ результатѣ, согласившись съ положеніями этого доклада, редакціонныя комиссіи положили упразднить совершенно вотчинную власть, сохранивъ лишь на время срочно-обязаннаго періода нѣкоторыя права помѣщика на особый почетъ со стороны крестьянъ и право оказанія имъ защиты и покровительства въ извѣстныхъ случаяхъ [2]). Но, къ сожалѣнію, на мѣсто помѣщичьей власти и помѣщичьяго вліянія они поставили власть и вліяніе чиновничье.

Что касается личныхъ правъ освобождаемыхъ крестьянъ, то въ этомъ отношеніи редакціонныя коммиссіи остались на почвѣ По-

---

шенно противорѣчили статьямъ самого кн. Черкасскаго въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" за 1858 г. Въ этихъ статьяхъ („Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія") кн. Черкасскій писалъ между прочимъ, что „мѣстное устройство должно быть непремѣнно основано на спасительномъ для государства началѣ мѣстнаго самоуправленія, въ ущербъ всякой мертвящей централизаціи"; что „первообразной единицей сельской жизни и установленій должно быть признано не вымышленное какое-либо географическое подраздѣленіе, но единица живая, уже существующая, носящая извѣстный историческій характеръ"; что „вся общинная автономія должна быть здѣсь сосредоточена и потому не должно воздвигать другъ надъ другомъ нѣсколько общинъ, какъ бы нѣсколько административныхъ ярусовъ или инстанцій, порождающихъ лишь лишніе проволочки и расходы".

[1]) *Семеновъ*, II, 963—968, *Скребицкій*, I, 343—346.

[2]) Докладъ адм. отд. № 8. „Матеріалы редакціонныхъ комиссій" 2-е изд. т. II, стр. 265. Ср. мою статью „Объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы" въ „Саратов. Земской Недѣлѣ" за 1904 г. № 1, стр. 51—75.

зеновской программы и постановленія ихъ по этому отдѣлу всего менѣе уклонялись отъ постановленій, проектированныхъ губернскими комитетами.

Первый періодъ занятій редакціонныхъ коммисій окончился въ началѣ сентября 1859 г. черезъ полгода послѣ ихъ открытія. Къ этому времени были приглашены въ Петербургъ депутаты отъ тѣхъ 21 комитетовъ, проекты которыхъ были разсмотрѣны коммисіями въ этотъ періодъ.

„Матеріалы редакціонныхъ коммисій“ печатались въ 3000 экземпляровъ и широко разсылались повсюду. Поэтому дворянство имѣло полную возможность слѣдить за ходомъ дѣлъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ. Оно очень быстро могло убѣдиться, что, хотя мнѣнія губернскихъ комитетовъ приводились въ видѣ справки въ докладахъ отдѣленій редакціонныхъ коммисій по каждому вопросу, но что коммисіи отнюдь не признаютъ себя обязанными считаться съ *волею* дворянства по многимъ вопросамъ. Естественно, что помѣщикамъ не могло нравиться такое отношеніе къ трудамъ дворянскихъ комитетовъ, а толки о повсемѣстномъ ихъ недовольствѣ въ преувеличенныхъ размѣрахъ охотно распространялись въ Петербургѣ различными интриганами съ цѣлью запугать и смутить правительство. Поэтому предстоящее прибытіе депутатовъ и ожидавшаяся съ ихъ стороны оппозиція стали серьезно безпокоить и правительство, и друзей реформы. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Ланской, по совѣту Милютина, представилъ передъ самымъ прибытіемъ депутатовъ Государю записку съ суровой критикой дѣятельности губернскихъ комитетовъ и съ указаніемъ на опасность допущенія сплоченной оппозиціи правительству со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ. Въ запискѣ подчеркивалось, что депутаты вызываются „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть“, относительно мѣстныхъ особенностей разныхъ губерній, а вовсе не для разрѣшенія „какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ“... Государь одобрилъ эту записку и въ результатѣ для депутатовъ составлена была инструкція, которая низводила ихъ значеніе до степени простыхъ экспертовъ, которые должны были только отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. Обиженные депутаты сгоряча составили было адресъ, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ жаловались на происки бюрократіи и просили возстановить то ихъ значеніе, которое они предполагали имѣть на основаніи словъ, сказанныхъ Государемъ, во время его путешествія, въ Твери и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Адресъ этотъ однако же не былъ представленъ оффиціально, а взамѣнъ того они ходайствовали черезъ

Ростовцева, чтобы имъ было разрѣшено имѣть между собой совѣщанія и чтобы всѣ ихъ соображенія „поступили на судъ высшаго правительства“. Частныя совѣщанія имъ были разрѣшены но безъ права дѣлать постановленія, и было обѣщано именемъ Государя, что всѣ соображенія ихъ дойдутъ черезъ главный комитетъ до него. На первый разъ депутаты этимъ удовлетворились; но за то въ замѣчаніяхъ своихъ, которыя составили 3 толстыхъ тома, они подвергли труды редакціонныхъ коммисій суровой и безпощадной критикѣ [1]).

Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія были настроены въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были крѣпостниками. Большая часть ихъ принадлежали къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ или получерноземныхъ губерній. Они высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей. Но почти всѣ они были безусловно противъ отвода надѣловъ въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности. Они опасались, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти совершенно невозможно, установленіе же постоянныхъ оброковъ, безъ права переоброчки они признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Большая часть изъ нихъ требовала обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе депутаты (петербургскіе, псковскіе) предпочитали систему вѣчно-наслѣдственнаго пользованія, но съ правомъ періодической переоброчки и лишь нѣсколько человѣкъ выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода.

Многіе депутаты возражали также противъ проектированныхъ коммиссіями максимальныхъ и минимальныхъ нормъ земельныхъ надѣловъ, указывая, что редакціонныя коммиссіи произвольно устранили изъ расчета всѣ мелкія имѣнія менѣе 100 душъ, въ которыхъ надѣлъ отводился при крѣпостномъ правѣ гораздо ограниченнѣе, нежели въ крупныхъ, и приняли въ то же время безъ всякой скидки цифры надѣловъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ иногда вся земля отдавалась въ распоряженіе крестьянъ. Поэтому нормы надѣловъ, по мнѣнію депутатовъ, были выведены

[1]) Независимо отъ этого депутаты были приглашаемы поочередно и для словесныхъ совѣщаній въ редакціонныя комиссіи, но эти совѣщанія имѣли характеръ простыхъ разговоровъ и никакихъ оффиціальныхъ слѣдовъ не оставили. (Ср. *Семеновъ* н. с. т. II и III и *Кошелева* „Записки“, прилож. VI, стр. 180—181).

слишкомъ повышенныя и для помѣщиковъ разорительныя, благодаря тому, что нормальные оброки были назначены лишь за высшіе надѣлы и, слѣдовательно, во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ окажется ниже высшаго, повинности будутъ черезчуръ понижены. Депутаты промышленныхъ губерній, особенно Ярославской, сильно отстаивали выведенныя ими нормы оброковъ.

Но единодушнѣе и рѣзче всего были нападки депутатовъ 1-го приглашенія на проектъ административнаго устройства крестьянъ. Нападать на эту часть постановленій редакціонныхъ коммиссій депутатамъ было тѣмъ удобнѣе, что имъ не приходилось обращаться къ защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ, чтобы обнаружить всю несостоятельность и нераціональность проектированнаго коммиссіями устройства. Большинство депутатовъ 1-го приглашенія стояло въ этомъ вопросѣ на либеральной и демократической почвѣ и эти нападки ихъ произвели большое впечатлѣніе на многихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій и на всѣхъ благомыслящихъ людей въ Россіи. Отмѣтивъ, что редакціонныя коммиссіи рѣшили совершенно упразднить помѣщичью власть, рязанскій депутатъ Кошелевъ заявляетъ въ своемъ отзывѣ: „конечно, не плачъ по ней подниму я здѣсь, нѣтъ! *Вѣчная память*, которую мы ей теперь поемъ, налагаетъ на насъ обязанность de mortuis aut bene, aut nihil“; а потому онъ избираетъ послѣднее. Но его занимаетъ вопросъ: къ кому же эта власть перейдетъ? „Сельскія общества получатъ часть ея, относящуюся до хозяйственнаго устройства и до первоначальныхъ полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій; но остальная затѣмъ часть, та, которая и этой, такъ сказать, домашней, даетъ жизнь и значеніе, въ чьи руки она поступитъ? Неужели къ чиновникамъ“?..

Изъ депутатовъ 1-го приглашенія самую основательную критику волостного устройства, проектированнаго коммиссіями, представилъ тверской депутатъ А. М. Унковскій. Главный недостатокъ этого проекта Унковскій видѣлъ въ томъ, что волости предполагалось образовать изъ однихъ лишь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, совершенно уединенныхъ отъ прочихъ сословій. Что такія волости не могутъ достигнуть своей цѣли, т. е. быть единицами мѣстнаго сельскаго самоуправленія—это въ глазахъ Унковскаго доказывалъ опытъ волостей и сельскихъ обществъ у государственныхъ крестьянъ. Эти волости, по словамъ Унковскаго,—„будутъ ни болѣе, ни менѣе какъ массы, механически и насильственно связанныя внѣшнею силою. Что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ? Свои общіе интересы? Но они не имѣютъ общихъ отдѣльныхъ интересовъ, такихъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей

мѣстности"... „Съ другой стороны,—спрашиваетъ Унковскій,—какая надобность и какая польза отдѣлять крестьянъ отъ высшихъ просвѣщенныхъ сословій? Вѣдь это значитъ отнимать у мѣстныхъ обществъ весь разумъ, всю способность пользоваться своими правами"... „Это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ"...

Но этимъ Унковскій не ограничился; въ своемъ отзывѣ на труды административнаго отдѣленія коммиссіи онъ представилъ подробный разборъ и рѣзкую критику всей существовавшей тогда системы управленія. Онъ предлагалъ упразднить всѣ существовавшія тогда вѣдомства, присутственныя мѣста, канцеляріи и сословные суды и замѣнить все это широкой и послѣдовательно проведенной системой самоуправленія и общимъ для всѣхъ сословій судомъ присяжныхъ. Для обузданія же чиновничьяго произвола и злоупотребленій онъ требовалъ введенія отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ не по распоряженію ихъ начальствъ, а по жалобамъ частныхъ лицъ [1]).

Такова же была точка зрѣнія и большинства другихъ депутатовъ 1-го приглашенія [2]). Впрочемъ, среди этихъ депутатовъ были и совершенные крѣпостники, какъ князь И. В. Гагаринъ, воронежскій предводитель дворянства [3]), и изворотливые интриганы, какъ Позенъ, и аристократы съ олигархическими тенденціями, какъ симбирскій депутатъ Шидловскій; но большинство было проникнуто либеральными взглядами.

Убѣдившись къ концу своего пребыванія въ Петербургѣ, которое длилось нѣсколько недѣль, что возраженія ихъ не будутъ приняты редакціонными коммиссіями, и опасаясь, что исписанныя ими кипы бумаги не прочтутъ не только государь, но и члены главнаго комитета, депутаты эти рѣшились передъ отъѣздомъ еще разъ ходатайствовать, чтобы имъ предоставлено было представить свои замѣчанія главному комитету на окончательный проектъ редакціонныхъ коммиссій, когда онъ будетъ готовъ. Они составили объ этомъ адресъ на высочайшее имя, но при подписи его возникли несогласія относительно его редакціи и въ концѣ-концовъ депутаты раздѣлились на три группы. 18 человѣкъ подали адресъ съ ходатайствомъ о допущеніи ихъ къ разсмотрѣнію окончательныхъ трудовъ редакціонныхъ коммиссій. Шидловскій представилъ письмо государю въ олигархическомъ духѣ; а пять депутатовъ (2 ярославскихъ, 2 харьковскихъ и тверской А. М.

---

[1]) *Скребицкій*, н. с., т. I, стр. 780, а также 785—799 и 878—885.

[2]) Тамъ же, стр. 665—669 и 768—785.

[3]) См. мнѣніе его о правѣ собственности помѣщиковъ у *Скребицкаго* т. I, стр. 147—152.

Унковскій) изложили въ своемъ адресѣ свой взглядъ на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны [1]). Всѣ эти адресы были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ, причемъ правительство взглянуло на нихъ лишь, какъ на проявленіе дворянской фронды, и лица, ихъ подписавшія, получили черезъ губернаторовъ замѣчанія.

Такой исходъ этихъ ходатайствъ и заявленій произвелъ на дворянство большей части губерній чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Возбужденіе и недовольство противъ бюрократіи еще усилилось, когда министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ особымъ циркуляромъ обсуждать крестьянскій вопросъ на предстоявшихъ очередныхъ собраніяхъ. Мѣра эта признана была дворянами за нарушеніе законныхъ ихъ правъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ протестовъ и демонстрацій, изъ которыхъ одинъ—именно протестъ тверского дворянскаго собранія—повлекъ за собой неожиданно весьма суровую мѣру: губернскій предводитель дворянства Унковскій и помѣщикъ Европеусъ высланы были административнымъ порядкомъ въ Вятскую и Пермскую губерніи [2]). Мѣра эта произвела на общество удручающее впечатлѣніе [3]).

Между тѣмъ редакціонныя коммиссіи вступили во 2-й періодъ своей дѣятельности. Въ этотъ періодъ они изучили проекты остальныхъ 25 губернскихъ комитетовъ и пересмотрѣли свои постановленія перваго періода съ принятіемъ во вниманіе этихъ проектовъ. Затѣмъ вызваны были депутаты отъ этихъ 25 комитетовъ.

Но прежде чѣмъ они прибыли, въ положеніи редакціонныхъ коммиссій произошла крупная перемѣна: 6 февраля 1860 года умеръ Ростовцевъ послѣ долгой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго напряженія [4]).

Вмѣсто Ростовцева назначенъ былъ гр. В. Н. Панинъ, извѣстный своею приверженностью къ дореформенному строю и къ крѣпостнымъ порядкамъ. Хотя Панину поставлено было государемъ условіе ничего не измѣнять въ ходѣ и направленіи дѣла, установившихся при Ростовцевѣ, однако же назначеніе его чрезвычайно окрылило надежды крѣпостниковъ.

Депутатъ 1-го призыва (А. И. Кошелевъ) въ письмѣ къ депу-

---

[1]) Записка *А. И. Кошелева* „Депутаты и редакціонныя комиссіи“, приложеніе VI къ его „Запискамъ“, стр. 184. Этотъ адресъ приведенъ также у *Семенова* въ прилож. къ т. II и у *Иванюкова*.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Кошелевъ* н. с., прил. VI, стр. 187.

[4]) Ходъ болѣзни Ростовцева и всѣ обстоятельства съ нею связанныя подробно разсказаны у Семенова, въ т. II.

татамъ 2-го приглашенія, напечатанномъ заграницей, давалъ имъ, на основаніи своего опыта, мудрые совѣты, какъ имъ слѣдуетъ вести себя въ Петербургѣ.

Онъ совѣтовалъ имъ принять съ покорностью то положеніе, которое создала для депутатовъ инструкція, не тратить времени и силъ на борьбу съ ней, но за то постараться дойти до единодушія въ частныхъ своихъ совѣщаніяхъ. При этомъ онъ рекомендовалъ имъ бросить всякія мечты о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и даже объ уменьшеніи существующихъ надѣловъ, а добиваться обязательнаго выкупа, отвергнувъ систему безсрочнаго пользованія землей за неизмѣнныя повинности. Особенно же онъ приглашалъ ихъ сосредоточиться на отстаиваніи народной самобытности и народнаго самоуправленія противъ чиновничьяго бюрократическаго режима.

Но депутаты 2-го приглашенія не послушались Кошелева. Между ними преобладали члены комитетовъ земледѣльческихъ черноземныхъ и западныхъ губерній; они не сочувствовали выкупной системѣ, многіе изъ нихъ стремились напротивъ къ обезземеленію крестьянъ, и мечтали о сохраненіи вотчинныхъ правъ дворянства. Въ этихъ стремленіяхъ своихъ они дѣйствительно достигли значительнаго единодушія и подали отзывы по большей части вопросовъ за общей подписью 34—40 лицъ. Ихъ надежды на коренное измѣненіе основаній реформы, принятыхъ редакціонными коммисіями, сильно поддерживались распространившимися тогда слухами о полной перемѣнѣ въ настроеніи высшаго правительства, вслѣдствіе смерти Ростовцева и назначенія на его мѣсто Панина. На труды редакціонныхъ коммисій они написали очень рѣзкую и несправедливую критику, причемъ всего сильнѣе обрушились на надѣленіе крестьянъ землей и на образованіе независимыхъ отъ помѣщичьей власти крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ. Они не брезгали въ этихъ своихъ отзывахъ никакими аргументами и всячески старались набросить тѣнь на труды редакціонныхъ коммисій съ охранительной точки зрѣнія, выискивая въ ихъ предположеніяхъ республиканскія соціалистическія и даже коммунистическія начала, которыхъ на самомъ дѣлѣ, разумѣется, не было и слѣда.

Однако, весь этотъ походъ не удался; слухи о перемѣнѣ въ настроеніи правительства не оправдались, и хотя гр. Панинъ старался впослѣдствіи кое въ чемъ испортить дѣло редакціонныхъ коммисій, пытаясь подѣйствовать на ея членовъ силою своего авторитета и служебнаго положенія, но изъ этого ничего важнаго не вышло.

Возраженія и отзывы депутатовъ, какъ 1-го, такъ и 2-го приглашенія, спеціально обсуждались лишь въ 3-мъ періодѣ

занятій редакціонныхъ коммиссій подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, когда уже было приступлено къ кодификаціи принятыхъ коммиссіями постановленій; но по нѣкоторымъ вопросамъ, особенно о нормахъ надѣла, отзывы депутатовъ приняты были во вниманіе уже и во 2-мъ періодѣ занятій. Главныя уступки, сдѣланныя коммиссіями депутатамъ, касались матеріальной стороны реформы. Они сводились: къ болѣе или менѣе значительному пониженію нормъ надѣловъ во многихъ уѣздахъ, къ повышенію нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ съ 8 до 9 рублей на душу, и, наконецъ, къ допущенію *переоброчки* черезъ 20 лѣтъ (т. е. переоцѣнки повинностей согласно измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ) въ имѣніяхъ, гдѣ полевая земля находится въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ [1]).

Съ самаго открытія 3-го періода занятій редакціонныхъ коммиссій гр. Панинъ попробовалъ убѣдить большинство членовъ коммиссій отказаться отъ категорическаго постановленія, что надѣлы отводятся въ *безсрочное* пользованіе крестьянъ; онъ старался замѣнить это выраженіе такимъ неопредѣленнымъ оборотомъ рѣчи, который открывалъ бы возможность впослѣдствіи, по окончаніи срочно-обязаннаго періода, перейти къ системѣ пользованія надѣломъ по добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками. Систему безсрочнаго пользованія упорно защищали Милютинъ, кн. Черкасскій и др. и, такъ какъ гр. Панинъ возвращался при каждомъ удобномъ случаѣ къ своей мысли, то они представили даже особую записку съ обоснованіемъ системы безсрочнаго пользованія, подписанную 19-ю членами коммиссіи, а Панинъ представлялъ объ этомъ разномысліи въ особомъ докладѣ государю; но государь не далъ категорическихъ указаній и Панину такъ и не удалось сломить въ этомъ важномъ вопросѣ упорство своихъ оппонентовъ. Въ концѣ-концовъ рѣшено было лишь выраженіе „*безсрочное* пользованіе“ замѣнить выраженіемъ „*постоянное* пользованіе“ [2]).

Такимъ образомъ, не смотря на перемѣну предсѣдателя коммиссій въ самый разгаръ дѣла, главныя основанія реформы, окончательно опредѣлившіяся еще при Ростовцевѣ, остались въ сущности неизмѣненными.

10-го октября 1860 г. коммиссіи были закрыты, проработавъ безъ отдыха около 20 мѣсяцевъ, и выработавъ проекты 16-ти положеній, съ объяснительными записками, указателями и проч.

---

[1]) Любопытная оцѣнка взглядовъ, высказанныхъ депутатами 1-го и 2-го приглашенія, сдѣланная редакціонными коммиссіями, приведена у *Скребицкаго*, т. I, стр. 822 и слѣд.

[2]) Всѣ попытки гр. Панина измѣнить постановленія редакціонныхъ коммиссій по этому предмету подробно изложены у *Семенова* въ т. III ч. I, passim.

Печатные доклады отдѣленій, журналы общихъ присутствій, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ и другіе труды редакціонныхъ коммисій составили 18 объемистыхъ томовъ (въ первомъ изданіи) и сверхъ того 6 томовъ статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ.

Изъ редакціонныхъ коммисій проекты ихъ поступили въ Главный Комиметъ, который началъ свои засѣданія по ихъ разсмотрѣнію въ самый день закрытія коммисій. При представленіи членовъ редакціонныхъ коммисій государю, онъ сказалъ имъ въ своей благодарственной рѣчи, что многое, быть можетъ, придется измѣнить. Враги реформы, понимая, что совершенно отклонить преобразованіе теперь уже невозможно, старались оттянуть дѣло и устранить изъ проектовъ редакціонныхъ коммисій многое существенное. Но государь настоïчиво требовалъ окончанія всѣхъ работъ въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ къ 15-му февраля 1861 года.—П. А. Валуевъ, служившій въ то время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, спѣшно вырабатывалъ по порученію М. Н. Муравьева для него и для кн. В. А. Долгорукова въ противовѣсъ проекту редакціонныхъ коммисій свой проектъ, въ основу котораго онъ принялъ положеніе Лифляндской губерніи. Но на защиту трудовъ редакціонныхъ коммисій выступилъ съ большою энергіей и знаніемъ дѣла вел. кн. Константинъ Николаевичъ, назначенный предсѣдателемъ Главнаго Комитета вмѣсто кн. Орлова, заболѣвшаго незадолго передъ тѣмъ. Великій князь основательно изучилъ работы редакціонныхъ коммисій, пользуясь помощью главнѣйшихъ ихъ дѣятелей: Милютина, Самарина, кн. Черкасскаго и П. П. Семенова. Самыя сильныя нападенія были на нормы надѣловъ, принятыя редакціонными коммисіями, при чемъ подвергались большимъ сомнѣніямъ и статистическія данныя, на которыхъ онѣ основывались. Противъ нормъ, выведенныхъ коммисіями, возсталъ и гр. Панинъ, бывшій предсѣдатель коммисій. Съ большимъ трудомъ, послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ совѣщаній, при участіи бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммисій, удалось наконецъ великому князю привести гр. Панина къ соглашенію, сдѣлавъ ему нѣкоторыя уступки относительно цифръ надѣльныхъ нормъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

Въ концѣ концовъ проекты редакціонныхъ коммисій прошли черезъ Главный Комитетъ безъ большихъ измѣненій и 14 января переданы были на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, засѣданія котораго открылись 28 января 1861 г. замѣчательной рѣчью императора Александра. Государь требовалъ отъ государственнаго совѣта, чтобы все дѣло было окончено въ первой половинѣ февраля съ тѣмъ, чтобы манифестъ объ уничтоженіи

крѣпостного права могъ быть изданъ къ началу полевыхъ работъ. Засѣданія государственнаго совѣта, происходившія подъ предсѣдательствомъ престарѣлаго гр. Блудова, были очень бурны; но проекты редакціонныхъ коммисій прошли и здѣсь безъ большихъ измѣненій. Самое существенное заключалось въ предложенномъ кн. П. П. Гагаринымъ и принятомъ единогласно—четвертномъ даровомъ надѣлѣ. На основаніи этого постановленія помѣщикамъ было предоставлено оканчивать по добровольному соглашенію съ крестьянами всякія обязательныя съ ними отношенія предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность безвозмездно четвертой части высшаго или въ степныхъ мѣстностяхъ указнаго надѣла, опредѣленнаго въ положеніяхъ.

17-го февраля было послѣднее засѣданіе совѣта и 19-го государь подписалъ всѣ представленныя на его утвержденіе положенія.

По внѣшности положенія также изданы были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были кодифицированы въ редакціонныхъ коммисіяхъ [1]).

Основныя начала реформы были изложены во введеніи къ „общему положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“; въ томъ же положеніи были опредѣлены: личныя и имущественныя права крестьянъ, образованіе сельскихъ и волостныхъ обществъ и устройство въ нихъ управленія и суда, а также порядокъ отбыванія крестьянами казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Такое же общее для всѣхъ губерній значеніе имѣли положенія: о выкупѣ крестьянами усадебъ и поземельныхъ угодій, о дворовыхъ людяхъ, о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, а также „правила“ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній. Поземельное устройство крестьянъ и повинности, отбывавшіяся ими въ пользу помѣщиковъ, опредѣлялись „мѣстными положеніями“. Такихъ мѣстныхъ положеній издано было четыре: одно—для великорусскихъ, бѣлорусскихъ и новороссійскихъ губерній, гдѣ преобладало общинное землепользованіе; другое—для малороссійскихъ губерній: Полтавской, Черниговской и части Харьковской; третье—для трехъ юго-западныхъ губерній и, наконецъ, четвертое—для трехъ литовскихъ губерній, Минской и лифляндскихъ уѣздовъ Витебской. Сверхъ того были тогда же изданы особыя „дополнительныя правила“: а) о крестьянахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, б) о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ, в) о крестьянахъ на частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, г) о крестьянахъ и дворовыхъ въ области

[1]) Ср. „Матеріалы редакц. коммисій“, т. XVIII.

Войска Донского, д) о крестьянахъ и дворовыхъ въ Ставропольской губерніи, е) о бывшихъ крѣпостныхъ людяхъ въ Бессарабской области и, наконецъ, ж) о крестьянахъ и дворовыхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири.

Императоръ Александръ II заявилъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 28 января 1861 года, что проекты положеній, составленные въ редакціонныхъ коммисіяхъ, основаны на тѣхъ главныхъ началахъ, которыя были указаны въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года. Мы видѣли, какимъ измѣненіямъ подверглись первоначальные виды правительства по мѣрѣ разработки основныхъ положеній реформы въ губернскихъ комитетахъ, въ Главномъ Комитетѣ и въ редакціонныхъ коммисіяхъ. Но съ формальной точки зрѣнія государь имѣлъ полное основаніе указать, что главныя начала рескрипта 20 ноября были положены въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ. Слѣды руководящихъ началъ отчетливо сохранились и въ положеніяхъ 19 февраля.

Освобожденнымъ отъ крѣпостного права крестьянамъ оставлены были *усадьбы* и *полевые надѣлы* въ *постоянное* пользованіе. Сохранено было даже право отдѣльнаго выкупа усадебъ, хотя въ сущности было очевидно, что едва-ли кто изъ крестьянъ воспользуется этимъ правомъ, при возможности впослѣдствіи выкупить усадьбу вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ надѣломъ.

Изъ освобожденныхъ крестьянъ были образованы *общества* и учреждено у нихъ сельское общественное управленіе.

По рескрипту помѣщикамъ предполагалось оставить вотчинную полицію. Буква рескрипта была соблюдена и въ этомъ отношеніи, хотя самая сущность намѣреній законодателя въ этомъ именно отношеніи измѣнилась весьма рѣшительно. Въ общее положеніе включена была особая глава о вотчинной власти помѣщиковъ въ селеніяхъ *временно-обязанныхъ крестьянъ*; но права, предоставленныя здѣсь помѣщикамъ, не говоря о томъ, что они давались лишь до выкупа,—были и по содержанію своему болѣе или менѣе почетнаго характера и реальнаго значенія имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что власть наложенія взысканій *даже въ барщинныхъ имѣніяхъ* не была въ концѣ концовъ предоставлена помѣщикамъ.

Правильность отбыванія казенныхъ и земскихъ повинностей обезпечивалась *круговою* порукою и различными экзекуціонными мѣрами.

Огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ главными началами рескрипта явилась идея выкупа повинностей, проведенная Ростовцевымъ. Благодаря этому новому началу реформа пріобрѣла свой радикальный характеръ и вопросъ о переходномъ срочно-обязанномъ періодѣ утратилъ свое значеніе. Благодаря

усвоенію этого начала правительствомъ, совершенно измѣнился, какъ мы видѣли, и взглядъ его на необходимость и полезность сохраненія вотчинной власти.

Крестьяне до выкупа повинностей, опредѣленныхъ за пользованіе ихъ надѣломъ, считались по положенію 19 февраля *временно-обязанными*. Терминъ *срочно-обязанные* былъ отброшенъ, потому что никакого срока для выкупа назначено не было. Впрочемъ нѣкоторый слѣдъ прежнихъ предположеній о переходномъ періодѣ въ положеніи 19 февраля сохранился въ видѣ постановленія о томъ, что въ теченіе первыхъ *девяти* лѣтъ крестьяне не имѣли права отказываться отъ пользованія надѣломъ за обязательныя повинности.

Выкупъ для помѣщика сдѣланъ былъ необязательнымъ; но за то крестьяне настолько были ограждены положеніемъ отъ помѣщичьяго произвола, а необходимость обращаться при неисправности крестьянъ къ волостному начальству или къ мировому посреднику въ виду уничтоженія всякихъ способовъ домашней расправы,—казалась для большинства помѣщиковъ настолько тягостной, что можно было дѣйствительно расчитывать на то, что выкупныя сдѣлки или обязательный для крестьянъ выкупъ, по требованію помѣщиковъ, осуществятся въ непродолжительномъ времени.

Что касается матеріальной стороны крестьянской реформы, то самыя большія нападки вызывали противъ себя нормы надѣловъ, установленныя положеніями 19 февраля. Съ одной стороны многіе помѣщики считали себя чуть не ограбленными. Неосновательность такихъ заявленій бросается въ глаза и была неоднократно разъяснена въ нашей литературѣ [1]). Противоположнаго характера нападки на нормы надѣловъ дѣлались неоднократно многими писателями радикальнаго направленія. Первая мысль объ этомъ высказана была Н. Г. Чернышевскимъ, который требованіе рескрипта 20 ноября объ оставленіи въ пользованіи крестьянъ полевыхъ угодій въ достаточномъ размѣрѣ для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отбыванія ими повинностей понялъ въ томъ смыслѣ, что законодатель стремится обезпечить крестьянъ землей въ такомъ размѣрѣ, *чтобы доходомъ отъ земли покрывались всѣ ихъ нужды*. Эта же точка зрѣнія на содержаніе рескрипта высказана была впослѣдствіи и проф. Янсономъ въ его извѣстномъ трудѣ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ; она же усвоена была и проф. Иванюковымъ (въ книгѣ его „Паденіе крѣпостного права“).— Д. Ф. Самаринъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Руси“ за 1881 г.,

---

[1]) Ср. извѣстныя сочиненія проф. Янсона, кн. А. И. Васильчикова, проф. Иванюкова и др.

старался разъяснить неправильность такого толкованія рескриптовъ и защитить редакціонныя коммиссіи отъ тѣхъ нареканій, которыя, вслѣдствіе такого толкованія, къ нимъ предъявлялись. Вполнѣ сочувствуя въ этомъ отношеніи идеямъ, которыми руководствовался Н. Г. Чернышевскій, мы не можемъ однако же не видѣть, что въ отношеніи толкованія дѣйствительнаго смысла рескрипта правъ былъ Самаринъ, какъ это явствуетъ изъ всего хода дѣла и развитія взглядовъ правительства. Члены редакціонныхъ коммиссій не стояли конечно и не могли стоять на точкѣ зрѣнія націонализаціи земли и едва-ли справедливо вмѣнять имъ это въ вину. По моему мнѣнію важнѣйшая ошибка и несправедливость, допущенная въ матеріальномъ отношеніи редакціонными коммиссіями, заключалась въ томъ, что онѣ, принявъ систему градаціи въ оцѣнкѣ надѣловъ, изобрѣтенную помѣщиками нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, распространили эту систему и на черноземныя губерніи. Примѣненіе этой системы къ черноземнымъ губерніямъ повело къ чрезвычайному отягощенію малоземельныхъ крестьянъ [1]). Выше мы показали, что въ этихъ губерніяхъ вся стоимость имѣній заключалась въ землѣ, промышленныхъ заработковъ здѣсь крестьяне почти не имѣли и, слѣдовательно, оцѣнку надѣла необходимо было сдѣлать исключительно по стоимости земли, причемъ первая десятина здѣсь вовсе не отличалась по цѣнности отъ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что и удобреніе здѣсь не употреблялось вовсе. Между тѣмъ малоземельному крестьянину, благодаря системѣ градаціи, усвоенной коммиссіями, здѣсь приходилось платить за свой надѣлъ, какъ мы уже указывали, относительно гораздо дороже, нежели его многоземельному сосѣду. Особенно ощутительной сдѣлалась нераціональность этой системы послѣ допущенія предложеннаго кн. Гагаринымъ дарового четвертнаго надѣла. По установленной положеніями системѣ, въ черноземной части Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи за высшій надѣлъ въ 6 десятинъ назначалось барщины 40 дней мужскихъ или оброка—9 рублей, за низшій 2-десятинный надѣлъ барщины 20 дней или оброка 5 рублей, а за четвертной полуторадесятинный надѣлъ съ усадьбой не полагалось никакихъ повинностей. Не мудрено, что четвертной надѣлъ, прозванный впослѣдствіи нищенскимъ, показался крестьянамъ во многихъ мѣстностяхъ чрезвычайно соблазнительнымъ.

Въ нечерноземныхъ губерніяхъ система градаціи привела къ тому, что крестьяне и до сихъ поръ платятъ выкупъ не за земли,

---

[1]) Впервые это было отмѣчено въ вышеуказанномъ письмѣ А. А. Головачева къ Г. А. Джаншіеву (перепечатанномъ въ послѣднихъ изданіяхъ „Эпохи великихъ реформъ“).

отведенныя имъ, а за отмѣну личнаго крѣпостного права. Между тѣмъ Унковскій, Кавелинъ и Кошелевъ, поставившіе совершенно открыто вопросъ о необходимости вознаградить помѣщиковъ этихъ губерній за утрату права на крѣпостной трудъ, справедливо указывали при этомъ на необходимость возложить это вознагражденіе не на крестьянъ, а на все государство. Редакціонныя коммиссіи понимали резонность этого указанія, но не рѣшились ему слѣдовать изъ опасенія (едва-ли основательнаго) разстроить еще сильнѣе совершенно расшатанные въ то время финансы страны [1]).

Въ *правовомъ отношеніи* крестьянская реформа была безъ сомнѣнія самымъ колоссальнымъ шагомъ впередъ во всей новѣйшей русской исторіи. Упразднивъ крѣпостное право надъ личностью крестьянина, она открыла широкій путь къ полному освобожденію народа. Дѣятели и современники великой реформы любили указывать, что она впервые вывела народъ на историческую арену. До тѣхъ поръ народъ былъ въ отечествѣ нашемъ лишь вполнѣ пассивною массою, матеріаломъ, изъ котораго выжимались питательные соки. Онъ „значился“ лишь, — по мѣткому выраженію Погодина,—„по вѣдомостямъ казенной палаты“. Съ паденіемъ крѣпостного права для народа открывались широкія перспективы совсѣмъ иного существованія.

Однако же и въ самомъ положеніи 19 февраля были сохранены нѣкоторыя ограниченія, сильно стѣснявшія свободу народа и противорѣчившія идеѣ гражданской равноправности крестьянъ съ остальными сословіями. Освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщичьей, крестьянская реформа тотчасъ же подчинила ихъ взамѣнъ того деспотической власти міра и опекѣ чиновничьей. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ паденіемъ крѣпостного права не были уничтожены сословныя привилегіи и крестьяне уравнены были въ правахъ не съ прежними ихъ господами—дворянами, а лишь съ другими *податными* сословіями. Податныя же сословія, въ силу существовавшей податной системы, находились въ то время тоже въ своего рода крѣпостномъ состояніи. Такъ какъ предметомъ обложенія являлось не имущество, а лицо, то государство естественно заинтересовано было въ томъ, чтобы лица, обложенныя податями и обязанныя нести натуральныя повинности, не ускользали отъ ихъ отбыванія. А потому выходъ изъ податнаго состоянія былъ не свободенъ и перечисленіе изъ одного

---

[1]) Одинъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, П. П. Семеновъ, очень обстоятельно разъяснилъ всѣ соображенія хозяйственнаго отдѣленія по этому вопросу въ 123-мъ засѣданіи общ. присутствія редакціонныхъ комиссій. См. у *Н. П. Семенова* „Освобожд. крестьянъ“, т. III, ч. II, стр. 485—487.

податнаго сословія въ другое допускалось лишь съ соблюденіемъ разныхъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ условій. Такъ какъ предметомъ обложенія было не имущество, а лицо, то и обезпеченіемъ правильнаго поступленія казенныхъ и земскихъ сборовъ не могло служить имущество. Его замѣняло обязательное ручательство другъ за друга обложенныхъ податями лицъ извѣстной группы. Это и обосновывало государственную необходимость круговой поруки. Круговая же порука не могла, конечно, существовать безъ установленія надъ каждымъ податнымъ лицомъ власти извѣстнаго круга лицъ, несущихъ совокупную за него отвѣтственность. — Эта же податная система вела, въ связи съ несовершенствомъ полицейской организаціи, къ большимъ ограниченіямъ въ правахъ передвиженія. Наконецъ, такъ какъ государство было заинтересовано въ сохраненіи платежеспособности податныхъ единицъ, то понятно, что оно не могло относиться равнодушно къ хозяйственной состоятельности этихъ податныхъ единицъ. Отсюда административная и правительственная опека, ограничивавшая крестьянина въ правѣ отказываться отъ земельнаго надѣла и такимъ образомъ существенно препятствовавшая свободному выбору крестьяниномъ рода занятій.

Крѣпостное право, отмѣненное 19 февраля 1861 года, стояло въ полномъ противорѣчіи съ идеями свободы и равенства, начавшими проникать въ передовые круги русскаго образованнаго общества послѣ французской революціи и въ особенности послѣ наполеоновскихъ войнъ. Первые сторонники освобожденія крестьянъ въ Россіи требовали отмѣны крѣпостного права во имя правъ человѣка и гражданина. Именно съ этой точки зрѣнія выступали противъ крѣпостного права Александръ Радищевъ, Николай Тургеневъ и большая часть декабристовъ. — Но въ подготовленіи крестьянской реформы при Николаѣ и въ осуществленіи ея послѣ Крымской кампаніи гораздо болѣе могущественную роль играли иные, чисто матеріальные факторы.

Члены редакціонныхъ коммисій были въ большинствѣ искренніе и убѣжденные эмансипаторы; многіе изъ нихъ были нечужды гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ; но исходили они въ своихъ соображеніяхъ не изъ декларацій правъ человѣка и гражданина, а изъ сознанія необходимости реформы, съ государственной, патріотической и, если можно употребить здѣсь этотъ терминъ—народнической точки зрѣнія. Въ ихъ соображеніяхъ надъ вопросами свободы личности преобладали съ одной стороны вопросы благосостоянія крестьянъ, съ другой интересы государства, Россіи.

Они имѣли передъ собой опредѣленнаго врага; этотъ врагъ былъ—крѣпостное право.

По скольку дѣло шло о его упраздненіи, они являлись, разумѣется, либералами; но въ созидательной своей дѣятельности они не могли вполнѣ отрѣшиться отъ той системы опеки, въ которой они были воспитаны. Чѣмъ сильнѣе стремились они оградить крестьянина отъ произвола прежняго его господина—вотчинника, тѣмъ необходимѣе казалось имъ поставить его подъ опеку чиновника, хотя нѣкоторые изъ нихъ отлично понимали вредныя стороны такого исхода дѣла.

Эта слабая сторона работъ редакціонныхъ коммисій была очень вѣрно и очень рѣзко подчеркнута депутатами перваго призыва; но голосъ ихъ не произвелъ, къ сожалѣнію, должнаго впечатлѣнія на правительство и смѣшанъ былъ съ воплями плантаторовъ и крѣпостниковъ, стремившихся къ сохраненію вотчинной власти и къ олигархическому устройству государства.

Однако, каковы бы ни были дѣйствительные факторы крестьянской реформы и каковы бы ни были причины, ограничивавшія личныя права крестьянъ, очевидно, что само по себѣ паденіе крѣпостного права должно было расчистить дорогу къ полному торжеству принциповъ свободы и гражданской равноправности. На это, конечно, и расчитывали дѣятели реформы. Логическимъ продолженіемъ реформы съ ихъ точки зрѣнія должны были явиться уничтоженіе самого понятія „податнаго состоянія“, вмѣстѣ съ отмѣной подушной подати, и полное паденіе системы административной опеки надъ личностью и самоуправленіемъ освобожденныхъ крестьянъ. Этого ожидали и требовали всѣ передовые люди шестидесятыхъ годовъ [1]).

Наступившая вскорѣ послѣ реформы реакція помѣшала этому тогда же осуществиться.

Принципы положенія 19 февраля были распространены въ 1863 г. на удѣльныхъ и въ 1866 г. на бывшихъ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. Въ отношеніи поземельнаго устройства вначалѣ предположены были для тѣхъ и другихъ весьма значительныя урѣзки существовавшихъ ранѣе надѣловъ; но затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, и въ особенности послѣ удаленія въ концѣ 1862 г. министра государственныхъ имуществъ, управлявшаго и удѣлами, М. Н. Муравьева, рѣшено было для крестьянъ обоихъ этихъ вѣдомствъ сохранить приблизительно прежнее ихъ землепользованіе. При этомъ однако же въ тѣ общества государственныхъ крестьянъ, гдѣ земельные надѣлы превышали установленную норму (15 дес. въ многоземельныхъ и

[1]) Весьма рельефно и ярко эти взгляды были выражены въ работахъ и заключеніяхъ по податному вопросу земскихъ собраній въ 1870 г.

8 десятинъ въ малоземельныхъ губерніяхъ), правительство предоставило себѣ въ теченіе 3 лѣтъ переселить соотвѣтствующее число переселенцевъ [1]).

Въ правовомъ и административномъ отношеніяхъ всѣ постановленія положенія 19 февраля были распространены на бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ [2]).

А. А. Корниловъ.

---

[1]) Ходъ работъ по распространенію принциповъ реформы 19 февраля 1861 г. на удѣльныхъ крестьянъ подробно изложенъ въ „Исторіи удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“, изд. удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1903 г. т. II, стр. 525 и слѣд.

Съ меньшей обстоятельностью изложенъ ходъ дѣла по преобразованію государственныхъ крестьянъ въ „Историческомъ обозрѣніи пятидесятплѣтней дѣятельности мин. госуд. имущ.“, изд. 1888 г., ч. II, отд. II, стр. 177 и слѣд.

[2]) Собственно удѣльные крестьяне освобождены были отъ крѣпостного права и сравнены въ правахъ съ казенными крестьянами еще по указу 20 іюня 1858 г., слѣдовательно за $2^1/_2$ года до помѣщичьихъ крестьянъ, но оставались до 1863 г. въ управленіи удѣльнаго вѣдомства. 26 авг. 1859 года послѣдовалъ такой же указъ о государевыхъ и дворцовыхъ крестьянахъ (см. „Ист. удѣловъ“ II, стр. 525—527).

Казенные (государственные) крестьяне получили административное устройство одинаковое съ б. помѣщичьими по указу 18 января 1866 г.; поземельное же устройство ихъ опредѣлено было нѣсколько позже—указомъ 24 ноября 1866 г. Впослѣдствіи оба эти указа соединены были вмѣстѣ и составили „Положеніе“ о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ и въ такомъ видѣ вошли подъ № VIII въ особое приложеніе къ IX тому Свода Законовъ. Въ изд. Горемыкина это положеніе напечатано во 2-й части I т., стр. 1037—1239 со всѣми дальнѣйшими измѣненіями и дополненіями.

Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ коммисіяхъ послѣ 1861 г.

I.

Великая реформа совершилась — милліоны помѣщичьихъ крестьянъ освобождены были отъ крѣпостной зависимости и призывались къ общей экономической и правовой жизни, подъ сѣнью общихъ законовъ и подъ дѣйствіемъ общихъ учрежденій, въ качествѣ новаго класса свободныхъ сельскихъ собственниковъ...

Были-ли, однако, положенія о крестьянахъ, изданныя 19-го февраля 1861 г., послѣднимъ словомъ реформы? Были-ли доведены въ нихъ до конца всѣ намѣренія и стремленія ихъ составителей? Завершилась-ли реформа въ текстѣ этихъ положеній? Далѣе, былъ-ли исчерпанъ, при реформѣ, весь сложный крестьянскій вопросъ, предстоявшій къ разрѣшенію въ шестидесятыхъ годахъ, въ ряду другихъ коренныхъ вопросовъ государственнаго устроенія? Закончилось, или же только начиналось разрѣшеніе крестьянскаго вопроса?

Положенія 19-го февраля 1861 г. касались непосредственно устройства только одного разряда крестьянскаго населенія — *помѣщичьихъ крестьянъ*. И даже въ этихъ узкихъ предѣлахъ, ближайшей цѣлью реформы было лишь освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Указанная ближайшая цѣль реформы была достигнута вполнѣ. Статьей первой, части первой положеній 1861 г. (общ. пол.)—„крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣнено навсегда“. Для достиженія этой цѣли, составителямъ положеній пришлось, однако, пойти на нѣкоторыя уступки въ экономическомъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ и одновременно—установить нѣкоторыя переходныя особенности въ ихъ общественно-правовомъ устройствѣ, въ отступленіе отъ тѣхъ основныхъ началъ пріобщенія освобожденныхъ

крестьянъ къ общей гражданской жизни, которыми проникнута была вся реформа. Наконецъ, нѣкоторыя противорѣчащія этимъ началамъ особенности экономическаго и правоваго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, допущенныя въ положеніяхъ 1861 г., обусловливались случайными обстоятельствами времени—въ то время преобразовывался весь государственный строй и самая ранняя реформа, крестьянская, не могла быть доведена до конца, пока не совершились еще другія, соприкасающіяся съ нею реформы (судебная, земская, податная и др.). Подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ условій, положенія 19-го февраля 1861 г. далеко не завершали собою устройства даже однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ и заключали, въ этомъ отношеніи, много временныхъ, вынужденныхъ уступокъ и много временныхъ-же, переходныхъ особенностей, несогласныхъ съ ясно выраженнымъ, общимъ направленіемъ реформы.

Со стороны *экономической*, реформа имѣла въ виду поставить крестьянъ, такъ сказать, на ноги, дать имъ основанія и возможность развитія своего благосостоянія, на правахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Для этой цѣли предполагалось отвести крестьянамъ *достаточные надѣлы* и предоставить имъ эти надѣлы *въ собственность*. И въ томъ, и въ другомъ редакціонныя коммиссіи должны были пойти на уступки. Въ основаніе опредѣленія размѣра надѣловъ было положено, какъ извѣстно, существовавшее при крѣпостномъ правѣ пользованіе, которое далеко нельзя было назвать избыточнымъ. При этомъ, хотя положеніями 1861 г. и предусматривалась возможность измѣненія указаннаго размѣра пользованія, путемъ приведенія его къ установленнымъ для каждой мѣстности нормамъ надѣла, но эти нормы, постепенно понижавшіяся въ періодъ работъ редакціонныхъ коммиссій и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, могли служить поводомъ, въ большемъ числѣ случаевъ, для отрѣзокъ отъ надѣловъ, чѣмъ для прирѣзокъ къ нимъ. Кромѣ того, въ главномъ комитетѣ было принято и вошло въ положенія правило о дарственномъ, четвертномъ надѣлѣ. При такихъ условіяхъ общая площадь землепользованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ даже сокращалась противъ размѣровъ землепользованія ихъ при крѣпостномъ правѣ.

Далѣе, отведенные крестьянамъ надѣлы (за исключеніемъ дарственныхъ, четвертныхъ надѣловъ) поступали первоначально не въ собственность, а въ пользованіе крестьянъ, за повинности въ пользу помѣщиковъ. Право выкупа, безъ согласія помѣщика, предоставлено было крестьянамъ лишь въ отношеніи усадебныхъ земель. Требуя для выкупа полевыхъ земель соглашенія обѣихъ сторонъ, правительство только обязывалось оказывать съ своей

стороны содѣйствіе этому дѣлу, путемъ выдачи помѣщикамъ за счетъ крестьянъ выкупныхъ ссудъ и принятія на себя всѣхъ дальнѣйшихъ расчетовъ съ крестьянами. Условіе это, конечно, должно было привлечь къ выкупнымъ сдѣлкамъ извѣстную часть помѣщиковъ, но не обезпечивало скораго завершенія всей выкупной операціи, которая могла затянуться и въ дѣйствительности затянулась на продолжительное время.

Между тѣмъ, условія пользованія надѣлами, впредь до перехода крестьянъ на выкупъ, оказывались для нихъ очень мало выгодными. Исчисленный за пользованіе надѣлами оброкъ заключалъ, хотя и въ скрытой формѣ (оброкъ за усадьбы), плату въ пользу помѣщиковъ за отмѣну дарового труда крестьянъ и въ значительной степени превышалъ современную реформѣ земельную ренту. Кромѣ того, вслѣдствіе принятой въ положеніяхъ о крестьянахъ градаціи оброковъ, меньшіе надѣлы были обложены выше, чѣмъ большіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне лишены были возможности выйти изъ такихъ невыгодныхъ экономическихъ условій, даже путемъ совершеннаго отказа отъ надѣловъ, такъ какъ на первыя девять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ установлено было обязательное для крестьянъ пользованіе помѣщичьей землей. Повидимому, помѣщикамъ были въ то время нужнѣе дорогіе оброки, чѣмъ дешевая земля.

Едва-ли въ лучшихъ условіяхъ оказывалось и большинство крестьянъ, переходившихъ на выкупъ. Единственнымъ ихъ преимуществомъ можно было считать только нравственное ихъ сознаніе, что они несутъ платежное бремя за свою землю, а не за чужую. Что же касается размѣра выкупныхъ платежей, то не было основаній ожидать исчисленія ихъ, по общему правилу, значительно ниже оброчной платы въ пользу помѣщиковъ, такъ какъ само правительство признавало возможнымъ выдавать помѣщикамъ выкупныя ссуды въ размѣрѣ $^4/_5$ капитализированнаго оброка. Кромѣ того, послѣ заключенія выкупныхъ сдѣлокъ, крестьяне совершенно утрачивали право на отказъ отъ надѣла, даже по истеченіи узаконенныхъ девяти лѣтъ.

Если принять, затѣмъ, во вниманіе, что на помѣщичьихъ крестьянахъ, кромѣ уплаты оброка или выкупныхъ платежей, оставалась еще обязанность уплаты различныхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ и отбыванія разнообразныхъ земскихъ натуральныхъ повинностей, то трудно было расчитывать, чтобы благосостояніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ могло существенно повыситься послѣ реформы, тѣмъ болѣе, что на нихъ легли еще новые расходы по содержанію мірского ихъ управленія и по обезпеченію продовольственныхъ ихъ потребностей.

Во всякомъ случаѣ, очень мало было надежды, чтобы осво-

божденные крестьяне, поставленные въ мало благопріятныя экономическія условія, могли собраться съ средствами для пріобрѣтенія, въ частномъ порядкѣ, новыхъ земель, сверхъ отведенныхъ имъ, далеко не всегда достаточныхъ надѣловъ.

Наконецъ, освобожденные крестьяне лишены были фактической возможности искать дальнѣйшаго земельнаго обезпеченія путемъ переселеній на окраины, ибо выходъ крестьянъ изъ сельскихъ обществъ былъ до крайности затрудненъ для гарантированія исправной уплаты обществами помѣщичьихъ повинностей и выкупного долга [1]), а кромѣ того, самое переселенческое дѣло, находившееся въ то время подъ большимъ подозрѣніемъ, въ виду опасеній бродяжничества крестьянъ, не имѣло никакой организаціи.

Очевидно, нельзя было расчитывать на одно „дуновеніе свободы“ для упроченія, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, экономическаго благосостоянія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что правительству предстояло, въ ближайшее время послѣ реформы, завершить выраженныя въ ней основанія экономическаго устройства крестьянъ—путемъ ускоренія выкупной операціи, облегченія крестьянскихъ повинностей и содѣйствія крестьянамъ въ расширеніи ихъ землепользованія, до предѣловъ дѣйствительной необходимости.

Еще менѣе законченными должны быть признаны тѣ части положеній 1861 года, которыми опредѣлялось *правовое устройство* вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Въ этомъ устройствѣ было еще болѣе временныхъ и переходныхъ элементовъ, чѣмъ въ экономической сторонѣ реформы.

Основной мыслью правовой части реформы было намѣреніе—предоставить освобожденнымъ крестьянамъ всю полноту признаваемыхъ государственнымъ строемъ того времени обще-гражданскихъ правъ. Это основное начало правового устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ было выражено въ цѣломъ рядѣ постановленій, распространявшихъ на освобожденныхъ крестьянъ „общія правила“ законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ (общ. пол., ст. 21), предоставлявшихъ имъ „общія гражданскія права“ по договорамъ и обязательствамъ, а также по пріобрѣтенію движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ (ib., ст. ст. 22, 33—37), открывавшихъ имъ „свободу торговли и промысловъ“ (ib., ст. 23), подчинявшихъ ихъ дѣйствію „общихъ“ судебныхъ и административныхъ учрежденій (ib., ст. ст. 19 и 24) и т. д.

---

[1]) Общ. пол., ст. 130; пол. вык., ст. ст. 172—176.

Нѣкоторыя особенности правового устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣвшія впослѣдствіи такое роковое значеніе для всего крестьянства, были вызваны разными временными соображеніями и предназначались для недолгаго, сравнительно, переходнаго періода.

Установленною въ положеніяхъ 1861 г. особенностью семейнаго права крестьянъ было извѣстное стѣсненіе ихъ свободныхъ семейныхъ раздѣловъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено было сельскимъ сходамъ. Основаніемъ для введенія въ положенія этого правила были соображенія о томъ, что на первое время послѣ эмансипаціи, пока крестьянскія общества, связанныя обязательнымъ землепользованіемъ и круговой порукой, должны были напрягать всѣ усилія для перехода къ новымъ формамъ экономическаго быта, контроль общества за измѣненіями въ составѣ платежныхъ его единицъ, т. е. дворовъ, могъ быть необходимъ для интересовъ общества.

Затѣмъ, учрежденіе волостного суда было вызвано неустройствомъ низшихъ судебныхъ мѣстъ того времени, которыя, по уровню ихъ формальной судебной техники, были непригодны для примѣненія предполагавшихся у помѣщичьихъ крестьянъ обычаевъ по нѣкоторымъ мелкимъ дѣламъ гражданскаго ихъ обихода (главнымъ образомъ по дѣламъ о наслѣдованіи) [1]). Не признавая, однако, волостного суда постояннымъ, нормальнымъ судебнымъ учрежденіемъ для крестьянъ, составители положеній 1861 г. очень ограничили его компетенцію (иски до 100 рублей и мелкіе проступки) и не дали ему никакого опредѣленнаго внутренняго устройства. Болѣе того—положенія 1861 г. разрѣшали совсѣмъ не учреждать волостного суда, по изданнымъ для него правиламъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовала иная форма обычнаго разбирательства мелкихъ крестьянскихъ споровъ и тяжбъ (прим. 2 къ ст. 93 общ. пол.).

При ожидавшейся судебной реформѣ могла легко сгладиться и эта небольшая особенность судебнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Вполнѣ обособленный характеръ получило въ положеніяхъ 1861 г. только общественно-административное устройство освобожденныхъ крестьянъ. Предоставляя бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ право общественнаго самоуправленія (по терминологіи того времени—право общественныхъ сходовъ и выборовъ), дѣятели освободительной реформы однако не ввели крестьянъ

---

[1]) Въ связи съ учрежденіемъ волостного суда для указанной выше цѣли, въ ст. 38 общ. пол. было оговорено, что крестьянамъ дозволяется руководствоваться при наслѣдованіи существующими у нихъ обычаями.

въ общіе самоуправляющіеся союзы, вмѣстѣ съ лицами другихъ сословій, но учредили особыя крестьянскія общественныя установленія. Почему же такъ поступили редакціонныя коммисіи? Было ли установленное ими обособленное самоуправленіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ принципіальной мѣрой, или же только временнымъ переходнымъ рѣшеніемъ?

Изложенныя въ предшествующей части этой книги свѣдѣнія о ходѣ работъ редакціонныхъ коммисій даютъ очень положительные отвѣты на поставленные выше вопросы.

Редакціонныя коммисіи не могли включить освобожденныхъ крестьянъ въ общіе безсословные самоуправляющіеся союзы, прежде всего, по той простой причинѣ, что во время работъ коммисій такихъ союзовъ совсѣмъ не было, а проектированіе ихъ, относясь къ задачамъ общаго управленія, выходило за предѣлы той спеціальной задачи (освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), разработка которой была поручена коммисіямъ.

Кромѣ того редакціонныя коммисіи, которымъ далеко не были чужды предположенія о всесословномъ общественномъ устройствѣ, имѣли очень вѣскія основанія для того, чтобы дать бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, на первое время послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, совершенно обособленное общественное самоуправленіе. Основанія эти заключались въ ближайшихъ цѣляхъ эмансипаціи...

Помѣщичьи крестьяне, впредь до перехода ихъ на выкупъ, оставались въ особыхъ временно-обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, по землепользованію и по отбыванію помѣщичьихъ повинностей. Для того, чтобы помѣщичья власть не воскресла въ области этихъ отношеній, необходимо было оградить отдѣльныхъ крестьянъ отъ непосредственнаго воздѣйствія помѣщиковъ и поставить между ними заслонъ. Этимъ заслономъ и должны были служить низшіе общественные союзы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—сельскія общества, которыя составлялись изъ каждой группы крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика [1]).

Если сельскія общества, образуемыя по положеніямъ 1861 г., должны были ограждать крестьянъ отъ воздѣйствія помѣщичьей власти въ области поземельныхъ отношеній, то для той же цѣли въ области публичныхъ отношеній крестьянъ, въ которой помѣщики стремились занять положеніе „начальниковъ сельскихъ обществъ“, необходимо было противопоставить этимъ стремленіямъ какую-либо иную организацію. Такая организація, по условіямъ времени, не могла быть правительственной. Оставалось,

---

[1]) Общ. пол., ст. 40.

слѣдовательно, соединить сельскія общества въ болѣе крупные союзы и предоставить управленіямъ этихъ союзовъ завѣдываніе публичными отношеніями освобожденныхъ крестьянъ. При этомъ, введеніе въ составъ такихъ союзовъ какихъ-либо постороннихъ элементовъ (кромѣ помѣщиковъ) представлялось безполезнымъ для цѣлей устройства этихъ союзовъ, а включеніе въ нихъ бывшихъ помѣщиковъ прямо противорѣчило указаннымъ цѣлямъ. Такимъ путемъ образовались черезполосныя волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, составленныя, каждая, изъ нѣсколькихъ сельско-земельныхъ обществъ [1]).

Очевидно, что устроенныя на указанныхъ основаніяхъ сельскія общества и волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были только временными учрежденіями, предназначенными для ближайшихъ цѣлей эмансипаціи. По ликвидаціи временно-обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, устройство сельскихъ обществъ и волостей теряло всякое значеніе и признанное великой реформой за освобожденными крестьянами право на самоуправленіе должно было выразиться въ иныхъ формахъ, болѣе приспособленныхъ для удовлетворенія мѣстныхъ интересовъ общественнаго благоустройства и порядка.

Еще болѣе временный характеръ носило устройство учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ подчинены были освобожденные помѣщичьи крестьяне. Законъ положительно оговаривалъ временное и спеціальное назначеніе этихъ учрежденій, указывая, что крестьяне и ихъ общественныя установленія подчиняются „общему“ губернскому и уѣздному управленію (общ. пол., ст. 19), и поясняя затѣмъ, что спеціальныя по крестьянскимъ дѣламъ установленія (мировые посредники, ихъ съѣзды и губернскія присутствія) учреждены лишь—„для приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами“ (ib., ст. 20). Такому общему заявленію закона вполнѣ соотвѣтствовали правила о внутреннемъ устройствѣ и о порядкѣ дѣйствій мировыхъ посредническихъ учрежденій. Правила эти почти совсѣмъ не касались завѣдыванія крестьянскими дѣлами вообще [2]), а посвящены были едва ли не всецѣло опредѣленію условій и порядка разрѣшенія спорныхъ дѣлъ, возникающихъ изъ поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и временно-обяза-

---

[1]) Общ. пол., ст. 42.

[2]) Въ ст. 33 пол. учр. кр. было даже прямо указано, что мировой посредникъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія разрѣшенію крестьянскихъ общественныхъ властей.

тельныхъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Самое назначеніе мировыхъ посредниковъ было произведено только на трехлѣтній срокъ...

Несомнѣнно, что по завершеніи перваго періода эмансипаціи, подлежали коренному переустройству, одновременно съ общественными учрежденіями бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, также и указанныя выше временныя, посредническія учрежденія.

Приведенныя краткія замѣчанія объ установленномъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. экономическомъ и правовомъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ обязываютъ признать, что, при наличности выраженныхъ въ трудахъ редакціонныхъ коммисій, а также и въ самомъ текстѣ положеній, главныхъ основаній этого устройства, оно осталось незавершеннымъ во многихъ частяхъ. По минованіи тѣхъ временныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, которыми вызваны были, въ однихъ случаяхъ, вынужденныя уступки по нѣкоторымъ пунктамъ реформы, и въ другихъ случаяхъ—изданіе временныхъ правилъ и введеніе временныхъ учрежденій, предстояло достойнымъ образомъ закончить великое дѣло освобожденія, опредѣливъ экономическое и правовое устройство освобожденныхъ крестьянъ на постоянныхъ и соотвѣтствующихъ духу реформы началахъ.

При этомъ, предстоявшая работа не могла быть ограничена однимъ только кругомъ вопросовъ, затронутыхъ въ положеніяхъ 1861 г. и получившихъ въ текстѣ этихъ положеній болѣе или менѣе полное разрѣшеніе. Для окончательнаго пріобщенія освобожденныхъ крестьянъ къ общей государственной жизни, къ которой призывала ихъ великая реформа, оказывалось необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ другихъ частей законодательства и въ особенности той его части, которой устанавливалось крестьянское податное тягло—первоисточникъ крѣпостного права.

Податное состояніе крестьянъ, являвшееся остаткомъ тягловаго распредѣленія сословій въ далекое время строительства Московскаго государства, было одинаково тяжело для крестьянъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ правовомъ отношеніи—и, можетъ быть, въ послѣднемъ еще тяжелѣе, чѣмъ въ первомъ. Несомнѣнно, что уплата подушной подати и несеніе, безъ участія лицъ другихъ сословій, разнообразныхъ государственныхъ и земскихъ натуральныхъ повинностей (начиная отъ рекрутчины и кончая исправленіемъ дорогъ), составляли большое экономическое бремя для податного сословія. Но еще большія стѣсненія вызывались для крестьянъ тѣми правовыми послѣдствіями, которыя связывались съ самымъ фактомъ состоянія ихъ въ податномъ окладѣ. Этотъ окладъ существенно затруднялъ свободное передвиженіе крестьянъ (паспортное законодательство), пре-

пятствовалъ поступленію крестьянъ въ учебныя заведенія и вступленію ихъ на государственную службу, свободѣ ихъ торговыхъ промысловъ и занятій и т. п. Но, кромѣ этихъ отдѣльныхъ стѣсненій, наиболѣе существенное значеніе податного оклада заключалось въ томъ, что онъ устанавливалъ формальную публично-правовую грань между лицами, записанными въ окладъ и свободными отъ него. Какія бы широкія права ни предоставлялись закономъ лицамъ податного состоянія, эти лица всегда несли на себѣ печать особаго званія. Низшая роль, которую несло податное сословіе въ ту эпоху, когда всѣ сословія тянули, каждое, свое особое государственное тягло, обусловливала собою общее отношеніе къ представителямъ податного сословія, какъ къ низшему классу лицъ. Несмотря на то, что въ эпоху великихъ реформъ сглаживались всѣ сословныя отличія, формальное существованіе податного сословія, даже при полномъ уравненіи его публичныхъ и гражданскихъ правъ съ лицами другихъ состояній, всегда представляло извѣстную опасность возможнаго ограниченія этихъ правъ, въ случаѣ естественной реакціи послѣ напряженной преобразовательной дѣятельности. При этомъ, въ особенности опасно было для будущихъ судебъ крестьянства самое наименованіе его податнымъ сословіемъ, такъ какъ съ этимъ выраженіемъ связывалось обычное представленіе объ особомъ значеніи крестьянства въ качествѣ платежной силы государства— не только со стороны количественнаго его перевѣса надъ лицами другихъ состояній, но и со стороны преимущественной его, передъ другими сословіями, обязанности нести на себѣ государственное налоговое бремя. При такихъ условіяхъ, отмѣненная 19 февраля 1861 года крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, возникшая на тягловой почвѣ, могла смѣниться, въ случаѣ неблагопріятнаго для крестьянъ оборота финансовой политики, новымъ ихъ закрѣпощеніемъ государству.

Великая реформа уничтоженія крѣпостного права не могла считаться завершенной, впредь до отмѣны подушной подати и упраздненія особаго податного состоянія крестьянъ.

Пересмотръ податного законодательства надлежало конечно произвести не только въ отношеніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и въ отношеніи всѣхъ остальныхъ разрядовъ крестьянства, находившихся въ одинаковомъ податномъ состояніи.

Но не въ этомъ только должны были заключаться послѣдствія освободительной реформы для всѣхъ остальныхъ разрядовъ сельскаго населенія.

Еще болѣе многочисленные, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, различные существовавшіе въ то время разряды сельскихъ обывателей, хотя и пользовались многими обще-граждан-

скими правами, которыхъ не имѣли помѣщичьи крестьяне во время состоянія ихъ въ крѣпостной зависимости, но не были окончательно устроены, ни въ экономическомъ, ни въ правовомъ отношеніи.

Большинство свободныхъ разрядовъ крестьянства не было собственниками обрабатываемыхъ ими земель. При этомъ формы ихъ земельныхъ отношеній къ владѣльцамъ этихъ земель были безконечно разнообразны, начиная отъ крайней зависимости въ удѣльныхъ имѣніяхъ, довольно близкой къ формамъ зависимости въ крупныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ, и кончая полнымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ, просторомъ землепользованія на казенныхъ земляхъ, въ отдаленныхъ многоземельныхъ районахъ. Далѣе, что касается административно-правового устройства различныхъ разрядовъ сельскаго населенія, то оно было тоже очень разнообразно. Единственной общей чертой этого устройства было—изъятіе всѣхъ отдѣльныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей изъ вѣдѣнія обще-административныхъ учрежденій. Почти каждый разрядъ сельскаго населенія составлялъ принадлежность спеціальнаго „вѣдомства“, входя въ него какъ составная его часть. Государственные крестьяне вѣдались палатами и министерствомъ государственныхъ имуществъ, причемъ низшія учрежденія этого вѣдомства—сельскія и волостныя правленія—исполняли нѣкоторыя обязанности казеннаго управленія и соединились въ одно цѣлое съ высшими учрежденіями того же вѣдомства черезъ посредство окружныхъ управленій. По дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ учреждены были удѣльные приказы и конторы. Колоніи поселянъ-собственниковъ имѣли свой строй учрежденій. Для инородцевъ-башкиръ установлено было военно-кантонное управленіе и т. д. Хотя во многихъ учрежденіяхъ такихъ спеціальныхъ вѣдомствъ введены были общественные сходы и выборы, но общественное самоуправленіе все-таки отсутствовало, или, точнѣе—состояло на службѣ у даннаго вѣдомства, которое регулировало дѣятельность всѣхъ подвѣдомственныхъ ему выборныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ мелочно-канцелярскими правилами и пользовалось этими учрежденіями всецѣло, какъ своими низшими исполнительными органами.

Очевидно, что одновременно съ завершеніемъ экономическаго и правового устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на началахъ введенія ихъ въ общій государственный строй, въ качествѣ мелкихъ собственниковъ и полноправныхъ гражданъ, слѣдовало примѣнить тѣ же, логически развитыя начала реформы 1861 года и къ устройству остальныхъ разрядовъ сельскаго населенія. При этомъ, такое преобразованіе въ значительной степени облегчалось отсутствіемъ необходимости считаться съ помѣ-

щиками и съ временными задачами эмансипаціи, которыми, какъ указано выше, замедлено было примѣненіе коренныхъ началъ реформы 1861 г. къ устройству бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ, слѣдуетъ признать, что положенія 19 февраля 1861 года были только *первымъ вступительнымъ актомъ*, которымъ развертывался длинный свитокъ будущихъ узаконеній и правительственныхъ мѣръ *по разрѣшенію крестьянскаго вопроса*. Разрѣшеніе этого вопроса только-что начиналось и впереди предстояла еще большая и сложная работа. Необходимо было, отметая, по минованіи надобности, всѣ временныя и переходныя наслоенія въ положеніяхъ о крестьянахъ, завершить примѣненіе основныхъ началъ освободительной реформы къ тому разряду сельскаго населенія, котораго прежде всего касалась эта реформа, т. е. упрочить экономическое положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ качествѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, и слить ихъ въ одно цѣлое, вмѣстѣ съ остальными сословіями, въ порядкѣ суда, управленія и общественно-хозяйственной жизни.

Съ другой стороны, на тѣхъ же основаніяхъ экономической обезпеченности и правового равенства съ остальными сословіями слѣдовало устроить всѣ другіе многочисленные разряды сельскаго населенія.

Крестьянская реформа, первымъ актомъ которой были положенія 1861 года, не могла остановиться на мѣстѣ—ей предстояло еще дальнѣйшее двойное движеніе: *въ глубину* (развитіе и разработка ея началъ) и *въ ширину* (распространеніе этихъ началъ на все крестьянское населеніе).

II.

Въ дальнѣйшемъ, послѣ 1861 года, движеніи крестьянскаго вопроса можно намѣтить три періода, которые характеризуются различнымъ отношеніемъ законодательства и административной практики къ этому вопросу, а именно: первый періодъ (отъ освобожденія крестьянъ до начала восьмидесятыхъ годовъ)—время пассивнаго отношенія къ существу крестьянскаго вопроса; второй (восьмидесятые годы и начало девяностыхъ годовъ) — время борьбы двухъ противоположныхъ теченій по крестьянскому дѣлу, прогрессивнаго и реакціоннаго, изъ которыхъ послѣднее получило окончательный перевѣсъ, и третій (отъ начала девяностыхъ годовъ до настоящаго времени)—періодъ попечительныхъ заботъ о

внутреннемъ устройствѣ крестьянства на началахъ, установленныхъ въ предшествующемъ періодѣ.

Настроенія правительственныхъ и общественныхъ круговъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, были очень мало благопріятны для послѣдовательнаго развитія крестьянской реформы. Изъ числа главныхъ дѣятелей этой реформы, многіе были отставлены отъ дѣла съ обиднымъ почетомъ; другіе сами ушли, подъ давленіемъ недовѣрія и непріязни къ реформѣ, враждебность къ которой постепенно возрастала прямо пропорціонально той энергіи ея дѣятелей, съ которой они поборолись, въ періодъ работъ редакціонныхъ коммисій, главнѣйшіе происки противъ реформы. Не избѣгли этой враждебности и ближайшіе исполнители великаго дѣла освобожденія крестьянъ—мировые посредники. При наступленіи первыхъ же дворянскихъ выборовъ, мировые посредники нерѣдко призывались къ губернскому столу и подвергались ожесточеннымъ нападкамъ со стороны мѣстныхъ іудушекъ за недворянскіе яко-бы поступки, заключавшіеся въ покровительствѣ крестьянамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни ближайшіе исполнители реформы, ни радѣтели о ея дальнѣйшемъ развитіи, не могли найти поддержки и одобренія, ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ обществѣ.

Управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточены были, послѣ закрытія редакціонныхъ коммисій, всѣ заботы о развитіи крестьянскаго дѣла,—перешло къ новому министру, П. А. Валуеву, неискренняя и уклончивая политика котораго слишкомъ извѣстна.

Въ ближайшее время послѣ освобожденія крестьянъ, узаконенія и распоряженія по крестьянскимъ дѣламъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Для предварительнаго соображенія правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ крестьянамъ и вообще для текущаго завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образованъ былъ особый департаментъ подъ названіемъ земскаго отдѣла (который ранѣе составлялъ часть центральнаго статистическаго комитета того же министерства). Законосовѣщательныя обязанности по крестьянскому дѣлу возложены были на главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, который преобразованъ былъ изъ бывшаго главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Наконецъ, для скорѣйшаго производства крестьянскихъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, при государственной канцеляріи, учреждено было особое отдѣленіе по дѣламъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Всѣ эти учрежденія непрерывно дѣйствовали... но въ дѣятельности ихъ уже не было ничего творческаго, ничего, что бы

напоминало, хотя отдаленнымъ образомъ, о работахъ редакціонныхъ коммисій. Дѣятели редакціонныхъ коммисій какъ-будто унесли съ собой секретъ своей работы—она не имѣла послѣ нихъ продолжателей.

Главныя начала работъ редакціонныхъ коммисій и основныя ихъ стремленія не получили никакого развитія въ дальнѣйшемъ крестьянскомъ законодательствѣ. Крестьянская реформа, которая не могла, конечно, совсѣмъ остановиться, не пошла ни вглубь, ни впередъ, а только распространилась по поверхности...

Все движеніе законодательства о крестьянахъ, до восьмидесятыхъ годовъ, заключалось не въ разработкѣ основныхъ началъ реформы 1861 г., при одновременномъ примѣненіи этихъ логически развитыхъ началъ къ устройству тѣхъ разрядовъ крестьянскаго населенія, которыхъ прямо не касалась эта реформа, а въ одномъ лишь механическомъ распространеніи на всѣ разряды крестьянскаго населенія временнаго текста положеній 1861 г. о временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Изъ большого числа законодательныхъ актовъ по крестьянскому дѣлу, послѣдовавшихъ въ періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, признаки необходимаго развитія основныхъ началъ реформы 1861 г. могутъ быть отмѣчены лишь въ узаконеніяхъ, относящихся къ прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ и къ выкупу ими надѣловъ въ западномъ краѣ. Нѣсколькими послѣдовательными распоряженіями временнообязанные крестьяне западныхъ губерній были переименованы въ крестьянъ-собственниковъ, причемъ установлены были особыя правила уплаты ими выкупныхъ платежей и преобразованія уставныхъ грамотъ въ выкупные акты [1]). Эти распоряженія состоялись, однако, внѣ общаго теченія крестьянскихъ дѣлъ, по соображеніямъ исключительно политическимъ.

Точно также, на основаніи политическихъ соображеній, установлено было особое общественное и поземельное устройство крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ [2]).

Всѣ остальные законодательные акты указаннаго періода, касавшіеся крестьянскаго дѣла, заключались, главнымъ образомъ, въ примѣненіи къ различнымъ разрядамъ сельскихъ обывателей правилъ, изложенныхъ въ положеніяхъ 1861 года. Такъ въ *1861* году были изданы, примѣненныя къ правиламъ указанныхъ положеній: особое положеніе о горнозаводскомъ населеніи казен-

---

[1]) 1863 г. марта 1 (39.337), іюля 30 (39.928), октября 8 (40.102), ноября 2 (40.172) и 1864 г. марта 2 (40.649).

[2]) 1864 г. февраля 19 (40.609—40.612).

ныхъ горныхъ заводовъ министерства финансовъ (36.719) [1]); особое положеніе о заводскихъ людяхъ Александровскаго завода Николаевской желѣзной дороги (37.101); правила объ устройствѣ быта крестьянъ въ имѣніяхъ ленныхъ и іезуитскихъ (37.761); въ *1862* году — правила объ устройствѣ быта горнозаводскихъ людей, приписанныхъ къ поссессіоннымъ горнымъ заводамъ, прекратившимъ свое дѣйствіе (38.235); объ устройствѣ обществъ и общественнаго управленія горнозаводскаго населенія казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства министерства финансовъ, а также Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводовъ, принадлежащихъ Кабинету Его Императорскаго Величества (39.043); въ *1863* году — правила объ устройствѣ временно-обязанныхъ крестьянъ въ землѣ Войска Донского (39.374); положеніе о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ (39.792); въ *1864* году—правила объ устройствѣ вольныхъ людей западныхъ губерній, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ (41.109); правила и положенія объ устройствѣ крестьянъ Тифлисской губерніи (41.346—41.351); въ *1865* году—правила о передачѣ управленія башкирами изъ военнаго въ гражданское вѣдомство (42.282);—дополнительныя правила о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Кутаисской губерніи (42.551); въ *1866* году—о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ и о передачѣ сихъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій (42.899); о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 36 губерніяхъ (43.888); дополнительныя правила о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Мингреліи (43.927); о передачѣ колоній иностранныхъ поселенцевъ въ вѣдѣніе общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій (44.000); о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, поступившихъ въ казенное вѣдомство изъ частнаго владѣнія (44.001); въ *1867* году — положеніе о перечисленіи въ гражданское вѣдомство и устройствѣ быта оружейниковъ и мастеровъ Сестрорѣцкаго и Райволовскаго заводовъ (44.212); правила для составленія и выдачи государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей (44.418); о передачѣ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій 9 колоній, подвѣдомственныхъ попечительному комитету объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи (44.439); о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ (44.590); о передачѣ государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи въ вѣдѣніе общихъ учрежденій (44.644); правила для составленія, предъявленія и утвержде-

[1]) №№ полнаго собр. зак.

нія люстраціонныхъ актовъ по казеннымъ селеніямъ и мѣстечкамъ въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской (45.077); о введеніи сельскаго общественнаго устройства въ Эриванской губерніи (45.247); въ *1868* году—о введеніи однодворцевъ и гражданъ западныхъ губерній въ общій составъ сельскихъ или городскихъ обывателей (45.505); о передачѣ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій пяти Славянскихъ колоній Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи (45.727); положеніе о поземельномъ устройствѣ поселянъ (царанъ) Бессарабской области (46.133); наказъ по выкупной операціи въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ (46.195); о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ имѣніяхъ, пожертвованныхъ учебнымъ заведеніямъ (46.307); въ *1869* году—объ устройствѣ исключаемыхъ изъ лѣсной стражи семействъ (46.612) и 47.586); о размежеваніи башкирскихъ дачъ для надѣленія землей башкиръ-вотчинниковъ и ихъ припущенниковъ (46.750); объ устройствѣ поселянъ разныхъ наименованій, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Бессарабской области (47.824); въ *1870* году — положеніе о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго духовенства, а равно меликовъ изъ армянъ въ закавказскихъ губерніяхъ (48.357); положеніе о мѣстныхъ по поселянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ въ закавказскихъ губерніяхъ (48.994); въ *1871* году—правила объ устройствѣ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), водворенныхъ на казенныхъ земляхъ (49.705); въ *1873* году—о введеніи проживающихъ въ Витебской губерніи панцырныхъ бояръ въ общій составъ сельскихъ или городскихъ обывателей (52.061); правила о пріобрѣтеніи государственными поселянами, водворенными на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликовъ изъ армянъ, въ собственность ихъ земельныхъ надѣловъ (52.599); въ *1874* году—о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ Ставропольской губерніи (53.320); въ *1875* году—объ устройствѣ поселянъ (царанъ), водворенныхъ въ резешскихъ вотчинахъ и мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ Бессарабской губерніи (54.352); объ устройствѣ поселянъ грековъ и армянъ, водворенныхъ въ Маріупольскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, Екатеринославской губерніи (54.506); въ *1876* году—объ устройствѣ половниковъ, проживающихъ на владѣльческихъ земляхъ въ Вологодской губерніи (55.867); объ устройствѣ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ (55.974); объ общественномъ устройствѣ и управленіи Евангелической братской общины селенія Сарепта (57.437); о поземельномъ устройствѣ горнозаводскаго населенія

состоящихъ въ казенномъ управленіи посессіонныхъ и владѣльческихъ заводовъ горныхъ округовъ Кнауфскаго, Сукунскаго и Мосаловскаго (57.480); о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію, въ Эриванской губерніи и въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи (57.691 и 58.046); въ *1879* году—о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи (59.372); о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ Западной Сибири (60.210) и др.

Затѣмъ, издано было совершенно несоизмѣримое количество дополнительныхъ распоряженій и инструкцій, касающихся примѣненія перечисленныхъ законодательныхъ актовъ.

Повидимому, дѣло кипѣло, но каковы были его результаты?

Прежде всего, вездѣ, въ примѣненіи къ положеніямъ 19 февраля 1861 года, появились *крестьянскіе надѣлы*, отведенные въ пользованіе крестьянъ, за повинности (оброкъ) [1]). При этомъ, нерѣдко въ пользованіе различныхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ отводились такія земли, на которыя эти крестьяне имѣли вотчинныя права. Вслѣдствіе этого возникли потомъ многочисленные и сложные иски объ исключеніи подобныхъ земель изъ оклада оброчной подати. Кромѣ того, благодаря прямолинейному преслѣдованію одной изъ особенностей земельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а именно—отвода надѣловъ цѣлымъ мірскимъ обществамъ, при поземельномъ устройствѣ различныхъ разрядовъ сельскаго населенія, нерѣдко нарушались индивидуальныя отличія ихъ земельныхъ распорядковъ. Такъ, напримѣръ, при несомнѣнно существовавшемъ у государственныхъ крестьянъ въ сѣверныхъ губерніяхъ подворно наслѣдственномъ пользованіи нѣкоторыми категоріями сельско-хозяйственныхъ угодій (лѣсные сѣнокосы, росчисти, выгородки и т. п.), всѣ состоявшія во владѣніи крестьянъ извѣстнаго селенія земельныя угодья отводились, по большей части, въ мірское пользованіе всего селенія.

Размѣры надѣловъ были опредѣлены въ довольно высокихъ нормахъ только для иностранныхъ колонистовъ, которые сохранили почти полностью обширныя земельныя пространства, отведенныя имъ при первоначальномъ водвореніи ихъ въ Россіи. Затѣмъ, размѣры надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ были ограничены высшими и низшими предѣльными нормами:

---

[1]) Исключеніе было допущено только въ отношеніи инородцевъ—башкиръ, за которыми признаны были вотчинныя права на занятыя ими земли.

высшія—15 десятинъ на ревизскую душу въ многоземельныхъ раіонахъ и 8 въ малоземельныхъ, а низшія—существующее пользованіе, не достигающее указанныхъ размѣровъ.

Пріобрѣтеніе въ собственность надѣловъ, отведенныхъ различнымъ разрядамъ владѣльческихъ крестьянъ, было организовано на общихъ началахъ выкупной операціи, при содѣйствіи правительства, а государственные крестьяне и поселяне разныхъ наименованій получили право выкупать свои надѣлы лишь посредствомъ единовременныхъ взносовъ въ счетъ капитализированной оброчной подати.

Впредь до перехода бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ на выкупъ, права ихъ на отведенные имъ надѣлы ограничивались въ большинствѣ случаевъ тѣми же постановленіями, которыя изложены были по этому вопросу въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года. Затѣмъ, крестьяне, пріобрѣвшіе свои надѣлы по выкупнымъ сдѣлкамъ, но не уплатившіе еще всего выкупного долга, подчинялись, въ порядкѣ пользованія и распоряженія этими надѣлами, особымъ ограниченіямъ, вытекавшимъ изъ залога этихъ надѣловъ казнѣ. Ограниченія эти, изложенныя въ положеніи о выкупѣ, а также въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правилахъ о выкупѣ надѣловъ различными разрядами сельскихъ обывателей, устанавливали, въ фискальныхъ цѣляхъ, особый контроль за измѣненіями въ порядкѣ общественнаго землепользованія (переходъ отъ общиннаго къ подворному пользованію), воспрещали дробленіе подворныхъ участковъ, стѣсняли отказы отъ надѣловъ и выходъ изъ сельскихъ обществъ отдѣльныхъ крестьянъ, не допускали отчужденія надѣльныхъ земель посторонникъ лицамъ безъ предварительнаго погашенія выкупного долга и т. п.

Въ результатѣ многочисленныхъ правительственныхъ мѣръ, касавшихся земельнаго устройства разнообразныхъ разрядовъ сельскаго населенія, образовалась громадная однородная территорія такъ-называемыхъ „надѣльныхъ“ земель, владѣніе и пользованіе которыми были поставлены въ спеціальныя условія, имѣющія очень мало общаго съ обыкновенными условіями землевладѣнія.

Случайное и временное положеніе, въ которомъ находились, по отношенію къ земельному устройству, бывшіе помѣщичьи крестьяне, вскорѣ послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, стало общимъ и затяжнымъ положеніемъ для всего крестьянства. Изъ соображеній правительства о земельныхъ распорядкахъ крестьянъ стало постепенно ускользать понятіе мелкой земельной собственности, которое имѣлось въ виду редакціонными коммисіями въ качествѣ конечной формы земельнаго устройства крестьянъ. Понятіе это, съ неуловимой постепенностью,

смѣнялось новымъ, чуждымъ ему понятіемъ спеціально крестьянскаго надѣльнаго землепользованія.

Обособивъ крестьянъ отъ другихъ сословій въ порядкѣ землевладѣнія, законодательство разсматриваемаго періода продолжило это обособленіе также и въ область управленія, путемъ того же процесса примѣненія къ общественному устройству и управленію всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія временныхъ правилъ, изданныхъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И государственные крестьяне, и нѣмцы-колонисты, и башкиры-инородцы получили одинаковое съ бывшими помѣщичьими крестьянами общественное устройство, установленное въ 1861 году для ближайшихъ цѣлей эмансипаціи (сельскія общества и волости) [1]). При этомъ, всѣ многочисленные разряды сельскаго населенія, введенные въ зону положеній 1861 года, подчинены были вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ, самое учрежденіе которыхъ предназначалось почти исключительно для разбора спорныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами. И въ тундрахъ Архангельской губерніи, никогда не видавшихъ помѣщиковъ, и среди сплошного крестьянскаго населенія лѣсного сѣвера, и въ вольной Новороссіи среди грековъ, армянъ, нѣмцевъ и болгаръ, и въ дикой Башкиріи—вездѣ появились мировые посредники, которымъ не о чемъ было посредничать.

Изъ большого числа отдѣльныхъ сельскихъ вѣдомствъ (помѣщичьяго, удѣльнаго, государственнаго, колонистскаго и др.) образовалось только новое, такое же обособленное, обще-крестьянское вѣдомство, съ особой территоріей, особымъ населеніемъ, особымъ управленіемъ и особымъ законодательствомъ.

Напрасно нѣкоторые, не спеціально-крестьянскіе законодательные акты, принадлежащіе къ эпохѣ великихъ реформъ, или составлявшіе развитіе ея всесословныхъ тенденцій, сближали крестьянство съ другими сословіями въ сферѣ управленія, суда и несенія государственныхъ повинностей. Напрасно было привлеченіе крестьянъ къ обязанностямъ общественнаго правосудія, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, а также объединеніе ихъ съ другими сословіями въ области общественно-хозяйственной, земской дѣятельности и въ отбываніи государственной воинской повинности. Крестьянская обособленность уже успѣла сложиться и пустить глубокіе корни.

Нельзя не отмѣтить любопытнаго явленія—общественное мнѣніе не только не возражало противъ такого обособленія

---

[1]) Только на Кавказѣ, по условіямъ мѣстности, учреждены были одни лишь сельскія общества, получившія прерогативы волостей.

крестьянъ, но косвенно даже сочувствовало ему, въ лицѣ славянофиловъ и народниковъ.

Что касается отношенія правительства къ совершавшемуся на его глазахъ сословному обособленію крестьянъ, то отношеніе это наиболѣе полно выразилось въ единственной за разсматриваемый періодъ законодательной мѣрѣ, покусившейся на измѣненіе текста положеній 19 февраля 1861 года, а именно въ преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Преобразованіе это, несмотря на кажущееся формальное его значеніе, имѣло однако важныя и существенныя послѣдствія для дальнѣйшаго хода крестьянскаго дѣла. Кромѣ того, въ немъ, какъ въ собирательномъ стеклѣ, отразились всѣ характерныя для по-реформенной эпохи настроенія по крестьянскому вопросу. Поэтому преобразованіе это заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

III.

Попытки измѣненій изданныхъ 19 февраля 1861 г. правилъ о мировыхъ посредникахъ начались очень рано—въ первый-же годъ послѣ реформы. Эти попытки, однако, не исходили изъ намѣренія приступить къ объединенію спеціальныхъ крестьянскихъ учрежденій съ общими учрежденіями, что́ было-бы тогда еще преждевременно. Не *спеціальность* обязанностей мирового посредническаго института вызвала первыя преобразовательныя тенденціи по отношенію къ этому институту, а совсѣмъ другое—его *самостоятельность и независимость* отъ губернской и центральной административной власти. Не нравилась администраціи—подчиненность мировыхъ посредниковъ одному только сенату, отъ котораго зависѣло наложеніе на посредниковъ дисциплинарныхъ взысканій, удаленіе ихъ отъ должности и преданіе ихъ суду. Поэтому первымъ предположеніемъ, касавшимся служебнаго положенія мировыхъ посредниковъ, было представленіе министра внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ (отъ 11 іюля 1861 г.) объ измѣненіи порядка удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, съ цѣлью ближайшаго ихъ подчиненія административной власти. Эта мѣра была, однако, отклонена главнымъ комитетомъ, который находилъ, что предположенное измѣненіе могло бы повредить почетному званію мировыхъ посредниковъ и отвлечь отъ этихъ должностей лучшія мѣстныя силы.

Послѣдующіе годы принесли болѣе радикальную попытку,—попытку совершенно избавиться отъ непріятнаго института ми-

ровыхъ посредниковъ, который былъ какъ бѣльмо на глазу мѣстной администраціи. Справедливость требуетъ признать, что для этой цѣли избранъ былъ настолько красивый и почетный для посредниковъ способъ, что трудно даже утверждать безошибочно, какими именно соображеніями руководствовались его изобрѣтатели: приступить къ планомѣрному преобразованію крестьянскихъ учрежденій, въ духѣ всесословныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ; повліять-ли, въ желательномъ для администраціи смыслѣ, на судебную реформу, или же просто ликвидировать посредниковъ при первомъ удобномъ случаѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что въ связи съ разработкой вопроса объ учрежденіи мировыхъ судей, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возникло предположеніе о соединеніи должностей мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ.

Уже 3 ноября 1862 года, министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ цѣляхъ подготовки указанной мѣры, внесена была записка въ главный комитетъ—„о расширеніи предметовъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ“. Въ запискѣ этой предполагалось, впредь до введенія мировыхъ судей, предоставить мировымъ посредникамъ, въ дополненіе къ судебнымъ ихъ полномочіямъ по положеніямъ 1861 г., также и разбирательство тѣхъ судебныхъ дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ и малоцѣнныхъ искахъ, которыя, на основаніи Высочайше разсмотрѣнныхъ 29 сентября 1862 года основныхъ положеній о преобразованіи судебной части, должны были подлежать окончательному разрѣшенію мировыхъ судей (иски до 30 руб. и проступки, за которые виновные подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному взысканію до 15 руб., аресту до 3 дней и тѣлесному наказанію до 10 ударовъ розогъ) [1]). При этомъ имѣлось въ виду установить такимъ способомъ предварительную соединительную связь между мировыми посредниками и судьями. Предположеніе это, однако, не осуществилось.

Затѣмъ, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ вопроса о возложеніи на учрежденныхъ уже, по судебнымъ уставамъ, мировыхъ судей—обязанностей мировыхъ посредниковъ, между министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи возникло разногласіе относительно порядка дѣйствій и подчиненности мировыхъ судей по указаннаго рода дѣламъ. Министръ юстиціи считалъ необходимымъ, чтобы мировые судьи, въ порядкѣ разрѣшенія ими крестьянскихъ дѣлъ, руководствовались только

---

[1]) Предоставленныя мировымъ посредникамъ, по положенію 1861 года, судебныя полномочія ограничивались разрѣшеніемъ дѣлъ по спорамъ между помѣщиками и крестьянами, а также дѣлъ потравахъ и о нарушеніи договоровъ найма на сельско-хозяйственныя работы.

правилами судебныхъ уставовъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ сохранить по упомянутымъ дѣламъ дѣйствіе правилъ, изложенныхъ въ положеніи объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, и подчинить дѣятельность мировыхъ судей въ этомъ отношеніи губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ виду такого разногласія, соединеніе должностей мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей не состоялось и, согласно Высочайше утвержденному 25 октября 1865 года мнѣнію государственнаго совѣта (42.603), въ вѣдѣніе судебныхъ учрежденій были переданы только немногія обязанности мировыхъ посредниковъ по судебной части, предусмотрѣнныя въ положеніяхъ 1861 г. Въ частности, вѣдѣнію судебныхъ учрежденій предоставлены были всѣ иски и споры, не относящіеся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ, и не истекающіе изъ тѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, которыя опредѣлены положеніями о сельскомъ состояніи (въ томъ числѣ: а) дѣла по жалобамъ постороннихъ лицъ на крестьянскія общества, б) дѣла судебно-полицейскаго разбирательства, указанныя въ ст. 31 пол. учр. крест., и въ двухъ приложеніяхъ къ этой статьѣ, и в) предусмотрѣнныя ст. 35 того же пол. дѣла по всякимъ гражданскимъ искамъ и спорамъ, когда спорящія стороны просятъ о рѣшеніи ихъ по совѣсти).

Съ небольшой урѣзкой судебныхъ обязанностей мировые посредники остались въ прежнемъ положеніи.

Между тѣмъ, несочувствіе высшихъ административныхъ сферъ къ этому институту постепенно возрастало, причемъ это несочувствіе питалось и поддерживалось нѣкоторыми „голосами изъ деревни“.

Изъ числа такихъ „голосовъ“, очень характерна поданная въ 1867 г. министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву докладная записка орловскаго помѣщика М. Лонгинова, въ которой проектировалось уничтоженіе „ненужнаго“ и „вреднаго“ института мировыхъ посредниковъ. Записка эта обратила на себя нѣкоторое вниманіе, что̀ видно изъ отмѣтокъ на ней Валуева.

Авторъ записки, заявляя, что ему дороги—„не пустыя мечтанія и слова, а сила и благоустройство государства“, указывалъ, что главный недостатокъ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій, а также учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ заключается въ слабомъ взысканіи съ крестьянъ всякаго рода денежныхъ сборовъ и недоимокъ. При существующей постановкѣ крестьянскаго управленія, по мнѣнію автора записки, совершенно отсутствуютъ—„элементарныя основанія всякой финансовой политики: возможность взыскивать денежные сборы и недоимки—и порядокъ въ

селахъ... Не видѣть этого можетъ развѣ совершенная недобросовѣстность. И тѣмъ и другимъ недостаткомъ обязаны мы мировому институту, котораго несостоятельность уже нисколько не искупается теперь тою необходимостью его въ другихъ отношеніяхъ, которая предполагалась въ немъ при его учрежденіи". Называя, далѣе, мировыхъ посредниковъ властью „диктаторіальной, исключительной и экстраординарной", авторъ возмущается по поводу ихъ „независимости" и „безотвѣтственности". По его мнѣнію, мировые посредники вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ (т. е. взысканіемъ недоимокъ), только—„популярничаютъ (особенно изъ разсчетовъ на крестьянъ при земскихъ и судейскихъ выборахъ), или увлекаются ложе-филантропіей, столь вредно отзывающейся для народа впослѣдствіи". Правомъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ посредники почти не пользуются — „изъ ложно понимаемой гуманности" и т. д.

Для того, чтобы установить указанныя выше „основанія финансовой политики", авторъ записки проектировалъ замѣнить мировой институтъ, во всѣхъ сферахъ его дѣятельности (кромѣ разверстанія угодій), полицейскими учрежденіями. При этомъ авторъ посвятилъ особое вниманіе развитію вопроса о необходимости предоставить полиціи, для успѣшнаго взысканія недоимокъ, право подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ крестьянъ и крестьянскихъ должностныхъ лицъ. „Тѣлесное наказаніе не уничтожено въ нашемъ законодательствѣ, какъ бы ни хотѣли увѣрять въ этомъ нѣкоторые. Его и стыдиться нечего. Оно признается не только закономъ, но и народомъ за нѣчто справедливое и полезное. Пора говорить безъ обиняковъ и называть вещи по именамъ. Взысканіе недоимокъ никогда не будетъ успѣшно, если власть, на которую будетъ возложена эта обязанность, не получитъ и права въ извѣстной мѣрѣ наказывать тѣлесно, въ необходимыхъ случаяхъ, подъ своею отвѣтственностью, какъ дерзкихъ ослушниковъ и тѣхъ, которые упорствуютъ или подбиваютъ другихъ крестьянъ, такъ и самихъ сельскихъ старостъ и сотскихъ, если они виновны въ безпорядкахъ. Одни волостные старшины могутъ быть изъяты отъ тѣлеснаго наказанія на время своей службы".

Вотъ на какую почву перемѣщалось разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ крестьянскихъ учрежденій—взысканіе недоимокъ и тѣлесныя наказанія. Какъ далеко ушла поэзія крестьянской реформы и какъ скоро наступила проза...

Необходимо сознаться, что личный составъ и дѣятельность мировыхъ посредниковъ конца шестидесятыхъ годовъ дѣйствительно давали поводы для порицанія этого института, хотя и не въ томъ отношеніи, въ какомъ, главнымъ образомъ, порицалъ

его М. Лонгиновъ. Личный составъ этого института несомнѣнно понизился. Подъ давленіемъ тѣхъ именно тенденцій, которыя отразились въ упомянутой запискѣ, а именно вслѣдствіе предъявленныхъ къ мировымъ посредникамъ требованій, чтобы они съ преимущественнымъ рвеніемъ занимались взысканіемъ накоплявшихся на крестьянахъ недоимокъ, а также въ виду настойчивыхъ стремленій подчинить посредниковъ мѣстной администраціи, дѣятельность ихъ много теряла въ почетѣ и привлекательности, а потому многіе посредники такъ-называемаго перваго призыва, одинъ за другимъ, оставляли эти должности. Этому отливу лучшихъ, идейныхъ элементовъ изъ состава мировыхъ посредниковъ содѣйствовали также: завершеніе перваго періода эмансипаціи (выдача уставныхъ грамотъ), ради котораго многія лица, связанныя иными, постоянными интересами, пошли временно въ мировые посредники, какъ на подвигъ общественнаго служенія, а съ другой стороны—открытіе новыхъ судебныхъ и земскихъ учрежденій, въ которыхъ рисовалась перспектива такого служенія. Затѣмъ, для людей служебной карьеры должность мировыхъ посредниковъ оказывалась очень мало привлекательной, въ виду ея неустойчиваго и временнаго значенія. Служебныя полномочія мировыхъ посредниковъ, установленныя первоначально на три года, не были затѣмъ продолжены на опредѣленный срокъ, а возобновлялись ежегодно особыми Высочайшими повелѣніями. Каждый годъ можно было ждать упраздненія этой должности. Поэтому открывающіяся вакансіи мировыхъ посредниковъ замѣщались безъ строгаго выбора, случайными и мало подходящими кандидатами. Появились мировые посредники, злоупотреблявшіе своимъ положеніемъ и своими служебными правами. На окраинахъ, гдѣ мировые посредники, при отсутствіи помѣстнаго элемента, были сразу назначены изъ мелкихъ чиновниковъ, бывали даже случаи поборовъ со стороны мировыхъ посредниковъ и растраты ими общественныхъ крестьянскихъ суммъ. Институтъ мировыхъ посредниковъ, переживши свое время и оторванный отъ той мѣстной обстановки и отъ почвы тѣхъ спеціальныхъ дѣлъ, для которыхъ онъ былъ созданъ, очевидно вырождался.

Понижаясь со стороны личнаго состава и теряя, одно за другимъ, свои посредническія и судебныя полномочія, институтъ мировыхъ посредниковъ не могъ развить своей дѣятельности и въ той единственной области, которая ему отводилась, не столько закономъ, сколько административными тенденціями того времени, а именно—въ области надзора за сословнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Временно-проектированныя для цѣлей эмансипаціи волостныя и сельскія учрежденія, введенныя въ дѣйствіе повсемѣстно, у всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія, развивались

очень туго и никакое дѣятельное содѣйствіе ихъ развитію не могло имѣть успѣха, безъ коренного ихъ переустройства. При малой ихъ жизнедѣятельности, руководство ими только грозило превратиться въ попечительство, которое было еще чуждо ближайшей по-реформенной эпохѣ и отъ котораго старательно воздерживали мировыхъ посредниковъ какъ первоначальныя традиціи этого института, такъ и надзоръ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ этомъ отношеніи бывали даже случаи излишняго увлеченія со стороны присутствій. Такъ, напримѣръ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, одно губернское присутствіе возбудило дисциплинарное производство противъ мирового посредника, который произвелъ, по просьбѣ крестьянъ, учетъ суммъ въ волостномъ правленіи. Присутствіе усмотрѣло въ этомъ незаконное вмѣшательство мирового посредника въ мірскія дѣла. Только по заключенію министерства внутреннихъ дѣлъ, сенатъ, вмѣсто признанія дѣйствій мирового посредника неправильными, сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что онъ раньше не ревизовалъ волостей.

Приведенный случай указываетъ, въ какія ненормальныя условія поставлена была дѣятельность мировыхъ посредниковъ по дѣламъ общественнаго крестьянскаго управленія. Въ виду малой устойчивости общественныхъ крестьянскихъ учрежденій, съ одной стороны, а съ другой—въ виду разъѣдавшихъ эти учрежденія, какъ всякій нежизнеспособный организмъ, внутреннихъ недостатковъ, о которыхъ стали доходить вѣсти уже въ первое время послѣ реформы (полный произволъ волостныхъ должностныхъ лицъ и нерѣдкія растраты общественныхъ суммъ), отношеніе мировыхъ посредниковъ къ крестьянскому управленію должно было неизбѣжно колебаться между двумя опасностями—попечительства и попустительства.

Повидимому, наступалъ моментъ преобразованія всего крестьянскаго административнаго строя. Но творчество уже ушло изъ области правительственныхъ начинаній по крестьянскому дѣлу. Министерство внутреннихъ дѣлъ, чуждаясь вопросовъ о коренныхъ причинахъ крестьянскихъ непорядковъ и о коренныхъ недостаткахъ въ устройствѣ и дѣятельности спеціальныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, стремилось только, не измѣняя основаній этой дѣятельности, къ тому, чтобы подчинить указанныя учрежденія общему административному режиму и сдѣлать ихъ болѣе послушными орудіями центральной власти, какъ въ области общаго надзора за крестьянами и ихъ управленіемъ, такъ и въ дѣлѣ взысканія недоимокъ, накопленіе которыхъ все болѣе и болѣе озабочивало администрацію.

Новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевымъ, внесено было, 28 ноября 1869 г., представленіе въ главный комитетъ—„объ измѣненіяхъ въ устройствѣ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій“.

Въ представленіи этомъ излагалось, что учрежденіе мировыхъ посредниковъ заключало въ себѣ, первоначально, двѣ стороны: „одною, а именно судебною, оно входило въ разрядъ общихъ и постоянныхъ органовъ управленія; другая сторона, свойства сколько политическаго, столько и административнаго, имѣла назначеніе спеціальное—для разбора дѣлъ между крестьянами и помѣщиками“. Первая сторона (судебная) отошла по закону 25 октября 1865 г. къ мировымъ судьямъ. Политическая задача тоже закончена—установлены отношенія между крестьянами и помѣщиками (выданы уставныя грамоты). Осталась, въ крестьянскомъ дѣлѣ, задача административная: *„руководство крестьянскимъ сословіемъ и приведеніе въ должную соразмѣрность отношеній его къ правительству и къ остальному обществу“*. Для политической задачи привлечены были лучшіе люди и имъ даны были большія полномочія. По завершеніи перваго періода крестьянскаго дѣла, эти лучшіе люди ушли въ новыя судебныя и земскія учрежденія. Особыя полномочія и обстановка службы не соотвѣтствуютъ болѣе, ни новому личному составу, ни новымъ обязанностямъ мировыхъ посредниковъ. „Наша администрація, какъ и въ большей части европейскихъ государствъ, устроена въ іерархическомъ отношеніи на точномъ соединеніи всѣхъ звеньевъ, ее составляющихъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ власти или инстанціи административной цѣпи, начиная съ низшей и восходя до высшихъ государственныхъ административныхъ органовъ, связаны обязательной тождественностью взглядовъ и направленія своихъ дѣйствій“. Между тѣмъ—„способы опредѣленія, увольненія и привлеченія къ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ ставятъ ихъ въ положеніе совершенно противорѣчащее общему строю административной дѣятельности“. Преданіе суду мировыхъ посредниковъ, не соотвѣтствующихъ этой должности, иногда затруднительно—„по отсутствію юридическихъ данныхъ“. Во всякомъ случаѣ, дѣла объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ производятся очень медленно и кончаются очень часто наложеніемъ легкихъ дисциплинарныхъ взысканій на такихъ лицъ, которыя подлежали бы удаленію отъ должности. При слабости дисциплинарнаго надзора надъ мировыми посредниками, дѣятельность ихъ въ общемъ мало удовлетворительна и въ особенности—совершенно отсутствуетъ попеченіе ихъ о взысканіи недоимокъ. Неудовлетворительность состава и недостаточная подчиненность

мировыхъ посредниковъ мѣстной администраціи представляютъ серьезныя неудобства, въ виду приближенія 1870 года, когда должно прекратиться обязательное пользованіе помѣщичьей землей. Возможныя при наступленіи этого срока замѣшательства въ мѣстной жизни указываютъ на необходимость сильныхъ и надежныхъ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, черезъ которыхъ администрація могла бы воздѣйствовать на крестьянъ. Поэтому, какъ указывалось въ запискѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ пришло къ заключенію о необходимости учредить, взамѣнъ мировыхъ посредниковъ, особыя единоличныя должности, для наблюденія за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ и за исполненіемъ крестьянами возложенныхъ на нихъ обязанностей, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе въ этихъ должностяхъ и увольненіе отъ нихъ было предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ первоначальный проектъ министерства вызвалъ, какъ видно изъ той же записки, разнообразныя возраженія со стороны другихъ вѣдомствъ, которымъ сообщался этотъ проектъ, для отзыва.

Въ возраженіяхъ этихъ указывалось, главнымъ образомъ, что одно только подчиненіе министерству внутреннихъ дѣлъ проектируемыхъ имъ должностныхъ лицъ еще недостаточно для успѣшной ихъ дѣятельности. Для этого необходимо поставить такихъ должностныхъ лицъ въ непосредственную связь съ губернскимъ присутствіемъ и подъ товарищескій его надзоръ, введя ихъ въ составъ присутствія, въ качествѣ особыхъ временныхъ членовъ, командируемыхъ присутствіемъ на мѣсто.

Особенно подробный разборъ недостатковъ проектированной мѣры представленъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ Зеленымъ. Въ отзывѣ его по этому дѣлу указывалось, что учрежденіе предположенныхъ должностей было бы равносильно возстановленію того попечительнаго органа, который существовалъ подъ названіемъ окружныхъ начальниковъ. Между тѣмъ—„въ настоящее время, когда крестьяне всѣхъ сословій получили новое устройство, когда правительство стремится къ правильному развитію дарованныхъ имъ правъ, когда введены судебныя и земскія учрежденія,—вновь обращаться къ административному попечительству надъ крестьянами и для бывшихъ государственныхъ крестьянъ—возобновлять, а для крестьянъ другихъ наименованій—создавать систему управленія, признанную несостоятельной, представляется крайне неудобнымъ“.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя, что при наличности такихъ принципіальныхъ возраженій, вопросъ о преобразованіи института мировыхъ посредниковъ требуетъ дальнѣйшей

разработки, но, не считая, вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ, въ виду ожидаемыхъ въ 1870 году осложненій, оставить этотъ институтъ безъ всякихъ измѣненій,—проектировало нижеслѣдующія частныя мѣры: распредѣленіе нѣкоторыхъ обязанностей мировыхъ посредниковъ между судебными и земскими учрежденіями [1]); назначеніе посредниковъ властью министра внутреннихъ дѣлъ и предоставленіе права наложенія на нихъ дисциплинарныхъ взысканій губернскому присутствію, а удаленіе ихъ отъ должности—тому же присутствію, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

Конечно, такой проектъ сохранялъ одно только названіе мировыхъ посредниковъ и очень мало разнился, по существу, отъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главный комитетъ не призналъ возможнымъ согласиться на предположенную министерствомъ передачу судебнымъ учрежденіямъ обязанностей мировыхъ посредниковъ по разбору всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, указавъ, что мѣра эта была отвергнута уже при изданіи правилъ 25 октября 1865 г. Затѣмъ, по поводу проектированныхъ министерствомъ измѣненій въ порядкѣ опредѣленія къ должности и служебной отвѣтственности мировыхъ посредниковъ, главный комитетъ разсуждалъ, что существующій порядокъ—„установленъ съ цѣлью дать посредникамъ самостоятельность, необходимую для правильнаго веденія дѣлъ, съ коими связаны важные поземельные интересы двухъ сословій—помѣщиковъ и крестьянъ. Дѣятельность лицъ, первоначально вступившихъ въ должности мировыхъ посредниковъ, на основаніи этого закона, вполнѣ оправдала пользу дарованнаго имъ самостоятельнаго положенія. Хотя въ настоящее время переходъ многихъ лучшихъ людей изъ числа посредниковъ на судебное и другія поприща повліялъ неблагопріятно на личный составъ уѣздныхъ мировыхъ учрежденій, однако главный комитетъ не находитъ, чтобы поставленіе послѣднихъ въ полную зависимость отъ администраціи могло способствовать улучшенію состава сихъ учрежденій и привлечь на означенныя должности людей съ тѣми качествами, кои желательно видѣть въ мировыхъ посредникахъ. Напротивъ, нельзя не предвидѣть, что такое коренное измѣненіе въ законѣ 19 февраля 1861 г. о мировыхъ посредникахъ, лишая ихъ принадлежащаго имъ доселѣ значенія и той самостоятельности, которыя необходимы для исполненія воз-

---

[1]) По этому распредѣленію отходила отъ мировыхъ посредниковъ обязанность разбора всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, а также и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія обязанности.

ложенныхъ на нихъ тѣмъ же закономъ важныхъ обязанностей, неминуемо побудитъ къ выходу изъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій лучшихъ изъ остающихся въ нихъ дѣятелей".

Поэтому, главный комитетъ полагалъ возможнымъ, впредь до выработки министромъ внутреннихъ дѣлъ окончательныхъ предположеній о преобразованіи института мировыхъ посредниковъ, ограничиться только предоставленіемъ губернскимъ присутствіямъ права, при возбужденіи ими передъ сенатомъ ходатайствъ объ удаленіи мировыхъ посредниковъ отъ должности, временно устранять отъ исполненія служебныхъ обязанностей тѣхъ изъ нихъ, оставленіе коихъ въ должности, до указа сената, было-бы сопряжено съ вредными для хода дѣла послѣдствіями.

Положеніе главнаго комитета по этому предмету было утверждено 18 февраля 1870 г. (48.044) [1]).

Опять мировые посредники остались почти въ томъ же положеніи. Прошелъ 1870 годъ, который не принесъ съ собой никакихъ осложненій, въ чаяніи которыхъ министерство внутреннихъ дѣлъ хотѣло подвергнуть коренной ломкѣ учрежденіе мировыхъ посредниковъ. Исчезла ближайшая побудительная причина для преобразованія этого учрежденія, но оно все-таки видимо отживало свой вѣкъ. Поэтому, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, но представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ объ окончательномъ преобразованіи посредническихъ учрежденій было наконецъ внесено въ главный комитетъ—27 марта 1873 г.

Проектированное въ этомъ представленіи устройство мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и вообще порядокъ завѣдыванія этими дѣлами являютъ собою нѣчто мозаичное, сложное и нестройное. Обязанности мировыхъ посредническихъ учрежденій по земельному устройству крестьянъ распредѣлялись, согласно этому проекту, между губернскими присутствіями и особыми временными членами этихъ присутствій, въ количествѣ не болѣе шести на губернію, приглашаемыми министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, съ Высочайшаго соизволенія. Распредѣленіе обязанностей мировыхъ посредниковъ по общественному крестьянскому управленію простиралось еще на большее число учрежденій. Нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей возлагались на губернатора (утвержденіе и

---

[1]) Тѣмъ же, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета, предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ приступить къ упраздненію членовъ отъ правительства при уѣздныхъ съѣздахъ мировыхъ посредниковъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ это окажется возможнымъ безъ ущерба для дальнѣйшаго хода крестьянскаго дѣла.

назначеніе, въ особыхъ случаяхъ, волостныхъ старшинъ); другія—на губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе (разрѣшеніе жалобъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, удаленіе ихъ отъ должностей и преданіе суду); остальныя—на уѣзднаго исправника (надзоръ за дѣйствіями крестьянскаго управленія и сообщеніе губернскому присутствію о неправильныхъ дѣйствіяхъ этого управленія, какъ по жалобамъ, такъ и по собственному усмотрѣнію). Кромѣ того, на уѣзднаго исправника возлагалась, по проекту, самостоятельная обязанность по завѣдыванію взысканіемъ денежныхъ сборовъ съ крестьянъ. Отдѣльныя обязанности мировыхъ посредниковъ распредѣлялись, согласно проекту, между самыми различными учрежденіями. Въ судебныя учрежденія, по подсудности исковъ, передавались споры между помѣщиками и крестьянами объ убыткахъ; разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ поручалось съѣздамъ мировыхъ судей; дѣла по взысканіямъ съ крестьянъ помѣщичьихъ повинностей относились къ вѣдомству мировыхъ судей; нотаріальныя обязанности мировыхъ посредниковъ предоставлялись мировымъ судьямъ и нотаріусамъ и т. д.

Упрекнуть этотъ проектъ въ томъ, что имъ возстановлялись должности окружныхъ начальниковъ, конечно, было невозможно. Но къ нему могъ быть предъявленъ, независимо отъ его пестроты, еще болѣе серьезный упрекъ въ томъ, что онъ отдавалъ всѣ крестьянскія учрежденія въ фактическое завѣдываніе полиціи. На эту сторону проекта немедленно было обращено вниманіе главнымъ комитетомъ, который высказалъ опасеніе, что, въ случаѣ принятія проекта, надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ попадетъ даже не въ руки исправника, а прямо въ руки низшихъ чиновъ полиціи — такъ какъ исправникъ обремененъ массой обязанностей и долженъ естественно полагаться на свидѣтельство своихъ подчиненныхъ.

Что же оставалось предпринять? Сохранить мировыхъ посредниковъ? Произвести-ли, наоборотъ, полное преобразованіе всего крестьянскаго административнаго строя?

На сохраненіе мировыхъ посредниковъ главный комитетъ не рѣшился, такъ какъ признавалъ, что личный составъ и дѣятельность мировыхъ посредниковъ дѣйствительно оказались, съ теченіемъ времени, неудовлетворительными. Въ объясненіе этого, какъ указалъ главный комитетъ въ своемъ журналѣ, приводятся различныя и даже противоположныя причины. Не входя въ разборъ этихъ причинъ, комитетъ остановился на указанномъ фактѣ, какъ на исходномъ началѣ своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Въ цѣпи этихъ разсужденій не мелькнуло даже намека на воз-

можность коренной реформы всего крестьянскаго административнаго устройства. Это устройство вошло тоже, какъ готовый и непреложный фактъ, въ разсужденія главнаго комитета.

Развитіе аргументаціи главнаго комитета было такое: мировыя посредническія учрежденія плохи, но если совсѣмъ ихъ упразднить, безъ замѣны ихъ какими либо другими учрежденіями, то некому будетъ завѣдывать крестьянскимъ управленіемъ, а управленіе это хотя и плохо, но существуетъ; слѣдовательно, въ виду его существованія и несомнѣнныхъ его недостатковъ (злоупотребленія должностныхъ лицъ и т. п.), необходимо, чтобы кто-нибудь завѣдывалъ имъ и устранялъ эти недостатки; возложить указанное завѣдываніе на полицію—нельзя; точно также нельзя создавать для этого особыя единоличныя должности—ибо получатся окружные начальники; остается послѣдній исходъ—коллегія, снабженная на мѣстахъ чисто исполнительными органами...

Поэтому, а также въ цѣляхъ экономіи управленія, главный комитетъ, какъ указано въ его журналѣ,—„остановился на мысли воспользоваться существующими уже въ каждомъ уѣздѣ элементами для образованія изъ нихъ коллегіальнаго учрежденія подъ названіемъ „уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“. Въ составѣ этого присутствія, образуемаго изъ мѣстныхъ представителей земства, юстиціи и полиціи, комитетъ признавалъ необходимымъ учредить только одну новую должность „особаго члена“. Этотъ „особый членъ“, въ виду отвлеченія прочихъ членовъ коллегіи своими спеціальными дѣлами,—„составлялъ бы главную рабочую силу присутствія“ и могъ бы исполнять обязанности, проектированныя министерствомъ для „временныхъ членовъ губернскаго присутствія“ (дѣла поземельнаго устройства); такимъ путемъ осуществилась-бы необходимая децентрализація, ибо особые члены дѣйствовали бы въ предѣлахъ уѣзда, а не въ предѣлахъ губерніи, какъ временные члены.

Для согласованія, при замѣщеніи должностей особыхъ членовъ, интересовъ крестьянъ, помѣщиковъ и администраціи, комитетъ полагалъ, что особые члены уѣзднаго присутствія должны избираться, на трехлѣтній срокъ, губернскими земскими собраніями изъ круга лицъ, имѣвшихъ право занимать должности мировыхъ посредниковъ, и утверждаться въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія.

Обязанности проектируемыхъ уѣздныхъ присутствій были очерчены кругомъ дѣлъ, касающихся завершенія земельнаго устройства крестьянъ (временная обязанность) и руководительства крестьянскимъ управленіемъ. При этомъ, въ виду обнаруженной на практикѣ неспособности крестьянскаго управленія опредѣлиться въ области возложенныхъ на него положеніями 1861 г.

дѣлъ и обязанностей и выработать, самостоятельно, порядокъ разрѣшенія этихъ дѣлъ, главный комитетъ признавалъ необходимымъ предоставить уѣзднымъ присутствіямъ право издавать, съ утвержденія губернскаго присутствія, *особыя инструкціи должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ крестьянскаго управленія.*

Особое вниманіе посвящено было комитетомъ вопросу объ организаціи дѣла взысканія денежныхъ сборовъ съ крестьянъ. Забота объ этомъ дѣлѣ, которая постепенно поглощала всѣ текущіе административные интересы по отношенію къ крестьянамъ, привела комитетъ къ мысли сосредоточить это дѣло всецѣло въ завѣдываніи одного изъ членовъ проектируемаго уѣзднаго присутствія, а именно—уѣзднаго исправника. При этомъ, считая необходимымъ, для обезпеченія исправнаго поступленія платежей съ крестьянъ,—„поставить исправника въ такое по отношенію къ крестьянскимъ властямъ положеніе, чтобы они не могли оказать ему неповиновенія по предметамъ его вѣдомства и тѣмъ ввести его въ отвѣтственность“, главный комитетъ полагалъ предоставить исправнику дисциплинарную власть надъ должностными лицами крестьянскаго управленія.

Указанныя предположенія главнаго комитета подверглись въ государственномъ совѣтѣ небольшимъ измѣненіямъ и дополненіямъ и получили силу закона въ утвержденномъ 27 іюня 1874 г. „положеніи объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“.

Образуемыя, согласно этому положенію, уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, составлялись, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: исправника, предсѣдателя земской управы, почетнаго мирового судьи по приглашенію министра юстиціи и особаго непремѣннаго члена (ст. 2) [1]).

При сохраненіи намѣченнаго главнымъ комитетомъ порядка избранія непремѣнныхъ членовъ (безъ испрошенія, однако, Высочайшаго соизволенія на утвержденіе ихъ въ должности), эти непремѣнные члены поставлены были въ общія, установленныя для чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, условія служебной отвѣтственности (ст. 8).

Предусмотрѣнныя положеніями 19 февраля 1861 г. обязанности мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ были распредѣлены между уѣздными присутствіями, непремѣнными членами этихъ присутствій, уѣздными исправниками, су-

[1]) Въ каждомъ уѣздѣ полагался одинъ непремѣнный членъ, но земскимъ собраніямъ предоставлено было сокращать, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, число непремѣнныхъ членовъ до нормы одного на два уѣзда (ст. 4).

дебными и нотаріальными учрежденіями. А именно, дѣла поземельнаго устройства крестьянъ отнесены были къ вѣдѣнію непремѣнныхъ членовъ (въ первой инстанціи) и уѣздныхъ присутствій (во второй инстанціи). Далѣе, на уѣздныя присутствія возложены были, непосредственно, надзоръ и руководство по крестьянскому управленію, съ правомъ наложенія взысканій на должностныхъ лицъ этого управленія и изданія инструкцій для волостныхъ и сельскихъ обществъ, а также для должностныхъ лицъ, относительно порядка исполненія ими возложенныхъ на нихъ обязанностей. Къ вѣдѣнію уѣзднаго исправника отнесено было попеченіе о своевременномъ и исправномъ поступленіи съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей и принятіе установленныхъ въ законѣ мѣръ взысканія; затѣмъ—утвержденіе въ должности и удаленіе отъ нея лѣсныхъ и полевыхъ сторожей, а также разрѣшеніе заключать въ тюрьму лицъ, удаляемыхъ изъ крестьянскихъ обществъ. При этомъ, уѣздный исправникъ получилъ, наряду съ уѣзднымъ присутствіемъ, самостоятельное право подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, за неисполненіе ими своихъ обязанностей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣздному исправнику. Вѣдѣнію судебныхъ учрежденій предоставленъ былъ разборъ всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, возникающихъ послѣ прекращенія обязательныхъ ихъ отношеній. Наконецъ, къ нотаріусамъ и мировымъ судьямъ отошли нотаріальныя полномочія мировыхъ посредниковъ.

Итакъ, институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ. [1]) Сознавая важность этой мѣры, представлявшей первое сознательное отступленіе отъ текста положеній 1861 г., министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ оправдать ее для общественнаго свѣдѣнія. Съ этой цѣлью, въ № 176 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1874 г., въ которомъ опубликовано было вышеуказанное положеніе 27 іюня, помѣщено было подробное сообщеніе о соображеніяхъ, принятыхъ въ основаніе послѣдовавшаго закона. Въ этомъ сообщеніи, съ нѣкоторыми сокращеніями, изложено было все движеніе вопроса по пересмотру учрежденія мировыхъ посредниковъ, а также существо взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ по этому вопросу въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ. Затѣмъ, по особому настоянію великаго князя Константина Николаевича, въ указанномъ сообщеніи оттѣнена была успѣшная дѣятельность мировыхъ посред-

[1]) Мировые посредники были временно оставлены только въ Пермской и Бессарабской губерніяхъ, въ части Вологодской (въ которой не были еще введены мировые судьи) и въ губерніяхъ Западнаго края.

никовъ перваго призыва. Съ этимъ похвальнымъ воспоминаніемъ мировой институтъ былъ ликвидированъ.

Подводя итогъ всему движенію вопроса о пересмотрѣ учрежденія мировыхъ посредниковъ и высказаннымъ по этому поводу разнообразнымъ мнѣніямъ и предположеніямъ, можно остановиться на нижеслѣдующихъ выводахъ, характеризующихъ настроеніе по-реформенной эпохи по отношенію къ крестьянскому дѣлу и самое положеніе этого дѣла:

1) Сословно-крестьянскія общественныя учрежденія, а также мировыя посредническія установленія, пережившія недолгій періодъ времени, для котораго тѣ и другія были предназначены, и введенныя въ дѣйствіе повсемѣстно, у всѣхъ разрядовъ сельскихъ обывателей,—быстро вырождались и падали по наклонной плоскости.

2) Высшія административныя сферы того времени, считая крестьянскій вопросъ окончательно разрѣшеннымъ въ положеніяхъ 1861 г., совсѣмъ не склонны были видѣть въ обнаруженныхъ жизнью недостаткахъ крестьянскихъ учрежденій яснаго указанія на своевременность коренного ихъ преобразованія, а, наоборотъ, приписывали эти недостатки только отсутствію надлежащаго надзора и руководительства во всѣхъ степеняхъ крестьянскаго управленія и управленія крестьянами.

3) Съ этой точки зрѣнія, наибольшее противорѣчіе съ настроеніемъ административныхъ сферъ представлялъ институтъ мировыхъ посредниковъ, поставленный очень самостоятельно и независимо отъ администраціи, а потому первыя же попытки преобразованія этого учрежденія клонились къ подчиненію мировыхъ посредниковъ, подъ тѣми или иными предлогами (ухудшеніе состава посредниковъ и ожиданіе осложненій въ 1870 г.), ближайшему и дѣйствительному надзору административной власти.

4) При окончательномъ разрѣшеніи вопроса о преобразованіи мировыхъ посредническихъ учрежденій, министерство внутреннихъ дѣлъ, стремившееся къ замѣнѣ мировыхъ посредниковъ властными, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненными министерству агентами надзора за крестьянскимъ управленіемъ, должно было отступить передъ высказанными опасеніями о возможности возстановленія такимъ путемъ должностей окружныхъ начальниковъ, а потому устройство этихъ органовъ надзора получило коллегіальную форму уѣздныхъ присутствій, члены-дѣлопроизводители которыхъ (непремѣнные члены) поставлены были, въ служебномъ отношеніи, въ зависимость отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

5) Хотя указанная реформа касалась непосредственно учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при раз-

работкѣ ея и приведеніи въ дѣйствіе, было формулировано совершенно новое отношеніе закона къ крестьянскому управленію и къ самимъ крестьянамъ; а именно, особое крестьянское управленіе, признано было, въ противорѣчіе съ началами реформы 1861 г., учрежденіемъ постояннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ прямо подчинено было это управленіе, призваны были, точно также въ противорѣчіе съ положеніями 1861 г., къ непосредственному всеобъемлющему руководительству крестьянскимъ сословіемъ, его дѣлами и управленіемъ.

6) Независимо отъ водворенія надзора и руководительства въ области крестьянскаго дѣла, наибольшую еще заботу по-реформенной администраціи въ отношеніяхъ ея къ крестьянамъ составляло попеченіе о взысканіи съ крестьянъ денежныхъ сборовъ и недоимокъ, а потому по-реформенное законодательство, не рѣшившись подчинить крестьянское управленіе какой либо единоличной власти, въ цѣляхъ общаго руководства и надзора, подчинило его, въ цѣляхъ взысканія недоимокъ, единоличной власти исправника, который получилъ такимъ образомъ возможность, при посредствѣ подвѣдомственныхъ ему многочисленныхъ чиновъ полиціи, усиленныхъ въ 1878 году учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ (58.610), вліять на всѣ стороны крестьянскаго управленія и направлять дѣятельность этого управленія, преимущественно, на взысканіе недоимокъ.

7) Въ конечномъ результатѣ всѣхъ перечисленныхъ мѣръ, утверждено было постоянное существованіе особаго крестьянскаго „вѣдомства“, подъ инструкціоннымъ надзоромъ коллегіальныхъ присутствій и подъ энергичнымъ воздѣйствіемъ полиціи, въ качествѣ мѣстнаго органа фиска.

IV.

Послѣдовательно обособляемая отъ общей государственной жизни—„крестьянская страна“ была предметомъ разнообразныхъ изслѣдованій въ теченіе разсматриваемаго періода. Любознательныя „экспедиціи“ снаряжались въ эту страну, какъ частными лицами, такъ и правительствомъ.

Уже 16 декабря 1871 г. состоялось Высочайшее повелѣніе (50.309) о возложеніи на коммисію по пересмотру правилъ о волостныхъ судахъ подробнаго изслѣдованія этихъ судовъ.

Коммисія эта, извѣстная подъ названіемъ коммисіи Любо-

щинскаго (предсѣдателемъ ея былъ сенаторъ М. Н. Любощинскій), произвела посредствомъ моднаго въ то время пріема—опроса различныхъ должностныхъ и частныхъ лицъ (enquête)—изслѣдованіе волостной юстиціи въ различныхъ губерніяхъ.

Какъ видно изъ появившейся въ 1874 году книжки М. И Зарудного—„Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ“, подобныя изслѣдованія производились и частными лицами, наряду съ собираніемъ народныхъ былинъ и образцовъ крестьянскихъ кружевъ.

„Итоги“ изслѣдованія крестьянскихъ судовъ оказались довольно печальными. Существовавшіе въ разныхъ мѣстностяхъ независимо отъ законныхъ волостныхъ судовъ, всевозможные мѣстные обычные суды, въ родѣ „суда стариковъ“, добросовѣстныхъ, сельскаго старосты, міра, громады и т., п., представили цѣлый рядъ курьезовъ „питейнаго“ правосудія и самосуда. Не лучшимъ оказалось и положеніе законныхъ волостныхъ судовъ. Сами крестьяне характеризовали эти суды, какъ суды „темные“, „неумѣлые“, которые „законовъ не знаютъ“. Узнавъ объ учрежденіи волостныхъ судовъ, впервые, отъ полуграмотныхъ писарей, крестьяне отнеслись къ избранію судей, какъ къ новой повинности („беремъ въ судьи, какъ въ солдаты“). Эти судьи попали въ полную зависимость отъ старшинъ и писарей, которые что хотѣли, то и творили, и даже собирали судъ, когда хотѣли. Твердыхъ и опредѣленныхъ обычаевъ практика волостныхъ судовъ установила очень мало. „У насъ,—говорили крестьяне,—часто пишутъ въ рѣшеніяхъ—по обычаю, а по настоящему никакого тутъ обычая нѣтъ“. Относительно возможности и удобства судиться у мировыхъ судей мнѣнія опрошенныхъ крестьянъ расходились. „Безъ закона,—показывали одни крестьяне,—судиться нельзя; у мирового лучше, потому что у него законъ, а у насъ закона нѣтъ“. Возражавшіе противъ мирового суда основывались, однако, исключительно на дороговизнѣ и на отдаленности его, а не на принципіальномъ несоотвѣтствіи его крестьянской жизни. „Свой судъ хорошъ тѣмъ,—говорили крестьяне, признававшіе его неумѣлость и незнаніе законовъ,—что близко, да дешево; къ мировому съ пустяшнымъ дѣломъ не пойдешь: далеко, а для нашего брата и пустякъ дорогъ; у мирового пошлина, да издержка и адвоката надо“ и т. п.

По соображеніямъ о близости и дешевизнѣ волостного суда, коммисія Любощинскаго высказалась за сохраненіе этого суда, при условіи нѣкоторыхъ исправленій и дополненій въ правилахъ объ этомъ судѣ, для привлеченія въ составъ его лучшихъ и, главнымъ образомъ,—грамотныхъ судей и для установленія надзора за дѣятельностью судовъ. Относясь отрицательно къ обыч-

нымъ, неформальнымъ судамъ, коммисія Любощинскаго намѣчала, для упорядоченія формальныхъ волостныхъ судовъ, нижеслѣдующія мѣры: избраніе въ судьи, по преимуществу, грамотныхъ крестьянъ; удлиненіе срока службы судей до трехъ лѣтъ; назначеніе имъ за службу опредѣленнаго вознагражденія; подчиненіе ихъ дисциплинарному надзору съѣздовъ мировыхъ судей; установленіе апелляціонной инстанціи по дѣламъ волостной подсудности; составленіе правилъ судопроизводства въ волостныхъ судахъ; изданіе устава о проступкахъ, подсудныхъ волостному суду и т. п. [1]).

Работы и изслѣдованія коммисіи Любощинскаго не имѣли ближайшаго практическаго результата и только впослѣдствіи, на основаніи этихъ работъ, проектировались и частью осуществились нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ волостныхъ судовъ, по закону 12 іюня 1889 года.

Другая enquête, касавшаяся хозяйственнаго положенія крестьянъ, была произведена такъ-называемой Валуевской коммисіей.

Коммисія эта, называвшаяся оффиціально—„коммисіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи“, не была предназначена для изслѣдованія одного только крестьянскаго хозяйства, но изученіе послѣдняго поставлено было въ ряду прямыхъ задачъ коммисіи, а кромѣ того учрежденіе ея непосредственно вызывалось намѣреніемъ привести въ извѣстность тѣ измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя послѣдовали за освобожденіемъ крестьянъ. Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора статьи о Валуевской коммисіи (въ №№ 3 и 4 „Русской Мысли“ за 1891 г.) [2]), что работы этой коммисіи являлись до извѣстной степени продолженіемъ трудовъ географическаго и вольно-экономическаго обществъ, предпринятыхъ по докладу Ѳ. Г. Тернера—„для выясненія, насколько измѣнилась сельскохозяйственная производительность Россіи съ освобожденія крестьянъ, въ какихъ мѣстностяхъ количество произведеній увеличилось и въ какихъ уменьшилось, и въ какой мѣрѣ расширеніе крестьянской производительности пополнило убыль въ помѣщичьемъ производствѣ тамъ, гдѣ таковая произошла“. Труды названныхъ обществъ ограничились на первое время изслѣдованіемъ хлѣбной производительности и торговли [3]).

Въ трудахъ Валуевской коммисіи было только болѣе ясно

---

[1]) Журналы коммисіи 1873 г. №№ 1—4.

[2]) Изъ этой статьи заимствуются нижеприведенныя данныя о ходѣ работъ Валуевской коммисіи.

[3]) См. „Труды экспедиціи, снаряженной Императ. вольно-эконом. и русск. географ. обществами для изслѣдов. хлѣбн. торговли и производ. въ Россіи“.

выражено ближайшее отношеніе предпринятаго изслѣдованія къ общему экономическому положенію крестьянъ.

Въ краткихъ чертахъ, происхожденіе и внѣшнее движеніе работъ этой коммисіи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Назначенный 16 апрѣля 1872 г. министромъ государственныхъ имуществъ П. А. Валуевъ, представилъ уже 2 мая того же года всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ учрежденіи подъ его предсѣдательствомъ—„подобно королевскимъ коммисіямъ въ Англіи“—особой коммисіи изъ членовъ отъ разныхъ министерствъ, для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. При этомъ, въ качествѣ главныхъ мотивовъ для учрежденія такой коммисіи, указывалось на необходимость, съ одной стороны,—„разъяснить вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи, въ общемъ итогѣ, производительнаго труда населенія Россіи“, и съ другой—„провѣрить неопровергаемые изъ среды правительственныхъ учрежденій толки печати и общества о бѣдственномъ положеніи народа, — толки, систематически повторявшіеся и предъ судомъ, во время нечаевскаго процесса“. Относительно порядка дѣйствій проектируемой коммисіи Валуевъ объяснилъ въ комитетѣ министровъ, на разсмотрѣніе котораго были переданы его предположенія, что сравненіемъ предположенной коммисіи съ королевскими англійскими онъ хотѣлъ отмѣтить, что—„изысканія коммисіи, не имѣя характера исключительно оффиціальнаго изслѣдованія, будутъ имѣть цѣлью не столько собираніе мнѣній, сколько собираніе точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній по предметамъ, подлежащимъ изслѣдованію, посредствомъ спроса лицъ, практически знакомыхъ съ дѣломъ“ и что—„коммисія сохранитъ за собою лишь право высказать свое заключительное мнѣніе по собраннымъ фактамъ“. Территоріальный объемъ предстоявшаго изслѣдованія предполагалось ограничить предѣлами Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго.

На указанныхъ основаніяхъ коммисія была учреждена, по Высочайше утвержденному 26 мая 1872 г. положенію комитета министровъ.

По учрежденіи коммисіи, немедленно приступлено было къ подготовительнымъ для нея работамъ. А именно, Валуевъ обратился съ циркулярными предложеніями къ губернаторамъ и къ предсѣдателямъ сельскохозяйственныхъ обществъ, прося ихъ сообщить свѣдѣнія о тѣхъ потребностяхъ сельской промышленности, которыя особенно заслуживаютъ вниманія правительства, и о тѣхъ мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію, которыя признаются наиболѣе желательными и практически-осуществимыми. Къ подобнымъ же сообщеніямъ были приглашены предводители дво-

рянства и предсѣдатели земскихъ управъ. Кромѣ того, лѣтомъ 1872 года, командированы были въ нѣкоторыя губерніи чиновники министерства съ порученіемъ собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства (по краткой программѣ), а другимъ чиновникамъ поручено было извлечь изъ различныхъ центральныхъ учрежденій необходимые для коммиссіи статистическіе матеріалы.

Получивъ отзывы, заявленія и показанія отъ 958 различныхъ лицъ и учрежденій, коммисія открыла свои дѣйствія 21 ноября 1872 г., причемъ въ теченіе 52 засѣданій (до 28 апрѣля 1873 г., когда послѣдовало ея закрытіе) коммисія, независимо отъ разсмотрѣнія полученныхъ ею письменныхъ отзывовъ и статистическихъ матеріаловъ, выслушала отзывы и заявленія 181 приглашенныхъ лицъ (отзывы записывались стенографически). Въ числѣ этихъ приглашенныхъ лицъ было: губернаторовъ—11 предводителей дворянства—25, предсѣдателей земскихъ управъ—11, землевладѣльцевъ — 111, управляющихъ частными имѣніями—5, хлѣбный торговецъ—1, лицъ, знакомыхъ съ спеціальными отраслями сельской промышленности—9 и съ врачебно-ветеринарной частью—3, скотопромышленниковъ—2, волостныхъ старшинъ изъ подстоличныхъ волостей—2 и крестьянинъ-собственникъ—1 (!).

По закрытіи коммисіи, предсѣдателемъ ея съ большой быстротой былъ составленъ докладъ, причемъ самъ составитель удостовѣрялъ, что далеко не всѣ члены коммисіи согласны были съ мнѣніями доклада. Докладъ этотъ былъ затѣмъ, также чрезвычайно быстро, заслушанъ въ комитетѣ министровъ (11 мая 1873 г., т. е. черезъ тринадцать дней послѣ закрытія коммисіи, управляющій дѣлами комитета министровъ уже сообщалъ Валуеву, для предварительнаго прочтенія, проектъ резолюціи по его докладу). Обширный журналъ комитета министровъ, которымъ, вслѣдствіе доклада Валуева, поручалось отдѣльнымъ министрамъ принятіе различныхъ мѣръ для содѣйствія сельской промышленности, получилъ окончательное Высочайшее утвержденіе довольно поздно—9 марта 1874 года.

Обращаясь отъ внѣшняго хода работъ Валуевской коммисіи къ существу обнаруженныхъ ею данныхъ и высказанныхъ въ ея докладѣ выводовъ, необходимо отмѣтить, прежде всего, что коммисія съ чисто „вѣдомственной“ щепетильностью устранялась отъ многихъ серьезныхъ вопросовъ, которые казались ей непререкаемой принадлежностью спеціальныхъ вѣдомствъ. Такъ, напримѣръ, коммисія считала „неудобнымъ“ ставить и обсуждать вопросъ о хлѣбныхъ тарифахъ. Точно также коммисія уклонилась отъ обсужденія вопроса о круговой порукѣ, признавая, что этотъ вопросъ

относится не къ сельско хозяйственной, а къ финансовой сферѣ и т. п. Такимъ путемъ коммисія сама ограничивала кругъ своихъ занятій. Поэтому наиболѣе цѣнныхъ для современнаго хозяйственнаго положенія свѣдѣній слѣдуетъ искать не въ заключительныхъ выводахъ доклада коммисіи, составленнаго къ тому же единолично Валуевымъ, а въ тѣхъ показаніяхъ и отзывахъ, которые волей или неволей выслушивались коммисіей.

Несмотря на то, что въ числѣ лицъ, дававшихъ показанія передъ коммисіей, былъ только одинъ крестьянинъ-собственникъ, положеніе крестьянскаго хозяйства получило довольно полное освѣщеніе въ протоколахъ коммисіи. Хозяйственное положеніе крестьянъ оказалось, по выслушаннымъ отзывамъ, очень неудовлетворительнымъ. При этомъ, независимо отъ ходячихъ, частныхъ объясненій неуспѣшности крестьянской хозяйственной дѣятельности, повторявшихся неоднократно и до и послѣ Валуевской коммисіи, какъ-то: крестьянской лѣни и косности, пьянства и обилія праздничныхъ прогульныхъ дней, семейныхъ раздѣловъ и частыхъ передѣловъ земли и т. п., многими лицами, даже изъ числа представителей крупной земельной аристократіи, обращалось вниманіе коммисіи на общую, коренную причину упадка крестьянскаго хозяйства, а именно, на истощеніе этого хозяйства непомѣрными платежами и условіями ихъ взысканія.

Между прочимъ, князь А. И. Васильчиковъ заявлялъ, что фактъ обремененія крестьянскаго надѣла налогами свыше его доходности является—„столь существеннымъ и такъ вполнѣ подразумѣвающимъ всѣ другія причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ, что разыскивать эти причины—напрасный и излишній трудъ“.

С.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, графъ А. П. Шуваловъ, указывалъ, съ своей стороны: „для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ общей сложности налоги съ крестьянскаго надѣла превышаютъ доходность земли, такъ что невозможно даже признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными, причемъ надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ пріурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска“. Поэтому графъ Шуваловъ считалъ единственно дѣйствительной мѣрой для поднятія крестьянскаго хозяйства—„скорое разрѣшеніе податного вопроса, въ смыслѣ полнаго освобожденія рабочаго труда“.

Бывшій орловскій губернскій предводитель дворянства, А. В. Шереметевъ, развивая ту же мысль, объяснялъ, что—„бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ хозяйства истекаетъ изъ двухъ главныхъ причинъ: первая и самая крупная—чрезмѣрное ихъ обложеніе разными сборами, превышающими 200% съ получаемаго

отъ надѣловъ дохода, и вторая—круговая порука по ихъ оплатѣ. Крестьянинъ убѣдился, что никакая собственность за нимъ не обезпечена; ему нѣтъ расчета заводить лишнюю лошадь или корову и, тѣмъ болѣе, хорошее орудіе, такъ какъ при первомъ усиленномъ взысканіи недоимокъ все, ему принадлежащее, безщадно продается не только за его личный долгъ, но и за долгъ любого изъ его односельчанъ. Чувство это ставитъ его въ безвыходное положеніе,—есть цѣлыя селенія, въ которыхъ все крестьянское имущество заложено у прасоловъ, такъ что лѣтнее платье всей семьи заложено зимой, а къ лѣту замѣняется зимнимъ".

Поступившія въ распоряженіе Валуевской коммиссіи цифровыя свѣдѣнія о сравнительномъ обложеніи частно-владѣльческихъ и крестьянскихъ земель вполнѣ подтверждали справедливость указанныхъ выше заявленій о чрезмѣрности лежавшаго на крестьянскихъ земляхъ налоговаго бремени. А именно изъ свѣдѣній этихъ оказывалось, что на 90 мил. дес. частно-владѣльческихъ земель приходилось 13 мил. руб. поземельныхъ налоговъ, т. е. менѣе $14^1/_2$ коп. съ десятины, а на 105 мил. дес. крестьянскихъ земель—104 мил. руб. таковыхъ же поземельныхъ налоговъ, т. е. болѣе $95^1/_2$ коп. съ десятины. Кромѣ того, крестьянское населеніе обязано было уплачивать около 90 милліоновъ разныхъ сборовъ, взимаемыхъ подушно, что составляло по 4 р. 50 к. на ревизскую душу, или по $85^1/_4$ коп. на десятину надѣловъ.

Указанныя данныя и заявленія должны были, конечно, поставить въ большое затрудненіе составителя доклада, въ виду сдѣланныхъ имъ ранѣе оговорокъ о томъ, что коммиссія не будетъ предрѣшать никакихъ общихъ мѣръ, въ особенности въ сферѣ податной. Поэтому, въ заключеніяхъ доклада крестьянскій податной вопросъ былъ совсѣмъ обойденъ молчаніемъ.

Нѣкоторое, и то лишь очень отдаленное, отношеніе къ этому вопросу представляетъ одно изъ неопредѣленныхъ и глухихъ пожеланій доклада, чтобы для *раскладки* поземельныхъ сборовъ, поступающихъ со всѣхъ разрядовъ плательщиковъ въ пользу казны, а также взимаемыхъ земствомъ (подъ это опредѣленіе, конечно, не подходили ни выкупные платежи, ни помѣщичьи оброки), была установлена однородная система, по возможности соображенная съ производительностью земли и доходностью отдѣльныхъ угодій по мѣстностямъ.

Зато въ докладѣ были очень подробно разработаны предположенія о различныхъ частныхъ мѣрахъ по улучшенію крестьянскаго хозяйства, которыя неоднократно и впослѣдствіи выдавались за панацеи отъ всѣхъ крестьянскихъ бѣдъ. Такъ, въ докладѣ проектировалось облегченіе отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода

изъ общинъ, подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ пріобрѣтенія ими земельной собственности въ другомъ мѣстѣ; далѣе—установленіе продолжительныхъ сроковъ для передѣловъ полевыхъ угодій и подчиненіе этихъ передѣловъ надзору какой либо власти; ограниченіе особыми правилами перехода имуществъ и хозяйственнаго инвентаря при семейныхъ раздѣлахъ; поощреніе развитія промысловъ; введеніе въ программы народныхъ училищъ преподаванія сельскохозяйственныхъ предметовъ; сокращеніе числа праздничныхъ и прогульныхъ дней; принятіе разнообразныхъ мѣръ къ прекращенію пьянства и разорительныхъ его послѣдствій, какъ-то: удостовѣреніе въ благонадежности содержателей питейныхъ заведеній, введеніе въ этихъ заведеніяхъ продажи пива, чая и горячаго кушанья („дабы разомъ покончить съ традиціей о кабакѣ"), непосредственное преслѣдованіе пьянства и публичныхъ его проявленій и т. п.

До нѣкоторой степени, въ трудахъ Валуевской коммисіи былъ затронутъ и вопросъ о крестьянскомъ общественномъ управленіи. Хотя вопросъ этотъ освѣщался въ данныхъ коммисіи показаніяхъ, главнымъ образомъ, съ помѣщичьей точки зрѣнія, а именно со стороны тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчали помѣщики въ сношеніяхъ своихъ съ органами крестьянскаго управленія, и тѣхъ неустройствъ и безпорядковъ въ общей жизни деревни, которыя коренились въ неудовлетворительной дѣятельности крестьянскихъ должностныхъ лицъ и учрежденій [1]),—тѣмъ не менѣе показанія эти заключали цѣнныя удостовѣренія о вырожденіи волостныхъ правленій, превращавшихся въ деревенскія канцеляріи; о ненормальномъ положеніи выборныхъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ, главнымъ образомъ, не къ общественной дѣятельности, а къ исполненію начальственныхъ предписаній; объ отсутствіи общественнаго контроля за оборотами общественныхъ суммъ и т. п.

Вслѣдствіе такихъ заявленій, въ заключеніяхъ доклада было высказано, между прочимъ, и пожеланіе о принятіи въ законодательномъ порядкѣ мѣръ—„для устраненія тѣхъ неудобствъ и недостатковъ крестьянскаго самоуправленія, на которыя указываютъ уже и достаточный опытъ и многочисленныя наблюденія".

Вообще, заключенія доклада представляли собою совокупность отдѣльныхъ и расплывчатыхъ пожеланій о принятіи, по разнымъ вѣдомствамъ, различныхъ палліативныхъ мѣръ, а по-

---

[1]) Попытки связать причины обѣдненія крестьянъ съ неустройствами ихъ управленія (см., напр., отзывъ кіевскаго вице-губернатора С. Н. Гудимъ-Левковича) и вообще дать оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этого управленія, съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, были очень рѣдки.

тому и разсмотрѣніе этого доклада въ комитетѣ министровъ разрѣшилось только „предоставленіемъ“ отдѣльнымъ министрамъ войти въ соображеніе и обсужденіе этихъ мѣръ, каждому по своей части. Такъ оберъ-прокурору синода предоставлено было обратиться къ синоду съ предложеніемъ о сокращеніи числа праздниковъ; министру финансовъ—уменьшить акцизъ на соль, если это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства, а также сообразить и принять мѣры для равномѣрнаго поземельнаго обложенія и для улучшенія личнаго состава содержателей питейныхъ заведеній; разнымъ министрамъ, по взаимному ихъ соглашенію,—приступить къ соображенію о мѣрахъ для облегченія выхода отдѣльныхъ крестьянъ изъ общинъ, для прекращенія частыхъ передѣловъ земли, для устраненія препятствій къ переходу цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному, для ограниченія семейныхъ раздѣловъ, для упорядоченія крестьянскаго управленія, для развитія народнаго образованія и распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, для пресѣченія пьянства и т. п.

При извѣстномъ складѣ дѣятельности центральныхъ бюрократическихъ установленій, которая движется только иниціативой лицъ, поставленныхъ во главѣ этихъ установленій, можно было заранѣе предполагать, что даже тѣ частныя мѣры, разработка которыхъ была поручена, вслѣдствіе доклада Валуева, отдѣльнымъ вѣдомствамъ, останутся неразработанными и неприведенными въ дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время. Въ дѣйствительности, если нѣкоторые изъ затронутыхъ Валуевской коммисіей вопросовъ и получили впослѣдствіи то или иное разрѣшеніе, то это произошло по почину отдѣльныхъ вѣдомствъ, а не въ силу заключеній коммисіи, которыя были такъ хорошо забыты, что при новомъ возбужденіи отмѣченныхъ ею вопросовъ объ этихъ заключеніяхъ почти никто не вспоминалъ.

Итакъ, Валуевская коммисія кончилась ничѣмъ. Иного исхода нельзя было и ожидать, такъ какъ самое созваніе коммисіи было не результатомъ ясно сознанной потребности во внутреннихъ реформахъ, а просто—личнымъ служебнымъ ходомъ инициатора этой коммисіи въ шахматной игрѣ высшихъ административныхъ комбинацій.

Между тѣмъ, въ исходѣ семидесятыхъ годовъ, совсѣмъ изъ другихъ, не правительственныхъ сферъ, послышалось авторитетное указаніе, что въ „крестьянскомъ вѣдомствѣ“ неблагополучно...

„Мы начинаемъ смутно чувствовать,—писалъ проф. Ю. Э. Янсонъ въ своемъ „Опытѣ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и

платежахъ“,—что крестьянское хозяйство находится далеко не въ томъ положеніи, которое питало бы розовыя надежды на будущее: пробивающіеся наружу симптомы глубоко засѣвшаго недуга начинаютъ насъ тревожить“.

Съ неопровержимыми цифрами въ рукахъ, изслѣдователь доказывалъ, что крестьянское населеніе, повсемѣстно, не только несетъ чрезвычайныя повинности, но не обезпечено землей даже въ количествѣ, достаточномъ для простого прокормленія, не говоря уже объ уплатѣ налоговъ.

„По всѣмъ 12 губерніямъ нечерноземной великороссійской полосы, за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля, въ иныхъ случаяхъ, можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, *въ большинствѣ—же и прокормить ихъ не въ состояніи*. Оно иначе не можетъ быть. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно—достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ, для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и притомъ, если земля не очень уже плоха,—не можетъ быть, съ усадьбой, менѣе 8 десятинъ. Средніе надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они на половину ниже“ [1]).

Но остается еще уплата податей, оброковъ и выкупныхъ платежей...

Размѣръ крестьянскихъ повинностей, опредѣленный изслѣдователемъ по оффиціальнымъ даннымъ податной коммиссіи, при колебаніяхъ его отъ 1 р. 33 коп. съ дес. въ Вятской губ. почти до 3 руб. съ дес. въ Московской и Владимірской губерніяхъ [2]), позволилъ, по сопоставленіи его съ доходностью крестьянскихъ земель, опредѣленной по даннымъ земскихъ оцѣнокъ,—установить нижеслѣдующее процентное отношеніе лежащихъ на крестьянахъ повинностей къ доходности ихъ земель [3]):

Губ.	кр. б. госуд.	кр. б. помѣщ.
Тверская	244%	252%
Смоленская	166—	222—
Костромская	146—	240—
Псковская	130—	213—
Владимірская	168—	276—
Вятская	97—	200—

[1]) Указан. изслѣд., Спб. 1877 г., стр. 25. Таблица среднихъ надѣловъ въ нечерноземной полосѣ, приведенная на стр. 14, даетъ колебанія этихъ надѣловъ, по губерніямъ, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—отъ 3,3 до 9,7 дес., у бывшихъ удѣльныхъ—отъ 2,25 до 6,3 дес. и у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—отъ 2,9 до 5,6 дес., на душу мужского пола.

[2]) Тамъ же, стр. 29.

[3]) Тамъ же, стр. 32 и 33.

При этомъ авторъ изслѣдованія оговаривался,—„что доходность здѣсь есть величина совершенно фиктивная, такъ какъ если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительнаго дохода“.

Естественно, что—„при такихъ условіяхъ вся тяжесть платежей ложится на трудъ, на заработки“. Но и заработки, по указанію изслѣдователя, не покрываютъ повинностей, а также домашнихъ и хозяйственныхъ расходовъ. Въ результатѣ—неизбѣжное накопленіе недоимокъ, достигшихъ въ Новгородской губерніи 102%, а въ Смоленской губерніи даже 129% оклада [1]).

Не лучшимъ оказывается положеніе крестьянъ и въ 19 черноземныхъ губерніяхъ. Въ этихъ губерніяхъ—„не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще 3 дес., но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3½ дес. (по положеніямъ 1861 г.), и даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія“ [2]). Между тѣмъ, въ той же черноземной полосѣ, платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ составляютъ отъ 30 до 148% доходности ихъ земель (конечно—фиктивной доходности), а у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ превосходятъ ее на 24—124% при среднемъ надѣлѣ и нерѣдко на 200% при низшемъ. При этомъ, крестьяне черноземной полосы, въ громадномъ большинствѣ, не имѣютъ никакихъ промысловъ и заработковъ, внѣ земледѣлія [3]).

Нѣсколько лучше положеніе крестьянъ въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ крестьяне, по соображеніямъ политическимъ, получили лучшіе и бо̀льшіе надѣлы. Но и въ этихъ губерніяхъ, по мнѣнію изслѣдователя, приходится признать значительное несоотвѣтствіе надѣловъ съ потребностями и платежами крестьянъ.

Въ заключеніе авторъ останавливается на слѣдующихъ выводахъ объ экономическомъ положеніи крестьянства:

„Вездѣ мы нашли въ немъ (т. е. въ крестьянствѣ) слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 г. призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда. Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности, тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ и отсутствіемъ ея объясняющихся. Плохое питаніе, дурныя физическія

---

[1]) Тамъ же, стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 67. Таблицы надѣловъ по черноземнымъ губерніямъ приведены на стр. 45—46.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

и моральныя условія жизни, большая смертность—все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама, если и проистекаетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ временъ: ее создало вѣковое крѣпостное состояніе; но поддерживаетъ ее—тамъ скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе, здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого низкое вознагражденіе труда; наконецъ—тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мѣстныхъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая едва кормитъ того, кто ее обрабатываетъ“ [1]).

Такими итогами заканчивалось первое двадцатилѣтіе великой крестьянской реформы. Дѣятели этого періода, отказавшись отъ развитія и проведенія въ крестьянскую жизнь широкихъ освободительныхъ и всесословныхъ началъ эпохи великихъ реформъ, а также отъ продолженія предпринятаго въ 1861 г. экономическаго обезпеченія крестьянъ, на правахъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ,—создали и укрѣпили, рядомъ частныхъ мѣръ и полумѣръ, особое крестьянское вѣдомство и затѣмъ, не слѣдя за развивавшимися въ немъ процессами обнищанія и разложенія, сосредоточили всю дѣятельность администраціи по отношенію къ крестьянамъ на взысканіи платежей, которыхъ крестьяне платить не могли.

Тяжелое наслѣдство и отвѣтственная задача оставались слѣдующей эпохѣ.

А пока—омрачившія русскую жизнь внѣшнія и внутреннія политическія осложненія отвлекли все вниманіе правительства и общества въ иныя стороны.

V.

Восьмидесятые годы начинались, повидимому, благопріятно для окончательнаго разрѣшенія столь наболѣвшаго крестьянскаго вопроса. Отдѣльными законодательными распоряженіями, имѣвшими большое принципіальное значеніе, затрагивались одновременно существенно-важныя стороны экономическаго и правового быта крестьянъ и постепенно расчищался путь для приведенія къ исполненію основныхъ началъ реформы 19 февраля 1861 г.

Первой мѣрой въ этомъ направленіи было изданіе закона

---

[1]) Тамъ же, стр. 120.

28 декабря 1881 г. (577) объ обязательномъ выкупѣ. Въ силу этого закона, прекращались обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками въ имѣніяхъ, въ которыхъ еще не состоялись къ тому времени добровольныя сдѣлки о выкупѣ крестьянами отведенныхъ имъ надѣловъ. На основаніи обязательно составляемыхъ въ такихъ имѣніяхъ выкупныхъ актовъ, неопредѣленныя отношенія крестьянъ къ своимъ надѣламъ смѣнялись отношеніями собственности, хотя и ограниченной залогомъ этихъ надѣловъ казнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія крестьянамъ, перешедшимъ на выкупъ (какъ до, такъ и послѣ изданія указаннаго закона) уплаты выкупныхъ платежей, эти платежи были понижены въ размѣрѣ одного рубля съ каждаго душеваго надѣла, въ великороссійскихъ губерніяхъ, и въ размѣрѣ 16 коп. съ каждаго рубля существовавшаго въ то время оклада выкупныхъ платежей—въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Затѣмъ предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Закономъ 22 мая 1881 г. (189) предоставлены были крестьянскимъ обществамъ нѣкоторыя временныя льготы по арендованію казенныхъ земель, а правилами 9 ноября 1884 г. (2.488), послѣдовавшими въ дополненіе и развитіе этого закона, установлена была, на постоянныхъ основаніяхъ, сдача крестьянскимъ обществамъ въ аренду казенныхъ земель, безъ торговъ. Особымъ узаконеніемъ 15 іюня 1882 года о порядкѣ продажи свободныхъ башкирскихъ земель (974), покупка этихъ земель, въ цѣляхъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, предоставлена была только крестьянскимъ обществамъ и казнѣ. Далѣе, были сдѣланы нѣкоторыя попытки организаціи переселенческаго дѣла (законъ 1 іюня 1882 г. и другія нераспубликованныя узаконенія о переселеніяхъ въ Южно-Уссурійскій край).

Въ ряду мѣръ по увеличенію крестьянскаго земельнаго фонда, осуществленныхъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, должно быть особо отмѣчено учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка (18 мая 1882 г.). Широко развивъ сразу свои операціи, крестьянскій банкъ, въ особенности въ первые годы своего существованія, энергично содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ отъ надѣльной тѣсноты и переселенію ихъ на новыя мѣста. Въ связи съ такимъ направленіемъ дѣятельности банка изданы были 30 мая 1888 г. (5.278) правила о внутреннемъ устройствѣ поземельныхъ товариществъ, пріобрѣтающихъ землю съ содѣйствіемъ банка. Установленное этими правилами устройство такихъ товариществъ, напоминая организацію сельскихъ обществъ со стороны земельно-хозяйственной, отличалось, однако, кореннымъ образомъ отъ устройства послѣднихъ обществъ въ томъ отноше-

ніи, что вступленіе въ составъ поземельныхъ товариществъ не связывалось ни съ какими перечисленіями или исключеніями изъ оклада, въ административно-податномъ порядкѣ, и, кромѣ того, разрѣшалось не только крестьянамъ, но и мѣщанамъ-земледѣльцамъ. Въ этомъ смыслѣ, организація поземельныхъ товариществъ представляла любопытный и поучительный примѣръ устройства свободныхъ земельныхъ общинъ, безъ всякихъ наслоеній сословно-податной приписки, которая тяготѣла надъ сельскими обществами, образованными въ по-реформенный періодъ, примѣнительно къ правиламъ положеній 1861 г.

Самой важной, однако, мѣрой по крестьянскому дѣлу, послѣдовавшей въ теченіе разсматриваемаго періода и имѣвшей громадное, не только экономическое, но и правовое значеніе, была отмѣна подушной подати. Эта мѣра до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству. Между тѣмъ, независимо отъ того, что ею снималось съ крестьянъ тяжелое платежное бремя, превышавшее 55 милл. рублей, эта мѣра уничтожала принципіальную обособленность крестьянъ, сложившуюся вѣками на податной почвѣ, и не только облегчала, но прямо вызывала логическую необходимость полнаго сліянія крестьянъ съ остальными сословіями въ строѣ государственной жизни. Всѣ правовыя особенности, въ смыслѣ ли объема публичныхъ правъ, или въ смыслѣ административнаго устройства, которыя связывались съ принадлежностью крестьянъ къ податному состоянію, т. е. къ сословію, подлежавшему личному обложенію, естественно отпадали съ отмѣной подушной подати, которая оставалась послѣднимъ напоминаніемъ о тягловомъ распредѣленіи сословій въ до-реформенное время.

Такое громадное принципіальное значеніе отмѣны подушной подати очень ясно сознавалось въ то время, когда состоялась эта отмѣна.

Въ представленіи министра финансовъ въ государственный совѣтъ отъ 15 марта 1885 г., объ окончательной отмѣнѣ подушной подати съ крестьянъ [1]), между прочимъ, указывалось, что— „отмѣна подушной подати составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ

---

[1]) Согласно Высочайше утвержденнымъ 18 мая 1882 г. и 14 мая 1883 г. мнѣніямъ государственнаго совѣта (889 и 1.582), послѣдовало предварительное сложеніе подушной подати: въ 1883 г.—съ мѣщанъ, съ приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, а также съ крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертую часть высшаго или указного надѣла, а въ 1884 г.—съ безземельныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, съ крестьянъ фабричныхъ и заводскихъ, при одновременномъ пониженіи окладовъ подушной подати—а) на половину, для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, для всѣхъ разрядовъ плательщиковъ и б) на $^1/_{10}$, для остальныхъ крестьянъ.

финансовыхъ мѣръ настоящаго царствованія и чѣмъ скорѣе она совершится, тѣмъ сильнѣе будетъ впечатлѣніе, которое она оставитъ въ умахъ,—тѣмъ непосредственнѣе и осязательнѣе окажутся результаты, къ которымъ она приведетъ. Независимо отъ уменьшенія окладныхъ платежей крестьянъ и тѣхъ *коренныхъ измѣненій не только въ податномъ, но и въ общественномъ строѣ нашемъ, которыя задерживаются существованіемъ подушнаго счета* податныхъ сословій, окончательная отмѣна этой подати дастъ возможность совершить давно признанное необходимымъ *преобразованіе паспортной системы*, съ устраненіемъ тѣхъ стѣсненій рабочаго населенія въ его передвиженіяхъ для пріисканія заработка, которыя теперь обусловлены фискальными цѣлями".

Соединенные департаменты государственной экономіи и законовъ, съ своей стороны, высказали по поводу разсматриваемаго законопроекта министра финансовъ, что осуществленіе предположенной мѣры должно вызвать: „прекращеніе счета сословій по ревизскимъ душамъ", „измѣненіе въ порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ" (круговая порука), „коренное преобразованіе паспортной системы" и, вообще, „внести въ гражданскій бытъ всего населенія измѣненія благодѣтельныя и серьезныя". Поэтому департаменты удостовѣряли, что реформа эта ожидается—„съ равнымъ интересомъ и сочувствіемъ всѣми безъ изъятія состояніями въ государствѣ".

Еще опредѣленнѣе и шире выразило свой взглядъ на это дѣло общее собраніе государственнаго совѣта. Въ журналѣ его по этому дѣлу отъ 14 мая 1885 г., между прочимъ, было изложено слѣдующее:

„Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ заключеніе соединенныхъ департаментовъ, принялъ на видъ, что взиманіе налоговъ по подушной системѣ получило начало въ то время, когда всѣ состоянія въ государствѣ раздѣлялись по занятіямъ и по роду возлагавшихся на нихъ повинностей и когда зависимое положеніе низшаго сословія, прикрѣпленнаго къ землѣ, оправдывало отношеніе къ нему, какъ къ податной силѣ, обязанной всецѣло нести бремя матеріальныхъ государственныхъ потребностей. Съ отмѣной крѣпостного права, такой порядокъ оказался въ противорѣчіи съ правами, дарованными крестьянамъ положеніемъ 19 февраля 1861 года, ибо подушная подать, основанная не на доходахъ и средствахъ плательщиковъ, а на исчисленіи мужского населенія по ревизіи, требовала для обезпеченія исправнаго поступленія этого налога и круговой другъ за друга поруки крестьянъ и стѣснительной паспортной системы, затруднявшей для нихъ отхожіе промыслы и пріисканіе заработковъ. Установленіе на иныхъ началахъ системы налоговъ получило,

такимъ образомъ, значеніе настоятельной государственной потребности, безъ удовлетворенія которой *самое освобожденіе крестьянъ не могло считаться завершеннымъ*".

Поэтому общее собраніе, признавая за отмѣной подушной подати столь ясное значеніе „для гражданскаго преуспѣянія", что значеніе это не нуждается въ болѣе подробныхъ объясненіяхъ, указывало, что „преобразованія, подобныя осуществляемому, достаточны, чтобы упрочить славу царствованія и сдѣлать имя Вѣнценосца священнымъ въ памяти народной".

Въ виду этихъ сужденій, согласно Высочайше утвержденному 28 мая 1885 г. мнѣнію государственнаго совѣта (2.988), не только отмѣнена была подушная подать съ крестьянъ [1]), но сверхъ того, министру финансовъ дано было порученіе—„приступить безотлагательно къ подготовительнымъ дѣйствіямъ и составленію предположеній объ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ узаконеніяхъ, основанныхъ на счетъ населенія поревизскимъ душамъ, о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ и о паспортной системѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ отмѣной подушной подати и отчасти—для временнаго возмѣщенія казнѣ ущерба въ ея доходахъ, происшедшаго вслѣдствіе лишенія ея этой подати, тѣмъ же закономъ возложено было на министра финансовъ порученіе—перевести на выкупъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, путемъ нѣкотораго повышенія взимавшейся съ нихъ оброчной подати и преобразованія ея затѣмъ въ выкупные платежи [2]). Эта мѣра осуществилась въ законѣ 12 іюня 1886 г. (3.807) и закрѣпила права земельной собственности, въ дополненіе къ закону 28 декабря 1881 г., еще за однимъ многочисленнымъ разрядомъ крестьянскаго населенія.

Остальныя, указанныя выше порученія, данныя министру финансовъ, не получили такого же безотлагательнаго исполненія, хотя государственнымъ совѣтомъ назначено было крайнимъ срокомъ ихъ исполненія—1 января 1887 г., но, во всякомъ случаѣ, порученія эти сулили впереди очень многое, въ смыслѣ дальнѣйшаго уничтоженія правовыхъ ограниченій крестьянства и постепеннаго объединенія его, въ правовомъ отношеніи, съ другими сословіями.

Затѣмъ особыя надежды на объединеніе крестьянъ съ другими сословіями, собственно въ порядкѣ управленія и самоупра-

---

[1]) Взиманіе подушной подати временно сохранено было только въ Сибири.

[2]) Остальную часть бюджетнаго ущерба, вызываемаго отмѣной подушной подати, предположено было пополнить повышеніемъ питейнаго акциза.

вленія, возбуждались, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, работами коммисіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, которая болѣе извѣстна подъ названіемъ Кахановской коммисіи (по имени ея предсѣдателя—члена государственнаго совѣта М. С. Каханова).

Возникла эта коммисія слѣдующимъ образомъ.

Съ 1859 г., въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ существовала, но вяло дѣйствовала коммисія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованная для улучшенія и преобразованія до-реформеннаго административнаго устройства. Въ тотъ періодъ нѣкотораго административнаго оживленія, который сопутствовалъ началу восьмидесятыхъ годовъ, возложенная на указанную коммисію задача вновь обратила на себя вниманіе правительства. Въ связи съ этимъ, при назначеніи въ 1880 году сенаторской ревизіи нѣкоторыхъ губерній, ревизующимъ сенаторамъ (М. Е. Ковалевскому, С. А. Мордвинову, А. А. Половцову и П. И. Шамшину) поручено было, независимо отъ чисто ревизіонныхъ дѣйствій, ознакомиться съ общими недостатками и потребностями мѣстнаго управленія. Ревизіонные отчеты сенаторовъ могли бы, конечно, какъ это и случалось неоднократно, остаться подъ спудомъ, увеличивъ только собою многотомный балластъ разнообразныхъ административныхъ изслѣдованій, но, благодаря привходящему обстоятельству, разросшемуся неожиданно до размѣровъ общественнаго событія,—судьба сенаторскихъ ревизій оказалась иной.

22 декабря 1880 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ земскимъ собраніямъ и къ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ съ очень скромнымъ и незначительнымъ, по своимъ намѣреніямъ, предложеніемъ—обсудить вопросъ о преобразованіи учрежденныхъ въ 1874 уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Отзывы о дѣятельности этихъ присутствій получились очень плачевные. Въ нихъ указывалось на медлительность и формализмъ уѣздныхъ присутствій, собиравшихся, къ тому же, очень рѣдко; на злоупотребленія мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ фактически бумажнымъ дѣлопроизводствомъ присутствій; на полное отсутствіе какого-либо вліянія и значенія этихъ присутствій въ области крестьянскаго управленія и на усилившееся, одновременно, въ этой области—вліяніе уѣздной полиціи. Учрежденія эти признаны были совершенно неудавшимися.

Когда же мѣстные дѣятели и, въ особенности, земскія собранія приступили къ проектамъ преобразованія уѣздныхъ присутствій, то обсужденіе этого вопроса вышло далеко за перво-

начальные его предѣлы. Преобразованіе указанныхъ присутствій оказалось, съ одной стороны, технически невозможнымъ безъ соотвѣтственныхъ преобразованій въ устройствѣ сельскихъ и волостныхъ учрежденій, а съ другой стороны—совершенно недостаточнымъ для улучшенія крестьянскаго управленія, въ виду коренныхъ его недостатковъ. Кромѣ того, выяснилось, что всѣ учрежденія крестьянскаго строя, т. е. какъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, такъ и общественныя крестьянскія установленія, столь тѣсно связаны съ общей системой мѣстнаго управленія, что послѣдняя не можетъ остаться незатронутой при преобразованіи крестьянскихъ учрежденій. Поэтому затребованные министерствомъ отзывы земскихъ собраній о положеніи уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій постепенно переходили въ отзывы о положеніи всего крестьянскаго управленія, а предположеніе о преобразованіи этого управленія—въ проекты полной мѣстной реформы [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось дать безотлагательное и совокупное движеніе вопросамъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій и о реформѣ всего мѣстнаго административнаго строя. Съ этой цѣлью, бывшимъ въ то время министромъ, графомъ Игнатьевымъ, представленъ былъ 4 октября 1881 г. всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ указывалось на тѣсную взаимную связь упомянутыхъ вопросовъ [2]), а также на неотложность губернской реформы, и испрашивалось Высочайшее соизволеніе на учрежденіе, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, особой коммиссіи—„для составленія проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія“, съ тѣмъ, чтобы на обсужденіе этой коммиссіи переданы были ревизіонные отчеты сенаторовъ и постановленія, какъ земскихъ собраній, такъ и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, состоявшіяся вслѣдствіе циркуляра 22 декабря 1880 г. Докладъ этотъ, въ тотъ же день, получилъ Высочайшее утвержденіе, а 20 октября того же года послѣдовало, также по докладу графа Игнатьева, установленіе главныхъ, первоначальныхъ положеній о порядкѣ работъ учреждаемой коммиссіи, причемъ одновременно упразднена была состоявшая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммисія о губернскихъ и уѣздныхъ

---

[1]) Отзывы земскихъ собраній по этому вопросу собраны въ книгѣ В. Ю. Скалона „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“.

[2]) „Крестьянскія учрежденія составляютъ собою лишь часть общаго губернскаго учрежденія и только въ связи съ главнымъ вопросомъ о коренномъ преобразованіи этого послѣдняго можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ и частный вопросъ объ устройствѣ учрежденій крестьянскихъ“.

учрежденіяхъ и всѣ ея труды были переданы во вновь образованную коммисію.

Вскорѣ по учрежденіи коммисіи, ею выдѣлено было изъ своего состава особое совѣщаніе, которымъ, въ 26 засѣданіяхъ, выработаны были первоначальныя общія заключенія по всѣмъ вопросамъ, предложеннымъ на обсужденіе коммисіи [1]), а затѣмъ, сообразно съ этими заключеніями, въ послѣдующихъ 52 засѣданіяхъ, составлены были проекты преобразованія отдѣльныхъ частей мѣстнаго управленія, съ объяснительными къ нимъ записками [2]).

Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о крестьянскомъ управленіи, въ виду особой его важности, занялъ первенствующее мѣсто въ трудахъ совѣщанія Кахановской коммисіи. Съ этого вопроса совѣщаніе начало свои работы и высказало по этому вопросу принципіальный взглядъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій общему, переживавшемуся въ то время, тяготѣнію къ завершенію освободительной реформы, путемъ дальнѣйшаго объединенія крестьянства съ остальными сословіями.

„При изученіи причинъ неудовлетворительнаго положенія сельско-общественнаго и волостного управленій—излагается въ общемъ очеркѣ предположеній совѣщанія—совѣщаніе не могло не обратить особаго вниманія на существующее обособленное устройство крестьянскаго управленія, въ силу коего крестьянское восьмидесяти-процентное населеніе Имперіи составляетъ во многихъ отношеніяхъ какъ бы государство въ государствѣ. Нельзя упускать изъ виду, что особое устройство крестьянскаго управленія, созданное не только вслѣдствіе необходимости устроить крестьянъ одновременно съ уничтоженіемъ крѣпостного права—въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ, но и съ цѣлью оградить ихъ отъ нарушенія вновь дарованныхъ правъ, исполнило въ значительной мѣрѣ это послѣднее назначеніе. Между тѣмъ, въ теченіе 23 лѣтъ, прошедшихъ со времени реформы, не могло не открыться много такихъ потребностей, которыя въ моментъ реформы не были извѣстны и не существо-

---

[1]) Въ указанныхъ 26 засѣданіяхъ принимали постоянное участіе: М. С. Кахановъ, М. Е. Ковалевскій, С. А. Мордвиновъ, А. А. Половцевъ, И. И. Шамшинъ, Д. В. Готовцовъ, Ѳ. Л. Барыковъ, Н. А. Вагановъ и проф. И. Е. Андреевскій. Въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ участвовали: Е. П. Старицкій, М. Н. Любощинскій, Э. В. Фришъ, А. Д. Шумахеръ, В. Д. Зайка, А. Г. Вишняковъ, В. К. Плеве, ген.-м. Домонтовичъ и баронъ П. Л. Корфъ.

[2]) Въ сужденіяхъ и составленіи проектовъ участвовали: М. С. Кахановъ, М. Е. Ковалевскій, Г. П. Галаганъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, А. А. Половцовъ, Ѳ. Л. Барыковъ, И. Н. Дурново, Н. А. Вагановъ и проф. И. Е. Андреевскій.

вали вовсе, вслѣдствіе чего единицы крестьянскаго сословнаго управленія, за недостаткомъ на мѣстахъ другихъ исполнительныхъ властей, оказались обремененными непосильными для нихъ обязанностями общаго управленія. Не удовлетворяя въ достаточной мѣрѣ потребностямъ сего послѣдняго управленія и обходясь крестьянамъ весьма дорого, крестьянское управленіе, въ то же время, во многомъ уже не служитъ и интересамъ самихъ крестьянъ“ [1]).

Признавая такое положеніе совершенно ненормальнымъ и обратившись къ ближайшему установленію категорій мѣстныхъ административныхъ потребностей, къ выясненію недостатковъ существующаго порядка ихъ удовлетворенія и къ проектированію, для удовлетворенія этихъ потребностей, новыхъ единицъ мѣстнаго управленія,—совѣщаніе признало, прежде всего, что спеціальныя крестьянскія потребности не выходятъ изъ круга интересовъ, связанныхъ съ крестьянскимъ землевладѣніемъ. Находя, что эти интересы очень неудовлетворительно обслуживаются существующими сельскими обществами, въ которыхъ одновременно смѣшаны двѣ организаціи: земельно-хозяйственная и общественно-административная, совѣщаніе проектировало учрежденіе для этой цѣли особыхъ земельно-хозяйственныхъ союзовъ крестьянъ, подъ названіемъ „поземельныхъ общинъ“ и „поземельныхъ изъ участковыхъ владѣльцевъ союзовъ“ [2]).

Въ учрежденіи такихъ союзовъ долженъ былъ заключаться, по предположеніямъ совѣщанія, кругъ сословныхъ крестьянскихъ установленій и дальнѣйшія предположенія совѣщанія объ устройствѣ мѣстнаго управленія носили уже всесословный характеръ.

Для удовлетворенія мѣстныхъ общественныхъ интересовъ благоустройства и порядка, одинаково близкихъ всему мѣстному населенію, безъ различія сословій, совѣщаніе проектировало образованіе всесословныхъ сельскихъ обществъ, съ пріуроченіемъ ихъ—по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія—къ отдѣльнымъ населеннымъ пунктамъ, а по мнѣнію остальныхъ членовъ—къ опредѣленнымъ территоріальнымъ раіонамъ [3]).

Особенное вниманіе обращено было совѣщаніемъ на устройство промежуточныхъ, между уѣзднымъ управленіемъ и всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, обще-административныхъ единицъ.

При обсужденіи этого послѣдняго вопроса, совѣщаніе, на основаніи поступившихъ въ его распоряженіе отзывовъ сенаторовъ и земскихъ собраній, формулировало не лишенную до сихъ поръ

---

[1]) Очеркъ предположеній большинства членовъ совѣщанія, стр. 8.

[2]) Положенія объ устр. мѣстн. управл. I. Сельское общество, ст. 1, прилож.

[3]) Тамъ же, ст. ст. 4—8.

живого интереса характеристику дѣятельности волостныхъ учрежденій, исполнявшихъ въ то время и исполняющихъ до сихъ поръ функціи указаннаго рода посредничества между уѣзднымъ управленіемъ и мѣстнымъ населеніемъ.

По указаніямъ, изложеннымъ въ объяснительной запискѣ совѣщанія, общественная дѣятельность волостей совершенно не удалась. Волостные сходы, созываемые очень рѣдко, въ неполномъ составѣ, при участіи въ большинствѣ случаевъ далеко не лучшихъ крестьянъ, не обсуждаютъ и не разрѣшаютъ никакихъ дѣлъ общественнаго благоустройства и порядка, но ограничиваются лишь постановленіями, относящимися къ самому факту существованія волостного управленія (выборомъ должностныхъ лицъ, назначеніемъ имъ содержанія, распоряженіями о постройкѣ и ремонтѣ волостныхъ правленій и т. п.). Самыя волостныя правленія, въ коллегіальномъ ихъ составѣ, вовсе не существуютъ и совсѣмъ не собираются, не только для совѣщаній съ волостнымъ старшиной по общественнымъ дѣламъ, но даже для разсмотрѣнія тѣхъ немногихъ вопросовъ, по которымъ волостнымъ правленіямъ предоставленъ рѣшающій голосъ. Въ дѣйствительности, вся дѣятельность волостныхъ учрежденій сосредоточилась въ дѣятельности волостного старшины и писаря, тѣсный союзъ которыхъ и образовалъ то, что называется обычно „волостнымъ правленіемъ“. Дѣятельность этихъ новыхъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ волостныхъ правленій, не касаясь совершенно общественно-сословныхъ интересовъ крестьянъ, выражается лишь въ исполненіи многочисленныхъ и многообразныхъ порученій всего строя правительственныхъ и земскихъ учрежденій. При этомъ, исполняемыя волостными правленіями порученія далеко выходятъ за предѣлы дѣлъ, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ крестьянскому населенію, но охватываютъ всѣ категоріи мѣстныхъ административныхъ интересовъ. Въ связи съ этимъ, фактически измѣнилась и территорія волостей, ограниченная въ законѣ предѣлами приписанныхъ къ волости сословныхъ сельскихъ обществъ. Въ территорію волостей вошло—„въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, сплошное пространство земель, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ сословій, такъ что въ настоящее время, на практикѣ, волостное дѣленіе обнимаетъ собою всю территорію уѣзда, и понятіе стоящихъ внѣ волостей земельныхъ пространствъ, на которыя бы не распространялись, если не власть, то дѣятельность волостного начальства, постепенно ослабѣваетъ“. [1])

Такое фактическое положеніе, которое получила волостная

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту волостного управленія, стр. 5—6.

сословная организація, привело совѣщаніе къ убѣжденію въ безусловной необходимости посредствующей административной инстанціи между уѣзднымъ управленіемъ и мѣстнымъ населеніемъ. Съ другой стороны, несправедливость лежащаго на крестьянахъ бремени по содержанію подобныхъ учрежденій, въ лицѣ волостныхъ правленій, и крайне плохая дѣятельность волостныхъ должностныхъ лицъ въ ихъ новой, непосильной для нихъ роли мѣстныхъ административныхъ чиновниковъ, исключали, по мнѣнію совѣщанія, всякую возможность дальнѣйшаго сохраненія, для этой лишь цѣли, существующихъ волостныхъ правленій, не имѣющихъ никакой самостоятельной почвы въ мѣстной общественной жизни. Поэтому совѣщаніе проектировало, упразднивъ совершенно крестьянскія волости, образовать подъ названіемъ волостей новое, исчерпывающее административное дѣленіе уѣзда (административный участокъ) и возложить исполненіе административныхъ обязанностей по каждому такому участку на особое, избираемое земствомъ должностное лицо (волостель), которое было бы столь необходимой въ механизмѣ уѣзднаго управленія мѣстной „рабочей силой“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по проекту совѣщанія Кахановской коммисіи, совершенно упразднялись спеціальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, причемъ разрѣшеніе дѣлъ, касающихся крестьянскихъ земельныхъ союзовъ, распредѣлялось между волостелями, общимъ уѣзднымъ управленіемъ и мировыми судьями (на послѣднихъ переходили обязанности по выкупу крестьянами ихъ угодій, а также разрѣшеніе, въ порядкѣ административнаго суда, жалобъ на распоряженія и постановленія крестьянскихъ земельныхъ союзовъ).

Что касается устройства волостного суда, то, хотя въ совѣщаніи и высказывались предположенія о совершеномъ его упраздненіи, но совѣщаніе не рѣшилось на эту крайнюю мѣру, а проектировало, чтобы волостной судъ собирался подъ предсѣдательствомъ мирового судьи и чтобы рѣшенія его подлежали обжалованію въ съѣздъ мировыхъ судей.

Такимъ образомъ, въ общемъ, проекты совѣщанія Кахановской коммисіи представляли болѣе или менѣе удачную попытку объединенія крестьянъ съ другими сословіями, въ порядкѣ управленія и суда.

Когда проекты эти поступили, въ концѣ 1884 г., на обсужденіе общаго собранія коммисіи, усиленной приглашенными представителями мѣстной администраціи и дворянства, то въ средѣ коммисіи уже обнаружилось довольно опредѣленное реакціонное теченіе, выразителями котораго хотя и явилось мень-

шинство коммисіи, но меньшинство очень сплоченное и постепенно возраставшее, по мѣрѣ хода работъ коммисіи [1]).

По поводу предположеній совѣщанія о выдѣленіи изъ существующей крестьянской сельско-сословной организаціи земельно-хозяйственныхъ союзовъ крестьянъ, возникли сужденія о томъ, что существующія сложныя земельно-административныя сельскія общества суть исконно сложившіяся политическія группы, которыя затрагивать опасно [2]). Затѣмъ, проектъ совѣщанія о соединеніи крестьянъ, въ цѣляхъ общественнаго благоустройства, въ сельскія общества, вмѣстѣ съ мѣстными жителями другихъ сословій, вызвалъ глумливыя замѣчанія, что—„большинство крестьянъ недоимщики и имъ необходимо прежде всего думать объ уплатѣ податей и о насущномъ хлѣбѣ, а не о мощеніи улицъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства“ [3]). При этомъ высказывались опасенія, что крестьяне не пустятъ на сходы постороннихъ лицъ и что, во всякомъ случаѣ, участіе постороннихъ лицъ въ одной общественной организаціи вмѣстѣ съ крестьянами неминуемо окажетъ неблагопріятное вліяніе на крестьянскую среду. Точно также, сторонники сословнаго обособленія крестьянъ не хотѣли разстаться и съ сословной волостью. Не находя ничего возразить противъ коренныхъ недостатковъ ея уродливаго устройства и положенія, оппоненты упраздненія волости взывали къ ея историческому значенію... и къ необходимости сохранить волостныхъ старшинъ для взысканія недоимокъ. Взамѣнъ проектированной совѣщаніемъ должности волостеля, который долженъ былъ, согласно проекту, явиться мѣстной рабочей административной силой, противники проекта стремились поставить новую должность попечителя надъ крестьянами, сближая ее не вполнѣ удачно съ должностями мировыхъ посредниковъ, такъ такъ предположенная должность, какъ выяснилось во время преній по этому вопросу, болѣе подходила къ бывшимъ должностямъ

---

[1]) Въ засѣданіяхъ общаго собранія коммисіи принимали участіе: предсѣдатель коммисіи М. С. Кахановъ; члены по особому назначенію и соглашенію съ вѣдомствами: гр. П. А. Шуваловъ, гр. К. И. Паленъ, Г. П. Галаганъ, Ѳ. М. Маркусъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Т. И. Филипповъ, Ѳ. Л. Барыковъ, А. Я. фонъ Гюббенетъ, И. И. Шамшинъ, кн. М. С. Волконскій, Н. Г. Принтцъ, П. Н. Николаевъ, В. И. Вешняковъ, П. А. Марковъ, И. Н. Дурново, И. Е. Андреевскій, М. А. Домонтовичъ, С. А. Ольхинъ, Н. А. Ваганов и А. Н. Кислинскій; приглашенные мѣстные дѣятели: А. В. Богдановичъ, С. Н. Гудимъ-Левковичъ, А. К. Анастасьевъ, Г. В. Кондоиди, А. Е. Заринъ, кн. А. Д. Оболенскій, Д. А. Наумовъ, И. А. Горчаковъ, кн. Л. Н. Гагаринъ, Е. Н. Дубенскій, П. А. Карповъ, С. С. Бехтѣевъ, Н. А. Чаплинъ, М. А. Константиновичъ и А. Д. Пазухинъ.

[2]) Журналъ коммисіи № 4.

[3]) Тотъ же журналъ № 4, стр. 26.

чиновниковъ для наблюденія за порядкомъ въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ коммисія не могла придти къ единогласнымъ заключеніямъ, а принятыя ею заключенія опровергались одно другимъ и нерѣдко совершенно противорѣчили главнымъ основаніямъ внесеннаго на обсужденіе коммисіи проекта.

При такихъ условіяхъ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Толстымъ, испрошено было, 28 февраля 1885 г., Высочайшее повелѣніе о закрытіи коммисіи. Закрытіе это состоялось 11 апрѣля 1885 г. и всѣ труды коммисіи были переданы на дальнѣйшее распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Труды эти и тѣ причины, которыми вызвано было созваніе коммисіи, были очень скоро забыты. Точно также остались неисполненными тѣ порученія, которыя, вслѣдствіе отмѣны подушной подати, даны были государственнымъ совѣтомъ подлежащимъ министрамъ.

Послѣ короткаго оживленія начала восьмидесятыхъ годовъ, крестьянской реформѣ данъ былъ обратный ходъ.

VI.

Первой ласточкой новаго курса, взятаго по крестьянскому дѣлу и направленнаго къ сознательному обособленію крестьянъ въ области частныхъ и публичныхъ правъ, явился законъ 18 марта 1886 г. о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею (3.578).

Первоначальное представленіе министра внутреннихъ дѣлъ—„о мѣрахъ къ ограниченію крестьянскихъ раздѣловъ“ внесено было въ государственный совѣтъ уже 18 января 1884 г. Въ этомъ представленіи графъ Толстой указывалъ, что—„размножившіеся семейные раздѣлы являются одной изъ основныхъ причинъ упадка экономическаго благосостоянія крестьянъ“, такъ какъ образующіяся при семейныхъ раздѣлахъ—„малосильныя семьи, большею частью съ однимъ рабочимъ, лишаются всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій правильнаго раздѣленія труда“. Поэтому, находя „крайне настоятельнымъ“ ограниченіе числа семейныхъ раздѣловъ, графъ Толстой проектировалъ нижеслѣдующія основанія и правила для производства раздѣловъ во всѣхъ мѣстностяхъ, какъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ землевладѣніемъ: 1) разрѣшеніе семейныхъ раздѣ-

ловъ не иначе, какъ по приговорамъ сельскихъ сходовъ, которые созываются для этой цѣли не болѣе одного раза въ годъ; 2) обязательное погашеніе передъ раздѣломъ всѣхъ состоящихъ на раздѣляющейся семьѣ недоимокъ; 3) дозволеніе семейныхъ раздѣловъ только при вполнѣ обезпеченной состоятельности отдѣляющихся членовъ семьи; 4) установленіе контроля крестьянскихъ учрежденій за существомъ указанныхъ приговоровъ, съ правомъ отмѣны тѣхъ изъ нихъ, которые оказываются вредными для крестьянъ; и 5) лишеніе крестьянъ, раздѣлившихся безъ установленнаго разрѣшенія или вопреки послѣдовавшему запрещенію, всякихъ правъ на семейное имущество, при одновременномъ предоставленіи сельскимъ сходамъ права отбирать отъ такихъ крестьянъ надѣльную землю.

При этомъ, по поводу высказанныхъ противъ проекта возраженій, что установленный въ положеніяхъ 1861 г. и крайне усиливаемый въ настоящемъ проектѣ, стѣснительный надзоръ сельскихъ обществъ за семейными раздѣлами основанъ былъ въ свое время на существованіи круговой поруки обществъ по отбыванію повинностей, которая теперь ослаблена и подлежитъ скоро полной отмѣнѣ [1],—графъ Толстой очень опредѣленно пояснилъ, что проектъ его — „не опирается исключительно на затрогиваемые раздѣлами имущественные интересы общества, связанные съ круговой порукой, но въ гораздо большей степени объясняется тѣсной связью, существующей между экономическимъ благосостояніемъ обществъ и имущественнымъ довольствомъ его отдѣльныхъ членовъ“. Поэтому подчиненіе семейныхъ раздѣловъ власти сельскаго схода — „присваиваетъ сходу обязанность *опеки* надъ отдѣльными членами общества и такому характеру дѣятельности сходовъ министерство придаетъ особое значеніе“ [2].

Роковое слово „опека“ было наконецъ высказано...

Государственный совѣтъ, однако, не сразу согласился на эту опеку. Приведенныя графомъ Толстымъ данныя о чрезмѣрномъ, будто бы, увеличеніи числа семейныхъ раздѣловъ и о разорительномъ ихъ вліяніи на крестьянское хозяйство, на чемъ и основывалась необходимость проектированной опеки въ этомъ дѣлѣ, признаны были государственнымъ совѣтомъ недостаточно убѣдительными, и внесенный проектъ возвращенъ былъ графу Толстому, для дополненія его болѣе подробными доказательствами этой необходимости [3].

---

[1]) Отзывъ министра финансовъ отъ 17 марта 1884 г.

[2]) Отвѣтный отзывъ графа Толстого отъ 18 іюня 1884 г.

[3]) Журналъ соединенныхъ департаментовъ 24 ноября 1884 г. № 130.

Эта временная неудача, однако, не могла заставить министерство внутреннихъ дѣлъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

Въ новомъ представленіи государственному совѣту отъ 23 октября 1885 г., графъ Толстой, приводя собранныя черезъ губернаторовъ свѣдѣнія о числѣ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ за время съ 1874 г. по 1884 г., съ прежней настойчивостью проводилъ мысль о всѣмъ „извѣстномъ вредѣ“, который „семейные раздѣлы причиняютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянскому благосостоянію“. При этомъ, не отрицая того обстоятельства, что крестьянскіе раздѣлы вызываются по преимуществу причинами нравственнаго порядка—семейными ссорами и несогласіями, а не простымъ легкомысліемъ, графъ Толстой указывалъ, что эти—„несогласія и раздоры являются, въ большинствѣ случаевъ, проявленіемъ общаго упадка дисциплины среди крестьянскаго населенія, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо ограниченій для развивающагося въ послѣднее время духа своеволія и распущенности: сознаніе невозможности по произволу выйти изъ состава семьи неминуемо повліяетъ въ смыслѣ уменьшенія числа самыхъ ссоръ и раздоровъ, а потому то обстоятельство, что раздѣлы обусловливаются преимущественно семейными раздорами, не только не указываетъ на невозможность принятія мѣръ противъ нихъ, но, напротивъ того, должно служить особенно вѣскимъ доводомъ въ пользу такихъ мѣръ“.

Итакъ, ограниченіе гражданскаго права крестьянъ на семейную самостоятельность мотивировалось необходимостью и возможностью принудительнаго проведенія въ крестьянскую жизнь, силою закона, такихъ началъ экономическаго и нравственнаго порядка (хозяйственное раздѣленіе труда и семейная дисциплина), которыя принадлежатъ къ числу свободныхъ и самопроизвольныхъ жизненныхъ явленій.

Государственный совѣтъ, на этотъ разъ, уступилъ приведеннымъ доводамъ и принялъ проектъ графа Толстого, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. А именно: отъ дѣйствія новыхъ правилъ о семейныхъ раздѣлахъ изъяты были сельскія общества подворныхъ владѣльцевъ, такъ какъ въ подобныхъ обществахъ государственный совѣтъ не усмотрѣлъ достаточной солидарности интересовъ общества и отдѣльныхъ его членовъ, необходимой для установленія общественной опеки по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ. Кромѣ того, государственный совѣтъ нѣсколько смягчилъ тѣ поистинѣ драконовскія мѣры, которыя проектированы были графомъ Толстымъ въ отношеніи самовольно раздѣлившихся семействъ. Въ утвержденный 18 марта 1886 года законъ о семейныхъ раздѣлахъ все-таки перешли главныя черты министерскаго проекта: а) безусловное запрещеніе семейныхъ раздѣловъ безъ

разрѣшительныхъ приговоровъ сельскихъ сходовъ; б) предоставленіе, какъ сельскимъ сходамъ, такъ и учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, входить въ обсужденіе вопросовъ о допустимости и желательности предполагаемыхъ раздѣловъ, по существу, и въ зависимости отъ оцѣнки каждаго даннаго случая — дозволять или запрещать раздѣлы, и в) признаніе семействъ, раздѣлившихся безъ установленнаго дозволенія или вопреки запрещенію, за нераздѣльныя въ податномъ отношеніи единицы.

Вскорѣ послѣ правилъ о семейныхъ раздѣлахъ послѣдовало изданіе другого закона, проникнутаго точно также спеціально-дисциплинарными тенденціями въ отношеніи крестьянъ, а именно — закона 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы, согласно которому нарушеніе сельскохозяйственными рабочими (т. е. по преимуществу крестьянами) договоровъ найма на работы приравнено было къ уголовно-наказуемымъ проступкамъ.

Вотчинныя тенденціи властнаго попечительства надъ крестьянами, неожиданно оживившіяся въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе въ изданномъ 12 іюля 1889 г. положеніи о земскихъ начальникахъ, съ дополнительными къ нему узаконеніями (6.196).

Очень рѣзкимъ и — справедливость требуетъ признать — искреннимъ поборникомъ этихъ тенденцій явилось лицо, занимавшее скромное общественное и служебное положеніе, но создавшее цѣлую школу или партію, благодаря тому, что проводимыя имъ идеи сословнаго порядка нашли себѣ дружный откликъ въ большихъ, реакціонно-настроенныхъ кругахъ современнаго ему общества. Мы говоримъ о ближайшемъ сотрудникѣ графа Толстого по составленію положенія о земскихъ начальникахъ — объ А. Д. Пазухинѣ. Въ 1886 году имъ была издана брошюра-памфлетъ „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“. Изступленно набрасываясь на всесословныя реформы шестидесятыхъ годовъ, обвиняя земства и городскія управленія въ „дезорганизаціи“ Россіи, а новыя судебныя учрежденія—въ защитѣ этой „дезорганизованной Россіи“, „въ открытой оппозиціи къ власти, къ порядку и къ сословному принципу“ и даже „въ покровительствѣ государственной крамолѣ“—авторъ брошюры съ сочувствіемъ останавливался на послѣднемъ остаткѣ сословнаго дореформеннаго строя, на сословной организаціи крестьянства, которая, *къ счастью*, была „мало расшатана реформами прошлаго царствованія“. Признавая необходимымъ сохранить и укрѣпить эту организацію, которая ограждаетъ крестьянскую среду отъ вторженія въ нее „элементовъ обезличенной Россіи“, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ необходимымъ, какъ въ интересахъ крестьянства, такъ и въ интересахъ дворянства, возстановить на-

рушенныя реформами правильныя отношенія между этими сословіями. „Институтъ мировыхъ посредниковъ являлся, по указанію Пазухина, спеціальнымъ *органомъ крестьянскаго управленія* (?), въ которомъ счастливо соединялись всѣ условія для правильнаго хода крестьянской жизни“. „По упраздненіи мировыхъ посредниковъ, крестьяне, оставленные безъ всякаго руководства, лишенные законной защиты, стали подпадать вліянію адвокатовъ писарей, кабатчиковъ и другихъ цивилизаторовъ нашей деревни“. Въ то же время,—„лишеніе дворянъ служебныхъ привилегій не могло не смутить населенія, привыкшаго видѣть въ дворянахъ царскихъ слугъ; правительственная политика была понята крестьянами въ томъ смыслѣ, что царь наказываетъ дворянъ за вражду къ нему и неповиновеніе его волѣ“. Для прекращенія „недоразумѣній между дворянствомъ и крестьянствомъ“, возникающихъ на этой почвѣ, необходимо возвратить дворянству „преимущественныя служебныя права“.

Конечно, въ такихъ тенденціяхъ рисовалось не возстановленіе крѣпостного права, но установленіе попечительства и начальствованія одного сословія надъ другимъ, рисовались „начальники сельскихъ обществъ“, о которыхъ шла рѣчь во время эмансипаціи, и уже во всякомъ случаѣ—не мировые посредники, призванные, какъ извѣстно, именно для ликвидаціи зависимыхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками.

Въ духѣ такого сословнаго попечительства и вотчинныхъ интересовъ составленъ былъ первоначальный проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, внесенный въ государственный совѣтъ 23 февраля 1887 г. Въ этомъ проектѣ пока еще не было рѣчи о передачѣ земскимъ начальникамъ всѣхъ полномочій мировыхъ судей, существованіе которыхъ сохранялось по проекту, но за то земскимъ начальникамъ предоставлялись очень опредѣленныя и властныя полномочія по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ, а также по разрѣшенію тѣхъ категорій судебныхъ дѣлъ, которыя касались интересовъ землевладѣльцевъ и полицейскаго порядка въ сельской жизни (дѣла по полицейскимъ проступкамъ, а также иски: о наймѣ на сельскія работы; о личныхъ обязательствахъ, кромѣ векселей; о вознагражденіи за ущербъ и убытки и о возстановленіи нарушеннаго владѣнія).

Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ встрѣтилъ довольно сильное противодѣйствіе со стороны другихъ вѣдомствъ (главнымъ образомъ со стороны министерства юстиціи) и окончательное утвержденіе его затянулось. Въ то время, когда судьба его уже казалась сомнительной, въ виду цѣлаго ряда принципіальныхъ и частныхъ возраженій, высказанныхъ противъ этого проекта, одно изъ такихъ частныхъ возраженій получило неожидан-

ный оборотъ противъ оппонентовъ проекта и придало проектируемому институту новое значеніе, превосходившее самыя смѣлыя намѣренія его созидателей. Въ ряду доводовъ противъ проектируемыхъ должностей земскихъ начальниковъ, между прочимъ, указывалось, что сомнительная польза, ожидаемая отъ учрежденія такихъ спеціальныхъ должностей, едва ли окажется соотвѣтственной значительнымъ расходамъ земства, на счетъ котораго относилось по проекту содержаніе этихъ должностей, и что, во всякомъ случаѣ, этотъ новый расходъ будетъ очень тяжелъ для земскихъ средствъ, обремененныхъ уже содержаніемъ мировыхъ судей. Подъ вліяніемъ этого частнаго, но серьезнаго довода, съ одной стороны, а съ другой—подъ вліяніемъ защитниковъ проекта, не находившихъ ему достаточныхъ теоретическихъ обоснованій, кромѣ громкихъ фразъ о дезорганизаціи деревни, но не желавшихъ съ нимъ разстаться, во что бы ни стало,—принято было неожиданное рѣшеніе: сохранивъ главныя черты предположенной должности, соединить съ нею обязанности мировыхъ судей, а судей этихъ совсѣмъ упразднить, съ тѣмъ, чтобы тѣ обязанности мировыхъ судей, которыя не будутъ возложены на земскихъ начальниковъ, были распредѣлены между окружными и волостными судами...

Министерство юстиціи, не согласившееся въ свое время на присоединеніе къ судебнымъ функціямъ мировыхъ судей полусудебныхъ функцій мировыхъ посредниковъ, дабы не допустить вторженія въ судебную дѣятельность административнаго элемента, должно было теперь согласиться на то, чтобы эта дѣятельность сдѣлалась сама однимъ изъ элементовъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагались на новыхъ административныхъ должностныхъ лицъ. Мѣстныя судебныя и административныя функціи въ концѣ концовъ все-таки слились, но-вмѣсто „административнаго суда“, получился—„судъ администраціи“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о соединеніи въ должности земскаго начальника судебной и административной властей, имѣвшій лишь привходящее значеніе при учрежденіи этой должности, и переходя къ значенію ея для крестьянъ и крестьянскаго управленія, необходимо отмѣтить, что въ этой должности былъ съ большой опредѣленностью выраженъ принципъ *попечительства* надъ обособленнымъ крестьянствомъ, смѣнившій менѣе рѣзкое и опредѣленное начало устройства учрежденій 1874 г.—руководительство.

Въ цѣляхъ попечительства, собственно надъ крестьянскимъ управленіемъ, земскимъ начальникамъ предоставлены были слѣдующія полномочія: ревизіонный надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго управленія (пол. зем. нач., ст. 23); наложеніе без-

апелляціонныхъ взысканій на всѣхъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ (ib., ст. ст. 62 и 64); такое же безапелляціонное удаленіе отъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей (ib., ст. ст. 29 и 64); разсмотрѣніе и дополненіе списковъ дѣлъ, назначаемыхъ къ обсужденію на волостныхъ сходахъ (ib., ст. 25); непосредственное утвержденіе нѣкоторыхъ общественныхъ приговоровъ и представленіе нѣкоторыхъ другихъ приговоровъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда (ib., ст. ст. 32 и 36); разсмотрѣніе, по существу, всѣхъ остальныхъ категорій общественныхъ приговоровъ, съ правомъ представленія въ уѣздный съѣздъ, для отмѣны, тѣхъ изъ нихъ, которые постановлены несогласно съ законами, либо клонятся къ явному ущербу для общества, либо нарушаютъ права отдѣльныхъ его членовъ (ib., ст. ст. 30 и 31).

Въ области попечительства надъ крестьянами, вообще, на земскихъ начальниковъ было возложено попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ (ib., ст. 39), причемъ земскимъ начальникамъ предоставлено было право, въ случаяхъ неисполненія ихъ законныхъ требованій и распоряженій подвѣдомственными имъ крестьянами, подвергать виновныхъ, безъ всякаго формальнаго производства, безапелляціоннымъ взысканіямъ — аресту до 3 дней и штрафу до 6 руб. (ib., ст. ст. 61 и 64).

Что касается волостного суда и отношеній къ нему земскихъ начальниковъ, то, по временнымъ правиламъ 12 іюля 1889 г., волостной судъ, имѣвшій до тѣхъ поръ значеніе неформальной домашней расправы и совѣстнаго суда, съ очень ограниченной подсудностью, былъ преобразованъ въ постоянное судебное мѣсто съ широкой уголовной и гражданской подсудностью. А именно, по дѣламъ уголовнымъ, къ вѣдѣнію волостного суда отнесена была значительная часть подсудности мировыхъ судей, а по дѣламъ гражданскимъ компетенція волостного суда даже превысила компетенцію мировыхъ судей, такъ какъ подсудность волостному суду споровъ о крестьянскомъ надѣльномъ имуществѣ не была ограничена никакой предѣльной суммой (врем. прав., ст. ст. 15 и 17).

Въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности волостной судъ поставленъ былъ подъ сильное вліяніе вновь образованныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Назначеніе волостныхъ судей, изъ числа избранныхъ сельскими сходами кандидатовъ, предоставлено было земскому начальнику, а назначеніе предсѣдателя волостного суда, изъ числа назначенныхъ земскимъ начальникомъ судей,—уѣздному съѣзду, причемъ послѣднему дано было право, если онъ признаетъ нужнымъ, возлагать обязанности предсѣдателя суда—на волостного старшину (врем.

прав., ст. ст. 1 и 2). Волостные судьи, въ порядкѣ ихъ служебной отвѣтственности, подчинены были дисциплинарной власти земскаго начальника, на одинаковыхъ основаніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія (ib., ст. 6). Затѣмъ, въ порядкѣ производства дѣлъ по волостному суду, на земскихъ начальниковъ возложено было, независимо отъ общаго надзора за дѣйствіями судовъ, возстановленіе подсудности по дѣламъ, неправильно принятымъ судами къ своему производству, разрѣшеніе возникающихъ между ними пререканій о подсудности, замѣна назначеннаго судами тѣлеснаго наказанія другими взысканіями и предварительное разсмотрѣніе жалобъ на окончательныя рѣшенія судовъ по дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ и малоцѣнныхъ искахъ (ib., ст. ст. 13, 21, 29 и 31). Разрѣшеніе подобныхъ жалобъ, если земскій начальникъ найдетъ обжалованныя рѣшенія незаконными и признаетъ ихъ подлежащими отмѣнѣ, а также и всѣхъ остальныхъ жалобъ на неокончательныя рѣшенія судовъ, предоставлено было уѣздному съѣзду (ib., ст. ст. 31 и 32).

Такимъ образомъ, законоположеніями 12 іюля 1889 г. не только подтверждено было существованіе обособленнаго крестьянскаго управленія, но установлены были новыя особенности крестьянскаго права въ области суда и управленія, и, кромѣ того, весь кругъ крестьянскихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій подчиненъ былъ попечительству спеціальныхъ органовъ по управленію крестьянами, которые построены были на сословно-дворянскомъ началѣ.

Въ реформѣ 1889 года была только одна брешь, нарушавшая ея цѣлостное сословное значеніе. А именно, авторы этой реформы, разсчитанной на водвореніе желаннаго порядка въ деревнѣ, не могли не считаться съ тѣмъ, что деревня, съ теченіемъ времени, перестала быть исключительно крестьянской, что въ коренную крестьянскую среду вошло уже много постороннихъ элементовъ. Не рѣшаясь ввести эти элементы въ составъ крестьянскаго управленія, составители положенія 1889 г. вынуждены были, однако, подчинить ихъ дѣйствію общаго деревенскаго режима, который иначе терялъ бы свое значеніе. Но такъ какъ этотъ режимъ не могъ быть примѣненъ, безъ большихъ неудобствъ и возраженій, къ лицамъ привилегированныхъ сословій, то законодательство 1889 г. ограничилось тѣмъ, что подчинило одинаковому съ крестьянами порядку суда и управленія только проживающихъ въ селеніяхъ—мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ (отд. VIII Выс. утв. 12 іюля 1889 г. мн. гос. сов.).

Это исключеніе, указывая на неправильность положеннаго въ основаніе реформы 1889 г. сословнаго начала, тѣмъ не менѣе не лишало ея, въ виду ничтожности этого исключенія, ея пре-

имущественнаго значенія, въ качествѣ акта, обособившаго судебное и административное устройство крестьянъ.

За окончательнымъ обособленіемъ крестьянъ въ указанныхъ отношеніяхъ, естественно было ожидать дальнѣйшаго распространенія началъ обособленности и попечительства на другія области крестьянскаго права, что, конечно, и не замедлило совершиться съ неумолимой постепенностью.

Къ той же, второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ относится разработка двухъ законодательныхъ актовъ, изданныхъ въ 1893 г., а именно законовъ: 8 іюня 1893 г.—о передѣлахъ мірской земли (9.754) и 14 декабря 1893 г.—о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель (10.151).

Послѣдній законъ получилъ первоначальное движеніе даже нѣсколько ранѣе. А именно, уже 2 мая 1884 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило на заключеніе вѣдомствъ проектъ представленія въ комитетъ министровъ—„о воспрещеніи крестьянамъ отчуждать предоставленныя имъ въ надѣлъ земли“. Вслѣдствіе значительныхъ и принципіальныхъ разногласій, обнаружившихся въ отзывахъ вѣдомствъ по этому вопросу, для подробнаго обсужденія и соображенія его образована была по Высочайшему повелѣнію, испрошенному министромъ внутреннихъ дѣлъ 12 мая 1888 г., особая коммисія при этомъ министерствѣ, составленная изъ представителей различныхъ вѣдомствъ. Большинство членовъ этой коммисіи, основываясь на толкованіи тѣхъ статей изданныхъ 19 февраля 1861 г. положеній о крестьянахъ, въ которыхъ упоминалось, что надѣлы отведены крестьянамъ „для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей предъ правительствомъ“,—пришло къ заключенію,—„что *примѣненіе къ надѣльнымъ крестьянскимъ землямъ общаго понятія о правѣ собственности*, какъ полной и исключительной власти субъекта надъ объектомъ обладанія, *представляется неправильнымъ*, и что, напротивъ того, за руководящее основаніе для законодательныхъ опредѣленій по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію должно быть принято *начало неотчуждаемости*“. Поэтому коммисія признала необходимымъ произвести пересмотръ, согласно этому началу, тѣхъ дѣйствующихъ узаконеній о надѣльныхъ земляхъ, которыя построены на противоположномъ основаніи—предоставленія этихъ земель, послѣ выкупа, въ полную собственность крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣляя опасенія министерства внутреннихъ дѣлъ, что развивающаяся при дѣйствіи указанныхъ узаконеній скупка надѣльныхъ земель посторонними лицами можетъ, въ непродолжительномъ будущемъ, привести крестьянство къ совершенному обезземеленію, коммисія находила желательнымъ, впредь до завершенія упомянутаго пересмотра, принять нижеслѣдующія временныя и

предупредительныя мѣры противъ крестьянскаго обезземеленія, а именно: пріостановить дѣйствіе ст. ст. 162, 165 и 169 пол. вык. и п.п. 2 и 5 ст. 15 пол. гос. кр. [1]), допустивъ отчужденіе подворныхъ участковъ только членамъ того же сельскаго общества, а отчужденіе общественныхъ земель—только съ особаго, въ каждомъ случаѣ, разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; кромѣ того—совершенно запретить залогъ надѣльныхъ земель. Въ такомъ смыслѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ внесено было, 29 мая 1890 г., представленіе въ комитетъ министровъ, причемъ въ этомъ представленіи особенное вниманіе обращено было на вредное значеніе ст. 165 пол. вык., при посредствѣ которой, по указанію министерства, происходила по преимуществу скупка надѣльныхъ земель (подворные участки выкупались изъ общиннаго владѣнія, главнымъ образомъ, не для освобожденія отъ круговой поруки, а для продажи этихъ участковъ).

Комитетъ министровъ, однако, усмотрѣлъ, что общая сумма единовременныхъ взносовъ, произведенныхъ на погашеніе выкупного долга крестьянами всѣхъ разрядовъ, за время съ 1863 по 1887 г., не превышала $1^1/_5\%$ всего капитальнаго выкупного долга, и что въ такомъ же приблизительно отношеніи находилось пространство выкупленной крестьянами земли (которое можетъ быть ими продано) ко всей площади этой земли. Поэтому комитетъ не призналъ никакой настоятельности въ немедленномъ пріостановленіи дѣйствія ст. 165 пол. вык., а также и другихъ, указанныхъ въ представленіи министерства, узаконеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что предположенія министерства затрогиваютъ весьма существенныя и законно-пріобрѣтенныя имущественныя права крестьянъ, комитетъ полагалъ, что осуществленіе этихъ предположеній, путемъ изданія временныхъ правилъ, не соотвѣтствовало бы ихъ значенію. По этимъ соображеніямъ комитетъ „предоставилъ“ министру внутреннихъ дѣлъ внести указанныя предположенія, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, на „уваженіе“ государственнаго совѣта (Выс. утв. 15 іюня 1890 г. пол. ком. мин.).

Въ государственномъ совѣтѣ, въ который новое представленіе министра внутреннихъ дѣлъ внесено было 22 февраля 1891 г., это представленіе вызвало многочисленныя принципіальныя и частныя возраженія. Въ этихъ возраженіяхъ отрицалась, прежде

---

[1]) Пол. вык. ст. 162—устанавливала право сельскихъ обществъ на отчужденіе общественныхъ надѣльныхъ земель; ст. 165—предусматривала выдѣлъ и выкупъ въ полную собственность подворныхъ участковъ изъ состава общественной земли; ст. 169—разрѣшала свободное отчужденіе подворныхъ участковъ подъ условіемъ уплаты выкупного долга, а п.п. 2 и 5 ст. 45 пол. гос. кр.—устанавливали таковыя же права государственныхъ крестьянъ.

всего, правильность исходной точки зрѣнія проекта, а именно—понятіе о спеціальномъ крестьянскомъ землевладѣніи, отличномъ отъ обыкновеннаго права земельной собственности. Затѣмъ—отвергалась опасность сокращенія размѣровъ этого землевладѣнія, въ случаѣ оставленія за крестьянами права отчуждать свои надѣльныя земли. Между прочимъ, при обсужденіи этого послѣдняго вопроса въ государственномъ совѣтѣ, указывалось, что изъ общаго количества земель, полученныхъ крестьянами въ надѣлъ (96 милл. дес.), выбыло изъ ихъ владѣнія за 28 лѣтъ (съ 1861 г. по 1889 г.) всего около 200 тыс. дес., т. е. 0,21%, причемъ въ эту цифру вошли, въ значительной части, земли, отведенныя обязательно подъ желѣзныя и почтовыя дороги, кладбища и т. п. Наряду съ такой незначительной убылью надѣльнаго фонда, крестьяне увеличили размѣры своего землевладѣнія путемъ частныхъ покупокъ, безъ содѣйствія кредитныхъ установленій, — на 2½ мил. дес. и при содѣйствіи крестьянскаго банка—на 1.400 тысячъ десятинъ.

Кромѣ того, въ возраженіяхъ противъ проекта министерства внутреннихъ дѣлъ указывалось, что если проектъ, какъ въ немъ неоднократно упоминается, вызванъ заботой о предупрежденіи развитія у насъ сельскаго пролетаріата, то этой заботѣ гораздо болѣе соотвѣтствовало бы установленіе предѣловъ суммированія крестьянскихъ надѣловъ въ рукахъ самихъ крестьянъ, среди которыхъ скупщики надѣловъ встрѣчаются не рѣже, чѣмъ среди лицъ другихъ сословій.

Этимъ возраженіямъ противопоставлялись частные доводы объ особомъ вредѣ постороннихъ скупщиковъ, которые, пріобрѣтая надѣльныя земли, не входятъ въ составъ крестьянскихъ обществъ и не принимаютъ на себя крестьянскихъ повинностей, а также болѣе общія разсужденія—о легкомысліи крестьянства [1]) и о необходимости принятія „попечительныхъ въ отношеніи къ нему мѣръ“.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ „сужденій“, по утвержденному 14 декабря 1893 г. мнѣнію государственнаго совѣта, установлены были нижеслѣдующія мѣры—„къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель“: 1) продажа общественныхъ земель цѣлыми сельскими обществами поставлена была въ зависимость отъ разрѣшенія губернскихъ присутствій, при продажной цѣнѣ отчуждаемаго участка не свыше 500 р., и нѣсколькихъ министровъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, а въ нѣкото-

[1]) Въ примѣръ приводились легкомысленныя продажи своихъ земель башкирами, на которыхъ не предполагалось распространить дѣйствіе проектируемаго закона, и также немногіе случаи неосмотрительнаго распоряженія своими надѣлами со стороны крестьянъ.

рыхъ случаяхъ—и государственныхъ имуществъ)—при высшей продажной цѣнѣ; 2) для выдѣла и выкупа подворныхъ участковъ изъ состава общинныхъ земель установлена была обязательность согласія сельскихъ сходовъ; 3) отчужденіе подворныхъ участковъ дозволено только тѣмъ покупщикамъ, которые принадлежатъ или приписываются къ сельскимъ обществамъ, и 4) залогъ надѣльныхъ земель, кому бы то ни было, совершенно запрещался.

Въ томъ же году, какъ указано выше, состоялся законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли. Этимъ закономъ, параллельно съ ограниченіями въ порядкѣ распоряженія надѣльной землей, установленными въ законѣ 14 декабря 1893 г., подвергалось ограниченіямъ и подчинялось „попечительному воздѣйствію“ самое пользованіе надѣльными землями. Недаромъ законъ 8 іюня 1893 г. вводился въ дѣйствіе только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были учреждены земскіе начальники, и распространялся постепенно на другія мѣстности, лишь по мѣрѣ введенія въ нихъ института 12 іюля 1889 г.

Введеніе института земскихъ начальниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ даже не было никакихъ мѣстныхъ элементовъ для учрежденія вотчиннаго попечительства, а также изданіе дополнительныхъ къ правиламъ 12 іюля 1889 г. узаконеній, наполнили собою все содержаніе послѣдующей законодательной дѣятельности въ теченіе разсматриваемаго періода [1]).

При оцѣнкѣ значенія этого періода для крестьянскаго дѣла

---

[1]) Кромѣ того, въ теченіе указаннаго періода состоялись нижеслѣдующіе законодательные акты, касавшіеся поземельнаго устройства различныхъ разрядовъ сельскихъ обязателей, примѣнительно къ правиламъ положеній 19 февраля 1861 г., а именно законы: 17 января 1880 г.—о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ горнымъ заводамъ (60.365); 3 іюня 1882 г.—о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей западнаго края (937); 15 марта 1883 г.—объ устройствѣ поселянъ, водворенныхъ въ закавказскомъ краѣ на земляхъ лицъ, не имѣющихъ права владѣть населенными имѣніями (1.429); 10 января 1884 г.—о поземельномъ устройствѣ проживающихъ на башкирскихъ дачахъ князей, мурзъ, купцовъ и мѣщанъ (1.947); 9 іюня 1886 г.—о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ (3.789); 12 мая 1887 г.—о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ поземельному устройству сельскаго населенія Восточной Сибири (4.434); 21 марта 1888 г.—о поземельномъ устройствѣ вольныхъ людей второго разряда (5.079); 3 іюня 1891 г.—о хизанахъ Тифлисской и Кутаисской губерній (7.791); 19 февраля 1893 г.—о поземельномъ устройствѣ русскихъ арендаторовъ православнаго исповѣданія, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ (9.261); 19 мая 1893 г.—о завершеніи поземельнаго устройства мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ поссесіонныхъ горныхъ заводовъ въ Уральскихъ округахъ (9.628) и др. мелкія распоряженія.

нельзя, наряду съ законодательными распоряженіями о крестьянахъ, обойти молчаніемъ также и дѣятельности сената по крестьянскимъ дѣламъ.

Въ виду укрѣплявшагося въ восьмидесятыхъ годахъ взгляда, что сельское состояніе уже окончательно устроено въ главныхъ чертахъ и что въ дальнѣйшемъ требуется только усовершенствованіе спеціальнаго крестьянскаго законодательства, вмѣстѣ съ улучшеніемъ способовъ управленія крестьянами и попечительства надъ ними, главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія былъ упраздненъ уже 25 мая 1882 г. (912), и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, возникающихъ изъ примѣненія спеціальныхъ узаконеній о крестьянахъ, сосредоточилось въ сенатѣ, въ составѣ котораго былъ образованъ 24 января 1884 г. спеціально-крестьянскій (второй) департаментъ (1.979). Указаннаго рода вопросы возникали въ большомъ числѣ, такъ какъ крестьянское законодательство не было первоначально расчитано на особое правовое бытіе крестьянъ и въ немъ оказывалось много пробѣловъ, которые сенату пришлось восполнять путемъ интерпретаціи. Дѣятельность сената въ этомъ направленіи, выходя далеко за предѣлы простого толкованія закона, была, по существу, почти законодательной и вполнѣ соотвѣтствовала современному ей настроенію крестьянскаго законодательства. Въ теченіе разсматриваемаго періода, въ сенатской практикѣ установились и утвердились понятія о совершенномъ изъятіи крестьянъ отъ дѣйствія общихъ наслѣдственныхъ законовъ и о подчиненіи ихъ въ этомъ отношеніи, либо обычаямъ, либо „существу и свойству правъ, принадлежащихъ имъ на надѣльное имущество“ [1]). Въ толкованіи существа и свойства этихъ правъ, сенатъ даже дошелъ постепенно до отрицанія правъ крестьянъ на завѣщательные распоряженія [2]). Далѣе, исключительно интерпретаціей сената созданъ былъ, какъ извѣстно, институтъ крестьянскаго двора, со всѣми вытекающими изъ этого института ограниченіями личныхъ и имущественныхъ правъ членовъ двора и т. п.

При такихъ условіяхъ, даже тѣ, не исключительно крестьянскія узаконенія, которыя состоялись въ теченіе разсматриваемаго періода, не могли не испытать на себѣ сильнаго вліянія общей политики по крестьянскому дѣлу. Такъ, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. (6.927) крестьяне заняли совершенно обособленное мѣсто въ составѣ земскаго представительства, причемъ самое назначеніе крестьянскихъ гласныхъ изъ

---

[1]) Срав. рѣш. гр. кас. деп. 1885 г. № 3 и 1891 г. № 86; общ. собр. 1898 г. № 2 и др.

[2]) Срав. рѣш. гр. кас. деп. 1893 г. № 7, общ. собр. 1897 г. № 29 и др.

числа кандидатовъ, избранныхъ волостными сходами, предоставлено было власти губернатора. Затѣмъ, согласно изданному 3 іюня 1894 г. положенію о видахъ на жительство (10.709), крестьяне поставлены были въ особыя условія полученія паспортовъ, а именно для большинства самостоятельныхъ въ хозяйственномъ отношеніи крестьянъ, выдача и отобраніе паспортовъ обусловлены были волею сельскихъ сходовъ, а для членовъ крестьянскихъ дворовъ—таковымъ же усмотрѣніемъ домохозяевъ. При этомъ, въ послѣдняго рода случаяхъ, дискреціонная власть домохозяевъ была только подчинена такой же дискреціонной власти земскихъ начальниковъ (ст. 19 пол. вид. жит.).

Любопытно отмѣтить, что изданіе указаннаго положенія о видахъ на жительство явилось результатомъ долголѣтнихъ работъ по приведенію въ исполненіе даннаго государственнымъ совѣтомъ въ 1885 году (въ связи съ отмѣной подушной подати) порученія—произвести пересмотръ правилъ по паспортной части, въ цѣляхъ *облегченія* крестьянамъ способовъ передвиженія...

Какъ хорошо начинался для крестьянъ разсматриваемый періодъ и какъ плохо онъ кончился—полнымъ и сознательнымъ обособленіемъ крестьянства, въ области управленія, суда и землевладѣнія; далѣе,—вотчиннымъ попечительствомъ и наконецъ—разнообразными ограниченіями частныхъ и публичныхъ правъ.

Всѣ временныя особенности положеній 1861 г., которыя составляли переходную ступень отъ крѣпостной зависимости къ свободной гражданской жизни и были распространены безсознательно на все крестьянское населеніе, не находившееся ранѣе въ крѣпостномъ состояніи, получили къ началу девяностыхъ годовъ силу постояннаго порядка и были укрѣплены новыми особенностями и ограниченіями.

Крестьянское „вѣдомство“ превратилось окончательно въ крестьянское „государство“, съ ясно формулированными основаніями юридическаго его бытія.

VII.

Заботы объ экономическомъ и правовомъ устройствѣ „крестьянскаго государства“, которое вышло изъ періода реформъ восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, составили содержаніе правительственной дѣятельности за послѣдующее время.

Изъ указаннаго періода реформъ наше крестьянство, конечно, не могло вынести, вмѣстѣ съ правовой обособленностью, ни экономическаго благосостоянія, ни твердаго правового по-

рядка, такъ какъ никакое попечительство, само по себѣ, не давало необходимой земли (хотя бы и неотчуждаемой) и не облегчало платежей за эту землю, а различныя правовыя ограниченія, отдѣлявшія крестьянъ отъ общаго права, не создавали, взамѣнъ относимаго отъ крестьянъ источника правовой жизни, никакого положительнаго правопорядка.

Послѣдствія такого положенія стали обнаруживаться очень скоро.

Крестьянское хозяйство, которое временно оправилось въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ благопріятнымъ вліяніемъ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей и еще болѣе—подъ вліяніемъ стоявшихъ въ то время высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, стало быстро падать. Первыми показателями этого упадка явились разорительные неурожаи, начавшіеся уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, и прогрессивное возростаніе недоимокъ. Къ 1890 году среднія душевыя недоимки достигли: въ южныхъ губерніяхъ—1 р. 80 к., въ средне-промышленныхъ—2 р. 8 к., въ средне-черноземныхъ—2 р. 40 к. и въ восточныхъ—7 р. 50 к. Въ отношеніяхъ къ окладу, недоимки по нѣкоторымъ средне-черноземнымъ губерніямъ возросли: по Воронежской губерніи до 40%, а по Орловской—81%; въ восточныхъ же губерніяхъ отношеніе недоимокъ къ окладу составило: по Уфимской—115%, по Оренбургской—135%, по Казанской—165% и по Самарской—240% [1]). Къ 1891 г. сплошной неурожай хлѣбовъ и кормовыхъ травъ постигъ обширный раіонъ изъ шестнадцати губерній (средне-черноземныя, восточныя и Нижегородская). Послѣдствія этого неурожая были ужасны, потому что ему подверглось населеніе, не только не имѣвшее никакихъ запасовъ, но и такъ перебивавшееся со дня на день. Въ бѣдствіи этомъ были и другіе тревожные признаки, съ которыми нельзя было бороться временными пожертвованіями. Картина крестьянскаго хозяйства, которая развернулась во время и послѣ неурожая, представила рядъ указаній на основныя, коренныя причины упадка этого хозяйства,—на ослабленіе экономическихъ силъ крестьянства непомѣрными платежами и въ особенности непроизводительнымъ способомъ взысканія ихъ, на дробленіе и истощеніе надѣльныхъ земель.

При такихъ условіяхъ, ближайшими задачами экономической политики по крестьянскому вопросу должны были сдѣлаться: отысканіе какого-нибудь выхода изъ надѣльной тѣсноты и облег-

---

[1]) Ѳ. Г. Терперъ. Государство и землевладѣніе.

ченіе крестьянскаго податного бремени, которое должно было еще увеличиться послѣ неурожайныхъ лѣтъ, вслѣдствіе новаго накопленія недоимокъ по существующимъ платежамъ и обремененія крестьянъ новымъ продовольственнымъ долгомъ.

Исполненію этихъ задачъ посвящены были разнообразныя правительственныя мѣропріятія девяностыхъ годовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ отдѣльному ихъ разсмотрѣнію, нельзя не отмѣтить въ нихъ одной общей черты, свойственной тому періоду, въ теченіе котораго они состоялись. То особое представленіе о крестьянскомъ сословіи, которое унаслѣдовано было разсматриваемымъ періодомъ отъ восьмидесятыхъ годовъ, а именно представленіе о крестьянахъ, какъ объ особомъ государственномъ классѣ, составляющемъ преимущественную платежную силу государства и получающемъ, поэтому, отъ государства земельное обезпеченіе, главнымъ образомъ, для несенія платежныхъ обязанностей, должно было, конечно, поставить въ извѣстные предѣлы правительственную дѣятельность по увеличенію размѣровъ крестьянскаго землепользованія и по облегченію крестьянскихъ повинностей. Эти предѣлы и опредѣлились, съ одной стороны, понятіемъ особаго надѣльнаго землепользованія, а съ другой стороны—пріуроченіемъ размѣра земельныхъ повинностей крестьянъ не къ размѣрамъ нормальной земельной ренты, а къ крайнимъ границамъ платежной способности крестьянъ.

Естественно поэтому, что при избраніи способовъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія не только не было обращено особаго вниманія на развитіе дѣятельности крестьянскаго банка, черезъ посредство котораго крестьяне пріобрѣтали землю въ собственность, но дѣятельность этого банка даже подверглась нѣкоторымъ временнымъ ограниченіямъ. Уже въ 1890 г. приняты были мѣры для сокращенія производившихся, при посредствѣ банка, такъ называемыхъ, „переселенческихъ покупокъ“, а также для увеличенія единовременныхъ доплатъ изъ средствъ покупщиковъ. Затѣмъ, въ началѣ 1893 г. составленъ былъ проектъ новаго устава банка, въ которомъ банку ставилась скромная задача развитія одной только мелкой земельной собственности крестьянъ и совершенно исключалось изъ операцій банка содѣйствіе земельнымъ пріобрѣтеніямъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ и товариществъ. Только вслѣдствіе энергичной защиты такихъ операцій, онѣ сохранились въ новомъ уставѣ банка, изданномъ 27 ноября 1895 г. (12.195). Но, въ измѣненіе прежняго устава, размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ на каждую семью, опредѣленъ былъ не денежной, но земельной нормой, а именно тѣмъ количествомъ

земли, которое можетъ быть обработано наличными силами покупщика и его семьи [1]).

Особенное вниманіе, въ смыслѣ способа увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, обращено было въ теченіе разсматриваемаго періода на переселенія.

Общій законъ о добровольныхъ переселеніяхъ крестьянъ и мѣщанъ-земледѣльцевъ на казенныя земли былъ изданъ еще въ предшествующій періодъ, а именно 13 іюля 1889 г. (6.198), но, по содержанію своему, этотъ законъ всецѣло относится къ экономической политикѣ девяностыхъ годовъ, составляя лишь нѣсколько ее опередившее начало этой политики, а кромѣ того дѣйствительное и широкое примѣненіе указанный законъ получилъ только въ половинѣ девяностыхъ годовъ, послѣ учрежденія комитета сибирской желѣзной дороги. По Высочайшему повелѣнію 14 января 1893 г. о приведеніи къ концу сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, на упомянутый комитетъ возложено было, между прочимъ, осуществленіе предположеній, способствующихъ заселенію и промышленному развитію Сибири. Изъ средствъ, ассигнуемыхъ на такія „вспомогательныя по сибирской дорогѣ предпріятія“, переселенческое дѣло получило источникъ для производства необходимыхъ расходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по закону 15 апрѣля 1896 г., изданному въ дополненіе и развитіе закона 13 іюля 1889 г., руководство переселенческимъ дѣломъ, разбитое ранѣе между министерствами государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, сосредоточено было въ завѣдываніи послѣдняго министерства, причемъ въ составѣ его образовано было для этой цѣли, 2 декабря 1896 г., особое переселенческое управленіе.

Согласно приведеннымъ выше узаконеніямъ и нѣкоторымъ, дополнительнымъ къ нимъ, законодательнымъ и административнымъ распоряженіямъ, переселенческое дѣло получило, въ общихъ чертахъ, слѣдующую постановку.

Лица, желающія переселиться на свободныя казенныя земли, должны испросить для этого административное разрѣшеніе, которое освобождаетъ ихъ отъ обязанности исходатайствованія увольнительныхъ приговоровъ отъ подлежащихъ обществъ. Получившія указанное разрѣшеніе лица посылаютъ, затѣмъ, ходоковъ въ намѣченныя ими мѣстности, для пріисканія и осмотра переселенческихъ участковъ, которые заготовляются на казенныхъ земляхъ. Отправляемые будущими переселенцами ходоки пользуются правомъ льготнаго проѣзда по переселенческому та-

---

[1]) Подобная же норма была позднѣе введена, по закону 20 апрѣля 1898 г., для покупокъ крестьянами башкирскихъ земель.

рифу. Для предварительнаго ознакомленія ходоковъ и будущихъ переселенцевъ съ мѣстами водворенія издаются періодически, написанныя доступнымъ для крестьянъ языкомъ, дешевыя брошюрки, которыя распространяются въ большомъ числѣ экземпляровъ. Выбранные ходоками, при содѣйствіи мѣстныхъ переселенческихъ агентовъ, участки зачисляются за ними на извѣстный срокъ. Затѣмъ переселяющіяся семейства снабжаются проходными свидѣтельствами, которыя даютъ имъ право на льготный проѣздъ до мѣста новаго водворенія. На родинѣ переселенцы обязываются сдать свои надѣлы, безвозмездно, въ пользу подлежащихъ обществъ, причемъ на эти общества переходитъ обязанность уплаты выкупныхъ платежей за эти надѣлы, а также погашенія накопившихся на нихъ недоимокъ. По водвореніи въ мѣстахъ новаго поселенія, переселенцы совершенно исключаются изъ состава прежнихъ обществъ и соединяются въ новыя сельскія общества и волости, на общемъ основаніи. При этомъ переселенцы изъ мѣщанъ обязательно перечисляются въ крестьянское сословіе. Участки казенной земли отводятся переселенцамъ не въ собственность, а въ пользованіе, согласно опредѣленнымъ семейнымъ нормамъ [1]).

Въ связи съ постепенной колонизаціей Сибири, послѣдовало изданіе законодательныхъ актовъ, опредѣляющихъ окончательное земельное устройство какъ переселенцевъ, такъ и коренного крестьянскаго населенія сибирскихъ губерній и областей, а равнымъ образомъ—и условія административнаго завѣдыванія всѣмъ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ.

Такъ, закономъ 23 мая 1895 г. (12.998) установлены были— „главныя основанія поземельнаго устройства крестьянъ и инородцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ губерній Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской“, причемъ эти „главныя основанія“ получили затѣмъ дальнѣйшее развитіе въ „правилахъ“ 4 іюня 1898 г. (15.539). Далѣе, главныя основанія поземельнаго устройства крестьянъ и инородцевъ, водворившихся въ Алтайскомъ округѣ на земляхъ кабинета Его Величества, а также подробныя къ этимъ „основаніямъ“ правила установлены были 31 мая 1899 г. (16.991). Наконецъ 5 іюня 1900 г. утверждены

---

[1]) 6 іюня 1904 г. Высочайше утверждены новыя временныя правила о переселеніи, которыми внесены нижеслѣдующія наиболѣе существенныя измѣненія въ постановку переселенческаго дѣла: переселенцамъ предоставлено право продавать свои надѣлы обществу, либо однообщественникамъ; состоящія на переселенцахъ недоимки въ казенныхъ сборахъ и въ имперскій продовольственный капиталъ слагаются со счетовъ; при нѣкоторыхъ условіяхъ переселенцы пользуются не только содѣйствіемъ, но различными пособіями отъ правительства.

были главныя основанія поземельнаго устройства крестьянъ и инородцевъ въ Забайкальской области (собр. узак., 1508).

Согласно перечисленнымъ узаконеніямъ, крестьяне и инородцы (кромѣ бродячихъ) получаютъ въ указанныхъ мѣстностяхъ опредѣленные надѣлы земли и лѣса. Надѣлы эти отводятся по сельскимъ обществамъ и селеніямъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы на каждую мужскую наличную душу этихъ обществъ или селеній приходилось не свыше 15 десятинъ. Отводимые надѣлы поступаютъ не въ собственность, а въ пользованіе крестьянъ, не только безъ права отчужденія, но и безъ права выкупа этихъ надѣловъ. Поэтому устанавливаемые упомянутыми узаконеніями акты поземельнаго устройства крестьянъ получили, въ отличіе отъ существующихъ названій подобныхъ актовъ (уставныя грамоты, выкупные акты и владѣнныя записи), новое наименованіе „отводныхъ записей“.

Что касается административнаго устройства сибирскихъ переселенцевъ и казенныхъ крестьянъ, то, независимо отъ соединенія ихъ въ сельскія общества и волости, на нихъ распространено было дѣйствіе главныхъ началъ положенія о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. А именно, согласно закону 2 іюня 1898 г. (15.503), въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ учреждены были должности крестьянскихъ начальниковъ, которые отличаются отъ земскихъ начальниковъ только значительно ограниченной судебной компетенціей [1]), но пользуются тѣми же прерогативами попечительства надъ крестьянами и крестьянскимъ управленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственныя узаконеніямъ 12 іюля 1889 г. особенности внесены были также въ устройство и порядокъ дѣйствій волостныхъ и сельскихъ учрежденій (въ томъ числѣ—и волостного суда).

Такимъ образомъ, колонизаціонно-переселенческія и поземельно-устроительныя мѣропріятія разсматриваемаго періода, въ которыхъ выразились заботы о земельномъ обезпеченіи крестьянства, воспринялн явный отпечатокъ „боевыхъ“ принциповъ предшествующей эпохи: пріуроченія крестьянъ не къ землевладѣнію, вообще, а къ „надѣлу“, въ особенности, при одновремен-

---

[1]) Согласно ст. ст. 36 и 37 врем. пол. о крест. нач., къ вѣдѣнію крест. нач. по гражд. дѣламъ отнесенъ только разборъ, превышающихъ подсудность волостныхъ судовъ, споровъ на сумму до двухъ тысячъ рублей: а) по найму на сельскохозяйственныя работы и должности; б) по отдачѣ въ наемъ земель и оброчныхъ статей, безъ крѣпостныхъ актовъ; в) по пользованію надѣльными угодьями и г) по потравамъ. По уголовнымъ дѣламъ компетенція крестьянскихъ начальниковъ еще болѣе ограничена (ст. 41) и распространяется, какъ и гражданская ихъ компетенція, только на лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому управленію.

помъ соединеніи съ надѣльно-крестьянскимъ землепользованіемъ разнообразныхъ особенностей общественнаго и административнаго устройства.

Переселенецъ, уходя изъ стѣснительныхъ условій надѣльнаго землепользованія на родинѣ, встрѣчаетъ въ новомъ мѣстѣ водворенія уже не свободныя условія земельно-общественнаго устройства, въ составѣ поземельныхъ товариществъ, какъ это было при переселеніяхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка, а тѣ же надѣльныя условія, только при относительно большемъ земельномъ просторѣ. Онъ только мѣняетъ одинъ надѣлъ на другой, болѣе просторный. На этомъ новомъ надѣлѣ встрѣчаютъ его непостижимымъ образомъ переселенныя вмѣстѣ съ нимъ, сословныя сельскія общества и волости, образуемыя по правиламъ положеній 1861 г. объ устройствѣ временно-обязанныхъ помѣщичьихъ крестьянъ: далѣе—волостной судъ, установленный по временнымъ правиламъ 12 іюля 1889 г. для мѣстностей, гдѣ вводились земскіе начальники; затѣмъ—попечительная власть учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и наконецъ—неотчуждаемость надѣльныхъ земель..

Обращаясь къ тѣмъ мѣропріятіямъ разсматриваемаго періода, которыя относились къ податной политикѣ, слѣдуетъ отмѣтить, въ этомъ отношеніи, отдѣльно: 1) акты, касавшіеся собственно облегченія податного бремени крестьянъ, и 2) измѣненія въ способахъ взысканія денежныхъ повинностей съ крестьянъ. Къ первой категоріи принадлежатъ узаконенія: 7 февраля 1894 г. (10.328), 13 мая 1896 г. (12.933) и 31 мая 1899 г. (16.983)—о льготахъ по взносу выкупныхъ платежей и по уплатѣ выкупного долга, а ко второй—положеніе 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ (17.286) и законъ 12 марта 1903 г. (собр. узак., 356) объ отмѣнѣ круговой поруки.

Согласно закону 7 февраля 1894 г., министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (а въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ военному министру—по соглашенію съ послѣднимъ) предоставлено было разрѣшать разсрочку накопившихся на крестьянахъ громадныхъ выкупныхъ недоимокъ (около 100 мил. руб.) путемъ установленія уплаты ихъ ежегодными опредѣленными взносами, вмѣстѣ съ текущими окладами, а въ особо уважительныхъ случаяхъ—допускать отсрочку взысканія недоимокъ за надѣлы выкупного періода.

Затѣмъ, по закону 13 мая 1896 г., предоставлено было тѣмъ же министрамъ, по взаимному ихъ соглашенію, въ цѣляхъ пониженія текущихъ окладовъ выкупныхъ платежей, разрѣшать, по ходатайствамъ сельскихъ обществъ и подворныхъ владѣльцевъ, пересрочку на болѣе продолжительные періоды непогашен-

ныхъ еще частей выкупного долга, т. е. другими словами—уменьшать оклады выкупныхъ платежей, при одновременномъ удлиненіи выкупныхъ періодовъ. Законъ этотъ не получилъ первоначально широкаго примѣненія, потому что установленныя имъ условія пересрочки оказывались очень мало выгодными для крестьянъ. А именно, пересрочка выкупного долга обусловлена была въ этомъ законѣ начисленіемъ новыхъ процентовъ на пересроченную сумму ($4^1/_2$ % при пересрочкѣ на 56 лѣтъ, 5%—на 41 годъ и 6%—на 28 лѣтъ). Поэтому, а также въ виду несоотвѣтствія предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ только трехъ, указанныхъ выше, періодовъ пересрочки разнообразнымъ экономическимъ условіямъ отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, ходатайства отъ этихъ обществъ о пересрочкѣ поступали очень туго. Общества предпочитали накапливать недоимки, расчитывая на безпроцентную ихъ отстрочку по правиламъ закона 7 февраля 1894 г.

Въ виду такихъ обнаруженныхъ на практикѣ, неудобствъ закона 13 мая 1896 г., по закону 31 мая 1899 г. установлены были новыя, болѣе льготныя правила пересрочки выкупного долга, а именно—пересрочка, за проценты, только части непогашеннаго долга, съ безпроцентной отсрочкой остальной ея части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстнымъ учрежденіямъ вмѣнено было въ обязанность разъяснять неисправнымъ селеніямъ, не возбудившимъ ходатайствъ о предоставленіи имъ указанныхъ льготъ, важное значеніе этихъ льготъ.

Въ самомъ текстѣ приведенныхъ законовъ не упоминается прямо: направлены-ли эти законы къ согласованію выкупныхъ платежей съ цѣнностью и доходностью выкупаемыхъ земель, или же только съ условіями платежной способности крестьянъ, опредѣляемой не только земельными ихъ доходами, но также и постороннимъ заработками. То обстоятельство, что для пониженія выкупныхъ платежей избранъ былъ въ указанныхъ законахъ не прямой путь уменьшенія этихъ платежей въ соотвѣтствіе съ доходностью надѣловъ, а косвенный способъ пересрочки выкупного долга, безъ измѣненія его основного размѣра, должно бы, однако, склонять къ мысли, что въ этомъ случаѣ преслѣдовалась лишь вторая цѣль. Предположеніе это вполнѣ подтверждается содержаніемъ инструкціи 17 іюля 1899 г. о порядкѣ примѣненія упомянутыхъ законовъ 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. А именно, этой инструкціей введены въ число признаковъ или основаній, согласно которымъ разрѣшаются ходатайства крестьянъ о податныхъ льготахъ, не только условія ихъ надѣльнаго землепользованія (количество, качество и расположеніе надѣльныхъ земель), но и посторонніе условія экономическаго ихъ быта, какъ-то—наличность и количество внѣнадѣльныхъ земель, состояніе ско-

товодства, мѣстные и отхожіе заработки и т. п. Удовлетворительное положеніе этихъ привходящихъ сторонъ крестьянскаго хозяйства можетъ служить, согласно инструкціи, и въ дѣйствительности служитъ нерѣдко, основаніемъ для сокращенія и ограниченія просимыхъ крестьянами льготъ.

Та же тенденція — сообразовать крестьянскіе поземельные платежи съ общими условіями личной ихъ платежной способности—отразилась и въ положеніи 23 іюня 1899 г., имѣющемъ, однако, какъ и указанные выше законы, много другихъ, хорошихъ сторонъ.

Къ числу положительныхъ пріобрѣтеній этого закона, предназначеннаго для упорядоченія самаго способа взысканія денежныхъ повинностей съ крестьянъ, должны быть отнесены: устраненіе полиціи отъ взысканія окладныхъ сборовъ, съ передачей этого дѣла въ вѣдѣніе податной инспекціи, совмѣстно съ земскими начальниками; исключеніе изъ способовъ взысканія повинностей — непосредственнаго, личнаго наказанія недоимщиковъ арестомъ или штрафомъ; техническія улучшенія въ порядкѣ продажи крестьянскаго имущества на пополненіе недоборовъ и недоимокъ; сокращеніе предѣловъ примѣненія круговой поруки и т. п.

Одной изъ отрицательныхъ сторонъ упомянутаго закона является укрѣпленіе понятія, что крестьянскіе окладные сборы лежатъ не на надѣлахъ, а на личности плательщиковъ. Этому понятію соотвѣтствуютъ установленныя въ указанномъ законѣ правила раскладки окладныхъ сборовъ, причитающихся съ надѣльныхъ земель, не по размѣрамъ надѣльнаго землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, а вообще по признакамъ ихъ платежной способности, какъ-то: по числу работниковъ, по количеству рогатаго скота, по неземледѣльческимъ заработкамъ и промысламъ и т. п. (ст. 14). Вполнѣ согласна также съ этимъ понятіемъ предусмотрѣнная положеніемъ 23 іюня 1899 г. градація мѣръ по взысканію недоборовъ и недоимокъ, ибо въ числѣ этихъ мѣръ, ранѣе обращенія взысканій на надѣльное имущество неисправныхъ плательщиковъ, стоятъ: арестъ заработной платы, получаемой неисправнымъ домохозяиномъ и членами его двора (хотя бы находящимися въ отлучкахъ); далѣе—арестъ принадлежащихъ ему, или предстоящихъ къ полученію денежныхъ суммъ; назначеніе къ нему опекуна или попечителя о его хозяйствѣ и т. д.

Затѣмъ, неблагопріятной стороной закона 23 іюня 1899 г. должно быть признано крайнее обремененіе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія мелочными и многочисленными обязанностями по взысканію окладныхъ сборовъ, въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что дѣятельность этихъ должностныхъ лицъ получила почти исключительно фискальный характеръ.

Вообще вся тщательная и мелочно-обдуманная организація податного дѣла, установленная закономъ 23 іюня 1899 г., и многочисленность должностныхъ лицъ и учрежденій, привлеченныхъ къ этому дѣлу,—указываютъ, что крестьянская податная часть еще очень далека отъ нормальныхъ условій взиманія государственныхъ налоговъ. Правительственная власть отказалась отъ „выколачиванія“ этихъ налоговъ, но не могла перейти къ простому ихъ „взиманію“, а остановилась на полпути—на „выбираніи“ ихъ.

По закону 12 марта 1903 г. отмѣнена была круговая порука, очень рѣдко примѣнявшаяся за послѣднее время, и дѣло выбиранія податей еще болѣе индивидуализировалось, еще болѣе усложнилось, требуя все большаго и большаго развитія фискальной организаціи, а также ближайшаго подчиненія ей всѣхъ исполнительныхъ органовъ крестьянскаго управленія.

VIII.

Устраивая въ хозяйственномъ отношеніи надѣльно-податное крестьянское государство, необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ дать этому обособленному государству юридическій кодексъ, котораго оно не получило отъ эпохи „малыхъ реформъ“ восьмидесятыхъ годовъ, когда устанавливалось бытіе этого государства и намѣчены были основныя его черты.

Поэтому неудивительно, что пересмотръ и дополненіе крестьянскаго законодательства составили предметъ особой заботы высшихъ правительственныхъ сферъ съ самаго начала девяностыхъ годовъ.

Впервые мысль о необходимости пересмотра узаконеній о крестьянахъ была высказана въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи проекта министерства внутреннихъ дѣлъ о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Отмѣчая „неполноту“ крестьянскаго законодательства, несоотвѣтствующаго „новымъ потребностямъ крестьянской среды“ и „усложнившимся условіямъ крестьянскаго быта“, соединенные департаменты государственнаго совѣта поставили вопросъ объ „общемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ“, причемъ указывали, что „трудъ сей долженъ обнять всѣ стороны сельскаго быта и коснуться наиболѣе существенныхъ и жизненныхъ интересовъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія“. Относительно порядка направленія работъ по пересмотру, соединенные департаменты высказывались, что работы эти было бы всего цѣлесообразнѣе возложить „на особую внѣвѣдомственную коммисію, съ привлеченіемъ въ нее

мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ дѣломъ". Не предрѣшая въ подробностяхъ правилъ о составѣ и о порядкѣ дѣйствій такой коммиссіи, соединенные департаменты полагали, что испрошеніе по этимъ предметамъ Высочайшихъ указаній должно принадлежать министру внутреннихъ дѣлъ [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ высказанныхъ въ государственномъ совѣтѣ предположеній о пересмотрѣ крестьянскаго законодательства явились подготовительныя по этому вопросу работы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ особыхъ, образованныхъ на мѣстахъ, губернскихъ совѣщаніяхъ, въ составъ которыхъ вошли, по преимуществу, мѣстныя административныя должностныя лица.

На обсужденіе этихъ совѣщаній, при циркулярѣ министерства отъ 7 іюня 1894 г., разослана была особая программа вопросовъ по пересмотру крестьянскаго законодательства. Изъ 66 вопросовъ, помѣщенныхъ въ программѣ, не было ни одного, который бы касался коренныхъ основаній крестьянскаго устройства, или какихъ-либо общихъ, связанныхъ съ нимъ мѣропріятій. Предложенные на обсужденіе совѣщаній вопросы относились лишь къ частичнымъ усовершенствованіямъ этого устройства, при неизмѣнномъ сохраненіи главныхъ его основаній. А именно, на разсмотрѣніе совѣщаній предложены были вопросы: о размѣрахъ сельскихъ обществъ и волостей, о составѣ волостныхъ, сельскихъ и селенныхъ сходовъ, объ условіяхъ службы волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, о порядкѣ пріема въ сельскія общества и волости, а также объ увольненіи изъ нихъ, о передѣлахъ мірской земли и другихъ условіяхъ землепользованія, о семейныхъ раздѣлахъ, объ опекахъ и о нотаріальной части въ селеніяхъ.

Губернскія совѣщанія, поставленныя въ такіе тѣсные предѣлы, дали очень много чисто-техническихъ отвѣтовъ и отзывовъ и очень мало затронули коренные вопросы крестьянскаго экономическаго и правового порядка [2]).

Наиболѣе интересными представляются заключенія губернскихъ совѣщаній о селенныхъ сходахъ, о постановкѣ общественной службы, о семейныхъ раздѣлахъ и объ общинномъ землепользованіи.

Въ заключеніяхъ совѣщаній о селенныхъ сходахъ, хотя и не вполнѣ ясно, но довольно настойчиво проводится мысль, противо-

---

[1]) „Журн. соед. деп." 1893 г. № 77.

[2]) Сводъ заключеній губ. совѣщаній изданъ былъ въ 1897 г. земскимъ отдѣломъ мин. вн. дѣлъ. Краткое извлеченіе изъ этого свода имѣется въ книжкѣ И. С. Толмачева—„Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей", М. 1903 г.

рѣчащая всему существующему построенію сельскаго управленія, а именно мысль объ особомъ устройствѣ земельныхъ и селенныхъ обществъ, съ пріуроченіемъ первыхъ—къ единицамъ землевладѣнія, а вторыхъ—къ населеннымъ пунктамъ. При этомъ, одно изъ совѣщаній (Ярославское) попыталось даже пойти навстрѣчу всесословной организаціи селенныхъ обществъ, путемъ включенія въ ихъ составъ мѣстныхъ жителей непривилегированныхъ состояній.

Уровень личнаго состава и бытовое положеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія признаны были, въ совѣщаніяхъ, очень мало удовлетворительными. Для улучшенія постановки сельской и волостной службы совѣщанія, однако, не могли проектировать никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, но, въ громадномъ большинствѣ, высказались противъ помѣщеннаго въ программѣ предположенія о замѣнѣ выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ—назначеніемъ ихъ по распоряженію административныхъ учрежденій.

Въ сужденіяхъ своихъ объ увольненіи изъ сельскихъ обществъ, совѣщанія вообще стояли за возможное облегченіе условій этого увольненія, указывая, что для экономическаго развитія страны было бы гораздо выгоднѣе, если бы избытокъ деревенскаго населенія, вмѣсто безплоднаго скитанія для отхожихъ промысловъ, обратился бы къ постояннымъ, не земледѣльческимъ занятіямъ.

Законъ о семейныхъ раздѣлахъ 18 марта 1886 г. вызвалъ въ тѣхъ совѣщаніяхъ, которыя посвятили ему болѣе или менѣе подробное обсужденіе, довольно единодушное порицаніе. Въ заключительныхъ выводахъ, однако, только очень немногія совѣщанія остановились на совершенной отмѣнѣ этого закона, а большинство ограничилось проектированіемъ къ нему разныхъ частныхъ поправокъ.

Выраженная въ программѣ, разосланной на заключеніе совѣщаній, тенденція къ поощренію перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному не встрѣтила сочувствія въ большинствѣ совѣщаній. Многія совѣщанія удостовѣряли не только крѣпость и устойчивость общиннаго землевладѣнія, но и значительныя преимущества его передъ подворнымъ землевладѣніемъ, въ земельно-экономическомъ отношеніи. При этомъ, что касается оцѣнки закона 8 іюля 1893 г., изданнаго для регламентаціи общинной формы землевладѣнія, то по этому вопросу мнѣнія совѣщаній разошлись: одни признали указанный законъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, а другія полагали, что распоряженіе и пользованіе мірской землей должны быть свободны отъ всякой регламентаціи. Нѣкоторыя совѣщанія даже находили, что законъ

8 іюня 1898 г. знаменуетъ собою насильственный приступъ къ упраздненію общиннаго землевладѣнія.

Послѣ изданія свода заключеній губернскихъ совѣщаній, дальнѣйшія работы по пересмотру крестьянскаго законодательства временно пріостановились. Относительно направленія этихъ работъ возникали только разныя предположенія, изъ которыхъ ни одно не осуществилось.

Наконецъ, въ прибавленіи къ № 11 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1902 г., появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ указывалось, что, по обсужденіи вопроса „о дальнѣйшемъ движеніи пересмотра узаконеній о крестьянахъ“, признано было необходимымъ—„задачей такой законодательной работы поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе“.

Оставляя въ сторонѣ приведенную въ указанномъ сообщеніи ссылку на „основныя начала 1861 г.“ и на „дальнѣйшее ихъ развитіе“, такъ какъ понятія эти далеко не согласовались съ выраженнымъ въ томъ же сообщеніи намѣреніемъ произвести лишь „частичный“ пересмотръ крестьянскаго законодательства, которое уже стояло въ то время въ полномъ противорѣчіи съ этими „началами“ и въ особенности съ ихъ „развитіемъ“,—слѣдуетъ признать, на основаніи дальнѣйшаго текста того же сообщенія, что предпринимаемый пересмотръ ограничивался простымъ усовершенствованіемъ тѣхъ отдѣловъ крестьянскаго законодательства, которые касались: а) общественнаго крестьянскаго управленія, б) землепользованія и гражданскихъ правъ сельскихъ обывателей, в) общественнаго хозяйства крестьянъ и г) волостного суда.

Въ указанномъ правительственномъ сообщеніи намѣченъ былъ также порядокъ работъ по пересмотру: предварительное составленіе проектовъ новыхъ узаконеній чинами министерства внутреннихъ дѣлъ; соображеніе этихъ проектовъ въ редакціонной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра; окончательное разсмотрѣніе исправленныхъ проектовъ въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ приглашенныхъ губернаторовъ, предводителей дворянства, представителей постороннихъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, участіе которыхъ въ совѣщаніи признано будетъ полезнымъ; наконецъ—составленіе министерствомъ, послѣ обсужденія проектовъ въ

указанномъ совѣщаніи, законодательныхъ представленіи и внесеніе ихъ въ государственный совѣтъ.

Указанный порядокъ пересмотра узаконеній о крестьянахъ былъ, однако, въ томъ же году существенно измѣненъ. А именно: Государемъ Императоромъ объявлено было въ августѣ мѣсяцѣ 1902 г., въ рѣчи курскимъ дворянамъ, что соображаемые въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проекты пересмотра будутъ переданы на мѣста, для обсужденія ихъ при участіи дворянства и земства. Это Высочайшее соизволеніе было затѣмъ повторено въ манифестѣ 26 февраля 1903 г., въ которомъ указывалось, что—„труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи“—имѣютъ быть переданы—„на мѣста, для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ“.

Между тѣмъ, пока еще работала редакціонная коммисія министерства внутреннихъ дѣлъ, независимое отъ этихъ работъ обсужденіе крестьянскаго вопроса состоялось, внѣ намѣченной программы, въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Указанные комитеты образованы были по распоряженію Высочайше учрежденнаго 23 января 1902 г. особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, для предварительнаго, мѣстнаго обсужденія этихъ нуждъ и потребностей. Такъ какъ въ программу занятій этихъ комитетовъ входило, между прочимъ, обсужденіе положенія и потребностей крестьянскаго хозяйства, а съ другой стороны—это хозяйство оказалось въ особенно ненормальныхъ условіяхъ, то во многихъ комитетахъ центръ тяжести ихъ работъ перемѣстился въ разсмотрѣніе экономическихъ нуждъ крестьянства. Изслѣдуя эти нужды, комитеты пришли къ заключенію, что крестьянство далеко не благоденствуетъ въ предѣлахъ того, состоящаго подъ опекой крестьянскихъ учрежденій, надѣльно-податного государства, въ которомъ заключена крестьянская жизнь. Отъ этой посылки являлся вполнѣ естественнымъ переходъ къ мысли—не заключается ли упадокъ крестьянскаго хозяйства именно въ правовыхъ условіяхъ указаннаго обособленнаго бытія крестьянъ? На развитіи и выясненіи этой мысли комитеты остановились съ особеннымъ вниманіемъ. Впервые, со времени освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, въ общественномъ сознаніи пробудился вопросъ объ общемъ правовомъ положеніи крестьянъ. Разбираясь въ этомъ вопросѣ, комитеты признали, что основными нуждами крестьянства, безъ удовлетворенія которыхъ немыслимо дальнѣйшее его экономическое

и духовное развитіе, являются—освобожденіе его отъ того приниженно-подопечнаго положенія, въ которомъ оно находится; уравненіе его въ правахъ съ другими сословіями; распространеніе на него общихъ законовъ и установленіе одинаковаго, съ другими сословіями, отношенія къ нему закона и администраціи. Для достиженія этихъ цѣлей, которыя формулировались въ общемъ понятіи—„уничтоженія крестьянской обособленности“, комитеты проектировали много разнообразныхъ мѣръ, касающихся всѣхъ сторонъ крестьянскаго быта: преобразованіе крестьянскаго общественнаго управленія на всесословныхъ основаніяхъ; освобожденіе этого управленія и самихъ крестьянъ отъ попечительной власти крестьянскихъ учрежденій; уничтоженіе системы личнаго податного обложенія крестьянъ; подчиненіе крестьянъ дѣйствію общаго суда и общихъ гражданскихъ законовъ; отмѣну тѣлеснаго наказанія, а также и отвѣтственности крестьянъ за такіе проступки, которые не предусмотрѣны общимъ уголовнымъ законодательствомъ; пересмотръ паспортнаго законодательства и уничтоженіе различныхъ особенностей и ограниченій въ публичныхъ правахъ крестьянъ и т. п. [1]).

Къ началу 1904 года закончены были труды редакціонной коммисіи по пересмотру крестьянскаго законодательства и, согласно Высочайшему указу 8 января 1904 г., для обсужденія составленныхъ коммисіей проектовъ образованы губернскія совѣщанія.

Разборъ трудовъ упомянутой редакціонной коммисіи, которые принадлежатъ уже не къ „прошлому“ крестьянскаго вопроса, а къ современной его разработкѣ, отнесенъ, по программѣ настоящаго сборника, ко второму его тому. Затѣмъ, разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса въ губернскихъ совѣщаніяхъ еще не закончилось.

Къ современной разработкѣ крестьянскаго вопроса относится также происходящее нынѣ въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности обсужденіе и соображеніе отзывовъ мѣстныхъ комитетовъ, въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ отзывы эти касаются крестьянскаго дѣла.

Очеркъ общаго движенія и развитія по-реформеннаго законодательства по крестьянскому дѣлу долженъ быть законченъ указаніемъ на два чрезвычайно важные акта Высочайшей воли. Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 11 августа 1904 г. крестья-

---

[1]) Разработку заключеній сельскохозяйственныхъ комитетовъ по указаннымъ вопросамъ см. „Нужды деревни“. Сводъ этихъ заключеній имѣется въ составленномъ А. А. Риттихомъ, для потребностей особаго совѣщанія, извлеченіи изъ подлинныхъ матеріаловъ комитетовъ („Крестьянскій правопорядокъ“).

намъ уже дарованы, въ экономическомъ отношеніи, сложеніе выкупныхъ недоимокъ, и въ правовомъ отношеніи—свобода отъ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ, Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г. повелѣваетъ, чтобы при окончательномъ пересмотрѣ крестьянскаго законодательства, т. е. при окончательномъ разрѣшеніи стародавняго крестьянскаго вопроса, крестьянамъ было бы обезпечено—„положеніе полноправныхъ сельскихъ обывателей“, путемъ—„объединенія законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи“.

Ив. Страховскій.

Опечатки и дополненія.

Стр. 14, снизу строка 2-я—вмѣсто „за обиду“ надо читать: „за муку“.
Стр. 14, снизу строки 3—4—вмѣсто „за обиду“ надо читать: „за муку“.

Стр. 112: въ критической статьѣ г. Павлова-Сильванскаго на книгу г. Трифильева („Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1905 г., № 2), появившейся уже послѣ того какъ наша работа была отпечатана, приведены новыя данныя о размѣрахъ денежнаго оброка въ концѣ XVIII-го вѣка (стр. 416—417).

Стр. 126, снизу строки 19—20. Вмѣсто словъ: „...и продолжались... въ тридцати одной губерніяхъ“ слѣдуетъ читать: „и обнаружились во многихъ губерніяхъ“; свѣдѣнія о числѣ ихъ, сообщенныя г. Трифильевымъ, къ сожалѣнію, нельзя признать безошибочными, что видно изъ вышеуказанной статьи г. Павлова-Сильванскаго (ib., стр. 421—424).

А. Л.-Д.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

[1570]